

РУССКАЯ ДРАМА
ЭПОХИ
А.Н.ОСТРОВСКОГО

РУССКАЯ ДРАМА ЭПОХИ А.Н.ОСТРОВСКОГО

Университетская
библиотека

Редакционная коллегия:

Л. Г. Андреев (*председатель*),
А. К. Авеличев, С. С. Дмитриев, Я. Н. Засурский,
А. Ч. Козаржевский, Ю. С. Кукушкин, В. И. Кулешов,
В. В. Кусков, А. И. Метченко,
П. А. Николаев,
В. И. Семанов, А. А. Тахо-Годи

РУССКАЯ ДРАМА ЭПОХИ А.Н.ОСТРОВСКОГО

Составление, общая редакция,
вступительная статья А. И. Журавлевой

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензенты:

докт. искусствоведческих наук *Е. И. Полякова*,
докт. филологических наук *В. Е. Хализев*

Русская драма эпохи А. Н. Островского. Под ред.
А. И. Журавлевой. М., Изд-во Моск ун-та, 1984,
464 с

В книгу включены произведения писателей-драматургов — современников А. Н. Островского: В. А. Соллогуба, А. А. Потехина, И. Е. Чернышева, Д. В. Аверкиева, Н. Я. Соловьева, П. М. Невежина. Представлена широкая панорама театральной жизни России целой эпохи — с 40-х по 80-е годы XIX века, отражены наиболее важные жанрово-тематические стороны русской драматургии того времени: водевиль, легкая комедия, драматическая пословица, «тенденциозная драма», историческая драма. Издание снабжено вступительной статьей, биографическими статьями об авторах публикуемых пьес, историко-литературным комментарием.

От составителей

В этом издании собраны драматические произведения, написанные во второй половине XIX века. Составитель тома и автор предисловия, авторы комментария, редакторы книги исходили из того, что драма как род искусства равно принадлежит области литературы и области театра. Отсюда — стремление вписать публикуемые драмы в контекст историко-литературных процессов и вместе с тем дать представление о конкретной сценической истории каждой из пьес. Создатели книги не старались добиться полного единообразия в подаче драматического текста; наоборот, хотелось, чтобы сам «графический облик» пьесы пусть в незначительной степени, но отражал индивидуальную манеру драматурга, а в некоторых случаях и тот «срез» театральной культуры, к которому по временному или жанровому принципу относится пьеса.

Текст публикуемых драм приведен в соответствии с действующими грамматическими нормами, однако в некоторых местах сознательно сохранено старое написание.

Звездочками отмечены в тексте слова и выражения, которые объясняются в комментариях. Авторские примечания к тексту даются в постраничных сносках.

Комментарии содержат небольшие справочные статьи о творческой судьбе писателей-драматургов, сведения о первых публикациях и первых постановках предлагаемых читателю пьес; указывается источник их настоящей публикации. Приведены важнейшие критические отзывы о пьесах, о характере отдельных актерских работ.

В издание включены иллюстрации, представляющие литературный и собственно театральный планы книги (портреты драматургов, портреты актеров и т. п.).

РУССКАЯ ДРАМА ЭПОХИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Современному человеку трудно даже представить себе, какое место занимал театр в культурной жизни России XIX века. В эпоху Островского, особенно в конце 40-х — 50-е годы, театр был едва ли не единственной формой некоей общественной сходимости. Он был также поставщиком образцов, эталонов облика и поведения, каким в XX веке стало сначала кино, а потом и телевидение. В театр, как писал Островский, шли и те, кому «по недостатку образования еще недоступно серьезное чтение», и там они впервые приобщались и к современному искусству и к новым для себя проблемам и формам жизни.

Поздравляя Островского с тридцатипятилетним юбилеем его драматургической деятельности, И. А. Гончаров писал: «Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «И у нас есть свой русский, национальный театр». Он по справедливости должен называться: «Театр Островского»¹.

Что значат эти слова, столь часто цитируемые в книгах об Островском? Только ли то, что он как писатель создал целый репертуар для национального театра? Конечно, это — в первую очередь, но и не только это.

Анализируя репертуар русского театра с 1846 по 1861 год, Е. Г. Холодов пишет: «Интерес к оригинальной драме к концу периода настолько велик, что почти полностью подавляет интерес к переводной драматургии. Решительное возобладание на афише отечественной драматургии явилось, несомненно, следствием (и непременно условием) сближения театрального искусства с жизнью русского общества и его назревшими потребностями»². Островский шел навстречу этим потребностям, и само появление его пьес на сцене создало перелом в сознании деятелей театра: сколько бы ни ставилось после этого переводов и переделок, какие бы моды ни захватывали театр, мысль о том, что современная серьезная национальная пьеса должна составлять основу репертуара, прочно укрепилась в сознании публики и критики. Островский, можно сказать, создал престиж современной драме, благодаря успеху его серьезных комедий в театре возник спрос на современную оригинальную драму.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 8. М., 1955, с. 491—492.

² История русского драматического театра, т. 4. М., 1979, с. 45.

нальную пьесу, который стимулировал возникновение целой плеяды театральных писателей.

Создатель национального театра, классик отечественной драматургии, Островский, конечно, навсегда вошел в нашу культуру, и в широком смысле слова «эпоха Островского» в русском театре не кончается. Но в этой книге речь пойдет о другом. Чтобы понять и те пьесы, которые здесь помещены, и особенности судеб их авторов, и даже принципы отбора, по которым пьесы эти включены в сборник, надо представить себе Островского не столько классиком, сколько живым участником литературного процесса, однако таким участником, который многое в нем определяет. Первенство Островского в области драматической литературы было несомненным: одни признавали это с любовью и восхищением, другие с неудовольствием, даже в раздраженных нападках на драматурга чувствовалось признание его безусловного художественного авторитета и его «лидерства».

Творческий путь Островского обрамляется двумя «морскими полосами» (выражение Герцена) русской истории. Начинает драматург в период «мрачного семилетия» николаевского царствования, ожесточенной реакции, последовавшей за европейской революционной волной 1848 года, а последнее пятилетие жизни Островского — это время реакции, наступившей после убийства народовольцами Александра II, время разочарования русского общества в идеологии революционного народничества, годы быстрой капитализации России. Неизбежное следствие этого процесса — неудержимый распад традиционных форм жизни, глубокие изменения в социальной психологии, в быту, в мироощущении людей: происходит как бы «усреднение» человека, исчезают крайности. Если описывать этот процесс, используя созданные Островским классические типы, то можно сказать так: нет уже Тит Титычей (разве что появится какой-нибудь из совершенно глухого угла на потеху столичным «негодичантам», как Иногородной в «Последней жертве»), но нет и характеров, подобных Катерине. Именно поэтому драма буржуазной эпохи — драма «безгеройная». «Трещина» проходит и через души чистых, любимых героинь Островского, заставляя их искупать заблуждения тяжелыми страданиями.

Между этими историческими границами лежат десятилетия расцвета русской литературы и общественной мысли, великая эпоха 60-х годов, на которую приходится и время наибольшего общественного признания Островского.

Не разделяя идей революционной демократии, Островский вместе с тем неизменно оставался на позициях демократического просветительства, оценивая жизнь с точки зрения «народной правды», трудовых слоев. Его редкая мировоззренческая устойчивость, верность этим принципам и была одной из причин постепенного расхождения Островского с современниками в 70-е и особенно 80-е годы. Для радикальных слоев он был слишком умеренным, для быстро растущей прослойки буржуазной интеллигенции — слишком «мужицким», демократическим автором. Его скептичес-

кая беспощадность к идеологической фразе раздражала и не могла нравиться «восьмидесятникам».

Литературная слава пришла к Островскому в 1849 году, еще до публикации комедии «Свои люди — сочтемся!», которая стала известна достаточно широко благодаря устному чтению ее в разных домах автором и П. М. Садовским. А сценическая жизнь его драматургии начинается в 1853 году с премьеры пьесы «Не в свои сани не садись» и последовавшего за ней триумфального успеха комедии «Бедность не порок». Он вступал в русскую культуру на исходе николаевской эпохи как долгожданный реформатор театрального репертуара, а уходил в 80-е годы как художник, мучительно ощутивший разлад с театром и публикой. Показательно, что среди его поздних работ наибольшим сценическим успехом пользовались не такие шедевры, как «Бесприданница», а пьесы, написанные в соавторстве с Соловьевым³.

Как истинно театральный художник, Островский ни в чем не винил публику: он воевал с театральной администрацией, сердился на актерские интриги, но публику считал в целом непричастной к своим неудачам, обманутой и обманутой, как и он сам, организаторами театрального дела и диктаторами репертуарной политики. В исторической перспективе, однако, ясно, что дело обстояло сложнее — и публика, безусловно, была причастна к этому конфликту живого классика сцены с театром, который он, в сущности, создал.

Исследователи русской культуры единодушны в мнении: национальный театр Островскому дано было создать именно потому, что к концу 40-х годов (времени его дебюта) произошли серьезные сдвиги в обществе. Развитие капиталистических отношений вело к демократизации культуры, к постепенному росту культурной прослойки общества, и в связи с этим появился социальный заказ на драму из русской жизни. Успех Островскому при его вступлении на сцену принес именно этот новый демократический зритель. Писатель сознательно ориентировался в своих произведениях на «свежего» зрителя (как сам он называл людей, только приобщающихся к современным формам культуры). С помощью театра он хотел преобразовать человека и таким путем исправить зло жизни. О «свежем зрителе» драматург писал: «Жизнь дает практику его дурным инстинктам, они действуют и приносят материальный барыш и тем оправдываются; надо разбудить в нем и хорошие инстинкты — и это дело искусства и по преимуществу драматического. Оно бессильно только над душами изжившимися; но над теми и все бессильно. Свежую душу театр захватывает властной рукой и ведет, куда хочет. Конечно, действие театра коротко, он не ходит за зрителем по всем его следам; но довольно и тех трех или четырех часов, когда дичок находится под обаянием всемогущего над ним искусства, — уже глубокие борозды культуры

³ История русского драматического театра, т. 5. М., 1980, с. 85.

прошли по его сырому мозгу, уже над дичком совершается культурная прививка»⁴.

Демократическая публика 60-х годов действительно как будто бы оправдывала надежды Островского, но со временем утопический характер просветительских надежд драматурга становится все более очевидным. «Свежего» купеческого зрителя искусству не удалось переделать, верх брала жизнь, которая «давала практику его дурным инстинктам». Постепенно эта группа зрителей Островского превращалась в «премьерную» публику, от которой он не ждал ничего полезного для театра. Что касается радикальной интеллигенции, то ее эстетические вкусы были воспитаны не только Добролюбовым и Чернышевским, но и Писаревым, Антоновичем, Шелгуновым, она ждала от искусства прямой и непосредственной пропаганды передовых идей, и поэтому глубокая аналитичность Островского, его объективность, его все менее открытый дидактизм казались ей несовременными, «отсталыми». «Бессилие творческой мысли» — так называлась статья Н. В. Шелгунова (появилась под псевдонимом: Н. Языков) об Островском.

Этот конфликт позднего Островского с современниками тесно связан с теми процессами, которые наметились к концу 80-х годов в художественной культуре страны в целом. Вечный, непреходящий характер открытий «высокого реализма», в русле которого создавались пьесы Островского, станет ясен через несколько десятилетий, когда его творчество будет осознано как классика.

Итак, мы определили исторические границы употребляемого в этой книге понятия «эпоха Островского». Теперь необходимо сказать несколько слов о составе предлагаемого сборника.

И. С. Тургенев, А. К. Толстой, А. В. Сухово-Кобылин, А. Ф. Писемский — вот, пожалуй, имена, которые прежде всего вспоминаются при словах «драматургия эпохи Островского». Они действительно представляют нашу классическую драму, ту, которая благодаря многим переизданиям прочно вошла в современное читательское сознание. Чаще всего бывает так, что, листая какую-нибудь книгу о писателе, художнике, актере «эпохи Островского» и наталкиваясь на коллективную фотографию, мы привычно читаем подпись: «в центре Островский, третий слева — такой-то», другие остаются для нас безмянными лицами фона. А между тем наши классики жили в литературе отнюдь не так уединенно, как это представляется через столетие после их смерти. Искусство прошлого творилось в живом взаимодействии художников больших, пролагавших пути, и рядовых, тоже честно служивших русской культуре. Расширить границы нашего представления о русской драматургии этой эпохи, сделать для читателя знакомыми не только по имени драматургов, которые соседствуют с классиками, например,

⁴ Островский и А. Н. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1978, с. 137—138. Далее в книге ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра — том, вторая — страница.

во многих театральных мемуарах, в биографиях великих актеров прошлого, — задача этого сборника.

Из написанного и сыгранного на русской сцене почти за полвека отобрано всего девять пьес, очень популярных в свое время, но почти неизвестных нашему читателю. «Сотрудники» (1851) и «Чиновник» (1856) В. А. Соллогуба, «Суд людской — не божий» (1854) и «Мишура» (1858) А. А. Потехина, «Жених из долгового отделения» (1858) И. Е. Чернышева, «Фрол Скабеев» (1869) и «Каширская старина» (1872) Д. В. Аверкиева, «На пороге к делу» (1879) Н. Я. Соловьева, «Вторая молодость» (1887) П. М. Невежина. Всего шесть авторов. Конечно, об исчерпывающей полноте картины говорить не приходится; в данном случае принципиально важно было обозначить историко-литературные узлы, существенные тенденции развития русской драмы, как они сказались не в выдающихся литературных образцах, а в общем литературно-театральном движении эпохи.

В связи с «Сотрудниками» Соллогуба и пьесой Чернышева «Жених из долгового отделения» естественно возникает вопрос об эволюции русского водевиля, о его постепенном растворении в реалистической комедии середины прошлого века.

Очень существенными для истории русского театра и драматургии были предпринятые в 50-е — первой половине 60-х годов попытки воссоздания на театральной сцене народного характера и быта. Вершинными достижениями на этом пути стали «Гроза» Островского и «Горькая судьбина» Писемского. В ряду таких опытов — драма Потехина «Суд людской — не божий».

В эпоху Островского новые рубежи завоевывает историческая драматургия. Наряду с классическими хрониками и трагедиями, созданными А. К. Толстым и А. Н. Островским, появляются пьесы, в которых осваивается частный быт прошлых столетий. Русская история предстает на сцене «домашним образом» (выражение Пушкина). Таковы пьесы «Воевода» Островского, «Самоуправцы» Писемского, «Сват Фадеич» Н. А. Чаева, комедии и драмы Аверкиева.

В середине века начинается формирование так называемой тенденциозной драмы, которая в 70—80-е годы оттесняет в репертуаре пьесы Островского, приобретая популярность злободневностью, видимостью «прямого» ответа на общественно-политические вопросы времени. Из истоков этого жанра уже названные пьесы «Чиновник» и «Мишура», а своеобразным завершением его оказывается, может быть, наименее художественная в нашем сборнике, но очень нашумевшая в свое время «Вторая молодость» Невежина. Пожалуй, наиболее показательны для этого жанра пьесы В. А. Крылова, но его активная роль в театральном репертуаре приходится в основном уже на следующий период, и говорить о творчестве Крылова было бы уместнее в связи с чеховским этапом в истории русского театра. Из пьес же, появившихся в интересующее нас время, более других известна была «Надя Муранова» (1883), о которой Островский отозвался крайне резко, назвав ее

«пошлой, глупой». «А как ему (зрителю.— А. Ж.) отнестись к этой Наде? Что это за Надя? Эту Надю и образованный, и умный человек не разберет: сочувствовать ли ей надо, высечь ли ее следует,— понять никак невозможно...» Крылов был для Островского, можно сказать, «отрицательным образцом» драматического писателя. Именно вслед за резкими суждениями о «Наде Мурановой» в записке «Причины упадка драматического театра в Москве» Островский перечисляет свои основные претензии к тенденциозной драме вообще, видя в этом жанре посприятие достоинства искусства, его самоценного воспитательного значения. «Тенденциозные пьесы некоторыми критиками по недоразумению (или, лучше сказать, по недостатку разумения, по недомыслию) называются культурными; но они некультурны уже потому, что при отсутствии в них жизни и живых образов не производят никакого впечатления и оставляют публику равнодушной. Культурно то, что сильно действует и оставляет в душе глубокие следы; художественные произведения вместе с тем и культурны. Они своими правдивыми и сильно поставленными характерами и типами дают первые правильные отвлечения и обобщения. [...]

Некоторые критики называют тенденциозные пьесы честными, и это неверно. Они не честны, потому что не дают того, что обещают,— художественного наслаждения, т. е. того, зачем люди ходят в театр. Но вместо наслаждения они приносят пользу, дают хорошую мысль? И всякое художественное произведение дает мысль — и не одну, а целую перспективу мыслей, от которых не отделаешься. Голые тенденции и прописные истины недолго удерживаются в уме: они там не закреплены чувством» (X, 193—194).

За исключением Соллогуба, связанного с дворянским этапом развития театра и выразительно представляющего то состояние драматургии, которое застал Островский при своем вступлении в литературу, остальные авторы включенных в книгу пьес на том или ином этапе своего творческого пути оказывались союзниками или прямыми учениками великого драматурга⁵. В связи с этим уместно сказать о так называемой «школе Островского» и о том, в какой мере современному историку культуры целесообразно использовать это понятие.

Выражение «драматургии школы Островского» встречается уже в критике 50-х годов прошлого века (причем синонимом этого понятия было — «купеческая школа драматургии»⁶). Напомним, что над сближением имени Островского с третьестепенными драматургами, писавшими «рубашечные» роли, справедливо иронизировала революционно-демократическая критика. Понятие «школа Островского» встречается и в современных работах. При этом состав «школы» варьируется, иногда в него включают наряду с Чернышевым, Красовским, Потехиным, соавторами Островского, Писемского, а иног-

⁵ См об этом подробнее в биографических статьях

⁶ См: Лотман Л. М. Островский и русская драматургия его времени. М — Л, 1961

да в ней числятся такие драматурги, которые теперь совершенно забыты.

В нашем литературоведении существует понятие «поэты некрасовской школы». Правда, конкретное его наполнение в трудах разных историков литературы не вполне совпадает в деталях, но в целом наличие самого охватываемого им явления общепризнано. Этого нельзя сказать о термине «школа Островского», содержание которого остается недостаточно ясным, и поэтому пользоваться им можно только с оговорками. Прежде всего следует отклонить прямую аналогию с явлением «некрасовской школы» в русской поэзии. Между драматургией Островского и поэзией Некрасова существует очевидная близость в одном: их искусство непосредственно обращено к «простонародному» читателю и зрителю не как «уединенному» от общенациональных интересов сословию (пользуемся выражением Добролюбова о «кольцовском народе»), а как важнейшей стихии общенациональной жизни. Оба этих художника больше других русских классиков сделали для заполнения пропасти между культурой «образованного общества» и культурой народа. Но по отношению к предшествующей литературной традиции положение их совершенно различно. Некрасовская поэзия явилась как новое слово после эпохи расцвета русской лирики. Современниками она воспринималась как явление, противостоящее этому периоду, полемическое по отношению к нему. Пушкин или Некрасов — эта несостоятельная, с нашей точки зрения, альтернатива реально существовала для многих. Ориентация на Некрасова означала сознательный эстетический и идеологический выбор искусства демократического в противовес традиционному дворянскому. По отношению к Островскому этот оттенок тоже существовал, но в неизмеримо менее выраженной форме. Его творчество никогда не воспринималось как противоположное драматургическим произведениям Грибоедова, Пушкина и Гоголя, напротив, в нем видели продолжение и развитие предшествующего. Заметим, что отсутствие такого полемического момента в отношении к традиции, как представляется, во многом просто лишает смысла понятие «школа». Вместе с тем ощущение новизны и в какой-то мере полемичности театра, создаваемого Островским, по отношению к театральной традиции, несомненно, было достаточно острым. Но сферу борьбы составляла не литература, а именно театральный репертуар, сцена.

Островский, чуждый какой-либо национальной ограниченности, на протяжении всей жизни, однако, настойчиво противопоставлял свой театр как национальный, русский тому репертуару, который долгое время преобладал на императорской сцене: переводы и переделки хорошо скроенных пьес и оригинальные пьесы, так сказать, сшитые по «парижским выкройкам»⁷. При этом национальную жизнь Островский понимал как жизнь, имеющую народные корни.

⁷ Напомним, что Островский был неутомимым пропагандистом мировой драматургической классики.

Эта народная основа ощутима и в тех пьесах, где действие развивается в дворянской, чиновничьей среде или в среде «цивилизованной» буржуазии, так как и в них все увидено и осознано с точки зрения народной нравственности. Национальное единство, национальный склад жизни — в драматургии Островского эти понятия очень далеки от идеи межсословной гармонии, от представления о бесконфликтности национального бытия. И этот урок великого драматурга был внятен не только его передовым современникам, но и умеренно либеральному Потехину, и консерватору Аверкиеву. Идиллические сцены из жизни «простолюдов» после появления пьес Островского стали казаться невозможной фальшью.

Условно можно, конечно, называть русскую драматургию, развивающуюся либо под прямым влиянием Островского, либо просто с учетом его открытий и достижений, «школой Островского». Но, думается, по-настоящему необходимости в таком понятии нет.

Если пьесы Соллогуба как бы предваряют «эпоху Островского», предшествуют ей, то Невежин, эпигонски объединивший в своем творчестве попытки подражать Островскому с чертами тенденциозной драмы, знаменует кризис, наступивший в русской драматургии и театре в последние годы жизни великого драматурга и накануне появления пьес Чехова.

* *
*

Обе пьесы Соллогуба, включенные в наш сборник, написаны уже в «эпоху Островского», но типологически они принадлежат предшествующему периоду русской драматической литературы, хотя и несут в себе некоторые черты нового.

Господство водевиля на сцене, дополняемое официозной исторической мелодрамой (Кукольник, Полевой) — следствие государственной репертуарной политики 30—40-х годов. Эта политика имела причины достаточно сложные и была целесообразной с точки зрения тех задач, которые ставило перед собой николаевское правительство.

Отличительная черта последекабрьской реакции — не столько непосредственные репрессии и усиление цензурного гнета (это традиционные способы борьбы с «крамолой»), сколько переход правительства в идеологическое наступление на передовую общественную мысль. Дворянскому вольномыслию Николай I решил противопоставить единство сословного общества, сплоченного вокруг монарха. Разумеется, политика императора была направлена на укрепление именно дворянского государства, но для выполнения этой задачи была создана легенда о монолитности, единстве общества перед лицом отпавших от него вольнодумцев. И этому единству было придано национально-религиозное идеологическое обоснование: знаменитая уваровская трехчленная формула русской исторической общности — «православие, самодержавие, народность». В сложном соотношении с этой идеологической концепцией, ставшей основой официаль-

ной народности, развивалась и русская оппозиционная мысль того периода, когда на литературную арену вступал Островский.

Идея исторического избранничества России как оплота монархического принципа в борьбе с «развратом» буржуазного Запада оформлялась именно в николаевскую эпоху, и она естественно предполагала «оптимистическую» концепцию русской истории как истории дворянского государства. Николаю I очень хотелось трактовать свое царствование как эпоху устойчивости, единения общества, покоя и благоденствия России. Искусству в связи с этим вменялось в обязанность быть жизнерадостным и «патриотическим»⁸. Водевиль и верноподданническая историческая драма как раз и соответствовали этим требованиям. Количественное преобладание на сцене мелодрамы, отмеченное Ю. А. Дмитриевым, анализирувавшим репертуар 1826—1846 годов⁹, можно считать явлением стихийным. Мелодрама со своими демократическими тенденциями (далекими, однако, от реалистического анализа жизни) отвечала запросам массового зрителя, чувствовавшего драматизм бытия и не удовлетворившегося поэтому одним лишь жизнерадостным водевилем. Показательно, что недовольство мелодрамой высказывали не только передовые литераторы реалистического направления (Гоголь, Белинский), но и охранительная критика.

Однако водевиль на сцене 40-х годов во многом не соответствовал ни внутреннему состоянию литературы, ни запросам зрительного зала. В положении искусства в целом и театра в частности происходили неотвратимые перемены. С одной стороны, литература и театр постепенно переставали быть делом материально независимой дворянской интеллигенции. С другой стороны, уже в 30-е годы внимательные наблюдатели отмечают демократизацию зрительного зала и его социальную неоднородность¹⁰.

Несмотря на это, театральный репертуар был все еще обращен словно бы к некоему единому зрителю, который продолжал мыслиться как член «общества», посетитель пусть несколько демократизированного, но все-таки салона, и особенно это относится к комедийному репертуару. Предполагалось, что зрители имеют общий круг сведений и знакомств, живут в одном городе, читают одни и те же газеты и журналы, служат в одном или соседних департаментах, делают покупки в одних и тех же магазинах и посещают одни и те же кондитерские. Такая общность бытовых и культурных впечатлений — необходимое свойство для зрителей водевилей, потому что основа жанрового содержания и по-

⁸ В высшей степени характерна для этого времени острая идеологическая борьба вокруг самого понятия «патриотизм» и вокруг национальной идеи вообще. Романтическая патриархальная утопия славянофилов кажется официальным кругам опасной, не удовлетворяет она и радикально настроенную часть общества. Очень важная фигура в этих спорах — Лермонтов, впервые в литературе четко разделивший понятия «отчизна» и «государство».

⁹ История русского драматического театра, т. 3. М., 1978, с. 39.

¹⁰ См. описание театрального разъезда в «Княгине Лиговской» Лермонтова.

этики водевиля — его злободневность, фельетонность, легкая карикатурность всеми узнаваемых, привычных типов.

«Знакомые незнакомцы» — так был назван один из водевилей Каратыгина. И эта формула как нельзя лучше обозначает важную черту водевильной поэтики, во многом рассчитанной на узнавание залом не только типов, но и каких-то конкретных лиц, эпизодов, современных новостей.

В 40-е годы XIX века граница между водевилем и бытовой комедией постепенно размывается, исчезает такой характерный жанровый признак водевиля, как куплет. Однако принципы водевильного ведения интриги и построения характеров оказываются достаточно стойкими еще и в следующем десятилетии.

Пьеса В. А. Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» имеет авторское определение жанра: «драматическая пословица». Это как будто бы само по себе «осовременивает» пьесу, придает известную эстетическую новизну по сравнению с традиционным водевилем. Ап. Григорьев довольно точно датирует моду на драматические пословицы, захватившую русскую сцену: это период между расцветом натуральной школы и торжеством реалистической бытовой комедии, то есть конец 40—начало 50-х годов. Возрождение этого старинного французского жанра в театре XIX века связывают с именем Альфреда Мюссе, но примечательно, что лучшая драматическая пословица Мюссе «Каприз» впервые была поставлена в Александринском театре (1837) и уже оттуда пришла на французскую сцену в 1847 году. Думается, что в драматической пословице театр и литераторы, для него писавшие, увидели возможность создания малой драматургической формы, не уступавшей водевилю в виртуозности, но более тонкой, «изысканной». В известной мере драматические пословицы предвещали создание психологической драмы. Ее время в русской литературе еще не пришло, но сама потребность в изображении внутренней жизни, тонких душевных движений уже ощущалась.

Ап. Григорьев, бывший вообще противником «светской» литературы (а «пословицы» возникли во Франции из модной салонной игры), дал пародийно заостренное, но точное описание жанра, отметив его основные черты: принадлежность героев к светской среде, «игру в чувство», стремление к тонкости, рафинированности как у героев пьес этого рода, так и у самих авторов¹¹. Самыми совершенными русскими пословицами Григорьев считал пьесы Тургенева «Где тонко, там и рвется» (1847) и «Провинциалка» (1850).

Пьеса Соллогуба действительно по некоторым признакам может быть отнесена к жанру драматической пословицы: ее фабула является как бы иллюстрацией, пояснением к вынесенной в заглавие пословице, а «игра в чувство» — немаловажный фабульный элемент. В остальном же пьеса, бесспорно, гораздо ближе к водевилю. В сущности, это все-таки водевиль, но только лишенный куплетов.

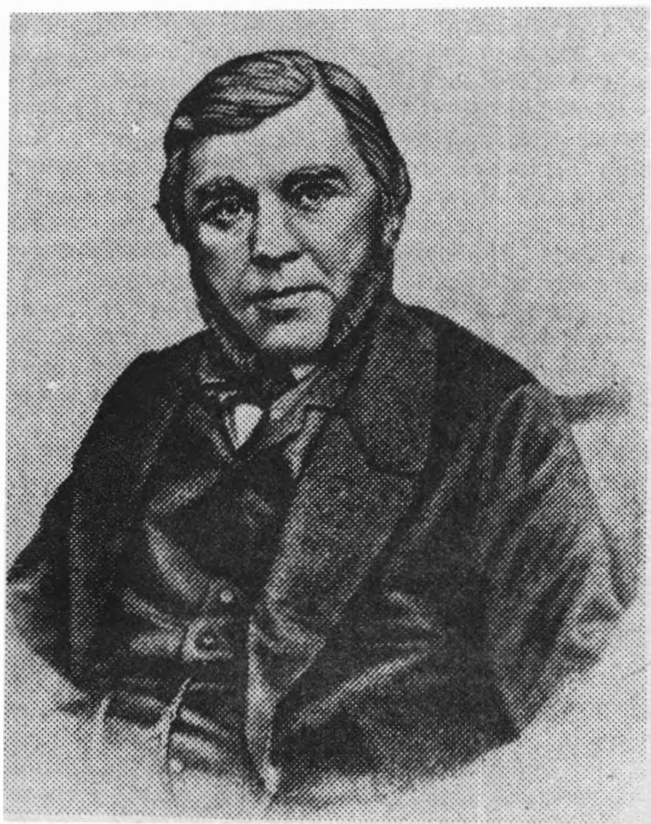
¹¹ См.: Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. М., 1980, с. 373—374.

Типично водевильное свойство — фельетонная злободневность комедии. Все действие строится на комическом осмыслении новостей бытовой и идеологической жизни: открытия железной дороги между Москвой и Петербургом и горячих споров славянофилов с западниками. Причем оба этих явления предстают в чисто житейском преломлении. Открытие регулярного железнодорожного сообщения между столицами позволяет героине съездить из поместья, расположенного где-то в Новгородской губернии, на свидание в Летний сад. «Теперь, ты знаешь, по железной дороге легче съездить в Петербург, чем верст за десять к соседу, проселком», — поясняет Аделаида Павловна сестре. Присущая поэтике водевиля гиперболизация тоже непосредственно вторгается в фабулу. Метафорическое утверждение, что железная дорога «сокращает расстояние», становится условием вероятности происходящих в пьесе событий.

Споры славянофилов и западников, еще недавно бывшие в центре внимания литературных салонов и интеллигентских кружков, здесь предстают в поверхностной анекдотической форме: комические столкновения двух гостей, влюбленных в хозяйек имения, возникают по самым пустяковым поводам, но неизменно возводятся героями в ранг идейных споров. Пародируется при этом не одна какая-нибудь точка зрения, а сам спор как таковой. Зрители смеются над обоими героями, от автора достается и западнику и славянофилу. При этом смешными оказываются и внешние, бытовые проявления каждой из доктрин. Славянофильство Олеговича выражается в манере одеваться, в задорных, непримиримых нападках на все западное, а также и на технический прогресс. Западник Ухарев, усвоивший стиль модного повесы, легкомысленного волокиты, гордящийся своей ловкостью и неотразимостью, приправляет свои ухаживания за героиней рассуждениями о несовременности патриархальных добродетелей.

Говорящие фамилии героев, слуги, зеркально «отражающие» своих хозяев, — все это вполне отвечает традициям водевильной поэтики. Характеры героев — «беглые, но четкие» (так обозначил принципы водевильного изображения человека один из классиков этого жанра Ф. Кони). Соллогуб очень точно подбирает «бытовой типаж» для носителя каждой из идеологий. Славянофил Олегович — совершенно «отвлеченный» человек, мало приспособленный к житейским делам. В Оленьке он видит не живую и смышленную молоденькую институтку, а некое идеальное воплощение русской женщины. Отвлеченность Олеговича комически утрируется в пьесе: он не спешит жениться на героине, ей предстоит подождать семейного счастья, пока возлюбленный напишет еще несколько диссертаций.

Западник Ухарев, как характеризует его героиня пьесы, — «знаменитый русский литератор, [...] а по-настоящему, журналист...» Хотя он ничего не пишет, но издает очень много. «У него работают за него сотрудники». Человек самоуверенный, гордящийся своей

В. А. Соллогуб

трезвостью, Ухарев полагает себя во всем правым и не теряет амбиции при неудачах.

При всех индивидуальных красках герои Соллогуба прочно связаны и с соответствующими водевильными амплуа. Правда, Олегович и Ухарев в меньшей мере (это, так сказать, современные типы столичных жителей, некая новинка, изюминка водевиля), полностью же, совсем «без остатка» укладываются в характеристики-амплуа героини, а также ревнивый, но простоватый муж.

В водевиле Соллогуба множество живых бытовых черточек, особенно в сценах со слугами. Действие развивается стремительно, с типично водевильными *qui pro quo*, записками, попадающими не в те руки, с разговорами, где герои не понимают друг друга или одно и то же понимают по-разному и даже в противоположном смысле.

Комизм, присущий пьесе Соллогуба, имеет ярко выраженные признаки типично салонного остроумия, вырастающего из культивированного искусства беседы. Оставаясь по характеру интриги комедией положений, «Сотрудники» по своей словесной ткани близки эпиграмматическому мышлению. А русская эпиграмма, которая сыграла

очень существенную, еще недостаточно оцененную роль в становлении нашей новой литературы, самым тесным образом связана с культурой дворянского салона.

В водевиле Соллогуба эпиграммы имеют одну особенность: будучи вложены в уста персонажей, они, по существу, принадлежат автору, представляют собой авторскую характеристику героя, в то время как персонаж говорит о себе вполне простодушно. Каждый из героев — Олегович и Ухарев — отмечен такой авторской эпиграммой. Олегович — как славянофил, Ухарев — как журналист-делец.

Когда Ухарев по платью принимает Олеговича за слугу и пытается отдать ему распоряжения, раздосадованный герой сердито кричит: «Нет, это нестерпимо! Я русский человек, а не мужик. Тут большая разница». А Ухарев важно объясняет героине: «Я... русский литератор, следовательно, ни для кого забавен не бывал».

Критики и историки литературы, писавшие о драматических сочинениях Соллогуба, отмечали в его пьесах мастерское построение сюжета и ведение интриги. В одноактной комедии «Чиновник» богатый арсенал условных ходов, выработанный отечественной и зарубежной комедией предшествующих десятилетий, обращен на современную острую ситуацию, на проблематику, типичную для формирующейся «тенденциозной драмы».

«Чиновник» — это, безусловно, то, что называется «хорошо скроенная пьеса», но из-за непривычности для русского общества сочетания системы условных средств, сложившихся в легкой комедии, их социально острой актуальной проблемы (неправосудие и взяточничество) комедия вызвала резкое неприятие. Бросалось в глаза, мягко говоря, легкомысленное решение этой проблемы: для избавления от взяточничества и неправосудия надо, чтобы состоятельные дворяне-помещики шли служить, не гнушаясь занять самые невысокие ступени чиновничьей иерархической лестницы. Затронутая жизненная проблема «не вмещалась» в жанр. Однако, как ни странно, это сочетание (злободневной, острой проблемы с шаблонными ходами хорошо скроенной пьесы) стало характерным структурным признаком «тенденциозной драмы», которая, зародившись в начале 60-х годов, все решительнее обживает русскую сцену на протяжении следующих трех десятилетий.

Комедия «Чиновник», пожалуй, даже с большим основанием, чем «Сотрудники», может претендовать на принадлежность к жанру «драматической пословицы». В ней особенно заметно то сочетание салонной комедийности с лиризмом, которое присуще этому жанру. «Тонкость чувств» основных героев очевидна, как очевидны и некоторый налет драматизма, оттенок житейского душевного неблагополучия в судьбах внешне вполне благополучных героев. Характеры, речь, психология персонажей (за исключением Надимова) даны уверенно и живо.

Герои пьесы, кроме Дробинкина, принадлежат к одному кругу. Героиня ведет остроумные диалоги со своими поклонниками в стиле светской беседы. Временами эти диалоги ироничны и шутивы, а иногда их тон лишь вуалирует раздумья, колебания, скрытые дви-

жения души. Благодаря социальной однородности персонажей диалог этот, при всей явной жанровой традиционности, не выглядит искусственным, его условность житейски мотивирована. Появление «сутяги» Дробинкина, богатого помещика-«кулака», прикидывающегося бедным, вносит в пьесу необходимую комическую ноту.

Культурная и социально-психологическая градация тонко обозначена Соллогубом в речевых характеристиках персонажей. Как уже говорилось, основа словесного стилевого единства пьесы — язык дворянского салона, но у Надимова он осложнен введением книжно-публицистического стиля, а у Дробинкина — «простаковско-скотинским» поместным просторечием.

При всем житейском правдоподобию характеров действующие лица комедии совершенно естественно вписываются в традиционную систему амплуа (ср. с «Сотрудниками») и, за исключением Мисхорина и Надимова, в героях не остается ничего, что не укладывалось бы в схематическую характеристику. Но два названных исключения весьма симптоматичны для того промежуточного положения между дворянской салонной комедией и формирующейся «проблемной пьесой», которое занимает «Чиновник».

Вообще для пьесы Соллогуба очень характерно своего рода «неустойчивое» равновесие между каноничностью и предпринятой автором попыткой обновления канона «хорошо скроенной» комедии. В облике «ложного жениха» Мисхорина равновесие это еще не нарушено, несмотря на нетрадиционное смешение в нем черт романтического героя с чертами бытовыми, прозаическими, даже бросающими на него тень. Но хотя и зрители и действующие лица узнают об ущербности репутации героя, разорившегося и к тому же обещавшего жениться на дочери своего кредитора, окончательно он не скомпрометирован. Его поступок в финале благороден. Все действия Мисхорина могут быть истолкованы и как вина, и как беда героя, в зависимости от общего сценического прочтения образа. Фабульная недоговоренность допускает обе трактовки.

В центре пьесы, безусловно, — Надимов, причем интересен и важен этот герой автору не как конкретная личность, индивидуальность, а как носитель определенной общественной функции.

На исходе 50-х годов проблема героя начинает снова приобретать большую остроту. В литературе первой трети века сложился тип «героя времени» — человека передового, резко противостоящего косной среде. Высшее выражение его — Чацкий. Тип этот осложняется мотивами рефлексии, в результате складывается тот духовно-нравственный облик дворянского героя, который вошел в историю русской литературы под именем «лишнего человека».

Однако если взглянуть на весь этот художественный ряд не только с точки зрения чистой «идеологии» персонажей, но и всего их облика и поведения, культурно-бытового склада, то общность фактуры всех этих героев будет вне сомнения.

И хотя русская драматургия первой трети XIX века не создала героя такого идеологического и даже философского масштаба, как грибоедовский Чацкий, фактурно герой-любовник на русской сцене

в это время был подобен ему. Это неудивительно: заразительность облика дворянского «героя во фраке» была огромна и имела весьма веские исторические причины социологического и политического свойства. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, назовем главный источник обаяния этого героя — независимость. Однако к 50-м годам стала ощущаться исчерпанность этого типа. Новые слои, приобретающиеся к культурной жизни, выдвигающие нередко и активных деятелей этой культуры, ждали нового героя, более им близкого. Проблема изображения «новых людей» назрела раньше, чем герой нового типа нашел непосредственное воплощение в литературе. И вот это предчувствие и ожидание нового героя времени, притом такого, который обладал бы не меньшим обаянием и заразительностью, чем герой предшествующей эпохи, явно ощущаются в пьесе Соллогуба.

В усадьбе ждут чиновника, предполагают, что это «дока» и взяточник, но зрители и читатели уже самим жанром комедии подготовлены к неожиданности. Типичный ход хорошо скроенной пьесы — «приятный сюрприз» — вполне реализуется Соллогубом. Ожидание сосредоточено на фактуре героя: какой же он? Он совершенно не такой, как можно было предположить! Он гораздо лучше, он другой... но какой именно?.. И суть-то заключается в том, что он... все такой же, каким привыкли видеть героя-любовника, человек вполне «comme il faut», но с некоторой дополнительной краской — с оттенком немногословной укоризны к тем, кто мог принять его за обыкновенного, всеми всегда узнаваемого подьячего, разумеется, всегда не «героя», а «комика».

Надимов как бы Чацкий и в то же время опровержение Чацкого. Герой Грибоедова «служить бы рад — прислуживаться тошно», а Надимов всем своим поведением доказывает, что можно служить и не прислуживаясь, и не для денег и карьеры, а из любви к отечеству. У Чацкого «с министрами [...] связь, потом разрыв», а Надимову «губернатор доверяет». Герою комедии «Горе от ума» родная Москва, и дом Фамусовых, и любимая им Софья доставляют «миллион терзаний», и он вынужден «искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок», а Надимова из усадьбы не отпускают, и изящная недоговоренность финала — чистая условность, сквозь которую недвусмысленно просматривается счастливая женитьба.

В эстетическом отношении драматургу не удалось решить проблему нового героя, это по замыслу все тот же Чацкий, но, конечно... «жалко перед ним его обмелевшее отражение» (как скажет Ап. Григорьев о Жадове, герое «Доходного места» Островского).

Попытка «выйти» из дворянской эпохи театра, оставаясь целиком в кругу ее представлений и понятий, — вот что такое «Чиновник» Соллогуба. Затронутая в этой пьесе тема вызвала своеобразную «драматургическую дискуссию»¹². В 1857 году появляется «Доходное

¹² Здесь имеется в виду только объективное звучание этих пьес и не обсуждается вопрос об их «контактных» связях.

место» Островского, а в 1858 году — «Мишура» Потехина. О ней речь пойдет дальше, и тогда мы взглянем на весь этот «спор» в целом.

* * *

*

Водевиль Соллогуба, связанный с традициями светской комедии, эволюционировал в сторону «драматической пословицы». Другое направление эволюции водевиля представлено в нашем сборнике одноактной комедией Чернышева «Жених из долгового отделения».

Разночинец по происхождению, актер Александринского театра, Чернышев был одаренным литератором демократического направления. Он, несомненно, испытал влияние натуральной школы, хотя вступил в литературу уже в 50-е годы.

«Жених из долгового отделения» был написан специально для великого актера А. Е. Мартынова, имевшего большой успех в роли Ладыжкина. Гоголевская нота отчетливо звучит в этой маленькой комедии, причем Гоголя петербургских повестей, а не «Ревизора».

Как известно, комедия положений по происхождению старше комедии характеров. И типологически она, безусловно, представляет более раннюю стадию комедийного освоения мира. Но искусство тем и отличается от других видов познания, что более поздние стадии отнюдь не «отменяют» эстетического значения более ранних. Комедия положений имеет свои сильные стороны и располагает художественными средствами, которые позволили ей, то выдвигаясь на передний план, то занимая более скромное место, оставаться в системе драматургических жанров на протяжении многовековой истории театрального искусства. Комедия положений по самому арсеналу своих средств обладает как бы максимальной театральностью: все в ней выражается прежде всего через действие в самом буквальном значении слова. Это действие может быть элементарно-комическим, например, таким, какое в негодовании отметил Гоголь в современном ему водевиле: один залез под стол, другой вытащил его за ногу. Но ведь смысл этого комического жеста может существенно расширяться и углубляться. Недаром в «Ревизоре» (и к большой для него пользе) столько ситуаций подобного рода! Обрушивающий дверь в гостинице любопытный Бобчинский, надевающий на голову футляр из-под шляпы Городничий — все это элементы не просто водевильного, а даже фарсового комизма. Но стоит ли отвергать фарс? Уж он-то точно «родился на площади». И русский Петрушка и его братья во всем мире веселили своих простодушных зрителей незамысловатыми действиями, положениями, в которые они попадали, и так помогали толпе возвыситься над своими обидчиками. Народная комедия, безусловно, комедия положений. Однако разве из этих положений не складываются в конечном итоге представления о х а р а к т е р а х? Правда, характеры эти предельно обобщенные и по сравнению с позднейшими формами литературных комедий более схематичные, потому что лишены индивидуальных, личностных черт. Но и только. Граница между комедией положений и комедией характеров, в сущности говоря, оказывается довольно зыбкой и условной.

Любое самое тривиальное положение в общей системе произведения способно обретать важное значение. Кто залез под стол? Почему? И кто и почему смеет вытаскивать его из-под стола? Подобные вопросы могут оказаться далеко не бессмысленными.

Раннее проникновение реалистических тенденций в русский водевиль (разновидность комедии положений) связано, как нам представляется, с тем, что комедия положений дает известные возможности для художественного освоения социально типичной среды. Приведем один пример из творчества писателя, обладавшего, бесспорно, «театральным» видением мира.

Что может быть ближе к комизму положений, чем случай, когда у чиновника, вызванного к начальству, отрывается пуговица на мундире и он, вместо того чтобы «не заметить» этого обстоятельства, начинает неловко ловить ее, гоняясь за ней по лощеному паркету, да еще потом пытается приставить ее на место? А ведь когда все это проделывает герой «Бедных людей» Достоевского, мы понимаем, как ая жизнь и как акой социальный опыт стоят за этим полуобморочным испугом Макара Девушкина.

И «Шинель» и «Бедные люди» уже были написаны, когда великий артист Мартынов вышел на сцену в роли жениха из долгового отделения, уволенного в отставку, нищего, уже немолодого чиновника Ладыжкина. И это чувствуется в пьесе. Опыт большой русской литературы вообще весьма значим для этой рядовой комедии.

Интрига пьесы развивается по водевильному принципу, в основе ее — цепочка недоразумений. Социальная среда, в которой разворачивается действие, характерна для водевилей 40-х годов: чиновники и помещики средней руки, квартира «на Васильевском острове» с комнатой, которая «обставлена довольно богато».

Оборотистый домовладелец Чежин, немолодая вдова-помещица из провинции, помещанная на романах и приехавшая, чтобы выйти замуж, — все это типичные водевильные персонажи. Но наряду с этой театрално-водевильной традицией Чернышев активно использует и собственно литературную. Так, в значительной мере комизм в пьесе создается за счет пародийного переосмысления романтических мотивов и литературных героев, владевших воображением современников. Помещица Грязовская все время пытается построить свои отношения с жильцом Счастливым по схеме отношений между Печориным и княжной Мери. Она то и дело сравнивает Счастлива с «мсье Печориным», воображая себя княжной Мери. Это тем более смешно, что почтенная помещица зовется Марья Петровна. Интересно, что борода и запущенная шевелюра Счастлива напоминают ей не кого иного, а Торквато Тассо, причем имеется в виду, конечно, не великий итальянский поэт как таковой, а герой нашумевшей романтической драмы Кукольника.

Собственно, вся путаница происходит именно благодаря тому, что голова героини забита литературными штампами и шаблонными сюжетными ходами. Марья Петровна старается разузнать у Счастлива о его «тайне сердца» и, конечно, никак не может предположить, в чем она заключается. А тайна эта в том, что герой ее воображаемо-

го романа панически боится своей старой сварливой жены, на которой он женился десять лет назад из-за денег и от которой теперь сбежал. Точно так же ей и в голову не приходит, что немолодой мешковатый Ладыжкин, заговорив с ней о чувствах и делая ей предложение (!), собирается на ней жениться сам. Ведь она считает его романтическим другом своего избранника и думает, что он, как и полагается наперснику в романе, берет «устроить счастье» другого. Где же бедному Ладыжкину понять всю эту литературную премудрость!

Конечно, Чернышев не раз сталкивался в жизни с такими горемыками, как Ладыжкин. Да и литературная родословная бедного чиновника, честного и недалекого, которому нет счастья и удачи в жизни, была ко времени создания пьесы достаточно богатой и не исчерпывалась уже упомянутыми «Шинелью» и «Бедными людьми». Тип «маленького человека» широко представлен в прозе 40-х годов, из открытия Пушкина и Гоголя он превратился уже почти в «общее место» демократической литературы. Но появление Ладыжкина на сцене, да еще в одноактной комедии, во многих отношениях сохраняющей признаки водевиля, было не вполне обычным.

Читая сегодня комедию, мы, пожалуй, можем несколько посетовать на некоторую грубоватость, жесткость комедийного финала, посчитаем это своеобразной архаикой и ... ошибемся. Театр все-таки зрелище, где требуется большая выявленность действия по сравнению с повествовательной литературой. Зачастую то, что литература «договаривает», пьеса должна оставлять для сценической трактовки. Так, Гоголь в «Шинели» мог тут же расшифровать скупые слова Башмачкина: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «я брат твой!» Но никто, кроме зрителя, не может «договорить» за Ладыжкина. А зритель сделает это, если ему поможет актер. Вот, например, отобрать деньги есть действие. Не отобрать денег у жениха — и действие в прямом смысле не будет, играть будет нечего, но, конечно, и отобрать и отдать можно по-разному. Надо себе представить, как отдавал эти двадцать пять рублей актер Мартынов, если зрители провожали его со слезами сочувствия. Смутное беспокойство зрителя по поводу бесцеремонного обращения с женихом-неудачником драматург берет в расчет, «смех сквозь слезы» здесь организован изначально. Из чисто водевильного, юмористического мира вырастает в пьесе Чернышева какое-то новое качество, и оно, оказываясь, было органично заложено, а не навязано ему извне. Это тот тип комизма, которым в современном нам искусстве блестяще владел Чаплин в своих лучших «комедиях положений» вроде «Золотой лихорадки» — и смешно, и грубовато, и за душу берет. Для Чернышева и его современников все это был «гоголевский эффект». Но по сравнению с «Шинелью» трагизм смягчен, словно учтена та критика «Шинели», которой подверг Гоголя герой «Бедных людей», Макар Девушкин, считавший, что автор слишком безжалостно выставил на всеобщее обозрение грустные тайны бедного Башмачкина, не пощадил его гордости. Видимо, сказала тут и «легкость», присущая поэтике водевиля (а эта легкость в высоких образцах жанра именно искусство легкости, а не пустота).

Театральная сцена не допускала таких героев, как Акакий Акакиевич, потому что при отсутствии в тексте прямого авторского суждения зрительская оценка персонажа могла идти вразрез с замыслом художника. Не случайно и у самого Гоголя в комедиях мы ничего подобного не находим.

* *
*

Как мы уже отмечали, понятие «школа Островского» весьма условно. Если все же воспользоваться им с известными оговорками, то, наверное, ни к кому оно так не применимо, как к Потехину. И явное ученичество у Островского, и столь же явные попытки при этом эмансипироваться, найти свою творческую область — все это характерно для того типа творческих отношений между писателем, пролагающим пути, и его последователями, который обычно определяется понятием «школа».

Потехин складывается как писатель в общении с молодой редакцией «Москвитянина». В этом журнале напечатаны его первые пьесы «Брат и сестра» («Шуба овечья, душа человечья») и «Суд людской — не божий».

Как бы не желая повторять Островского, драматург в обеих «москвитянинских» пьесах делает героями крестьян. В первой пьесе они попадают в дворянский круг и противопоставлены ему как носители народной нравственности. В драме «Суд людской — не божий» все действие разворачивается в крестьянской среде.

Несмотря на подчеркнутое «расподобление» с Островским, «Суд людской — не божий» множеством нитей связан с пьесами Островского 50-х годов. При внимательном чтении эта пьеса оказывается своеобразным ответом Потехина на комедию «Не в свои сани не садись». Вообще на страницах «Москвитянина» возникает своего рода диалог Островского и Потехина о «грехе» и «воле», о неких кризисных ситуациях, в которые попадают люди патриархального мира.

При несходстве фабулы, резком различии общего тона «Суд людской — не божий» и «Не в свои сани не садись» имеют несомненное сходство в узловых ситуациях, в некоторых существенных мотивах, из которых и сплетается фабула. Важнейший момент, позволяющий вообще сравнивать эти пьесы, — очевидная стилизация, условность мира, создаваемого обоими драматургами. У Островского — глухой уездный городок и купцы, у Потехина — «деревня и село на проезжей дороге», крестьяне. Но и в том, и в другом случае усилия писателей сосредоточены не на создании социальной картины жизни, их цель прежде всего показать нравственный уклад этого мира, ту атмосферу безусловно признаваемой всеми героями патриархальной морали, в которой каждый ощущает себя частицей общего. И для Островского в москвитянинских пьесах, и для Потехина этого периода, в сущности, не очень важно, купцы или крестьяне их герои, намного важнее, что они принадлежат к одному и тому же бытовому и психологическому патриархальному укладу, противопоставленному миру «цивилизованных», европеизированных сословий.

В пьесе Островского этот «цивилизованный» дворянский мир непосредственно включен в фабулу, он-то и оказывается источником соблазна для простодушной героини, доверчивость которой приносит много бед и ей самой, и ее близким.

У Потехина же «цивилизованные» люди не участники, а зрители и скептические комментаторы событий, однако — и в этом суть — доверчивость их в финале посрамлена, а вместе с ней дискредитируется и их нравственная позиция в целом.

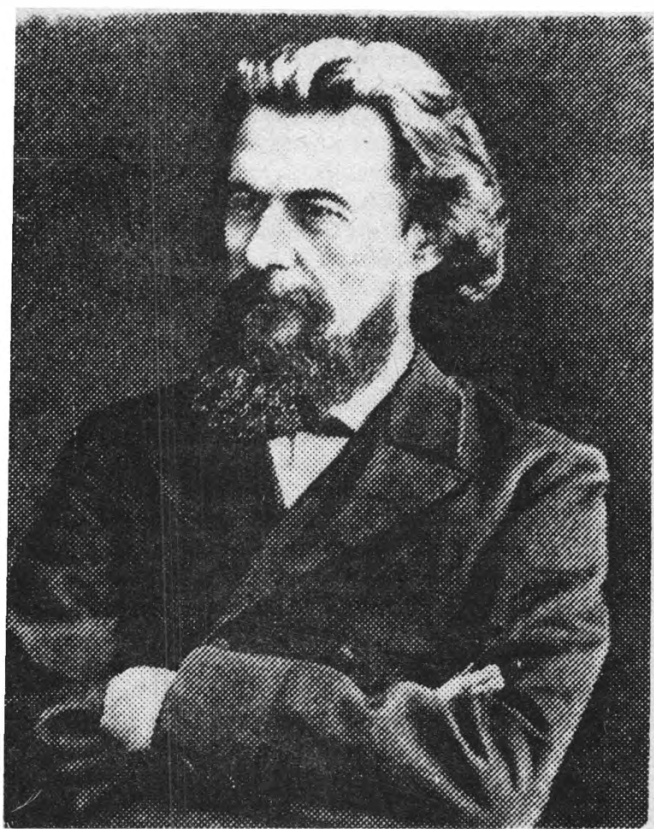
Главные герои обеих пьес, несмотря на яркие бытовые подробности обстановки, это «люди вообще», взятые исключительно в своих семейных отношениях. Семья для патриархального мира является особенно показательной «клеточкой» жизни, потому что и другие отношения в нем осознаются по модели семейных.

В период создания москвитянинских комедий Островский писал М. П. Погодину: «Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее» (XI, 57). И вот это «хорошее» в центре внимания в комедии «Не в свои сани не садись». По мысли Островского, Русаков — идеальный отец патриархальной семьи. Он берет на себя всю полноту ответственности за судьбу младших, но право на это видит не в силе и богатстве, а в своей опытности и знании людей. Он изо всех сил противится увлечению Дуни Вихоревым, но не потому, что рушатся его планы видеть зятем Бородинку, а потому, что он насквозь видит Вихорева и понимает, сколько горя ждет Дуню в случае этого брака.

В пьесе Потехина ситуация повторяется: Матрена любит вопреки воле отца. Но трактовка этого сюжетного мотива совсем другая: героиня Потехина запугана своим отцом, «грозным праведником», а избранник ее неугоден старику по причинам, гораздо менее основательным, чем Вихорев Русакову. (Иван — бедный, веселый и работающий — горячо любит Матрену, а вовсе не деньги ее отца.) Потехинского героя обуяла гордыня: он считает безгрешными и себя, и свою дочь. Именно от этого убеждения и происходят все несчастья: узнав о своеволии и «грехопадении» дочери, старик ее проклинает. Он берет на себя «божье» право судить человеческие слабости и страшно наказан за это безумием дочери.

Мир комедии Островского человечен и добр, и все участники разыгрываемой в пьесе драмы проявляют в критической ситуации лучшие стороны своей натуры. Русаков сдерживает свой гнев и принимает мудрое решение: разрешить Дуне желанный брак, но без приданого. Он совершенно уверен, что Вихорев откажется, а дочь прозреет. Дуня, безавшая из дому и убедившаяся в низости своего избранника, останавливается на краю гибели и возвращается к отцу. А Ваня Бородин переступает через предрассудки своей среды, движимый добротой и верной любовью, и готов взять ее в жены.

Потехина словно не устраивает мера тех испытаний, через которые Островский проводит своих героев. Он все ситуации заостряет, стремится сделать максимально драматичными. Героиня Островского обманута соблазнителем-дворянином, но ее наивную душу искушает

А. А. Потехин

не только опытный волокита, в не меньшей мере это соблазн и всей дворянской «цивилизации». Это именно искушение жить по каким-то новым, не изведенным ею, но другим законам и правилам. Потехинских героев подстерегает искушение, так сказать, в «чистом» «библейском» варианте — это их молодая любовь, не желающая знать запретов, переступающая черту дозволенных отношений. «Грехопадение» Матрены проще, драматичнее и непоправимей. И расплата оказывается ужасной, а искупление тяжелым, не сулящим земного благополучия и радости. Однако очевидно, что высокие нравственные требования главных героев к себе в пьесе Потехина выступают как некий аскетический нравственный идеал, доступный далеко не всем. Крестьянская толпа, окружающая главных героев и участвующая в действии, вовсе не разделяет всю напряженность, надрывность происходящего. Нравственная оценка, выражаемая крестьянским миром, сложнее самооценок героев. И пока над Николаем Спиридонычем не разразилась беда, его готовы осудить за чрезмерную суровость: «...Тоже ни единой обедни не пропустит, книги святые читает, милостыню подает... А нет у него ласкового слова...» Порою отец Матрены ведет себя как самодур и «ругатель». Отчетливо проступает различие пьес в сценах сватовства Ивана у Потехина и сватовства Вихорева у Островского.

В пьесе Потехина конфликт строится не на противостоянии положительных и отрицательных героев, борющихся за слабую душу, как у Островского, а на идее общей виновности, общего греха своеволия. Молодые герои полюбили друг друга вопреки запрету и обычаю, а отец героини, возгордившись своей «праведностью», присвоил себе право бесповоротно осудить их.

Потехин явно использует механизм притчи: грех — проклятие — немедленное и страшное наказание. В драме «Суд людской — не божий» как бы демонстрируются два уровня нравственности, две правды. Одна — житейская, и по этой логике живут односельчане героев, так жили Иван и Матрена до трагедии. А другой уровень тот, на который возносит героев их горе, уже не житейский, а житийный, так сказать. И поднявшись на этот уровень, они из объекта сочувствия, осуждения или сострадания становятся для окружающих объектом удивления и почитания. Для крестьян безумная Матрена стала юродивой, в народном представлении — «божьим человеком».

Потехин и в последнем действии остается верен своему принципу — доводить до предела каждую ситуацию. Здесь-то и понадобится ему кроме верного, по мысли автора, взгляда крестьян еще и «неверный», насмешливый взгляд «со стороны». В последнем акте выведены путешествующий барин со своим слугой — персонажи, воплощающие так называемую «цивилизованную» (и посрамленную в финале) точку зрения на события.

Несмотря на явную рационалистичность построения пьесы и открытое морализаторство, Потехину все-таки не удается добиться желаемой непреложности «нравоучения» — итог как-то смутен, и даже пословичное название не проясняет вполне авторскую точку зрения.

Безусловно, в пьесе Потехина много «сильных мест», делающих ее выигрышной для сценического исполнения. И все же в ней чувствовалось некоторое утирование открытий Островского, вызвавшее упреки не только радикальной критики, но и идеолога молодой редакции «Москвитянина» Ап. Григорьева, отметившего натуралистические черты потехинской драмы.

Действительно, Потехин — писатель натуралистического склада, и в этом его коренное отличие от Островского. В его пьесах чувствуется установка на силу жизненного факта, который берется сам по себе. «Сошла с ума», «покончила с собой» — известие о таком событии достаточно сильно действует на нас вне всякого эстетического освоения и анализа. Этим и пользуется Потехин, заставляя зрителей увидеть подобные вещи на сцене. Островский же тонко чувствовал грань между непосредственным воздействием фактов такого рода в жизни и в искусстве. Сопоставление пьес «Гроза» и «Суд людской — не божий» позволяет почувствовать различие не только в масштабах дарования писателей, но и в художественных методах. Островский стремится пояснить логику характеров, сплести ткань обстоятельств, так как, с его точки зрения, дело искусства в том, чтобы «происшествие даже невероятное объяснить законами жизни» (X, 459). Именно из-за внимания к характерам и обстоятельствам, к законам жизни, а не только к их крайним, необычным проявлениям Островский может

обходиться без таких ситуаций в финалах, как смерть или сумасшествие. С другой стороны, даже за благополучными житейскими развязками его пьес нередко чувствуется драматизм и страдание, которые стоят «кровавого» финала.

Говоря о натурализме Потехина, конечно, не следует это слово понимать просто как синоним художественного несовершенства. Помня об ограниченности возможностей этого метода, не забудем и о другом: о присущем писателям-натуралистам вниманию к точности факта, о своеобразной документальности натуралистического искусства.

В драме «Суд людской — не божий» взята экстремальная житейская ситуация и доведена она до крайней степени. В результате получается та «грубость», тот эффект «ужасного», о котором писал Григорьев¹³. В «Мишуре» показана жизнь «средняя», то есть житейская проза и служебные дразги, повседневность провинциального чиновничьего мира.

Потехин пробует себя в жанре тенденциозной драмы, которая вскоре утвердится в его творчестве. И надо сказать, что натуралистические черты его метода в этой пьесе пришлись, пожалуй, более кстати, чем в драме «Суд людской — не божий».

Проблематика «Мишуры» включает ее в ряд характерных «чиновничьих» произведений 60-х годов, а в рамках собственно драматургии она заставляет вспомнить и «Чиновника» Соллогуба, и «Доходное место» Островского. В 50—60-е годы внимание русского общества постоянно обращается к кризисному состоянию всей системы государственных учреждений. С взяточничеством и хитроумным крючкотворством чиновников в большей или меньшей степени то и дело сталкивались все слои русского общества. Ожидание перемен, «новые веяния» распространялись и на эту сторону жизни.

В «Мишуре» есть выигрышная женская роль, есть и любовный треугольник, но все это, в сущности, имеет прежде всего характерологическое значение, то есть служит для раскрытия характера главного героя — «честного» чиновника из новых, «университетских». Настоящий интерес сосредоточен вокруг деловых отношений, с этими отношениями теснейшим образом связан и сам ход любовной интриги. Потехин демонстрирует отличное знание чиновничьего механизма. «Мишура» с ее натуралистически точным воспроизведением провинциального чиновничьего мирка дает интересное бытовое дополнение к той картине жизни, которая запечатлена в нашей драматургической классике: «Доходном месте» Островского, «Деле» и «Смерти Тарелкина» Сухова-Кобылина, «Тенях» Щедрина.

В «Доходном месте» Островского сходная проблематика рассмотрена преимущественно в ее социально-нравственном содержании. Как именно наживаются Юсов и Белогубов и какими делами ворочает «Наполеон» чиновничьего мира Вышневецкий — это вынесено за скобки. Зрителю достаточно знать, что их доходы нечестные, чтобы следить за «идеологическими» и моральными рассуждениями Юсова, сочувствовать невеселой судьбе Жадова.

¹³ См: Григорьев в Аполлон. Эстетика и критика, с. 419.

Сухово-Кобылин относится к махинациям чиновников с иступленным сарказмом жертвы. Салтыков-Щедрин, прекрасно знавший все «секреты» провинциальной службы по собственному опыту, стремится прежде всего к крупным сатирическим обобщениям, позволяющим осознать, так сказать, «общероссийский» масштаб явления, поэтому в щедринском мире бытовой колорит отсутствует. Вот тут-то, между этими разнообразными углами зрения, и находит себе место потехинская «Мишура».

Потехину, вникающему во все мелочи жизни, интересующемуся всеми связями губернского бюрократического мира, удастся создать очень выразительную картину. Пьеса эта дает художественно достоверное обоснование причин нравственной человеческой катастрофы преуспевающего администратора, картину неуследимой общей «повязанности» всех служащих людей, в сущности, не имеющих ни малейшей возможности остаться честными чиновниками.

Герои в этой пьесе выписаны очень пристально, с интересом к их психологии и характерам. Как и в «Доходном месте», чиновники делятся на две неравные группы: подъячих старозаветного склада и так называемых «университетских».

Жадов, вызывающий осуждение и насмешки своих «патриархальных» сослуживцев, в пьесе Потехина как бы раздваивается. Здесь есть «университетский» Зайчиков-младший, честный «бедняк с речами», неудачник и на службе, и в любви. И другой «университетский», Пустозеров, который, по собственному признанию, «покорился». «Все ведь мы в университете думаем министрами быть, но потом, когда послужишь год, поосмотришься, видишь, что для всего есть свои законы, правила, дороги, и ... покоряешься».

Пустозеров, конечно, не Жадов. Он старательно скомпрометирован автором: еще в университете он мечтал не о чем другом, как «министром быть», он беспрестанно хвастает тем, что не берет взяток; со слугой груб; стесняясь своих приемных родителей, выдает их за дальнюю родню, а потом даже затевает с ними бесчестную тяжбу по наследству и, наконец, подло соблазняет и бросает героиню, дочь своего подчиненного. Но все это дополнительные краски, главное для Потехина показать, чем и как живет этот не берущий взяток «честный» чиновник. С гневом обрушившись на приказчика богатого откупщика, приславшего ему взятку, Пустозеров затем отказывается от ведения этого дела под нажимом богатого барина и взамен получает перевод в столицу. Как не вспомнить эпизод из комедии Соллогуба, когда сутяга Дробинкин убежденно уверяет собеседника: «Мне по судам ходить-то не в первый раз... Запомните мое слово: бойтесь честных людей, хуже, батюшка, хуже...»

Чиновники, которых за взятки преследует Пустозеров, на редкость убедительно доказывают ему и друг другу, что нельзя им не брать взяток. И даже антагонист Пустозерова Зайчиков-младший без вины виноват, замешан в эту круговую поруку взяточников: ведь его университетское образование, как и гимназия его младших братьев, оплачено «безгрешными доходами» Зайчикова-старшего.

Эпоха 60—70-х годов, когда пореформенная Россия вступала в новый период развития, характеризуется ростом интереса к истории. Объектом пристального внимания общества становится сама историческая наука. Споры ученых о формах древнерусской государственности и других вопросах средневековой жизни делаются предметом обсуждения в журналистике. Широкая публикация архивных материалов, появление таких выдающихся трудов, как «История России» С. М. Соловьева, работ И. Е. Забелина, изучавшего материальную и бытовую культуру,— все это открывало новые возможности для постижения прошлого.

В искусстве в связи с беспрецедентным интересом в обществе к истории России начинает создаваться новый, связанный с национально-исторической проблематикой стиль. В первую очередь это проявилось в более «организованных», чем литература, видах искусства: театре (прежде всего музыкальном), музыке, церковной архитектуре, живописи.

В литературе этот новый стиль отразился, пожалуй, в меньшей степени. Островский, настойчиво пропагандировавший необходимость русского национального театра, оказался в органической связи с этим направлением.

В произведениях нового стиля преобладало стремление создать в современной культуре образ русского человека не просто как индивидуальности (и не как европейца!), но как частицы некоего национального коллектива, понять и показать психологически-бытовое единство национального сознания и склада, существовавшее на протяжении веков.

Эта потребность, возникшая в обществе в условиях глубокого социального расслоения и связанной с ним острой идеологической борьбы, проявлялась по-разному, в колебаниях от прямой официальной ретроградности до мощного демократического реализма исторических драм Островского.

Если первая треть XIX века принесла русскому обществу должное — после века напряженного ученичества — ощущение равноправного участия в общеевропейской культуре, то к концу 60-х годов, после полосы романтической славянофильской реакции на культурный европеизм, настала пора некоего подведения итогов развития национально-культурного самосознания.

Драмы Аверкиева, о которых пойдет речь, по своему стилю и мироощущению подобны многим другим явлениям в искусстве этой эпохи, связанным с национально-исторической темой (Серов, Римский-Корсаков, Бородин — в музыке, в живописи — Суриков, Васнецов, Маковский). Но Аверкиева мы в этот ряд не ставим и, думается, напрасно. Не оттого ли это, что эстетический подъем национального самоощущения, столь ярко реализовавшееся в живописных, музыкальных и сценических образах, в литературе, действительно, отразилось мало.

Оказавшись же в одиночестве, «вне ряда», Аверкиев со своими любовными реконструкциями старины сразу как будто вызывает подозрение в ретроградстве, хотя он с теми же пьесами, рассмотренными в ином ряду (не собственно литературном), оказывается вполне в традиции, поддержан множеством давно признанных и оцененных произведений. В этом общекультурном контексте всякий разговор о разнице между национальным и националистским, между ностальгическим художественным чувством в век буржуазной нивелировки и ретроградным убеждением, программой, идеологией становится даже излишним, настолько очевидна эта разница.

В наш сборник вошли две самые знаменитые, самые репертуарные пьесы Аверкиева: «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей Нардын-Нащокина дочери Аннушке» и «Каширская старина».

О большой популярности пьес Аверкиева свидетельствует, например, такая сценка, которую мы находим у Вл. И. Немировича-Данченко. Действие происходит в губернском театре при обсуждении репертуара:

«А по-моему, господа, благое дело «Каширская старина». Роли у всех превосходные. Пьеса тоже классическая...

— «Каширская старина»-то классическая?

— А то как же! — По его мнению, классическими пьесами называются те, для которых требуются «особые костюмы».

«Каширская старина» примиряет, однако, многих. За нее и резонер, и любовник, и комик, и старуха, и две актрисы. Затем разгорается спор за роль Марьицы и наконец:

— Да и вообще, господа,— заявляет представитель, с гримасой почесывая за ухом,— я против «Каширки». Очень уже избито. Хорошо бы с новой пьесы начать»¹⁴.

Итак, в конце прошлого века пьеса, фамильярно именуемая слушателями Мельпомены как «Каширка», была если не «классической» в строгом смысле слова, то во всяком случае «заезженной», любимой и актерами, и зрителями. Более того, «Фрол Скабеев» и «Каширская старина» время от времени с успехом идут и на советской сцене. И такая репертуарная «живучесть» лучших пьес Аверкиева имеет, разумеется, свои причины. Они чрезвычайно сценичны. Это их свойство определяется как богатством и разнообразием эффектных ролей, так и общей яркой зрелищностью. В этом отношении из пьес Островского Аверкиеву, пожалуй, ближе всего «Бедность не порок» с важнейшим для этой комедии мотивом народного праздника.

Время царствования Алексея Михайловича (когда происходит действие обеих пьес Аверкиева) оставалось в национальной памяти наряду с другими представлениями и как некое предание о золотом веке. Другой вопрос, насколько исторически иллюзорно такое представление. Не стоит и говорить, что реальный XVII век в России был далек от идиллий (достаточно вспомнить о Степане Разине

¹⁴ Немирович-Данченко Вл. И. Рецензии Очерки Статьи. Интервью Заметки. 1877—1942. М., 1980, с. 195—196.

Д. В. Аверкиев

и о расколе). Однако для предания существенней, что последовавшие времена были еще тяжелей, потому и оседает в памяти легенда о былом Русском царстве в укор Российской империи. А главное, что ему предшествовало Смутное время «с голодом и мором». Недаром уже сам XVII век как бы стремится осознать себя «золотым», и это нашло свое отражение в искусстве в утверждении своеобразного стиля праздника и благоденствия.

Разумеется, к историческому прошлому, в том числе и к царствованию «тишайшего» Алексея Михайловича, возможно и принципиально иное отношение, ориентированное не на историческое предание, а на всю полноту бытия ушедшей в прошлое эпохи. Такой подход продемонстрирован в «Воеводе» Островского, где поэтизация народной жизни не помешала автору дать социальный анализ темных сторон допетровской Руси. Впрочем, и пьесы Аверкиева далеко не идилличны, о чем еще придется сказать далее.

Когда начинаешь читать пьесы Аверкиева, невольно вспоминаются слова гоголевского героя, который слушает про то, что «давно-давно деялось на свете!» и которому «чудится, что вот-вот сам

все это делаешь, как будто залез в прадедовскую душу или прадедовская душа шалит в тебе...»

Многозначительно посвящение «Фрола Скабеева» памяти Эдельсона, соратника Островского и Ап. Григорьева по молодой редакции «Москвитянина». Было бы несправедливо недооценивать для всей последующей русской культуры значение 50-х годов XIX века — этого периода поисков самобытности, насущнейшей жажды обретения национальной почвы. Вспомним, что славянофилы 40-х годов любили показаться в обществе в «русском платье», любили щегольнуть в нем и «москвитянинцы» — и все-таки чуть по-разному. Славянофилы стремились утвердить «национальное» и продемонстрировать его, а москвитянинцы просто любили петь русские песни и, говорят, пели их на редкость хорошо, знали толк в этом. Трудно сейчас сказать, как было дело с К. Аксаковым, скажем, а Григорьеву, надо полагать, поддевка и сапоги, что называется, шли, были к лицу — без них были бы не те песни, не та гитара... Словом, носили рубахи и поддевки не ради идеи... И Островский, и Григорьев, и их товарищи тогда дышали этой самобытностью, она была им необходима практически, для их работы в искусстве, в культуре, работы, которая теперь давно признана, а тогда только начиналась. Наверняка что-то было в этих встречах москвитянинцев от игры в старину, наверняка не обходилось и без доли одержимости стариной, и без стилизаторских усилий. И наверное, отчаянно хотелось одним глазком взглянуть на старину, на эту самобытность. А где она, самая что ни на есть «живая»? Да, вероятно, все в том же русском московском XVIII веке — более стильную и насыщенную этой фактурной самобытностью эпоху, пожалуй, трудно было найти. «...Глубоко люблю Москву как полный тип русской жизни (разрядка моя.— А. Ж.), и не сочувствую некоторым ее историческим несправедливостям»¹⁵, — признавался Григорьев.

И вот спустя годы и годы Аверкиев посвящает памяти «москвитянина» своего «Фрола Скабеева» — смотрите, вот они, наконец, наши давние грезы, вот она самая живая старина, какую только я сумел воссоздать. Возьмите и, наконец, поживите, подышите в ней... Действительно, «эффект присутствия» с первых же реплик, первых же строк «Фрола Скабеева» и особенно «Каширской старины» и сейчас не может не восхищать.

По жанру «Каширская старина» — мелодрама, и в этом тоже есть что-то от откровенного театрально-зрелищного максимализма. Слово «мелодрама» необязательно произносить снисходительно. Ведь стилистически мелодрама и опера почти близнецы, а мы помним, чем была опера для русской культуры этого времени. Да и что, собственно, значило тогда слово «мелодрама»?.. Только то, что драматург собирается показать в театре своих героев как можно более любовно и торжественно — и не скрывает этого... Безусловно, мелодраматическая линия разработана в «Каширской старине» обстоя-

¹⁵ Григорьев в Аполлон. Воспоминания. М.—Л., 1930, с. 355.

тельно и подробно. И все-таки кажется, что бытовые сцены, само «погружение» в мир этой старины, с уютом и бедственной теснотой усадьбы, едва ли не важнее. Здесь все подчинено иллюзии присутствия, этому торжеству воскрешения живой старины. Можно представить себе, как странно, но на свой лад естественно должно было восприниматься то простое обстоятельство, что герои пьесы начинают говорить обыкновенной прозой... XVII век — и вдруг просто проза, «говорят, как мы» — хоть чуть и иначе. Аверкиев очень скрупулезно воссоздает детали быта и речи.

Впрочем, что предпочесть — быт или мелодраму в пьесе Аверкиева — дело вкуса, кто-то выбирал для бенефиса роль Марьицы, а кто-то и паньи... может быть, важнее всего — насколько убедительно и органично именно из этого детальнейше описываемого быта вырастает драма, напряженная, лирическая, с кровавой развязкой, так что не всегда и отделишь одно от другого.

Можно ли упрекнуть Аверкиева в идеализации старины? Думается, нет, если не смешивать любовь и идеализацию. Ведь в «Каширской старине» не все мирно и гладко, и сама катастрофа происходит не от чего иного, как от самодурства старшего в семье, самодурства, поддержанного волей самого царя. Другое дело, что все персонажи, весь мир, вся жизнь остаются при тех же понятиях и после всего совершившегося. В этом смысле катастрофа ничего не колеблет и не ставит никаких вопросов, как ставит их, скажем, «Гроза».

«Каширская старина», разумеется, и не может поставить таких вопросов, поскольку события, в ней описанные, происходят лет за двести до событий в городе Калинове. «Старина» не что иным, как стариной, быть и не может. Реставрация модернизацию исключает самой своей сутью. Драма Марьицы и Василия — целиком драма изображаемого мира и только его, в чем и видел Аверкиев смысл и поэзию своего произведения.

Собственно говоря, Островский своим так называемым «этнографизмом», открытием страны Замоскворечье тоже ведь во многом выполняет задачу некоторой национально-культурной художественной реконструкции насущно нужного звена, пропущенного русской литературой. И его Замоскворечье в какой-то степени отсылает к миру допетровской культуры, то есть как бы все в тот же XVII век.

Но едва ли только одной историко-этнографической основательностью покоряет Аверкиев. Нет, дело, как нам кажется, в том, что Аверкиев очень добротню реконструирует и нечто от самого духа этой эпохи, этого «золотого века» — со всей его удалью и тихими радостями.

Стиль праздничности идет от состояния праздника, но он не должен, да и не может ограничиваться собственно праздником в прямом смысле слова. Все оказывается сложнее. Обращаясь к «Фролу Скабееву», например, нельзя не заметить, что праздник здесь странным образом перемешан с бедствием. Если пересказать события «Фрола Скабеева», особенно первое действие, то выйдет не праздник, а сплошное сплетение неблагополучия, произвола и лихорадки. Аверкиев ничего не приглаживает, не идеализирует. Между

тем ощущение все-таки именно праздничное. И есть в этом, думается, очень глубокая художественная правда, правда народно-эпической стихии.

«Фрол Скабеев» — пьеса о плуте, авантюристе, человеке, ничем не пренебрегающем в борьбе за жизненный успех, написанная на сюжет древнерусской повести. И как при чтении древнерусской повести, смысл которой передан Аверкиевым, хотя и с некоторым неизбежным для сцены приглаживанием фабулы, сочувствие читателей и зрителей неизменно оказывается на стороне этого веселого плута. Тому есть немаловажные причины. XVIII век, который историки средневековой культуры недаром рассматривают как переходный к новому времени, принес с собой первые ростки чувства личности. Неудивительно, что раньше всего это просыпающееся чувство сказалось не столько в самосознании человека, сколько в его практической жизненной позиции, в его житейском поведении. Человек вступает в «индивидуальную» борьбу за свое существование, сам начинает строить свою судьбу. Эта пробуждающаяся инициатива личности создавала и потребность в новом герое светской литературы. И вот бедный дворянин (не забудем, что в допетровскую эпоху небогатый дворянин — мелкая сошка) Фрол Скабеев затевает одну проделку за другой, чтобы выбиться в люди, да и сестру, и меньшего братишку устроить. Начиная комедию довольно тяжелыми сценами городского быта, Аверкиев сразу же настраивает зрителей на сочувственную по отношению к Фролу ноту: его проделки, в сущности, не просто борьба за карьеру и возвышение, они все время граничат с борьбой за жизнь в самом прямом, буквальном значении слова. Перед нами, с одной стороны, беспредельное самоуправство больших бояр, вольных «в животе и смерти» своих «маленьких», незнатных соседей, а с другой стороны, ловкий пройдоха Фрол, которому не только удается ускользнуть от гнева Велик-боярина, но и посмеяться над ним, одурачить своего страшного и всемогущего врага. Так и проходит Фрол, словно по тонкой жердочке, между удачей и гибелью через все действие пьесы.

Две лучшие пьесы Аверкиева как бы представляют два полюса «золотого века»: его «комедию» и его «драму». Однако они обнаруживают значительную общность. Удача и беда в этом мире явно рождаются на одной почве, да и корень у них общий — своеволие, «своя» воля, стремящаяся сломать вековой обычай, в одном случае — преуспевающая, в другом — терпящая поражение. Две эти возможности и развернуты Аверкиевым с любовной полнотой и подробностью в разных по жанру пьесах.

«Каширская старина» часто заставляет вспоминать Островского, в особенности его «Грозу». Свободные нравы, которые когда-то поразили Островского в Торжке во время его путешествия по Верхней Волге и потом были «переданы» городу Калинову, и в пьесе Аверкиева также предмет обсуждения (разговор Марьицы и Василия). И герои, казалось бы, во всех отношениях не похожие на персонажей «Грозы», все же чем-то неуловимо их напоминают. Наконец, характерное для Островского сочетание драматизма и коме-

дйности присуще и «Каширской старине», едва ли даже не в большей степени. В «Грозе» комические элементы сосредоточены в нравоописательных сценах, у Аверкиева они обнаруживаются и в самые напряженные, драматические моменты развития фабулы (например, подглядывание Пелепёлихой и Живулей решающего свидания Марьицы и Василия). Несмотря на форсированный драматизм, присущий фабуле в «Каширской старине», и она не чужда той атмосфере праздничности, которая составляет обаяние «Комедии о Фроле Скабееве».

И радость бытия, и желание пережить миг жизни как праздник в том изображенном писателем мире — вовсе не от наивных иллюзий относительно реальности и не от реконструкции «идеологии». Идеология (мы теперь скажем — идеология самодержавия) тогда только начинала прибираться к рукам это чувство радости бытия, только приучала благодарить за самую жизнь не только царя небесного, но и царя земного. Нет, пока что это радость от естественного чувства совместного избавления от прямой и страшной опасности нашествия, неурядицы и разорения земли русской, то есть от живого и непосредственного, а не идеологизированного национального чувства. Такая радость не исключает и трезвого отношения к окружающему. Поэтому реконструкция души «золотого» века и есть, может быть, самая большая художественная удача Аверкиева.

* *
*

«На пороге к делу» Соловьева — типичный образец тенденциозной драмы. По теме пьеса чрезвычайно злободневна. Как раз в конце 70-х годов начинается подъем так называемого земского конституционализма, в связи с чем наметилось общее оживление земской деятельности. Культурная работа в деревне — одна из идей времени, популярной в среде интеллигенции. Постепенно в сознании значительной части общества она приобретает — помимо своего прямого, непосредственного смысла и значения — еще и характер некоторого противовеса, идеологической альтернативы по отношению к революционному народничеству.

Многозначительно само название соловьевской пьесы. Намеренно или бессознательно в него привнесен отзвук названия знаменитого романа Чернышевского. Социально-политический роман вождя революционной демократии был призван убедить читателя, что социалистические принципы можно внедрять уже сегодня, по частицам «переноса будущее» в настоящий день.

Чернышевский стремится к максимальной конкретности. Рисует настоящее, он вводит подробные описания быта. А там, где быт еще не сложился, он его откровенно конструирует (описания семейной жизни новых людей, устройство мастерских и коммуны).

Пьеса «На пороге к делу» противостоит роману Чернышевского как подробное, прямое описание реальной ситуации появления интеллигенции в деревне, противостоит, по сути, революционному радикализму, который зачастую трактовался как возвышенное ро-

мантическое воззрение¹⁶, «оторванное от жизни», не учитывающее силы косного сопротивления среды идеальным стремлениям. Отсюда — конкретный (мы бы сейчас сказали, социологический) анализ всех действительных повседневных трудностей и бед, подстерегающих юную героиню, приехавшую в деревню учить ребятишек в земской школе. Выразительный показ всей этой косной среды, враждебной просветительским намерениям интеллигенции, — наиболее сильная сторона пьесы Соловьева.

Перед зрителем развешивается нечто вроде парада, откровенно и живо демонстрируется коллекция «женихов» и «супостатов» молоденькой учительницы. Лавочник, чувствующий себя настоящим хозяином сельского мира, галантный писарь, видящий в учительнице подходящую невесту, легкомысленный член училищного совета от земства, мечтающий завязать легкую интрижку, его грубая, невежественная и ревнивая супруга — все это очень забавные, житейски достоверные фигуры. Ярко комедийные речевые характеристики персонажей заставляют вспомнить, что одаренный драматург прошел хорошую школу соавторства с Островским. Но сам принцип лепки характеров напоминает другого современника Соловьева — Писемского.

У Островского герои всегда социально определены, а также чувствуется интерес драматурга к человеческой индивидуальности, причем всех действующих лиц. Писемского же мало интересует индивидуальная неповторимость — ему важна именно социальная характеристика персонажа. Его герои всегда и прежде всего именно действующие лица. И действуют они в точном соответствии со своей «типичностью». Эта типизация у Писемского очень изощренная, дробная, но не «индивидуальная». Первейшая художественная задача его — отнестись героя к определенной группе, определенному, сформированному русской жизнью и историей разряду людей, что выразительно сказалось во многих названиях его произведений: «Мещане», «Масоны», «Русские лгуны», «Екатерининские орлы» (вариант названия «Самоуправцев») и т. п. Этот способ создания характеров можно было бы назвать «социологической типизацией». Про героев Островского всегда как бы задан вопрос: что это за человек? какой он? И, собственно, вся пьеса — ответ на такой вопрос. Насчет героев Писемского мы таким вопросом не задаемся, а если по инерции и сделаем это, то ответа не найдем. Интерес сосредоточен вокруг событий, цепь которых и ответит нам на вопрос о том, каковы «финансовые гении»? что такое современный Ваал? что представляет собой высшая бюрократия? и т. п.

По этому же принципу созданы комические персонажи пьес Соловьева.

Но демонстрация и сатирическое осмеяние разнообразных типов пореформенной деревни не было главной художественной целью

¹⁶ Здесь можно вспомнить тургеневское стихотворение в прозе «Порог» (написанное позже соловьевской пьесы!), в котором преобладают возвышенная неопределенность и несколько умозрительное восхищение жертвенностью революционеров-подвижников.

рассматриваемой нами пьесы Соловьева, поэтому и композиционно она не ориентирована на классические комедии такого рода («Ревизор», «На всякого мудреца довольно простоты»), где вместе с героем зритель как бы проходит по галерее подобных типов. У Соловьева все иначе.

Тенденциозная драма, как уже говорилось выше, злободневные «вопросы» стремится решить в форме «хорошо скроенной пьесы», с ее богатым арсеналом разработанных ходов интриги, устоявшихся сюжетных мотивов. Интерес у Соловьева сосредоточен на судьбе героини и ее спасителя. Счастливый финал пьесы выглядит довольно неожиданным с точки зрения разработки характеров, но по фабульной схеме он вполне предсказуем и, так сказать, просматривается с самого начала.

Сельская учительница, юная идеалистка, и благородный землец, спасающий ее от всех бед, включая донос на неблагонадежность, состряпанный отвергнутым женихом-писарем и разгневанным сватом-лавочником,— это главные герои пьесы. О них, об их отношениях и о том, как складывается судьба «дела», написана пьеса. Но линия «дела» как раз и выглядит наименее убедительной, потому что ее полноценное решение требовало бы гораздо более глубокой, многосторонней разработки характеров. Соловьев же ограничился использованием слегка приправленных современностью традиционных ампула. В идейно-художественном отношении пьеса неоднородна. Начата она как основательная полемика с книжными представлениями молодежи о жизни, о «деле». Конфликт героини и косной среды развернут в ярких, выразительных сценах, имеющих, однако, экспозиционный характер. Но острое столкновение разрешается облегченным способом: счастливым замужеством героини, которая традиционнейшим образом будет учить крестьянских детишек в усадебной школе (пока свои не появятся, как замечает сестра героя). В этом финале сказалась, конечно, идеологическая половинчатость Соловьева, но здесь же видна и логика жанра тенденциозной драмы с ее позитивистской эстетикой.

Соловьев был одаренным литератором, и в его пьесе немало художественно выразительных страниц. Однако по самой своей природе тенденциозная драма оказывалась чрезвычайно зависимой от идейного, мировоззренческого уровня автора: ведь в ней очень прямо, «тенденциозно» выражались авторские взгляды на актуальные вопросы общественной жизни, не было «самодвижущихся» характеров, которые, даже невзирая на те или иные намерения автора, воссоздают картину живой жизни, более сложной и богатой, чем любая теория. Именно благодаря этой полноте реалистического изображения драма Островского обладает долгой жизнью, так как она способна наполняться новыми оттенками, открывать новые возможности не только в понимании истории, прошлого, но и в понимании общечеловеческих проблем. В тенденциозной драме изложены условия и приведены решения. Устаревшие решения теряют всякий художественный смысл, они никому не интересны. Убедительное доказательство тому — явная, безвозвратная устарелость тенденциозных драм 80-х годов, когда-то пользовавшихся огромным успехом.

«Вторая молодость» Невежина — одна из самых популярных, репертуарных пьес своего времени. Невежин был безусловным и преданным поклонником Островского, считал себя его учеником. И во «Второй молодости» действительно можно обнаружить нечто общее с принципами драматургии Островского, например стремление к ясной моральной оценке. Вместе с тем характер персонажей, характер конфликта, сам социальный слой, взятый автором, — все это совершенно иное, не свойственное миру Островского, всему складу его драматургии. У Невежина в пьесе — мир служащих, интеллигенции, чиновничества, словом, мир людей и отношений, характерных не столько для драматургии Островского, сколько, пожалуй, позднего Писемского. Публика, выведенная на сцене, — та же самая, что была в зрительном зале (и публика, заметим, уже последней четверти XIX века).

Многое во «Второй молодости» не может не вызвать нашего читательского сочувствия. Но оно скорее будет относиться к автору, больше к намерению, чем к реальному художественному результату. Для Невежина его герои представляют несомненный интерес, и важней всего для него, наверное, вопрос: а какие они люди? Собственно, именно этим драматург сходен с Островским — и едва ли родствен Писемскому, если иметь в виду наиболее близкие по материалу его последние бытовые пьесы, вроде «Ваала», «Птенцов последнего слета». Но это свое «человеческое» отношение Невежин не может реализовать художественно. У него в пьесах не образы, а роли. Роль строится не на непрерывности и постепенном прояснении характера, а на цепочке эффектных выходов, выигрышных моментов, каждый из которых именно в этот сценический эпизод должен обладать максимальной ударной силой и при этом как бы вовсе не принимается в расчет, насколько он вяжется с другими эпизодами. Так что при всем интересе к личности героев понять, какие они, невозможно. Между тем, в отличие от пьес Писемского, насыщенных действием, со стремительной и разнообразной интригой, пьесы Невежина более ориентированы на тип драмы Островского, у которого персонажи прежде всего любовно и неторопливо демонстрируются автором, нежели действуют. Для Писемского едва ли не самое важное — всеобщая круговая вовлеченность героев в действие, что и выражает, в сущности, авторскую концепцию и дает возможность для их лаконичной и выразительной, хотя и несколько фельетонной, обрисовки.

Во «Второй молодости», как и во многих пьесах Островского, интрига подчеркнута проста и открыта, «повернута» к зрителю с самого начала. Вся пьеса, пожалуй, больше всего напоминает «Не так живи, как хочется», тяготея к притче — притче из жизни образованного сословия в России конца XIX века. Но здесь-то и сказывается коренное различие в природе образов Островского и Невежина. Образ у Островского всегда художественно опосредован и потому сохраняет свою жизненность и тогда, когда непосредственная его жи-

П. М. Невежин

тейская «документальность» уже отошла в прошлое. А жизнь образов Невежина кончилась, как только прошло время и утратилась их злободневность и узнаваемость. Они не художественны (в смысле обобщающей типизации, речевой традиции, отношения к канону и т. д., как у Островского) и не функциональны по отношению к сюжету (как у Писемского), поэтому у них нет резонансов к сценическому существованию. Читать «Вторую молодость» сейчас любопытно, но и нелегко. Речи героев тяжеловесны, но автор щедр на них, потому что он относится к своему материалу как к чему-то заведомо художественно ценному и значимому, чему-то, что ценно именно само по себе — это инерция театра Островского. По существу же Невежин выпал не только из традиции театра Островского, но, пожалуй, едва ли не из всей художественной традиции XIX века.

Своим творчеством Невежин чрезвычайно выразительно иллюстрирует состояние художественного «провала», утрату преемственности в художественно-литературном процессе, падение авторитета искусства как вида деятельности в 80-е годы. Особенно ощутимо это было именно в драматургии и поэзии, потому что в прозе еще продолжали работать Шедрин, Толстой, а в начале десятилетия — Тургенев.

То, что в классическое время существовало в единстве — искусство и «учительная» миссия литературы, к концу 80-х годов XIX века утрачивает связь, расщепляется на крайний эстетизм «леонтьевского типа» и утилитаристские представления об искусстве, защищаемые поздненароднической критикой. Поэзия и театр как-то слились в сознании значительной части публики и критики со всеми остальными формами «словесного» освоения «идей» и «вопросов». Именно на этой почве и произойдет вскоре чеховская революция в театре.

А. И. Журавлева

СОТРУДНИКИ,
ИЛИ ЧУЖИМ ДОБРОМ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ

Пословица в двух отделениях

Действующие лица

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНОВ

человек среднего чина, вспыльчивый и тщеславный.

АДЕЛАИДА ПАВЛОВНА

его жена, слегка сентиментальная.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА

ее сестра, 17 лет.

УХАРЕВ

петербургский журналист.

ВЕЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ОЛЕГОВИЧ

московский литератор.

ЛЕОНИД

франтоватый камердинер Ухарева.

СИДОР

крепостной человек Олegovича, заспанный.

ПРОХОР

приказчик Грознова, в длинном сюртуке, плутоватый, с красным носом.

Действие происходит в 1854 году между Москвою и Петербургом, в деревне, близости железной дороги.

ОТДЕЛЕНИЕ I

Гостиная в деревне. С каждой стороны по двери; окно в сад, две двери в глубине комнаты, одна из них прямо в сад.

ЯВЛЕНИЕ I

Аделаида Павловна сидит с книгой; Ольга Павловна на другой стороне вышивает за пальцами; в дверях стоит приказчик Прохор.

Прохор. Больше приказаний никаких не будет?

Аделаида Павловна (зевая). Нет... а что у вас в поле теперь... пашут или жнут?

Прохор (*смеется*). Чай, сударыня, сами изволите знать.

Аделаида Павловна. Ах! Какая несносная жизнь в деревне! Вот скука-то!

Ольга Павловна (*вздыхая*). Ах, да!..

Аделаида Павловна. Хорошо еще, что мы живем на самой железной дороге. Так все-таки кто-нибудь знакомый с визитом приедет, а то в этой новгородской глуши просто с тоски умрешь.

Прохор. А как же, сударыня, прикажете с старостовой дочкой быть, с Матреной-то?

Аделаида Павловна. А что такое?

Прохор. Да артачится все... замуж не идет... а девке-то уж за двадцать будет. Так я так думаю: не прикажете ли выдать ее по страсти?*

Аделаида Павловна. Ах, да!.. Да!.. по страсти, непременно по страсти. Это первое счастье, первое блаженство в жизни выйти замуж по влеченью сердца, за того, кого любишь... (*Про себя.*) Не так, как я. Меня выдали замуж из расчета, из денег. (*Вслух.*) Пускай она будет счастлива. Пускай идет по страсти.

Прохор. Слушаю-с.

Аделаида Павловна. Да смотри, представь мне жениха; я сама хочу его видеть. Кто он таков?

Прохор. Да не знаю еще... сударыня... какой попадется...

Аделаида Павловна. Да ты говорил, что она идет по страсти?

Прохор. Известное дело, пострадать надо маленько. А то... что девуку-то баловать. Да вы, сударыня, сумлеваться не извольте. Вот хоша моя хозяйка, — тоже шла за меня по страсти. Отец приневолил, высечь хотел, — а вот-с, слава богу, живем, как лучше не требуется.

Аделаида Павловна. А... ты этак хочешь! И не смей говорить... я этого и слышать не хочу — и барину не говори. Ступай себе на работу, а об этаких свадьбах и думать не смей.

Прохор. Воля милости вашей.

Аделаида Павловна. Ну, ступай, ступай же.

Прохор. Слушаю-с. (*Уходит, пожимая плечами.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Аделаида Павловна и Ольга Павловна.

Аделаида Павловна (*после краткого молчания*). Я никак не могу привыкнуть к необразованности этих людей. У них самое прекрасное, самое святое чувство любви ни во что не ставится... да известно ли оно им? (*Помолчав.*) Впрочем, оно, может быть, и лучше; во всяком случае, счастливее. Они не знают убийственной тоски, душевных волнений, угрызений совести.

Ольга Павловна. Ах, да!..

Аделаида Павловна. Они не знают вечных опасений и страха... страха, который...

Ольга Павловна (*вздыхая*). Ах, да!..

Аделаида Павловна (*вставая*). Оленька... Ольга... Погляди-ка на меня. Ты это сказала с таким чувством... Я давно за тобой замечаю... Что ж ты отворачиваешься?.. Разве я не сестра твоя? Поди-ка сюда, погляди на меня хорошенько. (*Помолчав.*) Ты любишь?

Ольга кидается сестре на шею Молчание.

Бедная!.. Любить!.. Не бойся, я тебя понимаю. Выскажи мне свое горе. Тебе будет легче. Ты думаешь, я не догадалась... а я все, все вижу. Ну, расскажи, Оленька.

Ольга Павловна. Я боюсь; ты будешь бранить меня.

Аделаида Павловна. Бранить! За что? Разве это от нас зависит? Ах, если бы ты знала... (*Вкрадчиво.*) Скажи... давно?..

Ольга Павловна (*потупляя глаза*). Да вот уже три года.

Аделаида Павловна. Как же ты мне не сказала до сих пор?.. В Москве, верно?

Ольга Павловна. В Москве.

Аделаида Павловна. Когда ты училась у madame Fine-mouche? Ну, делом, видно, занималась. А как его зовут?..

Ольга Павловна (*застенчиво*). Зачем тебе знать?..

Аделаида Павловна. Да как же? Когда человек болен, надо знать хоть название его болезни. Он молод?

Ольга Павловна. Да.

Аделаида Павловна. Хорош... разумеется?

Ольга Павловна. Да!.. Ах, да!..

Аделаида Павловна. А как его зовут?

Ольга Павловна. Ты этого... непременно... хочешь?.. Его фамилия... Олегович...

Аделаида Павловна. Олегович... Что это такое?.. Я не помню... Я не слыхала такой фамилии... Олегович.

Ольга Павловна. Ах, нет,— ты, верно, слышала. Он тот самый, который написал эту известную статью о земле Тьмутараканской.* Вся Москва об ней говорила... Ты, верно, тоже слышала?

Аделаида Павловна. Нет, не слыхала. Да он русский, что ли?

Ольга Павловна. Как же, и страстно любит все русское, все старинное... Ах, если бы ты слышала, Адель, как он говорит, с каким жаром, с каким увлечением!.. И все, знаешь, об Западе, да об Востоке.* Если бы ты видела, какие у него глаза тогда, какое выражение!.. Поверишь ли, и не поймешь иногда, да заслушаешься.

Аделаида Павловна. А ты ему ничего не говорила?

Ольга Павловна. Нет, я с ним много разговаривала.

Аделаида Павловна. Да не говорила ли ты ему чего... такого, особенного?

Ольга Павловна. Как... особенного?

Аделаида Павловна. Ну, что он тебе нравится, что ты к нему равнодушна.

Ольга Павловна. Ах, нет! Как можно!..

Аделаида Павловна. Ну... слава богу... так в этом ничего нет важного, просто шалость, ребячество.

Ольга Павловна (*обидясь*). Нет, не шалость, не ребячество, вовсе не ребячество. Зачем ты меня обижаешь?.. а еще сестра! Нет, я уж не дитя, Адель... По ночам не сплю. И во сне все его вижу. Хороша шалость! Я живу одной этой шалостью. Ах, если бы ты знала, как грустно мне бывает и как весело иногда... А скучно никогда не бывает... право... Мой ум вечно занят. Да где тебе меня понять? Ты живешь не воображением, а жизнью обыкновенной. Ты никого не любишь!

Аделаида Павловна. Что? Я никого не люблю? А почему ты это думаешь?

Ольга Павловна (*простодушно*). Ведь ты замужем.

Аделаида Павловна. Так что же?

Ольга Павловна. У тебя твое хозяйство, твои обязанности.

Аделаида Павловна (*шепотом*). А разве сердце приковать можно? Разве душа не стремится к идеальному? Разве женщина, потому что она была брошена непонятливому мужу... должна уже навеки от всего... от всего отказаться?..

Ольга Павловна. Что я слышу, Адель! Что это значит?

Аделаида Павловна. Это значит, что ты еще дитя, что ты не понимаешь еще настоящей страсти. Да и зачем тревожить твою невинную душу! Давай лучше говорить о другом.

Ольга Павловна. Нет. Я тебе все сказала, не скрывайся и ты от меня. Разве я не сестра тебе? Выскажи мне свое горе... Тебе будет легче. Я сама по себе чувствую. Пожалуйста, если ты меня любишь... я прошу тебя...

Аделаида Павловна. О, моя история не то, что твоя... И подумать страшно!..

Ольга Павловна. Ах, боже мой! Ты меня пугаешь! Да что же такое?..

Аделаида Павловна. Нас, может быть, подслушивают.

Ольга Павловна. Говори шепотом.

Аделаида Павловна (*таинственно*). Где, ты думаешь, я была вчера?..

Ольга Павловна. Вчера?.. Постой... ты была за пятнадцать верст, у соседки Андреевой.

Аделаида Павловна. Ну, а третьего дня?

Ольга Павловна. Ты говорила мужу, что едешь за восемнадцать верст, к помещице Фадеевой.

Аделаида Павловна. В том-то и дело, что я ни у Андреевой, ни у Фадеевой не была. Я была в Петербурге.

Ольга Павловна. В Петербурге?.. за триста верст?

Аделаида Павловна. Да, теперь, ты знаешь, по железной дороге легче съездить в Петербург, чем верст за десять к соседу, проселком.*

Ольга Павловна. Да зачем же ты ездила в Петербург?

Аделаида Павловна. Я ездила собственно не в Петербург, а в Летний сад.

Ольга Павловна. Зачем же в Летний сад?

Аделаида Павловна. Для свидания.

Ольга Павловна. Ах! Боже мой! Да хорошо ли это... подумай!

Аделаида Павловна. Я обо всем передумала. Но это слыше сил моих. Я его знаю недавно; но с тех пор, как я его узнала, я об одном только и думаю... как бы его видеть.

Ольга Павловна. Да кто он таков?

Аделаида Павловна. На что тебе?

Ольга Павловна. Ведь я тебе сказала.

Аделаида Павловна. Ты удивисься, когда услышишь его имя. Имя такое громкое, такое известное... Ухарев...

Ольга Павловна. Ухарев... да я никогда об нем не слыхала.

Аделаида Павловна. Как не слыхала! Он знаменитый русский литератор, то есть не литератор, а по-настоящему журналист.

Ольга Павловна. Что ж, он много пишет?

Аделаида Павловна. Как же... то есть... нет, он ничего не пишет. Он издает очень много. У него работают за него сотрудники.* Он такой известный человек!

Ольга Павловна. И ты его любишь?..

Аделаида Павловна. Не знаю еще сама; но он меня совершенно отуманил, он такое имеет влияние на меня!

Ольга Павловна. Да как же ты не боишься мужа?

Аделаида Павловна. А разве страсть рассуждает? Конечно, муж мой ревнив и бешен в ревности; и если он узнает, что в душу мою вкралось преступное чувство, то будет несчастье. Он ни на что не посмотрит, и не от того, чтоб он меня любил страстно,— а просто из самолюбия.

Ольга Павловна. Да ведь он не дурной человек. Вспылчив немного, а я, право, его люблю.

Аделаида Павловна. Ты не жена его. Тебе легко.

Ольга Павловна. Только, чтоб он не узнал того... он такой подозрительный.

Голос за кулисами: «Дома барыня?..»

Аделаида Павловна. Ах, боже мой, вот и он. Чтоб он только не заметил, что мы встревожены! Смотри, ты как будто ни в чем не бывало.

Ольга Павловна. Будь покойна. Ведь я недаром училась у madame Finetouche. Знаю, как надо притвориться.

Вспыхах Аделаида Павловна садится за пьльцы, а Ольга Павловна на ее место и рассматривает книгу.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Грознов.

Грознов. Вот и я. Устал, как ямская лошадь! Что это ты, Оленька, читаешь?

О л ь г а П а в л о в н а. Не знаю, право... Русская какая-то книга... так, от скуки...

Г р о з н о в. А я думал, это для скуки. А ты, мой друг, давно ли принялась за вышивание?

А д е л а и д а П а в л о в н а. Я помогаю сестре.

Г р о з н о в. Вот это похвально... на то и сестры, чтоб помогать друг другу. А я ходил на железную дорогу. (*Смотрит на часы.*) Не знаю, что это значит — машина что-то нынче опаздывает.

А д е л а и д а П а в л о в н а. А разве ты ждешь кого-нибудь?

Г р о з н о в (*подозрительно*). Уж не ждешь ли ты кого-нибудь?

А д е л а и д а П а в л о в н а. Кого мне ждать!

Г р о з н о в. А кто знает. Вот, видишь ли, мне хочется сделать тебе сюрприз.

А д е л а и д а П а в л о в н а. С какой стати?

Г р о з н о в. Ну, чтобы доставить тебе удовольствие, а во-вторых, чтобы и люди об нас услышали, а то мы живем так смиренно, так тихо, точно немцы в Парголове.* Пора и показать себя. Вот я и вспомнил: через две недели будут твои именины.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Благодарю, что вспомнил.

Г р о з н о в. Я этого никогда не забываю. Ну-с... следовательно, у нас будет праздник на славу, бал, фейерверк и театр. Пускай посмотрят эти провинциалы, как мы поживаем запросто в деревне.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Да кто же у нас будет играть?

Г р о з н о в. Ну вот, Оленька, я... ты...

А д е л а и д а П а в л о в н а. Нет, меня нельзя ли избавить. Я сама себе сюрпризов не намерена делать. И к тому, что же мы играть станем? Французских пьес здесь никто не поймет, а как за русские примешься, так только ведь две и есть хороших: «Ревизор» и «Горе от ума». Да их все наизусть знают.

Г р о з н о в (*потирая себе руки*). А мы-то на что-с?

А д е л а и д а П а в л о в н а (*с пренебрежением*). Вы-с?

Г р о з н о в. Да-с, мы-с. В старые годы мы пописывали; так отчего же и теперь не попытаться.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Помилуйте! Куда вам?

Г р о з н о в. Вот истинное супружеское замечание! Благодарю за лестное мнение. Впрочем, прошу вас не беспокоиться. Во-первых, мы напишем, разумеется, не комедию, а просто какую-нибудь шутку, поговорку в лицах, — это, как вы знаете, со времени Альфреда де Мюссе* в большой моде. Во-вторых... вот тут-то главное дело... и это должно вас совершенно успокоить — я буду писать не один, а с сотрудниками, что также теперь в моде.

А д е л а и д а П а в л о в н а. А кто же эти сотрудники?

Г р о з н о в. Поверишь ли, странное дело?! Сотрудники так и набиваются. Знаешь ли, что я думаю — я думаю, что меня, наконец, поняли и отдают мне справедливость. Ведь у меня было дарование. Так изволишь ли видеть, теперь только догадались, что если я не пишу ничего, так это потому, что занят службой. Вообрази, вчера, как я ездил в Москву и только намекнул о своей мысли, так тут же вызвался

ко мне в сотрудники молодой и, говорят, очень умный, ученый молодой человек, литератор, Олегович.

Ольга роняет книгу.

Грознов. Что это с вами?

Ольга Павловна. Нет... ничего... я вас заслушалась, так книгу уронила.

Грознов. Правду сказать, он странен немножко, а впрочем, мне понравилась его услужливость; его почтительность к людям известным... как я, например.

Ольга Павловна. А кто же еще будет?

Грознов. И другой еще будет. Ну, этот поважнее москвича. Этот петербургский. Ведь я третьего дня ездил в Петербург; был на водах у Излера*. И как раз завербовал другого сотрудника, и какого еще! Да ты, я думаю, Адель, его знаешь... Ухарева.

Аделаида Павловна роняет пальцы.

Что это вы какие неловкие сегодня?

Аделаида Павловна. Я... ничего... клубок уронила, так вот и пальцы...

Грознов (*подозрительно*). Ты Ухарева знаешь?

Аделаида Павловна (*спокойно*). Нет. Не знаю... никогда не видала. Кто он такой?

Ольга Павловна (*в сторону*). Ах, как хорошо притворяется! Я б этак не сумела.

Грознов. Ухарев молодой журналист. Ну, знаешь, время летнее... Журналы дремлют. Он мне сказал, что рад отдохнуть в деревне. Потому что для поэта... ты понимаешь... деревня, природа... березы... грибы... после петербургской мостовой.

Аделаида Павловна. Охота тебе приглашать к себе бог знает кого! Никогда не спросишь у меня, согласна ли я. Только и думаешь, чтоб было по-твоему.

Грознов. Да ведь твои именины.

Аделаида Павловна. Так что ж, что мои именины! Насчет моих именин ты мог бы со мной, кажется, посоветоваться.

Грознов. Так ты не хочешь домашнего спектакля?

Аделаида Павловна. Что в нем! Конечно, хороший спектакль дело здесь неслыханное.

Грознов. То-то я и думал.

Аделаида Павловна. А почему ты думаешь, что он будет хорош?

Грознов. Уж будь покойна — сотрудники мои известные, даровитые люди. Ну, да и я не совсем из ума выжил. Не сердись только, мой друг; так отпразднуем твои именины, что по всему окологду треск пойдет! Куда же ты?

Аделаида Павловна. Да ведь придется надо; ты никогда не предваришь. Надо приказать насчет завтрака, насчет комнат: сделать распоряжения. (*В сторону.*) У меня сердце так и за-

мирает. *(Вслух.)* И охота тебе праздновать мои именины! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Грознов и Ольга Павловна.

Грознов. Ну... а ты, Оленька, что скажешь? Хорошо я придумал... насчет этого театра?

Ольга Павловна. Ах, братец, так хорошо, что и сказать нельзя. Я так довольна, так счастлива...

Грознов. Погляди, пожалуйста! Хорошо, что ты не мужчина, а то была бы театралом. Даже в лице изменилась. Давно ли у тебя эта страсть к театру?

Ольга Павловна. Ах, я бы расцеловала тебя.

Грознов. Целуй, сделай одолжение, целуй. Я уже обо всем распорядился. Театр и кулисы нам привезут из Петербурга. Ну, а пьеса... это пустяки... Мы ее сразу навалаем втроем, после завтрака. В Париже, ты знаешь, всегда так делается. Соберутся два, три приятеля. Разберут все между собою. Один сцену, другой сцену, третий сцену — вот и комедия. А мы чем хуже французов?*

Ольга Павловна. Конечно, ничем.

Грознов. Знаешь ли, что меня забавляет? Сколько будет толков после нашей пьесы... И не только по соседству, но и в обеих столицах. Слышали, какой Грознов задал пир? Сам пьесу написал с товарищами... был бал, фейерверк, иллюминация... Мастер жить, всех перещеголял! Я думаю, сосед наш Андреев с досады лопнет. Да сама посуди, где ему со мной тягаться!

Слышен свист машины и звон колокольчика.

А, наконец, вот и машина пришла. Пойду гостям навстречу. Так ты будешь играть?

Ольга Павловна. Все что угодно.

Грознов. Ты бывала в Москве в театре?

Ольга Павловна. О, нет, нас из пансиона не пускали.

Грознов. Да как же ты любишь театр?

Ольга Павловна. Да уж... так... люблю.

Грознов. И хорошо делаешь, мой друг, потому что театр, мой друг, это такая вещь, это не простая игрушка, нет, а школа, так сказать, в которой каждый... и не только каждый, но и всякий... но и все... могут найти некоторым образом... Ну, да теперь мне некогда, я объясню это тебе в другой раз. *(Поспешно уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Ольга одна.

Он не забыл меня... он для меня сюда приехал... какое счастье! Как весело жить! *(Глядит в окно.)* Ах, вот и он, все в прежнем наряде

де... все так же хорош, а я... Ну, как он найдет, что я подурнела... страх какой!.. Пойти поглядеться в зеркало. А потом сейчас... сейчас же приду сюда, будто нечаянно, чтоб он не думал, что это для него. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Олегович, Прохор и Сидор.

Олегович в красной рубашке, в старинном полукафтани и мурмолке.
Сидор в армяке, перепоясанном ремнем; он несет небольшой чемоданчик
и связку книг.*

Прохор. Пожалуйте сюда-с, в эту комнату. Она у нас для гостей. (*В сторону.*) Вишь, как одет чудно! Должно быть, из немцев.

Сидор. Сюда, что ли? (*Идет в комнаты.*)

Прохор. Сюда.

Олегович. Ты книг не растерял?

Сидор. Никак нет-с.

Олегович. Вот, в особенности не уронил ли ты моей диссертации о земле Тьмутараканской?

Сидор. Помилуйте-с: она тяжелая.

Прохор (*не расслышав*). Как-с?.. в господском доме нет-с; а вот у нас, так много — не знаем, как сладить.

Олегович. Я это привез в подарок хозяину.

Прохор (*в сторону*). Вишь, чудак какой, с какими подарками ездит!

Олегович. Хорошо, — ступайте...

Прохор и Сидор входят в комнату направо.

ЯВЛЕНИЕ VII

Олегович (*один*). Жалкое изобретение, незавидный прогресс... эти паровые машины. Бурный поток безумного времени! Летишь себе, летишь, летишь, без оглядки, не опомнясь. А тут по дороге живописные селения, мирные общины. Там раздается звонкая, задумчивая, родная песнь. Тут трудолюбивый селянин, потомок славных варягов* (*подумав*)... а может, и чудн... а может, и веси... а может, и мери*... как бы то ни было... русский селянин нагнулся над сохой и шепчет себе народные, коренные, неспорченные слова. Так и хочешь броситься к ним, сжать их в своих объятиях, а тут... (*подражает свисту машины*)... летит себе машина, летишь себе, как прикованный к чужой силе; а пуще всего досадно то, что это необозримое пространство, которым так несказанно гордились мы, которое так роскошно раскинулось на полсвета, теперь совершенный вздор, совершенные пустыки. даже вовсе не существует. Помилуйте! утром был в Москве на лекции, только что успел поспорить о печенегах* да о кривичах*, глядь... к обеду уже в древнем Ганзейском Новгороде!*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Олегович и Ольга Павловна

Ольга Павловна. Ах, Вечеслав Владимирович!
Олегович. Ольга Павловна!

Молчание

Ольга Павловна (*робко*). Какими судьбами?..

Олегович (*в замешательстве*). Так-с, случай такой...

Ольга Павловна. Так неожиданно...

Олегович. Я сам не думал... не надеялся. Впрочем, если вам неприятно, я уеду.

Ольга Павловна. Помилуйте, я очень рада.

Олегович (*ободрившись*). Извините, сударыня, что я являюсь перед вами не в наряде модного шута. Я знал, что вы, как русская девушка, не будете гнушаться одеждой ваших праотцев.

Ольга Павловна. Конечно.

Олегович. Я не ошибся в вас. Я видел в глазах ваших, что вы дочь русской земли: вас бог благословил румянцем и красотой. (*С чувством.*) Ах, зачем только не носите вы сарафана?

Ольга Павловна (*вздыхая*). Нельзя, Вечеслав Владимирович, нельзя. Сестра не позволит. Вы знаете, она петербургская.

Олегович. Ох, уж этот мне Петербург! Много мне было горя, когда вы переехали в Петербург.

Ольга Павловна (*нежно*). Право?

Олегович. Я боялся... я предчувствовал, что эта тревожная жизнь отуманит ваше юное воображение, отдалит вас от чистых внушений природы и родины.

Ольга Павловна. Ах! как можно!..

Олегович. Так вы не забыли нашей старухи-Москвы? Вы помните те вечера, где мы с товарищами так горячо спорили, а вы одобряли нас светлой улыбкой?

Ольга Павловна (*вздыхая*). Счастливое было время!

Олегович. А помните ли тот вечер, когда я говорил о святом семейном начале и так умиленно глядел на вас? (*Торжественно.*) Я говорил о достоинстве и значении женщины в нашем быту, о трогательном смысле наших теремов, и с восторгом, быть может, неуместным, олицетворял в вас, в вас лучшую мечту, глубоко затаенную в сердце. И вы взглянули на меня с таким выражением... вот почти как теперь... сердце мое забилося. Я не помнил, что говорил... но когда я очнулся, рука ваша была в моей руке, и я просил у вас позволения надеяться... (*скороговоркой*)... что когда у меня будет казенная квартира, жалованье и место с приличным содержанием, вы не откажетесь быть женой русского человека.

Ольга Павловна. Я и теперь не изменилась, Вечеслав Владимирович. Я не забыла того вечера, я никогда его не забуду. Только муж сестры моей человек честолюбивый и тщеславный!.. Я от него завишу. Я боюсь его. Он вспыльчивый, решительный че-

ловек. Я знаю, он хочет меня выдать за одного петербургского чиновника.

О л е г о в и ч. За чиновника! Вы, Ольга Павловна, светлая дума русской души, вы выйдете за чиновника!.. Нет, я этого не допущу*— подождите только немного. Я напишу еще три диссертации, одну о происхождении буквы ять, другую о Несторовой летописи, третью об чешском корнесловии.* Я открою новые разряды, новые летописи. Но я составлю себе имя, такое громкое имя, что меня сделают профессором, и ваш опекун согласится на мое счастье.

О л ь г а П а в л о в н а. Дай-то бог! Я буду ждать.

О л е г о в и ч. Ольга Павловна... вы ангел... я заслужу ваше доверие.

О л ь г а П а в л о в н а (к о к е т н и ч а я). Как вы это умно придумали, что сюда приехали.

О л е г о в и ч. Что ж делать! Согрешил перед наукой, прикинулся водевилистом.

О л ь г а П а в л о в н а. А вы комедий разве не писали?

О л е г о в и ч. Помилуйте, сроду не писал литературной строчки. Ведь я пишу только ученые статьи.*

О л ь г а П а в л о в н а. Да вы все сумеете. (Шум.) Идут, кажется, я пойду к сестре. До свидания. (Лукаво.) Что, хорошо у нас в деревне?

О л е г о в и ч. Рай земной.

О л ь г а П а в л о в н а. То-то же, насилу догадались приехать. Не опоздайте же к завтраку. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

О л е г о в и ч, П р о х о р, У х а р е в, его слуга Л е о н и д и еще двое слуг Грознова, с чемоданами и ящиками.

У х а р е в. Где ж твой барин?

П р о х о р. Навстречу к вам пошли; видно, разошлись.

Л е о н и д. Эй, деревенщина, куда же нам вещи тащить?

П р о х о р. Да уж сюда пожалуйста, лучшую комнату мы уж отдали.

Л е о н и д. Ну, вы, олухи, тащите.

Л е о н и д и слуги с вещами входят в комнату.

У х а р е в. А барыня дома?

П р о х о р. Дома-с.

У х а р е в. Ступай, доложи, что приехал господин Ухарев.

П р о х о р. Слушаю-с. (Уходит.)

О л е г о в и ч. Как, вы господин Ухарев, журналист?

У х а р е в (в сторону). Это что за рожа?

О л е г о в и ч. Позвольте взглянуть на вас.

У х а р е в. Гляди, любезный, гляди. Ты, видно, грамотный, слышал про меня? Это удивительно, как в этом классе развивается уже просвещение.

О л е г о в и ч. Позвольте вам заметить...

У х а р е в. Послушай-ка, любезный, где же твои господа? Кроме болвана приказчика, да тебя, видно, никого в доме нет.

О л е г о в и ч. Да вы ошибаетесь.

У х а р е в. Что?

О л е г о в и ч. Вы что про меня думаете?

У х а р е в. Да что ты на меня глаза вытарасил?

О л е г о в и ч. Нет, это нестерпимо! Я русский человек, а не мужик. Тут большая разница.* Я не позволю так говорить с собой. Да-с, я-с... Олегович... понимаете теперь? Тот самый, которого вы раскритиковали в вашем журнале, и без всякого основания. Потому что, во-первых, изволите видеть, по первому моему положению земля Тьмутараканская...

У х а р е в. Ах, это вас? Я статьи не помню, а впрочем... очень приятно.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Грознов

Г р о з н о в. Извините, господа, извините: я побежал к вам навстречу через амбары; а вы, видно, прошли через плотину. Что это машина нынче опоздала? Вы между собою знакомы?

У х а р е в. Сейчас познакомились.

Г р о з н о в. Как же я рад, что вы согласились посетить мою избушку! Но, я думаю, вы проголодались... надо сперва угостить любезных сотрудников. Ведь вы не забыли, что мы сотрудники?

У х а р е в. Затем приехали.

О л е г о в и ч. Так сказано!

Г р о з н о в. Через две недели именины жены моей,— так вы сами видите, что времени терять нечего. Мы сперва позавтракаем, а потом тотчас и примемся за дело. Не так ли? Напишем пьесу, господа, разумеется, не важное что-нибудь, а так, просто шутку, à propos¹, водевильчик или картинку с куплетами. Ведь на это, я думаю, немного времени нужно.

О л е г о в и ч. С неделю, по крайней мере.

У х а р е в. Помилуйте!.. полчаса будет довольно.

Г р о з н о в. Так милости просим в столовую. Вы меня извините, завтрак деревенский. Пойдемте же... Господин... я все забываю вашу фамилию.

О л е г о в и ч. Олегович.

Г р о з н о в. Ах, да, виноват. Пойдемте. А вы что?

У х а р е в. Сейчас приду, только два слова надо сказать человеку.

Г р о з н о в (*уходит с Олеговичем*). Ну, так мы вас ждем.

У х а р е в. Сейчас, сейчас.

¹ Кстати (*фр.*).

ЯВЛЕНИЕ XI

У х а р е в (*один*). Наконец я здесь, как сказал бы какой-нибудь первый любовник Александринского театра, здесь, в деревне моей Аделаиды Павловны. Отличная барыня, эта моя Аделаида Павловна, право; а муж-то, кажется, просто идиот... писать комедии вздумал, вот шалун-то!.. Леонид!

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ XII

У х а р е в и Леонид.

Леонид. Помилуйте, сударь, такую комнату дали, что...

У х а р е в. Не в том дело. Подай мне дорожный несессер... нет, не надо. Погляди только: прическа в порядке?

Леонид. В порядке-с.

У х а р е в. Галстух надет хорошо?

Леонид. Хорошо-с.

У х а р е в. Небрежно?

Леонид. Небрежно-с.

У х а р е в. Ну, почисти мне сюртучок. Да вот что, проведай хорошенько в доме, как и что... ну, знаешь, как в прошлом году, на Черной речке*.

Леонид. То есть, насчет того-с?..

У х а р е в. Ну да! Комната моя здесь?

Леонид. Здесь, да что за комната! Нам этакая комната не годится. Мужу московскому, говорят, лучшую отдали.

У х а р е в. Ну, не рассуждай, а справься вот о чем: спит ли муж после обеда, ходит ли гулять барыня в сад одна? Кто у нее бывает?

Леонид. Да они, кажется, сами идут.

У х а р е в. Что ж ты стоишь? Убирайся вон скорей. (*Толкает его вон. Леонид уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

У х а р е в и Аделаида Павловна.

Аделаида Павловна (*в большом волнении*). Ах, боже мой, какая неосторожность! Я вся дрожу... как можно было, не предупредивши меня... мой муж чуть-чуть не заметил. Как это вы решились!

У х а р е в. Страсть все превозможет. Я сказал вам, что найду средство быть у вас, и вот я... здесь... у вас.

Аделаида Павловна. Как же? И вы думаете здесь остаться?..

У х а р е в. Это совершенно от вас зависит. Если вы меня в самом деле любите, я готов посвятить вам всю жизнь. Если только забавляетесь... ну, разумеется, тогда будет другая речь.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Послушайте, Ухарев, я вам отдам справедливость. Вы сами знаете, что я ищу случая вас видеть... что это доказывает,— судите сами. Но вы понимаете, что есть обязанности, которыми играть нельзя. Я замужем.

У х а р е в. Так что же! Неужели в наше время такое ничтожное обстоятельство может быть препятствием!

А д е л а и д а П а в л о в н а. Я убеждена, что такое преступное чувство наказывается само собой. А раскаяние, мой друг, а старость с угрызениями совести, разве вы об этом не подумали? Вы все, мужчины, эгоисты. Только об себе думаете. Было бы только по-вашему.

У х а р е в. Это ваш ответ?

А д е л а и д а П а в л о в н а. Какого же еще хотите?

У х а р е в (*решительно*). Вы меня не любите.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Вы думаете?..

У х а р е в. Я в этом убежден. Любовь так не рассуждает, потому что она не рассуждает вовсе. Извольте видеть, по-моему, есть только два разряда женщин, заслуживающих уважения. Первые посвящают всю жизнь свою строгому долгу; вторые безусловному чувству. Но те, которые на рубеже долга и чувства заманивают, чтоб обмануть; те, которые играют любовью, как веером, те просто кокетничают, то есть занимаются самым, извините, жалким ремеслом, и от них я готов бежать по всем железным дорогам.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Вы жестоки, Ухарев.

У х а р е в. Я говорю правду. Я не желаю забавлять досугов скучающей кокетки. Я уже не в первой молодости, и к тому же русский литератор; следовательно, ни для кого забавным не бывал.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Что вы думаете?

У х а р е в. Я думаю извиниться перед вашим мужем, скажу, что нарочно затем приехал, но что занятия мои не позволяют мне участвовать в его комедии; а в вашей, сударыня, комедии... вы сами видите, что я участвовать более не могу. Прощайте...

А д е л а и д а П а в л о в н а. Оставайтесь...

У х а р е в. О, я бы жизнью пожертвовал, чтоб остаться! Но для этого мне надо вас видеть... Скажите когда?..

А д е л а и д а П а в л о в н а. Берегитесь, идут.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Прохор

П р о х о р (*в дверях*). Барин просит к fryштыку*.

А д е л а и д а П а в л о в н а. Сейчас, сейчас... Ступай.

У х а р е в. Послушайте... вот моя комната. Бросьте мне туда записку... когда и где я могу вас видеть.

Аделаида Павловна. Ах, боже мой! Чего вы от меня хотите!

Ухареv. Решайтесь... Умоляю вас.

Аделаида Павловна. Да... как же...

Ухареv. Да вот, хоть в замочную щелку.

Аделаида Павловна. Не знаю, право...

Ухареv. Решайтесь... Не то прощайте навеки.

Аделаида Павловна (*шепотом*). Берегитесь... Он нас может подслушать. (*Вслух.*) Угодно вам завтракать?

Ухареv. С большим удовольствием. (*Подает ей руку и оба уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ XV

Прохор, а потом Леонид и Сидор.

Прохор. Эва, прощелыг-то наехал! Охота барину связываться с этими лизоблюдями! Хоть один бы на чай подарил... Да вот этот что-то сладко на барыню поглядывает... чего доброго... вот тебе и железная дорога... вконец разодолжит.

Леонид. Эй ты, чучело! Что стоишь? Нет у вас в домишке получше комнаты? Мы так жить не привыкли.

Прохор. А чем же дурна комната?

Леонид. По тебе, известно, хороша, когда лучше не видывал; а по-нашему, никакого вещественного соображения не имеет. Туалета поставить негде — кровать у окна. Просто, какая-то меланхолическая.

Сидор, заспанный, выходит из другой двери.

Сидор. Земляк, а земляк, где б тут закусить, да прикорнуть маненько? Дремота одолела.

Прохор. Сейчас, вот с этим надо сперва сладить.

Сидор. А ему чего?

Прохор. Вишь... комнатой недоволен.

Сидор. Да какой ему еще надо? Комната хорошая, вишь какая краска, чистый голубец! Даже в глазах рябит.

Прохор. Ну, так пойдн ж, толкуй с ним.

Леонид. Да где вам, мужикам, понимать столичные, так сказать, поведения. Вот поглядели бы, как мы с барином живем. Все шпалеры, да ковры; любо-дорого взглянуть. На стенах все полтреты и лица такие важные... Не то простой человек, министр заедет — показать не обидно. Передняя гостиная вся бархатная, спальня, уборная, а в уборной два комода красного дерева, шкаф ясеневый, да столик не то ореховый, не то под орех. Одних панталонов у нас двадцать четыре пары, жилеток дюжин пять будет, три пальто зимних, четыре пальтошек летних, а белья-то, косынок, да сапогов — не перечесть. Вот как люди живут, с полным, можно сказать, удовлетворенным распоряжением.

Сидор. А что, земляк, как бы закусить?

Леонид. А вот заедешь к таким олухам, так просто слова стыдно тратить. Никакой филантропии не понимают.

Сидор. Ты что шумишь?

Леонид. Да говорят тебе, мы в такой комнате жить не можем.

Сидор. Ну, так бери нашу; по нас все равно, где бы не спать.

Леонид. То-то же, бери вашу; надобно взглянуть, какова еще ваша.

Прохор. Да лучше в целом доме нет.

Леонид. Ну, покажи-ка... ну да, эта будет поосновательнее. У нас передняя была такая, а впрочем, по-дорожному. Перетаскивай-ка (*Сидору*) свою рухлядь, а (*Прохору*) ты мне помоги. (*Начинают перетаскивать вещи.*)

Прохор (*про себя*). Эх ты, егоза, егоза! Не будь ты барским гостем, посчитал бы я тебе ребра.

Сидор. А что, баня есть у вас?

Прохор. Сегодня топили.

Сидор. Ты покажи... да закусь бы прежде.

Прохор. А ты, мусью, проголодался, что ли?

Леонид. Да я бы поел теперь устриц или фазанов, шпикованных с трюфелем. Да вы, чай, не понимаете, что это такое?

Сидор. Похлебал бы, брат, селянки.

Прохор. То-то все вы голодные. Ну, уж чем бог послал. Пойдемте пока. Я проведу вас отсюда.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Грознов, Ухарев и Олегович, несколько раскрасневшись.

Ухарев. Отличная у вас мадера. Вы у Рауля берете?

Грознов. Нет, в английском магазине. Однако, господа, играть-то нам через две недели, а пьеса еще не начата. Не приняться ли за дело?

Олегович. Попытаемся.

Грознов. Мы, знаете, господа, этак по-парижскому, шутя... все вместе. (*В сторону.*) Авось, они помогут. А я уже ломал себе голову... ничего не придумал.

Ухарев. Позвольте сесть только. (*Садится. В сторону.*) Пиши, голубчик, я тебе сделаю, топ сгег¹, такой сюрприз, какого ты никак не ожидал.

Олегович. Однако, я полагаю, что надобно узнать сперва, в чем именно заключается предмет, то есть цель нашего совещания. (*В сторону.*) Вот теперь попался! Воображения, творчества — ни на волос. Разве они выручат.

Грознов. Итак, господа, мы приступим к делу. Мы сочиним для именин жены моей пьеску. Вам, конечно, известны пословицы Альфреда Мюссе?

¹ Мой дорогой (*фр.*).

У х а р е в. Как не знать. «Каприз», например, chef d'œuvre¹.
почтеннейший, настоящий chef d'œuvre.

О л е г о в и ч. Помилуйте, французский фарс и больше ничего.
Так, легонькое себе дрянцо.

У х а р е в. Да вы читали?

О л е г о в и ч. Нет, не читал, да и читать не буду, да и вам не
советую. Эх, право, пора нам не перенимать более у этой жалкой,
испорченной, отцветшей французской литературы. Нет в ней ни здо-
ровой мысли, ни направления! Да-с, пора нам приняться за свои
народные источники. Вот где мы должны почерпать свои произ-
ведения!

У х а р е в. Так почерпните же, любезнейший, почерпните, хоть
на водевильчик.

О л е г о в и ч. Я нахожу ваше замечание весьма неуместным.
Разве русский гений может унизиться до водевиля!

Г р о з н о в. Позвольте, господа. Дело вот в чем. Мы хотим для
именин жены-моей...

У х а р е в (*перебивая*). Вы уже говорили... Мне кажется, что
нам сперва надо придумать какую-нибудь любовную интригу. По-
тому что главное основание всякой комедии... все-таки любовь...

О л е г о в и ч. Только в каком смысле?

У х а р е в. В любовном смысле.

О л е г о в и ч. Нет-с. Это предмет чрезвычайной важности. Я
не полагаю, чтоб любовь проявлялась у нас, как у прочих наро-
дов, индогерманского, или лучше, индоевропейского происхож-
дения. Даже, без дальних отступлений, если только обратить вни-
мание на два антропоморфические мифа, изображающие у славян
любовь, как-то Ярило и Припекало*, то уж можно некоторым об-
разом...

Г р о з н о в. Да не в Яриле дело, мы хотим для именин жены
моей...

У х а р е в. Знаете... всего лучше... возьмите какой-нибудь фран-
цузский водевиль, да и переложим на русские нравы. Ведь нам
французов не перешеголять: у них всякая глупость выходит как-то
умно, а у нас иное и умно задумано, а пишется как-то тяжело.
Конечно, переделанный водевиль продать нельзя, я сам за него гроша
не дам. Ну, да ведь у нас тут дело не коммерческое, а литературное,
чисто для удовольствия.

О л е г о в и ч. Нет, а я не согласен. Я даже и в шутку не стану
подражать западникам.

У х а р е в. Поневоле подражать станете, коли сами-то не в со-
стоянии ничего придумать.

О л е г о в и ч. Да дай бог и не придумывать ваших петербург-
ских нелепостей.

У х а р е в. Да все-таки они лучше вашего московского застоя.

О л е г о в и ч. Да мы, по крайней мере, стоим твердо, а вы под-
вигаемся назад.

У х а р е в. Браниться легко; не то что понимать.

О л е г о в и ч. Да мы и понимать вас не хотим. Вы думаете, что писанное нахальство не то же нахальство?

У х а р е в. А вы думаете, что бездарность ученая — не та же бездарность?

О л е г о в и ч. Да вы меня оскорбляете!

У х а р е в. Да я вас... (*Кидаются друг на друга; Грознов их разнимает.*)

Г р о з н о в. Позвольте, позвольте, любезные сотрудники. Мы совершенно удалились от нашего занятия. Обратимся же к нему. Мы хотим для именин жены моей...

О л е г о в и ч. Да нет,— я не дам обижать наших.

У х а р е в. Я не позволю оскорблять себя.

Г р о з н о в. Господа, пожалуйста, все это в сторону; после успеете наспориться вдоволь. Дело теперь о комедии... Мы хотим для именин жены моей...

У х а р е в. Знаете ли что? Я думаю, надо сперва прискать название, а по названию и сюжет определится сам собой.

О л е г о в и ч. А я думаю, наоборот.

Г р о з н о в. Ну, вот хорошо, хорошо, господа, начнемте хоть с заглавия. Мы говорили, что будем писать пословицу; ну, так придумаем такую, которая бы пригодилась для комедии.

У х а р е в. Нет ничего легче.

О л е г о в и ч. Пословиц много.

Г р о з н о в. Давайте думать, господа.

У х а р е в. Подумаем.

О л е г о в и ч. Будем думать.

Молчание.

Г р о з н о в. Нашли?

О л е г о в и ч. Нет.

У х а р е в. Нет еще.

Молчание.

Г р о з н о в. Нашел... Нет, не годится...

У х а р е в. Я давеча прочитал в Снегиреве* довольно любопытную пословицу: И петух на своем пепелище храбрится.

О л е г о в и ч. Это пословица не русская. Ее Сенека приписывает императору Клавдию. А если выбрать настоящую русскую, так вот: Вот те, бабушка, и Юрьев день.

Г р о з н о в. Обе пословицы прекрасны... Только как же приладить к именинам жены моей? Вы как бы думали, господин Олегович, облечь эту пословицу в драматическую форму?

О л е г о в и ч. В форму, конечно... надо придумать. Ну, положим именины вашей супруги каким-нибудь образом... Тут... с одной стороны... Ну, а с другой Юрьев день, который, как известно, до царя Федора Иоанновича...*

Г р о з н о в. Да позвольте... где же тут именины жены моей? Я думаю, не легче ли будет сообразить на бумаге.

Олегович. Как вам угодно. Что я стану писать!

Грознов. И прекрасно; вот бумага и перо.

Олегович садится писать.

Грознов. Ну, а вы, господин Ухарев, как была ваша пословица?

Ухарев. И петух на своем пепелище храбрится.

Грознов. Как же вы думаете это представить?

Ухарев. Очень просто. Петухом может быть какой-нибудь муж.

Грознов. Отчего же муж?

Ухарев. Ну, известно... уж... муж. Вот он и храбрится, потому что он петух, то есть муж. Жена у него хорошенькая, а он петушится, то есть храбрится... За ней ухаживает молодой человек, а муж ничего не видит, потому что он муж, то есть петух... все храбрится только... все храбрится.

Грознов. Да отчего же он ничего не видит?

Ухарев. Нашла куриная слепота, видно... только храбрится. А тут будут свидания, объяснения... все как следует.

Грознов. Да как же вы это сделаете?

Ухарев. Да вы уж положитесь на меня: я все это обделаю.

Грознов. Ну, вот спасибо, так спасибо. Возьмите-ка тоже лист бумаги, да пишите, что в голову придет.

Ухарев. Что вам придет в голову?

Грознов. Нет, вам.

Ухарев. Извольте, положитесь на меня.

Грознов. Ну, теперь и я сяду. Ведь я тоже в старину написал повесть. Правда, она не была напечатана. А дарование у меня должно быть. Все мои подчиненные в департаменте говорили. Ну, за работу. Ум хорошо, два лучше, а три еще лучше. Не так ли, господа сотрудники?

Олегович и Ухарев. Ах, не мешайте, пожалуйста.

Грознов (*потирая себе руки*). Ну, кажется, дело пошло на лад.

Все трое принимаются за работу.

Занавес опускается.

ОТДЕЛЕНИЕ II

ЯВЛЕНИЕ I

Ухарев, Олегович и Грознов сидят на тех же местах и погружены в глубокий сон. После довольно продолжительного молчания Ухарев просыпается.

Ухарев. Уф... а... у... Приехали, кажется. Эй, кондуктор... Ба!.. Я, кажется, заснул... Да и они, кажется, заснули... спят благополучно. Почивают на будущих лаврах. Право, замечательно, какая у нас снотворная литература: или сам заснешь, или других усыпишь. Ну, посмотрим-ка, что они написали? У этого белая бумага. У этого

ничего. Да и у меня, правду сказать, немного — стану я для этого идиота трудиться! Вот, шалун, что затеял, чтоб я принялся за дело — нет, топ сгег, мы теперь отправимся позаняться около Аделаиды Павловны. Желаем безмятежного сна и сладких сновидений. (*Делает насмешливый жест и на цыпочках выходит.*)

Молчание.

О л е г о в и ч. Ольга Павловна!.. Ольга! Новгородская посадница! Бррр... е... Странно!.. Я, кажется, заснул. Как благодатен и освежителен бывает сон после утомительного пути! Русский человек не изнежен, не взыскателен. Он всегда готов выпасться. Такова его могучая природа — под чистым небом ли, на лежанке ли, он долго не думает, свернется себе кренделем, да и заснет сном звучным, богатырским. Ага! Западник-то дал тягу. Посмотрим, что он написал... да ничего! Нарисовал только какого-то черга. Куда это он отправился? Он недаром здесь. Боже мой! неужели для Ольги Павловны! Она же давеча говорила, что ее хотят выдать замуж за чиновника. Ну да ведь он чиновник... Так и есть, это он — он думает на ней жениться, хочет отбить ее у меня — да я не дам, не позволю, не допущу этого поношения, умру скорее... мертвые бо срама не имут! (*Уходит.*)

Молчание.

Г р о з н о в. Именины жены моей — это главное; вы помните, господа? Ну что! Написано?.. Готово?.. Да где же они? И след простыл! Посмотрим-ка — тут ничего... тут черт с рогами. Вовсе не умно, не учтиво даже, глупость какая! Корми их после этого! Ну уж сотрудники! Наелись, выспались, да тем и кончилось. Да куда же они отправились? Эй, малый! Кто там поуменье?

ЯВЛЕНИЕ II

Входит Прохор.

П р о х о р. Я-с.

Г р о з н о в. Где же гости?

П р о х о р. А леший их знает! По саду рыскают; за барынями, должно быть.

Г р о з н о в. Да как за барынями?

П р о х о р. Известно как — от этаких скалдырников добра не жди. По полету видно, что за птица.

Г р о з н о в. Ты, брат, не смыслишь: они литераторы.

П р о х о р. Да будь они хоть разлитераторы, конечно, ваша власть, Николай Васильевич, как прикажете, а по моему-то глупому разуму, со двора бы долой, да и вся недолга.

Г р о з н о в (*с беспокойством*). А разве ты заметил что?

П р о х о р. Где нам, дуракам, Николай Васильевич!

Грознов. Что ж! Ольга Павловна девушка; беда небольшая.

Прохор. Конечно, небольшая, Николай Васильевич, да ведь и барыня-то наша не совсем старуха.

Грознов. Что?.. Жена! Говори... что знаешь... что заметил?..

Прохор. Ничего, Николай Васильевич, не знаю-с, а так, как жись, будто не совсем ладно.

Грознов. Да что же такое?

Прохор. Да я не то, Николай Васильевич, что насчет Аделаиды Павловны; сохрани бог! ведь наше дело холопское.

Грознов. Да говори же, злодей, что ты знаешь?

Прохор. Убей меня на месте гром, Николай Васильевич, ничего не знаю.

Грознов. Да что ж ты меня перепугал, осел ты этакой! Пошел вон... болван...

Прохор. Слушаю-с.

Грознов. Пойду поглядеть, где жена; этот дурак меня совершенно встревожил! (*Уходит.*)

Прохор (*один, потирая себе руки*). Вот эта статья хорошая. Просил я у барина пегую корову... Эх, кабы удалось сослужить барину-то службу... так, может, и корову пожалуют... Ай-да Прохор Сидорыч! Угощу бурмистера, вот чай взбеленится: он ее себе норовил! (*Напевает.*) Ты поди, моя коровушка, домой... (*Смеется.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Ольга Павловна входит.

Ольга Павловна. Что они, кончили свои занятия?

Прохор. Кончили-с.

Ольга Павловна. Куда же они пошли?

Прохор. Кто, сударыня?

Ольга Павловна. Да... господин Ухарев?

Входит из другой двери Аделаида Павловна.

ЯВЛЕНИЕ IV

Аделаида Павловна. Прохор, ты не видал его?

Прохор. Кого, сударыня?

Аделаида Павловна. Гос-по-дина... Олеговича...

Прохор. Да вот-с, они по саду идут.

Аделаида Павловна. Ольга... мне теперь некогда... ступай, поговори с ним.

Ольга Павловна. Пожалуй. (*Уходит.*)

Аделаида Павловна. Прохор... что ваш сенокос? Все ли на работу вышли?

Прохор. Идет помаленьку, сударыня.

Аделаида Павловна. Ну, так ступай же туда. Погода хорошая; смотри, чтоб скорее убирали.

Прохор. Слушаю-с! *(В сторону.)* Как бы не так! *(Прячется.)*

Аделаида Павловна *(оглядывается, поспешно подбегает к дверям и кладет записку в замочную щель. Шепотом)*. Никто не видал! Боже мой! Что я сделала! В первый раз... Неужели можно к этому привыкнуть?.. Как страшно, я вся дрожу. Но я его знаю, иначе он не останется! *(Уходит.)*

Прохор *(на цыпочках подходит к двери)*. Вот она где корова-то сидит!

ЯВЛЕНИЕ V

Грознов *(вбегает)*. Жена была здесь?

Прохор. Сейчас вышли, Николай Васильевич.

Грознов. Да что ты глядишь?

Прохор. Не знаю, бумажечка какая-то...

Грознов. Бумажка!.. это комната Ухарева! Что это значит? Записка... *(Читает.)* «В шесть часов муж мой поедет на сенокос, приходите в сад, в беседку»... А-а, вот что! Так-то!.. Прохор, ступай к Трифону, слесарю, и скажи, чтобы он принес мне мои пистолеты.

Прохор. А ружье, Николай Васильевич, также прикажете?

Грознов *(с бешенством)*. Молчать! Делай, что я тебе приказываю. Пошел!

Прохор уходит.

Грознов. Так вот и до меня очередь дошла! Прежде я смеялся над другими; теперь надо мной будут смеяться. Как я в Петербург покажусь! Не только товарищи — писаря на меня будут пальцами показывать. Сторож подаст шинель и будет смеяться про себя. Нет! Это нестерпимо. Умру скорей. Нет, убью его. Просто убью. Пускай узнает, что значит со мной тягаться. Подавайте мне его, подавайте! Я хочу мести и крови! *(Поспешно уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Ухарев *(входит из других дверей)*. Делишки мои, кажется, подвигаются. Она мне сказала: ступайте, увидите сами. Ай да молодец, эта Аделаида Павловна! Я не ожидал, чтоб дело пошло так скоро... Однако же тут нет записки... вот-те на! Ведь она, может быть, не знает, что нам комнаты переменяли. *(Ищет в дверях Олега-вича.)* И тут нет. Что это значит? Ба, да она, кажется, смеется надо мною. А, так вы меня одурачить хотите, Аделаида Павловна! В провинции хотите покочетничать по-петербургски? Не на такого напали. Слуга покорный, я сейчас же отправлюсь на последней машине — и прямо к Излеру, на «Крымскую ночь».

ЯВЛЕНИЕ VII

О л е г о в и ч (входит и останавливает его). Позвольте-с, я имею переговорить с вами.

У х а р е в. Со мной?

О л е г о в и ч. Да-с, с вами. (Скрестивши руки.) Что вы думаете о супружестве?

У х а р е в. О супружестве! Я думаю, что для холостых оно бывает иногда довольно забавно.

О л е г о в и ч. Я нахожу ваши шутки вовсе неуместными. Я вас спрашиваю: постигаете ли вы всю важность брака? Не только в духовном, но и в гражданском отношении?

У х а р е в. Отвяжитесь, пожалуйста. (В сторону.) Ай да Аделаида Павловна! Просто на смех подняла... да погоди ж!

О л е г о в и ч. Уважение к супружеству составляло издревле одно из главных отличий всех славянских племен. Шелковая плетка, да! Шелковая плетка, о которой упоминается во всех наших семейных песнях, есть не что иное, как трогательный символ безусловного повиновения жены пред мужем...

У х а р е в. Да чего же вы хотите, наконец?

О л е г о в и ч. Я хочу узнать ваши убеждения, хочу знать, достойны ли вы того, чего желаете. Хочу узнать, с каким соперником я имею дело.

У х а р е в. А, так это вы... так это для вас... нашла она, кого мне предпочесть! Впрочем, у женщин бывают такие странные вкусы! Послушайте, любезнейший, вы понимаете, что тут дело такое, что каждый думает о себе. Она, впрочем, всех проведет. Такой кокетки и свет не производил.

О л е г о в и ч. Как вы смеете так говорить?

У х а р е в. Не горячитесь, пожалуйста. Она, верно, и вам тоже наговорила разные нежности.

О л е г о в и ч. Как и вам?.. следовательно, она и вам говорила?

У х а р е в. Еще бы! Она мне вот здесь же, за два часа, признавалась в любви своей.

О л е г о в и ч. Это ложь, клевета, я не позволю вам очернить это чистое создание!

У х а р е в. Все они чистые создания; я так начисто обманут, что лучше и не надо. Знаете, я думаю, что мы оба с вами в дураках.

О л е г о в и ч. Говорите о себе одном, прошу вас.

У х а р е в. Послушайте, мы с вами поссоримся, а ей будет потеха: знает, вместо того, чтобы мешать друг другу, давайте друг другу помогать.

О л е г о в и ч. Помогать?.. каким образом?

У х а р е в. Ну, как помогают в таких делах. Только уж, если одному удастся, другой отступится.

О л е г о в и ч. Как удастся?

У х а р е в. Ну, будет удача.

О л е г о в и ч. Какая удача?

У х а р е в. Ах! Какой вы однако ж бестолковый! Какая бывает удача с женщинами?

О л е г о в и ч. И вы думаете жениться тогда?

У х а р е в. Вот-те на! К чему эта лишняя деликатность?

О л е г о в и ч. Что я слышу! У меня волосы дыбом становятся. Да вы изверг рода человеческого! Вам чужды первые начала нравственности. Так я заступлюсь. Я все открою.

У х а р е в. Да выслушайте сперва.

О л е г о в и ч. И слушать не хочу!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Грознов.

Г р о з н о в. А!.. Наконец я его нашел! (*Олеговичу.*) Извините, пожалуйста, вам оставаться здесь теперь нельзя.

О л е г о в и ч. Мне нельзя?

Г р о з н о в. Нельзя-с, я вас прошу выйти вон — тут будут происходить такие дела, что весь Вышневолоцкий уезд содрогнется! Ступайте вон!

У х а р е в (*в сторону*). Уж не сказала ли она ему?

Г р о з н о в (*к Олеговичу*). Ну-с!

О л е г о в и ч. Помилуйте, да это невежливо.

Г р о з н о в. Вы меня извините, мне теперь не до вежливости. Ступайте вон!

О л е г о в и ч (*в сторону*). Он, кажется, не в уме своем... уж нет ли у него несчастной привычки?* (*Хочет уйти.*)

Г р о з н о в. Куда же вы идете?

О л е г о в и ч. Я иду в свою комнату.

Г р о з н о в. Так это ваша комната?

О л е г о в и ч. Да-с, это моя комната.

Г р о з н о в. А! Так это ваша комната! Так это вы?.. Так это к вам, следовательно?..

О л е г о в и ч (*в сторону*). У него что-то странное в глазах; он, должно быть, болен. (*Вслух.*) Что ко мне-с?

Г р о з н о в. Стойте, не шевелитесь, не двигайтесь. (*Обращаясь к Ухареву.*) Ступайте вы вон!

У х а р е в (*в сторону*). Ничего не понимаю. Я должен?

Г р о з н о в. Ступайте к жене моей. Вам оставаться здесь неприлично... Вас жена дожидается. Ступайте... Ступайте же скорее... Вы видите, что я сам не свой.

Ухарев уходит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Грознов и Олегович.

Г р о з н о в. Ну-с, теперь мы вдвоем остались. Скажите, пожалуйста: я вам каюсь очень смешон?

Олегович. Вы-с?

Грознов. Будьте откровенны. Штука интересная! Приехать под первым предлогом из видов волокитства!

Олегович. Если вы узнали, я должен сознаться.

Грознов. А... сознаться! Вот это ново, по крайней мере. А теперь пора и за расправу.

Олегович. Да вам чего угодно? *(В сторону.)* Он, кажется, очень нездоров. Вы мне...

Грознов. Молчи и отвечай. Давно ты ее знаешь?

Олегович. Да уж три года. *(В сторону.)* Должно быть, белая горячка.

Грознов. Три года! Три года!.. Кто бы мог это подумать!.. Да ты откуда подвернулся? Кто тебя просил с ней познакомиться?.. Воров вешают; а ты хуже вора: ты украл у меня честь мою, спокойствие, счастье. Тебя мало повесить, расстрелять надо!

Олегович. У вас нет по соседству доктора?

Грознов. Шутить вздумал!.. Нет, я тебя плакать заставляю, плакать кровавыми слезами. Ты меня на посмешище выставить хотел... перед начальством, перед знакомыми... Понимаешь ли ты, что это так не обойдется?

Олегович. Да вы из чего так кричите?

Грознов. Молчать, говорят тебе! Я судья твой теперь. Я палачом буду. Сотру тебя, негодяя, с лица земли.

Олегович. Да я не понимаю.

Грознов. Так я тебе сейчас объясню. *(Вынимает из кармана два пистолета.)* Вот, не угодно ли выбрать?

Олегович. К чему это огнестрельное оружие?

Грознов. К тому, что один из нас отсюда живой не выйдет. Выбирай.

Олегович. Да позвольте...

Грознов. Выбирай, говорят... Вот два пистолета... Мы будем стрелять в одно время, и чем бы ни кончилось, а я смеяться над собой не позволю.

Олегович *(в сторону)*. Ах, боже мой, он совершенно в уме рехнулся. Этого человека надобно держать на привязи. Надобно как-нибудь его успокоить, а то застрелит, пожалуй.

Грознов. Ну что ж, решился?

Олегович. Сейчас, позвольте подумать. *(В сторону.)* Ну, так и есть, в глазах все признаки сумасшествия! Вам угодно стреляться со мной?

Грознов. Я хочу убить тебя!

Олегович. Сейчас... только позвольте объясниться. Матушка ваша русская или иностранка?

Грознов. Что ты за ахинею городишь? Матушка моя Грачева.

Олегович *(в сторону)*. Надо его рассеять, авось успокоится. *(Вслух.)* Каких Грачевых, тамбовских, что ли?

Грознов. Пензенских, бездельник! На что тебе?

Олегович. Нет-с, извольте видеть, я думал, что происхожде-

ние ваше не чисто русское, потому что в ваших понятиях много иностранного, например, хоть относительно поединка. Поединки ведь происхождения феодального времени и совершенно чужды нашим народным обычаям.* Кулачные бои — другое дело.

Грознов. Долго ли еще?

Олегович. Нет, выслушайте: кулачные бои бывали у нас в большом ходу, и нередко даже сопровождались смертельными случаями.

Грознов. Да что же ты, на кулачках, что ли, со мной драться хочешь? Нет, со мной ты так не разделаешься; ты с моей женой в переписке, тебе жена назначает свиданья...

Олегович. Помилуйте, неправда, вы ошибаетесь, это не я...

Грознов. Молчать!.. Нет, меня не проведешь, улика налицо... защищайся, а то просто убью.

Олегович. Ах, боже мой! Глаза его наполняются кровью, сейчас будет припадок — его связать бы надо. Эй, помогите!..

Грознов. Молчи!..

Олегович (*кричит*). Нет ли кого связать его?..

Грознов. Молчи... В последний раз — бери пистолет.

Олегович вырывает у него пистолеты, бросает их в окно и сам выскакивает в окно.

Грознов. Ага! Бежать вздумал!.. да не убежишь... погоди-ка, я тебя... (*Кидается за ним вслед.*)

ЯВЛЕНИЕ X

Ухарев и Аделаида Павловна.

Аделаида Павловна. Что это за шум?

Ухарев. Ваш муж объяснился тут с москвичом.

Аделаида Павловна. Да как же вы этой записки не нашли?

Ухарев. Я ее не видал. Вы ее куда положили?

Аделаида Павловна. Да в эту дверь.

Ухарев. Как, в эту дверь?.. Да это не моя комната!

Аделаида Павловна. Ах, что я сделала!

Ухарев. А, теперь я понимаю! (*Смеется.*) Ваш муж нашел записку и вообразил себе, что она написана этому московскому шалуноу... Ха, ха, ха! Это штука отличная!

Аделаида Павловна. Вы еще можете смеяться! Да как разуверить теперь мужа? Он такой бешеный, он на все способен; вы его не знаете. Что со мной будет!

Ухарев. Не бойтесь: мы, журналисты, люди изворотливые. Я это дело устрою как-нибудь... А, прекрасная мысль!

ЯВЛЕНИЕ XI

Олегович (*вбегает*). Вяжите его, вяжите его, он бежит сюда, он всех бить и резать хочет.

Грознов (за кулисой). Ага! Догнал наконец!

Ухарев (толкая Олега в его комнату). Убирайтесь в вашу комнату. (Аделаиде Павловне.) Дайте мне вашу руку... Вот так. (Становится перед нею на колени.) Да, прекрасная Эмилия, я вас люблю, и от вашего согласия зависит все мое счастье!

Грознов (в дверях). Это что такое?

Ухарев (хладнокровно). А, это вы? Не мешайте, пожалуйста. (Шепотом.) Спросите его, пожалуйста, отчего он не поехал на сенокос?

Аделаида Павловна. Отчего ты, мой друг, не поехал на сенокос?

Грознов. Не до сенокоса мне, сударыня... Я, видно, лишний.

Ухарев. Сделайте одолжение, ступайте гулять или отдохните маленько. Ваше место совсем не здесь.

Грознов. Да и ваше тоже, кажется.

Ухарев. Да не мешайте же. А вы, Аделаида Павловна, взгляните на меня понежнее.

Аделаида Павловна. Я не понимаю.

Ухарев. Да глядите же, дайте мне вашу руку. Да, любезная Эмилия...

Грознов. Аделаида, вы хотите сказать?

Ухарев. Я, может быть, и хотел бы сказать: Аделаида, да говорю: Эмилия, потому что так написано.

Грознов. Где написано?

Ухарев. В пословице.

Грознов. В какой пословице?

Ухарев (Аделаиде Павловне). Сказать ему, что ли?

Аделаида Павловна. Да, разумеется, скажите!

Ухарев. В пословице, которую я написал для именин жены вашей.

Грознов. Для именин жены моей... какую пословицу?

Ухарев. «У страха глаза велики».

Грознов. А, так она уже написана?

Ухарев. Не совсем еще. Вы, любезный, признайтесь, плохой сотрудник.

Грознов. То есть, сегодня я как-то расстроен.

Ухарев. То есть, вы просто мастер спать. Вот, мы видим, что плохо на вас надежда, и сговорились с Аделаидой Павловной и Олеговичем написать пьесу без вас, сделать вам некоторым образом сюрприз: написать, выучить, сыграть... Каково вам покажется? Да где же Олегович? Разве, Аделаида Павловна, вы ему не приказали прийти к вам в сад в шесть часов?

Аделаида Павловна. Нет, я ему писала, да он, верно, другим занят; он, я думаю, с сестрой моей.

Ухарев. А разве он?..

Аделаида Павловна. Как же, они давно любят друг друга!

Грознов. Это что за новость! Так, следовательно, я перед ним кругом виноват. (Стучит в дверь.) Вечеслав Владимирович!..

Олегович. Что, связали его?
Грознов. Пожалуйте сюда!

ЯВЛЕНИЕ XII

Входит Олегович.

Олегович. Что, успокоился... Ах! Да свяжите же его!

Грознов. Милостивый государь, я прошу у вас извинения. Проклятая запальчивость всему причиной. Мое дело теперь загладить вину. Я обвинял вас, тогда как вы готовили мне самый приятный сюрприз.

Олегович. Он, видно, не совсем пришел в себя.

Грознов. Я теперь мешать вам не буду. Пишите, что угодно. Я уверен, что пословица удастся вполне.

Олегович. Какая пословица?

Грознов. Да вот пословица, которую вы пишете с женой моей.

Олегович. С вашей женой...

Грознов. Да, и с господином Ухаревым.

Олегович. Помилуйте, у нас с господином Ухаревым общего ничего никогда не будет. Убеждения наши и понятия совершенно различны.

Грознов. Так это неправда?

Олегович. Сушая ложь.

Ухарев *(в сторону)*. Экой болван, ничего не понимает!

Грознов. Что же это значит? Меня обманывают! Да я не из таковских, меня не легко провести. Отвечайте, сударыня: что это значит?

Аделаида Павловна. Спросите у господина Ухарева.

Грознов. Ну-с!

Ухарев. Да вы спросите господина Олеговича.

Грознов. Так вот оно что!

Ухарев *(в сторону)*. Ну, кажется, мы теперь пропали. Ах, еще одно средство... Ольга Павловна!

ЯВЛЕНИЕ XIII

Ольга Павловна входит.

Ухарев. Ольга Павловна, объясните, пожалуйста, в чем дело. *(Вполголоса.)* Берегитесь!..

Ольга Павловна *(смотрит на всех с удивлением)*.

Молчание.

В чем дело? Да... дело... очень просто.

Ухарев. Ну, неправда ли? Я что говорил! Очень просто. А вот Николай Васильевич не понимает, отчего теперь Олегович

отказывается от сотрудничества с нами... для сюрприза, о котором мы давеча говорили с вами... — в саду, помните...

Ольга Павловна. О котором давеча говорили? Да, я помню. Да он не отказывается. Он пошутил только. Это я виновата. Я его просила об этом.

Ухарев. Он от этого и не пришел в беседку?

Ольга Павловна. Да, да... от этого.

Ухарев. Ведь вы все-таки дали за него слово — насчет поговорок.

Ольга Павловна. Как же! Я за него дала слово, и он его сдержит непременно.

Олегович. Помилуйте!

Ольга Павловна (*вполголоса поспешно*). Молчите. (*Вслух*) Да... будьте покойны, господин Олегович будет участником, и поговорка будет, и сюрприз будет. (*В сторону.*) Я ничего не понимаю.

Грознов. Да если так, дело объясняется очень просто.

Ольга Павловна. Не правда ли?

Грознов. Следовательно, я кругом виноват. Скажите мне, господин Олегович, чем я могу загладить свою вину?

Олегович. Благородная черта русского характера! Мы признаем охотно наши ошибки, и в этом признании таится истинное величие.

Аделаида Павловна. Все ли ты, мой друг, сделаешь, что от тебя зависит?

Грознов. Все, клянусь честью!

Аделаида Павловна. Ну, так устрой их счастье.

Ольга Павловна. Братец!

Олегович. Николай Васильевич!

Грознов. Ну, нечего делать, слово дано... да погодите, я прежде требую одного.

Олегович. Чего же?

Грознов. Я требую, чтобы вы одевались по-людски.

Олегович. Как, вы хотите, чтоб я пожертвовал наружным видом своих убеждений?.. Никогда!..

Грознов. Помилуйте, разве в наружности дело? Теперь, слава богу, никто не откажется быть русским; только зачем же одеваться-то кучером? Впрочем, это мое неперемное условие.

Ольга Павловна. Согласитесь для меня.

Олегович. Ну, быть так, для вас на все готов.

Ухарев. Ну-с... (*Аделаиде Павловне.*) Когда же мы примемся за поговорку?

Аделаида Павловна. Да не знаю, право... я думаю, что никогда. Я раздумала... С меня довольно первого опыта — слишком довольно. Я чувствую, что я не имею нужных способностей. У вас, конечно, господин Ухарев, много занятий в Петербурге.

Ухарев (*публике*). Я ее выручил, а она же меня вон гонит... Вот она, женская-то благодарность!

Грознов. И точно, этак будет лучше, а то, правду сказать, я, мой друг, боюсь как-то сотрудников. Да и правда то, что чужим добром не наживешься. Так пословицы у нас не будет для именин твоих?

Аделаида Павловна. Нет, мой друг, для именин моих ничего не будет, а если ты хочешь, мы составим домашний театр в пользу бедных, и тогда нас не будут судить строго, потому что в добром деле все зрители будут нашими сотрудниками.

ЧИНОВНИК

Комедия в одном действии

Действующие лица

* * *

ГРАФИНЯ

богатая вдова.

МИСХОРИН.

НАДИМОВ.

СТРЕЛЬСКИЙ

отставной полковник.

ДРОБИНКИН

сосед графини.

СЛУГА.

Действие происходит в деревне графини.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Декорация представляет комнату старинного барского дома, приходящего в разрушение.

В углублении и по сторонам двери, в комнате расставлены кое-какие вещи, привезенные из столицы,— кресло, письменный стол, покрытый богатым ковром и бронзовыми безделками; на другом столе, тоже покрытом ковром, ваза с букетом полевых цветов. Графиня сидит за письменным столом, окончив письмо, она запечатывает конверт, а потом звонит. В дверях показывается полковник Стрельский.

Стрельский. Извините, графиня, в передней никого не было; я вошел без доклада.

Графиня. Ах, это вы, полковник! Какой вы милый, бесподобный человек!

Стрельский. Ну, слава богу! Насилу догадались.

Графиня. Что, вы думаете, я делаю в настоящую минуту?

Стрельский. В настоящую минуту?— кокетничаете.

Графиня. Это я всегда делаю,— нет, чем занималась я, особенно теперь?

Стрельский. Собою, вероятно,— чем же лучше?

Графиня. Так нет же, ошибаетесь.

Стрельский. А! знаю теперь. Соседом вашим, несносным этим Мисхориным.

Графиня. Совсем нет; отгадывайте лучше.

Стрельский (*со вздохом*). Помилуйте, в мои лета, кажется, отгадывать нечего; мне даже следует быть bestолковым.

Графиня. Этого никогда не следует. Ну, так слушайте, я скажу вам: я занималась...

Стрельский. Ну-с...

Графиня. Вами.

Стрельский. Мною!.. Ах!.. Графиня, вот слово, за которое я бы дорого дал двадцать пять лет тому назад.

Графиня. Да перестаньте хвастать своими годами: вы совсем не так стары; вы даже моложе, право, многих наших молодых людей.

Стрельский. Графиня, вы меня пугаете; видно, вы имеете во мне большую надобность.

Графиня. А что?

Стрельский. Да вы так стараетесь меня задобрить; я хоть и стар, несмотря на все ваши утешения, а еще помню, чему учили меня в детстве.

Графиня. Чему же, например?..

Стрельский. А например, хоть вечно верной и старой, в моем роде, басне «Ворона и Лисица»: «Вороне где-то бог послал кусочек сыру...» Как бишь дальше?

Графиня (*перебивая*). А, так вы неблагодарный! вы не верите друзьям своим! (*Встает.*) Что я писала к вам, вот вам доказательство — прочитайте адрес.

Стрельский. Так позвольте же...

Графиня. А помните ли вы другую басню? и тоже про лисицу,— вы, кажется, лисиц любите?

Стрельский. Какую же это?

Графиня. «Лисица и Виноград»? (*Рвет записку.*) «Хоть видит око, да зуб неймет»!

Стрельский (*холодно*). Как вам угодно.

Графиня. Послушайте, баснями мы поменялись; теперь я буду говорить серьезно. Не сердитесь; я всегда слышала, что писать записки большая неосторожность; в особенности к людям таким опасным, как вы.

Стрельский. Ну, графиня, положим, что сыр-то я уронил; говорите настоящее дело.

Графиня. Слушайте, у меня есть сосед...

Стрельский. Мисхорин? Знаю, слишком хорошо знаю.

Графиня. Ничего вы не знаете. У меня есть сосед Дробяшкин, Дробинов...

Стрельский. Дробинкин.

Графиня (*смеясь*). Да, да; можно же называться Дро-

бинкиным! Бывают же такие люди. Вот видите, этот господин Дробинкин должен быть очень сердитый человек.

Стрельский. Я об нем слышал... сутяга.

Графиня. Что это за слово такое? сутяга?

Стрельский. Ябедник.

Графиня. Очень вам благодарна за объяснение. А что такое ябедник?

Стрельский. Крючок!.. (Графиня отворачивается с нетерпением.) Виноват! Ну, как бы вам растолковать?.. Знаете!.. Этакой человек, который всегда ищет процессов...

Графиня. Вот, вот... в том-то и дело! Представьте себе, у него есть мельница... нет, не так... у меня есть мельница, и он потопляет мои луга; нет, кажется, я у него потопляю луга; — а на лугах у него что-то растет, или что-то построено. Наверно я не знаю.

Стрельский. Графиня! Ей-богу, пора вам выйти замуж!

Графиня. А что?

Стрельский. Да если вы так же хорошо управляете имением, как о нем рассказываете, то несмотря на все ваше богатство...

Графиня. Ошибаетесь; я очень хорошая хозяйка. Вчера была даже на сенокосе... вот и букет привезла с собой.— Однако не мешайте же, с вами невозможно говорить о серьезных делах. Видите, этот господин Дробинкин (смеется) подал на меня прошение в уголовную палату.

Стрельский. Как, за мельницу? Разве тут уголовное преступление?

Графиня. Ах, какой вы несносный! Ну, не в палату, так в суд какой-то; к губернатору, кажется... наверно не знаю. Дело вот в чем: мне пишут из города, что сегодня приедет ко мне чиновник, для этого... как бишь это называется... для следствия, кажется...

Стрельский. Ну, так что же?

Графиня. Как что же? Понимаете ли: чи...нов...ник! Что стану я говорить с чиновником?.. Я к таким людям не привыкла. В деревне я в первый раз; поверите ли — я просто боюсь.

Стрельский. Да. Уж верно сюда пришлют какого-нибудь доку, — канцелярскую крысу.

Графиня. Какие у вас всегда мудреные выражения!.. Но я вас спрашиваю, что стану говорить я с чиновником? Не может же он обедать со мной!.. Да их, я слышала, надо угасивать, дарить даже. Для этого есть какое-то слово... не правда ли... Нет, как хотите, у меня язык не повернется, я не сумею. И потом у этого чиновника фигура, я воображаю, какая должна быть, и манеры... Нет, знаете, полковник, если вы мне не поможете, я просто умру от смеха и от страха.

Стрельский. На что же я вам могу пригодиться?

Графиня. Полковник, вы такой милый... управляющий мой уехал... Я одна здесь... Вы мне не откажете?

Стрельский. А! Начинаю понимать!

Графиня. Вы меня избавите от этого страшного чиновника:

примите его вместо меня, объяснитесь с ним. Вообразите себе, что вы здесь совершенный хозяин.

Стрельский. Это жестокая шутка, графиня. Быть в вашем доме хозяином — где нашему брату, старику, и подумать о таком блаженстве! Правда, женщины так оригинальны... да, нет... невозможно. Знаете, я целое утро смотрелся в зеркало: просто дрянь, — совершенный инвалид! сердце еще молодо... да сердца не покажешь, не видать, а на лице морщины, на голове седые волосы! Товар в лавке еще хорош, да вывеска никуда не годится. Скажите мне, графиня, влюбленный старик очень смешон?

Графиня. О ком вы говорите?

Стрельский. Да хоть о себе.

Графиня. Во-первых, вы не старик; а во-вторых, вы не влюблены.

Стрельский. Как!.. Я в вас не влюблен!..

Графиня. Нет, нет... вы меня слишком для того любите. Вы не захотите огорчить меня. Вы мой старинный, постоянный друг. Мы всегда останемся друзьями, не правда ли, даже...

Стрельский. Даже, если вы выйдете замуж.

Графиня. Даже, если я выйду замуж.

Стрельский. Так оно правда?

Графиня. Что?

Стрельский. То, что говорят в целой губернии, — что этот шалун Мисхорин жених ваш.

Графиня. Вот вы уж сердитесь. Будьте спокойны; когда я решусь выйти замуж за Мисхорина, вы первый о том узнаете.

Стрельский. Благодарю за лестное предпочтение. Хотел бы я знать, чем обворожил вас этот человек. Во-первых, он вовсе не так, молод...

Графиня. Молодость — достоинство, которому вы одни только постоянно завидуете; я не дорожу им; но если бы вы знали, как он искренне меня любит!

Стрельский. Кто?

Графиня. Мисхорин!

Стрельский. Большая заслуга!.. Еще бы вас-то не любить! И к тому ж, разве женщин любовью удивишь! Для них любовь, что для нашего брата, военного человека, война. Тоже, чай, экспедициями считают. Вы вчера родились, кажется, графиня, а шевронов своих, я думаю, не перечтете.* Да не в том дело, что вы внушаете, а в том, что сами чувствуете. Скажите мне откровенно, сами-то, сами любите вы его?

Графиня. Кого?

Стрельский. Да этого Мисхорина.

Графиня. Полковник! Я вас просила быть у меня хозяином, а не опекуном.

Стрельский. Да, может быть, господину Мисхорину будет неприятно, что я вмешиваюсь в ваши дела. Прикажете, чтоб я ему докладывал?..

Графиня. Я бы сама сумела просить его, но я обратилась

к вам оттого, что вас я давно люблю, а его еще, может быть, буду любить... со временем. К тому же все говорят, что он немного ветрен, а вы известный, солидный, деловой человек. И если вам сказать всю правду... с ним мне как-то неловко, а с вами я как... как с братом.

Стрельский. Говорите уж лучше — как с отцом. Болван, я, болван! когда же решусь я состариться! Приказание ваше будет исполнено, графиня... Я избавлю вас от чиновника... и от себя. Господину Мисхорину мы мешать не будем: да вот и он сам, кстати, раненько пожаловал! (*В сторону.*) Так и есть: всё между ними решено. Дело ясное.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Мисхорин (щегольски и со вкусом, но несколько пестро одетый)

Мисхорин. Ну, что?.. Ради бога!.. Какой же ответ?..

Графиня. Берегитесь!.. Мы не одни здесь. (*Вслух.*) Вы не видали полковника?

Мисхорин (*в сторону*). Опять он тут. (*Сухо.*) Здравствуй-те, полковник.

Стрельский. Здравствуйте! Я, кажется, здесь лишний?

Графиня. Куда же вы, полковник?

Стрельский. На черную работу... в вашу контору. Я хочу доказать вам, что я достоин вашего доверия, какого бы рода оно ни было.

Мисхорин. Что это значит?

Стрельский. Это значит, что я пожалован в поверенные.

Графиня. Берегитесь, чтоб я вас не разжаловала из друзей.

Стрельский. Виноват, не буду!

Графиня (*протягивая ему руку*). То-то же!..

Стрельский (*целует ее руку*). Такими наказаниями вы меня не исправите. Однако, без шуток, вы насчет нового гостя не заботьтесь. Я не отстану от него как тень, избавлю вас от него (*со вздохом*), по крайней мере, хоть тут пригожуся.

Графиня. Опять!

Стрельский. Вольно ж вам так наказывать; все думаешь, только как бы провиниться (*целует ей руку, кланяется и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Графиня и Мисхорин.

Мисхорин. Охота вам держать при себе этого старого селадона. Терпеть не могу завитых, облизанных старичков. Я уверен, что он шнуровку носит.

Графиня. Прошу вас говорить о моих приятелях с уважением.

Вы не садитесь? (*Садится; Мисхорин сердито ходит по комнате.*)

Мисхорин. Извините, не могу. Кровь моя в волнении. Кажется, сердце выскочить хочет, так бьется. Всю ночь не спал. Если бы вы только могли постигнуть, как мучительна, как ужасна неизвестность, в которой вы меня оставляете. Я удивляюсь, как я не сошел еще с ума! И зачем же такая нерешимость с вашей стороны? Смешно я вам, что ли? Жалко?.. Право, если я вам надоел, скажите уж лучше. Все будет легче настоящей пытки. Скажите мне наотрез, чтоб я не беспокоил вас более своими посещениями, по крайней мере, я буду знать, что мне остается делать... И, потом, чего же я прошу от вас, наконец?.. Одной минуты чистосердечия; одного невольного слова души вашей... Да, или нет?

Графиня. Вы слишком много требуете.

Мисхорин. Ну, так — нет; и скажите — нет! Несчастных много на свете. Одним будет больше... или меньше... беда небольшая... Так — нет?

Графиня. Я не сказала... нет.

Мисхорин. Возможно ли? Мне послышалось!.. Вы ошиблись... так не все еще пропало, так я могу надеяться?

Графиня. Я не сказала... да.

Мисхорин. Что же вы сказали?

Графиня. Ни да... ни нет.

Мисхорин. Графиня, я где-то слышал, что женщина равнодушная говорит — нет! женщина любящая — да! а женщина без сердца...

Графиня. Что?..

Мисхорин. Может быть!

Графиня (*равнодушно*). Так вы думаете, что у меня нет сердца? Докажите, пожалуйста.

Мисхорин. Графиня, вот две недели, что я каждый день умоляю вас об одном...

Графиня. О себе, кажется, а не о нас.

Мисхорин. О, конечно, о нас! потому что, когда вы согласитесь, я так буду счастлив, что только глядя на меня вы уже найдете свое счастье.

Графиня. И вы не ошибаетесь...

Мисхорин. Скажите только одно слово и на душе вашей будет так легко, так спокойно. А я!.. я не знаю, что со мною будет, но, кажется, от радости и гордости я буду себя чувствовать сильнее — выше всего в мире.

Графиня. Нагнитесь еще покамест и выслушайте меня... если можете, терпеливо.

Мисхорин. Да когда же вы сжалитесь?

Графиня. После вчерашнего нашего разговора я много думала, о вас в особенности, — о жизни вообще. Я дошла до убеждения, что я состарилась. Девушки думают, что любить — верх блаженства! нет: любить самой — мало! надо быть любимой.

Мисхорин. Так вы сомневаетесь?

Графиня. Что вы меня любите? нет, не сомневаюсь, да еще не

верю, не верую достаточно в вас самих, чтоб передать вам всю мою жизнь: я боюсь восторгов блаженства, мне их не надо. Я хочу тихого, ежедневного, прозаического, продолжительного счастья. Поймите меня, успокойте меня; мне кажется, что вы способны к одной только страсти! А вы сами знаете, страсть живет эгоизмом, любовь одна живет самоотвержением.

М и с х о р и н. Да чем же я могу доказать...

Г р а ф и н я. Терпение. Послушайте,— я уже была замужем. Вскружить мне голову трудно; я знаю, что привычка — гибель для страсти, а что такое супружество, как не привычка, обращенная в закон? Привычка приводит к скуке, от скуки страсть выдыхается. Любовь не боится скуки, потому что, так как она не о себе думает, ей некогда скучать...

М и с х о р и н. Вы говорите, как книга, графиня, а я надеялся, что вы женщина. Жаль мне вас, что вы так строги, так рассудительны. Наконец, я нашел в вас недостаток и именно тот, что ваше сердце себе на уме,— тогда как ум женщины должен быть в ее сердце. Так вам угодно отдать себя на откуп... с обеспечениями? Против этого мне возражать нечего. Я человек небогатый.— на такое обязательство достаточных залогов представить не могу; да и нет такого богача в мире, который мог бы их представить. Позвольте вас спросить только: не молчит ли там чувство, где рассудок так красноречив? Вы полагаете, что в жизни все должно быть рассчитано и подготовлено. Дважды два четыре... Не так ли? Душа, по-вашему, прихода-расходная книга с подведенными итогами. Нет... воля ваша, я не могу разделить подобного убеждения. По-моему, любовь сама себя вознаграждает. Она не знает расчетов, потому что она не от земли; она не знает времени, потому что она от вечности. О том мы думать не будем, что она пройдет для нас, или правильнее, что мы для нее пройдем,— но будем благодарны Создателю, что она была, что она живет в нас,— что мы способны ее понимать и чувствовать. Один миг полного, неограниченного, взаимного счастья, поверьте, лучше целой жизни, проведенной без смысла. Да вот спросите полковника вашего. Он, кажется, давно живет на свете. О чем он вспоминает? О том ли, как он помадил, завивался, чай пил и книги читал? или о двух-трех минутах, о двух-трех случаях, которые светлыми точками горят в его памяти и в честь которых он до сего времени не соглашается быть стариком? Конечно, он тревожился своим счастьем; конечно, он не находил в нем покоя; но он до сих пор гордится им и до сих пор греет свою старость уже потухшими страстями. Да и вы сами, наконец, в душе своей, в скрытой, в настоящей, вы чувствуете, вы должны чувствовать, что любви бесстрастной нет и быть не может, точно так, как не может быть света без огня.

Г р а ф и н я. Я говорила как книга, а не как женщина. Но вы мужчина — вам и книги в руки. Да... быть может... в словах ваших есть правда; но мне кажется... я должна подождать. Главное в жизни — не торопиться; не многие это знают... оттого так мало бывает счастья. Но время еще не ушло, успеем; к чему спешить? Зачем? теперь лето... погода прекрасная! Мы поедем верхом сегодня?

М и с х о р и н. Вы думаете о верховой езде, графиня?

Г р а ф и н я. Отчего же не думать?.. Я очень люблю ездить верхом.

М и с х о р и н. Графиня, да это безжалостно.

Г р а ф и н я. Вы подождите меня; я пойду одеваться.. Какая лошадка у меня теперь, новая, прелестная, какая рысь покойная, и гордится немного. Она меня знает; я ее сахаром кормлю.

М и с х о р и н. Графиня, да вы видите, что я в отчаянии.

Г р а ф и н я. Отчего? Мы поедем вместе. Мы можем продолжать наш разговор на чистом воздухе. Будьте терпеливее; терпение все преодолевает. Возьмите книгу, успокойтесь,— спокойствие вам необходимо и мне тоже. У меня сегодня важное есть занятие.

М и с х о р и н. По процессу с соседом?

Г р а ф и н я. Нет; я хочу примерить новую амазонку, чтоб окончательно обворожить...

М и с х о р и н. Кого же еще?..

Г р а ф и н я. Как же! А вашего приятеля, полковника. (*Смеется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М и с х о р и н (*один, ходит по комнате*). Нет!.. это уж из рук вон; это ни на что не похоже! Она просто забавляется. Чего же мне ждать еще? Она шутит, она может шутить! Вот они, светские женщины,— и любят-то они свысока, как будто из милости! Бог с ней! Я так взволнован, так взбешен, что на все, кажется, готов. Ах, если б мне кто-нибудь попался теперь в руки: я бы, кажется, истерзал его в мелкие куски! (*В прихожей показывается молодой человек, щегольски, но весьма просто одетый; он оглядывается нерешительно, как бы отыскивая лакея.*) Кого вам надо?.. Кто вы такой?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мисхорин и Надимов.

Н а д и м о в (*снимая шляпу*). Вы здесь хозяин?

М и с х о р и н. Какое вам дело?

Н а д и м о в. Я вас спрашиваю: хозяин ли вы здесь, что вы, муж или брат графини?

М и с х о р и н (*сердито*). Нет!

Н а д и м о в. Я так и думал. Иначе, вы были бы вежливее.

М и с х о р и н. Что это значит?

Н а д и м о в. Это значит, что я привык, чтобы со мной обходились вежливо.

М и с х о р и н. А я привык не принимать ничьих замечаний.

Н а д и м о в. В таком случае не надо их заслуживать.

М и с х о р и н. Желал бы я знать, так ли вы храбры на деле, как на словах!

Надимов. Можете узнать, если хотите.
Мисхорин. А! Где же прикажете?
Надимов. Где вам угодно, — только не в имени графини.
Мисхорин. Отчего же так?
Надимов. Оттого, что здесь я не могу заниматься личными моими делами. В доме графини я не принадлежу самому себе.
Мисхорин. Здесь, у графини?
Надимов. Да, здесь, у графини.
Мисхорин. Да как же это?
Надимов. Да очень просто.
Мисхорин. Она вас дожидается?
Надимов. Дожидается.
Мисхорин. Вас?
Надимов. Меня.
Мисхорин. Да кто же вы такой?
Надимов. Я-с?.. Я — чиновник. (*Молчание.*)
Мисхорин. Ха, ха, ха... в самом деле... Графиня вчера мне говорила, что ждет какого-то чиновника. Она просила, кажется, полковника Стрельского объясниться с вами. Вы знаете полковника?
Надимов. Нет, не знаю.
Мисхорин. Графиня ему поручила вас принять.
Надимов. Как ей будет угодно.
Мисхорин. Я пойду предварить его, что вы приехали. Впрочем, он в конторе: я могу вас проводить.
Надимов. Очень вам благодарен, я должен сперва видиться с графиней.
Мисхорин. Да она не занимается делами. Она с чиновником говорить не станет.
Надимов. Может быть; но мне кажется, что самая простая вежливость требует, чтоб я ей представился.
Мисхорин. Вы думаете? Ну, так я пойду скажу полковнику.
Надимов. Совершенно от вас зависит. (*Сухо кланяются друг другу; Мисхорин уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Надимов, потом графиня.

Надимов (*один*). Странный дом!.. В передней никого нет — деревенский обычай! Палаты барские, полуразвалившиеся, тоже по нашему русскому обычаю! Роскошь для столицы, а в деревне — для себя, для своего рода, для своих крестьян... все это как-нибудь. Деньги нужны там... на кружева, на оперу, на все то, что необходимо, хотя вовсе не нужно; а здесь, кто нас увидит?.. бедный чиновник, или бестолковый сосед какой-нибудь, да мужик с просьбой... стоит ли о них думать?..

Графиня (*не замечая Надимова*). Кто объяснит женское сердце!.. Давеча я говорила так рассудительно; теперь мне вдруг жаль его стало! так и тянет сказать ему, чтоб он не отчаивался, что я

не такая дурная, как он думает. Право... если бы вот только не на всю жизнь... я бы, кажется, готова была сейчас же,— вот сей час на все решиться... Послушайте, Мисхорин... Ах!!

Надимов (*в сторону*). Графиня! (*Молчание.*) Вы, вероятно, графиня, никогда не изволили объясняться с чиновником по тяжёлым делам?

Графиня (*надменно*). Что?.. Да!.. Точно, никогда.

Надимов. Позвольте мне сперва иметь честь представить вам в лице моем чиновника, командированного в ваше имение, по иску вашего соседа.

Графиня. Очень приятно; но я, право, не знаю... где же полковник? (*В сторону.*) Что буду говорить я с ним? Я думаю, надо пригласить его сесть!

Надимов. Я здесь уже встретил какого-то вспльщивого молодого человека. Он объяснил мне, что вам не угодно будет говорить со мной.

Графиня (*с пренебрежением*). Я не знаю, с чего он взял: садитесь же, пожалуйста. (*Садятся.*)

Надимов. Прекрасное у вас имение, графиня.

Графиня. Да, только дом такой гадкий, старинный... Я хочу его перестроить.

Надимов. Вряд ли вы это изволите сделать.

Графиня. Как? Почему?

Надимов. Забудете... В деревне вы случайно; от скуки занимаетесь планами. Я убежден, что, по обыкновенью, предположениям у вас нет конца... здесь, например, в этом лесу, будет парк,— здесь цветник, над рекой терраса...

Графиня. Как вы это знаете?

Надимов. Я ничего не знаю; я догадываюсь. Я заметил, что у нас на Руси все помещики постоянно хотят перестраиваться; но перестройки никогда не исполняются. Владельцы богатые и наезжающие изредка забывают и развлекаются — небогатые и оседлые привыкают постепенно к тому, что нашли; и у всех планы остаются планами. Впрочем, вообще, редко какие планы сбываются.

Графиня. Вы думаете?

Надимов. Да и вы то же думаете, графиня; жизнь наша так устроена! Кто не ошибался в своих ожиданиях!

Графиня. Право... а вы часто ошибались?

Надимов. С меня будет довольно.

Графиня. Отчего? — Мне кажется, что никогда не бывает довольно. Каждый день приносит новые надежды.

Надимов. Бесспорно... но жалок тот, для которого прошедшее не служит уроком для будущего!

Графиня. Почему же?

Надимов. Потому что он останется тогда навек лицом бесхарактерным, игрушкой в руках судьбы и случай будет им руководить, а не воля. Для такого человека жизнь не призвание, а приключение, так себе, наудачу.

Графиня (*задумчиво*). Но в жизни нам трудно найти цель.

Надимов. Достигнуть трудно,— определить легко.

Графиня (*с небрежным удивлением*). А вы как ее определяете?

Надимов. Мне, по крайней мере, кажется, что для мужчины она — в пользе, которую он приносит; для женщины — в счастье, которым она дарит. Не так ли?

Графиня. Да, конечно; но и польза и счастье — такие относительные понятия. Я, например, право, желаю всем счастья,— и однако же...

Надимов. Многих сделали несчастными! Не удивлюсь...

Графиня. Нет... Я не то хотела сказать... но вы говорите о пользе. Что такое польза? Как принести пользу? Кто может думать, что он полезен? Да вы первый, например, можете ли вы себе сказать, по чистой совести, что вы действительно полезны?

Надимов. Стараюсь, по крайней мере.

Графиня. Каким же образом?

Надимов. Я имел честь вам докладывать, что я на службе. Я чиновник.

Графиня. Ах!.. Я и забыла... Да, ведь служить, быть чиновником, писать длинные бумаги,— оно должно быть очень скучно, очень важно...

Надимов. Шуточных обязанностей не бывает. Долг всегда важен. Впрочем, служба — поприще, не требующее резких положительных способностей, как наука или искусство. На службе, на небольших местах, в особенности, можно принести настоящую пользу одними отрицательными достоинствами.

Графиня. Я не понимаю.

Надимов. Оно очень понятно. У нас нужны чиновники честные, грамотные, толковые и прилежные. Для меня все эти достоинства отрицательные. Я имею состояние, кое-чему учился, много видел и не отвлекаюсь от занятий, потому что ничего не ищу и не желаю. Счастье — дело случайное; польза — открытая цель. Я убедился, что для России нужны не чиновники по названию, а чиновники по делу; оттого я и определился на службу, что я в ней не нуждаюсь, (*с достоинством*) но что она во мне нуждается.*

Графиня. А счастья вы не ищите?

Надимов. Нет, перестал.

Графиня. Ни в чем?

Надимов. Ни в чем.

Графиня. Странно!.. И вы служите в губернии? В вас нет честолюбия?

Надимов. Нет-с.

Графиня. И вы можете жить без друзей, без привязанностей? Вы один?

Надимов. Совершенно один.

Графиня. Кого же вы любите?..

Надимов. Я-с, графиня? Да я живу любовью, я — постоянно счастлив в любви.

Графиня (*улыбаясь презрительно*). А, а!..

Надимов. Да-с; я счастлив в любви, с тех пор как догадался, где надо искать ее. Я нашел такую любовь, на которую положиться можно, — которая, наверно, и никогда не изменит. (*Стараясь припомнить.*)

Графиня. Какую же это?

Надимов. Любовь к нашему отечеству, графиня, любовь к России.*

Графиня. Как? — и только?..

Надимов. И только. Чего же больше?.. Этого чувства, кажется, на всю жизнь хватит, с излишком даже... (*Молчание.*)

Графиня. Вы, однако же... очень странный человек! Вы давно служите в нашей губернии?

Надимов. Нет-с, недавно; два года.

Графиня. А прежде где вы были?

Надимов. Да понемногу — везде.

Графиня. Так вы жили в Петербурге?

Надимов. Прежде, давно... Да я не гожусь для петербургской жизни. Я не могу ужиться в городе, где на улицах сыро, а в людях холодно.

Графиня. А когда вы были в Петербурге в последний раз?

Надимов. Я ездил на несколько дней, года четыре тому назад, после выпуска сестры.

Графиня. Из института?*

Надимов. Из института.

Графиня. Четыре года тому назад?..

Надимов. Да-с, кажется... в апреле было четыре года. Я к самому выпуску опоздал.

Графиня. Да ведь я тоже из института. Как зовут вашу сестру?

Надимов. Ольгой Надимовой.

Графиня. Олинька Надимова — вам сестра?

Надимов. Сестра родная.

Графиня. Олинька сестра ваша! Да знаете ли, что она первый, даже единственный друг мой? Я ее обожала пять лет сряду! У нас все было общее, все, все... мы на одной лавке сидели... Про какое время вы напомнили мне? лучшее время моей жизни! Мы не разлучались ни на минуту; нас и называли неразлучными... Бедная Олинька! Мы все мечтали вместе, как мечтают в институте. Знаете ли, что мы никогда не должны были с нею расстаться? Она даже решила, что никогда не выйдет замуж, чтоб только оставаться всегда со мной, а меня обвенчает с своим братом Сашей, от которого заочно мы обе были без ума... (*Останавливается.*) Этот Саша ваш брат, конечно?

Надимов (*смеясь*). Нет-с, — это я сам.

Графиня. Ах, извините! Так вот где мы должны были встретиться! О, я вас хорошо знаю! мы вас называли рыцарем. Я читала все ваши письма из Италии, из Египта.* Вам сестра ваша тоже писала обо мне; мы вместе и письма-то сочиняли.

Надимов. Сестра мне всегда писала про какую-то Настиньку.

Графиня. Настинька успела выйти замуж... овдоветь...

Надимов. Ах, извините, графиня!.. Мог ли я думать...

Графиня. Что мы наконец познакомимся? Странно, не правда ли?.. Вы брат моей Олиньки. Поверите, я гляжу на вас, как на родного. Я все, все про вас знаю. У вас восторженные чувства и непреклонный характер. Вы мне расскажете, не правда ли? отчего вы не хотели жениться в Вене... помните, когда были влюблены без памяти. Вы писали нам даже о том. Мы очень боялись, что вы женитесь; Олинька две ночи проплакала... Бедная Олинька! Вот посмотрите—ее портрет находится всегда на моем письменном столе, где бы я ни была. (*Идет к столу.*) Только вы мне расскажите вашу венскую историю.

Надимов. Если прикажете, графиня, но, право, я боюсь, она вам наскучит.

Графиня. Про это уж я знаю.

Надимов (*смеясь*). Случай был самый обыкновенный. Представьте себе, графиня...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и полковник.

Полковник (*к графине впопыхах*). Извините мою оплошность непростительную. Я не знаю, как он мог проскользнуть. Но будьте спокойны, я сейчас уведу его.

Графиня. Куда?

Полковник (*переходя к Надимову и повелительным тоном*). Вы пожаловали сюда по делу Дробинкина?

Надимов. Так точно.

Полковник. Имеете предписание?

Надимов. Как же! Угодно взглянуть?

Полковник. Успеем! С дороги вы, может быть, закусить хотите? Хоть рюмку водочки, а? Как вы думаете?

Надимов. Нет, благодарю...

Полковник. Вы при самом губернаторе состоите?*

Надимов. Да-с.

Полковник. Дела-то, я думаю, много?

Надимов. Много.

Полковник. Одной переписки сколько. Исходящим-то, я чаю, конца нет. Ну, да ведь и то правда: управление большое! Однако, знаете, пойдите в контору... мы графине не будем надоедать. (*К графине.*) Графиня, мы не будем вам надоедать. Дела ведь не дамское дело! Хе, хе! Мы в контору пойдем.

Графиня. Зачем же?.. Я должна привыкать... мне было бы очень приятно...

Полковник (*вполголоса*). Нет, графиня... эти вежливости с ними вовсе не нужны. Будьте спокойны; я вам его так упрячу, что вы его вовсе не увидите более. Пойдемте же!..

Графиня. Да вы не знаете...

Слуга (*докладывает*). Господин Дробинкин приехал.

Графиня. Отчего же в передней никого не было?..

С л у г а. Виноват-с. На селе медведя показывали, — ходили смотреть.

Г р а ф и н я. Большой?

С л у г а. Большуший!

П о л к о в н и к. Графиня, что прикажете с Дробинкиным делать?

Г р а ф и н я. Вы его знаете?

П о л к о в н и к. Нет.

Г р а ф и н я. Все равно, полковник... вы такой милый... вы не откажетесь поговорить с ним? Вы уже это дело приняли на себя. *(Слуге.)* Попроси господина Дробинкина.

П о л к о в н и к. Да как же... а этот-то... Не могу же я оставить вас вдвоем... Как же? Уж разве на одну минуту.

Г р а ф и н я. Не беспокойтесь. *(Надимову.)* Вы говорили про место для террасы, хотите, я вам покажу, где она будет, и прошу вас знать, что у меня не одни планы: то, что я задумаю, я сумею исполнить. Пойдемте.

Н а д и м о в. К вашим услугам, графиня. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Полковник один, а потом Дробинкин.

П о л к о в н и к. Бедная графиня!.. Как нарочно, не могу ее освободить от этого несносного чиновника. Хоть бы от Дробинкина как-нибудь отделаться.

Д р о б и н к и н. Здравствуйте, батюшка, здравствуйте, здравствуйте... Графини-то, видно, нет здесь; нет, видно. Оно и к лучшему, к лучшему! Я простой человек, батюшка, не дамский кавалер. Только что я узнал, что вы пожаловали, я почел долгом явиться.

П о л к о в н и к. Я?..

Д р о б и н к и н. Как же, батюшка, вам без меня, пожалуй, наговорят новость что! я ведь здесь мало кого знаю; живу больше в другой губернии, а сюда только наезжаю, наезжаю. Сами знать изволите, без хозяйского глаза везде упущения. Свой глаз — алмаз, чужой — стеклышко! Терять из виду нельзя, батюшка, нельзя. Я в десяти верстах, не больше, усадьбу имею: уж не обидьте, пожалуйста — как мимо поедете... не побрезгайте заехать. Конечно, угощение не графское, да от чистого, можно сказать, сердца. Я давно желал познакомиться с вами, верьте слову, выразить хотел обязанность. Я хотя и не имею чести личного с вами знакомства, а слышал, что таких людей, как вы, мало у нас в губернии. Да, скажите, что же смотрит... начальство, начальство что же смотрит? В ваши года оставляют вас в таких малых чинах? По наружности, просто скажешь — сенатор, да и по разговору тоже... Несправедливость, батюшка, во всем несправедливость!

П о л к о в н и к. Да вы за кого меня принимаете?

Д р о б и н к и н. Да как же, батюшка? Разве вы не губернаторский чиновник? Мне сказали, что он сейчас сюда вошел.

П о л к о в н и к. Какой чиновник! я здешний помещик!

Д р о б и н к и н. А! Нашего поля ягода! Так, батюшка, так, ну, прошу не взыскать. Это от старости: из ума выживаю... совсем... и дела-то, знаете, такие.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Мисхорин.

М и с х о р и н. Где графиня?

П о л к о в н и к. Тут, в саду... меня дожидается... Я обещал освободить ее... Знаете, вы поговорите с господином Дробинкиным... *(Уходит поспешно.)*

М и с х о р и н. Куда же вы?

Д р о б и н к и н. Позвольте иметь честь рекомендоваться: я Дробинкин, батюшка, Дробинкин; только что я узнал, что вы пожаловали, я... и почел долгом явиться...

М и с х о р и н. Неужели она с чиновником?

Д р о б и н к и н. Я, батюшка, знаю свою обязанность. Сам явился для объяснений. Я давно желал познакомиться с вами, верьте слову, выразить хотел долг свой. Я хоть и не имею чести личного с вами знакомства, а слышал, что таких людей, как вы, мало у нас в губернии. Скажите, пожалуйста, у вас лицо как будто знакомо! Точно, я где-то вас видел?

М и с х о р и н. Не может быть!

Д р о б и н к и н. Ну, не может быть, так не может быть. А, право, сдается мне, что я видел вас где-то... память-то моя старая... где бишь это было?... Ну, да все равно, и так приятно очень познакомиться. Я вдесяти верстах, батюшка, усадьбу имею. Не побрезгайте заехать, побеседуем... А насчет дела — смею сказать, по чистой совести, я совершенно прав, верьте слову, прав. Претензия моя законная, батюшка, законная, давность не пропущена; постановление суда еще было при покойном графе. Я тогда еще подавал просьбу... недобрые люди все в то время испортили, да я апелляцию представлял в срок на гербовой, батюшка, как следует. Я долг свой знаю, батюшка, знаю.

М и с х о р и н. Извините, мне некогда, в другой раз мы поговорим... *(Уходит поспешно и в дверях встречается с полковником.)* Ну что?

П о л к о в н и к. В саду их нет.

М и с х о р и н. Нет! — да где же они? Быть не может! Что это значит? *(Смотрит на окно.)* А...

П о л к о в н и к и Д р о б и н к и н. Что такое?

М и с х о р и н. Вот они!

П о л к о в н и к. Ах, боже мой! Графиня идет под руку с чиновником... Это даже неприлично, как эти люди скоро забываются! Бедная графиня! Хорошо же исполнил я свое обещание!.. Нет, я сбегая, избавлю ее, а вы постойте еще покамест, поговорите... *(Убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дробинкин и Мисхорин.

Д р о б и н к и н. Так, стало быть, батюшка, вы не губернаторский чиновник?

М и с х о р и н. Какой я чиновник!

Д р о б и н к и н. Что ж это мне, батюшка, все чудятся сегодня чиновники... Вот оно дело-то наше беззащитное... все и думаешь, как бы найти покровительство от беды. А скажите-ка, батюшка, между нами (*оглядывается*), этот чиновник-то... каков он?.. а? Что слышно? как? сговорчив? (*Смеется.*)

М и с х о р и н. Кто его знает, дерзкий какой-то!

Д р о б и н к и н. Дерзкий?.. ну, так уж мастер своего дела. Чем больше берет, тем нахальнее... А, впрочем, что вы думаете, право, таких-то и надо. Дело, по крайней мере, порешат. А то с другим-то просто беда. Ходишь себе ходишь, кланяешься, кланяешься... а толку-то, батюшка, все-таки нет... то ли дело смысленый человек... и нашему брату выгодно, и ему не обидно... Мне по судам ходить-то не в первый раз... Запомните мое слово: бойтесь честных людей, хуже, батюшка, хуже...

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, графиня и Надимов (идут под руку).

Г р а ф и н я (*продолжает разговор*). И она могла вам изменить?

Н а д и м о в. Вышла замуж.

Г р а ф и н я. Так она не любила вас?

Н а д и м о в. Думала, что любит, а потом догадалась, что ошиблась. Это случается часто.

Г р а ф и н я. Не должно бы, кажется... (*Вскрикивает.*) Ах! какая досада... Я о них забыла!

Д р о б и н к и н. Матушка графиня, ваше сиятельство, позвольте ручку вашу драгоценную поцеловать... Я — Дробинкин, матушка, сосед ваш мелкопоместный, ваше сиятельство, не важная птица. Не посетуйте на мою глупую речь. Я с знатными обхождения не привык иметь. На медные учился, на медные и живу...

Г р а ф и н я. Очень приятно. Я слышала, у вас здесь прекрасное имение?

Д р о б и н к и н. Какое, матушка, имение! Так себе... для нашего брата, малого человека,— прожить только станет. Где нам с большими господами тягаться!..

М и с х о р и н. Да вы же подали просьбу на графиню?

Д р о б и н к и н. Подал, батюшка, подал. Что греха таить, подал!.. да ведь крайность, необходимость... сам не рад!.. Ведь деточки, ваше сиятельство, надо же о них подумать! Вам-то, знатным, оно, конечно, безделица, и говорить не стоит, а нашему брату, мелкому дворянину,— кусок хлеба, дочке приданое, сыну на окопировку... Вот ведь оно что...

Мисхорин. Да, полноте притворяются... мы знаем же про вас, — вы здесь всех богаче.

Дробинкин. Ах, Виктор Иванович... насилу, насилу-то распознал я вас. Мое вам нижайшее почтение. Здорова ли супруга ваша, голубушка?

Мисхорин. Какая супруга? Я не женат.

Дробинкин. В самом деле? Скажите, пожалуйста, как же это? Разошлись, что ли? Я помню, я виделся с вами во время сговора.

Графиня (*Мисхорину*). Что это значит? Вы мне не говорили...

Мисхорин. Он все перепутал. Это брат мой хотел жениться в Пензенской губернии, где у этого скряги есть тоже имение.

Дробинкин. Все шутит, ваше сиятельство, все шутит, матушка. Нрав у них такой, веселый характер. Я их прежде знал. Если б изволили видеть, какой он красавец был — загляденье... Ну, уж теперь не то, не то... состарился, переменялся, да и честь надо знать, время. Все под богом ходим!

Мисхорин. Вы бы на себя посмотрели.

Дробинкин. Да мне что... Не женихом же быть. Мне деток только бы пристроить. Ну, стал ли бы я о себе думать?.. На что оно мне, богатство-то?.. Века моего немного; сам я, как видите, не избалован. Затея таких, чтобы в картишки или за галстук* à la framboise¹, за мною, ваше сиятельство, и смолоду не бывало. Что деньги? суета, прах! Да вот, хотя бы в настоящем случае, верьте чести, ни душою, ни телом не виноват. истинно не виноват! Ну, посмел ли бы я против вас, ваше сиятельство? Да если бы вы знали, что про вас-то, про нашу голубушку, говорят в губернии!.. Так и говорят, что вот графиня, так уж подлинно, графиня! Ангел во плоти, слово скажет — просто чувствами овладеет... Верьте слову!.. (*Чиновнику*). Да вот и о вас слышно столько... я хоть и не имею чести личного знакомства, а давно хотел выразить долг свой... просить лестного снисхождения (*в углублении сцены рассыпается перед чиновником, который слушает его холодно*).

Мисхорин. Не прикажете ли, графиня, седлать лошадей?

Графиня (*рассеянно*). А что?

Мисхорин. Да вам угодно было ездить верхом?

Графиня. Право?

Мисхорин. Я отыскал прекрасное место для прогулки. Овраг, березовая роща...

Графиня. Вы думаете?

Мисхорин. Что вы такие рассеянные?

Графиня. Я? С чего вы взяли?

Мисхорин. Уж не приезд ли чиновника вас взволновал?

Графиня. А, вы ревнивы! Ревность большой порок. Женщины прежде всего требуют доверия, потому что всегда его заслу-

¹ Под мухой (*фр.*).

живают; я ненавижу ревнивых! Видите, что торопиться не надо... (Разговор вполголоса.)

Д р о б и н к и н. Ведь воду, батюшка, так подняли, что у меня сенокос сгорел, совсем в Пронюхинском овражке... может быть, изволите знать, вам скажут супесок, не верьте, батюшка, какой тут супесок... тринадцать стогов накашивали прежде, да стога-то какие?— на редкость! Вот и сарай размыло, надо разобрать теперь. На что он годен, сами посудите? Да ведь лес какой был, пяти-вершковый, осина. Все убыток... разоренье... Я на их сиятельство не жаловался, смею ли я... я что говорю: столбы поставьте, закон ясный... Поставьте столбы, да убытки вознаградите... по расчету... столбы поставьте — вот и все... я о чем прошу... поставьте столбы по закону...

Н а д и м о в. Вы уже мне предоставьте обсудить, что будет по закону.

Д р о б и н к и н (вполголоса). А, понял... позвольте, батюшка, на пару слов... я всего в десяти верстах усадьбу имею... не побрезгайте заехать... здесь говорить нам неловко. Здесь ведь знать такая... Чванство, батюшка, чванство; и у меня мы это дельцо обделаем без церемонии... а насчет того... то есть благодарности, уж не беспокойтесь,— останетесь довольны!

Н а д и м о в. Так благодарность будет?..

Д р о б и н к и н. Как же, батюшка, будет, будет!.. еще бы не быть... что сами приказать изволите!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и полковник.

П о л к о в н и к (падая на кресла). Уф! двадцать лет так не бегал! Где вы были, скажите из милости? Я не знал, что сад такой большой. Уф! Извините, графиня, весь запыхался... бежал как угорелый. Ну, да теперь я уж не выпущу, пора, кажется, вас избавить. Пойдемте, господа, в контору.

Н а д и м о в. Зачем? Мы уже здесь начали.

П о л к о в н и к (отводя Надимова в сторону). Да здесь... нельзя говорить обстоятельно, откровенно... надо пересмотреть много бумаг.

Н а д и м о в. А, так бумаг много?..

П о л к о в н и к (свысока). Да вы не думайте, чтобы труды ваши пропали даром. Я уполномочен... и если дело кончится, как следует, то будьте уверены, что со стороны графини...

Н а д и м о в. Благодарность будет?

П о л к о в н и к. Уж конечно... Можете даже сами назначить...

Н а д и м о в (шутливо). Графиня... вам угодно было давеча спросить меня, зачем я служу в губернии? Теперь я могу вам объяснить на деле. Положим, что я был бы просто проезжий, приехал бы к вам с визитом. Конечно, ни ваши уполномоченные,

ни ваши гости не почли бы себя вправе предложить мне с первого слова,— одну из тех (*смеется*) мнимозабавных подлостей, о которых в порядочном обществе и говорить бы не следовало.

Графиня. Помилуйте, что с вами!

Полковник. Да как же?

Надимов. Позвольте спросить: отчего же, как только дело коснулось до моей служебной обязанности, потому что я губернский чиновник и в небольшом чине,— мне предлагают тотчас же продать мою совесть, так же просто и естественно, как у другого человека спросят о его здоровье?

Полковник. Позвольте...

Надимов. Не мешайте, я не кончил. Я хотел только определить, что предложенный мне этими господами подарок или подкуп, за который я им, впрочем, очень благодарен, относится не к моей личности, а к званию, мною принятому; вот какие лестные мысли оно внушает! И к горю моего звания, я должен сказать, что я и обижаться не вправе, пока будут у нас взяточники. Они-то и распространили между нами какое-то странное начало равнодушной безразличности! Вот, например, два человека, уже в почтенных летах, которые только при виде незначительного чиновника почитают уже себя обязанными предложить ему торговать законом и обворовывать правосудие! Отчего это? Оттого, что они привыкли думать, что иначе быть не может. Ну, положим, (*шутливо*) господин Дробинкин человек бывалый по этой части... но (*строго*) полковник, человек заслуженный, благородный, (*как бы опомнясь*) каким горьким опытом должен он был дойти до такого равнодушия, чтобы забыть настоящее значение того, что он говорит!

Полковник. Молодой человек...

Надимов. Виноват, полковник; но вы не вправе меня останавливать.

Графиня. Быть не может!.. Я вас уверяю... все это шутка.

Надимов (*с чувством*). Нет, графиня, шутить тут нечего... тут нет ничего смешного и смеяться я не в силах. Мне кажется, что тут, напротив, надо плакать и каяться, и слезами покаяния стереть пятно, наложенное на нас веками. Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию*, что пришла пора и, действительно, она пришла,— искоренить зло с корнями. Теперь словами не поможешь, надо действовать... и лучшее порицание дурному — пример хорошею, надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, жертвовал собой, и не гнушаясь мелких должностей, в себе показывал бы другим образец. Начало уже сделано; время окончить начатое... и бог нас благословит.

Графиня. Но как же?..

Надимов. Не скоро делаются великие перевероты! Но начало положено; теперь каждый честный человек уже оттесняет собой взяточника; это главное... Тот, кто служит по совести, уже вознагражден сознанием, что он ведет нас к исправлению, для нас необходимому,— что он искореняет старинный разврат и не-

даром носит имя русского! Вот отчего я служу, графиня! Вот отчего каждый, кто чувствует в себе силу и волю, должен у нас служить.

Полковник. Молодой человек, вы хоть и резко говорите... но в словах ваших есть правда... Правда, черт возьми. Служить у нас надо. Я сам был кандидатом в предводители*.

Дробинкин. Даже слеза прошибла... (*в сторону*) у, у! какой тонкий!.. к этому попадись в лапы, дешево не отделаешься!

Графиня. Мне очень неприятно, поверьте, что у меня в доме...

Надимов. Ничего, графиня, не в первый раз. Другие для службы жертвуют жизнью; я уже давно пожертвовал своим самолюбием. Я перестал сердиться,— эти господа не виноваты. Виновато общее равнодушие и общее потворство одному из наших главных народных бедствий.

Дробинкин. Точно, точно, ваше сиятельство, я человек простой, без умысла, по глупости, к слову пришлось... хе, хе, хе!

Надимов. Но об этом, кажется, довольно. Извините меня, графиня, я слишком погорячился, потому что вопрос так близок к моему сердцу! О чем, бишь, мы говорили давеча?.. О террасе, кажется, павильона, я думаю, там не надо...

Графиня. Бедный!.. как, должно быть, трудно ему жить! (*Входит слуга*).

Слуга (*подает пакет Надимову*). От губернатора с нарочным.

Надимов. Что это значит?.. Графиня, вы позволите?..

Графиня. Сделайте одолжение... (*Надимов читает с удивлением.*)

Мисхорин (*графине*). Чиновник-то, кажется, читал Цицерона... просто, римлянин*... того и гляди на колесницу воссядет!

Графиня. А как вы думаете, клеветники кругом будут?

Мисхорин. Вряд ли... он такое внушает к себе расположение, что зависть перед ним должна умолкнуть.

Графиня. И прекрасно сделает... (*Слуге.*) Что, завтрак готов?

Слуга. Готов, ваше сиятельство.

Графиня. Господа, не угодно ли... господин Дробинкин, вы меня извините.

Дробинкин. Ничего, ваше сиятельство, ничего; я уже отобедал давно. Я тут где-нибудь около сараев похожу... Вы обо мне не беспокойтесь — мы люди маленькие...

Надимов (*полковнику*). Полковник... на два слова... дело очень важное. Скажите мне с полной откровенностью, что значит в здешнем доме господин Мисхорин.

Полковник. Как, что?.. он жених графини.

Надимов. Неужели?

Полковник. Она сама давеча мне призналась.

Надимов. Она его любит.

Полковник. Влюблена по уши.

Надимов (*про себя*). Что же мне делать?

Графиня. Полковник — вашу руку...

Полковник. С восхищением! Я так проголодался после беганья, что...

Графиня (*Мисхорину*). А вы?..

Мисхорин. Мне есть не хочется...

Графиня (*Надимову*). А вы?..

Надимов. Извините меня,— у меня есть дело.

Графиня. Как вам угодно... а, кажется, можно бы было... впрочем, как знаете... (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Мисхорин и Надимов.

Надимов (*притворяя двери*). Ушли... я должен переговорить с вами.

Мисхорин. Со мною?.. Вы хотите возобновить давнишний разговор?

Надимов. Нет, мы отложим его до более удобного случая; я должен сообщить вам довольно неприятную весть; я получил приказание исследовать один из ваших поступков.

Мисхорин. По жалобе помещика Кривоногова?

Надимов. Точно так.

Мисхорин (*в сторону*). Боже мой!.. Я пропал... Графиня не простит никогда!.. Что мне делать? и подкупить этого человека невозможно!

Надимов. Прикажете, чтоб я отнесся к вам формально, бумагой, и дал вопросные пункты?

Мисхорин. Нет, нет... нельзя ли иначе, между нами... чтоб не услышал кто-нибудь.

Надимов. Дело довольно сложное, утаить будет трудно. Впрочем, сколько от меня зависит, огласки не будет. Мне приказано не терять времени... угодно вам будет отвечать? (*Садится и записывает.*)

Мисхорин. Делать нечего!

Надимов. Я должен представить ваше объяснение.

Мисхорин. Спрашивайте что угодно.

Надимов. Вас зовут Виктор Мисхорин?

Мисхорин. Да!

Надимов. Который вам год?

Мисхорин. Тридцать семь лет.

Надимов. Вы очень моложавы.

Мисхорин. Благодарю вас!

Надимов. Другого Мисхорина нет?

Мисхорин. Нет.

Надимов. Чин ваш?

Мисхорин. Отставной поручик.

Надимов. Имение у вас есть?

Мисхорин. Есть, но описано, продается.

Надимов. За долги?

Мисхорин. За долги.

Надимов. К нам препровождена поступившая на вас жалоба пензенского помещика Кривоногова в том, что вы не выплачиваете ему должных денег десяти тысяч рублей с процентами, и, после нанесенных ему обид, отказались от обещания вашего: жениться на его дочери, в чем выдано вами ей письменное обязательство, подтвержденное неоднократно, приложенными гут письмами. Что имеете вы объяснить против этого?

Мисхорин. Многое... но к чему это послужит? Я в ваших руках! Перед судом я оправдаюсь, но в глазах графини вы можете меня погубить: это от вас зависит. Но вы сами, что вы за человек; я вас не знаю! позвольте же мне с своей стороны предложить вам несколько вопросов.

Надимов. Мне?

Мисхорин. Вам. Вы, конечно, можете отказать, но я обращаюсь к вам, как к дворянину... как к благородному человеку.

Надимов. Спрашивайте.

Мисхорин. Кто вы такой? Вас самих как зовут?

Надимов. Александр Надимов.

Мисхорин. В Саратовской губернии есть большое Надимовское имение.

Надимов. Оно мое.

Мисхорин. Так вы богаты?

Надимов. Ну да! так что же?

Мисхорин. Который вам год?

Надимов. Двадцать восемь лет.

Мисхорин. Как вы молоды!

Надимов. Но к чему же это?

Мисхорин. Я хотел постановить различие между нами: я уже отжил молодость, разорился и устал от жизни,— вам удача во всем; меня судьба постоянно преследует. Здесь думал я, что в доме графини я нашел, наконец, пристань,— счастье, которое всегда мне изменяло. Подумайте немного: что должен я чувствовать теперь, когда, после стольких бедствий, я вдруг встречаю соперника, который пользуется своим служебным значением, чтоб отнять у меня мою последнюю и лучшую надежду?..

Надимов. Как вы можете думать?..

Мисхорин. Не горячитесь. Горячность будет вам улика, у ревности глаз зорок! Вы равнодушны к графине!

Надимов. Я ее вижу сегодня в первый раз.

Мисхорин. Одной минуты довольно. Вы находите человека, который мешает вам; пожертвовать им — ничего не значит. Средство у вас в руках; вы можете погубить его, по казенной надобности.

Надимов. Это уж слишком!

Мисхорин. Конечно, от праздной жизни, я увлекался часто, был неосторожен и дорого платил за опыт. Но, посудите сами: каков должен быть тот господин, который, боясь потерять деньги,

в карты им выигранные, заставил меня расписаться, что вместо уплаты я женюсь на его дочери? В то время я подписал бы свой смертный приговор, не подумавши; мне было все равно, я готов был застрелиться. Я графини еще не знал.

Надимов. И вы думаете, что дело это можно уладить деньгами!

Мисхорин. Конечно, можно. Но где же взять их? *(Молчание.)*

Надимов. Послушайте... Вы правы. Я не могу производить над вами следствия... Я не достоин того. Вы открыли мне глаза; я сам не понимал еще, что со мною делалось... но вы объяснили мне; вы правы: я равнодушен к графине!

Мисхорин. Вот видите... вы сами сознаетесь!

Надимов. К тому же, я знаю, я узнал наверное, что графиня вас любит. Я не хочу и не должен растривать ее счастье; я знаю сам, что значит обмануться в любви своей. Надо прежде всего рассчитаться с вашим кредитором.

Мисхорин. Но где найти денег?..

Надимов. Это ничего не значит: я их могу отдать покамест.

Мисхорин. Вы!.. Быть не может!..

Надимов. Вы возвратите мне их после .. когда-нибудь.

Мисхорин. Но я не могу, не хочу их принять.

Надимов. Вы должны. Дело идет не о вас, а о счастье графини. Слушайте... я сейчас же еду в город, и если можно деньгами удовлетворить вашего помещика...

Мисхорин. Помилуйте, он хуже Дробинкина.

Надимов. Тогда счастью вашему препятствия не будет.

Мисхорин. Но скажите, чем же могу я выразить вам благодарность?..

Надимов. Сознанием, что и между чиновниками бывают порядочные люди. Берегитесь, графиня идет. Ступайте, распорядитесь, чтоб мне поскорее подали лошадей; нельзя терять ни одной минуты.

Мисхорин. Жизнь моя принадлежит вам!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Надимов и графиня.

Графиня. Что? Вы кончили свои дела?

Надимов. Кончаю, графиня... и самым неприятным для меня образом. Я получил предписание немедленно возвратиться в губернский город.

Графиня. Вы уезжаете?..

Надимов. Сейчас должен ехать...

Графиня. Да как же... это невозможно... я не согласна: у меня процесс... вы обязаны произвести следствие, бумаги писать... столбы поставить; вы чиновник; вы не можете располагать своим временем.

Надимов. Дело Дробинкина можно будет передать другому чиновнику.

Графиня. Нет, нельзя... этого нельзя. В другого чиновника я доверия не имею... Вы не можете, вы не должны меня так оставить. Вы забываете, что вы брат моей Олинки,— вы не вправе отказать мне в вашем содействии! Я уже привыкла видеть в вас как бы близкого родного человека... и вдруг, не предупредивши, вы хотите ехать! Это дурно с вашей стороны; я не ожидала от вас такого поступка.

Надимов. Поверьте, графиня, что мне самому очень тяжело.

Графиня. А мне очень легко поверить, не правда ли?.. Вы так хорошо доказываете... по крайней мере, вы останетесь на сегодняшний вечер...

Надимов. Не могу, графиня; я должен сейчас же ехать,— лошадей даже запрягают.

Графиня. А вы уже распорядились... приказали... Что ж, поезжайте!.. у вас такие обязанности, такие широкие чувства... вы любите всю Россию!.. Где же бедной женщине спорить со всею Россиею!

Надимов. Поверьте, графиня, нелегко, иногда бывает оставаться верным своему долгу.

Графиня. Отчего же? Мне кажется, службе, как вы ее понимаете, можно всем пожертвовать, не только такими обыкновенными заботами, как, например, удовольствие, или желание наших приятелей! Гордость и не такие чувства уничтожала; гордость не просит, чтоб ее любили,— она в том не нуждается,— она хочет, чтоб ей удивлялись.

Надимов. Я не понимаю, чем я заслужил...

Графиня. Вы... ничем... я так говорю, вообще!.. Только понятно, что мне странно, что вы уезжаете. Вы могли бы мне рассказать столько про сестру вашу. Я так ее любила! Вы очень на нее похожи и в разговоре и лицом... я порадовалась, что в моем одиночестве нашелся человек такой, как вы, который в одно время был бы и новый знакомый и старинный друг. Да нет... вам не угодно. Что я выражаю для вас?.. Потерянные минуты в избранной вами деятельности!.. Для людей, как вы,— гордого сознания исполненного долга — достаточно. Других чувств вы понять не можете.

Надимов. Я понять не могу... графиня, я понять не могу?.. Да неужели вы думаете, что я из ребяческой самонадеянности, из малодушной кичливости обрек себя на трудное поприще?.. Неужели вы думаете, что посреди утомительных поездок, неусыпных трудов и оскорблений, вроде тех, которых вы были свидетельницею,— я иногда не падаю духом и не чувствую, что силы изменяют мне, что я близок к отчаянию?.. (Нежно.) И неужели вы думаете, что в такие минуты сердце мое не ищет, не просит утешения?.. То и тягостно в жизни моей, что я один, совершенно один, что нет подле меня одобрительной улыбки, ожив-

ляющего взора, голоса, который бы шептал мне: не унывай, мужайся, любовь моя тебе награда! Для такой награды, чего нельзя достигнуть!.. Я тоже человек, графиня, и человек с недостатками, как все другие, с слабостями... Я чувствую моложе других, может быть оттого я не могу довольствоваться холодным эгоизмом, меня окружающим. Душа требует сочувствия и счастья,— и живет в каком-то несбыточном упоении, посреди забот и дразгов самой прозаической действительности.

Графиня. Но если то, что вы говорите, правда,— отчего же не приезжать вам сюда, отдохнуть от занятий?

Надимов. Ах, хорошо бы было!.. да нет, графиня, нет, это невозможно... я не могу и не должен быть здесь.

Графиня. Отчего же?..

Надимов. Поверьте, что я от всей души желаю вам счастья с тем, кого вы осчастливите... Но посещать вас... вряд ли мне будет возможно... Я хочу перейти на службу в другую губернию: мне обещают повышение, а вы знаете — для чиновника это дело немаловажное...

Графиня. Да полноте... не говорите так. Вы что-то скрываете от меня?

Надимов. Я?.. нет, не думайте этого. Я просто получил приказание ехать. На службе это бывает часто... вот и все... Однако же, я вас задерживаю... Прощайте, графиня! Будьте счастливы!.. как заслуживаете, это последнее мое желание!

Графиня. Отчего же последнее? Разве мы никогда не увидимся?

Надимов. Никогда... да, впрочем, вам и вспомнить обо мне не придется... Прощайте, графиня!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Графиня (одна). Да погодите... ушел!.. (Задумчиво.) Станный, необъяснимый человек! Я никогда такого человека не встречала... а как будто знаю его давно. Отчего все другие перед ним мне кажутся так ничтожны? Другим, кажется, я так легко могу приказывать, а ему одному мне хотелось бы повиноваться. Я как бы под влиянием его силы, его превосходства... я чувствую себя совершенным ребенком! Я боюсь его — и все бы его слушала. Что со мною?.. Неужели?.. Да нет, быть не может!.. Это так... пройдет! Чтоб я стала думать о человеке, который не обращает на меня внимания, который не может пожертвовать мне несколькими минутами!.. Куда же девалась моя гордость? (Весело.) Нет... случай самый обыкновенный. Завтра я о нем забуду... Конечно, если б он остался, то, при моем воображении... и к тому же я так устала от светской жизни... он мог бы произвести впечатление на меня... Но я с ним не успела познакомиться. Что он за человек... я его вовсе не знаю, я напрасно даже просила его остаться. Он, пожалуй, подумает уж я и не знаю что!.. Нет, я очень рада, что он уехал...

это мое счастье! Я очень рада!.. Я буду веселиться больше, чем прежде!.. буду кокетничать, ездить на балы... (*садится*) отомщу всем другим. Я очень рада, очень рада, что он уехал! (*Начинает плакать.*) Неужели же я его никогда более не увижу?.. Кто-то идет... Не он ли?.. Кто тут?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Графиня и полковник.

Полковник. Ну, наконец-то мы от него отделались?

Графиня. Уехал?

Полковник. Да, теперь уж уехал.

Графиня (*про себя*). Уехал!..

Полковник. А знаете... дело с Дробинкиным я сейчас порешил миролюбиво. Его претензия не без основания... Мы вот как уладили: в его имение входят несколько десятин вашей земли, они вам не нужны, а ему необходимы; вы уступаете ему землю, а он разрешает вам на вечные времена подымать воду сколько вам угодно... что вы на это скажете?

Графиня. Какое мне дело?.. решайте как знаете; мне все равно.

Полковник. Жаль, что чиновник-то уехал! Можно бы было сейчас же составить предварительный акт. Чиновник-то, право, не глуп — бойкий такой! Только эти горяченькие обыкновенно плохо службу разумеют. А знаете, графиня, вы и его задели, право... Он с вас глаз не сводил! Сколько же вам их надо?

Графиня. Полковник, у меня голова болит. Зачем вы такой вздор говорите!

Полковник. Нет, вовсе не вздор, я старый знаток. Он даже совершенно в лице изменился, когда узнал, что вы любите Мисхорина и выходите за него замуж...

Графиня. Да кто ему сказал?

Полковник. Я ему сказал... он меня настоятельно спрашивал.

Графиня. Да с чего вы взяли? Как вы смели?

Полковник. Вы давеча мне сами сознались.

Графиня. Да кто вас просит выдумывать такие сплетни? я Мисхорина не люблю... за Мисхорина никогда не выйду... Слышите ли?.. никогда и не думала!

Полковник. Неужто?.. Графиня!.. ну, слава богу. Ну, вот, наконец, сказали вы хорошее слово! теперь я могу говорить свободно. Мисхорин вас вовсе недостоин, я это давно знал, но выразить не смел. Неловко как-то было. Да вот Дробинкин мне сейчас еще рассказывал, что Мисхорин обещал жениться на дочери одного его родственника и обманул. Тут вмешалась какая-то денежная история... подана жалоба... нечисто, знаете... Ну, вам ли иметь такого мужа? Нет, знаете ли, графиня... есть человек, который вас

страстно любит... конечно, против него можно многое сказать... но он посвятит вам жизнь свою с такою неограниченною любовью...

Графиня. Про кого вы говорите?

Полковник. Про человека, который не имеет большого общественного значения, но о котором, поверьте, дурного никто не скажет. Он человек не светский, не рассеянный, он даже застенчив, как оно ни странно покажется; он не смел еще выразить вполне, до какой степени он вас любит.

Графиня. Как!.. Неужели?..

Полковник. Да, графиня, вы догадались, что я вам говорю о себе!

Графиня. Как?.. о себе?

Полковник. Да-с. До этого времени наши разговоры кончались шутками; я был убежден, что вы заняты Мисхориным... но вы свободны... (*становится на колени*) согласитесь осчастливить меня; конечно, я не первой молодости; но молодость обманчива... тогда как опытность (*вставая с большим трудом*) верная подпора.

Графиня. Полковник! я вам очень благодарна за честь... но я не думаю еще выходить замуж... после, может быть... мы поговорим, я хочу еще подождать.

Полковник. Графиня, да мне дождаться некогда... посмотрите на меня, я ведь старик!

Графиня. Нет... вы слишком еще молоды...

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же и Мисхорин.

Графиня. А вот и вы, кстати, господин Мисхорин: я сегодня не поеду верхом; но я не хочу помешать вашей прогулке.

Мисхорин. Что это значит?.. Полковник очернил меня!

Графиня. Нет. Мне какое дело, что у вас там были какие-то истории... я их не знаю и знать не хочу. Оттого именно, что я не любопытна и не сержусь на вас; я догадалась наконец, что мы можем быть только хорошими знакомыми,— приятелями, если хотите, но ничем больше.

Мисхорин (*грустно*). Да, графиня, так должно было кончиться; я бы сам все сказал. Совесть меня замучила; я не в силах выдержать благодеяния чужого человека, который, думая, что вы меня любите, пожертвовал собой и своим состоянием, хотел упрочить мое счастье!

Графиня. О ком вы говорите?

Мисхорин. Вот о ком, графиня! Слава богу, он еще не уехал!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, Дробинкин и Надимов.

Д р о б и н к и н (*вталкивая Надимову*). Нет, батюшка, нет; уж как вам угодно! нет, уж извините... они, пожалуй, могут на попятный! нет, тут всего пять минуточек... только предварительный акт составит... и губернатору донести, что вот, мол, ваше превосходительство, все кончено миролюбиво. Извините, ваше сиятельство, что я в доме вашем такой азарт делаю. Да нельзя! ведь детки! у меня эта земелька сколько лет на примете; а теперь вы думаете, что я ее из рук так и выпущу... нет! по рукам ударили, скрепить не угодно ли... всего пять минуточек. Вот и бумага тут; сейчас подпишем, а там господин чиновник пускай себе едет на все четыре стороны, куда ему угодно: оставаться ему уже будет незачем, совершенно незачем...

Г р а ф и н я (*шепотом Дробинкину*). А для следствия он останется?

Д р о б и н к и н. Поневоле останется; да мы уж порешили, покончили, матушка, миролюбиво...

Н а д и м о в. Поверьте, графиня, мне очень совестно...

Г р а ф и н я. Я очень рада... напротив... не знаю только, отчего полковник располагает моей землей?

П о л к о в н и к. Как? Помилуйте, да тут взаимная выгода!

Г р а ф и н я. Нет... я земли отдать не могу... я ею распорядилась иначе, я хочу устроить на ней... хочу сделать... ну, уж сама знаю... к тому же вода и мельница,— это такие вещи!.. кто может быть уверен... все равно; я уступить не могу. Я не хочу мириться, я требую следствия!

Д р о б и н к и н. Матушка, ваше сиятельство, да ведь конца этому не будет; оно вам дело новое... следствие одно протянется бог знает сколько!

Г р а ф и н я. Так что же... тем лучше! (*Надимову*.) Только вы должны производить следствие. Вы затем присланы; вы будете жить здесь... это ваша обязанность, по службе: вы чиновник!

П о л к о в н и к (*ударяя себя по лбу, в сторону*). Ах, я старый болван! Начинаю понимать... когда же соглашусь я состариться!

Н а д и м о в. Извините, графиня; но я непременно должен сейчас же ехать в город.

М и с х о р и н. Нет; благодарю вас,— этого более не нужно. Графиня все знает.

Н а д и м о в. Так что же я должен делать?

Г р а ф и н я. Оставайтесь!..

*Картина.
Занавес опускается.*

А. А. Потехин

СУД ЛЮДСКОЙ — НЕ БОЖИЙ

Драма в четырех действиях

Действующие лица

НИКОЛАЙ СПИРИДОНЫЧ

зажиточный крестьянин, старик.

МАТРЕНА

дочь его.

ИВАН

молодой крестьянин, сирота.

ЕГОР СЕРГЕИЧ

крестьянин из дворовых, старик.

АКУЛИНА ИВАНОВНА

жена его.

ДЕМЕНТЬЕВНА

старуха, знахарка, из крестьянок.

ПАВЕЛ

молодой парень.

АГАФЬЯ

МАРЬЯ } *крестьянские девушки.*

ДАРЬЯ

хозяйка избы на проезжей дороге, крестьянка.

СКРИПУНОВ

проезжий помещик.

ДАНИЛО

его слуга.

КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, ДЕТИ.

Действие происходит в деревне и селе на проезжей дороге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет крестьянскую избу. Налево в углу печь, от нее до стены направо полати. Около печки небольшой шкаф с посудой, ложками и проч. По всем стенам лавки. Дверь позади. Направо у авансцены стоит белый стол, и на нем в железном подсвечнике горит тонкая сальная свечка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Акулина Ивановна и Матрена (сидят у стола направо).

Акулина Ивановна. Да что больно невесела?

Матрена. Больно тошно, баушка Акулина.

Акулина Ивановна. Да чтой-то это за тоска такая? Откуда такая накачалася?

Матрена. Знаешь ты, баушенька, мою тоску, откуда она есть и к чему клонится... *(Грустно опускает голову на руку.)*

Акулина Ивановна. Ну, вот тебе на! Эка еще напасть, подумаешь!.. Девка с парнем слюбилася... То и резон, коли любить... Друго дело, кабы дружка милого не было, так есть о чем тужить... А то ну-ка!.. Да у тебя первый парень изо всей деревни!

Матрена. Знаю, что хорош и удал, и всем молодец, а пуще того — все мое сердце к нему; только перед богом-то грешно, а на баюшку родимого и глаза бы не смотрели. Вся душа изыла: ну-ка, как узнает все про все... и подумать — страсть берет...

Акулина Ивановна. Да что за страсть?.. Полно-ка, полно! Да я была девкой-то, так отходу от себя не давала молодцам, а ты что?.. Полно!.. На то девка и молода, чтобы гулять... Да что батька-то съест, что ли, тебя, коли и узнает-то что...

Матрена. Ах, баушка, не знаешь ты его. Он в меня ровно в себя верит; он меня не тому учил, все богу молиться заставлял, а я что с своей душой сделала?.. *(Закрывает лицо руками и утирает слезы.)* Горькая я, грешная!..

Акулина Ивановна. Полно-ка, девка, разума-то еще нет в тебе. Послушай меня, старухи... Тоже была молода, на господском дворе жила, да ничего не боялася... Ну, чему ты убиваешься-то?.. Ведь не узнал еще?.. А и узнает-то, так при нем останется... Эка беда!..

Матрена *(с испугом)*. Ай, баушка, да лучше живой в гроб лечь, на вольный свет не смотреть...

Акулина Ивановна. А ничего! Я тебе говорю, ничего! Скорее за Ванюху-то, за твоего, выдаст...

Матрена. Нету, баушенька, не отдаст он меня за него ни за что: уж пыталась ведь ты говорить, так что он те сказал?— Пьяница-чу, безродный, богу не молится и своей-чу души-то будет ему губить, — вот что только и сказал... Так уж чего тут ждать, какой радости?..

Акулина Ивановна. А ты молчи, не прытко!.. Жди да жди... Поломается да и перестанет. — и отдаст.

Матрена. Да чего ждать-то? До филипповок-то много ли осталось?* Ох, стыдобушка моя... Куда я угодила? *(Плачет.)*

Акулина Ивановна. Ну-ну, погоди, вот завтра, погоди. Опять к нему пристану... Что будет?.. Уж неужто не урезоним?.. *(Входит Иван.)* Что Ванюха-то нейдет? Хошь бы он тебя разутешил...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Иван.

Иван. Ванюха идет, буйну голову на удалых плечах несет. Матренушка, разлапушка, слаще меду, слаще сахару, слаще патоки медовой! (*Бойко подходит к Матрене, обнимает и целует ее.*) А что, баушка, нет ли у тебя лишних в избе-то? (*Осматривается.*)

Акулина Ивановна. То-то, то-то, удалая голова, заугар, сначала бы спросил... Эх, ты мне!.. Нету, нету никого!

Иван. Ну так нече и опасаться. Баушка Акулина не скажет. Целуй ты меня во сахарные уста, во приятные, целуй крепче, ажно б огнем опалило.

Матрена (*стыдливо отворачивается*). Полно, сердечный... не замай... Не то на сердце, тошнехонько.

Иван. Да об чем тебе тосковать-то?.. Эх, жилось бы только на белом свету, а то что за тоска... Плевать на нее хотел... Али песенку спеть?

Матрена. Эх, полно-ко ты с песенкой-то, побай лучше толком-то...

Иван. Да что толком-то толковать... Коли любишь,— весь тут толк, а не любишь,— пропадай моя голова совсем... Ну, ведь жалешь? Молви.

Матрена. Сердечный мой, знаешь сам, жалею ли я тебя... Да что будет-то?

Иван. А что будет, то будет, а будет то, что бог даст. Живи в радость, коли живется... Вот и все тут... Ну-ка, поцелуй послаще...

Матрена целует Ивана, потом опускает голову на стол.

Иван. Да что ты больно невесела?

Акулина Ивановна. А ты-то впрямь что больно весел? Али уж шумит в голове-то?..

Иван. Да что, баушка, с пустой-то головой ходить? Вино сердцу не помеха, еще пуще разыграется... Не в украдку пью, пьяный не валяюсь... Матреша, а Матреша? Слышь, молви словечко одно, от чего пуще стосковалась?.. Баушка, да что ей попритчилось?..

Матрена (*быстро*). Родной ты мой, сердечный друг, голубы ты мой сизокрылый! Вся ведь я твоя, все мое сердечушко, а мы ведь во грехе живем, что с нами станется? Придет время — куда я денусь?..

Иван. Не пропадем, лебедка! Авось старик-от смилуется. Моя зедь будешь, ничья...

Матрена. Ох, не то чует мое сердце... Не любит тебя родитель-батюшко... Ах, Иванушка, голубчик мой, на что ты позадку-то экую взял? Больно ты мне мил, не насмотрюсь я на тебя, да батюшка-то не то думает... На что ты это вино пьешь, на что ты песни-то громко больно поешь, да по целым по ночам с ребятами гуляешь...

Иван. А что мне, али сиднем сидеть, али в пригоршни плакать, коли не об чем?

Матрена. Не рассердись, Иванушко, не мои то речи. Всяко ты мне люб, а батюшке-то это не по мысли... Из-за этого и мне не бывать за тобой...

Иван. Да что старик-от из ума что ли выжил? Али он молод не бывал, али не помнит, как молодая-то кровь по суставам гуляет?.. Так ли, баушка?..

Акулина Ивановна. Не говори! И впрямь из ума выжил...

Иван. Да право... В хоровод ли пойдешь, али песню веселую затянешь да вприсядку ударишь, так ровно те подмывает, ровно огонь по тебе пойдет, всяка жилка в тебе взыграет, ноли* волос дыбом встает, только мороз по коже подирает.

Матрена (*смотря с любовью на Ивана*). Сердечный мой!..

Иван (*обнимая ее*). Да не тужи, Матрешенька, будет и на нашей улице праздник... Уломаем старика... Узнает и меня, каков я есть, — души не пропью, на большую дорогу не выйду... Ну-ка, Акулина Ивановна, загани, какая нам судьба будет?..

Акулина Ивановна. Изволь, изволь... (*Идет и берет из шкапика карты*.)

Матрена. Ох, Иванушко, не ворожить бы нам, а богу молиться надо за все наши грехи.

Иван. Знаю, что надо... (*В раздумье*.) Ну, да ведь не вправду... Ну-ка, баушка, раскладывай.

Акулина Ивановна (*тасуя карты*). На какую тебе кралю-то загадывать?

Иван. На какую? Али не знаешь, какая у меня краля-то?.. (*С любовью смотрит на Матрену*.) У меня краля писаная, другой нету экой... (*Целует ее в щеку*.)

Акулина Ивановна (*раскладывая карты*). Ну теперь, нишкните, не мешайте...

Входят Марья, Агафья и еще несколько девушек.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Марья, Агафья и прочие.

Марья (*входя*). А мы, бабушка, к тебе на поседки* пришли.

Акулина Ивановна. Ну, милости просим.

Иван (*быстро встает и идет навстречу девушкам*). Ах, девушки-касатушки, распрекрасные, писаные, чернобровые, черноглазые...

Смех между девушками.

Акулина Ивановна. Что же это одни, и ребят-то нет с вами?

А г а ф ь я. Да уж наши ребята таковские. Смотри, что все храпом храпят, у всех овины сушатся...

И в а н. Я, значит, один разгуляй-молодец?.. Ровно знал,— пришел, все вас поджидал... Одному мне, значит, утешать вас речами сладкими, взорами приятными...

Смех между девушками.

А г а ф ь я (*кокетливо*). Один ты только и есть у нас парень-то веселый... Да ты ничто гадаешь, баушка?

Все окружают стол, на котором Акулина Ивановна раскладывала карты.

А ку л и н а И в а н о в н а. Да вот хотела было разложить... Неск о л ь к о г о л о с о в. Баушка, поворожи-ка и нам. А ку л и н а И в а н о в н а (*с улыбкой удовольствия*). Ну-ка, всем бы вам поворожить...

И в а н. А об ком бы ворожить-то, ведь, чай, все обо мне?

А г а ф ь я. Нет уж, что нам об тебе ворожить... (*К Матрене*) А я было забегала за тобой, да старик-от сказал, что ты ушла к баушке Акулине на поседки; так что, мол, рано?.. Раньше-чу и придет; скажи-чу ей, чтобы скорее домой приходила...

М а т р е н а (*поспешно*). Так прощай, баушка, я пойду домой.

А ку л и н а И в а н о в н а. Ну, что уж и бежать бы? Посиди... Вечеру-то еще немного...

М а т р е н а (*нерешительно*). Да ведь ждать будет... (*Смотрит на Ивана, тот делает знаки, чтобы не уходила.*)

А ку л и н а И в а н о в н а. Да что еще ждать-то? Посиди... И то ровно прикованная, все в избе сидишь... Дай хошь вот сгадаю...

М а т р е н а. Пожалуй!

А ку л и н а И в а н о в н а (*обращаясь к прочим девушкам*). Садитесь, девоньки, что стоите?

Неск о л ь к о г о л о с о в. А вот, баушка, и нам сгадай...

А ку л и н а И в а н о в н а. Эх, девки, вот что разве... Уж я какая гадальщица, плохая, а разве мне не тряхнуть ли своего старика? Вот уж так раскладывает!

Неск о л ь к о г о л о с о в. Ах, бабушенька, вот бы...

И в а н. Да где же сам-от, Егор-от Сергеич...

А ку л и н а И в а н о в н а. Овин сушит. Скоро придет. Да вы слыхали ли про то, девки, как он ворожит?..

М а р ь я. Слыхали, баушка, что к нему много понаходит и со стороны...

А ку л и н а И в а н о в н а. Ведь у него и карты-то не наши, а особливые... Слыхали ли про то, как он их достал-то?

Неск о л ь к о г о л о с о в. Нет! Да! Расскажи, баушка.

А ку л и н а И в а н о в н а. Ну, ладно, девки, садись все за гребни, вот я и сама гребень возьму... (*Берет гребень.*)

Все начинают усаживаться.

И в а н. А то ин, баушка, песню спеть?

Акулина Ивановна. Ну, песня песней, а дай девкам рас-
сказать... Эх ты какой, все бы пел!.. Ин и рассказывать не хочу.

Несколько голосов. Нет, баушка, расскажи, расскажи!..

Акулина Ивановна. Да ну, ну, ладно! Уселись ли?

Несколько голосов. Уселись, уселись!

Акулина Ивановна. Ну, так слушайте, да не перебивайте,
а то и позабуду!.. Ведь мой Егор-от Сергеич при старом-то ба-
рине поваром был... Ведь и я, девки, тоже во дворе была, да что
ни на есть первая красавица изо всей дворни, даром что теперь-то
экая стала...

Марья. За что же вас, баушка, в деревню-то ссадили, за вину
что ли за какую?

Акулина Ивановна. Нет, какая тебе вина? Так уж нас
всех, всю дворню, тогда рассадили... Старые-то господа померли,
а молодые-то поделились, да поразъехались кто куда. Ну, и го-
ворят, что нам, говорят, старых дворовых не нужно, мы к себе но-
вых хотим, чтобы все по новой по моде знали, а если и взять из
старой дворни, так чтобы виден был человек... Так нас всех и
поразослали по деревням... Вот и меня-то с Сергеичем сюда вы-
садили... А он был вот какой повар! И все со старым баринном в
полку ходил... Как начнет это иной раз про стражениа расска-
зывать, так только слушай: это, говорит, например, из пушек па-
лят, в роги это играют, французы только чтобы на наших, а они
в них штыком, а иной, говорит, и солдат, так тут больше генера-
ла, потому какой генерал, а тут нужно, чтобы всякой свою силу
показывал да чужую силу бил... Вот и мой-то много французу,
говорит, убил... А то они на турку ходили и вот как на турку-то
ходили, тут он это и гаданье свое перенял... Стражениа это было
большое... Вот и мой-то тоже у своего барина отпросился, чтобы
это тоже турку убивать да побивать. Вот только он на одного тур-
ку и насочил и хочет его убить, а турка-то и говорит ему: не
убивай, говорит, меня, Егор Сергеич, я, говорит, тебя за это счаст-
ливым сделаю. А мой-то ей, турке, и отвечает: не надо, говорит,
мне никакого от тебя счастья, а я долг свой исполняю, что я, го-
ворит, на войне, так всех бью-побиваю, да и какое ты мне, турка,
счастье сделаешь?— А такое, говорит, я тебе счастье сделаю, что
ты век меня будешь помнить да благодарить, потому, говорит, ты
всякое дело будешь знать, всякую судьбу человеческую произой-
дешь, все ты будешь знать.— Не хочу, говорит, я этого, а убью
тебя, турку! Ты, говорит, с нечистой силой хочешь меня свести,
так я, говорит, русской,— в бога верую, а ты и креста не носишь.—
Нет, говорит, погоди, не убивай меня, я никакой нечистой силы
не знаю, а я все тебе по картам покажу, как судьбу людскую уз-
навать, и душе твоей от этого ничего не будет, а еще будет тебе
всякое добро и благодарность, потому и человека ты остановишь,
коли он что не так умышляет, и на путь ты его наставишь, и
правду ты ему скажешь, и от зла его освободишь... Ну, говорит,
коли это так, то я согласен, только чтобы не было обману. И взял
он, девоньки,— это мой-от, Егор Сергеич,— веревку и обвязал он

ее мертвой петлей турке на шею, и повесил он эту веревку на дерево, и говорит: вот, говорит, слушай, турка, коли скажешь ты мне всю правду истинную, как без обмана, так я, говорит, тебя отпущу и награжу, а коли солжешь или в увертку только пойдешь, так сейчас, говорит, я тебя на это самое дерево повешу, да еще и застрелю тебя из пушки и штыком заколю.— Не надо, говорит, мне от тебя никакой награды, да и какую награду ты мне дашь, коли все я сам возьму, что ни захочу, и не быть бы мне в полону у тебя, и не взяла бы меня никакая сила, как бы было со мной одно слово, да нет только этого слова, а я его позабыл, и не позабыл бы я его, как бы не потерял своей пестрой чалмы, да не убили моего ретива коня. Только конь, говорит, один и знал это слово, да в чалме оно лежало, в платочке завернуто, на бумажке написано; и потеряй я чалму, да будь конь мой жив — все бы ничего, подсказал бы он мне это слово. А теперь, говорит, уж я в твоих руках, так хочу я тебе добро сделать, чтобы ты меня отпустил. И пойду я тогда по чистому полю, по бранному, искать свою чалму, и коли найду ее, и тебе скажу это слово, а не найду, опять приду к тебе просить, чтобы ты меня жисти порешил. И развязал он тут свой пояс, и вынул из него карты, и разложил их. Ну, говорит, слушай, Егор Сергеич, чтобы ты знал, что значит мое гаданье! Я по картам расскажу всю судьбу твою, как она была и как будет. И начал он тут все рассказывать, да так, что моего-то индо страх взял. Веришь ли теперь? Спрашивает его. Верю, говорит, как не верить! Тут он его и научил всему; только, говорит, знай, что другими картами этак гадать нельзя, потому, говорит, мои карты от самого царя Фараона, а других нет. Вот мой-то и стал у него просить этих карт. Что ты, говорит, просишь у меня, коли я и сам у тебя в руках, а ты, говорит, карты возьми, а меня отпусти! Пойду я искать свою пеструю чалму и, коли не найду ее, опять приду к тебе, и тогда уж ты меня убей. Мой и отпустил его, а карты положил за пазуху. Турка встряхнулся и убежал. Вот проходит опосля того день, проходит другой,— проходит и третий — турки нет, только вдруг, на четвертый, он вдруг перед моим-то как из земли вырос. Ну, говорит, исходил, говорит, я все поле бранное, не пимши, не емши, а чалмы своей не нашел. Теперь, говорит, ты убей меня, жисть мне моя не мила; а мой говорит: нет, говорит, ты мне добро сделал, а мне, говорит, тебя убить, однако же, говорит, я не разбойник. А тот в ногах валяется: батюшка, говорит, Егор Сергеич, убей ты меня, а мой-то его убивать не хочет.— Тут и заговорил турка. Так вот, говорит, я что тебе скажу: не убеешь ты меня, останусь я жив, не будет и у тебя такой силы, хоть ты и знаешь мое гаданье! Оно, говорит, тогда только и сильно, как один человек его знает. Теперь, говорит, ты много знаешь, а не будет меня на белом свете, еще того больше будешь знать. Что же, подумал мой-то, отчего же мне его и не убить? Однако же он, турка, не крещеной, я еще, думает, свой закон исполню, так как я на войне состою. Взял да тут его и прихлопнул. Турка-то как стал это издыхать и закричал: спасибо, говорит, тебе, Егор Сергеич, помни же меня,

и назвал себя по имени... Ничто так мудро, как-то: аграбрабра кратра... нарочно все твердила, муж-то сказывал. Так вот, девоньки, так у него с тех пор эти карты и остались, все он их и раскладывает, и как разложит, да что кому скажет, так точно ведь он по писаному читает, так все и сбывается. Ведь он и раскидывает-то не так, как вот мы, бабы, а как-то все кругом, да вперемежку, да все считает... И карта у него уж, девки, не то и значит, что у нас, совсем не то... Это больно мудреное дело; уж я смотрю-смотрю — не могу понять, а мне-то не рассказывает тоже, нет, не рассказывает, опасится, чтобы силу не потерять. А вот стану, говорит, умирать, так тут все покажу... Вот он и нашим мужикам тоже это гадал, спросите: как что сказал, так ровно вылил... Да, больно у него это мудреная наука!.. Со стороны тоже мало ли народу ходит... А чем мы и сыты-то, как не этим делом? Тоже одному отгадает, другому сноровит,— ну, и помнят, и благодарят... Так вот разве его, девки, заставить?..

А г а ф ь я. Ах, баушенька, кабы да в сам деле погадал Егор-то Сергеич...

И в а н. Да о чем тебе гадать-то, Агаша?..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Егор Сергеич.

Егор Сергеич (*входя*). Гой, русского духа слыхом не слышать, а нынче русской дух сам на дом лезет.

Общий испуг девушек и крики: «ай! ай!»

Егор Сергеич (*хохочет*). А, испугались! То-то!.. Об чем шушукали? Что без песен сидите?

И в а н. Здравствуй, дедушка Егор!

Егор Сергеич. Здорово, Ванюша!

И в а н. А вот все о тебе баушка рассказывала, как ты карты-то у турки отнял.

Егор Сергеич. А-а!

Акулина Ивановна. Погадай-ка, отец, девкам-то...

Егор Сергеич. Ну, что им гадать-то, не стоит того...

(*Садится.*) Что уж гадать нелюдям.

А г а ф ь я. Да разве мы, дедушка, нелюди?

Егор Сергеич. Так неужто люди? Разве девка человек...

Несколько голосов. Ах, дедушка Егор! (*Смеются.*)

И в а н. Вот что, дедушка, неужто ты и взаправду на войне был и с турком это, и с французом?

Егор Сергеич. Был.

И в а н. И карты у турки отнял?

Егор Сергеич. Отнял!.. А что?

М а т р е н а. Да как же ты не боялся?

Егор Сергеич. Да чего бояться-то? Я вот сегодня домого в овине видел, да не испугался...

Матрена (*вздрагивая и бледнея*). Полно, дедушка, что ты говоришь...

Егор Сергеич. Да что мне? Невидаль что ли? Кто на войне бывал, тот всего много видал.

Иван. Да как же ты, дедушка, стражался-то, коли у тебя никакого, значит, орудия не было: ни сабли, ни ружья, как же ты?..

Егор Сергеич. Хм... да как придется... Тут не смотрят! Чем хочешь бей, только бы убивать да в полон брать...

Иван. Да ведь ты, дедушка, поваром был?

Егор Сергеич. Поваром! Так что же?.. Хочешь ли я тебе расскажу, как я одиново* троих французов живьем в полон забрал?

Несколько голосов. Расскажи, расскажи...

Егор Сергеич (*самодовольно*). То-то расскажи. Слушай... Вот одново баталия такая идет с французом, что страсть, а барин у меня был такой храброй, что ничего не боялся: выпьет, бывало, на дорогу стаканчика три, да и пойдет; сечет и рубит, так около него француз-то и валится. Вот только он стражался-стражался, да и едет ко мне: свари, говорит, что-нибудь поесть, смерть устал... Слушаю, говорю, сударь, будьте покойны, все будет готово, а как стражение?.. Я ведь при обозах был, так мне далеко-то не видать... Известно, говорит, наша берет; ты готовь скорее, а я поеду последних добивать... Вот он уехал, а я отошел в сторону, теплинку* разложил, таганчик наставил, да и готовлю горячее, вдруг смотрю — на меня три француза... Что же, думаю себе, ничего! Со мной нож поварской, да с этой сволочьью и без ножа управлюсь... Подошли, — кричат: есть, есть дай!..

Агафья. Дедушка, так разве они говорят по нашему-то...

Егор Сергеич. Эка, дура! В те поры уж они выучились. Все с нами-то стражались, а ты не перебивай, слушай... Ну, кричат: есть, есть дай!.. Пошли, я говорю, вы прокаженные, стану я вас кормить — у меня еще барин не обедал... Они наступать, замахали саблями... Эй, говорю, ребята, шалишь, не приступайся!.. Только вижу, с ними разговаривать пути не будет: схватил кастрюлю-то, да горячим-то кипятком им в рожи-то, да в зенки-то... Они: «ай, ай, ай!» сабли-то пороняли, да протирать глаза, да бежать, а я уж это рассердился, да за ними, да горячей-то кастрюлей, да по затылкам-то, да горячей-то, да по затылкам-то. Они уж и пардон было кричат. Ладно, мол, дам я вам пардон, да которого нагоню, кастрюлю-то переверну, да на голову-то ему и надену, да и прихлопну. Он у меня «ай!» да и присядет, тут его и бери голыми руками... Одного взял, я за другим, а тут за третьим, да так всех троих живьем и перебрал.

Общий смех.

Егор Сергеич. После меня к самому генералиссимусу водили, и тот меня благодарил: ну, говорит, спасибо, посмешил, говорит, ты меня... Хотели меня тогда офицером сделать, да только

что нельзя было, что дворовый человек, а деньгами, нечего сказать, деньгами наградили... Что толку-то тогда было, удивленья-то что!

Несколько голосов. Вот так дедушка Егор!.. Ай да дедушка!

Иван. И впрямь, дедушка, коли дело говоришь, так молодец ты был...

Егор Сергееч (*с досадой*). Так не дело, что ли?

Иван. Да нет, дедушка, не про то. Эх, кажись бы пошел в царскую службу всей охотой... Только что, ну... Не то время теперь...

Егор Сергееч. Полно! Не видал ничего, так и хорохоришься, а кабы пришло до дела, так и зады показал.

Иван. Я?.. Ну, навряд ли, дедушка! Не такова у молодца кровь по жилкам перебивается!.. Уж не бойсь, показали бы себя, не стали бы кипятком да кастрюлей управляться, а чем ни на есть, чтобы голову ворогу с плеч долой... Не стали бы с туркой прокляжаться, да карты у него выманывать, а кажись, бы ходенем ходил, кажись бы, никому спуску не давал.

Акулина Ивановна (*со смехом*). Полно, полно ты, полно... Ну где уж тебе супротив Егора Сергееча?..

Иван (*разгорячаясь*). Да что, баушка, Егор Сергееч? Нечто был что ли он в коренной-то службе царской, батюшкой-солдатиком... (*С увлечением.*) Эх, негде молодцу разгуляться, мало места, нету времени, засела ему тоска на сердце, приковали его очи черные, обессилила любовь крепкая, дума тяжкая... (*Взглядывает на Матрену и, замечая ее смущение, вдруг останавливается сам; опустивши уныло голову, садится на лавку.*)

Егор Сергееч (*со смехом и досадой*). Эх расхотелся перед девками-то, а вот погоди. Я по науке своей вижу, что тебе быть в солдатах...

Иван. Так что, Егор Сергееч, всей охотой... Только бы подошла пора, время...

Матрена украдкой утирает слезы.

Акулина Ивановна (*заметь это движение Матрены, к Ивану*). Полно, полно, что ты больно расхотелся-то...

Егор Сергееч. Нет, постой... А вот он не верит моей силе, а хошь ли, я тебе по картам всю твою судьбу раскину...

Иван. Нету, дедушка Егор, на что мне... Больше бога не будешь, того не узнаешь, что у него написано... Гадай вон девкам.

Матрена. Дедушка Егор, погадай-ка мне.

Егор Сергееч. Тебе? Изволь... Да все ли рассказывать?..

Иван. Ну, известно, говори хорошее...

Матрена. Нет, нет, все, дедушка: какова моя будет судьба горькая...

Егор Сергееч. Ладно! Баба, давай карты...

Все девушки приподнимаются и окружают стол, к которому подходит с картами Егор Сергееч.

Агафья. А ты бы теми, что у турки-то отнял...

Егор Сергеевич. Ничего, я и по этим все расскажу... Ваша судьба не такая, чтобы те карты трогать, по вас и этих будет! Ну, не мешай же, да слушай крепче! *(Начинает раскладывать; Матрена с суевренным страхом смотрит то на карты, то на Егора Сергеевича.)*

Егор Сергеевич. Ну, девка, нехорошо тебе выходит! Сказывать ли все-то?..

Матрена *(с робостью и любопытством)*. Сказывай, сказывай...

Егор Сергеевич. Ну, слушай же... Есть у тебя два друга, два врага — все едино! Один друг тебя любит, да душу твою губит, другой тоже любит, да счастьем твою мешает... И лежит у тебя на душе горе черное, тоска тяжкая. И на единой миг эта тоска с тобой не расстается...

Матрена *(вполголоса и как бы невольно)*. Так и есть.

Егор Сергеевич. И висит над тобой гроза великая... И боишься ты этой грозы больше огня-полымя... И не будет тебе радости...

Матрена плачет.

Иван *(замечая слезы Матрены)*. Э, полно, дедушка Егор!.. Ничего ты не знаешь, не то говоришь... Девку только застрашал...

Матрена *(с отчаянием)*. Ах нет, все он знает, все так говорил... Такова моя судьба горькая!..

Егор Сергеевич *(с торжеством к Ивану)*. Что, не знаю?.. Али еще что сказать?.. Много вижу...

Иван. Нету, дедушка, уж отставь, что пользы... Знамо, что знаешь, да что!.. Полно, Матренушка!.. Эх, полно-ка, все мы под богом ходим... Что горевать до поры до времени... Ну-ка девушки красные, писанные, распрекрасные, споем-ка лучше песенку веселую...

Несколько голосов. Нету, погоди... Дедушка Егор, погадай нам!..

Егор Сергеевич. Нету, больше одного раза нельзя... Опосля когда...

Иван. Ну и ладно, дедушка! Ноги и на меня тоску нагнал... Ну-ка, девки, садись да подтягивай... *(Выходит на середину избы.)*

Все усаживаются.

Несколько голосов. Какую же?

Иван. Ну, известно, веселую... Дедушка Егор, да нет ли, брат, стаканчика?.. Ничто так... Повеселее...

Егор Сергеевич. Нету, какой тебе стаканчик...

Иван. Ну, ин и так... Ох вы!.. *(Поет.)*

Уж вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые... и проч.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Николай Спиридоныч.

Николай Спиридоныч (*останавливаясь у дверей*).
Экой содом! Эж нечистый-то вас обуял!

Пение и пляски прекращаются.

Иван (*почтительно кланяясь Николаю Спиридонычу*).
Разгулялись маненько, Николай Спиридоныч...

Николай Спиридоныч. Гуляй... На то твоя пустая голова, чтобы гулять... Завтра на овин-то за тебя другие пойдут...

Иван. Пспею, Николай Спиридоныч... От работы не бегаю...

Николай Спиридоныч. Ну тебя, твое дело... Знаю я тебя... А ты что это, Матрена, сидишь на эком содомище... Сказал, скорее приходи, а ты рада до свету... Али на бесшабашную-то голову загляделась?.. Пошла...

Матрена (*робко*). Я, батюшка, и то тотчас хотела идти...

Николай Спиридоныч. То-то, тотчас... (*Сурово*.) Пошла... (*Хочет идти*.)

Егор Сергеич. Да что, Николай Спиридоныч, не брезгуй, присядь...

Николай Спиридоныч. Полно, Сергеич, до старости лет дожил, да экую бесовщину в доме у себя заводишь... Да еще и я бы тут смотрел...

Акулина Ивановна. Да что за бесовщина?.. Уж молодым девкам и не разгуляться.

Николай Спиридоныч. Ну, ладно!.. Что с тобой толковать... Знаем мы, до чего эти гулянки-то доводят... Не с твое живу... (*Указывая на Ивана*.) Вон гуляет... И пускай его... к тому душу свою готовит... Кто про него хорошее-то скажет?!

Акулина Ивановна. А что про него худо-то сказать?.. Самолучший парень — вот что!.. На всю деревню...

Николай Спиридоныч. Ладно! Экого самолучшего-то я и в дом-от к себе не пустил бы... Матрена, ступай!.. (*Пропускает вперед Матрену*.)

Иван. Чем я перед тобой провинился, Николай Спиридоныч?..

Николай Спиридоныч. Что мне, я те не отец, а был бы тебе отцом, так из дому бы выгнал экого... отрекся бы... Сколько раз седни в кабаке-то был?.. (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Николая Спиридоныча и Матрены.

Иван стоит улылый, в раздумьи опустивши голову на грудь.

Марья. Экой сердитый!.. Как с ним Матренка-то живет?.. Вчу же так страшно...

Акулина Ивановна. Не говори, девка... Тоже ни единой обедни не пропустит, книги святые читает, милостыню подает... А нет у него ласкового слова... За что парня обругал?.. Что, Иванушко, не весел?

Иван. Что Иванушко не весел, буйну голову повесил... Эх, бабушка! *(Вздыхает, потом молодецки встряхивает головой.)* Э, да ничего!.. Живи, коли живется, а умрем, так поминать станут... Ну, запевай, девки... *(Впадает в раздумье.)* Да не больно веселую, а чтобы сердечушко надселося!..

Егор Сергеич. Что, видно, брат, по месту пришлось?..

Иван. Не то что... а так душа заныла, на волю просится... Ну, подпевай девки... *(Запевает заунывную песню; к нему подступают.)*

Ты, береза ли моя,
Ты, моя березанька,
Ты, кудрявая, моложавая.
На горе ли ты стоишь,—
Стоишь на всей красоте.
Под тобой ли-то березанькой
Молодец с милой расстается,
Горючьми слезьми заливается.
Расставаньеце у них было явное,
Совыканьеце было у них тайное.

(Занавес опускается.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена представляет большую чистую избу Николая Спиридоныча. Направо два небольших окна, налево дверь за перегородку, которою отделена печка. На авансцене направо стол и около него на лавке несколько книг в старинных кожаных переплетах с медными застежками. Налево, также на авансцене, стол. Дверь в задней стене.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена *(одна)*. Ох, больно тошно... И что со мной будет, и не знаю... И дедушка Егор сказал, что будет плохо... Да и сердце мое чует... Нет у меня матушки родимой, некому вступиться, не перед кем слезы выплакать... *(Плачет.)* Покориться разве батюшке во всем, просить своему греху прощения... Неужто не смилуется? Ох, больно страшно... Убьет он меня...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Матрена, Николай Спиридоныч, Акулина и Иван.

Николай Спиридоныч *(входя в избу)*. Нет, нет, сказал, что не будет этого, и не будет... Она у меня одна, пуще глазу

берегу... Отдам ли за экого?.. (Увидя Матрену.) А, да ты здесь! Что ты тут делаешь?..

Матрена. Ничего, батюшка...

Николай Спиридоныч. Ничего не делать — грех... Подь в светелку, съядь за стан... Да ты ничто редела? (Смотрит на нее пристально.)

Матрена (робко). Нет, батюшка!

Николай Спиридоныч. Ну, то-то, кажись, не об чем... Ну, подь с богом... (Матрена уходит за перегородку налево.) Подь и ты, Ивановна, нечего тебе делать... Сказал, нет — и не будет! (Садится.)

Акулина Ивановна (садится возле него). Да что нет-то, что уперся-то, ровно, не знаю что... Что девку-то морить; кажись, пора уж замуж отдавать... Недаром ревет,— измаялась, в девках-то сидя...

Николай Спиридоныч. Ты, баба, дура, больше ничего...

Акулина Ивановна. Да, пожалуй, ругайся! Об твоём же детище-то хлопочу, не о своем...

Николай Спиридоныч. Ну, так не дура ли ты? Что ты хлопочешь-то? Неужто уж отец-от меньше тебя радеет дочке? Она у меня, кажись, одна... Вся тут и душа-то моя в ней... Так что ты еще?.. Дура и есть...

Акулина Ивановна. Ну, дура! Так на что же ты не отдаешь-то? Чем не жених твоей Матрене Ванюха?

Николай Спиридоныч. А тем и не жених, что мне не по душе пришелся! Первый гуляка, первый озорник на всю деревню... Да, отдам я свою Матрену... Она у меня, как голубь чистый... Сам смотрю, сам учу, и денно, и ночью за нее бога молю... Да, отдам я экому, что своей-то головы не сносит!..

Входит Иван и останавливается в глубине сцены.

Николай Спиридоныч (заметья его). Ты зачем еще пришел? Тебе что надо?

Иван (низко кланяется). Ты везде меня срамишь, Николай Спиридоныч, на весь белой свет ругаешь, а я все к тебе да к тебе...

Николай Спиридоныч. Ну, что еще лясы-то подпускаешь? Научился с девками-то лебезить... Что еще надо?

Иван. Некому за меня просить, Николай Спиридоныч, нет ни отца, ни матери... Сам пришел поклониться тебе да попросить! (Становится на колени.) Батюшка, Николай Спиридоныч, сделай человеком, заставь за тебя вечно бога молить. Отдай за меня твою Матрену!

Николай Спиридоныч. Тебе?.. Да как у тебя смелости стало прийти-то ко мне да такие речи говорить?.. Как у тебя язык-от не отсох, в глотке-то не поперхнулось?.. Ему я Матрену отдай... Пьяница, гуляка, потаскун, об душе своей позабыл, да я его в сыновья возьми!.. Пошел вон, не моги и думать!

И в а н. Не я гуляю, кровь гуляет, Николай Спиридоныч, молодая кровь... А сделаешь человеком, не хуже других буду...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Я те говорю, вон пошел!.. Знаю я, чего те хочется!.. Тебе к денежкам моим подобраться охота. Одна-де дочка-то, а мощна-то толста, женюсь — загуляю!.. Свою душу губишь, да еще чужой век заесть хочется...

И в а н. Не таковский я человек, Николай Спиридоныч... Вестимо, твоя воля — гневайся, только не погуби!..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Этому ворогу мою голубицу, мою лебедку, отдай...

А к у л и н а И в а н о в н а. Ну, уж полно, Николай Спиридоныч, и ты... девка, как девка... Ну что уж тут... какой голубы!..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Ты молчи, Ивановна, молчи! Знаю я свою дочку, чистая она у меня душа, без пятенышка... Отступитесь вы от меня, подите... не рассердите... Сказал, не будет!.. Лучше век в девках сиди...

А к у л и н а И в а н о в н а. Ну, полно, Спиридоныч, не срами своей седой головы, не надей хуже... Уж что делать-то, коли парень с девкой слюбились...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (*вздвргнув*). Что-о?!!

А к у л и н а И в а н о в н а. Да что делать-то уж!.. Винись, Ванюха, авось скорей смилуется...

И в а н. Прости, Николай Спиридоныч, помилуй! Не мы первые, не мы последние...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Что-о?!!

А к у л и н а И в а н о в н а. Да что больно воззрился?.. Точно нивесть что... И не в наших местах так бывает... Женишь, так и все шито да крыто.

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (*бледный*). Как?.. Матрена моя?.. Моя Матрена?.. Да врете вы, окаянные... Матрена, подь сюда... Матрена!.. Господи! Врете вы, нечестивые...

И в а н (*бросаясь в ноги*). Я во всем виноват, меня суди, я, окаянный!.. Николай Спиридоныч!

Матрена входит робко, бледная и с потупленными глазами.

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Врете, вороги... Обмануть вы меня хотели... (*Увидя Матрену*.) Подь сюда!.. Сказывай скорей... любилась ты с ним, сказывай всю правду!..

М а т р е н а (*бросаясь в ноги*). Батюшка, родимой, убей ты меня!

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Говори скорей...

М а т р е н а. Виновата, помилуй, прости меня грешницу...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (*в бешенстве*). Простить, тебя простить?.. На кого одна надежда была... Чем жил?.. Ох!..

М а т р е н а. Родимой, прости.

И в а н. Николай Спиридоныч, согрешили мы...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Вороги, что вы со мной сделали?.. Нет! Ох, окаянная!.. Дочь ты мне?.. Не дочь!.. Будь ты проклята в сем свете и в будущем!..

М а т р е н а (*дико вскрикивает*). Ай, родимой... Благослови!

Иван. Старик, не губи своей души.

Николай Спиридоныч. Нет тебе моего благословения... Пропадай ты совсем!.. *(Опускается на лавку и кладет голову на стол.)* Ох, ох... вороги!.. погубили!..

Матрена несколько секунд лежит на полу, не поднимая головы, потом начинает медленно и безмолвно приподниматься; лицо ее бледно, взоры дико блуждают.

Иван *(приподнимая ее)*. Подем, Матреша... С ума он сошел... у бога мы вымолим себе благословенье...

Николай Спиридоныч. Ступайте прочь, с глаз моих долой, проклятые...

Матрена трепещет всеми членами, блуждает взорами, потом, встретясь со взглядом отца, страшно вскрикивает и стремительно бежит вон. Вслед за нею бегут Акулина Ивановна и Иван.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Николай Спиридоныч (один).

Николай Спиридоныч. А... Что она?.. Дочка ведь она мне, родная, кровная?.. Погубили, разорили... отняли... злодеи... вороги!.. *(Плачет и мечется.)* Ох, ох... Господи!.. прости... помоги... Нет... Где она?.. Матрешенька!.. Матренушка!.. Вороги... Где она?.. Господи... Нет, прощаю... благословляю!.. Нет, нет, ни за что, будь она... О-о... *(Плачет и скрежещет зубами.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Николай Спиридоныч и Акулина

Акулина *(вбегая)*. Что, злодей, сделал? Что? Ведь девка-то помутилась совсем... Старой греховодник...

Николай Спиридоныч. Как помутилась?.. Что?.. Пошла ты от меня... Погубила ты!..

Акулина. Ты погубил-то, а не я... Слышишь ли? В уме помутилась... Злодей ты этакой...

Николай Спиридоныч. Как?.. Господи! Наказал ты меня... Погубил я свою душу... Прости ты меня... Да где она?.. Дайте дочку-то мне... Куда вы ее девали, вороги?.. Приведите ее ко мне, прошу я ее... Господь ее простит!.. Где она?..

Акулина Ивановна. А, теперь стал прощать, старый, как разума-то лишил...

Николай Спиридоныч. Чистая ведь она была голубица... Радовался я на нее... глаз не сводил... Дайте мне ее... дайте мне ее... Благословляю я ее!..

Акулина Ивановна. Да, пожалуй, благословляй теперь полоумную-то... Что-о? Говорила ли я тебе, греховодник? Что те-

перь наделал? Лучше сделал — и чужую душу погубил, и на свою ответ взял!..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Не учи ты меня... Поди, отступись!.. Сам я стар... Я ее берег пуще глаза, я ее не тому учил, смотрел я на нее, тешился... Господа кажиный час благодарил за нее... Честная она была, чистая... непорочная она была... Посрамила она меня... Стыдобушка теперь на белой свет взглянуть... Что берег, что лелеял?..

А к у л и н а И в а н о в н а. Ох уж! Вздумал ты девку уберечь!.. Полно-ка... Тебе ли уж усмотреть?..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Так она не слушала моего родительского наставления?.. Смеялась моим словам да божьему ученью?.. Я верил в нее... Господа за нее благодарил... А она стыд понесла на мою седую голову... Так она в бога не верует?.. Отца не чтит?.. Так нету ей прощенья от меня... Будь она прокл... Господи! Дочь наказую по делам ее... Прости ты меня!..

А к у л и н а И в а н о в н а. Так вот теперь с безумной-то дочкой живи, да радуйся на безумную-то дочку!..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. А, обезумела она со страсти-то... Видно, родительское-то проклятие страшно... Не обезумеет совсем... пройдет!.. Что уж меня, старика, бояться, коли божьего гнева не боялась... Не безумная она... Врешь ты... не такая девка!..

А к у л и н а И в а н о в н а. Да как еще безумной-то быть?.. Стоит, в угол прижалася, дрожит, ровно лютый зверь, глаза вылупила, а никого и не признает... Ванюхи-то не признает,— только визжит... Как еще безумной-то быть и вправду?..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Господи, велико твое наказание на дочь непокорную!..

А к у л и н а И в а н о в н а. Эх ты, старина, старина! Умен ты, богу молишься,— одна дочка была, и ту погубил...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (*порывисто*). Так приведите вы ее ко мне, батюшки... Не моя что ли она дочь-то?.. Приведите вы ее ко мне!.. Сам бы пошел, да ноженьки мои не двигаются, силушки моей нет... Господи, дочь ведь она моя... Прости ты ее, как я прощаю... Приведите вы ее ко мне, батюшки родимые... (*Плачет.*) Сердце мое надорвалось... Пустите... Я сам пойду... Где она?.. Батюшки... (*Встает и идет к дверям шатаясь.*)

А к у л и н а И в а н о в н а (*утирая глаза*). Да сиди уж, сиди... Я тотчас приведу... Сиди уж... (*Усаживает его.*) Эки дела... Эка беда накачалася!.. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (*один*). Господи!.. Отмени... отдай мне дочку... утверди мое благословение... Согрешил я... Ведь мы во грехе живем... Прощать ты велишь... Одна дочь у меня, одна радость... По гневу я своему согрешил, по досаде... Грешник я... Зло-

деев ты прощаешь... Дочку я не умел простить... Озлобилось мое сердце, согрешил я, окаянный... Отдай ей разум!

Егор Сергееч и Иван вводят под руки Матрену, бледную, с блуждающими глазами, со всеми признаками помешательства. Акулина Ивановна и несколько женщин, посторонних зрительниц, идут за ними.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Николай Спиридоныч, Матрена, Егор Сергееч, Иван, Акулина и проч.

Матрена (*с трудом переступая порог дверей и силясь вырваться из рук, держащих ее*). Нету, нету, не надо... Боюсь!.. Ай, боюсь!.. Пусти... не надо... (*Дрожит всем телом.*)

Акулина Ивановна (*Николаю Спиридонычу*). Посмотри-ка на дочку-то... Какову сделал... посмотри!.. (*Утирает глаза.*)

Николай Спиридоныч. Помешалась и есть... (*Подходит к ней.*) Доченька, Матрешенька!..

Матрена (*смотрит на него, потом дико вскрикивает*). Ай, ай!.. страшно... о-о-ой!.. (*Порывается из рук.*) Пусти... ой... тошно!..

Акулина Ивановна. Да посадите ее, посадите... Что держите-то...

Матрену сажают на лавки

Николай Спиридоныч. Господи!.. Меня не признает, отца родного... Доченька, голубушка... прощаю я тебя... снимаю свое проклятие... Поди ко мне... (*Протягивает к ней руки.*)

Матрена. Проклятая!.. Ай, страшно... Пусти!.. (*Стремительно поднимается с лавки и хочет бежать; ее удерживают, она старается вырваться.*) Страшно мне... страшно... ой...

Николай Спиридоныч (*со слезами*). Да чего тебе страшно-то?.. Прими мое благословение... родитель я твой...

Матрена (*дрожит*). Благословение... Нет... родитель... ой, ой... Страшно!.. (*Жметя к стене.*) Никого нет!.. Никого нет... Проклятая... ай!..

Николай Спиридоныч (*отходит от нее, махнув рукой*). Согрешил... Господи, поддержи!.. (*Садится и тихо плачет.*)

Иван (*подходит к Матрене*). Матрешенька, голубушка, сердце ты мое, разлапушка... Погляди на меня... (*Плачет.*) Не признаешь ли своего друга верного?.. Касатка ты моя... Матрешенька... слышь ты... Неужто уж и я тебе не мил?.. (*Хочет взять ее за руку.*) Распрекрасная ты моя... (*Рыдает.*)

Матрена (*вырывая руку*). Нету, нету... Не знаю!.. я... что?.. был?.. нету?.. ой, батюшки, тошнехонько... Пустите вы меня... (*Начинает рыдать.*)

Иван. Ах, лучше бы я на белой свет не родился... Лучше бы мне совсем пропасть, иссохнуть, нечем это видеть... Лучше бы ты меня убил даве, Николай Спиридоныч, нечем экое дело сделать... Ох, до-

гулялася моя буйная голова до беды, довеселилось мое ретиво сердце до горя тяжкого... Добрые люди, возьмите меня, убейте меня... Я сгубил ее молодость... (Плачет, все окружающие также плачут вслед за ним.) Нет, любил я ее крепко, пуше жизни, не к тому я ее вел... Грех нас попутал тяжкой... (Стремительно бросается к Матрене, падает ей в ноги, потом остается перед нею на коленях.) Матрешенька... красота ты моя писаная... взглянь ты на меня!.. Неужто не отзовется твое сердечушко... Краля ты моя... вырви ты из меня ретиво сердце, мое горе лютое... (Бьет себя в грудь и рыдает.)

Матрена смотрит на него пристально и начинает хохотать.

Иван (быстро поднимается с коленей и бросается в ноги **Николаю Спиридонычу**). Нету мне радости... Убей ты меня, одной прошу милости!

Николай Спиридоныч. Поди от меня, враг, поди... Не надо мне ни жизни твоей, ни смерти... Не кажись ты мне на глаза... Сгубил ты мою доченьку милую!..

Иван (поднимаясь на ноги, с отчаянием к окружающим). Люди добрые, сделайте со мной что ни есть! Не мила мне жизнь!.. Не дайте на себя самого руки наложить...

Акулина (со слезами на глазах). Да полно ты, полно... Что убиваешься...

Иван. Ох, не говорите вы мне слов ласковых!.. Прокляните вы меня на чем белой свет стоит.

Акулина. Ну, полно, дурашка, полно...

Егор Сергеич. Не бойсь, вылечим, не опасься... } (Вместе.)

Иван. Егор Сергеич, вылечи, батюшка, вылечи родимой... Верю во всю твою науку, до конца жизни твоей слуга буду, только вылечи...

Матрена. Ой, тошно мне, тошно... Мне бы... ой! Пустите меня... Ой!.. тошно...

Иван. Что тебе тошно-то, сердце мое?!.

Егор Сергеич и **Акулина**. Нишкни, затихать стала...

Матрена, как бы потерявши все силы, опустила руки и голову.

Иван (к **Николаю Спиридонычу**). Николай Спиридоныч, отец родной... Може, бог избавит... Прости ты меня, окаянного... Чувствую я всю вину свою, весь свой грех... Прости ты меня!.. (Кидается ему в ноги.)

Николай Спиридоныч (взглядывает на Матрену, потом на **Ивана**). Господи, избавь... Твоя милость велика... (К **Ивану**.) Встань, нечестивой... Какое твое раскаянье-то?..

Иван. Виноват, Николай Спиридоныч, во всем каюсь... Прости ты меня, помилуй!..

Николай Спиридоныч. Молись богу; бог тебя простит, а я тебя прощаю... Он, многомилостивый, велит прощать врагам своим... Молись об ней...

Иван. Родимой, кормилец. (Целует его ноги.)

Николай Спиридоныч (смотря на Матрену). Да что она, други, дышит ли, не умерла ли?..

А кулина. Нету, нету, нишкни... Так, позабылась... Родная моя!.. Не тревожьте ее... (*Поспешно входит Дементьевна.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Дементьевна.

Дементьевна (*входя*). Что у вас наделалось?..

Несколько голосов. Тише вы, тише...

Дементьевна. Да что тише-то?.. Али я не знаю чего?.. (*Увидя Матрену, растопыривает руки.*) А-а... батюшки мои! Так али не видите — столбняк на нее нашел... Дай сюда воды, отолью с уголька, да опрысну... Все пройдет...

Николай Спиридоныч. Ну, полно, ты, опрысну... Не надо... Бог поможет, так придет.

Дементьевна. Так али я не знаю?.. Полно-ко ты! Задохнется!.. Дай сюда, опрысну... сглазу ведь это...

Николай Спиридоныч. Не надо, говорят! Какое сглазу...

Несколько женщин (*Николаю Спиридонычу*). Пусти ее! Она уж это дело знает... Тотчас отведет... Дементьевна, уж ведь знаешь, не впервой... Все знает.

Егор Сергеич. Ну, да как не знает!.. Совсем это не сглазу...

Дементьевна. А, ты что? Али больно много в картах-то своих знаешь?..

Егор Сергеич. Да я знаю, что знаю, а ты только людей морочишь... Так морочь других, а не нас...

Дементьевна. А ты что, не морочишь что ли? Сказал Петровой-то жене, по своим картам, что выздоровеет, в лихотанке-то что была, а что, выздоровела ли?.. Я лечила-то, умерла же ведь...

Егор Сергеич. Так оттого и умерла, что ты своим лекарством уморила...

Николай Спиридоныч. Да подите вы, греховодники, без вас тошнехонько...

Дементьевна. Погоди, батька, ничего!.. Дай опрысну... Тебе же лучше будет... Что его слушать, похвалебщика... Только и умеет, что похваляться-то... А я уж, кажись, на том стою...

Одна из крестьянок (*подавая ковш с водой и уголь*). На-ко вот, бабушка, отлей да спрысни, что их слушать-то...

Дементьевна берет ковш, кладет в него уголь и начинает над водою шептать и дуть.

Николай Спиридоныч. Да подите вы, грешный народ... Не надо мне вашего колдовства нечестивого...

Дементьевна. Ничего, батька, какое колдовство... Тотчас только спрысну, как рукой снимет...

Егор Сергеич. Да, дожидайся, снимет...

Дементьевна берет из ковши воду в рот и прыскает на Матрену. Все с вниманием смотрят на Матрену. Матрена вздрагивает, поднимает голову и смотрит на всех все тем же блуждающим взглядом.

Дементьевна (к Егору Сергеичу с торжеством). Что, прошло ли?.. То-то умен больно задним-то умом...

Иван. Что, Матренушка... сердце мое... Ой, все нехорошо смотрит...

Николай Спиридоныч. Матрешенька... доченька... будь над тобой мое благословенье...

Матрена (дико вскрикивает). Ой... ой... страшно!.. Проклятая... проклятая... ай!.. Пусти... *(Быстро вскакивает, все окружающие со страхом расступаются; она бежит вон из избы с визгом и хохотом.)*

Акулина. Эки грехи!.. опять! *(Бежит вслед за нею.)*

Общее смятение; все посторонние зрители бегут вон из избы.

Егор Сергеич (Дементьевне). Что, много ли вылечила-то?.. Знахарка!..

Дементьевна. Да это все от твоего глазу попритчилось! *(Поспешно уходит.)*

Иван. Не будет, видно, радости... Пропадай моя голова совсем!.. *(Бросается на лавку и рыдает.)*

Егор Сергеич. Не тужи, Ванюха! Мы дело поправим...

Николай Спиридоныч. Подите вы все, грешники!.. Не от нашей руки — от божьего милосердия надо милости ждать... Господи, грешник я, помилуй ты меня и прости!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Акулина.

Акулина (вбегая). Иванушка, батюшка, беги, не наделалось бы греха... Кричит благим матом да бежит сама не знает куда, не утопилась бы!.. не забежала бы куда!.. Беги скорей!..

Иван. Куда побежала-то?..

Акулина. Да вон в ту сторону, к лесу...

Иван. И я жив не ворочусь, коли она что с собой сделает!.. *(Поспешно убегает.)*

Акулина и Егор Сергеич уходят за ним.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Николай Спиридоныч (один).

Николай Спиридоныч. Господи, за грехи наказуешь, или испытание посылаешь?.. Господи! Согрешил я, окаянный... Одну ты мне дочь даровал, и ту я погубил... Ох, тошно... Родное от сердца оторвалось... Матрешенька... дитяtko мое!.. Кого я проклял?

За что? Единоутробную свою!.. За грехи ее, за вину ее наказал... Достояна она была за срамоту ее... Нету, во гневе покарал ее... А ты, господи, врагов прощал... *(С воплем.)* Дитяtko, где ты?.. Господи, отмени... утверди мое благословение... Отдай ей разум... отдай мне дочку единоутробную!.. Что будет, батюшки?.. Все мы люди, все человеки, все мы грешники!.. Охо-хо!.. Горе мне, старику... *(Рыдает и мечется.)* Господи! Лиши и меня разума! Легче мне будет... Что я молвил, окаянный?.. Велика твоя мудрость... Наказуешь ты и милуешь... Буди твоя святая воля! *(В изнеможении опускается на лавку.)*

(Занавес опускается.)
Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена представляет деревенскую улицу. Направо и налево ряд изб, большую частью в три окна и крытых соломой. Вдали, на заднем занавесе, виднеется дорога, идущая сначала полями, потом уходящая в лес. Среди улицы, на самой половине ее, колодец. Время действия — поздняя осень, а потому виднеющиеся около некоторых изб березы совершенно обнажены от листьев. Налево от зрителей, крайний к авансцене дом принадлежит Николаю Спиридонычу. Около него собралась толпа женщин и несколько мужиков, шумно о чем-то разговаривающих. Тут же несколько деревенских мальчишек, не принимая никакого участия в разговоре старших, весело шалят, боятся, гоняются один за другим.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Акулина, Дарья, Агафья и проч.

Акулина. Убежала!.. Убежала!.. Что станешь делать?..

Марья. Да как же, баушка Акулина, ведь ее изымали?..

Акулина. Экая ты бестолковая, девка! Толком тебе говорят! Первый раз она бежала, ее изымали... Ну, изымали ее... Ванюха изловил... Ну, изымали ее и привели в избу к отцу-то... Отец-от и говорит, что, говорит, я ночь-то с ней стану делать один, без бабы?.. А она так и рвется, так и мечется — все бы ей, девки, бежать... Ну, и стал Спиридоныч-от меня просить: переночуй, говорит, Ивановна, эту ночь... стал просить... Ну, я и говорю: для-че, мол, не переночевать... Ванюха тут тоже долго сидел, ревнем-ревет парень... Душа надсадилась, смотря на него... Ну, только что до поздней ночи сидел, Ванюха-то, а Матрена-то билась-билась да и затихла; мы ее на лавку с Ванюхой-то положили, ну ровно бы и заснула... Я и говорю Ванюхе-то: поди, говорю, парень, домой, сосни, я посижу ночь-то, — больно мне его жалко... Он, знаешь, не пошел; нету, говорит, какой мне сон, до сна ли?.. Полно, я говорю, дурашка, измаялся, подь... Нету, говорит, хоть бы совсем мне издохнуть, так в пору, таково, говорит, мне легко... Так и остался... Ну, и сидели мы так с ним чуть не до света... Она тихо лежит, не мечется ничего, только раз простонет да задрожит, ну, и заснула совсем... Мы и думали,

что, ну, проспится, сном все и пройдет... Только к утру-то Ванюха, как сидел, приткнулся, уснул... Я тоже, грешным делом, — прилегла... Николай-то Спиридоныч всю ночь, девки, молился за перегородкой, грех-то свой замаливал... да тоже, видно, соснул к утру-то... Только вот мы просыпаемся; глядь, а девки-то нашей и нет... Туда сюда, — нет!.. Сгнула да пропала!.. Ванюха-то, как беспамятной какой, вопит, мечется. — Нет нигде; вот уж он и побегал в лес, где ее впервой-то поймал... побегал да и говорит: не найду, говорит, ее — не ждите и меня... что ни на есть над собой сделаю... Ну, тоже сбился народ-от, еще двоих парней послали... Да вот целой день нечто нет их... Не знаю, кажись бы, куда ей деться — далеко не забежит... Разве что сама над собой сделала...

М а р ь я. Вот, баушка, наша Матренка... А?

А к у л и н а И в а н о в н а. Не говори уж, девка, я-то измаялась!.. Немало на свете живу, экого чуда не видывала!.. Немало тоже по белому свету мыкалась...

М а р ь я. А точно она, баушка, чуюла... Ровно знало ее сердце... Помнишь, Аганька, у баушки-то на поседках, ровно стень* какая сидела, и речей никаких не было...

А к у л и н а И в а н о в н а. Да как не чуют, девки... Ведь и я ей говорила... Экой батюшка-то родимой... Также богомольщик!.. Как это услышал, что они спознались-то... ну, с Ванюхой-то, так ровно, прости господи, бес ему в бороду-то сел... Как накинется, да и ну клясть на чем белый свет стоит... Ну, она девка была робкая... и повредилась... Да, я говорю, я при господах жила, да экого страха не видала, тоже не без греха жила... А то, ну-ка, эка напасть, а из-за чего?.. Велико дело: девка погуляла...

А г а ф ь я. А что они, баушка, давно гуляли-то?..

А к у л и н а И в а н о в н а. Нет, какое давно, девка... Недавно!.. Мне пуще парня-то больно жалко: сгинет ни за что... Смотри, коли и он не помутится... али что над собой не сделает...

А г а ф ь я. Да что ему больно уж так?.. Нечто одна она у нас девка-то?..

А к у л и н а И в а н о в н а. Ну, да ты говори... Также сердце... Он парень с чувствием... Эких парней-то немного...

А г а ф ь я. Ну... Много сам собой занимался...

М а р ь я. Как же, баушка, слушай-ка... Толковали ведь, что Дементьевна ее вылечила...

А к у л и н а И в а н о в н а. Отступитесь-ка вы мне с вашей Дементьевной... Она только хуже ее испортила... Не сунься тут она с своим колдовством, так скорее бы прошло, а она ее пуще, ведьма, извела... Вот я при всех честных людях говорю: измешала она ей... Пришла тогда, сглазу, сглазу, опрыснуть надо с уголька, а что опрыснуть?.. Ничего и не знает... Мой-от тогда при всех говорил, что хуже будет... Не послушались его, дали ей волю, проклятой! Только хуже и вышло... А послушай тогда моего, не давай ей воли, лучше бы было... Уж он все полки происходил, знает с свое... У него против этой немочи и лекарство есть свое... А то пришла, задохнется, задохнется... не задохнется, — раздышалась бы, — живой человек...

А она, тоже ровно знает что?.. а вот на весь честной мир сослаться — ничего не знает... А мой-от... вот тогда при вас, девоньки, на поседках-то, всю правду, как есть, рассказал Матрехе, всю ее судьбу горькую раскрыл... Помните ли?

А г а ф ь я и М а р ь я. Да, да, баушенька... это точно: все как есть рассказал...

А ку л и н а И в а н о в н а. А то Дементьевна!.. Да что она?.. Ничего не знает... только морок на всех напускает... что знает?.. Вон она идет, ведьма старая: вот в глаза скажу, что девку испортила... Вот на весь люд честной сослаться, кому она сделала какую пользу, окромя вреда?.. Примется лечить, так только морит... Правда ли, мир честной?..

Несколько голосов из толпы. Правда, правда... Ивановна... Уж Дементьевна, что... какая она колдунья?.. Одна вреда от нее!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дементьевна.

Д е м е н т ь е в н а (*подходя*). Что вы про Дементьевну?.. Что надо?.. Али что послучалось?.. Давай... Неужто я не знаю чего?..

А ку л и н а И в а н о в н а. Да что ты знаешь-то?.. Ничего не знаешь!.. Матреху-то испортила только вчера, измешала ей... Вот на всех сослаться... Правда ли, добрые люди?.. Вот вы сами видели?..

Несколько голосов. Правда, правда... Точно... измешала...

Д е м е н т ь е в н а. Я измешала?.. Ах ты, черствой ты каравай!.. Ах ты... душа твоя пропадай... Уж я Матреху испортила!.. Да разве я не знаю!.. Ах ты, ведьма ты киевская!..

А ку л и н а И в а н о в н а. Ты киевская-то, а не я... ты ворожишь-то да людей честных морочишь...

Д е м е н т ь е в н а. А твой-то что делает... не морочит, что ли?.. Да я...

А ку л и н а И в а н о в н а. Да что ты?.. Мой-от на службе состоял, на войне был...

Д е м е н т ь е в н а. Да что его служба?.. Все врет... Нигде не бывал, ничего не знает...

А ку л и н а И в а н о в н а. Ты что ли бывала-то?.. Ты что ли знаешь-то?..

Д е м е н т ь е в н а. Знаю я все... А он только что карты-то раскладывает...

А ку л и н а И в а н о в н а. Так он раскладывает да гадает, всем отгадывает... А ты только по ветру пускать, да вреду всем делать...

Д е м е н т ь е в н а. Не пускаю я по ветру, а добрым корнем лечу... А коли и бывает какое лихо, так все от твоего же... С его глазу... И с Матрехой-то с его глазу...

Акулина Ивановна. С его глазу... Ах ты!.. Да мой-от... Дементьевна. Да нечего, твой-от!.. Озёпом только и берет* твой-от...

Акулина Ивановна. Да он тебя, ведьму экую, со света живу сгонит... Да он...

Дементьевна. Ничего он мне не сделает, сама ему глаза выцарапаю...

Молодой парень из толпы. Ну, ну, старухи... Усь...

Хохот между мужиками.

Женский голос из толпы. А ты что?.. Вот тебя Дементьевна-то... Экой парень... облай собачий... Дело говорят, а он...

Дементьевна. Твоего-то давно бы пора из деревни-то в колья...

Акулина Ивановна. Нет тебе бы кол-от осиновою в спину, ведьме...

Дементьевна. На добрых людей сослаться, кому я какую вреду делаю?.. Что полечу-то коли из добра сердца... так им же в пользу... А твой-от только бы языком-то помолоть, да как бы кого обойти, да озёпать... Вот на добрых людей сослаться...

Акулина Ивановна. Полно-ка добрых-то людей трогать, зелье ты живое! Никто про тебя хорошо не скажет, никому ты отродясь никакой пользы не делала...

Дементьевна. Нет, уж грех добрым людям про меня худо сказать... Коли уж я да не служу им, так не твой ли пуще служит?.. Нет, он как бы все в себя, а я все в людей и живу-то...

Женские голоса из толпы. Точно, точно, что и Дементьевну обижать... всякому порадеет... Уж больше пути-то, чем от Сергеича-то...

Акулина Ивановна. Да что вам Сергеич-то сделал, какую вреду?.. Он, по крайности, свою науку знает! Сами же к нему за всяк час идете... А она что знает?

Дементьевна. Не бось, знаю я с свое...

Акулина Ивановна. Ничего ты не знаешь...

Молодой парень из толпы. Усь, старухи... усь...
(*Хохот в толпе.*)

Дементьевна. Перестань ты, огрызок... Чего тебе захотелось?

Женские голоса в толпе. И впрямь огрызок... Хорошенько его, баушка Дементьевна...

Молодой парень. Да что она мне сделает?.. Усь... усь...
(*Скрывается в толпе.*)

Дементьевна. Ах ты, шенок ты бесхвостый!.. Да я те порохом иссушу... Я те по ветру пушу...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Николай Спиридоныч.

Николай Спиридоныч. Что вы, батюшки, шумите?.. Не нашлась ли моя-то? Не видел ли кто?..

Акулина Ивановна. Какое нашлась? Вон кто шумит, колдуя-то злая, чаромутница-то, что дочку-то твою испортила...

Дементьевна. Не твой ли пуще испортил-то... Похвалебщик-от твой?..

Акулина Ивановна. Нет, еще мой-от никого не портит, а ты по ветру-то пускаешь, да колдуешь-то... Как бы не она изменила в те поры, Спиридоныч, отошла бы твоя Матреха, была бы с разумом. Она изменила, она,— ведьма, сгубила ее!

Дементьевна. Нет это, Спиридоныч, ее-то знахарь озёпал, с его глазу все и попритчилось... Уж мне ли да не знать!..

Николай Спиридоныч. Отступитесь вы от меня... Не до того мне... Божья-то воля да мои грех, за него и наказан... Буди его святая воля... Други и приятели! Тошно мне, старику... Не судите вы меня!.. Богу каялся и вам каюся... Согрешил я, грешной, сгубил свое детище милое!.. Одна была и ту без разума сделал...

Несколько голосов из толпы. Уж это не от тебя, Николай Спиридоныч.

Николай Спиридоныч. Нет, от меня, други... от меня... Бог злым грешникам прощает, а я не простил вины девичьей своей дочке единоутробной... Злобой обуялось мое сердце немощное!.. Не чаял я этого от нее, не гадал... Учил я ее не тому, а божьей заповеди, любил ее, лелеял равно нещечко... Перед добрыми людьми похвалялся ее кротостью, да послушливостью, да целомудрием... Ванюха малой доброй, любил ее, хоть и согрешил, так раскаялся, хотел весь грех венцом да божьим благословлением прикрыть. Не умел я и души его распознать из одного того: думал, не такого жениха стоит моя Матрена... Гордость ведь это, други... За то бог и наказал меня!.. И проклял я дочь свою больше во гневе, не в разуме, из досады, а не в наказание... Тошно мне, други!.. Все сердце мое, кажись, кровью изошло, вся душа моя изныла... Недолго мне, старику, на свете жить, недолго мне маяться; да как мне грех свой у господина замолить? Может быть, погубил ведь я ее совсем, может ведь и не жива уж она... Други мои, помолитесь вы за меня у господина, чтобы он, милосердый, простил меня окаянного грешника!.. *(Плачет.)*

Несколько голосов. Не тужи, Николай Спиридоныч, може, и найдется, може, и в разум придет.

Николай Спиридоныч. Буди его святая воля!..

Голоса из толпы. Вона Ванюху ведут... Чтой-то он... Уж не обезумел ли?..

Вдали по улице показывается Иван. Его ведут под руки Павел и другой крестьянин. Все платье Ивана мокрое, как будто он только что вытасчен из воды, лицо бледно, волосы растрепаны, шляпы на голове нет; он едва передвигает под собою ноги.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Иван и Павел.

Акулина Ивановна. Что ты, Ванюха, дурашка, что ты?.. Да в памяти ли он?..

Павел. Да теперь-то в памяти, а был совсем без памяти..

Акулина Ивановна. Да посадите вы его, посадите...

Ивана сажает на завалину у избы. Он опускает голову и остается неподвижен и безмолвен.

Павел. Эх, насилу дотащили... Все плеченьки обломило... Измок весь... *(Спокойно отряхивается и выжимает воду из волос.)*

Николай Спиридоныч *(робко)*. Батюшки, голубчики, не нашли, что ли?

Павел. Нет, отбилась!.. Верст двадцать изошли, весь лес обмахали, по деревням спрашивали, вопили, вопили ее по лесу-то, нет, отбилась от рук... Эка, парень, измок весь!..

Николай Спиридоныч *(сжимает на груди руки)*. Буди твоя святая воля, господи!.. По грехам наказуешь!.. *(Опускает голову и отходит в сторону.)*

Голоса в толпе. Эка, парень, не нашли!.. Кажись, куды уйти?.. А вы бы поискали...

Павел. Так не искали, что ли?.. Поди ищи сам... Ног отстали, искамши... Эвона куда заходили, ноли до Богоявленского...

Акулина Ивановна. Да что Ванюха-то?.. Что он ровно безумный?.. С горя-то, что ли?..

Павел. Не знаю, с чего. Ловил бы он шук в омуту, кабы не я... Эка, парень тяжелой, насилу вытащил...

Акулина Ивановна. Так топился он, нечто?..

Павел. А то что? С чего же мы мокрые-то, ровно с бреднем ходили...

Голоса в толпе. Слышь, топился... а? С горя-то... а?

Акулина Ивановна. Да как же он так?

Павел. Ну как? Так... Обаукались мы... сошлись... Ну и пошли к домам, никто не нашел... Идем через мельницу, взошли на гать... Ванюха-то с гати-то прямо в омут... Мы думали, что взопрел, так простыть, да что, мол, в кафтане-то... А уж и пузырики пошли... Ну, я и догадался... да скорей за ним... Ну... вытащил... Хорошо, что еще в колесо не затащили... Насилу откачали с Герашкой-то... Совсем было захлебнулся...

Голоса в толпе. Ай да Павлуха!.. Вот так Павлуха!..

Павел. Да что, Павлуха!.. Али гинуть человеку-то? Чай живой Идти было поесть да пообогреться... *(Осматривает кафтан.)* Ишь ты, как измок... Эка, паре... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же без Павла.

Акулина *(к Ивану)*. А ты что, парень, призадумался?..
Иван. Ничего...

Акулина. Ты бы, дурашка, хоть бы кафтан-то мокрой снял...
Иван. Нету...

Акулина. Да что нету-то? Тошно, что ли?

Иван глубоко вздыхает.

Акулина. Нука-ка, в уме ли ты парень — топиться вздумал... с чем это схоже?.. Матрехи-то что ли жалко?..

Иван (*в отчаянии машет рукой и едва может говорить от пересиливаемых рыданий*). Отойди, бабушка...

Акулина. Да полно, дурашка... Что больно убиваешься-то?.. Возьмите-ка его, ребята, отведите в избу... Что мокрой-то сидит? Не летняя пора!..

Двое крестьян (*подходят к Ивану*). Подем, Ванюха. (*Хотят его взять под руки.*)

Иван. Не трожьте вы меня, Христа ради, не трожьте... Хоть бы издохнуть мне поскорее!.. Пришибите меня, ребяташки...

Акулина. Полно-ка, дурашка, что ты молвил! Своим ли ты языком говоришь?.. Ну, что делать-то?.. Хоть все убивайся... Вестимо, жалко... Ну, а може статься, и найдется еще...

Иван. Нету, нету, нет моей касатушки, не давать мне своей крали писаной... О-о-ох!.. (*Рыдает с воплями.*) Сгубил я ее красоту девичью... Через меня она пропала... Ох! Догулялась моя головушка...

Акулина (*сквозь слезы*). Полно, Ванюха, дурашка, перестань... Наше место свято!.. Да что, али тебе не будет девки на деревне-то?.. Вот какую невесту найдем!..

Иван. Да не надо мне никого... Сиротина я круглый... Нет у меня отца-матери, была одна душа красна девица, любила меня больше самое себя, да и той нету теперь... И ту не уберег, и ту у меня отняли... Ох, пропадай же моя голова совсем!.. Нет мне теперя радости, одно горе тяжкое... Ох!.. На что меня вытащили!.. На что мне не дали утопиться!.. Враг мне тот, кто не дал мне околеть... Братцы! Убейте вы меня, пришибите на сем месте... спасибо скажу, бога за вас молить стану...

Акулина. Ну, полно, полно, кто тебя пришибет?.. Что не дело-то говоришь?..

Иван. Так не жить же мне на белом свете! Сам на себя руки наложу!..

Акулина. Полно, кто тебе даст руки на себя наложить... С нами крестная сила!..

Иван. Не хочу я маяться на белом свету! Не под силу мне. (*Быстро вскакивает в испугании.*) Ой пустите меня!.. Тошно мне... Не поминайте лихом...

Акулина (*загораживает ему дорогу*). Да куда ты, куда ты?..

Иван (*отталкивая ее*). Пусти, бабушка... (*Хочет бежать.*)

Акулина (*хватая его за кафтан*). Батюшки, держите его, не пускайте: изведет себя парень ни за что...

Несколько крестьян схватывают Ивана.

Иван (*порываясь из их рук*). Пустите меня, братцы... Что вам во мне?.. Не брат я вам, не сродственник... Чужак я вам... Кто меня станет жалеть?.. Кому я нужен?..

Несколько голосов. Полно, полно, Ванюха... Что ты надумал... Умной ты парень, а что говоришь?..

Иван. Да что, братцы, чего вам ждать от меня?.. На горе я родился... Одну душу сгубил... Чего вам еще?.. Что я буду жить?.. Пустите меня... Пропадай моя голова совсем... (*С бешенством порываясь из рук крестьян.*) Вороги! Злодеи! Да пустите же вы меня... Слышите ли вы,— тошно мне... Жизнь мне не мила... Не держите меня... И себя изведу, и вам не сдобровать... Что ни на есть да наделаю...

Николай Спиридоныч (*который до сих пор стоял в стороне и как будто молился, вдруг подходит к Ивану*). Ванюха, слушай ты меня...

Иван (*вдруг вырвавшись из рук крестьян, бросается в ноги Николаю Спиридонычу*). Батюшка, Николай Спиридоныч! Перед тобой я больше всех виноват! Твою дочку я сгубил, на твои седые волосы посмеялся, злодей я тебе... Одной милости прошу, убей ты меня из своих рук...

Николай Спиридоныч (*строгим голосом*). Нечестивый, бога ты позабыл... Бес тебя обуял... Не давай воли дьяволу...

Иван. Николай Спиридоныч! Тошно мне, тошно... Любил я твою дочку, Матрену мою, больше жизни... Господь видит, любил ли я ее, желал ли зла... Но по грехам наказал меня господь!..

Николай Спиридоныч. Не приемли имени Господа Бога Твоего всуе... Не скверни его имени святого своими устами грешными... Великой он судия, знает, что делает... А ты, нечестивой, на его суд святой посягаешь, его воле противишься, сам себя жизни хочешь лишить... Да разве господа много нужно, чтобы тебя, червяка, раздавить одним перстом своим? Разве жил бы ты, кабы его святой воле не угодно было?.. Праху бы от тебя не осталось... Уж видел раз его милосердное прощение, хотел душу свою погубить без раскаянья, сам просился во тьму кромешну, а он, владыко милостивой, помиловал тебя, не дал тебе сгнуть, самоубийце проклятому... Дал тебе час и время покаяться, а ты опять идешь против его святой воли!..

Иван. Что же мне делать, Николай Спиридоныч, батюшка?..

Николай Спиридоныч. Покайся, нечестивой!.. Проси у бога милости и прощения...

Иван. Вижу я свой грех великой, каюсь я перед господом, да тошно мне, тошнехонько — на свет бы божий не смотрел... Ведь нет ее у нас, родимой, сгубла она?.. Ох, тошнехонько мне...

Николай Спиридоныч. Так разве мне-то не тошно, то подумай... Кому она ближе-то, мне али тебе?.. Какова ни была твоя любовь, а все грешная... А я ее родительской любовью любил... Давно ли ты ее узнал? А она у меня на глазах выросла... (*Прерывающимся от слез голосом.*) На руках я ее нянчил... Отроковицей ее уму-разуму учил... Каждый шаг я ее видел... Всю душу свою я

в нее положил... После покойницы одна она у меня осталась... Единородная ведь она у нас... *(Рыдает.)* В одну ее я жил... Да вот нету ее... Тяжко ведь мне, дитятко, тошно ведь мне, старику!.. Ведь от моего слова она разуму-то лишилась... Ведь и сгубла-то она, может, от меня... Так мне бы, дитятко, нужно на себя руки-то наложить... *(Благоговейно поднимая глаза к небу.)* Да нет, господи, ты не попустишь!.. Твоя воля, ты и суди... Дитятко, отчаянье — грех тяжкой, хуже всех грехов... Убить человека — велик грех, да покаяться можно — покаянье господь принимает, а в отчаяньи нет покаянья... Прямо человек себя в ад крошечный ведет, потому — божьему глазу не внемлет, его суда праведного не признает... Гордыней человек превозносится... Покаяйся, дитятко, смирись!.. Молви: буди воля господня...

И в а н. Николай Спиридоныч!.. Батюшка!.. Легче мне на душе от твоих речей... Помолись ты за меня...

Николай Спиридоныч. Сам за себя молился, дитятко... Своя молитва скорее господя достигнет, коли от души, от чистого сердца вознесешь ее... А больше того — не отчаивайся!.. Почем ты знаешь волю божию? Не изведаны пути его... Может, господь только испытанье такое налагает на нас, за все наши грехи, и должны мы его переносить с терпением и покорностью... Вот не будь этого случая, не знал бы я, что ты парень доброй, что любил ты мою Матрену от всего сердца... Гнушался я тобой, за то бог меня и наказал!.. Вздумал я судить вас своим судом, не положился на волю божию, вот и прогневался на меня Создатель... Буди его святая воля!..

И в а н. Батюшка, Николай Спиридоныч, прости ты меня!.. Вижу я, надо просить у господя милости... Мало я молился ему, за то он и тяготу такую положил мне на душу.

Николай Спиридоныч. Ну, Иванушка, слава тебе господи, вразумил тебя творец милостивой! Вот, добрые люди, погнушался я добрым парнем, разумным, теперь при всех вас каюсь... Прости ты меня, Иванушка! Не стало у меня доченьки, будь ты мне сыном!..

И в а н. Не стою я этого, Николай Спиридоныч! Велики твои милости... *(Кланяется в ноги.)*

Николай Спиридоныч. Нет, стоишь ты, не того стоишь! Поди ко мне, обними ты меня да выслушай мою заповедь.

И в а н. Батюшка, родимой, благослови ты меня! Много мне легче... *(Бросается к нему.)*

Николай Спиридоныч *(обнимая Ивана)*. Господь тебя благословит, дитятко! Вот не стало дочки, сына бог дал... *(Улыбается сквозь слезы.)* Живи же ты здесь с миром, молись богу, а я пойду в Киев, ко святым мощам... И вот тебе моя заповедь, при всем честном мире!.. Умру я, не ворочуся — все тебе мое имение, бери его, женися на доброй да честной девке, коли наша Матрена... *(Не может говорить от слез.)* Прощайте, люди добрые, не поминайте лихом... Его без меня не оставьте...

И в а н. Нету, батюшка, не останусь я без тебя! Возьми и меня с собой, и на мне много грехов, и я пойду помолиться святым мощам!

Николай Спиридоныч. Ну, доброе дело, дитятко! Коли

господь послал на душу эту мысль — доброе дело, пойдем! Вместе станем молиться Создателю...

И в а н (*обращаясь к окружающим*). Добрые люди! Коли найдется без меня Матреха, соблюдайте ее!

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Не оставьте, кормильцы!

Г о л о с а в т о л п е. Можно ли это? Можно ли?

И в а н. Безумная будет, все равно, не смотреть моим очам на нее безумную... А в разум придет... Не забудет она меня... Батюшка, пойдем скорее от сих мест!

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена представляет избу Дарьи. В избе налево печь, которая топится. Дверь позади.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дарья и Матрена.

Дарья хлопочет у печки; Матрена, повязанная белым платком и босая, сидит на лавке, направо от зрителей.

М а т р е н а (*глубоко вздыхая*). Ох!

Д а р ь я. Что, матушка, охаешь?

М а т р е н а. Тошно...

Д а р ь я. Да что тебе все тошно-то? О чем тебе тосковать? Не дождешься от тебя веселого словечка... Кажись, еще ли ты не замолила у господа, богомольщица наша... И мы-то тобой только живы, грешники.

М а т р е н а. Недостойна я... Проклятая... (*Вздрагивает.*)

Д а р ь я. Полно, матушка, какая ты проклятая? Мы вот проклятые-то,— господа позабыли, а ты каждый час перед ним, Создателем... Господи помилуй!.. (*Вздыхает.*)

Матрена тихо плачет. Непродолжительное молчание.

Д а р ь я (*взглянувши на Матрену, про себя*). Опять плачет! Что она сегодня, ровно хуже! (*Качает головой.*) Не к добру! (*К Матрене.*) Матушка моя, не хошь ли поесть чего?

М а т р е н а. Нету...

Д а р ь я. Ах, согрешила грешница, еще и к обедне-то не благовестили. Станешь ли ты есть?.. Не мы, грешные!.. Да что, матушка, ты сегодня больно нечто не хороша?..

М а т р е н а. Тошно!..

Д а р ь я. Не к нашей ли беде какой? Молви-ка, матушка...

Матрена. Не знаю я...

Дарья. Как тебе не знать? Божий ты человек! Молви-ка...

Матрена. Проклятая я!.. *(Громко рыдает.)*

Дарья *(качая головой)*. Знать не к добру! *(Вздыхает.)* Господи, помилуй нас грешных!.. *(Непродолжительное молчание, которое вдруг прерывается стуком в окно снаружи.)*

Дарья. Ровно никто стучится? *(Подходит к окну и открывает его.)* Кто тута?

Голос за сценой. Пусти, тетка, остановиться! Барин проезжает.

Дарья. Добро пожаловать! Въезжайте! *(Затворяет окно.)* Барин-чу, никакой! *(Начинает приводить в порядок в избе.)* Мужиков-то никого нет... *(Идет к дверям и открывает их.)* Сюда, сюда, господин честной!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Скрипунов и Данило.

Скрипунов *(входя)*. Здорово, тетка!

Дарья. Добро пожаловать, кормилец! Уж не обессудь! В избе-то у нас не больно обрядно, а светелки-то нет особливой...

Скрипунов. Ничего, ничего! Тепла ли изба-то?.. *(Снимает шубу с помощью Данила.)*

Дарья. Кажись, тепла... Не веду, как твоей милости в угоду ли будет...

Скрипунов. А, да у тебя печка топится... *(Подходит к печке.)* А, славно после дорожки-то... *(Греется.)* Холодно, старуха, иззяб, даром что в шубе! Что, Данило, озяб?

Данило. Да-с, прохватило порядком.

Дарья. Холодна ноне зимушка стоит, кормилец, нече сказать,— студена! Куда путь-дорожку держать изволишь?

Скрипунов. В Москву, тетка, в Москву.

Дарья. Так!

Скрипунов. Бывала ли в Москве-то?

Дарья. Нет, кормилец, не бывала. Где мне бабьим делом! Не бывала, родной! Не знаю, что такая и за Москва.

Скрипунов. А что, как ты полагаешь? Больше она вашего села?

Дарья. Как, чай, не больше, кормилец... Что уж наше село? Велико ли?..

Скрипунов. Полно, старуха, меньше! Где быть против вашего села?..

Дарья *(улыбаясь)*. Шутить изволишь. Где меньше быть? Тоже хошь видом не видали, а слухом слышали. Москва-матушка уж так и слывет, что самой первеющий город. Тоже и до нас доходили люди, что видали ее, матушку,— одних церквей-чу, сорок сороков...

Скрипунов. Полно, не верь, старуха, всего одна церковь, и та деревянная... Право! Не веришь? Вот Данила спроси. Данило, правда ли?..

Данило (*ухмыляясь*). Правда-с, точно...

Дарья. Полно, ваша честь! Хошь бабье дело глупое, а тоже не без разума на белой свет родилась!

Данило. Да, право, старуха, точно. Совсем город ничего не значит, и виду нет никакого, и дома-то все соломой крыты...

Скрипунов смеется.

Дарья. Ну! Мне, что хошь, скажи,— ничего я не знаю...

Скрипунов. А вот что, старуха! Будет ли что поесть-то у тебя?..

Дарья. Да чем твою милость потчевать? Щи есть с говядиной... А то ин яишенку можно...

Скрипунов. Ну, ладно! Хоть не больно пировато, а все с голоду не умрем.

Дарья. Уж и с голоду умрешь? Что ты, господин честной? Чем так господа прогневали? У нас, кажись, и нишенькие с голода не умирают...

Скрипунов. А, чай, дорого, тетка, дерешь за постоя-то?

Дарья. Уж и драть! Что ты, кормилец, тоже христиане на свете живем... Не без бога!

Скрипунов. Толкуй! Знаю я вас, как вы дерете с проезжающих-то! Тоже бывалый человек. Ох уж эти мне дороги да постоянные дворы! Как липочку обдерут!

Дарья. У нас, господин честной, не постоялой двор... А вот в угоду тебе было к нам пристать,— милости просим, рады добрым людям. В угоду тебе дать что за наши труды да хлопоты,— благодарим покорно... А то ин хоть ничего не давай!.. Мы, кормилец, не на бойком месте живем, нам людей честных обижать не пошто,— бог не велел...

Скрипунов. Ну, ну, то-то, старуха! Это хорошо, коли вы бога-то помните...

Данило (*к Скрипунову*). Экие-то, сударь, хуже! Теперь-то она, ишь ты, как ублажает, а придет к расчету — подавай за все втрое.

Дарья. Полно, доброй человек, не дело-то говорить — грешно! Обиды еще тебе никакой не сделали!

Данило. Ладно! Знаем мы вас, проходимцев!

Скрипунов. Да что ты, старуха, одна что ли живешь, без мужиков?

Дарья. Нет, кормилец, как можно без мужиков? Еще и старик-от жив да тоже сын, парнюга молодой...

Скрипунов. Где же они у тебя?

Дарья. А старик-от по дрова в лес поехал, а парнюга-то — вот тоже, как и твоя милость — проезжий был человек, на смену ехал, так его повез...

Скрипунов. Так вы ямщики что ли?

Д а р ь я. Нет, не ямщики, а вот зимним-то делом, на слободе, так вот поваживает паренек-от! Тоже две лошадки держим...

С к р и п у н о в (*указывая на Матрену*). Ну, а это невестка что ли твоя?

Д а р ь я. Нету, кормилец,— это странная! Пристала вот к нам и живет...

С к р и п у н о в (*смотря на Матрену*). Странная?.. А откуда она?

Д а р ь я. Не веду, кормилец, откуда. Так — пристала... Странной человек.

С к р и п у н о в. Побродяга какая-нибудь!.. Есть ли у нее пачпорт-то?

Д а р ь я. Не веду, кормилец, не спрашивали. Какой, чай, пачпорт — божий человек...

С к р и п у н о в. А ты бы этого божьего человека-то к становому!

Д а р ь я. Да на что ее, батюшка, к становому? Она куда никакого не делает.

С к р и п у н о в. Зачем же она шатается? Эй, ты, странная? Откуда ты?..

Матрена, ни слова не говоря, отворачивается.

С к р и п у н о в. Вишь ты, и отвечать не хочет! Слышишь ли ты, божий человек, откуда ты?..

Д а н и л о (*подходит к Матрене и тербит ее за рукав*). Слышь, барин спрашивает, откуда ты?

М а т р е н а. Не знаю!

Д а н и л о. Чу, не знает-с!

С к р и п у н о в. Да есть ли у тебя отец-от с матерью?..

М а т р е н а (*вздрагивает и хватается за бок*). Ох! тошно!..

Д а н и л о. Ишь, прикидывается!.. Тошно, чу... Барин спрашивает, есть ли у тебя отец-от с матерью?..

М а т р е н а. Отступись! Не знаю!.. Тошно!..

С к р и п у н о в. А, непомнящая родства!

Д а р ь я. Не троньте ее — ничего не скажет; уж и мы пытались спрашивать да ничего не сказала...

С к р и п у н о в. Ага, не сказывает!.. Становому бы сказала... А, славная девка!.. Данило, славная девка?..

Д а н и л о (*осклабляясь*). Славная-с!..

С к р и п у н о в. Хочешь ли вот замуж?

Д а н и л о (*смеется*). Хочешь ли за меня замуж?.. (*Матрена плачет.*)

С к р и п у н о в. Спроси ее, спроси! (*Подмигивая Даниле на Матрену.*)

Д а н и л о (*теребя Матрену за рукав*). Слышь! Хочешь ли за меня замуж?.. Поди...

М а т р е н а. Ой, ой... тошно! тошно!.. Пустите!..

Д а р ь я. Полно, господин честной, не трогай ее... Что божьего человека обижать!.. (*Подходит к Матрене и обнимает ее.*) Что тебе, матушка, тошно-то?.. Полно!.. Шутить изволит его милость!..

Матрена. Ох, ох... Пусти... Тошно!..

Данило. Выйдешь за меня, так не тошно будет,— весело заживем.

Дарья (*Даниле сердито*). Ну, полно ты, что тебе надо, что ты надругаешься над ней? Грех, ведь, чай...

Скрипунув. Ну, полно, старуха! Бабье дело — всему верить. Видишь, как прикидывается!.. Ловкая девка! Славно! Со слов ей тошно сделалось... Ох вы, странницы!.. А у самой, я думаю, любовникам-то счета нет!..

Матрена. Ой, ой... Был... Нет!.. Ой! Страшно... проклятая!.. Пусти... пусти...

Скрипунув. Ишь ты, еще и выкликать умеет! (*Хохочет.*)

Дарья (*Матрене*). Что, что, матушка, что?.. Полно! Господь с тобой! (*К Скрипунуву.*) Ох, господин честной, что тебе потеха, что ли?

Матрена. Пусти, пусти!.. (*Дико вскрикивает.*) Ай... проклятая!.. Пусти!..

Дарья. Да куда ты, матушка, куда?.. Полно!.. Господь с тобой!.. Испей вот водицы! Ну-ка, барин, что наделали...

Матрена. Пусти! Ой, тошно!.. Тошно!.. (*Дрожит и рыдает.*)

Скрипунув. Какова! Лучше барыни иной истерику-то представляет; подумаешь, что и в сам деле... Хорошо! Натурально!..

Данило. Вот бы, сударь, сечь-то!

Дарья (*подавая воду Матрене*). Полноте, греховодники! Как вы бога-то не боитесь?.. На-ка, матушка, родимая, испей... (*Скрипунув смеется.*)

Матрена. Ох, ох! (*Пьет воду, дрожа всем телом.*)

Дарья. Что, матушка, полегче ли?

Скрипунув. Ну, как теперь не легче? Воды выпила — теперь легче будет! Вот я думал, что одна моя жена проказит... Ах, ты, деревенщина этакая!..

Матрена. Ой... ой... ой... тошно!.. Проклятая... (*Тихо рыдает.*)

Скрипунув. Да кого она проклятую-то вызывает?.. (*Смеется.*)

Дарья. Полно, барин, что ты, в чужой дом ты приехал надругаться!..

Скрипунув. Данило, спроси ее, кто у нее проклятая-то?

Данило (*улыбаясь*). Это, сударь, смотри, что прикидывается, что кто-нибудь извел ее... (*К Матрене.*) Эй ты, проклятая? Кто у тебя проклятая-то?..

Матрена. Ай, ай... Проклятая... я... я... Пусти, пусти... страшно... пойду!..

Дарья. Перестань, матушка, перестань... Господь над тобой... (*Вполголоса.*) Экой народец накачался!..

Данило. Да она и то, сударь, видно, без разума. Посмотрите-с, как бельма-то выпучила.

Матрена (*порываясь из рук Дарьи со стоном*). Пусти меня, пусти... ой! Тошно мне...

Скрипунув. Пусти ее, старуха, и в сам деле, а то еще драться станет, пожалуй!..

Д а р ь я (*вполголоса*). Провались ты совсем!.. (*Матрене.*) Да куда ты пойдешь-то?..

М а т р е н а. Пусти... Тошно!..

Д а р ь я. Вон к обедне благовестят. В церковь что ли пойдешь?..

М а т р е н а. Пусти... Пойду... ой!..

Д а р ь я. Ну, поди, матушка, в церковь... Помолись за нас грешных... Да полегче ли тебе?..

М а т р е н а. Пусти... В церковь я... (*Идет к дверям.*)

Д а р ь я (*проводящая ее*). Ну, подь, подь, помолись. Господь тебе покою пошлет, Творец небесный.

Матрена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же без Матрены.

Д а р ь я (*возвращаясь от дверей к Скрипунову*). Эх, господин честной, жалости-то в тебе нет. На что ты это надругался над божьим человеком да и слугу-то своего учишь, — ведь, чай, грешно...

С к р и п у н о в. Да ведь я не знал, старуха, что она безумная-то. Зачем это ты сумасшедшую у себя в доме держишь? Тоже проезжающих пускаешь. Этак она сбесится когда, да смертоубийство еще сделает...

Д а р ь я. Никому она ничего не сделает. Тише ее нет! И не безумная она, а это на нее часом только находит, да и пройдет...

С к р и п у н о в. Да от чего же это на нее находит?

Д а р ь я. А кто ее знает, — не наше дело! Значит, тоска такая ляжет ей на душеньку... Да вот уж давно с ней этого не бывало... Вот твоя-то милость только ее... А чтобы тебе над ней надругаться, какая корысть?

С к р и п у н о в. Слышишь ты, глупая, тебе говорят, я не знал, что она полоумная-то, а думал, притворяется так... Уж я насмотрелся — у меня жена в этих истериках-то часто бывает. Ну, так уж я такую манеру и взял: ее заламает, а я смеяться, ну, и перестанет...

Д а р ь я. Нет, господин честной, она не такая; она, почитай, из церкви божьей не выходит, за каждое время в ней, а молится-то, так мы-то все, кажись, по ней только и живы; перед богом-то стоит, глаз не осушит. Со стороны-то смотришь, так навоеешься, на нее глядя... Вон какие морозы-то стоят, а она ни шубы, ни обувки, каковы лаптишки не знает — все босая ходит... Нечего сказать, божий человек...

С к р и п у н о в. Как, неужели босая ходит всегда?..

Д а р ь я. Да вот при тебе пошла — много ли на ноги-то надела...

С к р и п у н о в. А я и не посмотрел ей на ноги-то, в чем она. Данило! Что она, босая пошла?

Д а н и л о. Точно, босая-с...

С к р и п у н о в. Так как же она не отморозит ноги?.. Мажет что ли чем? Есть такие фокусники — точно...

Д а р ь я. Ну, вот толкуй с тобой, барин! Мажет! Чем ей мазать?
С к р и п у н о в. Так как же, глупая! Ведь она отморозила бы ноги-то!

Д а р ь я. Ну, так про то тебе и говорят. Вот не отморозила!
С к р и п у н о в. Странно это, ненатурально... (*Пожимает плечами.*)

Д а н и л о. Значит, сударь, надо быть, не зябки — с малолетства, надо быть, ноги-то!..

С к р и п у н о в. Как же, она босая так и пришла к вам?

Д а р ь я. Босая да вот как и теперь же, в одном сарафанчишке... Ну, да тогда, правда, хошь холодно же было, дело к зиме шло, а все не теперешняя пора...

С к р и п у н о в. Ну, куда же она пришла?

Д а р ь я. А куда? Пришла в церковь... Дни два на паперти и жила. Отопрут церковь, ну, она войдет, молится, а тут опять на паперть. И в сторожку-то нейдет — сидит да дрожит!

С к р и п у н о в. Странно!.. Как же уж она к тебе-то пошла?

Д а р ь я. А как, стали звать да просить — тоже не я одна звала. Да вот, видно, я по сердцу пришлась — ко мне и пошла жить... Сначала-то часто к ней это-то приступало. Начнет метаться да реветь да дрожит, ну, сведешь тотчас в церковь — и затихнет...

С к р и п у н о в. Что же вы ее не допросите? Кто она такая? Откуда?..

Д а р ь я. Да ведь пытали тоже, кормилец, спрашивали, да не сказывает. Ну, стало быть, ей так уж не надо сказывать-ту...

С к р и п у н о в. Странно, право, странно! Удивительные в нашей России бывают люди!.. Кто ее разберет...

Д а р ь я. А на что нам, кормилец, ее разбирать? Видим, что богу молится, вреда никакой никому не делает. Божий, мол, человек, за наши же грехи бога молит.

С к р и п у н о в. Нет, однако, это любопытно бы узнать... Либо она... Очень любопытно, признаюсь...

Слышится стук в окно снаружи.

Д а р ь я (*открывая окно*). Кто тута?

Г о л о с з а с ц е н о й. Пусти, баушка, странников обогреться да отдохнуть.

Д а р ь я. Подите с богом! Изба теплая, места будет...

С к р и п у н о в. Еще странники! Куда же ты их, баба, пускаешь, и то тесно...

Д а р ь я. Что за тесно, господин честной? Они твоей милости не помешают. Вот здесь на лавочке сядут.

С к р и п у н о в. Да, может быть, мне неприятно, чтобы здесь лишние люди были... Ты бы должна была меня спросить...

Д а р ь я. Ну, как твоей чести угодно, а у нас чужестранному человеку нет отказа ни в тепле, ни в добром слове... Вот и ты, проезжий человек, кабы тебя не пустили нигде, так на стуже что ли тебе оставаться?..

С к р и п у н о в. Дура, да ведь проезжий проезжому розница.

Д а р ь я. Нам, господин честной, все едино. Всякий человек теплецу-то рад в экую стужу...

С к р и п у н о в. Так ведь изб-то много,— не одна твоя...

Д а р ь я. Ну, а ко мне постучались, так и славу богу, и рады дорогим гостям...

С к р и п у н о в (*с неудовольствием*). Дура упрямая!.. Вот извольте толковать с этим народом!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Николай Спиридоныч и Иван (входят с котомками за плечами).

Николай Спиридоныч и Иван (*кланяются Дарье и Скрипунову*). Здорово живешь, хозяйшкка!.. Здравия желаем, господин честной!..

Д а р ь я. Добро пожаловать, добрый человек!.. Садитесь вот сюда! (*Указывает на лавку направо от зрителей*.)

Николай Спиридоныч. Ладно, родная, ладно... Мы вот тут... (*Снимает с плеч котомку и хочет положить на лавку*.)

Д а н и л о. Куда лезешь? Али не видишь — господская шуба лежит?..

Николай Спиридоныч. Небось, не трону, родной... Мне немного места нужно... Ох, пристал старым делом!.. Господи благослови! (*Садится*.)

Иван тоже садится.

С к р и п у н о в. Вы что за народ, старик?

Николай Спиридоныч. Мы-то?

С к р и п у н о в. Да, да, вы-то?

Николай Спиридоныч. А мы, ваше благородие, простые люди, крестьяне православные.

С к р и п у н о в. Откуда же вы идете?

Николай Спиридоныч. Из Киева, родимой!

С к р и п у н о в. Ого, издалека! Зачем же вы в Киев ходили?

Николай Спиридоныч. Зачем?.. Богу молиться, святым угодникам.

С к р и п у н о в. А теперь что же, куда идете?

Николай Спиридоныч. А теперь к дому...

С к р и п у н о в. Мм-м. А далеко ли ваш дом-то?

Николай Спиридоныч. Да уж теперь, слава-те господи, недалече. Всего верст пятьдесят осталось до деревни-то нашей, коли господь приведет, доплестись...

С к р и п у н о в (*многозначительно*). А есть ли с вами паспорта, вид-то какой-нибудь?.. (*В сторону*.) Преподозрительная рожа!

Николай Спиридоныч. Как не быть. На что нам без виду идти? Не беглые какие...

И в а н. А ваша милость, знать, земской?..

С к р и п у н о в. Нет, любезный, не земской...

И в а н. Что же вашей чести про виды-то наши?..

С к р и п у н о в. А то, что много вашей братьи, беспаспортных, бродяг...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Мало ли, господин честной,— много всякого есть народу, и худого, и хорошего...

С к р и п у н о в. То-то, то-то! И я про то же говорю!.. А этот парень-то, сын твой, что ли?

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Сын не сын, а сыном называю...

С к р и п у н о в. Мм... Складно сказано!.. (К Ивану.) И ты тоже ходил с ним в Киев-то?

И в а н. Ходил!

С к р и п у н о в. Тоже богу молиться?

И в а н. А то зачем же? Известно, богу молиться...

С к р и п у н о в. Да что же это так в Киев? Молиться-то и дома можно...

И в а н. Ну, значит, так нужно было...

С к р и п у н о в. Гм!.. Нужно было!.. Вижу, что нужно!..

Д а р ь я. Чай, по обещанью, дедушка?..

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. По обещанию, родная... (Вздыхает.) По обещанию...

С к р и п у н о в (к Ивану). И ты тоже по обещанию?

И в а н. То по обещанию, барин, а то и с тоски...

С к р и п у н о в (с усмешкой). С тоски? О чем это тебе так стосковаться!.. (Про себя.) Мошенники!.. (Вслух.) Этакие молодцы, как ты, не тоскуют, а гулять любят, и ты, полно, не для гулянья ли больше по большим-то дорогам шляешься?..

И в а н. Гулял и я, ваша честь, как гулялось да на сердце было весело да радостно, да на уме не было ни думушки, ни заботушки... Да, видно, отошла моя гулянка-то, видно, пришла пора и горе горевать...

С к р и п у н о в. Какое же то это горе у тебя? Расскажи-ка мне!.. (С полускрытой насмешкой.) Право, несчастной какой! (Вполголоса.) И по роже видно, что несчастной!.. (Вслух.) Расскажи, расскажи, пожалуйста, что такое за горе у тебя?..

И в а н. Что мне рассказывать тебе, ваше благородие. Ты моему горю не помощник! Поможет ли, нет ли — Творец небесный! Его милости велики, на него и надеемся... А ты, барин, моему горю и не поверишь... Мое горе от души, да от сердца... А по тебе — какое-де у мужика сердце, какое-де у него чувствие... (Глубоко вздыхает.)

С к р и п у н о в. Нет, братец, нет, как не поверить! Ты рассказни-то хорошо рассказываешь, только молод ты очень горе-то большое узнать... Не клеплешь ли ты на себя? Вот что!

И в а н. Ну, барин, оставайся при том!.. Сам для себя горе горюю, сам за себя и радоваться стану, коли господь радости пошлет... Невелика мне корысть-то, веришь-то ты мне, али нет,— все едино!..

С к р и п у н о в (про себя). Смелой какой, мошенник!.. (Вслух.) Женат ты?

Иван (со вздохом). Нет!

Скрипун о в. Что же так, отчего?

Иван. Так, бог не привел!..

Скрипун о в. Или некогда? Все в походах, гулять любишь!

Иван вздыхает и молчит.

Скрипун о в. Что молчишь?

Иван. Что мне, барин, говорить-то с тобой? Не из чего!..

Скрипун о в (с улыбкою). Нет, поговори, ничего! Может быть, я тебе что и посоветую в твоём горе...

Иван. На бога надежда-то, не на тебя!..

Скрипун о в (вполголоса). Плут!.. (Вслух.) Да это хорошо, что на бога-то надеешься, да все и посоветоваться не мешает. Ум хорошо, а два лучше... Что тебе, невесты, что ли, хочется, да нет ее?..

Иван молчит, мрачно насупясь.

Скрипун о в. Или есть, да не любит тебя?

Иван. Отстань ты от меня, барин, прошу я тебя...

Николай Спиридоныч. Что ты, господин честной, к парню пристал... Э-эх! (Качает головой.)

Скрипун о в. Ничего, я ему добро хочу сделать... (К Ивану.) Хочешь я тебе невесту посватаю?..

Данило (с усмешкой). Вот бы, сударь, ему невесту-то-с — давешнюю-то безумную... Пара бы...

Николай Спиридоныч и Иван (с необыкновенным движением и в один голос). Какую безумную?

Скрипун о в. И я ведь ее же!.. Право, славная бы тебе невеста!.. Ха, ха, ха!..

Дарья. Полно-ка, господин честной, что тебе за охота над божьим человеком смеяться... Эх, барин, барин!

Николай Спиридоныч. Да какая безумная, батюшки?

Дарья. Ну, какая она безумная?.. Божий человек, богомолка, что из церкви божией не выходит... (Входит Матрена.) Ну, вот она, какая она безумная... Подь, матушка, на печь. Никто тебя не тронет...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Матрена.

Матрена входит робко и потупя голову, потом, на голос Дарьи, поднимает глаза и, взглянув на Николая Спиридоныча и Ивана, вздрагивает, дико вскрикивает и, дрожа всем телом, прижимается к стене. Николай Спиридоныч и Иван в то же время быстро поднимаются с своих мест и несколько секунд остаются неподвижными и безмолвными.

Иван. Батюшка... Матрена наша!.. (Бросается к ней.) Матрешенька, сердце мое!..

Николай Спиридоныч от волнения не может промолвить ни слова и опускается опять на лавку.

Матрена (*быстро к Ивану*). Не подходи!.. Нет!.. Не твоя!.. Проклятая!.. (*Иван останавливается в ужасе и нерешимости.*)

Николай Спиридоныч. Нет, прощена ты и мной, и господом, сердце мое! Дочь моя! Поди ко мне, поди!.. (*Поднимается с лавки и идет к Матрене.*) Слышишь ли, господь тебя простил!.. Поди ко мне!.. Сердечная дочь моя, благословенное дитячко!..

Матрена (*кидается в ноги отцу*). Родимой, кормилец... благослови!..

Николай Спиридоныч. Господи!.. благослови!.. Ох!.. Великой господи!.. Батюшки, доченька... Ноженьки подгибаются... Иванушко, помоги... (*Шатаясь, с трудом доходит до лавки и опускается на нее.*) Господи!.. Велики твои милости!.. Поди же ко мне... Встань, да поди ко мне... Матрешенька...

Матрена (*поднимается на ноги, с улыбкою на губах и с лицом, орошенным слезами*). Родитель... Батюшка!.. (*Громко рыдает, бросается к Николаю Спиридонычу и обнимает его колени.*)

Николай Спиридоныч (*плачет над головой дочери, потом поднимает голову*). Господи! Веруяй в тя, спасен будет!..

Дарья (*подходя к Николаю Спиридонычу и Матрене*). Ну вот, матушка ты моя, вот!.. Ну!.. Не знаю уж что!.. (*Плачет.*)

Скрипун *ов* (*в изумлении*). Так она дочь, что ли, тебе, старик? (*Николай Спиридоныч плачет, не обращая внимания на слова его.*) Старуха, дочь, что ли, она его?.. Скажите же мне скорее... Я ничего не понимаю!..

Дарья. Не веду, кормилец, ничего не веду... Больно-то я рада...

Скрипун *ов*. Не могу понять... Как?.. Что?.. Бог знает что такое! (*К Ивану, который стоял до сих пор в глубине сцены неподвижно и с полумрачным выражением лица.*) Молодец, послушай, сестра, что ли, она тебе?.. Или невеста?.. Слышишь, невеста, что ли?..

Иван (*как бы пробужденный*). Невеста!.. Была невеста... (*Бросается к Матрене.*) Матренушка, сердце мое, радость моя!.. Неужто ты не признаешь меня?.. Твоего Ванюху?

Матрена (*быстро поднявши голову, но оставаясь на коленях*). Нет, нет!.. Не мой!.. Не подходи... Поди... Не твоя!.. Я батюшки родимого...

Скрипун *ов*. Ничего не понимаю!..

Николай Спиридоныч. Что ты, Матрешенька, что ты?.. Это твой Ванюха... Парень добрый, умный... Он твой жених...

Матрена. Нет, нет у меня жениха... Мы любилися с ним... Бог наказал... Я не хочу... Ни за кого не пойду!.. Бог помиловал меня... Ты простил... Господу да тебе хочу быть слугой,— никому больше!

Николай Спиридоныч. Полно, доченька.

Иван. Господи! Ты сделал ее с разумом! Сделай теперь меня без ума...

Николай Спиридоныч. Полно, Иванушко, не ропщи...

Иван. Не ропщу я... (*С отчаянием.*) Матрешенька, сердечный друг! Вспомни прежнюю любовь, вспомни своего Ванюху! Неужто сердце твое не скажется, неужто душа твоя не рванется ко мне?..

Истрадался я, измаялся... Господа молил... Он помиловал, так неужто ты меня казнить будешь... Поди за меня, будь моей...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч (дочери). Дитяtko, подумай, говори со своей душой! Что она тебе скажет...

М а т р е н а (поднимается на ноги, бледная и в сильном волнении). Батюшка... Иванушка... любила я тебя... (Иван хочет броситься к ней). Не подходи... Не трогай... Не твоя я... Все адские страшные муки за мои грехи мне во сне виделись, наяву черные, нечестые за мной гонялись, раскаленными клещами хотели рвать меня, окаянную грешницу, отцом проклятую... Стон, рев, скрежет зубовой мне каждую минуту слышался... И ты, Иванушко, там в смоле кипел, за ребро повешенный... Языки огненные лизали тебя... Страх и ужас смертный мое сердце высушил... Куда ни пойду, где ни скроюсь — везде голоса неистовы кричали мне в уши: проклятая!.. проклятая!.. Только и отходили от меня окаянные, только и отдыха мне давали, когда во храме божием стою, свой великий грех отмаливаю... И день, и ночь стала я в церковь божию прятаться. Служба — так в церкви, а нет службы — на паперти... И был мне глас, Иванушко, — покаяйся грешница, отчурайся грехов своих, да дай обет перед господом... И наложила я на себя обет до гробовой доски: тебя не знать, а служить господа да батюшке, коли простит он меня, помилует... (Бросается к отцу в ноги и тихо рыдает.)

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Прощена ты, прощена и от меня, и от бога!.. Снято мое грешное проклятие... Чиста твоя душа перед господом. Поди ко мне, моя доченька, богоданная, благословенная... (Поднимает ее; она бросается к нему на шею.)

И в а н (дерет на себе волосы). Так вырвите вы из меня мое сердце, растопчите вы его ногами, растерзайте вы меня, по кускам разнесите тело белое!.. Господи, молился я тебе...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Полно, Ванюха, на все его святая воля... Слушай меня...

И в а н (с одушевлением). Стой, Николай Спиридоныч, не говори, слушай меня... Бог мне мысль вложил. Легче на душе от этой мысли... Говорил я — придет пора-время, пойду я служить царю-батюшке да матушке России православной... Пришло то время, закипела кровь молодецкая, распахнулась душа, зародовалось сердце... Прощай, Николай Спиридоныч, прощай Матрешенька!.. Ты хочешь служить своему отцу, а у меня нет теперь ни роду, ни племени... Один у меня отец — царь-батюшка, ему пойду служить, за него да за матушку-Россию сложу свою голову победную...

Н и к о л а й С п и р и д о н ы ч. Иванушко...

И в а н. Стой, не говори... Дай мне свою душу высказать... Весело мне теперь, весело!.. Сызмаленька любил я слушать сказки богатырские, петь песни удалые, богатырская во мне душа и сила богатырская... На самого врага хочу идти я, своей мочью хочу померяться... Не надо мне теперь ни жены, ни полюбвицы... Ух, просторно мне одному, разгуляется моя душа, разыграется ретиво сердце... Прощайте, люди добрые!.. Прощай, Матрешенька! Прощай, Николай Спиридоныч! (Убегает.)

Матрена (делает быстрое движение вслед за Иваном, но тотчас же опять возвращается к отцу). Нет, нет!.. Не надо, не надо!.. Пусти его, не трогай его, батюшка... Буду молиться за него... Благослови ты меня, батюшка, благослови скорей... Прикрой ты мою душу своим благословением от окаянного блазнителя... Скорее... скорее... родимый, благослови...

Николай Спиридоныч. Буди над тобою святая воля господня и мое грешное благословение! (Благословляет ее.)

Дарья и Данило плачут.

Скрипунов (утирая слезы). Трогательная история! Именно наши крестьяне... (Делает в воздухе неопределенное движение рукою.) Удивительной народ!.. С душой!..

Конец четвертого и последнего действия.

МИШУРА

Комедия в 4-х действиях

Действующие лица

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬИЧ ПУСТОЗЕРОВ
советник губернского правления.

АНИСИМ ФЕДОРИЧ ПОБЕДИНСКИЙ
секретарь его.

ДАШЕНЬКА
дочь Анисима Федорыча.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗОЛОТАРЕВ
богатый помещик и откупщик.

ПУРПУРОВ
становой пристав.

ПОТАП ЕГОРИЧ ЗАЙЧИКОВ
секретарь градской думы.

НИКОЛАЙ ПОТАПЫЧ ЗАЙЧИКОВ
сын его, столоначальник губернского правления.

НИКИФОР МИХАЙЛОВИЧ ГУБАНЧИКОВ
недоросль из дворян, 50 лет.

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА ГУБАНЧИКОВА
сестра его.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВ.

ПРИКАЗЧИК
купца Трезимова.

АНДРЕЙ
слуга Пустозерова.

МАТРЕНА
горничная Дашеньки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет Владимира Васильевича, убранный с претензиями, но довольно бедно. На рабочем столе несколько портфелей, килы бумаг, два бронзовых подсвечника со стеариновыми свечами и множество ни на что не нужных безделушек. На другом столе складное зеркало с туалетными принадлежностями. По стенам литографированные картинки, изображающие полуобнаженных женщин в разных положениях. Мебель изысканная, но тяжелой и грубой работы. Двери на задней и на правой стене. Налево драпировка, отделяющая постель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В л а д и м и р В а с и л ь и ч выходит из дверей направо, в халате и с полотенцем в руках, которым вытирает только что умытое лицо. Садится перед зеркалом и начинает тщательно расчесывать волосы. А н д р е й выходит из тех же дверей, становится со сложенными назад руками и, осклабясь, униженно кланяется.

А н д р е й. С дни рождения честь имею поздравить.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч *(сухо)*. Что за глупость такая! Что еще за поздравления, что за деревенщину вытащил? Полтинника, что ли, захотелось?..

А н д р е й *(мрачно)*. Что мне, сударь, в вашем полтиннике... Сызмальства вашего... завсегда... Об Иванове дни* со дни вашего рождения поздравляли...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, я тебе, кажется, еще прошлого года говорил, чтобы этого не было... Я терпеть не могу этих патриархальностей. Оставь их до того времени, как я тебя в деревню отошлю... Там этим довольны будут, а меня прошу избавить, потому что это ведет только к тому, чтобы выпросить на водку, а потом напиться.

А н д р е й. Как угодно! *(Свирепо взглядывает на барина и медленно идет к дверям.)*

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну да, мне так угодно! *(Вслед Андрею.)* Да прошу там никому не благовестить, что сегодня день моего рождения... Слышишь... *(Про себя.)* А то эта губернская братия не может представить себе никакого подобного дня без закуски насчет виновного. *(Смотрится в зеркало и охорашивается.)* В двадцать семь лет советник губернского правления... не дурно!.. А хотел бы я для сегодняшнего дня назвать Дашеньку моею... *(Встает и подходит к письменному столу; осматривает кипы бумаг.)* Эх их сколько! Есть ли человеческая возможность все это прочитать... И за 900 целковых жалованья!.. *(Откидывает бумаги в сторону и звонит.)* Высокое наслаждение чувствовать себя бескорыстным. Для этого чувства я готов все перенести, готов умереть, но и существовать на 900 целковых, в пору самой пылкой молодости... поставленному на вид у целой губернии, развитому и образованному человеку, видеть беспрестанно возможность обогатиться и отталкивать все соблазны с презрением,— это не последний подвиг... *(Опять звонит с нетерпением.)* Эй... *(Звонит.)* Андрей...

А н д р е й *(высовывая голову через двери)*. Чего?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что же я звоню, а ты не откликаешься, осел!.. Что за дурацкая манера? Отчего ты никогда не откликаешься, когда я звоню? *(Андрей молчит.)*

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Тебя спрашивают?

А н д р е й. Да чего звонить-то? Фатера-то не больно велика. Чай, слышу, как позовете.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так что же ты не пришел, когда я звонил?

А н д р е й. Прибирался... Видно, не дослышал.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что за скотина! То слышал, то не дослышал!.. Скоро ли же чай?

А н д р е й. Готов чай!

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, так подавай.

А н д р е й. Сейчас.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*передразнивая его*). Сейчас... Экой тон поганый. Стыдно держать-то при себе эдакое животное.

Андрей подает на подносе стакан чаю.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Вот сколько раз тебе было приказано, чтобы ты не показывал своих грязных ручищ... Отчего ты не в перчатках?

Андрей молчит.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Тебя спрашивают?

А н д р е й. Не надел.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Отчего? Ведь тебе приказано!

А н д р е й. Да что их надевать-то. Ведь не гости.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что ты, свинья, со мной рассуждаешь. Тебе ничего не приказано подавать без перчаток.

А н д р е й. Да перчатки-то, сударь, о двух пальцах: все износились, а изволите взыскивать... (*Отворачивается.*)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так ты должен был сказать. Тебе бы купили.

А н д р е й. Никакой купец спрашивает... Войти, что ли, прикажете?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Никакой купец! Экой язык топорный... Вели войти... (*Андрей уходит.*) Что за дичь такая! Господи, когда образуется наша Русь православная!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Владимир Васильич и приказчик.

П р и к а з ч и к. Здравствуйте, сударь, ваше высокоблагородие!

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Кто ты такой?

П р и к а з ч и к. Старший приказчик, сударь, Ивана Алексеича Трезимова.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, что ж тебе надо?

П р и к а з ч и к (*вполголоса*). По следствию, сударь, ваше высокоблагородие, что изволите производить над нашим хозяином насчет винного завода.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, так что же? Следствие будет произведено, и хозяин твой за свои мошенничества дорого заплатится.

П р и к а з ч и к. Помилуйте, сударь, ваше высокоблагородие! Хозяин наш ни в чем не виноват в этом... по одному невежеству только, что не знал вашего высокоблагородия... Но одначе хозяин наш не такой... (*Вынимает из-за пазухи толстый конверт.*) Только не оставь-

те вашим знакомством... (*Подает конверт.*) Пожалуйте, ваше высокоблагородие.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Это что такое?

П р и к а з ч и к (*таинственно и тихо*). Иван Алексеич приказали благодарить...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. За что благодарить?

П р и к а з ч и к. За ваше неоставление и приятное знакомство... и для предбудущего времени.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*удерживая внутреннее волнение*). Да что это такое?

П р и к а з ч и к. Сумма, достойная вашего высокоблагородия.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*несколько повышая голос*). Это мне прислал твой хозяин?

П р и к а з ч и к. Точно так, ваше высокоблагородие, пожалуйста!.. (*Старается отдать в руки пакет.*)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Прислал для того, чтобы я взял эти деньги и оправдал его по следствию...

П р и к а з ч и к. Одного неоставления и приятного знакомства вашего для наипредбудущего времени.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так твой хозяин надеется подкупить меня, купить у меня правду и долг службы?.. (*Вдруг повышая голос до крику.*) Да как ты осмелился, борода, как осмелился твой мерзавец хозяин подумать подкупить чиновника, которому вполне доверяет губернатор, о бескорыстии и неподкупности которого знает вся губерния?..

П р и к а з ч и к. Помилуйте, ваше высокоблагородие, об этом никто не может знать,— дело семейное... Здесь никого нет... Пожалуйте, ваше высокоблагородие, получите... Сумма достойная!.. Окромья одной благодарности... будьте покойны. Получите, ровно, сказать к примеру: умрет...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*с бешенством*). Да как ты смеешь, бродатое животное, как ты смеешь!.. Да знаешь ли ты, что за это... я твоего хозяина в Сибирь упеку... Он думал, что начальник губернии будет доверять таким чиновникам, которых подкупить можно... Он думал... Погоди же... (*Звонит.*) Это надобно довести до сведения генерала... Я тебе дам... Я вас обоих... (*Опять звонит.*)

П р и к а з ч и к (*пряча пакет за пазуху*). Одначе помилуйте, ваше высокоблагородие, я ничего... Что же такое... Извините, не знали вашей милости...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Погоди, я тебя заставлю узнать... Я вас выучу... (*Звонит с усилием.*) Андрей, Андрей!

П р и к а з ч и к. Ничего, сударь, я ничем не беспокоил вашего высокоблагородия... Как угодно! К обиде вашей ничего не докладывал... Счастливо оставаться...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Нет, погоди, я тебя не отпущу... Я тебя велю взять в полицию... Андрей, Андрей!..

А н д р е й. Чего изволите?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Где ты пропадаешь, осел?.. Пошел,

позови ко мне квартального или частного, там кого-нибудь... Пошел скорей...

А н д р е й. Да нельзя отойти. Повар на рынок побег, а печь растопил: надо присмотреть.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Пошел, тебе говорят...

А н д р е й. Так как же печка-то? Ведь не сами же станете смотреть? Того и смотри искра стреконет: беды наживешь.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Тебе что приказывают...

П р и к а з ч и к. Да напрасно изволите беспокоиться, ваше высокоблагородие... Ничего я вам не докладывал, ни об какой мзде...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Как ничего? А деньги?..

П р и к а з ч и к. Никак нет-с, сударь... Ни об каких деньгах вашу честь не беспокоил... Напрасно изволили в сердце войти... Хозяин, то есть, приказал только спросить, когда изволите его к ответу потребовать... А это напрасно только изволите себя тревожить...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. А, теперь записаться стал... Да, хорошо, вот в полиции тебя сейчас допросят... *(К Андрею.)* Пошел же за квартальным... *(Андрей уходит.)*

П р и к а з ч и к. Как вам угодно, а я ничего-с.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Как тебя зовут?

П р и к а з ч и к. Как угодно вашей милости, а у меня дела хозяйские. Мне время продолжать некогда... Счастливо оставаться... *(Проскальзывает в двери за Андреем.)*

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Стой... А, ушел. Ловок, мошенник!.. Когда же, наконец, убедится этот дикий народ, что могут быть на Руси чиновники совершенно неподкупные?.. А соблазн был не мал, пакет порядочный... Знали, к кому шли... О, как бы можно обирать этих мошенников, если бы захотеть... Я рад, что судьба послала мне новый соблазн в день моего рождения, и я не поддался ему! Говорят, как проведешь первый день нового года жизни, так и весь год... Андрей... Андрей... Ну, теперь зашел. Не скоро его дождешься... *(Кладет перед собой кипу бумаг и начинает их читать. В соседней комнате слышится робкий кашель и шарканье ногами.)* Андрей, это ты? *(Кашель продолжается.)* Кто же бы это? *(Встает, подходит к дверям направо и, приотворивши их, заглядывает в соседнюю комнату.)* Что вам угодно?.. Что же вы стоите тут? Пожалуйте сюда...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Владимир Васильич и Потап Егорыч.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что же вы через заднее крыльцо...

П о т а п Е г о р ы ч *(в мундире, при шпаге и с треугольной шляпой в руках, робко и неловко входя в кабинет)*. Да я не... не посмел-с...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Чего же не сметь? Помилуйте...

П о т а п Е г о р ы ч. Да я... это все равно, ничего-с... я, чтобы не беспокоить... Честь имею явиться, секретарь захарьевской градской думы, титулярный советник Зайчиков.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Не угодно ли вам садиться?

Потап Егорыч. Помилуйте, я и постою-с...

Владимир Васильич. Садитесь, садитесь, без церемоний...

Потап Егорыч. Не устал-с... все сидел...

Владимир Васильич. Да садитесь же, пожалуйста... Вст
стул, вот... Садитесь.

Потап Егорыч. Что вы так изволите беспокоиться?.. Не
успел заслужить такой чести... *(Присаживается на' конец стула.)*

Владимир Васильич. Что же вы, по делу здесь?.. Да, как
бишь вы называли свою фамилию?

Потап Егорыч *(привставая)*. Зайчиков, титулярный совет-
ник.

Владимир Васильич. Зайчиков... У меня в отделении есть
молодой человек Зайчиков... Вы не родственник ли ему?

Потап Егорыч. Мой собственный сын... *(Вставая.)* Почел
долгом принести вашему высокоородию мою родительскую благодар-
ность за ваши к нему благодеяния... Поверьте, ваше высокородие,
моя молитва за вас... всегда...

Владимир Васильич. Полноте, какие же благодеяния...
Садитесь, пожалуйста... Я сделал только то, что был обязан. Вижу,
молодой человек из университета, я сам университетский, мы стараем-
ся окружить себя подобными людьми... Он теперь столоначальник...
Ну, хоть это и не много, но что делать? Я сам так же начал... Теперь,
по крайней мере, он хоть имеет возможность существовать, а главное,
может показать свои способности... Я говорил о нем и губернатору.

Потап Егорыч *(со слезами на глазах)*. Не знаю, как благо-
дарить, не знаю как...

Владимир Васильич. Да благодарить и не нужно. Я это
сделал не для вас и не для него, а для дела... Он молодой человек, об-
разованный, развитый, с новыми взглядами, следовательно, вероятно,
будет и бескорыстен... а мы с генералом только этого и желаем... Од-
но мне не нравится в вашем сыне: он очень пылок, и не знаю, как вам
сказать, жизни ли он не понимает, или слишком много думает о себе,
но нет в нем этой необходимой в службе уступчивости, терпения...

Потап Егорыч. Молод-с... Это по молодости, от неопытности.

Владимир Васильич. Нет, вот видите ли. Все ведь мы в
университете думаем министрами быть, но потом, когда послужишь
год, поосмотришься, видишь, что для всего есть свои законы, прави-
ла, дороги, и... покоряешься... Ну, и ему бы, кажется, пора понять
это,— три года служит...

Потап Егорыч. Четыре, ваше высокородие.

Владимир Васильич. Вот видите, а между тем до сих
пор он позволяет себе некоторые выходки: то из присутствия уйдет
прежде времени, то не явится вечером... под тем предлогом, что дело
свое сделал. Да ведь порядок нарушает... Ну, и формы не соблюдает,
иногда даже умышленно. Конечно, смешно, что какой-нибудь сто-
лоначальник рассуждает об установленном и уже существующем по-
рядке, а между тем это может повредить его служебной карьере...

Потап Егорыч. Внушаю, стараюсь внушать. Как можно по-
зволять себе свое рассуждение... Должен все исполнять, что тебе

начальство приказывает, в том вся наша служба... Когда начальство к нам благоволит, в том все наше счастье, а не будет милости от начальства, что с нами станется... Не знаю, как это он так... ветренник этакой... А должен сказать, вот как перед истинным богом, никогда я не видал от него непочтения, али там какого ослушания. Не смотрит на свою ученость, не гнушается моими словами, благодарение богу, почитает отца-старика неученого... Внушу, буду внушать, не оставьте только своими милостями... Что мы без милости начальства? Долго ли нашего брата уничтожить?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Он у вас единственный сын?..

П о т а п Е г о р ы ч (*жалобно*). Никак нет, ваше высокородие, семерых имею... Три мальчика в гимназии, а еще три дочки при мне находятся в девках...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. А сколько вы жалованья получаете?

П о т а п Е г о р ы ч. 85 рублей серебром с копейками.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*сухо*). Скажите, пожалуйста, как же вы могли дать такое воспитание вашим сыновьям?..

П о т а п Е г о р ы ч. По милости божией тащился кое-как; хоть не наживал, да без хлеба не сидел и деток хотелось людьми сделать... (*Встает.*) А теперь... осмеливаюсь прибегнуть к вашему великодушию... С тем пришел. Защитите, ваше высокородие. Заставьте за себя бога молить. Не дайте старику от печали умереть и семью без куска насущного оставить...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что это? Что такое вам нужно?

П о т а п Е г о р ы ч. При несчастьи нахожусь... Вы добродетельный человек. Не оставьте несчастных...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Пожалуйста, без предисловий. В чем дело? Мне некогда, извините меня.

П о т а п Е г о р ы ч. Будьте милосердны, позвольте все подробно объяснить.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, говорите, только покороче.

П о т а п Е г о р ы ч. В одну минуту-с... Простите великодушно, что беспокою ваше высокородие, не прогневайтесь... Как изволили их превосходительство в последний раз по губернии на ревизию ездить... изволили поехать инкогнито, никто ничего не знал, — приехали вдруг в наш городишко и прямо по присутственным местам... Я только что успел сбежать домой, мундиришко натянуть, перепыхался совсем по старости лет, а они уж и к нам пожаловали. Изволили войти и прямо на меня оборотились, а я и от попыхов-то, и со страху, что наслышался об ихней строгости, духу не могу перевести, даже язык к гортани присох, в горле стеснение сделалось... Посмотрели на меня и спрашивают: «Ты секретарь?..» Только я голосом знак подал, а язык даже не проговорил и ихнего чина не произнес... Посмотрели этак на меня и на мундиришко мой, а он уж, правда, старенек же был, да и спрашивают: «Сколько лет у тебя мундиру?..» И опять я не мог дать ответа; мну, мну языком — не говорит... Тут опять посмотрели на меня их превосходительство и изволили сказать: «И видно, говорят, у кого совесть-то не чиста». Пошли в присутственную комнату, — не понравилось убранство: «Кто, спрашивают, канцелярскую сумму расходует?» Го-

лова отвечает, что секретарь. Стали они тут на меня гневаться, что канцелярскую сумму будто бы себе в карман кладу, а велика ли она, извольте справиться: только бы на бумагу, да на свечи стало; нынче же бланки и книги все с печатными заголовками приказано иметь. Откуда тут на убранство взять?.. Мне бы все это изъяснить, а ужась меня обуяла: язык точно деревянный... Тут стали ревизию производить, а у меня за два последних дня и журналов не выведено, потому общество у нас маленькое, делов никаких не было... Конечно, для порядку следовало бы поверстать из других ден, да ведь не знали и ничего даже не слыхали, что скоро будет ревизия. Так этим разогорячились их превосходительство, что все уж тут стало не по них: в архиве порядок не понравился, у одного служащего сапоги худые на ногах усмотрели, спросили меня, который мне год; на беду язык проговорил, что шестьдесят пять лет, и это им обидно показалось, зачем до таких преклонных лет службу продолжаю, что, хотя разуму я и лишился, но в лихоимстве будто бы и купцов обирать понятия не потерял. Конечно, против их превосходительства я к сердцу этих слов принять не осмелился, потому что заслужил, хотя и не чувствую себя в том виноватым, как перед истинным богом говорю, но полагал, что их превосходительство погневаются, да и рассудить изволят, не думал того, что вдруг меня постигло: вместе с распоряжениями по ревизии пришло от их превосходительства предписание, чтобы я немедленно подал в отставку... Войдите в мое положение, ваше высоко-родие, на вас одних надежда.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Чего же вы хотите от меня?

П о т а п Е г о р ы ч. Их превосходительство вам доверяют. Одно ваше слово много значит, заступитесь за несчастного...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что же? Вы, значит, считаете генерала несправедливым?

П о т а п Е г о р ы ч. Осмелюсь ли я только это подумать против начальства...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так что же вы хотите, чтобы я для вас покривил совестью, прося губернатора изменить его правильное распоряжение?

П о т а п Е г о р ы ч. Ничего я не осмелюсь желать; прошу только вашего милосердия... Нахожусь на службе сорок пять лет и никто про меня худо не скажет, весь город до последнего мальчишки знает меня, и никто на меня не пожалуется, хоть справку извольте навести,— это бог видит...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, послушайте, о чем же вы хлопочете. Прослужили сорок пять лет, будет с вас, пора другим дать место: вы уже стары, в вас не может быть той энергии, как в молодом человеке; молодым людям надо уступать дорогу,— они будут полезнее вас для отечества. А вам, по-настоящему, должно быть совестно даже оставаться на службе. Пенсию вы выслужили, чего вам еще ожидать от службы?

П о т а п Е г о р ы ч. Но будьте же великодушны, чем я буду существовать? Велика ли моя пенсия?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так послушайте же, мой любез-

нейший, что я вам скажу: во-первых, служба не богадельня, во-вторых, как же вы могли существовать при вашем малом жалованьи?..

Потап Егорыч. Ваше высококорodie, сами рассудите — можно ли жить одним нашим жалованьем с эдакой семьей?.. Дай бог здоровья, меня купцы не оставляли...

Владимир Васильич. Вот видите, почтеннейший, вы сами признаетесь, что брали с купцов, а еще смеете просить, чтобы я ходатайствовал за вас перед начальником губернии!

Потап Егорыч. Да, ваше высококорodie, будьте милосердны. Я никому не оказывал притязания, брал, что принесут, как милостыню. Купцы меня без души любят... Да если бы я не брал от них, так не то что дать детям какое-нибудь ученье, а и грамоте-то бы их не на что было выучить... И как бы я мужик, али мещанин был, так хоть бы мастерству их какому обучил, а то ведь мы тоже чиновники, дворяне называемся...

Владимир Васильич. И гораздо бы лучше вам было оставить их неучами, нежели образовывать на незаконно нажитые деньги.

Потап Егорыч. Бог видит, ваше высококорodie, делал ли я что незаконное...

Владимир Васильич. Всякий чиновник должен жить на те средства, которые ему дало правительство, а тот, который позволяет себе побочные доходы, не может быть терпим на службе...

Потап Егорыч. Ваше высококорodie, пощадите. На вас одних надежда...

Владимир Васильич. Ничего я для вас не могу сделать: было бы низко с моей стороны хлопотать за вас. Я знаю, что можно существовать одним жалованьем. Конечно, я больше вашего получаю, но я и живу в другом обществе, у меня и потребностей больше вашего, однако я существую же; бедствую, терплю лишения, но существую одним жалованьем.

Потап Егорыч (*нерешительно*). Ваше высококорodie, я и благодарить готов, только не оставьте...

Владимир Васильич (*грозно*). Что-о-с? Так еще вы осмеливаетесь и мне даже предлагать взятку, мне?.. Вы до такой степени сроднились со взятками, что даже верите в возможность подкупить меня... И вы еще смели просить моего ходатайства?..

Потап Егорыч (*оробев*). Ваше высококорodie, ваше высококорodie!.. Только по вашим ласкам, по вашему вниманию осмелился...

Владимир Васильич. А, так вы привыкли думать, что если вам подают руку, сажают вас, так хотят с вас взятки... О, чернильное племя, да когда же оно выродится?.. Не только защищать, буду настаивать, чтобы вас выгнали...

Потап Егорыч (*на коленях*). Простите, пощадите... одна надежда на вас... Рад последнее отдать для семьи...

Владимир Васильич. Оставьте меня, извольте идти... хм... Дворянин на коленях... Не позорьте своего звания... это гнусно...

Потап Егорыч. Ведь ничего у меня нет, ведь пропадет моя семья от бедности.

Владимир Васильич. Оставьте меня, говорят вам! Я ничему не поверю после того, что вы осмелились... Вы заставляете меня думать, что и сын пойдет по вашей дороге...

Потап Егорыч. Нет, нет... его-то не погубите. Он ни в чем не виноват... Батюшка, ваше высокородие...

Владимир Васильич. Подите же вон, если не хотите, чтобы я велел вас вывести.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Андрей и частный пристав.

Андрей. Пришел частный-то.

Владимир Васильич. Позови сюда...

Андрей. Да еще секретарь, Анисим Федорыч.

Владимир Васильич. Проси.

Потап Егорыч. Так не будет милости?

Владимир Васильич. Подите, а то будет худо.

Потап Егорыч. Хоть сына-то не оставьте! *(Уходит, сдерживая рыдания.)*

Частный пристав и Анисим Федорыч входят в двери задней стены. Частный пристав останавливается у самых дверей. Анисим Федорыч с портфелем проходит несколько вперед в сторону.

Владимир Васильич *(к Анисиму Федорычу)*. Здравствуйте, Анисим Федорыч! *(Подает ему руку.)* Здравствуйте! *(Кивает головою частному приставу.)*

Частный пристав. Изволили требовать.

Владимир Васильич. Да вот видите, зачем я вас просил.

Частный пристав. Что изволите приказать?

Владимир Васильич *(обращаясь то к секретарю, то к частному приставу)*. Вообразите! Сейчас приходил ко мне приказчик купца Трезимова...

Анисим Федорыч. Верно того, что снял завод у помещика Ахтубова и вместо десяти тысяч ведер производил сто тысяч...

Владимир Васильич. Да, да! И представьте — осмелился предлагать мне взятку: огромный пакет с деньгами...

Частный пристав *(подобострастно ухмыляясь)*. Хм... какой... негодяй... Как же он смел-с?

Анисим Федорыч. Верно ходатайствовал по этому самому делу?..

Владимир Васильич. Да!.. Ведь вы знаете, что генерал, не доверяя никому и зная, что тут замешана вся земская полиция, нарочно поручил это дело мне... Они уж об этом пронюхали и вздумали подкупить — кого же? меня!..

Частный пристав. Хм... да-с... *(Неодобрительно качает головой.)* Народ смелый-с...

Анисим Федорыч (*спокойно*). Мошенники!.. (*Отворачивается и украдкой нюхает табак.*)

Владимир Васильич (*к частному приставу*). Я хотел его задержать и послал за вами. Как он только заметил, что человек мой ушел, сейчас и скрылся...

Частный пристав. Хм... Скажите-с... Какой народец...

Владимир Васильич. Так отыщите его, пожалуйста: имени своего он мне не сказал, да я его сейчас узнаю,— такой смуглый и рябоватый, рожа плутовская.

Частный пристав. Слушаю! Постараюсь-с!..

Анисим Федорыч. Запрется... Это с опытом был подослан...

Владимир Васильич. Ну, вот я им покажу, что значит делать со мной эти опыты...

Анисим Федорыч. Запрется-с... признания не сделает...

Владимир Васильич. Все равно, пусть не делает. Губернатор и без признания прикажет с ним распорядиться...

Частный пристав. Прикажете идти?

Владимир Васильич. Да, пожалуйста, потрудитесь его отыскать...

Частный пристав. Слушаю-с... (*Кланяется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без частного пристава.

Анисим Федорыч. Журналы изволили просматривать?

Владимир Васильич. Да, читал, только не все подписал, уже в присутствии... Возьмите их, пожалуйста, с собой... А насчет замечания сената... тут можно выйти редакцией... изложением этого ... вы не можете... Ну, это я сам сделаю.

Анисим Федорыч (*собирая и укладывая в портфель бумаги*). Вице-губернатор вчера требовал меня к себе...

Владимир Васильич. Это зачем?

Анисим Федорыч. Не соглашается на предание суду чернокрутского и верхнеязинского земских исправников за медленность взыскания недоимок...

Владимир Васильич. Да что нам за дело, что он не соглашается, когда губернатор приказал... Генерал непременно хочет, чтобы все недоимки к новому году были очищены... во что бы то ни стало.

Анисим Федорыч. Да ведь и несообразно, Владимир Васильич, и суду-то их предать. За это бы и нельзя по-настоящему...

Владимир Васильич. Вы ведь знаете, что это губернатор приказал,— так вице-губернатор может не соглашаться, сколько ему угодно; пусть подаст мнение, а между тем журнал привести в исполнение... Верно, ему те исправники очень дороги, что он так вступает за них...

Анисим Федорыч. Не могу знать-с... Опять приказали со-

рокинскому становому приставу Пурпурову написать строжайший выговор по жалобе вольноотпущенной женки Петровой на медленность производства следствия о покраже у нее имущества на двадцать пять рублей с копейками...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, да...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. По закону сначала следует потребовать объяснения... Ему уже и то было пять выговоров, а за шестым следует предание уголовному суду.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Мне этого-то и хочется; я слышал, он большой мошенник.

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Прикажете написать выговор?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да, да, непременно.

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Слушаю-с.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Больше ничего нет особенного?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Никак нет-с.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Не слышали ли чего новенького?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Вице-губернатор на вас в большой претензии остаются. Вчера даже и на меня кричали. Если что случится — защитите...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Уж об этом не беспокойтесь: за мною вы совершенно безопасны. Что же такое, расскажите, пожалуйста?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Не извольте огневаться. Фанаберией, говорит, забирается, а дела не смыслит: из пустяков, говорит, шум заводит, а важное из виду упускает. Бедняков, говорит, преследует, а настоящих взяточников около себя держит...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ага! Не по душе ему это преследование... Знает кошка чье мясо съела... Ну, да не долго и ему насидеть: говорят, что не берет, ни за что не поверю: не может тот не брать, кто защищает взяточников... Надобно об этом передать губернатору...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Только вы, Владимир Васильич, меня пожалейте. Тоже и вице-губернатор человек случайный*...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Я вам сказал, что вы, пока держитесь меня, можете быть совершенно покойны...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Андрей и Золотарев.

А н д р е й (*входя*). Дмитрий Николаич Золотарев приехал.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Проси, проси. До свидания, Анисим Федорыч.

З о л о т а р е в (*входя*). Здравствуйте, Владимир Васильич... Извините, я, кажется, помешал вашим занятиям?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Извините, что я встречаю вас в таком дезабилье... А занятия мои никогда не прерываются: это

бесконечная история... (К Анисиму Федорычу.) Так, пожалуйста, сделайте поскорей исполнение по этим бумагам.

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Слушаю-с. Честь имею свидетельствовать почтение. (Кланяется Золотареву.)

З о л о т а р е в. Прощайте, почтеннейший Анисим Федорыч. (По-дает ему руку.)

А н и с и м Ф е д о р ы ч у х о д и т.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (подавая кресла Золотареву). Прошу вас покорнейше. А вы знакомы с моим секретарем?

З о л о т а р е в. Помилуйте, кто же из здешних помещиков не знает Анисима Федорыча? Он ведь несколько лет назад был секретарем здешней гражданской палаты, да при прежнем председателе его, кажется, попросили удалиться, был несколько времени без места, и вот опять действует на пользу службы... (Двусмысленно улыбается.)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да и в губернском правлении ему бы не усидеть на месте. Слухи о нем ходили не совсем хорошие, да я заметил, что он отличный делец, и упробил губернатора оставить его; он может быть очень полезен для службы, только его надобно держать в руках...

З о л о т а р е в. Смотрите, не хвастайте: он опытная щука, как раз выскользнет из рук, и не заметите.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Если и выскользнет, го, надеюсь, не в реку, а в садок, где ей будет уж очень голодно.

З о л о т а р е в. Щука и в садке сумеет найти поживу: впрочем, это не беда, пусть ее ест, лишь бы другие были сыты... Но не в том дело... Я приехал к вам с просьбой, Владимир Васильич...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что вам угодно, Дмитрий Николаич? Готов все исполнить с величайшим удовольствием.

З о л о т а р е в. Ловлю на слове. Согласие дано прежде просьбы, следовательно, можно высказать просьбу не стесняясь... Скажите, пожалуйста, за что вы напали так на Трезимова...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. О, это величайший мошенник...

З о л о т а р е в. Вот уж ничего не видя и мошенник! Как вы, молодые люди, щедры на приветствия...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да помилуйте, Дмитрий Николаич, вообразите, что он осмелился со мной сделать не дальше, как сегодня...

З о л о т а р е в. Знаю, знаю, и полагаю, уже половина города знает о его преступлении и о вашем геройстве.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (смущаясь). Да каким же образом вы могли так скоро узнать?

З о л о т а р е в. Очень просто: я ехал к вам, как встретился с частным приставом Тебетенниковым; у меня была маленькая просьбишка, требующая немедленного исполнения по случаю покражи некоторой суммы денег, тысяч в десять серебром, совершенной сегодняшнею ночью у одного из моих поверенных, тоже порядочного вора, признаться сказать... Так я, благо встретился, и просил было его при-

нять немедленно меры к отысканию такого искусного вора, который умел обокрасть своего товарища. Никак, говорит, не могу: Владимир Васильич приказал отыскать мошенника, который давал ему денег; а ведь таких мошенников не много, Владимир Васильич, которые бы денег-то давали!.. Должен, говорит, отыскать этого мошенника во что бы то ни стало, а до тех пор, говорит, никакими государственными делами заниматься не позволено...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*смеется, чтобы скрыть невольное смущение*). Ха-ха-ха!.. Вы вечный остряк и шутник... Но что же вам до Трезимова?

З о л о т а р е в. Как что, помилуйте! Он в части со мной по откупу, а если ведь вы его подберете к рукам, так он, пожалуй, обанкротится, а чрез это, во-первых, государство потеряет один из производительных капиталов. Ну, да государство, положим, не будет плакать, оно останется довольно неподкупностью и распорядительностью своих чиновников, а вот мои-то дела пострадают, вот что прискорбно...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так зачем же, скажите, пожалуйста, он решился тайно производить большее количество ведер? Ведь он перестроил и усилил завод, не испросивши дозволения и не заплативши узаконенных пошлин; а он, говорят, очень богат.

З о л о т а р е в. Да, за это, конечно, он дурак, а по капиталу он, действительно, субъект очень интересный для анатомических исследований как неподкупной, так и другой, противоположной ей администрации, ибо первая может отличиться неподкупностью воззрений и честностию труда, другая — обогатиться разнообразными приобретениями... Но оставим все эти побрякушки и обратимся к делу; вот в чем моя просьба: нельзя ли как замять это дело?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что вы говорите, Дмитрий Николаич? Уж на это-то я никак не решусь, и даже удивляюсь, как вам вздумалось оскорблять меня такую просьбой...

З о л о т а р е в. Ну, послушайте, удизляться тут нечему и оскорбляться также; ведь я вам денег не предлагаю, а каждому просить о том, что для него нужно, позволяется... не правда ли?.. Так на этом-то законном основании я и прошу вас, а вот и резоны: вы начнете производить следствие, Трезимов, может, успеет доказать не то, что вам хочется, — и тогда все дело будет пустяк... Ну, положим, что вы и докажете противное, так ведь не вы последние судьи, может быть, и следствие окажется неправильно произведенным, приедут новые следователи, для которых дело предстанет в другом свете... и тогда ваше рвение пропадет даром... Так не заводите шуму из пустяков, и если ваша совесть так щекотлива, что вы не можете прикрыть ею, так вот вам средство: уступите это дело другому следователю...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Губернатор мне его поручил, и я его должен произвести...

З о л о т а р е в. То есть, может быть, вы опасаетесь, что губернатор заподозрит вас в чем-нибудь, если вы передадите это дело другому, — не бойтесь. Вы можете именно представить ту причину, что вы советник и что вам неловко производить следствие, или, на-

конец, даже то, что уже к вам приходили с подкупом и что по этому уже самому вы не можете быть совершенно беспристрастны... Вы уже теперь огласили, что вас подкупали. Хорошо, если откроете, что вам хочется, а если не успеете, то, уверяю вас, весь город будет думать, что вы приняли деньги, а распустили слух о своей неподкупности для того, чтобы замаскировать свой поступок.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Я ничего не боюсь, уверяю вас... В моей честности никто не смеет сомневаться... И разве это не значит покривить своей совестью,— передать дело от себя в другие руки для того, чтоб оно было произведено противозаконно...

З о л о т а р е в. Эх, боже мой! Неужели вы думаете, что при вашем губернаторе нет честных людей, кроме вас? А хотите, вы мне верьте или нет: я уважаю честных людей и поэтому-то желаю вам добра... Я вам расскажу притчу: в одном месте явился богатырь, начал все рубить и крошить, что ни попадалось под руку: летели секретари, столоначальники, заседатели, исправники,— ничто не могло сопротивляться... Очень расхрабрился наш богатырь и вздумал померяться силами с некоторым чудовищем, называемым миллион, а ведь это многоглавая гидра. Сшиб одну голову, сшиб другую, только вступились за обиженных прочие,— и слетел богатырь с места, как ни крепко стоял на нем...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

*Те же и Андрей, потом Никифор Михайлович и
Прасковья Михайловна.*

А н д р е й (*торопливо входя*). Владимир Васильич!

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что тебе нужно?

А н д р е й. Пожалуйста сюда...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да что тебе?

А н д р е й. Да папёнка с мамёнкой приехали.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*меняясь в лице*). Где?

А н д р е й. Здесь, в прихожей раздеваются. (*Уходит.*)

З о л о т а р е в. Ну-с, очень рад, что наш разговор прерывается таким радостным для вас событием.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*в сильном замешательстве*). Нет, вот видите... Ведь он врет... Ведь он дурак... Это дальние дядя и тетка мои, у которых я воспитывался после смерти моих родителей... Они... они...

З о л о т а р е в. Но все-таки для вас это дорогие гости... Надеюсь, что хоть ради их приезда вы исполните мою просьбу...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Я, право, не знаю... Извините меня...

Г о л о с а з а с ц е н о й. Да где он? Где наш Володя?

Н и к и ф о р М и х а й л о в и ч и П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а (*входя*). Вот он, вот наш Володя. (*Бросаются к нему и стараются обнять. Владимир Васильич, смущенный, старается уклониться от объятий, улыбается, хмурится, бледнеет и краснеет.*)

Никифор Михайлович. А, каковы мы, Володя? Прикажи? Ха, ха, ха! *(Потирает руки.)*

Прасковья Михайловна. Да что ты, здоров ли, что точно не в своей тарелке... Али не рад нам?

Владимир Васильич. Нет, помилуйте, тетушка... Вот у меня... *(Указывает на Золотарева.)* Извините, Дмитрий Николаич. Золотарев. Извините меня... Позвольте...

Прасковья Михайловна *(перебивая его)*. Нет, как ты меня тетушкой-то назвал... Неужели уж совсем отвык... *(Обращаясь к Золотареву.)* Не имею, сударь, чести знать вашего имени, отчества... Вы люди губернские, мы люди деревенские, не взыщите на нашей простоте... Рада чести вас видеть у моего Володеньки, и карету вашу видели, карета прекрасная,— видно, вы люди богатые, мы люди бедные...

Никифор Михайлович. А мы в кибиточке притащились... Ха, ха, ха!.. В кибиточке.

Прасковья Михайловна. Извините, батюшка, на нашем необразованьи, на нашем неученьи... Вы люди губернские, мы люди деревенские, из простых-простые...

Золотарев. Очень приятно, сударыня, очень приятно... *(К Владимиру Васильичу вполголоса.)* Вполне понимаю ваше положение и, если угодно, оставлю для одного себя тайную вашу радость... Но как же ваше согласие?

Владимир Васильич *(совершенно смущенный)*. Извольте, я согласен... Это так странно случилось...

Золотарев. Будьте покойны... Прощайте...

Прасковья Михайловна. Прощайте, сударь...

Золотарев. Прощайте, сударыня...

Никифор Михайлович. Позвольте познакомиться: недоросль из дворян, Никифор Михайлов Губанчиков... В пятьдесят лет недоросль, а все-таки из дворян, заметьте!.. Ха, ха, ха... Да, да вот какого воспитал... *(Указывает на Владимира Васильича.)*

Прасковья Михайловна. Это все я, все я хлопотала. И в гимназию я определяла, и в ниверситет... Не верьте, батюшка, где бы ему...

Золотарев. Очень рад, очень рад... Прощайте, Владимир Васильич! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же без Золотарева.

Прасковья Михайловна *(подбегая к Владимиру Васильичу)*. Ну, ну, перестань, не бойся, ведь не сержусь... Все высказала и с души долой... Ну-ка, обнимай ласковей-то...

Никифор Михайлович. Кого сначала-то станешь, Володя,— всякому обидно... Лучше обоих вдруг... Ха, ха, ха!..

Прасковья Михайловна. Ну, перестань же кобенить-

ся-то. Говорят, все с сердца спало... Ведь мы как тебя любим-то, а сердилась, сердилась... Ну, а теперь ничего... *(Обнимают его и целуют.)* Ведь мы к тебе недельки на две приехали, а, может быть, и...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Очень рад, только извините, у меня квартира тесная, мне вас поместить негде...

П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а. Что, что? Что ты сказал? У тебя отцу с матерью места нет?

Н и к и ф о р М и х а й л о в и ч. Вот тебе раз... ха, ха, ха!.. Вот тебе раз!

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Послушайте, матушка. Пора это кончить... Вы могли от меня требовать, чтобы я считал вас матерью, когда я был ребенком и когда вы меня кормили кашей и пирогами с капустой... А теперь я всем себе обязан, и потому позвольте мне быть только вашим племянником...

П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а. Что, что?.. Так вот как! Так эдак-то?.. Так ты всем себе обязан? Так не я тебя в гимназию определила, не я за тебя последние деньги платила, не на свой счет тебя в Москву, в ниверситет свезла? Много ли после родителей-то у тебя осталось? Кукиш... Так вот благодарность?.. Так знай же, бессовестный, не есть твой хлеб ехали, а тебе везли... *(Со слезами.)* Бог с тобой... Не надо тебе нас, нет же и тебя у нас... Тетушка Глафира Ивановна померла, и все имение нам в раздел отказала...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Как?

П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а. Так, голубчик... Мы было с братом свою часть тебе хотели отдать, теперь не видать тебе ее... Получай свои тридцать душ... да и поминай, как нас звали... Нет нам у тебя места — и нам тебя не надо... Подем, Никифор Михайлыч, подем... *(Плачет.)* Было дитя, нет дитя... Подем...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Тетушка... Маменька...

П р а с к о в ь я М и х а й л о в н а. Нет, стара штука... Минуты не хочу быть здесь... Андрюшка, скажи Ваське, чтобы лошадей подавал... Было дитя, нет дитя... *(Уходит.)*

Н и к и ф о р М и х а й л ы ч. Плохо, брат, Володя... Грех тебе... Что, обанкротился?.. Ха, ха, ха!.. *(Уходит.)*

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что за несчастье!.. *(Бросается в кресло.)* А в городе-то что будут говорить... Маменька... Маменька... *(Бежит вслед за ушедшими.)*

Занавес падает

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гостиная в доме Анисима Федорыча. Мебель красного дерева, за исключением двух глубоких и мягких кресел на пружинах. Перед диваном стол овальной формы. На стене, в простенке между окнами, большое зеркало в раме красного дерева с таким же подзеркальником, на котором стоят бронзовые столовые часы под стеклянным колпаком. На окнах кисейные драпировки с бронзовыми багетами. На боковых стенах двери, одна против другой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Анисим Федорыч и Пурпуров.

Анисим Федорыч. Хорошо, что вы поспешили своим прибытием, а то Владимир Васильич настоятельно было приказывал послать исполнение о шестом выговоре и о предании вас суду.

Пурпуров. Помилуйте, Анисим Федорыч, я тотчас поспешил по получении вашего письма, ни минуты не мешкал... Но будьте милостивы, Анисим Федорыч, рассудите великодушно. Ведь это несправедливо и даже, могу сказать, противозаконно.

Анисим Федорыч. Докладывал... приказывают...

Пурпуров. Так ведь как же, Анисим Федорыч, теперь, если по каждой жалобе будут нашему брату становому делать выговоры, не потребоавши даже объяснения, так что же это такое будет? Это нельзя служить... Это выходит одно мщение против нашего брата...

Анисим Федорыч. Начальство!..

Пурпуров. Конечно, начальство, Анисим Федорыч, но неужели начальство не может рассудить, что хоть бы я становой,— я не могу же заниматься каждым мужиком и бабой: у меня вон их в стану-то двадцать семь тысяч... А мужик, известно, народ глупый, необразованный, неуч. Ему только поблажку дай,— он каждый день будет жаловаться... Ну, вот хоть бы теперь по этому делу о покраже имущества у вольноотпущенной женки Петровой... Там стащили у нее коробишку с тряпьем, чай, всего алтына на три, а она объявляет пропажу в 25 рублей серебром и жалуется еще на медленность производства следствия... Да разве есть мне время заниматься такими пустяками? У меня есть дела поважнее... У меня их в стану-то двадцать семь тысяч, а им что больше делать, как не воровать друг у друга? Если во все их дразги входить, так это давно надобно здорово лишиться, болезнь себе получить, да и времени не достанет...

Анисим Федорыч. Требуют распорядительности...

Пурпуров. Гм... Да разве вы не знаете, Анисим Федорыч, моей распорядительности?.. Кажется, давно знакомы. Знаете сами, ваш дом был в моей части, когда еще состоял я здесь частным приставом, был ли какой беспорядок, или там упущение, медленность?.. Так уж, кажется, насчет этого мне не учиться... Ведь начальство, может, того не знает, над мужиком какая нужна распорядительность. Чтобы он был тих, покорен, не возмечтал об себе,— кулак да плеть нужна на него... Коли в строгости он содержится, не дает ему становой потачки, вот и порядок в стану, вот и распорядительность вся, чтобы он от голоса не смел подать, потому знал бы, что он есть мужик... А вот у кого должно спросить начальство, распорядителен ли я,— у помещика. Становой поставлен для ограждения помещиков, у них и спросите про меня, так уж я знаю, что ни один на меня не пожалуется. Кто усмирил в самом начале возмущение крестьян против помещика Летаева? Я!.. Кто отыскал троих беглых дворовых людей помещика Отрубкина? Я!.. Кто поймал воров, что обок-

рали полковника Шипина? Я же ведь... Так разве это не распорядительность?.. Да на меня теперь ни один господин не пожалуется, чтобы я не занялся, не приказал при себе отодрать последнего лакейщика, которого пришлют ко мне для наказания... Так вот бы на что должно было начальство обратить внимание... Как еще слушать,— не знаю...

Анисим Федорыч (с невольной горечью). Начальство нынче требует, чтобы ко всякому последнему рабу оказывать такое же внимание, как к хорошему настоящему дворянину или чиновнику...

Пурпуров. Гм... Так я теперь должен служить мужику, с ним и знакомство вести, а дворянскую компанию я оставлять должен... Ах! (С глубоким вздохом.) Чудеса, чудеса! чего только начальство требует! Так я теперь чиновник, имею себе сорок пять лет от роду, имею при себе жену и семейство, дочь на возрасте, и должен я водиться с мужиком? Да пустит ли тогда меня к себе в дом хоть один помещик, или я должен со всем своим семейством в уединении оставаться, в дикости эдакой, как в ссылке какой?.. А где же хоть бы моим дочерям и перенять что-нибудь, как не в господском доме? А меня, слава богу, вон генеральша фон Дризендорф, так и та принимает к себе в дом... Опять я то знаю, что помещик меня ни в чем и не оставит, если я ему услужу, а от мужика чего мне ждать?..

Анисим Федорыч. Начальство ни во что это не входит. Это вот вы мне только так по знакомству говорите, а начальство делает взыскание только по одним делам.

Пурпуров. Я, Анисим Федорыч, ни в каких делах не замаран. Я это в своей совести чувствую... А я знаю, откуда все это происходит: это все исправник мне мстит, и за что он мне мстит, понять не могу... Он разыгрывает ту роль, что по Владимиру Васильичу от нынешнего губернатора поставлен, так будто бы ни к чему не причастен. Точно, я два раза приносил ему следующее, как по-прежнему было, он не взял, но этим ведь нас тоже не обморочишь. Между тем, слышу, требует от откупщика, чтобы становым не давать, а что прежде шло на исправника и двух становых, все бы это ему одному доставлять... Опять по делам будто бы не берет, а с раскольниками что делает? Знает, что генерал строго следит по этой части и всячески старается о преследовании раскола, так придет в какой-нибудь раскольничий дом в ночное время с обыском, перепугает всех,— одна старуха даже через этот испуг смерть получила,— оберет там все книги и образа запрещенные, да и говорит: вот,— говорит,— коли хотите, чтобы все оставил и не открывал, так деньги давайте, и напишу, что ничего не нашел. Те известно: бери, что угодно, только их святости не тронь... Так он деньги-то возьмет, а образа-то, да книги все-таки представит... А наш генерал да и Владимир Васильич, известно, как думают. Уж коли раскольников обижают, значит, дескать, человек бескорыстный; так на эдакое-то бескорыстие всякого станет. А по-нашему, это низость, что взял с подначального человека и не сделал для него... Мы еще эдак не посту-

паем... Вот спросил бы меня Владимир Васильич, я бы ему порасказал про ихнего-то честного исправника...

Анисим Федорыч. Не поверят: скажут — выдумка...

Пурпуров. Да оно точно выдумка, только выдумка-то хороша; он с этой выдумкой тысяч десять в год нажил... ихний-то честный исправник...

Анисим Федорыч. Разумеется, мошенник!

Пурпуров. То-то и есть, Анисим Федорыч! А нашему брату, бедняку, жить нельзя: ты какими-нибудь крупницами пользуешься, а тебя взяточником зовут... Нет, это все, Анисим Федорыч, от счастья; кому какое счастье. Вот хоть бы господин вице-губернатор за Зайчикова, за думского секретаря, за того вступился, хоть тот по глупости сам, говорят, признался ему, что благодарности принимал, а на меня прошлого года опрокинулся, страшал от должности удалиться... Извольте знать, по делу о засечении дворовой девки помещиком Быстриковым... А я тогда, видит бог, не из низости из какой, не из корысти, а просто потому, чтобы не погубить хорошего человека из-за эдаких пустяков, хотел дело потушить... Нет, это, право, кому какое счастье... На меня, как на бедного Макара, все шишки валяются...

Анисим Федорыч. А я вам скажу, что вы в большом сомнении. Примите меры, а то можете должности лишиться...

Пурпуров. Анисим Федорыч, по нашему давнему знакомству прошу вас, не оставьте... Вы знаете меня... Я человек не непризнательной какой... Изволили получить стерлядочек, что я послал к вам о запрошлой неделе?..

Анисим Федорыч. Благодарю вас, получил, только половина дорогой уснула...

Пурпуров. Я вам, Анисим Федорыч, привез штучку подрагоценнее, да еще и не одну, а две: белорыбишку провесную, да балычок осетровый... Такие штучки, признаюсь, — посмотреть, слюнки текут... Они здесь, кому прикажете отдать? Или самим посмотреть удобно?..

Анисим Федорыч. Благодарю вас, там люди получают. Отдадите... Ведь, я думаю, даровщинка... Хе!.. (С улыбкой.) У вас ведь там купцы на Урал торговать ездят, так на поклон по возвращении, чай, десяточек-другой привезли...

Пурпуров. Эх, Анисим Федорыч, нет! Не те, видно, настали времена: не очень нынче и купцы-то распоясываются... Кровные свои денежки, Анисим Федорыч, посылал. Именно хотелось вас почтить этим гостинчиком, так по себе знаю, сколько приятен эдакой редкий и лакомый кусок...

Анисим Федорыч (сухо). Благодарю вас... Хотя и могу, как объяснил уже вам, заменить журнал о сделании вам выговора другим — об истребовании от вас объяснения по жалобе женки Петровой и, незаметно, подам его к подписанию, но только опять вас предупреждаю: примите меры. Относительно вас в большом сомнении и генерал, и Владимир Васильич; только еще я вас и поддерживал... Но за дальнейшие распоряжения начальства не отвечаю —

с нами не всегда советуются... Без всякой причины и вдруг можете всего лишиться... А вы человек семейный...

П у р п у р о в. Ах, Анисим Федорыч, для кого же я и живу, как не для семейства?.. В семействе своем всю отраду для себя нахожу...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Знаю я, знаю эти чувства. У меня у самого дочь, знаю, как дети дороги и сколько им желаешь добра... Поэтому, из участия, вас и предупреждаю.

П у р п у р о в. Что же мне делать, что предпринять? Научите...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Надо подумать...

П у р п у р о в. Но что же я могу придумать? Я готов бы служить начальству... Да ведь все зависит от Владимира Васильича, а к ним не подойдешь с благодарностью...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Сс... Избави бог...

П у р п у р о в. Так что же мне делать?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Надо постараться угодить начальству, заслужить его доверие...

П у р п у р о в. Но какими средствами?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Может быть, и есть средства. Надо подумать...

П у р п у р о в (*быстро отворачивается в сторону, поспешно раскрывает бумажник и вынимает из него пачку ассигнаций*). Анисим Федорыч... я вам обязан много... Душа моя только знает, сколько я вам обязан. Позвольте поблагодарить вас... от души... (*Подает деньги*.)

А н и с и м Ф е д о р ы ч (*спокойно берет деньги*). Благодарю вас. (*Искося поглядывает на деньги в своей руке*.)

П у р п у р о в (*вполголоса*). Полтораستا...

Анисим Федорыч опускает деньги в карман.

П у р п у р о в. Одной прошу милости... Научите, как войти в расположение начальства... А я для службы готов распинать себя...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. В вашем стану ведь есть раскольники?

П у р п у р о в. Есть, Анисим Федорыч, есть...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. И богатые?

П у р п у р о в. Есть с большими деньгами.

А н и с и м Ф е д о р ы ч (*в раздумьи*). А нет ли такой старой девки... у них бывают такие, что книги читает, к ней сходятся молиться, она и кадиллом эдак кадит, и на себя что-то такое надевает...

П у р п у р о в. Должен признаться перед вами, зная всю вашу высокую честность, что не выдадите своего,— есть и такая...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Вы с нее, стало быть, до сих пор получаете... Ну, теперь... нечего делать...

П у р п у р о в (*в восторге*). Понял, Анисим Федорыч, понял, сообразил. (*Скороговоркою*.) Дабы заслужить перед начальством, лишиться этого дохода, подкараулить ее во время сходки, оцепить, схватить, предстать со всем, что найдется, даже можно выдумать новую секту, а ее, как главную сектантку... Анисим Федорыч, благодетель... Вот ведь оно что... Вот она выдумка-то...

Анисим Федорыч (*спокойно*). Не хотите ли чайку? Теперь время... Может быть, и с прибавлением любите...

Пурпуров (*еще в волнении*). С удовольствием могу с вами... Ах, Анисим Федорыч, оживили вы меня... Да я на этой же неделе представляю...

Анисим Федорыч. Дашенька!

Голос за сценой. Сейчас, папаша.

Пурпуров. Ваша милая дочка?

Анисим Федорыч. Да.

Пурпуров. Давно уже не имел чести видеть...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дашенька.

Дашенька (*вбегая*). Чего изволите, папаша? (*Делает книксен Пурпурову и подходит к отцу.*)

Пурпуров (*раскланиваясь*). Как изволили вырасти, сударыня, и похорошели... Давно уже не имел чести вас видеть...

Дашенька (*насмешливо*). Разве я прежде дурна была?

Пурпуров. Были всегда прекрасны, а теперь стали еще прекраснее...

Дашенька. Для вас, я думаю, это все равно...

Пурпуров. Как это можно, сударыня, приятно видеть, когда цветут... У меня, у самого дочь — невеста...

Дашенька (*со смехом*). И тоже цветет?

Анисим Федорыч (*с улыбкой удовольствия смотря на дочь*). Ну-ка, полно, полно, болтушка. Поди-ка, пришли нам поскорее чайку...

Дашенька. Сейчас... (*Идет к дверям.*)

Анисим Федорыч (*вслед ей*). Да и ромку... Слышишь?..

Дашенька. Слышу, чайку и ромку. История известная. (*Уходит.*)

Пурпуров. Веселая барышня...

Анисим Федорыч. Да, весела, пока отец жив...

Пурпуров. Ах, Анисим Федорыч. Что может быть этого приятнее, как свои законные дети, и как есть чем их воспитать и образовать...

Анисим Федорыч (*со вздохом*). Да, вот у меня единственное утешение на старости.

Пурпуров (*тоже со вздохом*). Да, а вот как у меня их шестеро, Анисим Федорыч, надо для всех приготовить!..

Входит слуга и подает чай.

Анисим Федорыч. Может быть, много детей еще лучше. Меньше любишь их, больше себя считаешь... А вот я все ей го-

тов отдать, только бы была весела... Там один умрет,— другие останутся, а я без нее, кажется, совсем пропаду...

Пурпуров. Правда ваша, Анисим Федорыч, велики чувства родительские; говорят, с детьми нехорошо, а без детей еще хуже того... Теперь хоть иногда и душой покривишь, так и перед богом покаешься: для детей, господи!.. Не одного себя кормишь, отечеству слуг приготавливаешь, а жалованьем одним не проживешь... Правду ли я говорю, Анисим Федорыч?

Анисим Федорыч молча качает головой.

Пурпуров. Вы теперь, Анисим Федорыч, такую мне мысль подали... Такое я для начальства удовольствие сделаю, что и не ожидают... А ведь в самом деле, Анисим Федорыч, ведь эти раскольники большой вред нашему государству, России, причиняют. Это начальство справедливо поступает, что приказывает их всячески преследовать...

Анисим Федорыч (*повеселевши от пунша и возбужденных чувств родительской любви*). Выгодную статью делает для нашего брата чиновника,— кто хочет, получай деньги, а кто не хочет денег,— чины.

Пурпуров (*смеется*). Истинную правду изволите говорить...

Анисим Федорыч. А кто половчее, да поумнее, так тот и деньги, и чины получать может, как ваш исправник...

Оба смеются.

Пурпуров. И все так, Анисим Федорыч, все из одного этого бьются... Отчего же это только нынче эти бескорыстные чиновники завелись...

Анисим Федорыч. Отчего?.. От самолюбия...

Дашенька (*входя*). А что, папаша, не пора ли вам в правление?..

Анисим Федорыч. А в самом деле уж пора...

Пурпуров (*поспешно допивая стакан*). Позвольте пожелать вам, Анисим Федорыч, всякого благополучия.

Анисим Федорыч. Прощайте... Когда же вы домой?..

Пурпуров. Сейчас же в путь... Вы знаете, ведь я инкогнито, без отпуска, только по вашему...

Анисим Федорыч. Ну-с... Желаю вам... А там те вещи, что привезли, отдайте человеку...

Пурпуров. Очень хорошо-с... Отведайте: замечательные штучки, я сам по этой части охотник. Прощайте, сударыня!

Дашенька (*незаметно передразнивая его*). Прощайте, сударь!

Пурпуров. Ах вы, барышня веселая! Ну, да бог с вами... (*Кланяется и уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же без Пурпурова.

Д а ш е н ь к а. Что у вас, папаша, за уроды бывают?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ах, Даша, зачем ты над каждым человеком насмехаешься? Неужели вас этому в пансионе учили? Ма-тушка моя, иной урод полезнее для нас с тобой всякого франта.

Д а ш е н ь к а. Ну, уж я думаю! Разве только тем полезен, что посмеяться есть над чем... (*Передразнивая.*) Были прекрасны, а теперь стали еще прекраснее...

А н и с и м Ф е д о р ы ч (*невольно улыбаясь*). Ну, что же делать? Не всем же быть таким молодцам, как Владимир Васильич...

Д а ш е н ь к а (*вспыхнув*). Что мне Владимир Васильич? Есть и кроме него хорошие люди на свете...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. А я думал, что уж лучше его для нас и на свете нет...

Д а ш е н ь к а. Я ничего не говорю про него ни дурного, ни хорошего, а ласкова с ним потому, что вы сами того хотите...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Поди-ка, сядь возле меня... Вот что я тебе скажу: ты будь с ним ласкова, любезна, только не забывай, что он мой начальник.

Д а ш е н ь к а. А мне-то что до того за дело?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Да, разумеется, тебе нет дела, а все-таки помни, что от него зависит моя служба и все твое благополучие; но будь осторожна с ним, потому что он все-таки чужой человек...

Д а ш е н ь к а. То есть как осторожна?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. А не доверяй ему очень. Ты девушка умная, должна понять, что он ходит сюда так часто не для меня, а для тебя... Ну, и пусть ходит: от этого служба моя зависит... Только смотри, чтобы больше ничего не было...

Д а ш е н ь к а. Про что это вы говорите? Я не понимаю...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ну, да хорошо!.. Понимаешь, ты не дура... Помни, что ты ведь у меня одна, а он нашим не будет...

Д а ш е н ь к а. Как это — нашим?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. А так. Ни твоим мужем, ни моим зятем... Нечего краснеть-то... Если бы мы и захотели этого, так он не захочет... Так и будь осторожна... Нам бы как только провести время, покамест он здесь служит, а ведь он из таких, что как раз в Петербург переведут... Эдаким ведь здесь не лафа. Они только из того и хлопочут, чтобы как в Петербурге местечко получить... Он уж, кажется, и в виду имеет... Что ты точно побледнела...

Д а ш е н ь к а. Нет, ничего... Ну, а послушайте, папаша. Вот он у нас почти каждый день бывает; вы приказываете, чтобы я была с ним любезна; ну, а если я очень привыкну к нему, а он уедет в Петербург, вы поедете ли туда?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. И не подумаю...

Д а ш е н ь к а. Ну, а если я привыкну так, что умру без него?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Что? Что? Что, ты шутишь, или дело говоришь?

Д а ш е н ь к а. Ну, а если дело...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Послушай, Дарья... Даша... ты мне лучше прямо скажи... Ты знаешь, ты одна у меня... Я для тебя и живу, и служу, и коплю... Я тебя берегу... Я не с тем тебя заставляю ласкать его... А если что у тебя на душе... ты лучше скажи мне... Я и службу брошу, и его прогоню... Слышишь?.. Ты мне скажи... Ты мне дороже всего... Я на тебя надеялся, оттого так и пускал его, и тебе позволял, а то смотри... Ты мне скажи лучше...

Д а ш е н ь к а (*хохочет*). Ах, папаша, и испугался уж, а чего — и сами не знаете... Полноте, папаша, что мне в вашем Владимире Васильиче! Есть ли, нет ли, все равнехонько... Ха, ха, ха!.. Вот еще что вообразил...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Да ты правду скажи... Как же ты... Что ты говорила...

Д а ш е н ь к а. Да я пошутила, поугадать вас хотела...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ну, то-то!.. Смотри... Ты ведь умница... Ты ведь знаешь, как я тебя люблю... Не шути эдак никогда...

Д а ш е н ь к а. Я хотела только узнать, как вы меня любите... так пошалить...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ну, то-то, пошалить! Совсем было с ума свела... Поцелуй-ка меня... Да и ничего в нем нет хорошего, так только одни разговоры пустые... Фанфаронство одно... Нет в нем ничего существенного: все для одного блезиру и говорит, и делает...

Д а ш е н ь к а. Вот, папаша, уж не люблю, все разное говорите: то хвалите его, то браните...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ну, ты меня не учи: я знаю, что говорю, для предостережения твоего... У этих молодчиков совести мало, хоть и рассказывают там рассказы свои про честь, да про бескорыстие... А мы знаем: не берет деньгами, так рад взять чем другим... Знаю я, не будь ты такая красавица, давно бы уж быть мне без места. Только помни! Не женится он на тебе никогда...

Д а ш е н ь к а. Да перестаньте, папаша! Что это вздумалось твердить одно и то же! Говорят вам, мне дела нет никакого до вашего Владимира Васильича... Угодно вам, чтобы я его принимала, и принимаю, а не прикажете, и выходить не стану при нем... Очень мне нужно!..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Нет, не выходить нельзя, будь только осторожна... Ушей не развешивай.

Д а ш е н ь к а. Уж слышала, слышала, слышала... А вот если он услышит, что вы говорите, так и отдаст вас под суд...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ах ты... ветер!.. И то дело, нечего и говорить, кажись, не дура девка, в обиду сама себя не даст... Ну-ка, прощай, пора мне в правление идти...

Д а ш е н ь к а. А чаю не хотите еще?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Нет, не хочу... Ром славный прислал

Трезимов, с одного стакана в голове зашумело... *(Собирает бумаги, лежавшие на столе, берёт фуражку и готовится идти.)*

За сценой голос: «Дома барин?» Другой голос: «Дома!»

Д а ш е н ь к а. Вот Владимир Васильич пришел... За то, что вы мне говорили, уйду в свою комнату и не выйду... Занимайте его сами, как знаете... *(Убегает.)*

А н и с и м Ф е д о р ы ч *(вслед ей)*. Погоди, не уходи... Эка вострушка!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Анисим Федорыч и Владимир Васильич.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч *(подавая руку Анисиму Федорычу, быстро осматривает комнату)*. А я к вам мимоездом, хотелось сообщить приятную новость: вице-губернатор переведен в другую губернию... *(Садится.)*

А н и с и м Ф е д о р ы ч *(стоя)*. Будто-с...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Я сейчас от губернатора, обедал у него... С нынешней почтой пришел указ, перемещен в Архангельск... Ничего, пусть прокатится тысячи две верст, коли с нами не умел ужиться...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. И прекрасно... Да что, пустой, беспокойный человек... Через него одни неприятности... Свое самолюбие любит тешить... Редкий журнал пропустит, все свое мнение подает...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Скажите лучше, взяточник и покровитель взяточников. И с кем же вздумал тягаться?.. Я давно говорил, что упеку его... Еще когда я был чиновником особых поручений и приехал сюда с генералом, он имел дерзость не заплатить мне визит и еще вздумал делать мне замечания по следствиям... Хотел бороться с губернатором, с этим благороднейшим, бескорыстнейшим человеком... И кто же, кто?.. Он, защитник Зайчиковых и им подобных старых мошенников...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Хм... да!.. *

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да что вы не садитесь?.. Одолжите огня... закурить сигару... Э, да вы и с фуражкой. Видно, в правление собирались?

А н и с и м Ф е д о р ы ч *(зажигая спичку)*. Да, хотел было. Уже время... Да не прикажете ли чаю?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. С удовольствием... Я еще не пил... Да где же Дарья Анисимовна?.. Я вас не задерживаю ли?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Нет-с, ничего... Я вот ее сейчас позову... А мне уж позвольте отправиться... *(Подходит к дверям и кричит.)* Дашенька! Поди сюда, да прикажи чайку подать для Владимира Васильича...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да, вот еще что я вас хотел просить.

Кстати, вы едете в правление, возьмите вот эту бумагу и рассмотрите ее, пожалуйста, справьтесь там с законами... Это копия с духовного завещания двоюродной тетки моей, по которому я должен получить часть из наследства... Вместе со мной покойницей назначены наследниками родные дядя и тетка мои Губанчиковы, с тем, чтобы имение разделить поровну между троими... Кажется мне, воля умершей незаконна, и имение не может быть разделено, а должно следовать мне одному... Вы лучше знаете гражданские законы, служили в гражданской палате: подумайте, пожалуйста, хорошенько и скажите мне. Я вам буду очень благодарен.

Анисим Федорыч. Слушаю, рассмотрю-с... (К дверям.) Дашенька, что ж ты нейдешь?..

Голос за стеной. Иду, иду...

Входит Дашенька.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Владимир Васильич (вставая). Здравствуйте, Дарья Анисимовна. Здоровы ли вы?..

Дашенька. Слава богу...

Анисим Федорыч. Ну, а мне уж позвольте. Вот хозяйка...

Владимир Васильич. Сделайте милость, Анисим Федорыч... Займитесь, пожалуйста, этим завещанием...

Анисим Федорыч. Непременно... (Раскланивается.)

Владимир Васильич. Прощайте...

Дашенька. Прощайте, папаша. (Целует его.)

Анисим Федорович уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Владимир Васильич и Дашенька.

Владимир Васильич (садится возле Дашеньки). Ну, что вы подельвали в это время, пока мы не видались?

Дашенька. По обыкновению, ничего...

Владимир Васильич. Ну, что же, веселились или скучали...

Дашенька (насмешливо). Веселилась... с папашей... с его милыми посетителями... Отчего вы у нас давно не бывали?..

Владимир Васильич. Три дня назад. Разве это давно?..

Дашенька. Не знаю, как для вас...

Владимир Васильич. А для вас?.. Что же вы молчите?.. Хотя я и не был у вас эти три дня, но я не переставал о вас думать, а вы?.. Что же вы не хотите сказать?.. Доротья... (Хочет взять ее за руку.)

Дашенька (отдергивая руку). Я Дарья...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Но ведь вы дали мне право называть вас этим именем?..

Д а ш е н ь к а. Отчего вам не нравится мое настоящее имя?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Доротея благозвучнее... То имя, которое вам дали, не стоит вас...

Д а ш е н ь к а. Так же, как я не стою вас...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Послушайте, Доротея, что это за фразы... Иногда мне кажется, что вы капризный ребенок, которому нравится мучить меня...

Д а ш е н ь к а. Если вы находите меня капризным ребенком, это ваше дело... Но зачем же мне мучить вас?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так, от нечего делать, или из кокетства.

Д а ш е н ь к а. Зачем же вы позволяете играть собою капризному ребенку или кокетке?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Но ведь вы знаете, что я люблю вас, что любовь моя к вам безмерна, что я готов всем для вас пожертвовать... Отчего же вы никогда не скажете, любите ли вы меня хоть немножко, или ненавидите?..

Д а ш е н ь к а. Отчего я никогда вас не спрашиваю об этом, а вы вечно с одним и тем же вопросом?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Оттого, что я люблю вас, а ваше молчание, напротив, убеждает меня в вашем равнодушии ко мне...

Д а ш е н ь к а. Если вы убеждены в этом, о чем же вы спрашиваете?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Так вы не любите меня?

Д а ш е н ь к а. Ну, полноте, Владимир Васильич, что у вас за страсть спрятать этот глагол? Мне уж это и в пансионе надоело... Поговорите о чем-нибудь другом...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч *(надувшись)*. О чем же прикажете?

Д а ш е н ь к а. Ну, хоть о том, что вы делали в эти три дня, пока не были у нас.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. О, я это время провел очень приятно в обществе милой, образованной, очень хорошенькой и богатой вдовушки, которая приехала из Петербурга хлопотать по своим делам...

Д а ш е н ь к а. Не собираетесь ли и вы в Петербург?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Очень может быть, и даже больше, нежели вероятно.

Д а ш е н ь к а *(бледнея)*. На службу, или на время?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Конечно, с тем чтобы никогда более сюда не возвращаться...

Д а ш е н ь к а *(скрывая внутреннее волнение)*. Счастливый путь!..

Входит Николай Потайич.

Те же и Николай Потапыч.

Д а ш е н ь к а. Ах, Николай Потапыч, как я рада, что вы пришли... Садитесь, пожалуйста.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч А, Зайчиков, вы каким образом сюда?

Н и к о л а й П о т а п ы ч (*сидясь*). Да той же самой дорогой, что и вы, Владимир Васильич.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*сухо*). Отчего же вы не в правлении?

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Да нечего делать, так и ушел.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Как это? Прежде секретаря?

Н и к о л а й П о т а п ы ч. У Анисима Федорыча, верно, есть дела, а у меня особенно нужных и спешных нет...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Всякое дело и нужно, и спешно! Мне это не совсем приятно, что вы самовольничаете; так все столоначальники уйдут из правления, а за ними и писцы прежде секретаря... А почем вы знаете, может быть, Анисиму Федорычу нужно отдать вам какое-нибудь приказание?

Д а ш е н ь к а. Ну, полноте Владимир Васильич, о ваших делах! Еще вам не надоело!.. За папашу я отвечаю, он не рассердится... Садитесь сюда поближе, Николай Потапыч... Ну, что ваша повесть?.. Вы знаете, Владимир Васильич, Николай Потапыч пишет повесть. Он читал мне несколько глав... Как хорошо, если бы вы знали!..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*колко*). Вижу, вижу, что повести господина Зайчикова вам очень нравятся... Не смею с вами спорить. Может быть, они точно заслуживают такого восторга с вашей стороны, только признаюсь, мне не нравится, что господин Зайчиков пустился в литературу: все литераторы плохие чиновники, а Зайчикову нужно служить... и, следовательно, дорожить мнением о нем начальства... (*Обращаясь к Зайчикову.*) Как вы об этом думаете?

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Я думаю, что начальство будет составлять обо мне мнение на основании моих служебных трудов, а не на основании моих литературных занятий, до которых, я полагаю, кроме меня, никому дела нет...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Нет, вот видите, и Дарья Анисимовна принимает в вашей повести большое участие...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Дарья Анисимовна была единственная женщина, которая приласкала меня в этом городе, и ей одной только решился я прочитать, что пишу на досуге, надеясь, что не станет смеяться надо мною...

Д а ш е н ь к а. Нет, Николай Потапыч, прелестно, превосходно... Вы будете замечательный писатель...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*со смехом*). Писатель из губернского правления...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Острота, Владимир Васильич, довольно не новая...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*презрительно*). Что-с?

Д а ш е н ь к а. Я так не знаю, как благодарить Николая Потапыча: с тех пор как он познакомился с нами, я постоянно имею книги...

Н и к о л а й П о т а п ы ч (*с горечью*). Если пошло на благодарность, Дарья Анисимовна, так и я с своей стороны за знакомство с вами должен благодарить должность столоначальника, которую получил недавно. В низшей должности я бы, верно, не удостоился чести быть в одном доме с Владимиром Васильичем...

Д а ш е н ь к а. Почему это?.. Я не понимаю...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. А я очень хорошо помню, что Анисим Федорыч пригласил меня к себе в тот самый день, как я был утвержден столоначальником...

Д а ш е н ь к а (*с упреком*). Ах, Николай Потапыч, зачем вы так говорите о папаше? Это нехорошо!..

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Простите меня, ради бога, я становлюсь желчен...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Это все от литературных занятий...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Нет, Владимир Васильич, скорее от служебных...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ах, да, да! Понимаю, что вы хотите сказать. Писателю неприлично служить, он не способен к службе... Совершенная правда, господин Зайчиков...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Понимаю и я, что вы хотите сказать... Действительно, я не стал бы служить, но не потому, что считаю службу недостойною себя, или себя не способным к ней. Я знаю, что следует служить и что я могу служить не хуже других... Но потому рад бы я был оставить службу, что в ней много возмутительной лжи и неправды, что даже в людях, считающих себя бескорыстными, один эгоизм и ни малейшей снисходительности, а не только самопожертвования...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. А вам хотелось бы, чтоб начальник снисходил всем уклонениям от службы подчиненного, чтобы он, может быть, даже из глупого сострадания щадил мошенников и взяточников?.. Вам этого бы хотелось?.. Это взгляд, недостойный даже поэта...

Д а ш е н ь к а. Ах, полноте, господа! Это даже скучно... Оставьте этот разговор.

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Нет, Дарья Анисимовна, позвольте мне ответить Владимиру Васильичу, потом даю вам слово ничего не возражать... Нет, не того бы я хотел, но желал бы, чтобы в людях, облеченных властью, было побольше сердца, чтобы они умели отличать настоящее зло от кажущегося, чтобы умели ценить людей, которые служат сорок лет, никого не обижая, не притесняя, окруженные любовью и доверием всех близких к ним людей, чтобы не пускали по миру целую семью за то только, что глава, ее вскормивший, вырос и воспитался на иных убеждениях, а умели бы оценить в нем настоящую честность, хотя и несогласную в формах с их собственною... Вы понимаете, чего бы я хотел, Владимир Васильич?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Горячо и бестолково, как и свой-

ственно настоящему поэту. Но я, как начальник, советую вам, милостивый государь, никогда не рассуждать так смело о поступках людей, которые стоят вас выше, следовательно, и видят дальше, у которых сфера деятельности шире вашей, а следовательно, и знания, и понимания больше вашего. Вместе с тем не мешало бы вам помнить, что для вас же очищается та дорога, с которой сталкивают все негодное, что, следовательно, если есть семья, которая должна идти по миру, так вы обязаны поддерживать ее... А для этого нужно не соваться вперед носа, не умничать, где не спрашивают, а делать дело, не манкируя им, выучиться сначала повиноваться, чтобы уметь повелевать и чтобы не потерять средств делать добро, если вы желаете его делать, хотя бы для вашей собственной семьи... Поняли вы меня господин литератор Зайчиков?..

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Понимаю, что во всем этом общие места, эгоизм, ни капли...

Д а ш е н ь к а. А вы дали слово, что больше не будете возражать...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Да, правда... Да оно и лучше молчать, а то, пожалуй, лишусь последних средств делать добро своей собственной семье, которая должна идти по миру для того, чтобы я мог ей помогать... Ну, не в добрый час я пришел к вам, Дарья Анисимовна... Лучше уйти... Прощайте...

Д а ш е н ь к а. Полноте, посидите...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Нет, не могу... Прощайте... Прощайте, Владимир Васильич...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Советую вам не уходить в другой раз из правления прежде времени.

Н и к о л а й П о т а п ы ч (*готовый выйти из гостиной, при последних словах приостанавливается*). И вот как достаются они, эти средства делать добро, равные тремстам целковых жалованья... Ценой рабской покорности и унижения... (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Владимир Васильич и Дашенька.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*презрительно*). Мальчишка!..

Д а ш е н ь к а. Зачем вы так презрительно с ним обходитесь?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*злобно*). А вам жалко его?

Д а ш е н ь к а. Конечно, жалко. Он славный молодой человек, умный, добрый... Я не понимаю только, что с ним сегодня сделалось...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. О, вижу, вижу ваши отношения. Он вам книжки носит, по вечерам свои повести читает... Какие нежные, идиллические отношения... И отец ваш смотрит на это равнодушно...

Д а ш е н ь к а. Да что вы, Владимир Васильич, разве тут есть что-нибудь непозволительное?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. О, помилуйте, возвышенные высокие чувства... Что же иное может питать душу поэтов...

Дашенька. Я вас не понимаю...

Владимир Васильич. Да я-то вас понимаю. Вы не умели меня ценить, вы меня дурачили, предпочли мне первого встречного мальчишку... Ну, так прощайте!.. О, я теперь понимаю, что все это значило... *(Входит Анисим Федорыч.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Анисим Федорыч.

Анисим Федорыч. Спешил, чтобы доложить вам. Дело по завещанию можно повернуть в вашу пользу; все одни получите... *(Вынимает из кармана бумагу.)*

Владимир Васильич *(сухо)*. Хорошо-с! *(Берет из рук Анисима Федорыча бумагу.)* Прощайте.

Анисим Федорыч. Куда же вы изволите?..

Владимир Васильич. В правление. У вас там беспорядок: чиновники не занимаются делом, самовольно уходят из присутствия...

Анисим Федорыч. Помилуйте... Все при своих местах... *(Следуя за уходящим.)* Владимир Васильич... Владимир Васильич, закусить не угодно ли?..

Владимир Васильич. Нет, не хочу... Прощайте... *(Уходит.)*

Анисим Федорыч *(к дочери)*. Что он, рассердился?..

Дашенька *(печально и рассеянно)*. Да...

Анисим Федорыч. На кого? За что?

Дашенька. На меня...

Анисим Федорыч. За что же это?.. Как же тебе не стыдно... Говорил я тебе... Вот что теперь будет... Ах, Дарья, говорил: будь любезна... Да за что же рассердился-то?..

Дашенька *(сидит молча и задумчиво, опустя голову на руку)*. Не знаю...

Анисим Федорыч. Как не знаешь?.. Ведь вот говорил... Ах, Дарья! Ах, Дарья! Что теперь будет...

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Анисима Федорыча.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дашенька (сидит в больших креслах, скучная и задумчивая, с работою в руках) и Анисим Федорыч (ходит из угла в угол по комнате).

Анисим Федорыч. И ночи не спится, и после обеда заснуть не мог... Я знал, что все так пойдет... И пошло... Пошли неприят-

ности... Теперь знай только оттерпливайся, пока по шее не прогонят... *(Остановливаясь против Дашеньки.)* Что, дочка?.. Утетила отца, одолжила... Умела заслужить... Добилась, что отца чуть из службы не гонят, что последний писаришка под нос ему смеется и ни страху, ни уважения никакого не показывает... Что?.. Рада?..

Д а ш е н ь к а. Помилуйте, папаша!.. Да чем же я-то виновата?.. За что вы на меня-то сердитесь?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Чем виновата?.. За что сержусь?.. Гм... Не понимаешь!.. Нет, как бы ты дура была, я бы на тебя не сердился и не взыскивал... С дурака нечего взыскивать... А ты не дура, ты понимаешь... Это все капризы одни... Баловство!.. Избаловал я тебя... К самовольству приучил... Так надо назло отцу делать, досадить, подразнивать — это ваше женское дело... Гм... не понимает... Ученьем своим, пансионом превозносишься, а отец, дескать, на медные деньги учился... Да через кого ты и образование-то свое получила, как не через отца?..

Д а ш е н ь к а. Папаша, да клянусь вам, я не понимаю, за что вы на меня сердитесь... Вторую неделю вы мучите меня этими упреками, а все-таки не знаю своей вины...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Не говори, не сердись... ты знаешь, что я для одной тебя и живу, и служу... Не в гроб же возьму с собой, что коплю... Для тебя же коплю... Я не дурному чему учил тебя, от дурного сам предостерегал!.. А хотелось, чтоб ты была помощницей отцу, хоть сколько-нибудь... Все устроил: правитель канцелярии меня уважал, советники заискивали, от просителей отбою не было. Первым человеком в губернии был... Совсем молокососа к рукам прибрал, все шло, как по маслу, а ты точно назло все испортила... Назло, на досаду отцу... Умела же любезничать с этим фертом Володькой Васильевым, пока ничего не говорил, а как только слово сказал, в предостережение сказал, так взяла да нарочно и поссорилась с ним тем же днем... Разве я твоих капризов не понимаю?.. А вот теперь, что наделала! Показал тебе хвост, много ли видела, и поговорить, полебезить не с кем, самой скучно, а отцу-таки досадила, мол... на!..

Д а ш е н ь к а. Это, наконец, невыносимо, папаша, это обидно... Чего вы хотите от меня, чего требуете?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Хотел, а теперь ничего не хочу, ничего не требую... Не умела держать, когда давался, а теперь не изловишь... Он сам ловок...

Д а ш е н ь к а *(с гневом и со слезами)*. Папаша, да чувствуете ли вы, что говорите? Ведь вы меня оскорбляете, унижаете...!

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ты оскорбляешься, девчонка... когда тебе нечем оскорбляться... А отцу ничего... Он и оскорбляться не должен, когда его того и смотри с позором да с бесчестьем из службы выгонят... И теперь уж на меня никто не стал внимания обращать... И теперь стали замечать, что не в ту сторону колесо повернуло... Да как и не заметить? Каждое присутствие неприятности, не говорит хорошенько, не смотрит; а чуть что, пустяки какие, так сейчас и придирака, и замечание... На писаря сегодня закричал, дураком или шельмецом, что ли, назвал, так и тот осмелился, пошел жаловаться

на меня, и мне же выговор при всех писарях и столоначальниках... А посмел ли бы всякая мелочь прежде идти на меня пожаловаться?.. Так разве мне это легко переносить?.. Вот другой день ни одного просителя не было. И те, видно, узнали... Прежде, бывало, что ни захочу, что ни посоветую,— все делал!.. А если и сам велит что сделать, да не по-моему, так уж будет так, как хочу, и увидит, что не исполнил,— молчит, точно не замечает... А теперь, что ни предложу, все наперекор делает... Как и просителям не узнать!.. А кто во всем виноват? Ты, ты виновата, из каприза из одного не хотела отца послушать... Хорошо, как уберется, в Петербург уедет, а если пробудет еще хоть с неделю,— прощай служба... Да еще в уголовную, пожалуй, упекут. От них станется, знаю я их, голубчиков... А все отчего вышло?.. От твоего каприза... Да она же еще и обижается, плачет... Вот оно баловство-то... Злость берет, лучше уйти... *(Уходит, крепко хлопнувши за собою дверь.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д а ш е н ь к а *(одна)*. Так вот что... Вот какую роль заставил меня играть родной отец!.. *(Переставая плакать, с грустным смехом.)* Славная роль для дочери чиновника-взяточника... Ведь это обидно, унижительно... *(После некоторого молчания, в раздумьи.)* Так разве я-то виновата, что полюбила его?.. Хоть бы и таким образом... А он... Разве это не любовь, что он терпел моего отца на службе?.. Он, бескорыстный и благородный... Он это делал для меня... Теперь я понимаю, почему он перестал ездить к нам: он подумал, что я в заговоре с отцом, что я только кокетничаю с ним, завлекаю его, чтоб он не отставил отца от должности... Зачем я не сказала ему, что люблю его, зачем дурачилась, скрывалась?.. Вольдемар, Володя, как бы ты знал, как бы ты умел догадаться!.. Неужели он уедет в Петербург совсем?.. *(Ломает руки.)* Господи, зачем я не сказала ему?.. Он уедет... Я не могу жить без него... *(Задумавшись.)* Чего я жалею... Кого?.. Отца?.. *(Горько улыбаясь.)* Для него все равно... *(Закрывая лицо руками.)* Вольдемар... Вольдемар... *(Плачет, потом быстро оттирает глаза.)* Разве не все равно страдать... Разве я виновата... *(Задумывается.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дашенька и Николай Потапыч.

Н и к о л а й П о т а п ы ч *(входя)*. Здравствуйте, Дарья Анисимовна...

Д а ш е н ь к а. А, здравствуйте, Николай Потапыч...

Н и к о л а й П о т а п ы ч *(пристально вглядываясь в Дашеньку)*. Что вы такая бледная, грустная?..

Д а ш е н ь к а. Нисколько.

Николай Потапыч. Простите меня, Дарья Анисимовна, но я замечаю, что вы очень изменились в последнее время и наружно и, кажется, нравственно: похудели, побледнели; ваша обычная веселость пропала, вы стали как-то печальны и рассеянны...

Дашенька (*равнодушно*). Может быть.

Николай Потапыч. Но ведь должна быть какая-нибудь важная причина такой перемены...

Дашенька. Конечно, должна быть, а может быть, и нет...

Николай Потапыч. Еще раз простите меня, Дарья Анисимовна. Мы еще не очень давно знакомы, но я успел так... оценить ваши достоинства... так искренно и глубоко... (*голос его немного дрожит*) предан вам, что мне тяжело видеть такую перемену...

Дашенька. Я не замечаю, чтоб изменилась сколько-нибудь в отношении к вам...

Николай Потапыч (*с чувством*). О, за себя я вам много, много благодарен... Но мне грустно за вас самих...

Дашенька (*с грустной улыбкой*). А за меня не беспокоиться. Всякий больше всего дорог для самого себя...

Николай Потапыч. Ну, не знаю, справедливо ли это. Могут быть у каждого такие люди, для которых мы с наслаждением готовы пожертвовать своим счастьем, жизнью, всем.

Дашенька (*вдруг оживившись*). Да... да... это может быть... я согласна... (*Опомнившись и стараясь скрыть волнение.*) Но... вероятно... это случается очень редко, как исключение...

Николай Потапыч. Без сомнения, для этого надобно любить так, как умеют любить немногие.

Дашенька (*снова оживляясь*). А признайтесь мне, вы любите когда-нибудь так сильно...

Николай Потапыч (*в совершенном смущении*). Я... я... я, может быть... Для чего вам это знать?..

Дашенька. Так, мне хотелось бы, чтобы вы определили это чувство, если испытали или испытываете его...

Николай Потапыч. Дарья Анисимовна, пожалуйста... Это поведет слишком далеко... А это... это бесполезно... Кончимте этот разговор...

Дашенька (*с необыкновенным оживлением*). Нет, ради бога, если вы любили когда-нибудь, расскажите мне, как вы любили... Я хочу, я непременно хочу говорить об этом. Если вы любили... если вы страдали... или были счастливы... расскажите мне...

Николай Потапыч. Но пощадите меня... я не могу... мне тяжело, невозможно... Ради бога...

Дашенька. Как верному другу, который вас любит, ценит... который вам будет сочувствовать, откройтесь мне... Ну, пожалуйста... Только все подробно день за днем, час за часом... все, все...

Николай Потапыч. Что вы делаете, Дарья Анисимовна?.. Чего вы от меня требуете?.. (*Схватывает ее за руку.*) Ведь я вас люблю...

Дашенька (*отскакивая от него*). Как?.. Меня?.. (*Смотрит на*

него.) Разве я... Въ серьезно говорите?.. (Сухо.) Я не ожидала, чтобы вы решились говорить мне такие вещи... Разве я подавала вам повод?

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Но ведь вы сами вызвали... Я не решился бы... Теперь все сделано... Я сказал вам... Вы сердитесь. Да разве я виноват, что полюбил вас?..

Д а ш е н ь к а. Да, да, я знаю. Вы не виноваты... Я не имею права сердиться на вас за это. Не любить не в нашей воле... Но ради бога для себя, для меня, если можете, разлюбите меня... Как другу, как брату я признаюсь вам, вам первому и последнему: я люблю другого, люблю давно и...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Я знал, видел это давно... догадывался и не ошибся... Но зачем вы это сказали, зачем не оставили хоть сомнения?.. Вам хотелось с одного раза оттолкнуть меня... О, я знаю, кого вы любите...

Д а ш е н ь к а. Говорите, говорите! Кого?.. Я признаюсь, если вы скажете правду... Я так долго молчала, что рада сказать вам все, все...

Н и к о л а й П о т а п ы ч (с горечью). Я вас не спрашиваю, мне не нужно вашей откровенности... Я знаю, что вы любите человека скверного, недостойного вас...

Д а ш е н ь к а. Как вы смеете так говорить?.. Неужели вы думаете, что только вы одни стоите любви?.. Никогда не смейте так говорить о нем, а то вместо дружбы я возненавижу вас...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. О, для меня лучше ненависть, нежели любовь ваша к этому человеку: он эгоист, бездушный фразер, который никого не любит, кроме себя, ни даже вас самих...

Д а ш е н ь к а. Да вы не знаете, про кого говорите. Он ваш благодетель...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Он мой благодетель?.. Он?.. Не за то ли, что дал мне должность тогда, как пустил по миру моего отца-старика?.. Он мой благодетель, когда с последней встречи у вас в доме старается притеснять и оскорблять меня на каждом шагу, зная, что должность мне нужна, чтобы поддержать мою семью?.. О, завтра же я сброшу с себя его тяжелое благодеяние, чего бы это ни стоило. Хоть с тяжким трудом, но я найду средство существования и без него.

Д а ш е н ь к а. Да вы врете, врете! Он благородный, бескорыстный, честный человек... Он не берет взяток, хотя сам бедный человек и мог бы очень скоро обогатиться... Он из любви ко мне не удалил от должности моего отца, тогда как... А вы хотите уверить, что он не любит меня...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Так знайте же! Этот человек в одно и то же время ухаживал за вами и за пожилою вдовой, почти старухой, за то только, что она богата и имеет связи в Петербурге... Видите: я слежу за ним и знаю, что он делает, больше всех и гораздо больше вас...

Д а ш е н ь к а (бедная и дрожащая). Вы клеветаете, вы лжете на него из зависти, из злобы... Этого быть не может... (Удерживая

истерические рыдания.) Я вас не спрашивала об этом... Вы это выдумали... Я не поверю... Я люблю его, а вас ненавижу...

Николай Потапыч (*смягчаясь*). Дарья Анисимовна... Я не хотел вас так огорчить... Я хотел вразумить, остановить вас... Простите меня...

Дашенька. Подите прочь... Вы хотели остановить меня... Нет, того нельзя уничтожить, что стало жизнью!.. Отец думал дать мне низкую, скверную роль... Он хотел меня сделать средством своих целей... Он ошибся... Это был первый человек, с которым я сблизилась... Я сама не знаю, как случилось, что полюбила его... Но я люблю его другой год... И он сам, мой Вольдемар, не знает об этом... Но разлюбить его никакие силы меня не заставят... Слышите ли? Его, его люблю я, а всех, кто про него говорит дурно, ненавижу, презираю... Слышите ли вы это?..

Николай Потапыч (*почти со слезами*). За что же я-то вас люблю?..

Дашенька (*откидываясь в изнеможении на спинку кресел*). Уйдите, пожалуйста... Оставьте меня... Вы не услышите от меня ничего утешительного... (*Николай Потапыч стоит молча, уныло опустя голову.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Анисим Федорыч.

Анисим Федорыч (*к Николаю Потапычу, не отвечая на поклон его*). Что вы тут шляетесь?.. Что вы тут торчите у меня?.. Вас никто не зовет сюда... а за вас там неприятности от начальства получай...

Николай Потапыч. Что вы хотите сказать?..

Анисим Федорыч. Что хотите сказать?.. Что сказал, то и говорю. Вы вот здесь незванный, непрошенный сидите, а Владимир Васильич приехал в правление, да мне неприятностей при всех наговорил, что вас не было там на своем месте...

Николай Потапыч. Завтра же, Анисим Федорыч, я избавлю вас от неприятностей ответственности за меня,— я завтра подаю в отставку...

Анисим Федорыч. И давно бы пора, а то и так бы выгнали... А здесь вам все-таки делать нечего, извините вы меня...

Николай Потапыч. Не ожидал я от вас подобной любезности... Впрочем, теперь я ничему не удивляюсь... (*Взглядывает на Дашеньку.*) Будьте счастливы... Я прощаю вас, Анисим Федорыч... (*Вздыхает и уходит.*)

Анисим Федорыч (*вслед ему*). Ступайте, ступайте... Каков еще!.. Прощение дает! Обойдемся и без него... Молокосос! (*Обращаясь к дочери.*) А ты, вместо того, чтоб отцовской воле повиноваться, на всякую дрянь вешаешься... (*Дашенька смотрит на него с изумлением.*) Что смотришь?.. Все твои штуки теперь понял.

Отец просил тебя в службе его поддержать. желал только расположение начальника удержать за собой... а ты вместо того около этого молодчика лебезишь, а тот на это злится, а отец из-за этого службу теряет... Дочь ты недостойная!.

Д а ш е н ь к а. Да перестанете ли вы меня оскорблять?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Не потерплю я распутства от тебя...

Д а ш е н ь к а (*вскрывает, как ужаленная*). Что?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. То... В монастырь отдам...

Д а ш е н ь к а (*закрывает лицо руками и падает в кресло*).

Это ад, а не жизнь...

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Ты у меня не смей и думать об этом нищем. От нас не тем пахнет... Он нам не пара... Знай, Дарья, я ничего для тебя не пожалею, жизнью пожертвую, все для тебя одной приобретаю, так ты мне плати тем же... Ну, Дарья... Даша... перестань... Я опять все дело поправил, чуть не на коленях у него прощения просил... Он прямо сказал, что он застал у нас Зайчикова, тот наговорил ему дерзостей, а ты за него же заступилась... Это его и обидело... Да и какой след советнику быть в одном месте с столоначальником?.. Я ему побожился Зайчикова в дом не пускать... Обещался сегодня приехать...

Д а ш е н ь к а (*живо*). Как? К нам приехать?

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Да... Ну, смотри же, Даша, веди себя умненько, так за все старое бог простит... А то ты видела, каков я, как что не по мне... Люблю тебя, а из моей воли не выходить... Ну, я уйду со двора. Вы помиритесь, а смотри, будь осторожна... Этого не забывай... Прощай же.. Вели чаю изготовить... (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д а ш е н ь к а (*одна*). Он опять придет . (*Хватается за грудь*.) Что со мной?.. Что я буду делать?.. И рада... и боюсь чего-то... и опять в прежней роли... Но что мне за дело, лишь бы он был со мной... Отчего же я вся дрожу?.. Сама судьба помогает мне... Папаша и не подозревает, что он делает... Но зачем он оскорблял меня?.. Разве я заслужила эти подозрения, эти упреки... Он не понимает меня... Он меня делает орудием своих целей... а я счастлива... И что такое в душе?.. Обиды не забыты... но я как будто довольна, что все это случилось... (*Схватывает себя за голову*.) Ну, лучше не думать... (*Молчит несколько минут, потом подбегает к зеркалу и смотрит-ся в него*.) Вот теперь не бледна... Вся горю... Что ж? Я хороша... Он не может не любить меня... Матреша, Матреша!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дашенька и Матрена.

М а т р е н а. Чего изволите, барышня?

Д а ш е н ь к а. Поправь, пожалуйста, мне волосы...

Матрена. Сейчас, сударыня, гребенку только возьму. (Уходит.)

Дашенька (садится). Что он будет говорить?.. (Задумывается.) Ну, что будет... (Входит Матрена.)

Дашенька. Ты, Матреша, прикажи согреть самовар и разлей чай сама, там в девичьей... когда я спрошу, и вели подать...

Матрена (приглаживая гребенкой волосы у Дашеньки). Да что, барышня, гости, что ли, будут?..

Дашенька (старается казаться равнодушною). Да, Владимир Васильич...

Матрена. Владимир Васильич!.. Ну, слава богу...

Дашенька. Что же это тебя так обрадовало?

Матрена. Да как, барышня, не радоваться! Сколько времени не бывали...

Дашенька. Так тебе-то что же?

Матрена. Да уж мы думали, что он совсем к вам ездить перестал...

Дашенька. Ну, так что же? Тебе ведь, я думаю, все равно?

Матрена. Да оно известно, что все равно, а одна же...

Дашенька (улыбается). Что одна же?..

Матрена. Ах, барышня, хоть мы люди у вас и не ваши, нанятые, а тоже привыкли к вам, любим...

Дашенька. Ну, так что же?..

Матрена. Ну, то и есть...

Дашенька. Да тебе-то что же, ездит ли к нам Владимир Васильич, или нет...

Матрена. Как это, барышня? Мы хоша люди, а тоже видим...

Дашенька. Да что же вы видите?

Матрена. Да как что? Все видим!..

Дашенька. Ну, что же, например?

Матрена. Так разве мы не видим, что как перестал только ездить к вам Владимир Васильич, так и с папенькой у вас пошли неприятности, и сами вы совсем другие стали... А вон теперь только духом-то его запахло, так вон как расцвели...

Дашенька. Какие ты глупости врешь... Для меня решительно все равно... Это так, здесь жарко... А у папеньки неприятности были по службе, вот он и был не в духе, сердился на всех и на меня...

Матрена. Ну, да хорошо, ладно, сударыня! Я говорю, мы хошь и люди, а тоже понимаем.

Дашенька. Да скажи, что же ты понимаешь?

Матрена. Так ведь надо правду говорить, барышня. Ведь уж сейчас видно, что жених с невестой.

Дашенька (притворно смеется). Вот что выдумала, чего быть-то никогда не может...

Матрена. Ну, да смейтесь, барышня, смейтесь, а ведь уж это все видно, не сыкритесь: как разошлись-то было, так не одни вы тосковали, и Владимир-то Васильич не больно весел ходил...

Дашенька. Это ты это как знаешь?..

Матрена. Ах, батюшки мои, мудроно узнать! Мы с ихним-то людям знакомы...

Дашенька. Подно, Матрена, какие ты глупости говоришь... Все вздор...

Матрена. Ну, да как угодно, сударыня, надо правду говорить... Что же! Эдакой жених вам не в обиду... этаких красавцев да молодыхцов поискать... Сокол барин!.. Надо правду говорить...

Дашенька. Ну, отстань же, Матрена, этого быть никогда не может... И я ему никогда не понравлюсь, и он мне не нравится... Папенька только потому так его уважает, что он его начальник, а для меня решительно все равно... Не говори никогда этих глупостей...

Матрена. Не прикажете, так не буду говорить. Это, как вам угодно... Тут гневаться не за что. Для вас же добра желаем... Вот погодите-ка, кажись, приехал... Приехал и есть... Так чай-от сейчас подавать, или погодить?..

Дашенька. Нет... погоди... Я скажу, когда... только приговляй теперь...

Матрена уходит.

Дашенька. Что это со мной?.. Как бьется сердце...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дашенька и Владимир Васильич.

Владимир Васильич. Здравствуйте, Дарья Анисимовна.

Дашенька. Здравствуйте.

Владимир Васильич *(садясь)*. Папенька ваш дома?

Дашенька. Нет... он ушел... скоро придет...

Владимир Васильич *(с улыбкой)*. Позвольте мне подождать его?..

Дашенька. Если вам угодно...

Владимир Васильич. Да вам это не будет неприятно?..

Дашенька. Разве когда-нибудь ваше присутствие было для меня неприятно?..

Владимир Васильич. Может быть, вы желали бы видеть кого-нибудь другого вместо меня...

Дашенька. Кого же другого?.. У меня так мало знакомых...

Владимир Васильич. Что и я даже могу быть приятным гостем. *(Усмехается.)* А может быть, например, хоть господина Зайчикова...

Дашенька. Зайчиков был сегодня, и папаша его почти выгнал из дома.

Владимир Васильич *(улыбаясь)*. А-а!.. Так вот причина того волнения, в котором я вас застал?.. Понятно...

Дашенька *(сквозь слезы)*. Владимир Васильич, вы-то за что меня оскорбляете?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Разве я оскорбляю вас?.. Может быть, вам досадно, что я отгадал ваше душевное состояние... Но чем же тут оскорбляться?..

Д а ш е н ь к а. Нет, вы не понимаете меня... Я в вас ошиблась... Вам весело смеяться надо мной... мучить меня... Зачем же вы говорили... уверяли меня?

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что я вам говорил? В чем уверял?

Д а ш е н ь к а. Неужели нужно напоминать вам ваши слова?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да, я не отказываюсь от своих слов, но... быть соперником Зайчикова,— не могу, быть игрушкой вашего каприза,— тоже не могу... Это не моя роль...

Д а ш е н ь к а. У вас никого нет соперников... Я никогда вами не играла...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Зачем же вы не хотите сказать мне то, о чем я вас спрашивал?

Д а ш е н ь к а. Я боюсь... Я не знаю... что мне мешает... *(Опуская голову на руку.)* Разве вы не знаете сами?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, Доротея, утешьте меня. Скажите... если вы меня любите... Ну, Доротея... *(Целует ее руку.)*

Дашенька целует его в голову. В соседней комнате слышатся громкие шаги и кашель Анисима Федорыча.

Д а ш е н ь к а *(быстро отдергивая руку, вполголоса)*. Папаша.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч *(стараясь скрыть волнение)*. Мне очень нужно бы видеть Анисима Федорыча, чтобы поговорить об одном деле... Досадно, что его нет дома...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Анисим Федорыч.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч *(как бы не замечая входящего Анисима Федорыча)*. Как вы думаете, скоро придет ваш папенька?.. *(Увидя его.)* А-а... да вот и Анисим Федорыч... Здравствуйте... А я только что приехал к вам... *(Подает ему руку.)* Куда вы это побывали?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч *(униженно раскланиваясь)*. А ходил-с в правление. Давеча позабыл захватить журналы, надо рассмотреть вечером... Дашенька, что же ты чаю... *(Дашенька быстро уходит.)*

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Благодарю вас, я пил... Ну, а что?.. Вы написали мне прошение по моему наследству?..

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Как же-с, как же... написал... Надо полагать, что дело выиграется в вашу пользу...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. А вообразите,— как отличился сорокинский становой пристав, помните, которого я хотел было отдать под суд. Открыл, батюшка, страшную сектантку, раскольницу, представил ее, книги, образа, множество интересных рукописей раскольничьих... Я виноват, ошибался в нем. Он молодец.

А н и с и м Ф е д о р ы ч. Чиновник распорядительный-с!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кабинет Владимира Васильича. Все вещи в беспорядке, какой бывает при сборах в дальнюю дорогу; по столам и стульям разложено платье, сапоги, разные свертки. На полу клочки разорванных бумаг. У одной стены чемодан. Поздний вечер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А н д р е й и М а т р е н а.

М а т р е н а. Так он сегодня едет, Андрей Капитоныч?

А н д р е й (*укладывая платье в чемодан*). Хотел сегодня ехать беспременно в ночь, а либо завтра об утра рано... А и то сказать! Кто его знает...

М а т р е н а. Так как же, вы совсем в Петербург, али на время только?..

А н д р е й. Кто его знает!.. Разве он станет со мной разговаривать?.. Небель-то продал: видно уж не приедет сюда.

М а т р е н а. Так вот вы как, Андрей Капитоныч, уедете от нас. Прощайте...

А н д р е й (*со вздохом*). Да... Мало здесь наблажили, в Петербург поедем себя показывать...

М а т р е н а. А что бы и вправду, чем ему здесь не жизнь? Зачем уехать хочет...

А н д р е й. Жить было хорошо. Теперича сколько просителей ходило кажинный день... Кто полтинник, кто четвертак сует, только доложи... Ведь сам-то ничем не пользовался, нет... эта у него была фанаберия... Ну, так меня больше и благодарили...

М а т р е н а. Что же он в чины, что ли, произойдет в большие там, в Петербурге?..

А н д р е й. Кто его знает!.. Может, невесту хочет себе искать богатую...

М а т р е н а. Так, значит, наша барышня, Андрей Капитоныч, так и останется... (*смеется*) ни при чем...

А н д р е й (*улыбается*). Вам лучше знать, при чем останется...

Оба смеются.

М а т р е н а. А молодец... Ловок! Дельцо свое обделал...

А н д р е й (*серьезно*). Ну... бог-от ведь накажет...

М а т р е н а (*принимая тоже серьезную физиономию*). Известно, что уж накажет... Чего только смотрел отец, этого я понять не могу, Андрей Капитоныч...

А н д р е й (*глубокомысленно*). Ну... всяк о своих делах думает...

М а т р е н а. А как она, бедная, в него влюблена это... до страсти!..

А н д р е й. Ну... девичье дело!..

М а т р е н а. Только какая скрытная... Ведь уж вижу, что у них делается, все вижу... А уж не скажет ни под каким видом... Когда нарочно об нем заговорю, так еще осердится... Ну, а уж чего тут... *(Смеется.)* Этого не спрячешь!..

А н д р е й. Ну, так ведь кому лестно про это рассказывать... Хоть бы до вас доведись...

М а т р е н а. Чтой-то вы, Андрей Капитоныч, разве я из таких...

А н д р е й. Ну, да ладно... Года мои только ушли, а то бы вы не увернулись от меня...

М а т р е н а. Навряд ли уж... Насчет этого гонците прочих... Ай, батюшки, закалякалась я с вами. Послали ведь за сухарями, да наслышана, что не сегодня-завтра собираетесь в дорогу: дай, думаю, забегу... А вы, ну-ка, на прощанье-то неприятности какие говорите...

А н д р е й. Ведь я не к обиде вашей, а так насчет всех... то есть женского вашего пола...

М а т р е н а. Ну, да хороши и вы, мужчины: сами во всем виноваты, а мы отвечаем...

Слышен звонок.

А н д р е й. Она!.. Видно, сам приехал...

М а т р е н а. Ну, прощайте, Андрей Капитоныч, счастливого вам успеха. Худом не помяните, а добром не за что...

А н д р е й. И вам также... *(Опять звонок.)* Ну, поспеешь... Эк!..

М а т р е н а *(у дверей направо)*. Прощайте же... *(Уходит.)*

Снова звонок.

А н д р е й. Да сейчас... Эк тебя!.. *(Уходит в дверь задней стены.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Владимир Васильич и Андрей.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, что же ты, уложился?

А н д р е й. Укладываюсь...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Укладывайся проворнее, да сходи за лошадьми, чтобы сейчас же приезжали... Слышишь?..

А н д р е й. Слышу... Маменька, сударь, опять приехали...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Как!.. Ко мне?

А н д р е й. Нету, а в город приехали. Кирюшка ихний прибежал, говорит, маменька в большем на вас гневе; наслышана, что вы наследство хотите отнять у нее, так судиться с вами хочет. Мне, говорит, не надо, а ему не уступлю...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, ну хорошо... Укладывайся поскорее, да лошадей...

А н д р е й. Так что же, мол, не у нас остановились? И видеть, говорит, его не хочу, а не то что... С чужих, говорит, не берет, а род-

ных хочет грабить... Батюшка, Владимир Васильич, ведь нехорошо...
Маменьку-то огорчаете...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*грозно*). Что-о? Ах ты сюсюка!
Наставления мне вздумал говорить!.. Это еще что!..

А н д р е й. Рабски докладываю, Владимир Васильич! Вся двор-
ня в ужас пришла от этого самого...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Молчать, осел!.. Скажи у меня еще
хоть слово... Пошел вон!..

А н д р е й (*угрюмо*). Зайчиков еще приходил... два раза...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Какой Зайчиков?

А н д р е й. Этот, что у вас в правлении служил... молодой...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что ему надо?

А н д р е й. Почему я знаю... Хотел опять прийти...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Не пускать... Скорей укладывайся...

А н д р е й уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*один*). Убраться бы отсюда по-
скорее... Надоел мне этот проклятый городишко... В Петербург, в
Петербург! Одного жаль: Доротею... Ну, что делать: сама виновата...
Такой страстной натуре, как ее, нельзя не поддаться... Тут никто
бы не устоял... Жениться на ней?.. А карьера, а служба, а обществен-
ная польза, для которой живу... Тесть-взяточник!.. Нет, это
невозможно... (*Задумывается.*) Э, да утешится... Поплачет и пере-
станет... Тот же Зайчиков женится... (*С усмешкой.*) Бессмертным
писателям всего приличнее исправлять ошибки смертных людей...
(*Ходит насвистывая.*) А жаль ее, бедняжку... Взял бы с собой, если
б не пугали последствия... (*Слышится звонок.*) Кто это?.. Неужто
Зайчиков?.. Чего ему от меня нужно?..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Владимир Васильич и Золотарев.

А н д р е й (*вбегая*). Дмитрий Николаич Золотарев.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*поспешно*). Проси, проси...

А н д р е й уходит.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*осматривая комнату*). Какой бес-
порядок! И свечка одна горит. (*Зажигает другую свечу.*)

Золотарев входит

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*идя к нему навстречу*). Изви-
ните меня, Дмитрий Николаич, как дорожного человека: у меня здесь
страшный беспорядок!.. Прошу вас покорно. (*Пододвигает кресло.*)

З о л о т а р е в. Сделайте милость, пожалуйста! Для меня все
равно... (*Садится.*) Вы у меня были сегодня...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Два раза заезжал, но не заставлял вас дома...

З о л о т а р е в. Виноват, виноват... захопнулся сегодня... Но я свою вину загладил, сам явился... Ну-с, так вы собрались совсем?.. Ну, желаю вам счастливого пути... успехов... генеральского чина...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*улыбаясь*). Благодарю вас, Дмитрий Николаич... Этого слишком долго дожидаться, не доживу!..

З о л о т а р е в. Э, еще доживете, молодцы!.. Должность, надеюсь, вам понравится. Вы будете всегда на виду. Начальник, ручаюсь вам, отличный человек, он вас оценит. Я с ним приятель лет пятнадцать и знаю его хорошо: он любит окружать себя такими даровитыми и бескорыстными чиновниками, как вы...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Благодарю вас, Дмитрий Николаич; я чувствую, какое добро вы для меня сделали... Без вашей рекомендации я никогда не надеялся получить такого места...

З о л о т а р е в. Э, пожалуйста, что за благодарности... Добра я никогда не делаю и в добродетельных людей не верю... Но должником никогда не остаюсь... Долг платежом красен, — вот мой девиз, и вот вся добродетель земных смертных... Без цели ничего не делается... Всякое дело требует вознаграждения... Требовать, чтобы человек делал что-нибудь даром, значит нарушать право собственности... А платить долги, вот, повторяю, величайшая добродетель, которой я только и требую от человека... Извините за многословие, но мне хотелось только оправдать себя перед вами и избавить вас от тяжелого чувства благодарности, которая, по-моему, то же, что неуплаченный долг... Вы исполнили мою просьбу, следовательно дали мне взаймы, я сделал для вас, следовательно расплатился, затем мы квиты и друг другу ничем не обязаны.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*с улыбкой*). Ваша философия и проста, и удобопонятна...

З о л о т а р е в. И, надеюсь, основана на здравом понимании человеческого сердца... Прибавлю еще маленькую сентенцию в дополнение, она послужит вам пищею для размышления во время дороги, да авось и пригодится, особенно в Петербурге... Вы вот не любите денег, получаемых не из рук казначея, а я уважаю их во всех видах и во всех руках; ну, о вкусах не спорят... Это ваше дело, вам так лучше, и я не советую вам изменять вашего вкуса... Вы так созданы, и оставайтесь тем, чем создала вас природа, ибо вкус зависит от природного характера. Но не забудьте двух вещей: во-первых, всякий должен каким бы то ни было образом заработать себе что-нибудь, чтобы пообедать и прикрыть свое брненное тело; во-вторых, самый страшный враг и самый верный друг — миллион... Но, может быть, ученого учить, только портить. Впрочем, ваше образование из книг, мое — из жизни, пополнять одно другим не мешает... Затем имею честь кланяться и пожелать вам счастливого пути и такого же успеха во всех ваших предначинаниях... Вы, кажется, укладывались; я вас остановил... (*Встает.*)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Нет, Дмитрий Николаич, я вас слушаю, как оракула, и удивляюсь вашей житейской мудрости...

Золотарев. А я редко говорю с кем о своих убеждениях так охотно, как с вами... Извините меня, но я полюбил вас душевно... Прощайте, мой любезнейший...

Владимир Васильич. Прощайте, добрейший Дмитрий Николаич... Еще раз благодарю искренно...

Золотарев. Ради бога, не называйте меня добрым и никогда не благодарите, а то я буду думать, что вы не поняли моей философии...

Владимир Васильич. О, понял совершенно и совершенно согласен. В этом вы можете быть уверены...

Золотарев. Надеюсь... Прощайте...

Владимир Васильич. Прощайте, Дмитрий Николаич...
(Обнимаются и целуются.)

Золотарев входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Владимир Васильич (*один ходит в раздумьи*). Он прав совершенно... Если бы все рассуждали так, как он, то бескорыстие и честность на службе никогда бы не оставались не вознагражденными, как это иногда случается... Да, жизнь учит лучше книг... Полчаса беседы с подобным человеком дороже десяти томов... Все убеждения, почерпнутые из книг, уясняются этой мудростью, вычитанною из книг жизни... Замечательный человек!..

Входит Дашенька в двери направо.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Владимир Васильич, Дашенька и потом Николай Потаныч.

Владимир Васильич (*с испугом*). Доротея, ты каким образом попала сюда?

Дашенька. Вольдемар, ты уезжаешь отсюда совсем, ты обманываешь меня, что воротиться... Ты хочешь бросить меня, оставить здесь, одну...

Владимир Васильич (*в замешательстве*). Кто это тебе сказал?.. Нет, я приеду опять... я в отпуск только...

Дашенька. Нет, нет, Вольдемар... ты и мебель продал, все... Ты не придешь... Ты разлюбил меня...

Владимир Васильич. Да как же ты решилась прийти сюда?.. Ну, тебя хватятся дома... Что подумают?..

Дашенька. Я ушла потихоньку, никто не видал... Здесь прошла через заднее крыльцо... Никто со мной не встретился... Вольдемар, я не останусь здесь... Ты возьми меня с собой...

Владимир Васильич. Помилуй, что ты, Доротея... Разве это возможно?..

Дашенька. Все возможно, если любишь...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Послушай, душа моя!.. Ты не понимаешь жизни... Как мне взять тебя?.. Ну, узнает твой отец, вступит-ся: я могу испортить карьеру, потерять службу...

Д а ш е н ь к а. Для меня отец мой должен быть страшнее, нежели для тебя, но видишь, я ничего не боюсь, я ушла от него... Вольдемар, я все потеряла... Мне невозможно жить без тебя...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Дорогая, душа моя!.. Да разве мне не так же тяжело расстаться, как и тебе?.. Ведь ты знаешь, я люблю тебя... Но это невозможно, моя радость... Погоди... Вот я съезжу в Петербург, устрою свои дела и опять приеду сюда...

Д а ш е н ь к а. Нет, Вольдемар, нет, одна мысль, что я не увижусь с тобой, одно ожидание может убить меня.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ах, Доротея! Я боюсь, право: дома тебя хватятся... Ты погубишь себя...

Д а ш е н ь к а. Я давно уже погибла... Только ты один для меня дорог... Вольдемар, пожалей меня...

В соседней комнате слышен шум.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (с испугом). Что это? Уж не за тобой ли?.. Ах, Доротея...

Д а ш е н ь к а. Мне все равно... Я не боюсь...

Г о л о с А н д р е я (за сценой). Говорят, не велено пускать...

Г о л о с З а й ч и к о в а (за сценой). Пусти, мне нужно... Пусти, говорят... А то я силой войду...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Доротея, прощай, уйди...

Д а ш е н ь к а. Нет, я не пойду...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (растерявшись). Ах, боже мой! Хоть спрячься вот сюда за ширмы... А я пойду туда... Это Зайчиков... (Почти насильно вталкивает Дашеньку за ширмы и идет к дверям. В это время двери с шумом распахиваются, и в них врывается Зайчиков.)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Что вы за шум там делаете?.. Как вы смеете насильно врваться в чужой дом?.. Что вам угодно?

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Что мне угодно? Мне угодно было проститься с вами... Я услышал, что мой благодетель уезжает, и пришел рассчитаться с ним...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Вы пьяны, вы шумите! Ступайте вон, а не то я вас велю свести в полицию...

Н и к о л а й П о т а п ы ч. Я пьян, — это правда... но пьян от горя и злости, пьян до того, чтобы высказать тебе гравду... Ты меня хочешь свести в полицию... Можешь, но прежде выслушай правду...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Эй, человек... Андрей...

Н и к о л а й П о т а п ы ч (схватывает его за руку). Погоди, герой честности и бескорыстия... Ты должен выслушать меня; я пришел сказать тебе спасибо за то, что ты чуть не убил моего отца, разорил мою семью, помешал мне быть ей полезным, почти выжил и меня из службы... Ведь отец пешком притащился сюда, узнавши, что я вышел в отставку: он меня винит в этом, называет сыном неблагодарным... Стой... Еще это не все... Ты держал при себе известного

взяточника-секретаря, а для чего?.. Для того, чтобы соблазнить его дочь, прекрасное, чистое создание... И ты достиг этого, подлец. Я все знаю... Страхом изгнания из службы ты заставлял отца потворствовать вашим отношениям... Ты увлек и погубил ее, неопытную...

Д а ш е н ь к а (*выходит из-за ширм, быстро подходит к Владимиру Васильичу и обнимает его*). Вы врете. Он ни в чем не виноват, я сама полюбила его.

Н и к о л а й П о т а п ы ч (*отскакивая в изумлении*). Дарья Анисимовна, вы ли это?.. Где вы?.. Он все задавил в вас — и стыд, и совесть...

Д а ш е н ь к а. Вас никто не просит быть моим защитником и принимать во мне участие; вам давно сказано, что я не люблю вас, ненавижу и люблю только его одного... Чего вам еще нужно?

Н и к о л а й П о т а п ы ч (*в исступлении*). Га!.. Так пришло время мести. Пришло время наказать этого мерзавца и вашего отца, который жертвует дочерью из корыстных целей... Оставайтесь же здесь, я сейчас приведу сюда вашего отца... (*Убегает.*)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ах, Доротея... Боже мой, что за несчастье!.. Уходите домой поскорее... ради бога... Андрей, готовы ли лошади?..

А н д р е й (*выглядывая в двери*). Лошади у крыльца.

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Выноси чемоданы проворней, живо... Доротея... Уйдите ли же вы?.. Чего вы еще дожидаетесь?

Д а ш е н ь к а. Так разве ты и теперь не возьмешь меня?..

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Да разве ты не понимаешь, что это невозможно?.. Чего ты хочешь? Чтобы погоня, что ли, была за нами, скандал сделать?.. Что это такое?.. Это невыносимо...

А н д р е й. Пожалуйте... Готово...

В л а д и м и р В а с и л ь и ч. Ну, прощай, ради бога, прощай... Я скоро опять приеду.

Д а ш е н ь к а (*на коленях*). Вольдемар... не оставляй меня... Подумай, что со мной будет... (*Обнимает его колени.*)

В л а д и м и р В а с и л ь и ч (*освобождаясь*). Боже мой! Говорят, это невозможно... Ты просто сумасшедшая... Или уходи скорей, или оставайся здесь... Я уеду... Что это такое?.. Вот ад!.. Вот казнь!.. (*Идет к дверям.*)

Д а ш е н ь к а (*ломает руки*). Пусть же мое проклятие преследует тебя всю жизнь, на каждом шагу... Господи... (*Всплескивает руками, рыдает и приклоняется к полу.*)

Через несколько минут слышен звон колокольчика

Д а ш е н ь к а (*вздрагивает и поднимается на ноги*). Уехал... Все кончено...

Медленно, пошатываясь, идет к дверям.

Занавес падает.

ЖЕНИХ ИЗ ДОЛГОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Комедия в одном действии

Действующие лица

ИВАН ИВАНОВИЧ ЧЕЖИН

чиновник, вдовец 50 лет.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА ГРЯЗОВСКАЯ

его свояченица, ярославская помещица, лет за 40.

МАКСИМ КУЗЬМИЧ ЛАДЫЖКИН

отставной чиновник, старый приятель Чежина.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ СЧАСТНЕВ

жилец в доме Чежина, за 30 лет.

ЛУША

горничная Грязовской.

Действие происходит в Петербурге, на Васильевском острове, в доме Чежина.

Направо, на первом плане, окно, на втором — дверь в комнату Грязовской, потом в сад, налево дверь в комнату Чежина, в глубине общий выход. Комната меблирована довольно богато.

ЯВЛЕНИЕ I

Счастнев и Луша (Луша несет кофейник в комнату Грязовской; Счастнев входит бледный, с длинными волосами и бородой, одет небрежно; он чем-то сильно озабочен.)

Счастнев. Дома Иван Иванович?

Луша. Нету-с. Да они сказали, что скоро будут.

Счастнев. Хорошо. Я подожду.

Луша. Марья Петровна у себя-с, они одеваются. Я сейчас скажу.

Счастнев. Не нужно, не нужно! (*Особо.*) Она мне всегда надоедает страшно. (*Ей.*) Я вот тут газеты почитаю. Да вот еще что как снесешь это (*показывает на кофейник*), поднимись наверх, в мою квартиру, и скажи Семену, что я здесь. Скажи: как только принесут письмо с городской почты, тотчас бы нес его сюда — слышишь? Скажи, чтоб непременно, сию же секунду нес!

Луша. Слушаю-с. (*Уходит к Грязовской.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Счастнев (*один, мрачно качая головой*). Жизнь! Жизнь! Неужели ты не улыбнешься мне? Неужели не сжалишься надо мною? Десять лет ты меня гладишь против шерсти! Десять лет, десять страшных лет я испытываю такие муки, каких никому не вынести и в десять месяцев! Десять лет жизни, от которой сохнет тело и теряется ум! Неужели наконец я не буду награжден? Нет! Нет! Я верю, что за терпение есть награда. (*Радостно.*) А если исполнится мое желание? Если я опять буду вольной птицей? Авьось, аввьось... (*В раздумьи.*) Доктора отказались — все в мою пользу!.. Ну, а как вдруг выздоровеет? Чем черт не шутит? Ну, уж тогда я, верно, удавлюсь — уж это верно! Тогда просто глупо, смешно, даже опасно оставаться на этом свете. Она может выиграть тяжбу и снова притянуть меня к себе! (*Смотря на часы.*) Одиннадцать! Скоро придет письмо, скоро. Вдруг как с черной печатью*... О, я не перенесу такого счастья! Дай загадаю на узелки: узел — жива, без узла — умерла. (*Вынимая узел.*) Жива! Жива! О, боже мой, какой я несчастный! Нет, загадаю пальцами: если сойдутся, значит умерла. (*Закрывает глаза и разводит пальцами.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Счастнев и Грязовская.

Грязовская (*с книгою, останавливаясь в дверях*). Мечтает! Он постоянно мечтает! Какая поэтическая натура!

Счастнев (*с отчаянием*). Не сошлись, жива! Еще раз загадаю, можно до трех раз. (*Гадает.*)

Грязовская. Испугаю его! (*Тихо подходит к нему.*)

Счастнев (*радуясь, что сошлись пальцы*). А!а!..

Грязовская (*басом*). У!

Счастнев (*отскакивая*). Ах!.. ай, боже мой!

Грязовская (*про себя*). Фантазер!.. ай, какой он фантазер!.. (*Протягивая ему руку.*) Здравствуйте.

Счастнев. Мое почтение, Марья Петровна. Извините, я вас не заметил.

Грязовская. Где ж вам заметить, когда вы носились в области эфира.

Счастнев (*сухо*). Вовсе нет.

Грязовская. Я сама тоже иногда люблю пофантазировать; знаете, приятно отделиться, хоть на некоторое время, от этой пошлой действительности; в особенности по прочтении какого-нибудь романа я всегда предаюсь мечтаньям. Не правда ли, ведь приятно вообразить себя героиней романа, представить себе все несчастья и радости и, наконец, отдать свою руку любимому рыцарю за непреодолимую верность?

Счастнев. Не знаю; я не мечтаю.

Грязовская я. Полноте, полноте! А сейчас что вы делали? Ну, скажите, к чему, или лучше сказать, к кому стремились ваши мечты?

Счастнев (*резким тоном*). Говорю вам, что я никогда не мечтаю и терпеть не могу мечтателей! (*Отходит к столу, берет газету и садится.*)

Грязовская я (*особо*). Как он похож на мсье Печорина! Один и тот же характер. (*Садится подле него.*) Я сейчас перечитывала «Героя нашего времени». Странно было бы спрашивать, читали ли вы этот роман?

Счастнев. Я его не читал.

Грязовская я. Ха-ха-ха!.. Полноте! Вы не читали? Никогда не поверю! Да разве может быть что-нибудь замечательное, чего вы не читали?

Счастнев. Уверю вас, не читал. (*Вздыхая.*) Вот уже десять лет, как я никакой книги в руки не брал.

Грязовская я. Мсье Печорин, кажется, тоже мало читал. (*Вслух.*) Ну-с, так вы его не читали, хотя я в этом очень сомневаюсь. Так я вам расскажу содержание. Герой этого романа ужасно похож на одного моего знакомого.

Счастнев. Вот как!

Грязовская я (*смотря ему в глаза*). Которого и вы знаете...

Счастнев. На Ивана Ивановича, что ли?

Грязовская я. Фи! Разве он может быть героем романа? Он человек без сердца.

Счастнев. Нет! Он хороший человек.

Грязовская я. Да, но взгляд, понятия...

Счастнев. У всякого свои понятия...

Грязовская я. Разумеется. Но оставим его! Герой этого романа молодой человек красивой наружности...

Счастнев. Как всегда в романах...

Грязовская я. С возвышенным умом и холодным сердцем. Он разочарован жизнью, вечно грустен и ни в чем не может найти себе удовольствия. Я читала и... вспомнила одного молодого человека, тоже постоянно печального и задумчивого... Не правда ли, что такой мужчина всегда понравится чувствительной женщине?

Счастнев. Может быть.

Грязовская я. Когда я жила в Ярославле, за мной постоянно была толпа обожателей; но из них ни один не производил на меня впечатления: у всех одна и та же приторная любезность, старые комплименты. Я искала человека с душой высокой, с непреклонным характером, который не надоедал бы нежностями, а любил бы гордо и величественно — вот как мсье Печорин.

Счастнев. И нашли?

Грязовская я. Кажется!

Счастнев. Ах, да! Ведь вы были замужем?

Грязовская я. О, нет! не мужа; я его уважала — царство ему небесное — но не любила. Я нашла этого человека по приезде моем в Петербург. Едва я увидела его...

Счастнев (*смотря на часы*). Двенадцатый!

Грязовская. Что вы смотрите на часы? Вам скучно со мною?

Счастнев. О, нет! Напротив... я так...

Грязовская (*продолжая*). Я женщина эксцентричная, характер у меня непреклонный... Если этот человек поймет мою благосклонность, я тотчас же соглашусь отдать ему свою руку. Состояние мое позволило бы мне увести его за границу, мы бы поехали под благословенное небо Италии...

Счастнев (*особо*). Вот еще одна ловушка! Бедный молодой человек, который польстится на ее деньги! Я оплакиваю твою участь.

Грязовская (*берет его за руку*). Что, если б вы были на его месте?

Счастнев (*вставая*). Мое почтение.

Грязовская. Куда вы?

Счастнев. Извините, мне некогда.

Грязовская. Вздор, вздор! Я вас не пушу. (*Берет от него шляпу.*) Иван Иванович придет, вы должны его дожидаться.

Счастнев (*особо*). Ах, черт ее возьми, как надоела!

Грязовская. Откройтесь мне, есть у вас друг?

Счастнев (*сурово*). Есть.

Грязовская. Познакомьте меня с ним.

Счастнев. Хорошо.

Грязовская. И вы, вероятно, открываете ему все свои тайны, все свои намерения? Этот друг предан вам всей душой, он готов для вас жизнью пожертвовать — не правда ли?

Счастнев. Не спрашивал.

Грязовская. Я уверена, что так. Я поговорю с вашим другом и узнаю от него тайну вашего сердца.

Счастнев. Мою тайну?

Грязовская. Да, вашу тайну. Не запирайтесь, я вижу, что у вас есть тайна, лежащая на дне вашего сердца...

Счастнев (*взглянув на часы*). Эти каналы, почтальоны, ползают, как черепахи.

Грязовская. Мсье Печорин не хотел первый заговорить о любви: он ждал, чтобы княжна Мери сама начала. Неужели и вы того же бы хотели? Послушайте, вы должны быть снисходительнее, вы должны сжалиться над положением бедной женщины. Подумайте, вы требуете от нее ужасного поступка! Вы должны понять по взглядам, по всему, что вы любимы: сделайте же сами первый шаг. Послушайте, ведь он сделал первый шаг...

Счастнев (*рассеянно*). Кто?..

Грязовская. Да мсье Печорин... Вы меня совсем не слушаете.

Счастнев. Извините, я жду письма... Может быть, его давно принесли. Позвольте узнать.

Грязовская. Я сейчас пошлю горничную.

Счастнев. Зачем беспокоиться? Я сам схожу.

Грязовская. Ах! Позвольте мне идти вместе с вами. Иван Иванович говорит, что у вас есть превосходные картины, а я имею

страсть к живописи. Воображаю, с каким вкусом убран ваш кабинет. Дайте мне вашу руку!

Счастнев (*особо*). От нее не отделаешься! (*Ей.*) Извините, у меня там не прибрано; я сейчас велю приготовить и буду очень рад...

Грязовская я. Ну, так в другой раз. А я вас все-таки не пушу. Луша, Луша! Она, верно, поливает цветы. (*В окно.*) Луша! Сходи к Николаю Михайлычу, узнай, не принесли ли письма?

Луша (*за окном*). Нет-с, почтальон еще не приходил.

Счастнев (*особо*). Не вырвешься!

Грязовская я (*смотря в окно*). Иван Иванович приехал.

Счастнев (*особо*). Слава богу!

Грязовская я. Кто это с ним? А! Максим Кузьмич (*отходя от окна*). Мсье Счастнев, пройдетесь по саду.

Счастнев. Мне нужно поговорить с Иваном Ивановичем.

Грязовская я. А мне нужно поговорить с вами. Я вас без завтрака не пушу, успеете наговориться с вашим Иваном Ивановичем. Дайте вашу руку. (*Берет его под руку.*)

Счастнев (*особо*). Конечно, я больше сюда ни ногой!..

Грязовская я (*особо*). Сегодня непременно я заставлю его высказаться. (*Нежно опираясь ему на руку.*) О, мсье Печорин! О, мой злой мсье Печорин!.. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Чужин и Ладыжкин.

Чужин (*ведет Ладыжкина за руку*). Я тебе задам!.. Я тебя выпорю! Я, братец, тебе этого не прощу!

Ладыжкин (*очень смиренный и тихий человек, говорит не бойко, движения связаны*). Помилуйте, Иван Иванович, за что вы на меня сердитесь? В чем я провинился?

Чужин. Каково! Еще спрашивает: «в чем?» А почему ты у меня вчера в доме не был?

Ладыжкин. Помилуйте, Иван Иванович, я и так часто... надо-ещь этак...

Чужин. Как ты осмелился не быть, когда я велел? Забрался в какую-то конуру и сидит там целый день!

Ладыжкин. Я к старой хозяйке приютился денька на два, на три; завтра съезжать надо...

Чужин. Тебе сказано: ходи ко мне каждый день. Ты этак не придешь день, потом неделю, а там и совсем прощай! Хорош приятель!.. Я тебя выкупил из долгового отделения, а ты ко мне в благодарность не хочешь и носа показать!

Ладыжкин. Иван Иванович, я чувствую и ценю...

Чужин. Да черт ли мне в твоём чувствовании?.. Тебе сказано: ходи ко мне каждый день — и ходи! Ты должен меня слушаться, ведь я за тебя внес двести пятьдесят целковеньких!

Ладыжкин (*скромно*). Иван Иванович, ведь вы взяли с меня заемное письмо в пятьсот.

Ч е ж и н. Да черт ли в твоём заемном письме?.. Что с тебя возьмешь? Ведь у тебя ничего нет...

Л а д ы ж к и н. Ничего-с, Иван Иванович. Сами знаете, служил я в провинции тридцать лет честно и беспорочно, ничего не нажил. Тут наехало новое начальство... стали заводить новые порядки... велели в отставку подать. «Ты-де, говорят, слабоумен». Подал... А чем жить-то? «Век, говорят, ныне купеческий, промышленный»... Подал я в отставку и бросился в торговлю... Приехал в Питер, занял несколько сотняг, стал торговать — и проторговался!.. Приятели не пощадили: упекли в долговое...

Ч е ж и н. Ха-ха-ха! Так тебе и нужно! Торговать! Уж куда те торговать!

Л а д ы ж к и н. Неспособен... вижу, что неспособен! За то целый месяц просидел в тюремном заключении! И если б не вы, Иван Иванович...

Ч е ж и н (*смягчаясь*). Ну, да, разумеется, моя воля! Так и быть, первая вина прощается. Садись! (*Садятся*.) Я тебе сегодня открою цель, для которой я выкупил тебя из долгового.

Л а д ы ж к и н (*с удивлением*). Цель?

Ч е ж и н. А неужто думаешь ты, что я так, с бухты-барухты взял и бросил деньги? Из одной дружбы, думал, что ли?.. Ха-ха-ха! Какой наивный!

Л а д ы ж к и н. Что ж это за цель, Иван Иванович?

Ч е ж и н. А вот слушай. Ты меня знаешь не первый год: я человек откровенный, что думаю, то и говорю. Терпеть не могу скрытности и притворства. Смотри же, и ты со мной не юли, не финти, а отвечай начистоту, по душе. (*Помолчав*.) Хочешь жениться?

Л а д ы ж к и н. Я?

Ч е ж и н. Ну да, ты.

Л а д ы ж к и н (*сконфуженный*). Отчего же... почему же... конечно... По крайней мере, я так думаю, что я от этого не прочь.

Ч е ж и н. Те-те-те! Не финти — сказано! Говори наотрез: да или нет? Говори: хочешь иметь деньги?

Л а д ы ж к и н. Деньги? Иван Иванович, вы сами это знаете!

Ч е ж и н. Ты ведь очень любишь прекрасный пол?

Л а д ы ж к и н (*потупя глаза*). Иван Иванович...

Ч е ж и н. Отвечай!

Л а д ы ж к и н. Вопрос щекотливый...

Ч е ж и н. Не юли!

Л а д ы ж к и н. Люблю-с.

Ч е ж и н. Поэтому и жениться хочешь?

Л а д ы ж к и н. Давно имел намерение.

Ч е ж и н. Ну, так ты и женишься! Вот те и вся недолга!

Л а д ы ж к и н. Иван Иванович, выведите из недоумения, объясните!..

Ч е ж и н. Ты ведь знаешь мою свояченицу Марью Петровну? <как она на твои глаза?

Л а д ы ж к и н. Дама, достойная любви и уважения!..

Ч е ж и н. Ее покойник занимал славное местечко и после себя оставил ей не один десяток тысконок чистоганом.

Л а д ы ж к и н. Какой он благоразумный человек!

Ч е ж и н. А сколько у нее всяких разных вещей!.. у!.. груди!.. и серебра, и золота, и бриллиантов!..

Л а д ы ж к и н. Скажите пожалуйста!

Ч е ж и н. Вот на ней-то я тебя и женю.

Л а д ы ж к и н (*в удивлении*). Иван Иванович, что вы говорите?!

Ч е ж и н. Женю — как пить дам! Я смеаю, что она нарочно из Ярославля приехала в Петербург, чтоб найти жениха и выйти замуж. На своей-то стороне, само собой, неловко: все ее знают, будут смеяться, а здесь и старше ее зачастую женятся и замуж выходят. Вот я вас и сосватаю! Так вот для какой цели я вывел тебя из тюрьмы на свет божий! После свадьбы я с тебя денежки по векселю сполна получу. Ну, давай-ка по рукам!

Л а д ы ж к и н (*протягивая руку*). Иван Иванович, не смею верить такому счастью. Я какой-то бесталаный человек, ни в чем мне нету успеха! На службе гроша не приобрел, начал торговлю — попал в тюрьму, сколько раз сватался и ни разу не женился... Кажется, что и теперь мне не будет удачи.

Ч е ж и н. Вздор, пустяки! Отчего это? Чем ты не мужчина? Мешковат маленько, да вот как поправишь свои обстоятельства — молодецом развернешься! В годах, правда, да и она не молоденькая! Главное дело, тебе немедленно нужно понравиться ей.

Л а д ы ж к и н. Немедленно? Послушайте, Иван Иванович, подумайте...

Ч е ж и н. Тебе нужно думать, а не мне. Хоть ты познакомился лично с ней не так давно, но она знает тебя по слухам с хорошей стороны; я уж постарался. Ты сегодня же должен с ней объясниться и сделать предложение.

Л а д ы ж к и н (*в испуге*). Сегодня?.. как сегодня?..

Ч е ж и н. Сегодня, непременно! Куй железо, пока горячо!.. Зевать опасно, здесь ведь Питер: того гляди подвернется какой-нибудь франтик общипанный — а они на таких невест как падки — тогда погибло наше намерение.

Л а д ы ж к и н. Я совершенно с вами согласен. Но сегодня... вдруг... посудите сами... я сроду никогда не женился и вдруг, без приготовления...

Ч е ж и н. Да чего тебе готовить-то?

Л а д ы ж к и н. Как чего? и бороды не побрил, и воротники смяты... завиться бы не мешало... к тому же обдумать надо...

Ч е ж и н. Вздор! Чем больше думаешь, тем хуже. Экспромтом лучше.

Л а д ы ж к и н. Нет, Иван Иванович, как вам угодно, а сегодня не могу начать такого важного дела. Пустите хоть завиться.

Ч е ж и н. Сказано нет, значит — баста. Как ты смеешь мне противоречить? Или опять захотел на старое место?

Л а д ы ж к и н. Нет-с, зачем же?

Ч е ж и н. То-то! Слушайся же, а не то на себя же и пеняй! Я сегодня же вас сведу, оставлю вдвоем, а ты должен объясниться с ней.

Л а д ы ж к и н (*покорно*). Хорошо-с, Иван Иванович, объяснюсь.

Ч е ж и н (*у окна*). Вон она гуляет в саду с Николаем Михайлычем. Ты ведь знаешь его?

Л а д ы ж к и н. У вас мельком видал.

Ч е ж и н. Тебе не мешает сойтись с ним. Марья-то Петровна к нему очень благоволит.

Л а д ы ж к и н. Уж не соперник ли это?

Ч е ж и н. Нет, он человек расстроенный, огорченный, да к тому же он женатый...

Л а д ы ж к и н. Как же, он у вас ведь живет один?

Ч е ж и н. Он разошелся с женой. Вот, брат, женщина-то, как порасскажет! Познакомься с ним: он тебе может быть полезен своими советами в семейной жизни. Я пойду туда и как-нибудь ее пришлю к тебе. Смотри же, не зевай!

Л а д ы ж к и н. Уж вы, пожалуйста, не беспокойтесь!

Ч е ж и н (*смеясь*). А любопытно было бы посмотреть, как он будет объясняться... воображаю, как это будет уморительно! Ха-ха-ха!

Л а д ы ж к и н. Вот вы и насмехаетесь, Иван Иванович! Этак я весь кураж потеряю.

Ч е ж и н. Смелее! Смотри же, будь наготове!

Л а д ы ж к и н (*останавливая его*). Послушайте, Иван Иванович, не лучше ли будет отложить это до... до... ну, положим, хоть до завтраго?

Ч е ж и н. А знаешь что, не лучше ли было бы остаться тебе на казенной квартире?*

Л а д ы ж к и н. Ну, хорошо-с... хорошо-с... Я только так сказал.

Ч е ж и н. И я тоже так сказал! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Л а д ы ж к и н (один).

Л а д ы ж к и н. Что ж, ведь это отличная штука — жена! Давно уж я собирался, да все не удавалось. Рискну теперь, авось — чем черт не шутит — может быть и выгорит! А славно бы... Вот, говорит, сколько у нее приданого-то! Пора бы отдохнуть от треволений жизни... уж умаялся; а в будущем ничего веселого не представляется, кроме тюремного заключения!.. Однако, боюсь, достанет ли у меня крабости поговорить с нею? Уж этот Иван Иванович! не сказав ни слова, взял да и сунул в омут головой! Как бы знал да ведал, почитал бы коть «Письмовник» Курганова*: там есть разные любовные рассуждения на все случаи для всех чинов. Позаимствовался бы кой-чем; а теперь как быть? С чего начать? Да и наружность нужно поблагообразить. Нет ли тут где поблизости цирюльни? Побегу поскорее! Ай! Адут! Верно, она! Вот и сердце заекало, и поджилки затряслись! Да

нет же! Скреплюсь, пересилю себя! Смелость города берет, была не была!

ЯВЛЕНИЕ VI

Ладыжкин и Счастнев.

Счастнев (*входит и садится на диван*). Фу ты, черт ее возьми!

Ладыжкин (*особо*). Нет, слава богу, не она!

Счастнев. Заговорила, замучила! Она просто ужаснее моей жены... (*Со вздохом.*) Впрочем, ужаснее моей жены ничего быть не может. Конечно, я сюда больше ни ногой.

Ладыжкин (*особо*). Это жилец: нужно последовать совету Ивана Ивановича и познакомиться с ним.

Счастнев (*особо, смотря на часы*). Двенадцатый в исходе, а письма нет как нет!

Ладыжкин (*раскланиваясь*). Мое почтение, Николай Михайлыч.

Счастнев. Ах! здравствуйте... Максим Кузьмич... если не ошибаюсь.

Ладыжкин. Точно так-с. Вы, кажется, изволили тепер гулять по саду с Марьей Петровной?

Счастнев. С ней.

Ладыжкин. Прекрасная дама-с!

Счастнев. Вы думаете?

Ладыжкин. Кажется, они к вам очень расположены.

Счастнев. Кажется, к несчастью!

Ладыжкин. Собственно поэтому я бы имел дерзость попросить вас замолвить им за меня словечко.

Счастнев. Для чего?

Ладыжкин (*застенчиво*). А вот видите... как бы это вам объяснить?.. Предмет щекотливый... У меня есть желание... Я уверен, что это останется между нами...

Счастнев. Разумеется.

Ладыжкин. Есть желание понравиться Марье Петровне — что вы на это скажете?

Счастнев. Желание очень натуральное. Кажется, это вам не будет стоить большого труда.

Ладыжкин. Дай-то бог, дай-то бог! Так знаете, чтоб облегчить трудность моего намерения, я и обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой, при случае вверните словечко в мою пользу... Скажите, что я вам друг и приятель... и разное этакое.

Счастнев. Уж вы не жениться ли хотите на ней?

Ладыжкин. Имею желание-с.

Счастнев. На кой черт?

Ладыжкин. То есть, в каком смысле: «на кой черт»?

Счастнев. Жениться-то на кой черт вы хотите? Вы никогда не были женаты?

Ладыжкин (с сожалением). Не имел счастья.

Счастнев. Оно и видно, что вы не имели этого счастья! Послушайте: хоть вы старше меня, но я опычнее вас в делах женитьбы. Послушайте доброго совета, не женитесь...

Ладыжкин. То есть собственно на Марье Петровне?

Счастнев. Ни на ком вообще, но на ней в особенности. Эта Марья Петровна ужасно похожа на мою жену.

Ладыжкин. А ваша супруга очень хороша собой?

Счастнев. Мила, как Юлия Пастрана!*

Ладыжкин. Гм.

Счастнев. Да дело не в лице; что лицо! А характером, манерой похожа. У этой Марьи Петровны точно такие же замашки, как у моей жены.

Ладыжкин. А каких лет ваша супруга?

Счастнев. Да вот так же, как и эта: около полстолетия!

Ладыжкин. Как странно! Вы — молодой человек, а супруга ваша...

Счастнев. Что делать! Бес попутал! Деньги проклятые всему причиной!

Ладыжкин (со вздохом). Ох, многим из-за них солоно приходится!

Счастнев. Теперь бы я такой глупости не сделал; а уж если б сделал, то повел бы дела на другой фасон! А то, подумайте, только что вышел из университета... состояние маленькое... места нет, а жизнь-то манит, и гулянья, и театры, и кондитерские... пошел долги делать! Ну, подумайте, ну где при столичном соблазне устоять молодому человеку?

Ладыжкин. Трудно, трудненько!

Счастнев. Просто невозможно!.. До того замотался, запутался, что просто хоть в петлю лезть! Вот тут-то и подвернулась моя Мегера Медузовна.

Ладыжкин. Кто-с?

Счастнев. Ну, да жена-то моя! Ей было лет около сорока, а мне только что минуло двадцать — ну, пара ли это? К несчастью, в это время у меня не было никакой любвишки — любвишка спасла бы меня — так нет же, не подвернулась и — погиб! К тому же еще приятели помогли: женись, говорят, у ней денег куры не клюют. Теперь не тот век, чтоб сентиментальничать да думать о любви, теперь нужно заботиться о существенном. Ну, послушался их, женился.

Ладыжкин. Вот и я теперь тоже следую дружескому совету.

Счастнев. Да это было бы еще ничего, что женился, только до свадьбы-то нужно мне было взять с нее нечто вроде дарственной записи или заемного письма в солидную сумму, я-то ничего этого не сделал! Да ведь умаслила, проклятая! «Душка, говорит, Коля, я люблю вас, как брата; вы будете моим другом; я вас ни в чем стеснять не буду; делайте все, что угодно, распоряжайтесь моим именем и деньгами, как вашими собственными,— словом, я буду у вас в полном

безграничном повиновении!» И вот за то, что я поверил ее обещаниям, она меня десять лет без остановки колесовала и пилила!

Л а д ы ж к и н (с ужасом). Пилила?!

С ч а с т н е в. Само собой, не физически, а морально — это еще ужаснее!

Л а д ы ж к и н (не понимая). Да... морально ужаснее.

С ч а с т н е в. Вот какой черт! На другой же день после свадьбы она меня посадила на диету; оттого что она, из опасения апоплексии, ест умеренную пищу, так и я изволь питаться картофелем и щавелем! Вина и в заводе не было! Денег только и давала, что на извозчика, да и то, когда пошлет по своей надобности. Даже платье для меня сама заказывала портному! Всем моим знакомым велела отказывать. Целый день сиди с ней да нежничай — вот те и все удовольствии!

Л а д ы ж к и н. Дама с характером! С характером!

С ч а с т н е в. Сначала я восстал против угнетения и начал борьбу. Назло ей стал делать долги; но с тех пор, как она уговаривала одного моего кредитора засадить меня в долговое отделение...

Л а д ы ж к и н. В долговое? Гм!

С ч а с т н е в. Я оставил эту привычку, начал было таскать у нее разные вещи, так она запирасть их стала. Во какой дьявол! Что ты тут станешь делать? Денег нет, от дела отбился, в голову ничего нейдет! Я был побежден! Отпустил бороду, стал стричься два раза в год, засел дома и покорился своей участи! Только и занятия, бывало, что лежишь на боку с трубкою в зубах, да лаешь на дражайшую половину или придумываешь, как бы ее до того разозлить, чтоб с ней апоплексия случилась или жила какая-нибудь лопнула.

Л а д ы ж к и н. Веселое времяпровождение!

С ч а с т н е в. И десять лет ведь так страдал. Вдруг судьба немножко сжалась надо мною. После дяди осталось одно наследство... И в одно ненастное утро я дал тягу от жены! Так и тут не спасся: тяжбу затеяла! Непременно требует, чтоб я жил с нею! Подкупает ходатаев, сорит им деньги на чем свет стоит! Поклялась перед образом: вкопец разориться, а уж притянуть меня к себе. На кой черт?

Л а д ы ж к и н. Надо полагать, что они к вам очень привязаны... Что же теперь вы намерены делать?

С ч а с т н е в. Вот видите ли, в том доме, где она нанимает квартиру, живет мой приятель. Он третьего дня был у меня и сказал, что моя жена простудилась и с ней сделались признаки холеры. Это известие привело меня в страшное волнение. Я просил приятеля уведомлять меня о ходе болезни. Сам-то я боюсь показаться в том доме: увидят, узнают, скажут жене, что я в Петербурге, а я отметился в Москву*. Вчера я получил от него письмо: ей хуже и хуже; доктора отказываются. Сегодня тоже должен получить от него известие, а до сих пор нет как нет! Я теперь как на ножах! То думаю одно, то другое. Ну, избави боже, вдруг как она...

Л а д ы ж к и н. Умрет?

С ч а с т н е в. Нет, выздоровеет. Ну, уж я тогда сам ноги протяну: мне такого удара не вынести. Я знаю ее характер: она не отступит-

ся от своего намерения; она меня засудит и проглотит; она сделает то, что меня выдадут ей головою! В продолжение этих десяти лет она из меня идиота сделала: чуть где нужно умом действовать, я путаюсь, теряюсь, чувствую сам, что поглупел! Посмотрите на меня: не правда ли, какой я желтый, скверный?..

Л а д ы ж к и н. Да, нельзя сказать, чтоб очень красивы!

С ч а с т н е в. А посмотрите мой портрет десять лет назад: кровь с молоком! Она меня таким манером раза четыре надувала: я два раза думал, что просто совсем умерла! За гробовщиком послал... нет-таки, ожила! Ну, уж зато после задала она мне жару!

Л а д ы ж к и н. Мне кажется, что у Марьи Петровны характер совсем в другом роде: они так добры, обворожительны...

С ч а с т н е в. Да и моя до свадьбы такая же была! А впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Только не советовал бы жениться!

Л а д ы ж к и н. Действительно, после того, что вы говорили. Но, знаете, иногда бывают такие обстоятельства, что рад не рад, а делать нечего! К тому же ваш пример не может для всех быть правилом: бывают и счастливые супружества. Так посоветуйте мне, пожалуйста — я в этих делах новичок — как мне начать касательно Марьи Петровны... чтоб успеть... то есть насчет женитьбы?..

С ч а с т н е в. Одно я только могу посоветовать: возьмите до свадьбы с невесты дарственную запись или заемное письмо и на другой день после свадьбы переезжайте от жены в другую квартиру — вот вам совет от сердца.

Л а д ы ж к и н (*жмет ему руку*). И на этом очень вам благодарен.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Чежин.

Ч е ж и н (*в дверях говорит кому-то*). Да поторопись! Поскорее!
С ч а с т н е в (*вздрыгнув*). Ай, она! (*Хочет уйти.*)

Л а д ы ж к и н. Батюшки! врасплох!

Ч е ж и н (*в дверях же*). И редиски, редиски побольше! И хересу хорошенького... да поскорее!.. (*Входя на сцену.*) Что с вами — а?

Л а д ы ж к и н. Ничего особенного.

С ч а с т н е в. Я думал, не Марья ли Петровна идет.

Ч е ж и н. Она туалет поправляет, сейчас выйдет!

С ч а с т н е в. Так мое почтение.

Ч е ж и н. Куда же вы? Я закусить велел подать: перехватим маленько.

С ч а с т н е в. У меня аппетита нет; я жду письма и пока не получу его, кусок в горло не пойдет... знаете, насчет того-то?

Ч е ж и н. Ну что... а? Есть надежда?

С ч а с т н е в. Боюсь надеяться!

Ч е ж и н. Авось. Почему знать? Так я письмо сюда велю принести. Посидите: Марья Петровна желает поговорить с вами.

С ч а с т н е в. Нет, никак не могу! (*Особо.*) Она мне до смерти надоела! (*Ему.*) До свиданья! Как получу, приду к вам. (*Смотря на*

часы.) Двенадцать!.. Ожидание — мука! О, как в это время у меня испортилась бы кровь, если б только прежде она не была совсем испорчена! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Чежин и Ладыжкин.

Чежин. Ну что, познакомился с ним?

Ладыжкин. Познакомился. Какой он прекрасный человек и как откровенный!..

Чежин. Он мог бы помочь тебе, если б не был такой, бог с ним, растерянный!

Ладыжкин. После его рассказов меня что-то страх берет.

Чежин. Тебе-то чего бояться? Не мальчишка: женишься не в его лета! А я с ней сейчас поговорил и узнал кое-что интересное. Она сказала мне, что не прочь от брака и если явится человек достойный и предложит ей свою руку, то не получит отказа — это ее собственные слова.

Ладыжкин. Неужели?

Чежин. Смотри же не робей! Сейчас она выйдет сюда завтракать: покажи ей свою любовь. Ты все был неразговорчив, а теперь употреби все возможности понравиться ей, потом я выйду и оставлю вас одних.

Ладыжкин (с испугом). Одних? Да зачем же одних?

Чежин. Чтоб ты мог свободнее объясниться. Валяй смелей! Не робей! Городи что-нибудь, только с жаром; упади, пожалуй, на колени... Вот она идет. Смотри, не успеешь ей понравиться, помни, что тебя ожидает!

Ладыжкин (в испуге). Ах, критическая минута! (*Оправляется.*)

Чежин (смотря на него). Какая у тебя смешная рожа!.. Ха-ха-ха!

Ладыжкин (плачевно). Иван Иваныч, не обескураживайте, не обескураживайте!

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Грязовская.

Грязовская (с книгой, останавливается в дверях и осматривается). А где же он, а?

Чежин. Кто? Максим Кузьмич? Вот он! (*Толкая его.*) К ручке!

Ладыжкин (едва прикасается к ее руке). Мое почтение, Марья Петровна! Как ваше здоровье?

Грязовская (невнимательно). Благодарю вас. (*Чежину.*) А где же мсье Счастнев?

Чежин. Он пошел к себе.

Грязовская. Зачем же вы его отпустили? Он обещался опять прийти?

Чежин. Да, как получит письмо.

Грязовская. Какой он странный!.. *(Садится на диван, про себя.)* Сейчас в саду я чуть-чуть не вынудила у него признание.

Чежин *(тихо Ладыжкину)*. Заметил, как она обрадовалась, когда увидела тебя?

Ладыжкин *(тоже тихо)*. А мне показалось, что она вовсе не меня ожидала встретить.

Чежин *(тоже)*. Эх, братец, ты не знаешь женщин! Хотя они очень рады встретиться с тем, кто им нравится, но никогда не покажут, что это им приятно — уж такая хитрость женская!

Ладыжкин. Да, если понимать так, то конечно... *(Луша с мальчиком вносят завтрак. Закуску, водку и вино ставят в глубине на столик, а кофе перед Грязовской.)*

Чежин. Давайте-ка! Адмиральский час — самое время червячка заморить. *(Хлопочет около закуски. Ладыжкин старается посмотреть в зеркало.)*

Грязовская *(мечтая)*. Он не так хорош, но чрезвычайно интересен! Как к нему идут борода и длинные волосы! Точно Торквато Тассо!

Чежин *(наливает две рюмки)*. Ну-ка, брат, пропустим по маленькой!

Ладыжкин. Не рано ли будет? *(Пьют и закусывают.)*

Грязовская *(наливая кофе)*. Иван Иванович, вам налить кофе?

Чежин. Нет-с, благодарю, не охотник! Вот Максиму Кузьмичу налейте, он любитель! *(Тихо ему.)* Ступай садись с ней рядом и закидывай удочки! Начни этак обиняком, да потом в жилку, в жилку!

Ладыжкин. Хорошо... не беспокойтесь... уж я знаю!

Грязовская. Извольте кофе.

Ладыжкин. Премного благодарен-с! *(Берет чашку и садится около нее; Чежин остается у закуски; помолчав.)* Вы это... книжку изволили читать?

Грязовская. Да, роман Лермонтова.

Ладыжкин. Хорошая книжка-с?

Грязовская. Разве у Лермонтова есть что-нибудь дурное?

Ладыжкин. Конечно... у Лермонтова не может быть... *(Хочет что-то сказать, но не находится и начинает поспешно пить кофе.)*

Чежин *(особо)*. Ну, замолчали!.. *(Наливает вина и подходит к ним.)* А что, Марья Петровна, говорят, у вас в Ярославле весело живут?

Грязовская. Да, у нас общество превосходное, именно можно сказать, что умеет жить!.. *(Ладыжкину.)* Вы не бывали в Ярославле?

Ладыжкин *(с сожалением)*. Никак нет-с, не бывал-с... не имел удовольствия... *(Быстро.)* Вот в Шлюшине так был.

Чежин *(ему)*. Да тебя про это не спрашивают! Какой Шлюшин...

Ладыжкин *(обидясь)*. Я очень хорошо слышу, Иван Иванович,

что Марья Петровна про это не спрашивают. Они спрашивают, был ли я в Ярославле, а я отвечаю им, что в Ярославле я не был-с!.. А что я был в Шлюшине, так это верно-с, даже неоднократно.

Грязовская. В столице имеют привычку смеяться над провинциалами. Здесь думают, что мы и веселиться не умеем. Это несправедливо... Может быть, в какой-нибудь глуши, в Пошехонье или Угличе — я не спорю, но в Ярославле... О! в Ярославле...

Ладыхкин. Ведь этот город, Ярославль-то, от медведя происходит.

Чежин. Что такое?

Грязовская. Как от медведя?

Ладыхкин. Как же-с, от медведя. Эту историю я в книжке читал: очень любопытная история. Вот видите ли, какой-то царь... как бишь его?.. Ах, да! Его Ярославлем и звали... именно Ярославль, был однажды этот самый царь Ярославль на охоте. Уж это было давно, очень давно, еще до Петра Великого был он на охоте, вдруг выскакивает медведь... Право, я не могу вспомнить и рассказать вам всю эту историю, а очень любопытно. В книжке это было так прекрасно, занимательно описано, там именно кончается тем, что царь велел в гербе этого города изображать медведя. И после я смотрел картинку, изображающую гербы всех губерний, и в Ярославской — точно, медведь-с.

Грязовская. Сколько я помню, в гербе нашей губернии есть точно медведь.

Ладыхкин (*довольный*). Медведь-с, медведь-с.

Чежин (*тихо ему*). Да полно вздор нести, начинай о деле!

Ладыхкин (*тоже*). Нельзя же так, сразу и бухнуть; я изда-лека.

Чежин. Да уж очень издалека! (*Вслух.*) А вы, Марья Петровна, не думаете опять в Ярославль ехать?

Грязовская. Нет, я распростилась с ним навеки. Хотя Ярославль моя родина, но там есть много неприятных для меня воспоминаний (*со вздохом*): там могила моего мужа!

Чежин. Ведь вы, кажется, с ним, покойником, не больно-то ладно жили?

Грязовская. Ах, да, к несчастью! Он не умел понять и оценить меня; он только и знал, что расчет и деньги...

Ладыхкин (*после монолога сделавшийся смелее*). Деньги — вещь хорошая.

Чежин. Зато теперь вы должны быть ему благодарны: он оставил вам славное состояние.

Грязовская. Конечно, в хозяйственном отношении он был чудесный муж, но что касается симпатии душ, до чувств...

Чежин (*Ладыхкину тихо*). Вот теперь она расчувствовалась — смелей!

Ладыхкин (*тихо ему*). Не понукайте, пожалуйста! Я исподволь, исподволь...

Чежин (*ей*). Попробовать бы счастья вам во второй раз...

Ладыхкин. Да-с, Марья Петровна, попробовать бы вам.

Грязовская (*жеманясь*). Что ж, если явится человек, умеющий понять и оценить меня, то я... не воспротивилась бы и решилась.

Чежин (*тихо Ладыжкину*). Слышишь, качай!

Ладыжкин (*тихо ему*). Уйдите Иван Иванович, при вас я не могу.

Чежин. Хорошо, только я подсмотрю в шелку, как ты будешь изъясняться.

Ладыжкин. Ну, так я не стану — воля ваша, если вы будете смотреть.

Чежин (*вслух*). Да что это так долго нейдет Николай Михалыч? Дай-ка я за ним схожу.

Грязовская. Сходите, сходите поскорее! Скажите, что я его ожидаю.

Чежин. Я его тотчас приведу. (*Ладыжкину.*) Ну, на приступ! (*Уходит; дверь, куда он ушел, остается непритворенной.*)

ЯВЛЕНИЕ X

Ладыжкин и Грязовская.

Ладыжкин (*подходя к двери*). Иван Иванович, отойдите, а то я ни слова не скажу. Отойдите, говорю вам, Иван Иванович, или божусь, что... (*Дверь затворяется.*) Ушел!

Грязовская (*про себя*). Подчеркну «я люблю тебя», и как он придет, не говоря ни слова, покажу ему. Это обезоружит эгоизм его.

Ладыжкин (*посматривая на графин*). Хватить нешто для куражу? Хвачу! (*Быстро подходит, скоро наливает рюмку, пьет залпом и закусывает.*)

Грязовская (*оборачиваясь*). Что с вами?

Ладыжкин (*откашливаясь*). П... По... перхнулся! Поперхнулся! Не в то горло попало.

Грязовская. Выпейте воды.

Ладыжкин (*вытирая слезы*). Ничего-с... прошло... (*Садится подле нее.*)

Грязовская (*помолчав*). Да Николай Михалыч точно к себе пошел, а не со двора?

Ладыжкин. К себе-с. Он теперь сам не свой. (*Вздыхая.*) Бедный молодой человек!

Грязовская. Вы жалеете его?

Ладыжкин. Да как не жалеть, помилуйте, как он рассказал свои тайны.

Грязовская (*быстро*). Он вам поверяет свои тайны? Так про вас-то он говорил мне?

Ладыжкин. Неужели он был так добр?

Грязовская. Да, он говорил, что у него есть друг, потому я давно хотела сойтись с вами.

Ладыжкин (*особо*). Спасибо ему! Не просивши замолвил.

Грязовская (*с энтузиазмом*). Скажите, вы ему преданы до гроба? Вы за него умереть готовы?

Ладыжкин. То есть в каком отношении?

Грязовская. Он вам открыл тайну своей души, причину своей грусти?

Ладыжкин. Открыл-с, признаюсь. Ужасное положение! Истрадался бедняга! Вы не знаете?

Грязовская (*кокетничая*). О нет, я давно угадывала! Женщины очень проницательны.

Ладыжкин. Он теперь в ужасном положении... сам не знает, что ожидает его!.. И надеется, и боится!

Грязовская. Чего ж ему бояться? Что меня касается, то я сказала Ивану Ивановичу и повторяю вам, что мне надоело вдовье положение, и я не прочь от супружества.

Ладыжкин (*особо, радостно*). Батюшки, сама начинает.

Грязовская. И если человек достойный предложит мне руку...

Ладыжкин (*особо*). Вперед! Не робей. (*Подвигаясь к ней*.) Марья Петровна, позвольте мне быть откровенным с вами. Я давно уже ищу случая поговорить с вами...! так сказать о состоянии вашего сердца.

Грязовская. О состоянии моего сердца! (*Особо.*) Понимаю, это он поручил ему выведать. (*Кокетничая.*) Я вас не понимаю.

Ладыжкин. Вы не думайте, что этим я хочу сказать что-нибудь дурное — нет-с, совсем напротив; или вы, может быть, подумаете, что я о себе много думаю; уверяю вас, что я совсем этого не думаю. Но если бы вы согласились, вы бы спасли человека. А знаете, какое это великое дело! Вы бы составили счастье и мое и...

Грязовская. Чем же я могу составить ваше счастье?

Ладыжкин. Чем? И вы спрашиваете чем!.. (*Особо.*) Ну, пан или пропал, рискуй!.. (*Стремительно бросается на колени.*) Марья Петровна...

Грязовская. Что вы делаете?

Ладыжкин. Прошу вас коленопреклоненный... вы сами изволили сказать, что звание... то есть состояние вдовы вам надоело... согласитесь же сделаться женою доброго и преданного мужа...

Грязовская (*с чувством*). Максим Кузьмич! Вы благороднейший и бескорыстнейший человек во всем мире! (*Протягивает ему руку.*)

Ладыжкин (*целует почтительно руку и, подымаясь с колен, особо*). Бескорыстнейший! О, если бы ты знала причину моей храбрости...

Грязовская (*тоже*). Чувство дружбы в вас развито в высокой степени.

Ладыжкин. Неужели?

Грязовская. Конечно, наше положение довольно странное...

Ладыжкин. Действительно, странное.

Грязовская. Мы никогда не говорили о браке, к тому же наше знакомство нельзя назвать продолжительным.

Ладыжкин. Оно продолжается не более недели...

Грязовская. О нет! Гораздо больше: около месяца, с самого моего приезда в Петербург.

Л а д ы ж к и н. Странно! (*Особо.*) А, да! Она меня давно знает — по слухам.

Г р я з о в с к а я. Я давно замечала... я ждала признания, но эгоизм стал стеной между нами... и теперь дружба взялась действовать в пользу любви. Как это превосходно! Гордость удовлетворена, согласие получено. И мсье Печорин был так же горд. Я понимаю этот суровый, непреклонный байронизм, я его понимаю.

Л а д ы ж к и н (*особо*). Вот этого я что-то не понимаю.

Г р я з о в с к а я. Я всегда утверждала, что дружба — самое высокое чувство, оно помогает во всех затруднениях жизни. Благодарю вас, друг мой, благодарю! (*Жмет ему руку.*)

Л а д ы ж к и н. О, Марья Петровна!.. (*Целует у ней руку, особо*). Она ж меня и благодарит! Да она пресговорчивая! Чего же это я так трусил? (*Смело.*) Поэтому я смею ласкаться надеждой отпраздновать в скором времени и свадьбку? Не томите, обрадуйте поскорее нежного и неизменного обожателя ваших восхитительных прелестей! (*Особо.*) Ай да я!.. (*Ей.*) Как Иван Иванович будет рад!

Г р я з о в с к а я. Я и сама не желаю медлить и откладывать. Когда он придет сюда, я явлюсь и торжественно объявлю ему день нашей свадьбы.

Л а д ы ж к и н (*особо*). Воображаю, как Иван Иванович разинет рот, когда она скажет ему об этом! (*Ей.*) Я сейчас приведу его сюда.

Г р я з о в с к а я. Ах, нет! Позвольте мне успокоиться: я так взволнована! Максим Кузьмич! Вашу руку! Я вас полюбила от души. Я буду благословлять тот день, в который мы увиделись с вами. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

Л а д ы ж к и н (один, в удивлении стоит несколько времени).

Л а д ы ж к и н. Вот сломил дело-то, так сломил! Ай да мсье Ладыжкин! Фу ты, черт возьми, как это все скоро уладилось! Однако, голова-то у меня! Как видно, не сеном набита: вдруг взял, да и повернул по-своему! Положим, что она и сама... не прочь, сама даже начала, но, все-таки, я человек замечательный. Я мало уважал себя, я цены себе не знал! (*Смотрясь в зеркало.*) Действительно, и в чертах лица заметно что-то такое особенное, у меня мозгу-то таки того, достаточное количество!

ЯВЛЕНИЕ XII

Л а д ы ж к и н и Ч е ж и н.

Ч е ж и н (*в дверях*). Ну, что, а? Она ушла. Объяснился ли?

Л а д ы ж к и н (*принимая печальную позу*). Извините, пожалуйста, Иван Иванович, никак не мог решиться.

Ч е ж и н (*рассердясь*). Ну вот, я так и знал! Да что ты, шутишь со мной что ли? Так-таки ничего путного и не сделал?

Л а д ы ж к и н. Извините, Иван Иванович, ничего.

Ч е ж и н (*еще больше горячась*). Черт же тебя возьми после этого! О тебе заботаешься, а ты и ухом не ведешь! Экое счастье упускаешь из-за своей робости проклятой! Подумай о своей голове, вспомни, где ты сидел неделю назад и куда опять можешь попасть. (*Ладыжкин смотрит на него, потом начинает громко хохотать; Чежин бесится.*) Прошу покорно, он еще смеется! Ну, чему ты зубы-то скалишь, сумасшедший?

Л а д ы ж к и н. А ты думал, я и вправду ничего не сделал? Ты думал, и в самом деле оробел? Нет-с! сударь ты мой, ты нас плохо знаешь! Уж если чего мы захотим, так поставим на своем.

Ч е ж и н. Что ты говоришь? Неужто?

Л а д ы ж к и н (*расхаживая по сцене*). Нет, мы дураки, мы мухортики!.. Где нам! Ха-ха-ха! (*Подходя к нему, резко*). Дело сделано, все покончено. (*Бьет его по плечу.*) Понял?

Ч е ж и н. Быть не может! Врешь, право, врешь!

Л а д ы ж к и н (*важно*). Объяснился, как следует, сделал предложение, получил согласие, дала руку поцеловать... И сейчас выйдут и здесь, при тебе, назначат день бракосочетания. (*Расхаживая по сцене.*) Мы дураки, мы олухи, где нам!.. Хе-хе-хе!

Ч е ж и н. Друг! Максим Кузьмич, дай облобызать тебя! (*Целуются.*) Молодец! Поздравляю! Руку!.. (*Крепко жмут друг другу руки.*) Я, братец, знал, выкупая тебя из долгового, что денег в печку не бросаю. Я был уверен, что если ты чего захочешь, то непременно достигнешь! Поздравляю, поздравляю! (*Опять целуются*).

Л а д ы ж к и н (*с развязностью*). Я, брат Ваня, у тебя возьму рубликов десяток... полтора. Пять рублей, которые ты мне дал по выкупе оттуда, все израсходованы. Нужно хозяйке отдать — гонит с квартиры — да заказать кое-что из платья.

Ч е ж и н. Вот тебе двадцать пять. Не мало ли?

Л а д ы ж к и н (*пряча деньги*). Довольно. Поверь, что после с благодарностью вдвое заплачу.

Ч е ж и н. Вот твое заемное письмо, на, разорви, уничтожь его.

Л а д ы ж к и н. Нет, это уж слишком!

Ч е ж и н (*повелительно*). Рви, говорю я тебе! Рви, Максим Кузьмич!

Л а д ы ж к и н (*разрывая письмо и бросаясь обнимать Чежина*). Друг, Ваня, вместо этих пятисот ты получишь тысячу.

Ч е ж и н. Изволь, согласен! Из дружбы к тебе я на все готов! Скажи-ка лучше, как это тебе посчастливилось?

Л а д ы ж к и н. Очень просто. Я ей объяснился в любви, а она, в свою очередь, сказала, что я тоже... (*поправляя воротнички*) давно произвел на нее впечатление. Ну, пятое, десятое, тары да бары, чмок в ручку, ну, само собой, меня в щеку...

Ч е ж и н (*толкая его кулаком в бок и подмигивая*). Плутяга!

Л а д ы ж к и н. Ой... полно! Нельзя же, братец, без того. Ну и, говорит, сейчас, говорит, при Иване Ивановиче назначу свадьбу.

Ч е ж и н. Хватил! Ловко подцепил!

Л а д ы ж к и н. Да уж так ловко, что не сорвется!

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Счастнев.

Счастнев (*он совершенно переменялся: лицо горит, глаза блестят, он весел до чрезвычайности, смеется и подпрыгивает; в дверях громогласно*). Друзья мои! Мои друзья! (*Бросается обнимать Чежина*). Друг и брат...

Чежин. Ой-ой! больно! Что с вами?

Счастнев. Что со мной? Что со мной? (*Бросается обнимать Ладыжкина*). Брат и друг!

Ладыжкин (*стараясь освободиться*). Пустите! Воротнички сомнете.

Чежин. Уж не получили ли вы радостного известия?

Ладыжкин. Как здоровье вашей супруги?

Счастнев (*с полным наслаждением*). Я свободен!

Чежин. Неужели?

Ладыжкин. Может ли быть?

Счастнев (*задыхаясь от волнения*). Свободен! Сейчас получил письмо... приятель уведомляет, что потому так долго не присылал письма, что моя покойная супруга... покойная! была очень опасна, и лишь отправилась, он отослал мне письмо. Вот, вот оно... (*Читает*). «Любезный друг»... Нет, не могу, рябит, читайте! (*Отдает письмо Ладыжкину*.)

Ладыжкин (*читая*). «Лю-любезный друг! Уведомляю тебя о кончине твоей супруги»...

Счастнев. Вы не можете представить, что со мною было, когда я прочел эти слова!

Чежин (*продолжая*). «Она скончалась в полном рассудке и с ясною памятью». Вот ее последние слова: «Оставляю все свое состояние моей компаньонке, мамзель Кох»...

Ладыжкин (*Счастневу*). Вас она забыла!

Счастнев. Зато я ее буду вечно помнить.

Чежин (*продолжая*). «С тем, чтоб она непременно продолжала начатую мною тяжбу с моим мужем, не щадя издержек, выиграла ее и заставила его уплатить все протори и убытки»...

Ладыжкин. Нет, она и вас не забыла.

Счастнев. Во какой дьявол!

Чежин. Вы можете затеять дело и требовать себе части.

Счастнев. Не нужно, ничего не нужно, отказываюсь. Я доволен тем, что наконец свободен! Я свободен! Я могу разгуливать по всем улицам Петербурга в полной надежде не встретиться со своей Иродиадой! Я свободен, как орел в небе, как лосось в Финском заливе... Я могу, пожалуй, жениться (*быстро*), но я этого ни за что не сделаю! О, моя неоцененная, многоуважаемая Олимпиада Аверьяновна, мир праху твоему! Каждый год, в день твоей кончины, я буду осыпать цветами твою могилу. А что ни говорите, господа, теперь, как она умерла, мне стало жаль ее! (*С притворным чувством*). Хоть мы с ней и не ладили немного, но все-таки она была прекрасная

женщина! (*Тихо им.*) Это, господа из учтивости!.. Про покойников всегда хорошо говорят. (*Громко.*) А какой я ей мавзолеей воздвигнуто! И сломленное дерево, и плачущая дева, и разбитая урна — все, все на нем будет (*сочиняя*).

«О, ангел чистый и безгрешный!
От нас — увы! Ты в небо улетел.
Остался твой супруг — страдалец неутешный
Оплакивать печальный твой удел!»

Вот и эпитафия готова!

Л а д ы ж к и н. Вы меня тоже можете поздравить: Марья Петровна согласилась вступить со мною в законный брак.

Ч е ж и н. Да, он славно обделал свое дельце!

С ч а с т н е в. А вы не исполнили мой совет?

Л а д ы ж к и н. Нельзя было! Вы не знаете моих стесненных обстоятельств.

С ч а с т н е в. Ну, после будете каяться! Да впрочем, как вы там себе хотите, женитесь, расходитесь, опять сходитесь — мне ни до чего теперь нет дела. Я счастлив и ничего более знать не хочу! Я должен наслаждаться своей свободой, я должен наверстать эти утраченные десять лет. Ну, да уж и наверстаю! Друзья моей юности! Где-то вы? Найду ли я вас? Возобновим ли мы наши теплые, задушевные беседы? Да, нужно, черт возьми! (*поет*):

Погулять по свету
Пожить нараспашку!

Друзья, братья, поймите мою радость, поймите мое счастье (*обнимает их*).

Ч е ж и н. Тс! Вот и Марья Петровна идет.

Л а д ы ж к и н (*охорашиваясь*). А! торжественная минута!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Грязовская.

Грязовская (*принарядившись*). А, все здесь! Я очень рада!

Счастнев (*бросаясь к ней*). Мое почтение, уважаемая Марья Петровна! Как ваше драгоценное здоровье? (*Целует у нее руки.*)

Я же, слава богу здоров, так здоров, как никогда не бывал!

Грязовская. Мсье Счастнев, что с вами? Я вас не узнаю. Какая перемена!

Л а д ы ж к и н (*развязно*). Есть от чего перемениться.

Счастнев. Я сейчас получил такое радостное известие, от которого можно с ума сойти.

Грязовская (*тихо Ладыжкину*). Послушайте, вы сказали ему?

Л а д ы ж к и н (*тоже*). Мог ли я умолчать о таком счастье?

Грязовская (*тоже*). Какой вы злой! Вы расстроили мой план: я готовила сюрприз.

Чежин. Марья Петровна, кажется, вас можно поздравить с началом благого дела?

Ладыжкин (*самодовольно*). Можно-с, можно-с.

Чежин. Доброе дело! Я сам вам это советовал.

Ладыжкин. Благодарю, Ваня! (*Жмет ему руку.*)

Чежин. Так не надо откладывать дела в долгий ящик; начьте поскорее день свадьбы, да и дело с концом!

Ладыжкин (*нежно*). Не томите, Марья Петровна!

Грязовская (*нежно смотря на Счастнева*). Вы тоже скорее хотите?

Счастнев (*весело*). Разумеется, чем скорее, тем лучше.

Грязовская (*с нежным укором*). Вы злой, мсье Печорин! Вы эгоист! Но так и быть, я вас прощаю!

Счастнев (*особо*). В чем я перед ней провинился?

Грязовская (*торжественно*). Наша свадьба будет через две недели.

Счастнев. И чудесно.

Чежин. Ай да Марья Петровна, молодца!

Ладыжкин (*шуточным тоном*). Через две недели? Помилуйте! Так скоро! У меня не успеет фрачная пара... Хе-хе!

Грязовская. А я желала бы венчаться где-нибудь в отдаленной церкви, за городом. Это будет, как в романах, и, если можно, пораньше утром — знаете, будет меньше любопытных, а то набьется полная церковь народу, окружат налой, смотрят прямо в лицо и вслух изъясляют свои мнения... Я бы желала венчаться даже до обедни. Это можно?

Чежин. Я думаю, можно!..

Ладыжкин (*шутя*). Помилуйте! До обедни! Так рано! Я не успею, я проспю! Хе-хе-хе!

Грязовская (*любезно*). Если вы не успеете на венчание, то прошу тогда ко мне на дом.

Ладыжкин (*пораженный*). Что-с?

Грязовская. Тогда приезжайте прямо к обеду.

Ладыжкин (*несколько времени смотрит на нее, выпуча глаза*). К обеду? (*Отводя Чежина в сторону, тихо.*) Иван Иванович, разве можно венчаться без жениха?

Чежин. Ты с ума сошел!

Грязовская (*Счастневу*). Что вы на это скажете?

Счастнев. Все, что вам угодно, драгоценнейшая Марья Петровна.

Ладыжкин (*тихо Чежину*). Я сам никогда не женился, на свадьбах бывал редко, но, сколько помню, жених всегда венчается вместе с невестой, а они говорят: «не успеешь в церковь, так к обеду»...

Чежин. Постой, братец, тут что-то не так! (*Ей.*) Послушайте, Марья Петровна, вы привели жениха в крайнее недоумение.

Грязовская Я? (*Счастневу.*) Чем я вас привела в недоумение?

Счастнев (*смотря на нее*). Меня?

Ладыжкин (*тоже*). Его?

Чежин (*тоже*). Как?

Грязовская Я. Да что вы на меня уставились? Что с вами?

Чежин. Я вам говорю про жениха.

Грязовская Я. Ну да, вот он, мой будущий жених! Николай Михайлыч. (*Протягивая ему руку.*)

Счастнев (*в ужасе отскакивая от нее, как обожженный*). Что-о?

Чежин. Он?

Ладыжкин. А я-то?

Счастнев (*изменившимся голосом*). Я?.. Жених?!.. Ваш?.. (*В страхе озираясь.*) Куда я положил мою шляпу! Передайте мою шляпу! Где моя шляпа?

Грязовская Я. Мсье Счастнев, что с вами? (*Хочет подойти к нему*).

Счастнев (*прячась за стол*). Позвольте... дальше... дальше от меня! Извините, вы ошиблись, я на вас и не думал жениться.

Грязовская Я. Как? Что такое?

Счастнев. Да больше ничего, как мое почтение! Я рад, что от своей жены отделался.

Грязовская Я. Так вы женаты?

Счастнев. Теперь вдовец! Жениться во второй раз не имею никакого желания, не потому, что нахожу что-нибудь дурное в этом— о, нет! брак дело священное; я просто чувствую себя недостойным такого счастья... Иван Иванович! Завтра же, извините, я оставляю вашу квартиру: она мне неудобна! Мое почтение. (*Особо.*) Вот те черт! Чуть-чуть не попал из огня да в полымя! Мне жениться! Помоги, господи, убраться! (*Им.*) Прощайте! (*Убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же, кроме Счастнева.

Чежин (*толкая Ладыжкина*). Послушай, что ж это такое? Что ты тут напутал?

Ладыжкин (*стоит, как убитый, бессознательно*). Напутал?..

Грязовская Я (*рассвирепев*). Как? Так это была насмешка? Прощу покорно! Очень вам благодарна, Иван Иванович! Я приехала из чужбины, обратилась к вам, как к доброму родственнику... я даже честь вам сделала, не хотела вас обидеть, остановившись в гостинице, а вы вот какие штуки позволяете со мной делать вашим жильцам? Да вы думаете, милостивый государь, что я провинциалка, так и позволю смеяться над собой, как над дурой? Что это такое? Он сам за мной начинает ухаживать, сам предлагает мне руку чрез своего друга, и потом, когда я соглашаюсь на его пред-

ложение, объявляет вдруг, что он женат, что он вдовец, а потом убегает, как сумасшедший! А! Так это была насмешка! Очень, очень вам благодарна. Но я смеяться над собой не позволю!

Ч е ж и н. Марья Петровна, успокойтесь: никакой насмешки тут не было!.. Вот этот безумный все перепутал! Ведь это он за вас сватался.

Г р я з о в с к а я. Как? Он? (*Грозно подходя к нему*). Так это вы, вы сами хотели на мне жениться?

Л а д ы ж к и н (*в испуге пятясь от нее, слабым голосом*). Вино-ват... не нарочно!

Г р я з о в с к а я. Еще лучше! (*Чежину*.) Уж вы хуже-то никого не могли найти? Как же вы могли подумать, вообразить, что я, с моими достоинствами и состоянием, соглашусь взять себе в мужа такой мешок с картофелем? Да за меня в Ярославле сватался советник палаты из гусар, собой молодец, да я и на того смотреть не хотела, а то польщусь теперь на такие обноски! (*Показывает на Ладыжкина*.) О, как вы меня обидели!.. До самой сердечной глубины обидели! Нет... я здесь часу больше не останусь, уеду за границу, в Париж или в Италию... не то что в Италию, в Сицилию, поселюсь на вилле, буду наслаждаться природой, гуляя с красавцем, итальянским гидальго, по берегам Атлантического залива!! Эй, Луша! Забирай все, мы сейчас переезжаем отсюда в Знаменскую гостиницу! С этих пор прошу вас не считать меня своей родственницей... Прощайте! О, как я в нем ошиблась! Он только наружно был похож на мсье Печорина. Нет, теперь я вижу, что Печориных больше нет, по крайней мере в Петербурге. Лушка! приготовляйся! (*Уходит в гнев*.)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Ч е ж и н и Л а д ы ж к и н (Ладыжкин стоит без движения, опустя голову; Чежин тоже, как ошеломленный; молчание).

Ч е ж и н. Батюшки! Что ж это такое? Мои деньги, предприятия — все лопнуло! (*Грозно Ладыжкину*.) Ну, почтеннейший Максим Кузьмич, что скажешь, а?

Л а д ы ж к и н (*тихим голосом*). Ничего...

Ч е ж и н. Немного же!.. Да, послушай, ты кто? Плут естественный или дурак набитый?

Л а д ы ж к и н (*тихо*). Не знаю.

Ч е ж и н. Как же это все случилось? Отчего произошла такая пуганица? Верно ты не так объяснился, переврал, а?

Л а д ы ж к и н. Не знаю.

Ч е ж и н (*горячась*). Что ж после этого у тебя на плечах-то вместо головы надето?

Л а д ы ж к и н. Ничего не знаю.

Ч е ж и н. А я только одно знаю, что я дурак, потому что связался с дураком! Ведь нашло же на меня такое затмение! Дернул

черт выкупить его из тюрьмы!.. А все старая дружба виновата! Видимое дело, что человек — дрянь! Был на службе — ничего не приобрел, стал торговать — в тюрьму засадили. А уж я тебе моих денег не прощу. Посидишь ты у меня на казенной квартире! За год, за два, за десять лет внесу вперед кормовые деньги. Ах ты плут! Да он и вексель-то разорвал, вот и клочки валяются! Хорош молодец! Даром что смотрит таким тихомолкой! Да нет, погоди! Я подберу эти клочки и явлюсь с ними в совестный суд*, там нас разберут. Уж быть тебе опять в долговом!.. Ну, чего стоишь? Отправляйся! Вот твоя шляпа! *(Надевает на голову шляпу.)* Ах, да! Подавай-ка двадцать пять целковых! Вишь, какой проворный! Ну, давай! *(Ладыжкин запускает машинально руки в задние карманы.)* Ну, куда лезешь! В жилетку положил! *(Ладыжкин бессознательно вынимает из жилетки ассигнацию и держит ее; Чежин вырывает ее от него.)* Ну, теперь прощай! Приготовься: завтра же подам на тебя жалобу в совестный суд, а через несколько дней ты опять будешь на старом месте. Что глаза-то выпучил? Или вместо долгового не посадить ли тебя в сумасшедший дом?

Л а д ы ж к и н. Не знаю.

Ч е ж и н. Ничего не знаешь! Э-эх! Фалалей, Фалалей!.. Было счастье под носом, да ловить не умел! Ну, убирайся! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

Л а д ы ж к и н *(один, стоит несколько времени без движения)*. Неудача... везде... всегда... Что делать? Как быть? В виду тюрьма... Впрочем, что ж? И там живут... Эх! *(Бессознательно осматривается, подходит к столу и наливает водку.)* С горя! *(Пьет залпом, берет закуску, подносит ко рту и опять кладет.)* Нейдет! *(Отходя от стола.)* Гм! Куда теперь... Куда... к хозяйке — спросит деньги... а где деньги. *(Шарит в карманах.)* Фу-фу! Ни зерна!.. Ну да, авось, добрые люди помогут...а впрочем. *(Подумав.)* Затем — прощайте!.. *(Кланяется и тихо уходит.)*

Занавес.

Д. В. Аверкиев

КОМЕДИЯ О РОССИЙСКОМ
ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКАБЕЕВЕ И
СТОЛЬНИЧЕЙ НАРДЫН-НАЩОКИНА
ДОЧЕРИ АННУШКЕ

В пяти действиях

*Памяти Евгения Николаевича Эдельсона**

Действие происходит при Тишайшем Царе; первое — на посаде близ Новгорода; второе — в усадьбе Нащокина, там же; третье, четвертое и пятое — на Москве. По времени первое и второе примерно на святках*; третье в середине апреля; четвертое и пятое в мае.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Действующие лица

ВЕЛИК-БОЯРИН
с Москвы наезжий.

ФРОЛ СКАБЕЕВ
бедный дворянин.

ЛЫЧИКОВ САВВА АЛЕКСЕИЧ
стольничий сын.*

ВЕЛИК-БОЯРСКИЙ ДВОРЕЦКИЙ.

ПЛОЩАДНОЙ ПОДЪЯЧИЙ.

СБИТЕНЩИК.

ВАНЬКА

СЕНЬКА

АНТИПКА

} мужики.

АКСИНЬЯ ПАХОМОВНА
Нардын-Нащокиной Аннушки мамка.

МОЛОДКА.

ВЕЛИК-БОЯРСКИЕ СЛУГИ. ЛЫЧИКОВА СЛУГИ. НАРОД ВСЯКИЙ.

Зима. Площадь на посаде. Налево лавочка подъячего, направо кружало Народ ходит и толпится.*

Площадной подъячий (*перед своей лавочкой*). Эй, народ православный, господа честные! милости просим, пожалуйста сюда! Не надо ль кому написать чего: кому кабалу*, кому грамотку, царю ль челобитье великое. Недорого возьму: чернила-бумага по своей цене, подъячему на хлеб что кому в моготу, магарыч какой бог пошлет. (*Молодка бежит.*) Молодка! Эй, молодка!

Молодка. Чего те?

Подъячий. Грамотки не надо ль милому настрочить? Може, на Москву в драгуны взяли?

Молодка. Типун те на язык, чертов крюк! Ишь, в дрыгуны взяли! Самого драть, дрыгун ты проклятый. (*Проходит.*)

Подъячий (*ей вслед*). Не сердись, молодка, наше дело такое, письменное. (*Входят три мужика, мнутя на месте.*) Сюда, сюда! ко мне, милости прошу! Вижу, ох! вижу, по всему-то вижу: кабалу писать надоть.— За что пошли? — Сейчас настрочу. (*Входит в лавочку и вынимает все свои припасы.*) Как звать-то?

Ванька. Что ж, Сенька, писать, что ль?

Сенька. Писать ли?

Ванька. А что?

Сенька. Приказчик, бают, лют.

Ванька. Лютой?

Антипка. И... и... и... беда!

Сенька. Поспрошать бы кого.

Антипка. Что с спросом, что без спросу, все одно. И... и... и... беда!

Подъячий. К кому, молодцы, задаться хотите?

Сенька. Велик-боярин с Москвы наехал — слышал ли?

Подъячий. Ивано-т Парамоныч? Как не слышать! Кормилец, милостивец, отец родной. До нищей братии щедр, до церквей благопешен, во благочестии преизобилен.— Вы за что задались-то? Всем одну писать, аль каждому особь?

Ванька. Как же, братцы?

Сенька. Нечего делать, писать надоть.

Антипка. И... и... и... беда!

Подъячий (*Ваньке*). Тебя как звать-то?

Ванька. Иваном пиши; Иван Васильев; прозвище Лукошко.

Подъячий. Ладно. За много ль задались?

Ванька. А за три.

Подъячий. Ой ли?

Ванька. Верно. За три и пиши. А что?

Подъячий. И дорого ж взял! Ноне за полтора идут.

Сенька. Врешь?

Подъячий. Провалиться.— Еще с радостью. (*Ваньке.*) Ну, тебе первому. (*Сеньке и Антипке.*) А вам, братцы?

Сенька. А поглядим, ладно ль напишешь.

Подъячий. Я-то, площадной подъячий, да не ладно напишу? Може, за свой век, кабал ста с четыре настрочил. (*Примерива-*

ется.) Ну, теперь, чур, молчать, под руку не говорить; собьюсь как раз. *(Пишет и под нос бормочет.)* Сего семь ты... сто... года... кабалу... за-а ро-осты...

С б и т е н щ и к *(входит справа, и потом как раз мимо подьячего проходит и шибче орет)*. Сбитень горячий, сбитень! Медового сбитня! Кому сбитня, кому горячего-медового!

П о д ь я ч и й. Ох, чтоб те! Чуть не сбил. Под руку орешь.

С б и т е н щ и к. Небось, на себя не напишешь! Знаем мы вас: на руку охулки не положите! Обими народ обираете!

П о д ь я ч и й. А за эти слова не хочешь ли...

С б и т е н щ и к *(уходя)*. Чего? *(Уходит.)*

П о д ь я ч и й. А к воеводе?*

Входит Фрол Скабеев.

Ф р о л. Кого к воеводе? Крапивное семя? Воеводе не треба: свой огород крапивой засеян.

П о д ь я ч и й *(выходя из лавочки)*. Фролу Скабеичу, другу любезному!

Ф р о л. Лисий хвост, не вертись! Не поверю.

П о д ь я ч и й. Чему верить не хочешь, милостивец?

Ф р о л. Скажешь, у Велик-боярина не был, на Фролку, ведомого ябедника и плута, челобитья не писал?

П о д ь я ч и й. Слыхом не слышал, видом не видал.

Ф р о л. А рукою писал?

П о д ь я ч и й. Наплели, государь, нанесли на меня.

Ф р о л. Ты-то что в челобитье наплел? Ну? Не верти хвостом, говорю.

П о д ь я ч и й. Ох, Фрол Скабеич, друг мой любезный, сам ведаешь — чего со страху не напишешь! Под кнутом-батогом, не то на другого, на себя наплетешь. Спину-то всю батожем да кнутьями исписали. Охо-хо-хо, так и ломит! *(Хватается за голову.)*

Ф р о л. В спину били — голову с боярских медов заломило. Эх ты!

Едет мамка на одноконных санях.

М а м к а. К куме, Пронька, пошел!

Ф р о л *(в сторону)*. На ловца зверь! *(Подьячему.)* Ты постой, я с тобой сочтусь еще. *(Идет навстречу мамке; подьячий, постояв немного, входит в лавочку, кивает мужикам и начинает кабалы строчить.)*

Ф р о л *(подходя к саням)*. Мамушке, Акинье Пахомовне, много челом бью.

М а м к а. Пронька, поддержи-ка. *(Тот останавливает лошадь.)* Чтой-то, будто не признала.

Ф р о л *(подошел)*. Теперь не признаешь ли? *(Сунул ей денег в руку.)*

М а м к а (*выходя из саней*). Батюшки-светы! Фрола-т Скабеича не признала. Ах, я дура старая! Совсем, государь, со старости ослепла. За что, кормилец, жалуешь? Ох, государь ты мой милостивый, много ко мне, старой дуре, твоего государского жалованья; а услуги моей к тебе, государь, никакой нет.

Ф р о л. Свои люди, матушка, сочтемся. Ну, каково поживаешь? К нам на посад зачем пожаловала?

М а м к а. Ох, государь, с ног сбилась. Боярышня-то наша никак с ума сошла.

Ф р о л. Вправду?

М а м к а. Сам ты рассуди — человек ты разумный; что выдумала, послушай. Хочу-де суженого своего знать. Да как его, говорю, узнаешь? А вот Маврушка-де бает — девчонка у нас такая есть, сенная, Маврушкой звать — навести, мол, зеркало в зеркало промеж двух свечей, беспременно увидишь. Уж мы глядели, глядели — ничего не увидали.

Ф р о л. Так-таки ровно ничего?

М а м к а. Ни беса лысого.

Ф р о л. Зачем лысого, вам молодого надо. Дальше что?

М а м к а. Тут-то боярышня и спятила. Подавай-де ворожею. Есть-де ворожеи такие, что могут суженых показать. Уж я искала, искала, ноги все выходила, — ни одной не нашла.

Ф р о л. Ни единой?

М а м к а. То есть скажу тебе, Фрол Скабеич, така беда! К которой ни толкнусь — ни одна не берется. Где-де показать! Сама пусть глядит, а сама не увидит — никто не покажет.

Ф р о л. И ворожеи же! Повесить их, треклятых. Вот у меня ворожея есть: та, небось, не откажется.

М а м к а. Ой ли? Да где ж она?

Ф р о л. Хочешь, сведу тебя к ней?

М а м к а. Ох, Фрол Скабеич, да за эту услугу — что хошь проси, дам. Самой себя не пожалею.

Ф р о л. Ладно. После сочтемся. А ты вот что — на посадке долго ль пробудешь?

М а м к а. Да с час времени пробуду: к куме захватить надоть.

Ф р о л. Ладно. Ступай к куме. А потом ко мне поезжай. Сестру на поседки к боярышне попроси, хорошенько поклоняйся, да примолви: не одна-де приезжай, старушку крестную привози. Пусть-де старая наливочки у нас попьет, да поворочит. Чуешь?

М а м к а. Слышу, государь. В точности все исполню.

Ф р о л. Ладно. Садись в сани, к куме поезжай.

М а м к а. Спасибо, Фрол Скабеич, что на разум наставил... Прощай, соколик. Пронька, трогай.

Ф р о л. С богом! Трогай, ну!

М а м к а уезжает.

Ф р о л. Прощай. (*Про себя.*) Покатились сани — не опрокинуться бы? В чужие, Фролка, залезаешь — не высадили бы? Ни-

чего, за облучок придержусь; авось, проедем! (*Подходит к подьячему.*) Ну, крапива, теперь с тобой счеты сводить станем.

Подьячий (*выходя*). Какие счеты? Силом, божусь, взяли. Не сам писал — руку водили.

Фрол. Ну, ладно. А сейчас что строчил?

Подьячий. А вон людишкам кабалишки писал.

Фрол (*мужикам*). К кому задаетесь?

Сенька. Велик-боярин с Москвы...

Фрол. К нему? К недругу-то моему? Ах ты, крапива! (*Схватывает кабалы, рвет и бросает подьячему в лицо.*) Вот те кабала, вот те другая! И третья туда ж, в морду.

Подьячий. Ой, ой, ой, разбой! Ой, режут! Голубчики, помогите.

В народе смех.

Фрол. Молчи, чертова слуга. Не то...

Подьячий. Ой-ой-ой! Ой, разорил! Бумаги-чернил что изведено! Ой-ой-ой! (*Набрасывается на мужиков.*) Вы что, вы чего зубы скалите, а? Сказывал: бери кабалу. Чего не брал, а? Чего? Теперь плати, плати! К воеводе вас!

Антипка. И-и-и, беда!

Подьячий (*на Ваньку*). А? Молчишь? ты не рвал? а? Да кабала-то чья? Ответь! Твоя кабала — ты и в ответе!

Ванька. Батюшки, пропали!

Фрол (*подьячему*). Что замолчал? Ты еще. Наддай малость. Ату их, ату!

Подьячий. Ой-ой-ой. На гривну одних чернил пошло!

За сценой бубенцы и свист, тройка катит.

Фрол. Дьявол, не вой! Хуже будет. Слышь, бубенцы звенят: Лычиков катит. У него ловко на конюшне парят. Попрошу, захватят; так отпотчуют: до нового на меня челобитья не забудешь!

Подьячий. Батюшка, что ты? Да ведь он... он ведь разбойник, душ христианских губитель.— Ой, не буду, не буду! Прости, государь, виноват.

Фрол (*поглядывая в ту сторону, откуда бубенцы слышны*). Эва, катит! Скоро тебе, плуту, беда придет. Не все вору воровать, придется и под кнут лечь. Бубенцы-то! И ловко ж черт катит. У!

Голос возника (*за сценой*). Пади! Пади! Раздавлю! Пади!

Лычиков (*за сценой*). Стой, стой, говорю!

Голос возника (*также*). Не сдержатъ, рассказали!

Лычиков. А ты держи! Возник на то!

Слышны крики: «тпру» и проч., как останавливают лошадей.

Фрол. Эк разогнали — сдержатъ не могут!

Лычиков. (бросаясь к Фролу). Фролка, дружище, скот ты этакой! Где пропадаешь, что буркал своих не кажешь?

Фрол. Откуда, черт, скачешь, народ давишь?

Лычиков. А они на дороге не стой! Да нет, ты где пропал?

Фрол. Я чаял, ты на Москву удрал.

Лычиков. Здесь вольней! Опять: тебя люблю. Не еду, кучу. Отец зовет, а мне гулять охота! Здесь живу, не еду.

Фрол. Аль вино не все перепито? Аль пива-меды не все по полу розлиты?

Лычиков. На наш с тобой век хватит.— Ух, важно! Едем. Прокачу! И ловко ж вчера дерганули! Да что — тебя не было, без тебя не веселье. Едем.

Фрол. Погодишь. Вершник* хоть один с тобой есть ли?

Лычиков. И пяток найдется.

Фрол. Так дай одного, к сестре-гонцом послать.

Лычиков. Бери. С чем пошлешь?

Фрол. А ты давай, не спрашивай! (Фрол машет рукой. К нему подходит один из слуг. Фрол ему тихо отдает приказ; тот уходит.)

Лычиков. Ну, теперь едем.

Фрол. Куда ехать! Со мной беда. Вот подьячий челобитье на Москву с Велик-боярином послали.

Лычиков. Что-о? На кого?

Фрол. На меня, все на меня же.

Лычиков. (слугам). Ребята, бери его пса! Клади в сани! За посадом — нагайками, а там — в первый проруб.

Подьячий (Лычикову в ноги). Ой-ой-ой! Боярин, роду великого сын! Ой, пощади, государь, помилуй!

Лычиков. После отходную пропоешь! (Слугам) Что стали? Я вас!.. Друг за дружкой перепорю. (Слуги бросаются)

Фрол. Не трожь, ребята: руки опаршивеют.

Подьячий (вскочил было, чтоб стречка дать, но услышав Фроловы слова — бух ему в ноги). Ой, Фрол Скабенч, отец, благо... ой-ой-ой... благодетель!..

Фрол. В ногах валяться, а? Строчил?

Подьячий. Ой-ой-ой, виноват, не буду!

Лычиков. Что жалеть его! Ре..!

Фрол (Лычикову). А ты молчи. Дай допрос снять. (Подьячему.) О чем писал?

Подьячий. Якобы ты — ой, государь, помилуй — ябедник и плут, народ сомущаешь... ой-ой, не буду, виноват! — Всяким воровством воруеть, властям противление чинишь!

Фрол. Всѐ?

Подьячий. Ой, все! Все, кормилец, ангельская, архангельская душа твоя, все! Ни словечка не укрыл.

Фрол. Ладно. Полезай в конуру. (Подьячий, словно собака, которую только что высекли, бежит в свою лавчонку. Фрол Лычикову.) Ты мне друг?

Лычиков. Чего тебе? Сказывай — увидишь, друг ли.

Фрол. Дай мужикам по рублю.

Лычиков. За что? Людишек баловать? Про что?

Фрол. А ты давай, не спрашивай. Друг ли — погляжу...

Лычиков. Эй, псы, берите! *(Кидает деньги.)*

Ванька *(Сеньке)*. Брать ли?

Фрол. Чего стали? Берите! — Сенька, ты меня знаешь?

Сенька. Как твою, Фрол Скабеич, милость не знать!..

Фрол. Я у тебя брата из кабалы вызволил?

Сенька. Вызволил, Фрол Скабеич, — вечно бога за тебя молить должны — вызволил.

Фрол. Ну, и бери.

Сенька. Бери, ребята *(торопливо поднимают деньги)*.

Фрол. К Велик-боярину задаваться не станете?

Сенька. Дураки ли — задаваться! Теперь что — льгота.

Фрол. Ладно. *(Указывая на Лычикова.)* Благодетелю в ноги!

Мужики *(кланяясь в ноги)*. Отец, благодетель!

Лычиков. Не валяйся — получили — гайда, к черту! *(Мужики торопливо уходят.)*

Подьячий *(робко и извиваясь подходит к Фролу)*. А мне-то, Фрол Скабеич, чернил одних — как перед господом, поверь, — а бумаги...

Фрол. А челобитье? *(Лычикову.)* Брось ему гривну.

Лычиков *(бросая)*. Хватай, пес! *(Подьячий жадно на лету ловит.)* Ишь, как собака голодная на кость!

Подьячий. Благодетель!

Лычиков. Молчи. *(Фролу.)* Фролка, ко мне теперь — пить. А подьячего поучить захватим.

Фрол. Не трожь, пригодится.

Лычиков. Так едем?

Фрол. Нельзя сегодня.

Глоса *(за сценой)*. Дорогу, Велик-боярину дорогу!

Фрол. Пожди, недруг идет. Только вы — ни-ни-ни! А то *(подьячему в особину грозит)*. Чутьем, крапива, понимай!

Входят: Велик-боярин, его дворецкий, слуги.

Велик-боярин *(говорит негромко и неторопливо, все одним тоном, без крику)*. Не говори: не знаю. Найди; где хочешь, найди. А глупыми речами мне не докучай. Не люблю. *(При входе боярина все ломают шапки, кроме Лычикова. Боярин заметил это и обращает к нему.)* Ты чей?

Лычиков. Божий.

Велик-боярин. Тебя спрашиваю.

Лычиков. Государев еще.

Велик-боярин *(ко всем вообще)*. Чей такой? *(Все молчат, переминаются.)*

Лычиков (одну ногу выставил и притоптывает ею). Ну, Лычиков. Ну, стольничий сын — ну?

Велик-боярин. Чертишь тут без отца-то... Черту молебны правишь!

Лычиков. А ты что за правитель выискался? Что чужих учишь, своих народи.

Велик-боярин. Тебе на роду, знать, написано — дураком быть. (Лычиков пошел было, боярин вслед ему.) Да ты постой.

Лычиков (остановясь). Что забыл?

Велик-боярин. Постой, пожди. Ты с неким плутом, вором и ябедой, с Скабеевым, со Фролкой, я слышал, дружбу водишь. Правда, нет ли?

Лычиков. Не плут, не вор, а мне благоприятель и друг сердечный — Фролушка Скабеев. Аль до него какое дело есть?

Велик-боярин. Посмел твой друг и плут сердечный, Фролка, со мной тягаться: якобы владею захватом и наездом Новым Лугом. За ту его великую обиду велю его в железы заковать, да на Москву свезу, царю с поклоном, чтобы выдали мне вора головой.

Лычиков. Поймаешь, крепче сторожи. (Своим.) Айда.

Велик-боярин. Постой, зачем его хоронишь, плута? Ты выдай мне, со мной не ссорься лучше; с твоим отцом сидим в одном приказе: за дурость за твою не раздружаться.

Лычиков. И сам я Фролки не видал с неделю, сам езжу да ищу; а коль найду, так у меня в усадьбе не отыщешь: не выдам ни тебе, ни воеводе. Ищи покуда, — може где найдется.

Велик-боярин. Ужо prospишься, рассуди умненько; с повинной приходи.

Лычиков. Прощай, боярин.

Фрол (без шапки, выходя вперед). Постой-ка, Саввушка. (Подходит к боярину, низко кланяется, рукой до земли, и шапки все время не надевает.) Прости, боярин, что начал, государь, без повеленья с тобою речь вести (поклон, как сказано).

Велик-боярин. Ты кто же будешь?

Фрол. А из дворянишек, из худородных, из махоньких, из бедных-ободранных, Ивашка, сын Петров, Надуй-Телятин, твоей степенности велик-боярской, премного бьет челом (поклон) и жалко просит, чтоб не велел казнить, велел бы молвить.

Велик-боярин. Ну, говори. На бедность, что ли, просишь? Аль у меня в ключах ходить желаешь?

Фрол. Я без послуги денег не беру, в ключах ходить покуда не желаю. Изволил ты, с Москвы Велик-боярин, про Фролку слово милостиво молвить, чтобы сыскать и заковать его. А уж oprичь меня, на мир сошлюся, никто его не сыщет. Всех спроси — подьячего, дворецкого свою, и Савва Алексеич тоже молвит. (Указывая на Лычкова.) Он ведь не ведает, что Фролка плут, — что и его он облапошить хочет, и дружбу водит с ним; а я ему (указывает) поставлю послухов*, когда прикажет, и Фролкину неправду докажу.

В е л и к - б о я р и н (*всем вообще*). Вы что же молчите?

Ф р о л. Что ж, подьячий, аль не ведомо тебе, что опричь меня Фролку схватить некому, а? (*Взглядывает на него.*) Что ж ты, велик-боярский дворецкий, как пень, стал? (*Лычикову тихо, дергая его.*) Что выпучил глаза? Говори скорее — что некому. Людишки выдадут. Пропал, беда. Глянь на них поостроже.

Л ы ч и к о в (*еще нерешительно*). Да, некому... опричь его некому.

Ф р о л (*боярину, указывая на Лычикова*). Ишь, шепнул только, в чем Фролкина перед ним вина, — за меня сейчас встал. (*Подъячему и дворецкому.*) Вы что же? (*Лычикову тихо.*) Прикрикни-ка на них!

Л ы ч и к о в (*строго*). Уж коль я за Ивашку встал, вы что же? Ведь некому опричь его?

П о д ь я ч и й (*глянул на дворецкого*). Да... некому...

Д в о р е ц к и й (*глянул на подъячего*¹). И то... что некому.

В е л и к - б о я р и н (*Фролу*). Ин, так и быть: ищи.

Ф р о л (*с поклоном*). Надо бы для сыску, с твоей милости велик-боярской, рубликов пять.

В е л и к - б о я р и н. Сыщешь, отдам.

Ф р о л. Ты уж теперь, Велик-боярин, не поскупись. Его брать— без денег не возьмешь. Плут, ябедник. Одно слово, чернокнижник. А я его на кружало, вот с Савва Алексеичем, заманю: нальем по горло, и свяжем. Тут наезжай, и волоки на Москву. Так употчем — до Москвы не проснется.

В е л и к - б о я р и н. А верное твое слово?

Ф р о л. Не обману, весь мир на поруки берет. И Савва Алексеич тоже.

Л ы ч и к о в (*еле удерживая смех*). Идет, ручаюсь! Эка шельма Фролка! Меня, ишь — поддеть задумал. Ну, и плут же, дьявол.

Ф р о л (*со вздохом*). Ох, плут, великий плут.— И вы ручайтесь! (*Глядит на подъячего и дворецкого.*) Ну же!

П о д ь я ч и й. И я ручаюсь.

Д в о р е ц к и й. Ну... и я.

В е л и к - б о я р и н. Бери деньги. (*Дает.*)

Ф р о л. Спасибо великое, твоей с Москвы велик-боярской чести. Ну, Савва Алексеич, гайда!— Прощения просим. Услужу, Велик-боярин, во веки не забудешь. (*Идет.*)

Л ы ч и к о в. Прощай, боярин. (*Своим.*) Айда!

Уходят: Фрол, Лычиков и Лычикова слуги. Слышны бубенцы, «тпру!», скрип полозьев, «но!».

В е л и к - б о я р и н (*про себя, глядя в ту сторону*). Ишь, дьяволы! ездят как — поди, народу немало передавили. Ну, Фролка, плут ты, а этот Надувай еще не поплутоватей ли будет? (*Тем временем подьячий и дворецкий переглянулись между собой и пали сзади боярина на колени; тот оглянулся и видит это.*) Вы что же?

¹ Дворецкий глуп, как пень. Иначе сцена будет непонятна (замечание для исполнителя).

П о д ь я ч и й. Ох, не казни, помилуй, государь!
Д в о р е ц к и й (*оглядываясь на слуг*). А вы-то что же?
С л у г и (*падая в ноги боярину*). Ох, не казни, помилуй, государь!
В е л и к - б о я р и н. Вы что? дурману объелись?
П о д ь я ч и й. Ох, государь, от бедности от великой. Промыслиш-
ка, сам ведаешь...

Д в о р е ц к и й и с л у г и. Ой, не казни!
В е л и к - б о я р и н. За что? про что? Ну, говорите же, — ну!
П о д ь я ч и й. Велико наше, рабов твоих, перед тобой, государь,
согрешение. Ой-ой-ой! не казни!

Д в о р е ц к и й и с л у г и. Ой, не казни!
В е л и к - б о я р и н (*дворецкому*). Ты скажешь?
П о д ь я ч и й. Ой, государь, ведь Фролка пред тобой, сейчас вор
пред твоими светлыми очами стоял.

В е л и к - б о я р и н. Который?
П о д ь я ч и й. Что деньги те у тебя — ой, государь! — пять-то
рубλικов взял.

В е л и к - б о я р и н. Да вы-то что? да как же! да я!..
П о д ь я ч и й. Ой, государь, не смели. Не он — Лычиков разорит.
За то, что на Фролку челобитье послал, — утопить, государь, хотел.
Ой, не казни!

Д в о р е ц к и й и с л у г и. Не казни, помилуй, государь!
В е л и к - б о я р и н. Э! да вы Лычиковых кнутов пуще моих
испужались. Добро ж! узнаете, где крепче стегают.

В с е. Ой, государь!
В е л и к - б о я р и н. Не выть. В погоню. Живо! Айда! (*Все вска-
кивают на ноги.*) Тут кто не видали ли — куда поскакали.

Входят три мужика.

В е л и к - б о я р и н. Эй вы, лешие! Лычикова тройка куда по-
мчалась, не видали?

М у ж и к и (*падая ему в ноги*). На усадьбу, государь, прямехонь-
ко к нему на усадьбу!

Д в о р е ц к и й. Да вы верно знаете? Его ль тройка?

С е н ь к а. Не его, чья же?

В а н ь к а. Кто народ давит — знаем.

А н т и п к а. И-и-и, беда!

В е л и к - б о я р и н. Так на усадьбу?

В а н ь к а. Верно, государь, хоть побожиться.

С е н ь к а. Едва с дороги сбежать успели, чуть окаянный не за-
давил. Чтоб ему!..

В е л и к - б о я р и н. Нечего калякать. Айда!

Уходят: Велик-боярин, подьячий, дворецкий и слуги.

С е н ь к а (*вставая*). Ванька! Слышь, Васильич, вставай. Ушли.

В а н ь к а (*вставая*). Много ль бросил?

С е н ь к а. Рублевик.

А н т и п к а (*подымаясь*). И-и-и! важно!

С е н ь к а. Я скажу, ребята, за Фрол Скабеевичево здоровье свечку поставить — вот что. Из кабалы вызволил, по рублю велел; опять: рублевик кинул. Отец родной.

В а н ь к а. Верно.

С е н ь к а. Вечно бога за него молить — вот что.

В а н ь к а. На алтын не выпить ли?

С е н ь к а (*указывая*). Кружало — вот оно.

А н т и п к а. И-и-и, идем.

*Уходят, запевая песню, на кружало.
Перемена.*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Действующие лица

ВЕЛИК-БОЯРИН.

ФРОЛ СКАБЕЕВ.

ЛЫЧИКОВ САВВА.

ЛАВРУША

Фролов братец, лет 10-ти.

ДВОРЕЦКИЙ.

ПОДЪЯЧИЙ.

ВАРЮША

Фролова сестрица

ВЕЛИК-БОЯРСКИЕ СЛУГИ.

У Фрола в избе.

Выходит В а р ю ш а, с маленьким зеркальцем в руках, садится и смотрится в зеркальце.

В а р ю ш а (*сама с собою*).

Умылась, убралась, нарядилась,
Головушку гладенько причесала
И стала — ну, ей богу ж! — не дурна.
Сиди себе да в зеркальце любуйся:
В кого, мол, Варя вышла пригожа?
В кого ни вышла, только всяк похвалит,
А молодец увидит, спросит: «Чья, мол?
Возьму-ка девушку я замуж за себя!»
Ох, Варинька, кто нас возьмет с тобою?
Ишь, как у нас все бедно, ненарядно.
Полавочник совсем поистрепался.
И братец не ленив, весь день в трудах,
Да больше как на хлеб — не заработать.
Спасибо, кормит, любит да ласкает,—
А все же бесприданницей растешь!
Мне жениха богатого не надо:

Такого надо, чтобы был с достатком.
Уж убрала бы горенку тогда!
Все у меня порядливо, чистенько;
Заедут гости, все хозяйку хвалят:
«Коли бы мне», — промолвит холостой, —
«Коли бы у меня, — женатый скажет, —
Такая умница была хозяйка,
Уж точно жил бы что Адам в раю;
А ноне только в авсень величают*,
А сам живешь что Каин». И вздохнул бы...
Тогда-тө поздно вздыхать начнете,
Теперь берите милую хозяйку.

За сценой бубенцы.

Э, э! да это Лычиков катит. Чует, что про свадьбу вспомнула.
(*Поднимает окно и кричит.*) Лавруша, Лавруша, где ты?

Л а в р у ш а (*за сценой*). Здесь!

В а р ю ш а. Коль Лычиков один — мол дома нету.

А с братцем — не прогонишь. Слышал?

Л а в р у ш а (*за сценой*). Слыша-ал!

В а р ю ш а (*опускает окно*). Один ли? Верно с братцем. Не посмеет один приехать — больно робок парень. А дома, говорят, прешустрый-шустрый. Да не жених он нам — богач московский! Уйти, аль нет? Останусь, пусть посмотрит, пусть сердце молодецкое поноет.

Входят: Фрол и Лычиков.

Л ы ч и к о в. Варваре Скабевне челом...

Ф р о л. Нечего тут: «Варваре Скабевне!» Сказано: от ворот оглоблям поворот.

Л ы ч и к о в. Погоди, дай дух перевести.

Ф р о л. Уговор был: убирайся. Нельзя сегодня — и нельзя.

Л ы ч и к о в. Ко мне когда ж?

Ф р о л. После дождика в четверг.

Л ы ч и к о в. Нет, когда же?

Ф р о л. Сказано: убирайся! Приеду, увидишь.

Л ы ч и к о в. Да нет...

Ф р о л. Ан да. Ну, слушай: жди меня три дня и три ночи, жги свечу воску ярого: приеду, значит жив. А куда прощай. Постой еще: одну тройку, полише которая, оставь — сестру до Нашокиных прокатить. Ну, во святой час, в архангельский! (*Берет Лычикова за руку и ведет к дверям.*)

Л ы ч и к о в. Я сам в возничках поеду.

Ф р о л. Шалишь, без тебя управимся. Прощай.

Л ы ч и к о в. Варваре...

Ф р о л. Убирайся, сказано. (*Шутливо выпроваживает его за дверь.*)

Уходит Лычиков.

Ф р о л (*притворив двери, к сестре*). Гонец от меня был ли?
В а р ю ш а. Был, братец.
Ф р о л. А Нащокиной мамка?
В а р ю ш а. Как же, братец.
Ф р о л. Просила?
В а р ю ш а. Просила.
Ф р о л. И с крестной?
В а р ю ш а. С нею, братец.
Ф р о л. Ты все ли ей сказала, что с гонцом приказано.
В а р ю ш а. Все, братец; только когда ж крестная моя ворожит?
Ф р о л. Сегодня станет.
В а р ю ш а. Что ж, мы за ней заедем, что ли?
Ф р о л. Увидишь. Ты вот что: бабкина шуба беличья где лежит?
В а р ю ш а. А на вышке, в сундуке-то.
Ф р о л. А кика там же?
В а р ю ш а. Там, братец.
Ф р о л. Ладно. Ты здесь подожди. Я мигом наверх только сбегаяю.

Уходит Ф р о л.

В а р ю ш а (*одна*). Что он задумал — не пойму ничего.

Дверь приотворяется, из нее выглядывает Л ы ч и к о в

Л ы ч и к о в (*шепотом*). Варвара Скабевна!
В а р ю ш а. Кто там?
Л ы ч и к о в. Он же все, Лычиков.
В а р ю ш а. Братца что ль надо, так вышел.
Л ы ч и к о в. Не братца, нету, тебя.
В а р ю ш а. Меня зачем же?
Л ы ч и к о в. А как бы... Эх, пропадай ты! (*Входит.*)
В а р ю ш а. Что смотришь: видно хороша я? а?
Л ы ч и к о в. Как хороша-то! Мало все отдать.
В а р ю ш а. Ты половину. Что ж стоишь, как дурень?
Л ы ч и к о в. Поцеловал бы — только, лих, не смею.
В а р ю ш а. Не смей; я осержусь. А хочешь? очень?
Л ы ч и к о в. Что спрашивать! Еще бы! да робею,
Не смею подойти, дрожу да млею.
В а р ю ш а. Ишь, оробел! Ишь, я какая вышла!
Как хороша-то! Хочет целовать.
Нет, ты скажи по правде, хороша ли?
Л ы ч и к о в. Ох, не томи! (*Помолчав.*)
А что ж, поцеловать-то?
В а р ю ш а. Как станешь под венец — и поцелуешь,
А раньше — ни!
Л ы ч и к о в. Нельзя?
В а р ю ш а. А хороша я?
Л ы ч и к о в. Не видывал такой, и не увижу!
В а р ю ш а. А под венец-т станешь?
Л ы ч и к о в. Хоть сейчас.

В а р ю ш а. Отец благословит ли?

Л ы ч и к о в. Ох, не знаю!

Да что отец! поедем прямо в церковь,
Без спросу обвенчаемся!

В а р ю ш а. А с спросом?

Л ы ч и к о в. Не все ль равно?

В а р ю ш а. Не все.

Л ы ч и к о в. Что ж, Варя, так мне и пропадать?

В а р ю ш а. И пропадай.

Л ы ч и к о в. Меня не любишь?

В а р ю ш а. Женись, увидишь.

Л ы ч и к о в. Экая ты, Варя!

В а р ю ш а. Я зимняя, морозная Варюха*.

Знобить тебя хочу, дружка, да мучить,
Все сердце вызноблю — и все затем:
Узнать хочу, меня ты крепко ль любишь?
Отца упросишь, значит — полюбил.

Л ы ч и к о в. Я упрошу — ты поцелуй в задаток.

В а р ю ш а. Обманешь?

Л ы ч и к о в. Нет, божусь; ей-богу.

В а р ю ш а. Право? Женою поцелую, раньше — ни.

Л ы ч и к о в. Ох, Варя, Варя! ты меня не любишь!

В а р ю ш а. Ну, не люблю — А может так люблю.

Что веко-т на тебя не нагляжуся, —
Что без тебя с лихой тоски помру?
Боюсь, обманешь. Не за то боюся,
Что брата осрамлю; а то мне страшно,
Что бросишь ты меня, забудешь Варю.
Такой жены, как я, другой не сыщешь;
До смерти проживешь со мной любовно,
Все гляючи мне в ясны очи, речи
Забавные, веселые мои,
Все будешь слушать — вовек не наскучат
Зачем потайно хочешь обвенчаться?
Уж я ли, девица, да не мила?
Аль без меня ты проживешь счастливо?
Мне без тебя — темнее ночи солнце,
Тебе ли без меня — день ясный светел?

Л ы ч и к о в. Ох, Варя, Варя!

В а р ю ш а. Что загоревал-то?

Уж лучше Вари не найдешь невесты.
Проси отца, упросишь — славно будет;
Какая ж будет у тебя жена:
Веселая пригожая Варюша!

Л ы ч и к о в. Я упрошу.

В а р ю ш а. Нет, лучше не проси.

Чай, на Москве уж сыскана невеста, —
Не то, что я, — тебе как раз под пару;
Богатая, боярышня, кривая,

Коса болтается, что хвост мочальный,
Толста-то ровно бочка-сороковка!
Век в терему росла; с мужчиной слова,
Как родилась, не молвила. А я-то?
Куда мне супротив ее — далеко!
Простая, деревенская девчонка:
Росла на воле, ровно цветик в поле.
Покойник батюшка задумал было
Мне теремок построить — не достроил;
Не по достаткам — так и развалился.
Нет, не женись на мне.

Лычиков. А я женюсь.

Варюша

Постой, не братец ли? Беги скорее!

Лычиков. Хоть ручку дай.

Варюша. На ручку, поцелуй.

А ты целуй да помни, что сказала.

Лычиков. Не позабуду.

Варюша. Хорошенько помни *(отнимая руку)*.

Ну, ну, иди. Пора.

Лычиков. Прощай, голубка.

Уходит Лычиков.

Варюша *(сама с собою)*.

Упрэсит ли? Не так ли обвенчаться?

Нет, Варинька, пождем еще, голубка!

Не перестарки мы с тобой — успеем!

«Все подожди, да жди, еще пожди!»

Уж подождем, куда ни шло, Варюха.

Входит Фрол, переряжен старухой.

Фрол *(входя)*. А что, Варюша, хороша ль из меня, Фролки, бабка вышла?

Варюша. Братец! Фролушка! Да это ты?

Фрол. Братцем не зови, крестной величай.

Варюша. Да как же?

Фрол. Умница ты у меня, Варюха, а догадки не имеешь. На Аннушке, на стольничей дочери, жениться хочу: молодцом нельзя — старухой обвенчаюсь.

Варюша. Да полно, братец!

Фрол. Полно и тебе. Я ведь не Лычиков твой: задумал, сделал. Помни же: я не Фролушка, не братец, а крестная твоя. Почитай меня и уважай.

Варюша *(отступая и глядя на него)*. Н-ну, молодец! Н-ну, выдумал! За это — н-ну, уж расцелую тебя. *(Подбегает и начинает целовать.)*

Фрол *(шутливо отбиваясь)*. Потихе! Ой, Варька, усы замазкой замазаны — испортишь. Тихе же, кику сронишь.

Варюша *(отступила опять)*. Дай поглядеть. *(Поглядев.)*

Ой, братец... то бишь, крестная... Ха, ха, ха! (*Звонко и весело хохочет.*)

Ф р о л. Полно смеяться. Ехать время.

В а р ю ш а (*смеясь*). Н-ну, выдумал... то бишь, выдумала... Ха, ха, ха! Боярышня-то теремная! Ха, ха, ха! Уберегли!

Ф р о л. Да полно ж.— Аль нет, еще посмейся. Попаду ли в голос... Как бабы-те хохочут? Ха, ха, ха! (*Смеется тонким голосом.*)

В а р ю ш а. Чудесно: не отличишь! Ха, ха, ха! (*Оба хохочут.*)

Ф р о л. Ох, дурак, не молоденькой оделся! Не смеяться — кашлять надо. Ты вот что: лучше спроси что, говори со мной. По-старушечьи ль баить стану?

В а р ю ш а. Ну, крестная, как тебя бог носит?

Ф р о л (*старушечьим голосом*). Ох, уж какое у нас, старух, здоровье живет: при смерти ходим. (*Своим.*) Ладно ль? С провизгом? По-бабьи?

В а р ю ш а. Чудесно.— Уберегли боярышню... Ха, ха, ха!

Ф р о л. Ну, едем.— Аль нет, постой. Сядь-ко, посиди.

В а р ю ш а. Зачем?

Ф р о л. Ноги меня не слушают, все врозь едут. Не умею по-вашему, по-женски, сидеть. Примеривался на сундуке — не выходит

В а р ю ш а (*садится*). Ну, вот села.

Ф р о л (*смотрит, как*). Дай поглядеть. Э, вот оно! (*Сел.*) Ты ладно ли?

В а р ю ш а (*встала*). Чудесно.

Ф р о л (*вскакивает*). Ну, надевай шубейку. Едем.

В а р ю ш а. Бегу. (*Целует его.*) Дай поцелую разик. (*Бежит.*) Уберегли! Ха, ха, ха! Боярышню!

Уходит В а р ю ш а.

Ф р о л (*один, беспокойно ходит*). Ох, Фролушка, тонок ледок — не выдержит. Ох, господи! (*Останавливается.*) Что еще-то? Ох, забыл было. (*Точно припоминая.*) Дверь отворить?— да. А там... да, да. (*После небольшого молчания.*) Заговор¹ сказать надо.

Выйду я в чистое поле,

Взмолюся трем братьям — трем ветрам:

Ветры, буйные вихори!

Всюду, вихори, веете,

Тучи с грозой совиваете!

Свейте со моря полночного

Кручину, тоску ли тоскучую,

Тоскучую тоску, жгучую!

Несите ко девичью терему,

Ко стольничей дочке, свет-Аннушке.

Пробейте стрелю булатной

Ретиво сердце, груди белья!

Зажгите огнем негасимым

¹ Заговор на сцене выпускается ради быстроты действия.

Тело и душу, мысли и помыслы,—
Чтоб она по мне, молодцу,
Сердцем горела, кровью кипела,
Тоской тосковала, покою не знала;
Темною ночью, ясной зарею
Целовала молодца, меня, миловала,
Ко белым грудям прижимала.
Вещее слово не минется,
Девница с молодцом слюбится;
Слюбится, сладится: сбудется.

Заговорил. Моей навеки стала;
Тоска тоскучая на сердце пала.
Ох, не тоскуй,— приду, тебя утешу...

Помолчав, сел на лавку.

Что ж сестрёнка не бежит? Стой: Лавруша где ж? (*Подходит к двери.*) Эй, Лаврушка, постреленок!

Л а в р у ш а (*за сценой*). Здесья.

Ф р о л. Беги сюда!

Входят: Лавруша и Варюша.

В а р ю ш а. Готова.

Ф р о л. Сейчас. Братцу наказ дам. (*Лавруше.*) Стой, слушай, на ус мотай. Лычикова кони здесь?

Л а в р у ш а. Тройка здесь, на другой укатил. Да ты, братец, как это?

Ф р о л. Видишь, бабкой нарядился. Святки на дворе. А ты вот что: наедут некаки люди, соври им что. Только не болтай, что с сестрицей, в старушечьем уборе, уехал. Чуешь?

Л а в р у ш а. Что ж соврать-то?

Ф р о л. Сам придумай. Раз дернут за ухо эдак (*дергает за ухо; тот вскрикивает: «ой, братец!»*), одно соври; другой — покрепче (*то же*), и ты наддай; а третий вот эдак (*опять то же*), тут соври что неслыханное, чему поверовать нельзя: удавился я, что ли, скажи. А правду скажешь, не поверят, бить будут. Понял? (*Дернул еще раз за ухо.*)

Л а в р у ш а. Ой, ой, ой, понял!

В а р ю ш а. Да за что ты его?

Ф р о л. Наказ даю — не забыл бы. Ну, катим! (*Идет.*)

В а р ю ш а. Прощай, Лавруша. (*Целует его.*) Не плачь, голубчик, гостинцев привезу. Разных, сладких; много, много!

Л а в р у ш а. Обманешь?

В а р ю ш а. Право ж, привезу.

Ф р о л (*в дверях*). Гляди ж, Лавёр, не посрами рода Скабеева! Прощай. (*Идет и оглядывается.*) Да подольше чужих в избу не пускай. (*Сестре.*) Айда! (*Уходит; Варюша еще раз целует братишку и бежит за Фролом.*)

Л а в р у ш а (*один*). Вот и ушли (*прислушивается*) и покатили!

Каки еще чужи люди наедут? Что соврать-то? Ох, боязно! — Двери запереть (*исполняет*). Покинули меня, бросили! Аль стучит кто? Хоть бы Иван-работник вернулся. А то никем-никого. Сяду да зачураюсь. (*Сел.*) Чур меня, чур! Сосну-ка. (*Примащивается.*) Во сне горе забудешь. А больно братец ухо надрал — горит. (*Лежит некоторое время молча; стук в окно и двери.*) Ой, стучат! Ой, кто там?

Г о л о с а. Отворяй, дьяволенок! Живо!

Л а в р у ш а (*не сходя с места*). Да вам кого?

Г о л о с а! Отворяй! двери выломим. Ломай! (*Ломятся; запор отскакивает.*)

Входят: дворецкий и слуги

Д в о р е ц к и й (*входя*). Скажи боярину: сломали, мол. (*Один бежит; дворецкий, подходя к Лавруше и схватив его за ухо.*) Ты что ж, чертов пискленок, не отворял? а? Хозяин дома?

Л а в р у ш а (*быстро и испуганно*). Ой, ой, ой! я не хозяин, и братец мой — тож не хозяин! Иван-работник хозяин, да и тот по дрова в лес уехал!

Входят: Велик-боярин, подьячий, еще несколько слуг.

В е л и к - б о я р и н. Вот оно, Фролово поселье. Не пышно живет. (*Дворецкому.*) Что ж, дома?

Д в о р е ц к и й. Постреленок, государь, бает: нетути.

В е л и к - б о я р и н. Подвинь его сюда. (*Дворецкий исполняет.*) Сказывай правду. (*Берет его за ухо.*)

Л а в р у ш а. Ой, ей-богу, дома нету! (*Его опять — за ухо.*) Ой, не бывал, с утра не бывал, со вчерашнего не приезжал.

П о д њ а ч и й. Прутиков бы нарезать, розочкой постегать; откуда и правда возьмется: дивное дело, государь.

В е л и к - б о я р и н. И то.

Л а в р у ш а. Ой, без прутиков, государь, скажу. Ой, про все сложу. Сестрицы нету, ой, ей-богу нету! И Иван-работник не бывал.

П о д њ а ч и й. Право бы, государь, розочкой.

В е л и к - б о я р и н. Нарезьте.

Д в о р е ц к и й. Да мы его, коль государь укажешь, в кнутья.

Л а в р у ш а (*затопал на месте*). Ой, был, был, был, был, был!

Ой, с Лычиковым был!

В е л и к - б о я р и н. А-а, с Лычиковым!

П о д њ а ч и й. Ишь, розочка-то правдивая какая!

В е л и к - б о я р и н. А теперь где?

Л а в р у ш а. Приехал, ой, а сестрица с утра к Нашокиным уехала, а Иван...

В е л и к - б о я р и н. Ты опять! (*Дернул за ухо.*)

Л а в р у ш а. Ой, расскажу. Сундук схватил, ворошил, ворошил, все переворошил — да на сани. На Москву, мол, с Лычиковым бегу. На Москву, мол, а тут-де неведомы люди наедут — обмани. Уши надрал, горят. (*Остановился, и потом — вдруг, точно спохватясь.*) Ой, все!

Велик-боярин. У Лычикова тож сказали. Ну, на Москве от нас не убежит.

Подьячий. Струсил заяц, да прямо на охотника.— А тут, государь, сестренка у них есть — ту бы поспросить.

Велик-боярин. Выбегла бы на крик: знать, вправду дома нету.

Лавруша (*оправившись*). Истинно, государь, нету: у Нащокиных — хоть туда поезжай.

Велик-боярин. Ладно. (*Своим.*) Айда! На Москве съедем. (*Идет.*)

Подьячий. А все бы, государь...

Велик-боярин (*остановился*). Не учи курицу, сама яйца носит.— Айда!

Уходит Велик-боярин, за ним и другие.

Лавруша (*один*). Ушли ли? (*Осматривается и начинает прыгать.*) Ушли, ушли, ай-люли, ушли!— А ухо-то — шибче, чем братец. Ладно ль соврал-то? Ой, и сам не помню. Братец спросит — что ответить, не знаю. Со страху намолол что-то. Да ладно — ушли! А теперь спать. И темно уж. Скоро засну. После слез спится, заметил. (*Ложится и начинает засыпать.*) Сестрица гостинцев... много, много... ухо-то... все гостинцы горят, все надранные... каки ушки-те, сладкие, хорошие! (*Уснул.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действующие лица

ФРОЛ

под видом ворожеи.

АННУШКА

стольничья Нардын-Нащокина дочка.

ВАРЮША.

МАМКА.

ГРУША

МАША

МАВРУША

ДАША

}

девушки в гостях у Аннушки.

}

сенные девушки.

ГОСТЬИ; СЕННЫЕ ДЕВУШКИ.

Мавруша, Даша и другие сеньные убирают светлицу. В светлице налево стол, на нем стоит зеркало, подле лежит другое поменьше; приготовлены две свечи в подсвечниках. Двое дверей прямо и сбоку. При поднятии занавеса, за сценой слышны звонкие бубенцы; девушки бегут к окнам;

Мавруша, вскрикивая: «Ой, кто это?» бежит в двери. Из боковых дверей входит мамка.

Мамка. Все ль у вас готово?

Даша. Все, мамушка, готово: свечи засвечены, зеркала припасены.

Мамка. Ладно.— Маврушка где же?

Даша. А услышала, бубенцы звенят — на крыльцо побежала: кто приехал — поглядеть.

Мамка. Ох, вор девка! До всего ей дело есть!

Вбегает Мавруша.

Мавруша (*не замечая мамки*). Девушки, девушки! Знаете, кто приехал?

Мамка. Куда, пострел, летала?

Мавруша. Ах, мамушка!..

Мамка. То-то: «мамушка!» Постой ты: доберусь я до тебя.

Мавруша. Да за что же?

Мамка. А за то: летунья ты да шмыгунья! Повсюду летаешь; день-деньской — по лестнице шмыг да шмыг! Теперь куда летала?

Мавруша. Ох, мамушка Аксинья Пахомовна, кабы ты слышала, какво громко бубенцы звенели, — ты бы не выдержала, побежала. «Кого, мол, бог дает — эдаких бубенцов отродясь не слыхивала. Верно, кто незнакомый». Выбегла я на крыльцо, глянь...

Мамка. Кто же?

Мавруша. Она!

Мамка. Кто она-то?

Мавруша. Она сама; ворожея-то.

Мамка. Ой ли? Где ж она?

Мавруша. По лестнице бредет; дочка что ль ее крестная под руку ведет, а она идет да клюшкой постукивает. Страшно таково.

Даша. А стара она?

Мавруша. У, древняя-предревняя старуха.— Мамушка наша в внучки ей годится.

Даша. А лицо у нее, Мавруша, страшное?

Мавруша. Ох, престрашенное! Глазище — что ямища, голова — пивной котел, нос — что чертов крюк. А на лице-то, окромя глаза да носа, ничего нет!

Даша. Ой! — Неужто у нее под носом ничего нет?

Мавруша. Ничегошенько нету: ни рта, ни бороды; платком только под носом подвязано.

Мамка. Ой, врешь, Маврушка! У страха-то глаза велики. Коли б у нее под носом рта не было, чем бы она говорить стала?

М а в р у ш а. Ох, мамушка, зачем ей рот?.. Они ведь, ведьмы, духом говорят.

М а м к а. Каким духом еще?

М а в р у ш а. А бес в них сидит, так его бесовым духом и говорят. Оттого и отгадывают. Батюшки, да вот и она! Слышь, клюшкой стучит!

Входят: Фрол, наряжен старухой; Варюша.

М а м к а (*идя навстречу*). Варвара Скабевна! Здравствуй, голубушка! Что, крестную привезла ли?

В а р ю ш а. Привезла, Аксинья Пахомовна. Вот она перед тобой стоит.

М а м к а. Здравствуй, старушка моя древняя,— назвать не знаю...

Ф р о л. Бабкой зови, бабушкой. Всем я вам в бабки гожусь.

М а м к а. Знать тебе, бабушка, много лет.

Ф р о л. Много, много.

М а в р у ш а. А сколько?

Ф р о л. А как родился твой дед, было мне с хвостиком сто лет,— а с тех пор я и счет потеряла. Сама, разумница, почти, коль сумеешь.

М а м к а. Что ж, бабушка, поворожишь ты нам сегодня?

Ф р о л. Для-ча, мамушка, не поворожить? Тут, что ли, ворожить станем?

М а м к а. Боярышня-то тут приготовить велела. Видишь: стол накрыт; зеркала тут же, свечи засвечены,— только тебе по нраву ли здесь будет?

Ф р о л. Где девице любо, там и ворожить станем. Опять: светлица — покой нежилой, духа человеческого тут меньше.

М а м к а. Тебе, бабушка, лучше знать.

Ф р о л. Только вот что: слово мне тебе про боярышню молвить надо,— да так, чтобы ни единая душа не слыхала.

М а м к а (*сенным*). Вы что, дуры, уши пораспустили — убирайтесь. (*Девушки идут.*)

Ф р о л. Варюша, пойдём-ка к сторонке. (*Отходят; он, тихо.*) Ты что ж, Варюша, дурой стоишь?

В а р ю ш а (*тихо же*). Ох, братец, боязно.

Ф р о л. Чего, глупая, боишься?

В а р ю ш а. За тебя все.

Ф р о л. За меня не бойся! Ты — веселей: а то дело все испортишь. (*Громко.*) Ты с девушками ступай! (*Мамке.*) Вот, мамушка, велю дочке крестной к боярышне идти, а она робеет. Ты бы проводить ее приказала.

М а м к а. Маврушка, проведи Варвару Скабевну к боярышне. (*Варюше.*) А ты, голубушка, не бойся.

Фрол и мамка остаются вдвоем.

М а м к а. Что, бабушка, прикажешь?

Ф р о л. От Фрол Скабенча слово есть.

М а м к а. Что он, милостивец мой, приказать велел?

Фрол. А велел молвить: попроси-де, чтобы за сестрой приглядела, чтобы девушки Варюши моей не обидели. А благодарность вот вперед отдать велел. *(Дает деньги.)*

Мамка. Ой, что-й ты! да тут много!

Фрол *(своим голосом)*. А пять рублей ровно. *(В сторону.)* Боярские!

Мамка. Ох, скажи ему, голубчику...

Фрол. Аль не узнала?

Мамка. Что узнать-то, бабушка?

Фрол. Не узнаёшь, сам повинюсь. Вот он, Фрол, перед тобой стоит, в ноги тебе поклоняется *(в ноги)*: не выдай, мамушка, озолочу...

Мамка. Ой!.. что ты!.. встань. Не равно услышат... войдет кто...

Фрол. Я встану *(встает)*. Только не выдавай; тебе ж беда будет — узнают.

Мамка. Ох, беда пришла!.. Ох, Мати Пресвятая! Взыграние Твое небесное!.. Есть голова на плечах, нет ли — не чую. Замшило — туман стоит — ничего не вижу.

Фрол. Ты, мамушка, будто ничего не знаешь: твое дело — меня с боярышней ворожить оставить, а уж я ее заморожу. Оплошаю, не твоя вина. А мне сдается — оплошать трудненько. Заговорена она у меня, обезволена. Моя теперь!

Мамка. Ох, уж право, государь, не знаю, не ведаю. Верь не верь, головы на плечах не чую.

Фрол *(по плечу ее потрепал)*. Эх, мамушка, Аксинья Пахомовна, полно-ка! Пять рубликов получила — и довольно; немало передавал, давно за десяток перевалило, — не даром же, не за красоту же твою дарил. Пора давно б сдогадаться.

Мамка. Ох уж, Фрол Скабенч, с тобой, соколик, не сговорить, видно. Не то боярышню, меня старуху заговоришь — захочешь.

Фрол. Корысти нет тебя заговаривать. А то диво ли!

Мамка. Ну, ну, знай, помалчивай.

Фрол. Тс... девки идут. — Нашла ль голову-то?

Мамка. Ох, соколик! С тобой, и вправду, потеряешь — сыщешь.

Входят: Аннушка, Варюша, Груша, Маша, Мавруша, Даша, гости, сенные девушки.

Аннушка *(входя, мамке)*. Ты что ж меня не зовешь? Ворожея приехала, а ты и сказать не пришла.

Мамка. Нельзя было, золотая. Мы с бабкой вот, для тебя ж все устраивали.

Аннушка. Это что ль ворожея?

Фрол. Я, государыня, я.

Аннушка. Ох, старая какая!

Фрол. Стара, государыня, стара, а тебе молодого покажу.

Глаша *(смеясь)*. Как еще покажешь, поглядим!..

Фрол *(грозя пальцем)*. И тебе, невера, покажу; хоть тебе век замужем не быть.

Глаша. Коль мне замужем не быть, кого ж покажешь?

Фрол. А есть у нас у всех женишок знатный — в деревянном кафтане ходит, смертным часом звать.

Маша. Ох, бабушка, что пугаешь-то!

Фрол. А вы над бабкой не смейтесь!

Мамка. И то, девушки, над ворожеями никогда не смейтесь. Они, ворожеи, вороватые, завсегда повредить могут. (*Аннушке.*) Что ж, царевна моя белая, призадумалась? Аль ворожить раздумала?

Аннушка. Ох, страшно стало. Ишь она, ворожея, строгая какая.

Фрол. Меня, старой, не бойся. Я только к вострухам строга, а скромниц люблю. Аль и ты не веришь, что покажу? Так вот дочку мою крестную поспрошай — правду ль говорю.

Аннушка. Вправду, Варюша, ты суженого своего видела?

Варюша. Видала, боярышня.

Аннушка. В зеркале?

Варюша. Да, в зеркало крестная показала.

Аннушка. А наяву после не случалось?

Варюша. Видала одного паренька — точь-в-точь; и не здешний, московский — а случится ли выйти за него, еще не знаю. Сдается, будто и выйду.

Аннушка. Ой?

Варюша. Хоть побожиться.

Аннушка. А не страшно... в зеркало глядеть?

Варюша. Сначала боязно, а там — ничего. Ну, а как он явится — тут сердечко защемит, точно кольнет кто, даже вскрикнешь.

Аннушка (*помолчав, Фролу*). Ну, была не была, — ворожи, бабка!

Фрол. Ладно. Ну, а на примете у тебя молодца нету?

Аннушка. Где быть! Я из терему ни шагу.

Фрол. Ты теперь, мамка, ответ держи. Отец с матерью на Москве женишка какого не отыскали ли? Не слыхала?

Мамка. Нету, бабушка, не слыхивала.

Фрол. Сама, старая, на кого не подумала ли?

Мамка. Сама — повинюсь — женишка заприметила; не знаю, боярышне как — по нраву придет ли?

Аннушка. Еще какого жениха приметила? А мне небось, старая, не скажешь!

Мамка. Согрешила, боярышня, подумала. Не богат женишок, да пригож. А по имени Фролом звать, по отчеству Скабеичем величать.

Груша. Хорош жених!

Мамка. А чем, востроглазая, дурен?

Груша. Тем, что ведомый плут — мамонька сказывала.

Мамка (*осердясь*). Много твоя мамонька знает, за то и состарилась скоро: сорока нет, а волос сед.

Груша. Сед ли, нету — не тебе судить! А что он вор, так вор. Вор, вор, вор!

М а в р у ш а (*схватив Грушу за руку*). Что ты, боярышня! В своем ли ты уме? Ведь она, ворожея, Фролова крестная!

М а ш а. Ох, Груша! Опять попалась!

М а в р у ш а (*живо, Аннушке*). Да и неправду про Фрола бают: я его в церкви видала — таков-то хорош!... хоть тебе, государыня, так в версту*, я, грешным делом, сама богу поклон, а глаза на него норывают.

А н н у ш к а. Ну, худ ли, хорош, только вряд ли мне за ним жить.

Ф р о л. Не говори, дитяtko, чего не знаешь. Своей судьбы никто не ведает.

А н н у ш к а. Ну, ладно, он ли, другой, давай, бабушка, ворожить.— Да ты шубы что ж не снимешь — жарко ведь.

Ф р о л. И, государыня. Дело мое старое: тебя кровь молодая греет, а у меня и крови-то нету — только кожа да кости остались.

А н н у ш к а. Ты хоть платок бы развязала.

Ф р о л. Нельзя, дух выйдет.

А н н у ш к а. Какой дух?

Ф р о л. Ты думаешь, ворожба — дело легкое? Шутишь! Я сегодня целый день готовилась: все по избе часа три прыгала, вертелась да приговаривала: «ух, ух, накати дух!»

М а в р у ш а (*почти вскрикивая*). И накати!

Ф р о л. Вестимо, накати.

М а в р у ш а (*толкнув мамку*). Я сказывала...

М а м к а (*тихо*). Нишкни!

Ф р о л. Ну, теперь все ступайте, вдвоем меня с боярышней оставьте. Ты, мамка, гляди, чтоб на десять сажон духу человеческого не было: не то — боярышню испортишь. Да меня и не обманешь: на три аршина в землю вижу. (*Строго стучит клюшкой*.) Коли крикнет, не полошайтесь. Пока не позову — не входите. (*Опять стучит*.)

М а м к а (*Аннушке*). Выйти, государыня, прикажешь?

А н н у ш к а. Ну... идите, идите.

Все, кроме Аннушки и Фрола, уходят.

Ф р о л. Ну, садись, дитяtko, вот тут. Так (*она села*). Свечи здесь вот поставим. Бери зеркальце. Наводи — вот эдак. Смотри.

А н н у ш к а. Ох, бабушка, страшно.

Ф р о л. Не бойся: я тут буду. Шептать в уголку стану. Только ты отнюдь не оглядывайся, пока не велю: беда будет.

А н н у ш к а. Ох, страшно! Руки дрожмя дрожат.

Ф р о л. Нишкни.

Аннушка сидит перед зеркалом, Фрол отходит, снимает потихоньку шубу и кичу, отирает усы, охорашивается, и затем на цыпочках подходит и становится сзади Аннушки. Она видит его в зеркало, вскрикивает, закрывает лицо руками и припадает головой к столу.

Ф р о л (*старушечьим голосом*). Что, дитяtko? увидала, знать?

А н н у ш к а. Ох, видала, видала! — Что, бабушка, суженый это был?

Фрол (также). Ряженный, дитятко, ряженный.
Аннушка. Разглядеть только не успела. Еще нельзя ли?
Фрол. А ты оглянись.

Аннушка оглядывается, хочет вскрикнуть и не может. Фрол также молчит. Оба смотрят изумленными глазами друг другу в лицо.

Аннушка (слабо). Так ты...

Фрол. Я — Фрол Скабеев. Жив стою
Перед тобой: тот самый — что сегодня
И плутом здесь, и вором величали.
А я не вор...

Аннушка (опомнясь). Нет, вор. Зачем ко мне
Ты в терем девичий забрался? Думал,
Что на тебя управы не найду, —
Что волен ты со мной, что хочешь, делать?
А коль я крикну, да сбегутся люди...

Фрол. Тебе же хуже будет. Все узнают,
Худая слава побежит по людям:
«Мол, у Нащокиной-то в терему
Мужчину молодого изловили».
А сведают: изловлен я, — прибавят:
«Мол, Фролка своего не упустил».
(После молчания, с уверенностью.)
Да ты не крикнешь...

Аннушка. А сейчас скричу.

Фрол. Как оглянулась — закричать хотела,
Да духу не хватило; а теперь...

Аннушка. Тогда-то я перепугалась насмерть;
Теперь опомнилась, сейчас скричу...

Фрол (полушутливо, полугрозно).

Ан не скричишь! Шалишь. Нельзя тебе!
Ты думаешь, что я пошел сюда
Так, без опаски, как пришлось? — Ошиблась!
Я на походе заговор прокликал;
Заговорил, чтоб ты меня любила:
Нет воли у тебя теперь — моя ты,
В моей ты воле и в моей ты власти!

(После молчания.)

Что ж, правда-т нешто не моя? Скричала ль?
Скричала ли? (Более ласково-шутливым тоном.)
Да полно же, Анюта...

Ведь я не лютый волк, не лиходея
Какой! Куда, далеко! — На меня, брат,
Чуть полюбвнее девчонка взглянет —
Я и растаял, словно вешний снег
От солнышка. (Настойчиво, как дети просят.)

Взгляни и ты, взгляни же!

(Аннушка взглядывает.)

Ну, вот взглянула же! Ну, вот спасибо!
Спасибо!

(Тоном, каким с нравными детьми говорят.)

Ну, о чем, о чем опять
Нахмурилась? Ты слушай, что скажу:
Да из меня — все лаской можно сделать;
Ну, хоть верёвки вей.— Такой-то выйдет
Муж шелковый-прешелковый — ей-богу!

(Аннушка упорно молчит, опустив глаза в пол.)

Ох, и пренравная ж девчонка ты!
Другая — молодца такого-то, как я,—
И целовать и обнимать бы стала.
А ты... Э, что ж ты покраснела, а?
Аль думаешь: мол, стыдно целоваться?
Э, полно! Вздор. Ты не красней! Гляди-ка:
Я путь-дорожку укажу, Анюта!
И таково-то сладко поцелую.

(Он подходит ближе, она отскакивает.)

Что пятишься? Аль думаешь, я вру?
Не сладок поцелуй? Ей-богу, сладок!
На свадьбах даже «горько» говорят,
Мед подслащают сладким поцелуем.
Да вот гляди!

*(Подступает решительнее, хочет обнять ее;
она с силой отталкивает его.)*

А н н у ш к а. Поди ты прочь!

Ф р о л *(про себя)*. Вот на!

Али коса на камень наскочила? *(Громко.)*

Да полно ты! Ишь, шутки у тебя

Какие несуразные! Я с лаской,

А ты... *(Опять хочет обнять.)*

А н н у ш к а *(отталкивая с силой)*.

Поди ты прочь! Прочь, говорю:

Теперь скричу, себя не пожалею...

(Слезы брызнули у нее из глаз.)

Ф р о л *(про себя)*. Заплакала в придачу! Ну, брат Фролка,

Не чаяли мы эдакой беды!

А попытаемся еще — авось ли

Наладим.

(Громко, но не так развязно, как прежде.)

Плачешь-то о чем? Аль я

Тебя обидел? Что худое сделал?

А н н у ш к а. За добрым делом что ль пришел сюда?

Ф р о л *(стараясь попасть в прежний шуточный тон, что ему не удается)*.

И то за добрым... право же... ей-богу!

Я... да я... я свататься пришел;

Я парень молодой, а ты девица

На выданыи... я свататься пришел...

А н н у ш к а. Не ври! Не свататься пришел на мне ты,—
Какое сватанье у девки с парнем!—
Пришел меня бесчестить и позорить.
Ты никогда не видывал меня,
Да и не мог нигде; я в церкви
В своей бываю, наверху, в домово́й...
Аль по дороге где меня ты встретил?..
Нет, ты не видел и не мог ты видеть
Меня! Ты воровски залез в терём,
Чтобы меня бесчестить и позорить!

Ф р о л (*про себя*). Ну, Фролка, не плошай! Смелее действуй!
(*Громко, сам не зная хорошенько, что говорит.*)
Да нет же, нет! Я полюбил тебя!

А н н у ш к а. Как полюбить меня ты смог, не видел?
Слышала я — мне кто-то говорил —
Что так порой бывает: встретишь
Ты молодца — и глянешь на него,
И встретишься ты с ним очами с очи,
И словно в сердце кто кольнет,— полюбишь,
Сама не знаешь как, и он не знает.

Ф р о л. И я вот для того пришел к тебе:
Взгляни мне в очи, тоже прилучится.

А н н у ш к а (*со слезами в голосе, но отнюдь не плаксиво*).
Не смейся ж надо мной, не надсмехайся.
За что меня, за что пришел бесчестить?
Аль батюшkom-родителем обижен
И отомстить на мне обиду вздумал?
Аль кто из нашего честного роду
Тебя, безродного, когда обидел?
Да я-то чем, чем пред тобой повинна?
За что меня бесчестишь и позоришь?

Ф р о л. Ты все не так...

А н н у ш к а. Нет так. Зачем пришел?
Зачем ты здесь? Скажи! Ну, отвечай же.

Ф р о л. И сам не знаю, как сюда попал,
Должно, что хмельным вихрем занесло.

А н н у ш к а. Вот так вернее. Так зачем же лгал,
Что любишь-то, что свататься пришел?

Ф р о л (*про себя*). Тьфу, неотвязная! Никак не сладишь!
(*Громко, с досадой.*)

Ты — что же? точно допытаться хочешь,
Зачем пришел? Все подлинно узнать?
Всю правду выложить на стол прикажешь?

А н н у ш к а. Всю правду говори! Хочу я правды!
Да не обманывай. На сердце положуся:
Коль скажет сердце: «правду говорит»,
Тогда поверю; а коль не скажет,
Коль промолчит правдивое сердечко,
Так значит — и теперь солжешь.

Фрол (с досадой и на неудачу, и на себя, начинает с каким-то неестественным злорадством, но в дальнейших речах становится естественнее).

Ну, слушай же! Чур, после не пенять!
Ты слышала — что гости говорили?
Что Фролка — плут и вор. И правда, правда:
Он точно плут — такой же, как и все!
Да только честь ему такая вышла,
Что плутом все в особину чествят.
А плут не прост — и порешил с собою:
«Давай, мол, Фролка, вылезем мы в люди:
Ты плут большой — знать, быть те воеводой!»
Что? Хорошо?

Аннушка. Ты дальше... дальше!

Фрол. А дальше расскажу тебе — зачем
Мне в люди вылезти пришла охота.
Живу-то я на свете не один:
Сестренка есть — на выданьи девица,
Братишка есть — мальчонка-малолеток.
Сестренку надо накормить, одеть,
И замуж тоже хочётся пристроить.
Братишка тоже просит есть, дурак,
Откуда хлеба брату взять — не спросит.
И самому — вишь — тоже надоело.
(Обидчивость напала на меня!)
Что, ровно псу, за труд алтын бросают.
Мол, не хочу подачки получать;
Сам буду брать, как стану воеводой.
Ты слушаешь?

Аннушка. Не проронила слова.

Фрол. И вот задумал я — как выйти в люди.
Мол, женимся, Фролушка, на богатой,
А где жениться? Кто за нас отдаст?
Тебя хотел взять просто, без отдачи:
Так, вишь, спесивишься, нейдешь за нас;
Вишь, правды-матки захотела слушать,
А правда-мать ужли благословит
Тебя — за вора, за меня?

Аннушка. Ты дальше...

Фрол. А дальше что? Ищу себе невесты,
Да и проведаль, что живешь в усадьбе
Одна ты с мамкой: лакомый кусок!
Не устоял, на хитрости пустился.
Ты помогла, спасибо: захотелось
Поворожить тебе; взыскалась мамка,
Я подвернулся — ворожить пошел.
Задумал силой овладеть тобою,
А вышло, что тебе же повинился.—
Что, какова Фролова правда-матка? (Помолчав.)

По нраву ли? Аль ложь была покраще?

Что ж ты молчишь?

А н н у ш к а. Не знаю, что сказать.

Ф р о л. Как? сердце-то правдивое не знает?

Не говорит: «хоть Фролка-де и плут,

А жалко стало горюна,— давай, мол,

Помилуем да приласкаем вора?»

А н н у ш к а. Не знаю, верить ли...

Ф р о л. Нет, ты не верь.

За что меня жалеть? Я ведь сегодня

Прибеднился нарочно, чтоб тебя

Разжалобить душевными словами.

За что меня жалеть? Я нешто

Тебя жалел, как в терем собирался?

Не про тебя я думал,— про себя;

Мне было б хорошо, а ты как знаешь!

Хоть пропадай потом! Я вот что думал. *(Пауза.)*

Что ж? все молчит правдивое сердечко?

(Сам с собою, но громко.)

Тьфу, черт возьми! Что говорю — не знаю.

Ну, так ли, думалось, пойдут дела?

Мне этого и в мысль не приходило!

Казалось дома: мудрена ли шутка?

Мол, пошучу, себя озолочу.

Так думалось: мол, в терему скучает,

Увидит молодца — сейчас на шею...

Да что же ты молчишь? Скажи хоть слово,

Хоть расказни меня, да не молчи.

(Короткое молчание.)

А н н у ш к а. Аль заговор бесовский власть имеет,

И от него уж мне не отчураться?

Аль суженый ты мне? аль вправду, плута,

Тебя и на коне мне не объехать?

Не знаю — как, а только стало жалко

Тебя мне, молодца; и знаю, девка,

Что ты мне враг, пришел меня губить,

Что мне тебя — не то жалеть, а мало

Зарезать, вора,— да беда моя:

Так жалко стало мне тебя, так жалко!

Ф р о л. А! пожалела, значит — полюбила:

Где жаль живет, там люди сердцем близки.

А н н у ш к а. А ты меня жалеешь хоть маленько?

Ф р о л. И я жалею. Жалко мне тебя,

Хоть завтра пожалею я иначе...

Опять сказать: хоть шел я за богатством,

Да не с богатством — с человеком жить,

Не с часты переходы жить — с любовью.

А что судьба с тобой мне жить, Анюта,

Так этому я верю, ровно богу.—

Аль мне все это грезится во снах? И я
Не в терему стою перед тобою,
А дома сплю? — Таков ли наяву
Я, Фролка, плут? — Жалеть тебя не стал бы!
Не я тебя, а ты заговорила
Меня — своею чистотой девичьей,
Да кротостью своею голубиной.

А н н у ш к а. Надолго ли? До завтра, или дольше?
Ф р о л. Навеки ты меня заговорила;

Теперь — не я, а ты во мне вольна.

А н н у ш к а. И мне сдается: стану я ходить

Не по своей уж воле, по твоей...

Ф р о л. А воля коль одна — муж да жена. (*Весело и попадая сразу в прежний шуточный тон.*) Ну, по рукам ударим — так ли, что ли? Целуй меня! Теперь-то поцелуешь! (*Целует; она не отталкивает его.*)

А н н у ш к а. Ох, Фрол ты, Фролушка!

Ф р о л. О чем опять заплакала?

А н н у ш к а. Все о судьбе своей.

Ох, сердце шепчет: быть мне за тобою,

А стыд девичий не велит, не хочет...

Да не от нас талан!

Ф р о л. Не плачь, голубка:

Не хуже я других, хоть плутом прозван.

Какая ни на есть Фролова правда,

А все ж разжалобить тебя смогла! (*Обнимает Аннушку; она не сопротивляется и с тихими слезами кладет ему голову на плечо.*)

М а м к а (*за сценой*). Батюшки-светы! боярышня, где ты?

Боярышня отталкивает Фрола. Оба вздрогнули и стоят точно виноватые, не глядя друг на друга. Мамка вбегает чуть не опрометью.

А н н у ш к а. Аль не ведаешь где, с кем оставила? Чего раскричалась?

М а м к а. Ох, беда нам пришла! С Москвы гонец пригонил. Приказ нам с тобой в Москву ехать: через две недели чтоб там быть.

А н н у ш к а. Не велика беда. Поспеем. Вон беда стоит: глянь-ка! Вот эту беду — нелегко изжить!

М а м к а (*глянула на Фрола и руками всплеснула*). Ох, батюшки!.. Да мы его!.. Да мы!..

А н н у ш к а. Что мы?

М а м к а. А слуг покличем. Связать его, связать, да в погреб! Да на цепь плута! рассказать его!

А н н у ш к а. Хитро придумала. Аль срам ничто?

Что люди скажут, как его засадим?

М а м к а. А коль не хочешь — воля ин твоя —

Оставим мы его денечка на три,

Пусть поживет в девичьем терему;

И людям будет невдомек, что парень.

А там честным пирком за свадьбу,
За рубль-другой окрутит поп на славу;
Аль не венчаются уходом девки?
Так и зовутся: девки-самокрутки.

А н н у ш к а. Ты — что ж? Смеяться над моим над горем?
Топить меня? навеки загубить? —
Спродай его!

М а м к а. Как повелишь, голубка. (*Подходит к Фролу; по дороге ворчит в сторону.*) Знать не по нраву! Угоди на девок! (*Громко.*) Ну, брат, ступай! — Шубейку подыми! (*Тихо.*) Дурак ты — вижу! Не смел девчонку...

А н н у ш к а. Гони его!

Ф р о л (*отстраняя мамку, Аннушке*). За что же гнать ты хочешь? Сама жалела горюна, меня...

А н н у ш к а. Жалеть-жалела — только разжалела! (*Мамке.*) Гони его! (*Сильнее, точно боясь пожалеть опять.*)

Ф р о л. За что ж? Чем не угоден стал?

А н н у ш к а. И то мне в стыд, что я могла
Жалеть тебя; что чуть не угорела.
То были мы с тобою — с глазу на глаз,
Ну, а теперь... теперь ты видишь...
Опять по-прежнему... как было до тебя...
И я такой же стала, как была
До этого... (*Идет.*)

Ф р о л. И слова не промолвишь?

А н н у ш к а (*на походе*).

А на прощанье вот что я скажу:

Хвалился ты — меня заговорил-де...

Заговорить сумел, сумей добыть! (*Уходит.*)

Ф р о л (*ей вслед*). Добыть — добуду, только ты не пяться!

М а м к а (*подымая шубейку и кичу*). Ну, подбирай кичу-то, что ли. Шубу-т надень. Девки, гляди-ка, нагрянут. Ну, пошел! Поделом тебе, плуту! Пошел! (*Толкает. Фрол стоит в раздумьи.*)

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Действующие лица

ФРОЛ СКАБЕЕВ.

ЛЫЧИКОВ САВВА.

ВАРЮША.

ЛАВРУША.

Л а в р у ш а (*вбегает в среднюю дверь*). Сестрица, сестрица!
В а р ю ш а (*выходит из боковых дверей, из чулана*). Что там?
Л а в р у ш а. Сестрица, знаешь, кто идет?
В а р ю ш а. Братец вернулся?
Л а в р у ш а. Ни. Лычиков сам.
В а р ю ш а (*сердито*). Этот зачем?

Входит Лычиков.

Л ы ч и к о в (*входя*). Варваре Скабевне!
Л а в р у ш а. Ну, я змея спускать побегу! Славный такой — Ванька сделал, с трещоткой. (*Уходит.*)
В а р ю ш а (*сухо и отворачиваясь*). Здравствуй. Братца нету. Третий день, как ушел.
Л ы ч и к о в (*неловко*). Вернется сейчас. — К нам заходил, велел мне сюда идти; сам в каптане¹ придет.
В а р ю ш а. В каптане?
Л ы ч и к о в. Аль не знаешь? Ведь он нынче женится.
В а р ю ш а (*сердито*). Врешь все.
Л ы ч и к о в. Право же. Мне велел идти...
В а р ю ш а. А сам-то ты прийти не мог? Который месяц на Москве, хоть бы глаза показал! Далеко ходить, видно, ноги отвалятся.
Л ы ч и к о в. Эх, Варя!
В а р ю ш а (*все горячее*). Знаю без тебя, что Варя! В деревне-то, небось, к венцу звал — мол, хоть сейчас. А на Москве, видно, и без нас много. Вот она, любовь-то твоя, какова! Еще божился.
Л ы ч и к о в. Да я...
В а р ю ш а (*так же*). Что — ты? А кто на поезде божился, что как, мол, в Москву, так отцу в ноги: «благослови, мол, родитель!» Не ты, скажешь, божился? Другой кто?
Л ы ч и к о в. Да постой...
В а р ю ш а (*так же*). Нечего стоять! За постой деньги платят...
Л ы ч и к о в. Что ж это?..
В а р ю ш а (*так же*). Молчи. Дай мне сердце-то облегчить. Ведь я из-за тебя, злодея, может... (*Начинает рыдать.*)
Л ы ч и к о в (*подбегает к ней, взял за руку*). Да полно же, Варя. Нешто я виноват? Нешто я отца не просил? В ногах у него не валялся?
В а р ю ш а (*сквозь слезы*). Оно и видно!..
Л ы ч и к о в. Я ему — и так, и сяк. Жить, говорю, без нее не могу. А он: «В холодную-де тебя! на цепь! Да и ее-де в тартарары упеку, и родню ейную, мол, туда же. Я, говорит, царю самому... Говори, мол — кто такая злодейка? Еретица, мол, она, опоила тебя зельем... Топить их, ведьм, надо».
В а р ю ш а. Ну, а ты?..
Л ы ч и к о в. Уж скажу ли? выдам ли тебя?

¹ Со сцены произносится в карете, или колымаге.

В а р ю ш а (*сердито, а глаза смеются*). Ох! (*Любовнее.*) А зачем не бывал?

Л ы ч и к о в. Уж я ль не пришел бы к тебе! Нельзя было. Без спросу из дома — ни-ни! Да еще подъячего в надсмотрщики приставил, чтоб ему докладывал про все: куда хожу, с кем говорю. И аспид же подъячий — ни на вино, ни на деньги. «Мне, говорит, и Алексей Степаныч заплатит. А с тобой, говорит, пропадешь еще. Может и надо мной не один, а два еще надсмотрщика приставлены».

В а р ю ш а. Ишь, черт!

Л ы ч и к о в. А родитель-то все пуше орет: «Отышу-де ее на дне морском. Доеду и ее, и родню всю!» — Ну, и не смел идти сюда.

В а р ю ш а. Бедный! А я-то по тебе соскучилась!

Л ы ч и к о в. А я ужли без сердца?.. Я-то тебя видел.

В а р ю ш а. Где?

Л ы ч и к о в. А в церкви. Только подойти не смел; гляну — мигнуть только — да опять в сторону. Раз было попробовал мимо пройти. Что ж? — ведь узнал. Вечером допрос: «Зачем, мол, по такому-то проулку ходил?» Я было на брата твоего, на Фрол Скабеича, так «врешь, говорит, беспременно она там и живет. Все дома, говорит, переворошу». Ну,— тут я...

Входит Фрол.

Ф р о л (*входя*). Тут я, тут.— Сестра, здорово!

В а р ю ш а (*подбегает и целует его*). Братец, откуда?

Ф р о л (*садится к столу*). Ух, уморился! Легко ли: сорок верст взад и вперед. Ух! Дома отдохну, думал,— ан тут опять поезжай.

В а р ю ш а. Правда, братец, Савва Алексеич сказывал, женишься нынче?

Ф р о л. Уж разболтал! Ох, люди! Языко-т чешется: промолчать нельзя...

Л ы ч и к о в. Да я...

Ф р о л. Молчи уж.— Сестра, поди-кась сюда. А ты не слушай! (*Варя подходит, Лычиков смотрит в окно.*) Мамка приходила без меня?

В а р ю ш а (*тихо*). Как же, братец, два раза была. Горюет, сказывала, боярышня; все посылает о тебе узнавать...

Ф р о л. Горюет! То-то же! Не гнать тогда было! — А еще что?

В а р ю ш а. Да говорила еще — истомила-де меня, твердит: «По-видать бы его. Да куда уехал? Да сестра отчего не знает? Да жив ли?»

Ф р о л (*вставая*). Ладно.

В а р ю ш а (*с недоумением*). Не на ней ли женишься?

Ф р о л. А то на ком же? (*Смеется.*) Угадала, брат, угадала. Что глаза-те выпучила? (*Треплет по плечу.*) Эх, Варюха, Варюха! (*Лычикову.*) Ну, ты теперь. Иди сюда!

Л ы ч и к о в (*подходя*). Что прикажешь?

Ф р о л. Ступай ты в чулан, лежит там ваш возник пьян...

Лычиков. Как пьян?

Фрол. Изрядно. Хоть собака рыло лижи, не услышит. Да не в том дело...

Лычиков. Как же он посмел?

Фрол. Он-то не смел, да я на помощь поспел. Накачал его по горло; как в ворота, с козел пал. Уж мы с Лаврушкой за ноги его в чулан сволокли.

Лычиков. Ты зачем же поил его?

Фрол. А чтоб не жалился: мол, на свадьбе был, а в рот не попало.

Лычиков. Да ты нешто венчался?

Фрол. Повенчайся я, парень, с женой прикатил бы. Ох, Савушка, и этого разобрать не можешь.

Лычиков. Хоть дураком зови, ничевошеньки не понимаю. Кто ж в возниках по невесту поедет?

Фрол. А ты.

Лычиков. Я? Аль белены объелся?

Фрол. Где объестся! Дорога больно белена-то, не по карману.

Лычиков. Хоть повесь...

Фрол. Чего тебя весить!.. и так знаю, что не тяжел — сдержут козлы.

Лычиков. Ничего не разберу.

Фрол. Вожжи, чай, разберешь: какая правая, какая левая. А больше нам и не надо.

Лычиков. Ты и впрямь думаешь — я на козлах поеду?

Фрол. А что же?

Лычиков. Мне-то! стольничему сыну!

Фрол. Аль место не по тебе? Не бойсь, не низко сидеть будешь...

Лычиков. Да меня вся Москва знает...

Фрол. А чтоб не узнала, рожу тебе сажей вымажем.

Лычиков. Это — мазанным по Москве ехать?

Фрол. Зато таким-сяким немазанным не назовут.

Лычиков. Как хошь зови, не поеду.

Фрол. Не поедешь? Зачем же ты сюда шел?

Лычиков. Ты позвал.

Фрол. Гость-то ты — званный, а хуже татарина. Слушай ты ухом. Дело нешуточное. Невесту-то я увозом беру..

Лычиков. Увозом?

Фрол. Отгадал. — Ну, сиди твой возник на козлах, завтра вся Москва узнает — где увез. А мне этого не треба. А нужно так, чтоб ни собака куцая не знала. Я и раздумался: на кого-де мне положиться? Есть ли друг у меня сердечный? Думал и надумал: опричь Савушки, положиться не на кого. Не поедет он — хоть топись. А выходит — ты мне не друг, а хуже ворага.

Лычиков. Да я...

Фрол. Слушай, Савва, вот тебе мое последнее слово: не поможешь ты мне нынче — не видать тебе сестры, как ушей своих.

Лычиков. Что ты?

В а р ю ш а (вместе с Саввой). Братец!

Фрол (*сестре*). Нечего: «братец!» Проси милого-то, чтоб помог.

Фрол стоит по одну сторону Лычкова, Варя — по другую. Оба взяли его за руки, и каждый, как скажет, дернет его за руку в свою сторону. Лычков несколько раз попытается сказать слово, но брат с сестрой быстро говорят один за другой, и он не успевает.

Варюша. Савушка, ну, что тебе! Ну, оденься! Да никто не узнает.

Фрол. Где узнать! Мы ему еще бороду черную прицепим.

Варюша. Вот видишь!.. Голубчик, поезжай!

Фрол. А не поедешь, хоть отец твой распроси, не отдам сестры. Свезу ее, куда Макар телят не гонял. Со свечой не сыщешь.

Варюша. Помогите вы ему. Уж братец нас потом выручит, верно говорю.

Фрол. Ой, прямо тебе говорю: лучше ты не серди меня.

Варюша. Савушка, да полно же...

Фрол. Меня рассердишь...

Лычков (*рванулся от них*). Да что ж вы... вдвоем на одного... да я.. я, пожалуй, и рад...

Варюша. Давно бы так.

Фрол. А рад — мажь рожу сажей.

Лычков. А неравно отец узнает... подъячий за мной приставлен...

Фрол. Подъячего не бойся! На сегодня тебе льгота: я отца твоего обошел. Подъячий в церкви теперь сидит...

Лычков. Ой ли?

Фрол. Ей-богу.

Лычков. Где ж венчаться будешь?

Фрол. А у Спаса в Чигасах за Язукою...

Лычков. А попо-т знает, что увозом?

Фрол. Как не знать! Я ему так и сказал: невеста, мол, за мной, батька, уходом, а я-де ее — увозом.

Лычков. И других эдак же повенчает?

Фрол. Чего не венчать! Батька-то вишь испивает, а matka у него злая — деньги отбирает, на ключ запирает. Из дому тоже стащить нечего. Сидит попик да плачет, да попадейку клянет. Тут я ему на выручку подоспел, денег посулил много. — Нет, говорит, ты мне не деньгами, а вином. — Изволь, говорю, батька! по мне хоть пивом. — Эдак обрадовался! Три недели сердечный не пил! — Ну, говорит, matka, теперь шалишь! Меня на кривой тоже не объедешь! Вволю погуляю! Да нет ли, брат, еще кого у тебя? Мол, родного брата на сестре повенчаю. — Вот как разгулялся!

Лычков. Ой ли? Давай сажу, мажь лицо. Едем.

Фрол. Давно бы так.

Лычков. Только с уговором.

Фрол. С каким еще?

Лычков. Семь бед — один ответ. Сем-ка мы с Варюхой округимся сегодня.

В а р ю ш а. И то, братец, всем бы вместе!

Ф р о л. Ишь, проворные какие! Нет, брат, стой: отца твоего мне сердить не к чему, рано еще. Ты погоди: меня обвенчаешь — а я не на простой какой женюсь — как дело-т уладится, так родитель твой с радостью согласится. Как, Варя, скажешь?

В а р ю ш а. Пожалуй и так. А то и перед Савушкиным и перед ейным-то отцом отвечать придется. Так ли, Савушка?

Л ы ч и к о в. Оно, пожалуй, и так... а все...

Ф р о л. Так оно и есть. Истину сестра сказала.

Л ы ч и к о в. А так нешто не достанется?

Ф р о л. Говорю: отец твой выручит. Нельзя ему будет за меня не заступиться. Уж я твердо знаю. Так все подстроено.

Л ы ч и к о в. Эх, разохотил ты меня!..

Ф р о л. Погоди месяц, другой. Верно тебе говорю: все в лучшем виде оборудуем. Сестра, проси!

В а р ю ш а. Подождем, Савушка! Что — месяц, другой! Ведь я тебя сколько ждала!

Л ы ч и к о в. Ох, Варя! Для тебя, кажись, все...

Ф р о л. Ну, и ладно!

Л ы ч и к о в. Только вот что, Варюха: целуй ты меня, чтоб не так горько ждать было...

В а р ю ш а. А завет помнишь? До свадьбы — ни!

Ф р о л. Полно, сестра, не кобенься — некогда. И самой поди в охоту...

В а р ю ш а (*Лычикову*). Ну, давай.

Л ы ч и к о в (*подбегает*). Ой ли?

В а р ю ш а. Только разик (*целуется*). Ну, довольно!

Л ы ч и к о в (*еще целует*). Еще, еще!

Ф р о л (*шутливо отгоняет его*). Довольно с тебя! Эх разлакомился! — Ну, вот и ладно. А то подумай: твой отец с кнутом, а ейный с батогом, как начнут утюжить с двух концов — пожалуй, не вывезешь.

Вбегают Л а в р у ш а.

Л а в р у ш а. Братец! взнуздывают! Тамо-т!

Ф р о л. Ладно. Беги, сторожи, и опять сюда стрелой!

Л а в р у ш а убегает.

Л ы ч и к о в. Где взнуздывают?

Ф р о л. А там. Тесть с тещей едут; нам это знать надо: при них не увезешь. И угораздило же старых нынче ехать. Хоть бы денек отдохнуть дали.

Л ы ч и к о в. А тебе до завтра подождать нельзя?

Ф р о л. И глуп ты, скажу тебе, Савва, хоть и зять мой нареченный. Завтра-то четверг, и пьяный поп под пятницу не повенчает!

Л ы ч и к о в. Ну, в пятницу.

Ф р о л. Ох, дурак!

Л ы ч и к о в. Что ж лаешься?

Фрол. А то: слушай, как дело-то было.— И не след бы рассказывать, да больно шутка хороша, нельзя не похвастать.— Вишь ты, у тещюшки-то нареченной сестрица есть — теткой буду величать ее, голубушку,— в монастыре игуменьей...

Лычиков. В каком?

Фрол. Знамо не в мужском, в девичьем! Верст сорок отсюда монастыре-т.— Был это у нее братец — тещюшка мой то есть — она и расплачяся: «ой, братец, хочется на племянницу поглядеть, отпусти ты ее ко мне». Тесте-т отвечает: «Отпустить мне ее самому не с кем; а пришли, сестра, капитану за ней — отпущу».— Ладно, говорит старушка, пришло.— Вернулся тесть, приказ отдал: «Приедет-де сестрина капитана, хоть без меня — отпустить Аннушку».— Чуешь? Хоть без меня! Ну, ладно! Было это... когда я, сестра, ушел?

Варюша. В субботу, братец.

Фрол. Так.— В субботу же за вечерней мамушка — боярышни моей мамка то есть — про все мне и сдоложила. Я все смекнул и за дело. В монастырь; там разузнавать: кого пошлют, да возника как звать, да как ключника величать, и все такое; да лошади, мол, какие?

Лычиков. То-то ты отца и просил, вороных чтоб приказал заложить?

Фрол. Отгадал.— У игуменьи тож вороные — от ваших не отличишь, как раз под пару — а то мне хоть на саврасых венчаться. Еще спасибо твоему родителю, что отпустил.

Варюша. Ловко, братец.

Фрол. Ну, а тесть с тещей к Троице собрались*, богу молиться, ден десять в отлучке будут,— сегодня их, вишь, черт и несет — ну, значит нам лафа боярышню украсть.

Лычиков. Чего ж торопиться, коль на десять дён едут.

Фрол. Опять дурак.— Они как уедут, я на двор. А запоздай — кто знает?— тут-то может, черт игуменью и дернет за племянницей послать. Увезут в монастырь, жди — когда экая благодать опять привалит.

Варюша. Чудесно!

Фрол. И заметь: никто этого, кроме нас троих, не знает: ни боярышня, ни мамка, ни единая душа. Внезапно налетим.— Так вот оно, Савушка, как девок-те воруют. Для того тебе говорю, чтоб коли Варюху воровать придется, знал бы, как дело делать.

Лычиков. Э, мне что знать! Случится, ты же поможешь.

Фрол. И то.— Идем же. С возника платье стащить надо. *(Идут.)*

Лычиков *(в дверях)*. А нам с Варей — никак нынче нельзя?

Фрол. Ну, иди.— Варюша, собери закусить что. *(Уходят.)*

Варюша. Ладно.— Господи, господи! чем-то все кончится!.. *(Уходит в чулан.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Действующие лица

СТОЛЬНИК НАРДЫН-НАШОКИН

древний старик.

ВЕЛИК-БОЯРИН.

ФРОЛ.

СТОЛЬНИЧИЙ ДВОРЕЦКИЙ ПЕТР САВЕЛЬИЧ

СТОЛЬНИЧИХА СТАРУХА.

АННУШКА.

МАМУШКА АКСИНЬЯ.

МАВРУШКА.

У Нардын-Нащокина.

Входят Нащокин и Дворецкий.

Нащокин. Что, Савельич, все ли готово?

Савельич. Готово-то все, только...

Нащокин. Что там еще?

Савельич. Велик-боярин, Иван Парамоныч, приехал.

Нащокин *(с досадой)*. Сказал бы что сам ему сейчас.

Савельич. Сказывал, да «мне, говорит, ненадолго, — на одно, говорит, словечко».

Нащокин. Ох, от него добром не отвяжешься. Проси уж. *(Дворецкий уходит.)* Вечно-то не в пору придет.

Входит Велик-боярин.

Велик-боярин. Свату низкий поклон, челом бью.

Нащокин *(не скрывая неудовольствия)*. Ох, здравствуешь, Иван Парамоныч. Как господь носит? Садись. *(Садятся.)*

Велик-боярин. Слава богу, сват. Не в пору, кажись, приехал?

Нащокин. Не скажу, чтоб вовремя; ехать сам к Троице собрался...

Велик-боярин. Уж прости, друже, лихом не помяни. Дело-то важное, безотложное.

Нащокин. Сказывай, сват, скорей.

Велик-боярин. Есть у тебя, сват, в Новгородской волости поместье, и в том твоём поместье приказчик у тебя есть Викул...

Нащокин. Слыхал, сват, слыхал. Бают люди, что есть.

Велик-боярин. А от той твоей от усадьбы недалече Фролово поселье стоит, Скабеева сына, Ивановича...

Нащокин. Стоит так стоит.

Велик-боярин. А Фроло-т этот, ведомый плут и вор, меня надул ловко, сам за свою поимку с меня деньги взял, да и братишка его, Лаврушка...

Нащокин. Не раз, сват, про них от тебя же слышал.

Велик-боярин. Что ж, сват, по-твоему мне от эдакого

мальчонки в обиде быть, от Фролова братишки терпеть? Сказал Фрола на Москве, а Фроло-т дома сидит.

Н а щ о к и н. Аль мне до них, до Фрола с Лавром, дело есть?

В е л и к-б о я р и н. А ты отпиши, приказчику своему Викулу отпиши: тех бы воров в усадьбе твоей не хоронил, а моему бы приказчику Федоту выдал, а он...

Н а щ о к и н (*встает*). Ох, сват, писано уж.

В е л и к-б о я р и н (*встает же*). Ну, ну, сват, не сердись... Экая порода ваша Нащокинская горячая...

Н а щ о к и н. Аль, сват, не видишь: еду, колымага к крыльцу подана; другой бы от ворот подальше — не помешать бы, дороги не переехать, а ты с своими ворами да плутами прилез...

В е л и к-б о я р и н. Иду, сват, иду. Прощай. (*В дверях*.) Так отпиши же.

Н а щ о к и н. Отпишу, прощай. (*В двери*.) Эй, кто там? Звать сюда боярню с боярышней... (*Один*.) И пристал же! Который раз просит! Ищи ему невесть каких Фрола с Лавром... А мне до Фрола с Лавром что... не лошадьми, прости господи, барышничать!*

Из боковых дверей выходят: Стольничиха, Аннушка, мамка; из средних — Савельич.

Н а щ о к и н (*жене*). Ну, старуха; ехать пора — собралась ли?

С т о л ь н и ч и х а. Собралась, старик, собралась...

Н а щ о к и н. Мамке наказ дала ли?

С т о л ь н и ч и х а. Дала, отец, дала.

Н а щ о к и н. Ну, я еще прибавлю. Ты, Аксинья, слышь, — я вашу сестру знаю — как господа из дома, у вас тут кумушки да голубушки заведутся; то сама на пиру, то в терему дым коромыслом.

М а м к а. У нас, государь, когда же?

Н а щ о к и н. Ты молчи, наказа слушай.

М а м к а. Слушаю, государь, слушаю.

Н а щ о к и н. Тоже богомолка да торговки разных без нас в терем отнюдь не пускать. Пойдут: тары, да бары, разны товары, да и наболтают с три короба — от них и разврату завод. (*Дворецкому*.) Тебе, Савельич, наказ даден... ни на шаг не отступать. Микитка конюх вернется, — на конюшню: березовой кашей покорми; не загуливал бы, поучи. (*Обоим*.) Да еще обоим вам слово. Сказано было, еще повторю: от сестры игуменьи за Анной приедут — отпустить. — Поняли?

М а м к а и С а в е л ь и ч. Поняли, государь, поняли.

Н а щ о к и н. Ну, теперь садитесь. Все присядьте. (*Садится; по молчанию*.) Ну, помолясь богу, и в дорогу. (*Целуя дочь*.) Прощай, Анна. Ну, прощайте и вы (*дворецкий и мамка к руке подходят*).

М а м к а (*целуя руку боярину*). Мы бы с боярышней тебя на крылечко провожать...

Н а щ о к и н. Не надо. Дальние проводы, лишние слезы.

С т о л ь н и ч и х а (*обнимая дочку*). Ну, Аннушка, прощай. Ой, дочушка, чтой-то ты словно плакала, личико-то бледное... о чем заскучала?

А н н у ш к а. Нет, матушка, ни о чем.

Н а щ о к и н. Ой, жена! Век тебя учу, порядку не знаешь. Раньше не могла на дочку поглядеть...

С т о л ь н и ч и х а. Ох, уж этих порядков, отец, вовек не пойму.

Н а щ о к и н. А брато-т говорит: «В чужих-де землях все на порядке держится».

С т о л ь н и ч и х а. Умен твой брат очень! А по-нашему: славны бубны за горами...

Н а щ о к и н. Ну, ладно уж. Едем. *(Подходит к дочке.)* Прощай, Анна; еще раз прощай. Чтой-то в самом деле скучновата, кажись? Учил тебя не скучать. С царевн бы пример брала. Татьяна-т свет Михайловна эк искусно книжку списала, и картины в ней писаны... Царе-т батюшка сестрой утешается. И ты бы — писать научена — книжку какую святую тож списала. А я бы гостям, как царь же, дочкой хвалился. А картины писать, мастера можно принанять — поучит. Ну, да полно, прощай *(целует)*. А то вовек не кончим: мы, старые, поболтать любим. Едем, старуха, едем *(идет, за ним дворецкий)*.

С т о л ь н и ч и х а *(обнимая дочку)*. Не кручинься, дочушка, авось тетка сегодня за тобой пришет — все проедешься, порассеешься *(целует)*. Иду, старый, иду! *(Торопливо уходит за мужем в средние двери.)*

М а м к а и А н н у ш к а.

М а м к а. Что, царевна моя белая, призадумалась? О чем закручинилась?

А н н у ш к а. Не знаешь! Ты-то не знаешь, о чем? — По нем все плачу, по нем! Видеть его хочу, слово молвить...

М а м к а. Что, Аннушка, делать? Нешто я не хлопочу — сегодня чуть свет бегала — сестренка говорит: «Не знаю, с субботы, мол, и дома не бывал»...

А н н у ш к а. Ох, хоть ее повидеть бы!..

М а м к а. Кого еще?

А н н у ш к а. Сестру его; с ней о нем поговорила бы, поплакала.

М а м к а. Да как же ее повидеть?

А н н у ш к а. Ох, старая! Догадки у тебя нет... Приведи ее, сейчас... пусть торговкой нарядится, кружевницей что ли... кружев будто продавать придет...

М а м к а *(догадалась)*. Стой! Да мы его самого кружевницей проведем!

А н н у ш к а. Его — не надо; ее, сестру, проводи.

М а м к а. Аль ты думаешь, что плут он — так и провести его нельзя? Небось, проведем. Аль его-то расхотела?

А н н у ш к а. И теперь хочу, сейчас хочу, сию минуту. Только хочу, чтоб он пришел, сам бы пришел.

М а м к а. Да он и придет; не иной кто.

А н н у ш к а. Не то ты говоришь! Хочу, чтоб своей волей пришел, сам — поняла? Коль не забыл — придет!

М а м к а. Аль не одно: сам ли придет, я ли приведу?

А н н у ш к а. Что ж мне по-твоему — стыдо-т девичий вовсе за-быть, да к нему бежать? А как погонит? Как позабыл, подумал: «Не удалось-де раз, вдругорядь пытаться не стану»? Тогда что?

М а м к а. Полно-ка! Что ему от тебя, от счастья своего, отворачиваться? не победнела ты с тех пор. У родителя-то, слава богу, денег не меньше стало.

А н н у ш к а. Ох, нет в тебе стыда нисколько! Совсем, совсем бесстыжая!..

М а м к а. Вот на! меня же бранить!

А н н у ш к а. Ох, тяжело мне, тяжелехонько! Где он? Чего нейдет? Давай его! Его хочу, его — Фролушка, Фролушка, где ты?

М а м к а. Полно-ка! Стыдись — еще меня бесстыдством корила — на весь дом голосишь.

А н н у ш к а. Всю-ту я зиму здесь тосковала; от матушки крадучись, ночи напролет молчком проплакала... хоть теперь-то дай погоревать вволю... Ох, моченьки моей нет! Тяжелехонько мне, де-вушке!

М а м к а. Бесстыдница! Говорю, перестань! Идет кто-то, перестань!..

А н н у ш к а. Ох, Фрол ты, Фролушка!.. Ох, тяжелехонько! (*По лестнице слышны торопливые шаги.*)

М а м к а. Идут, говорят тебе, идут!..

Вбегает опрোметью М а в р у ш а.

А н н у ш к а (*вскочив*). Где? кто? а? зачем?

М а в р у ш к а. Не полошайся, боярышня: я это, Маврушка.

А н н у ш к а. Ты? Чего тебе?

М а в р у ш к а. Ох, боярышня, наверх сюда бежала, запыхалась. Приехали там за тобой.

А н н у ш к а. Кто приехал? кто?

М а в р у ш к а. От тетушки, от игуменьи. Каптана приехала. Старик какой-то: ни ключник, ни ключников брат, — не разобрала хорошенько.

А н н у ш к а. Ох, отлегло! Перепугала было!

М а в р у ш к а. Прости, боярышня, — ненароком.

А н н у ш к а. Ну, ступай. Скажи, я — сейчас. Старика сюда позови. Дворецкому скажи, распорядился бы. (*Маврушка уходит.*) Ну, мамка, идем, одеваться живей. (*Идет в боковую дверь.*)

М а м к а. Чего торопиться! Невидаль какая: в монастырь ехать!..

А н н у ш к а (*остановившись*). Ох, все лучше, чем здесь. Опостыло мне здесь все, стены, комнаты, ровно тюрьма какая.

М а м к а. Ну, идем, идем. Авось тебя проветрит; в монастыре-т чудесно... (*Обе ушли.*)

Входят в среднюю дверь: С а в е л ь и ч, М а в р у ш к а. Ф р о л — одет монастырским ключником

С а в е л ь и ч. Доложила, Маврушка, что от тетушки приехали?

М а в р у ш к а. Доложила; старика сюда позвать велела, а тебе — распорядился бы.

С а в е л ь и ч. Ступай, доложи: прищел, мол, старик.

М а в р у ш к а. Ладно. (*Шмыгнула в боковую дверь.*)

С а в е л ь и ч (*Фролу*). Так ты клюшнику-то как — братаном приходишься, двуродным братом?

Ф р о л. Ни, родным. Сказывал я тебе: мы вологодки; брато-тут в монастыре в ключах ходит, а я там, у себя, в монастыре тож... так теперь в побывку приехал... Брат, значит, Митрофан Семеныч...

С а в е л ь и ч. Верно.

Ф р о л. А я, значит, Микула Семеныч, брат его родный. А тебя Петром Савельичем звать? Дворецкий ты?

С а в е л ь и ч. Верно.

Ф р о л. Так и брат сказывал. Ты, говорит, к Петру Савельичу, к дворецкому... от моего имени скажи: «Мать-де-игуменья послала, а самому-де мне недужится; ногу, скажи, как летось, свело...»

С а в е л ь и ч. Опять ногу свело?

Ф р о л. Опять! На костылях ходит! Беда! — А Савватей, возник, у вас дома ли?

С а в е л ь и ч. Нет. Со старыми господами к Троице уехал. — А что?

Ф р о л. Повидаться думал. С боярином с вашим у нас на прошлой неделе был.

С а в е л ь и ч. Так; кормить станете?

Ф р о л. Нету. В Филях кормили. Беда такая — как в деревню въезжать — шина на колесе и лопни, — пока сваривали, мы и покормились. А теперь и рад бы, да к вечеру велено предоставить. То есть, скажу тебе, Петр Савельич, так это ей племянницу видеть захотелось — беда. Будь помоложе, али мирская — согрешил бы, брюхом, мол, хочет, подумал.

С а в е л ь и ч. Ну, а ты как? Испиваешь?

Ф р о л. По времени бывает: в монастыре живем.

С а в е л ь и ч. Так вот что: кормиться не станете, самим закусить можно. Ветчинка у нас есть, провесная — к господскому столу припасена — так отведать можно. На вид хороша, на вкус не знаю.

Ф р о л. Отчего не отведать? (*Смеется.*) И нашему вознику ветчинка в новинку кстати.

С а в е л ь и ч. Возник у вас новый, кажись?

Ф р о л. Новый и есть. Из татар, выкрест — мать-игуменья крестила — для того и говорю, что ветчинка в новинку ему.

С а в е л ь и ч. То-то он черный какой!.. ровно мазаный!

Ф р о л (*смеясь*). Мазаный и есть. Так его и прозвали. И по-нашему-то не тямит; только моя, твоя, да Иван — вот и весь разговор его.

С а в е л ь и ч. Так за ветчинкой в кладовую сходим? Аль, нет, лучше тут останься, посиди; не равно боярышня спросит...

Ф р о л. Ладно.

С а в е л ь и ч в средние двери вышел

Фрол (*один*). Ловко обошлось. Дворецкого пуще всего боялся. Мамки бояться нечего. И ловко ж придумал. Савушку в татары произвел. Теперь не проговорится. Спрашивай что хочешь: «моя — твоя — Иван», вот и ответ весь.

Садится на лавку у дверей.

Аннушка (*за сценой*). Что копаешься! живее! (*Входит в боковую дверь по-дорожному уж одета.*) Ты что ль, старик, от тетушки за мной приехал?

Фрол (*вставая, голос слегка дрогнул*). Я, государыня, я. (*Он, кланяясь при всяком ответе, все подходит к боярышне, так что когда открыться, он подле нее стоит.*)

Аннушка. Мы сейчас и едем.

Фрол. Как прикажешь.

Аннушка. Тетушка в добром ли здоровьи?

Фрол. Слава богу, государыня; бога благодарить надо.

Аннушка. Ты кто же? ключник?

Фрол. Брат ключников, государыня, брат.

Аннушка. А звать как?

Фрол (*озираясь*). Звать-то? — А тут никого нет?

Аннушка (*с недоумением*). Никого.

Фрол. А неровно?

Аннушка (*так же*). Никого, никого, — да тебе что?

Фрол (*взяв ее за руки, шепотом*). Аннушка, аль не узнала? ведь я Фрол!

Аннушка (*быстро, шепотом; так же оба всю сцену*). Ты? Фрол?

Фрол. Стариком нарядился, тебя чтоб увезти. Аль не веришь, в глаза взгляни — узнаешь.

Аннушка (*глянула*). Ты! ты и есть! Ох, Фролушка, голубчик (*бросается ему на шею*). Ждала тебя, ждала, насилу-то дождалася!

Фрол. Не кричи. Услышат, пропадем.

Аннушка. Ты за мной? за мной приехал?

Фрол. Добывать тебя пришел. Помнишь — велела, тогда-то. Идешь ли за мной? Веришь ли, что люблю?

Аннушка. Иду ли? за тобой-то? Любишь! любишь ты меня? еще скажи.

Фрол. Не любил, не приехал бы. С того вечера, с того самого. Насилу-то добыл, удалось.

Аннушка (*целует его*). Фролушка! А я-то! Голубчик! Миленький.

Фрол (*точно опомнившись*). Тише! — Стой! — Бежать, так бежать.

Аннушка. Бежим.

Фрол. Мамку что ждать! Увидит, остановит еще.

Аннушка. Остановит? Нет, нет! сейчас! за тобой.

Оба вместе.

А н н у ш к а. Идем. Голубчик мой!

Ф р о л. Скорей!

А н н у ш к а. Еще разик, разик только. *(Целует.)*

Ф р о л. Голубушка, после.

А н н у ш к а. Милый! Как же!

Оба, говоря, поспешно уходят в средние двери. Сцена некоторое время пуста.

М а м к а *(выходит из боковых дверей; у нее в руках целое обертая мешочков, думок, платков, телогрей и т. п.)*. Ну, вот и я! Аннушка! Ты где ж? Аль вышла?

Мавруша опрометью вбегает из средних дверей.

М а в р у ш а *(торопливо)*. Мамушка! Боярышня садиться пошла — сейчас на лестнице встретила — за тобой послала.

М а м к а *(небрежно)*. Ладно-ка, успеет. *(Торопливо.)* Мавруша — слышь — беги скорей в чулан — шубейку мою притащи, забыла. Да стой: Савельич где?

М а в р у ш а. В кладовую пошел.

М а м к а. Ну, шубейку захватишь, через девичью там в кладовую обежишь — велела-де боярышня варенья, вишневого, мол, на дорогу, чтоб взять.

М а в р у ш к а. Бегу, мамушка, бегу.

М а м к а. А я в окошко скричу, чтоб обождали. Лети же.

Мавруша убегает в боковую дверь; мамка бросает все на пол, и спешит к окну.

М а м к а *(одна, в окно смотрит)*. Это что? Села? Старико-т зачем за ней туда же лезет? *(Кричит.)* Постой! *(Начинает отворять окно.)* Эко окно-то чертово! *(Отворила. Слышно, как колеса застучали.)* Покатили! Во всю мочь. Что ж это? Господи! Аль наважденье? Мати Троеручица Пресвятая! Промеж рук выхватили! *(Бежит на середину сцены.)* Он, он, он! Некому, кроме Фрола быть! *(Набежала на грудь, что бросила, запнулась и свалилась.)* Ой-ой-ой! Ноги-те не держут! Ой-ой-ой! *(Ползает по полу, подхватывает вещи и опять бросает.)*

М а в р у ш а *(вбегает в боковую дверь)*. Вот она, шубейка. А варенье принесет, в окно скричала.— Да ты что это, мамушка, окорачь расползалась?

М а м к а *(сердито, опомнившись)*. Где окорачь! Ишь, растеряла все, подбираю. Подсоби-ка! *(Собирают обе вместе.)*

Савельич поспешно входит в средние двери, в одной руке бурак с вареньем, в другой кусок изрядный ветчины.

С а в е л ь и ч. Аксинья Пахомовна, да ты дома?

М а м к а. А где ж мне быть, соколик?

С а в е л ь и ч. Боярышню зачем же одну отпустила?

М а м к а. Не отпускала, как перед Истинным, не отпускала! Мавруша сказывала, садиться-де пошла.

М а в р у ш а. Пошла, пошла! Со стариком по лестнице бежала.

Савельич. Пошла? (*Роняет бурак.*) Со стариком бежала? Н-ну! Тю-тю! Поминай, как звали,— укатили!

Мамка (*падает опять на грудь*). Ой-ой-ой! Промеж рук выхватили.

Савельич. Верно. И колёса у каптаны красные, а у матьигуменьи желтые! А все ветчина эта проклятая! (*Швыряет ветчину.*)

Мамка (*глянув на него*). Ой, спятил, ой-ой! (*Падает и закрывает лицо руками.*)

Савельич. Только — боярин приедет, я ничего не знаю. Ты отпускала.

Мамка (*вскочила*). Что ты? Я и старика-то не видела. Мне Маврушка...

Мавруша (*перебивая*). Что ты? Я за шубейкой бегала.

Савельич (*указывая пальцем*). Я — сторона, вы отпускали: вы, вы, вы, вы!

Мамка и Мавруша (*так же, вместе с ним*). Нет, ты, ты, ты, ты!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Действующие лица

НАРДЫН-НАШОКИН.

ЛЫЧИКОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

отец Саввы.

ФРОЛ СКАБЕЕВ.

ВЕЛИК-БОЯРИН.

ПЕРВЫЙ СТОЛЬНИК

ВТОРОЙ СТОЛЬНИК } *молодые.*

ТРЕТИЙ СТОЛЬНИК }

ЧЕТВЕРТЫЙ СТОЛЬНИК

постарше.

САВЕЛЬИЧ

Нащокина дворецкий.

ВЕЛИК-БОЯРСКИЙ ДВОРЕЦКИЙ.

СТОЛЬНИКИ МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ; СЛУГИ.

*Москва. Кремль. Ивановская площадь. Перед поднятием занавеса слышен звон к достойной.**

Фрол (*один, ходит по площадке*). Чтой-то нейдет. Давно жду, все нету. Сказали: непременно, мол, в собор к обедне поедет. Да и

как не ехать — тут все стольники собираются ляды на площадке точить. — К достойной отзвонили, а его все нету. Варили, варили кашу: сладка вышла да крутенька; не стала бы в горле? не подавиться бы? — Э, вот и он.

Входит Лычиков-отец

Фрол (*подходя*). Алексею Степановичу, господину стольнику, низкий поклон!

Лычиков-отец. А, а! Фролушка! здорово! Сколько зим! С месяц, чай, не видались. Что поделывал? Аль с молодой женой все сидел?

Фрол. С нею, государь, все. Сам ведаешь: с новинки-то в охотку...

Лычиков-отец. Как не знать! Былое дело! — Ну, женился каково?

Фрол. Слава богу, государь.

Лычиков-отец. Что за женой взял? Приданое велико ли?

Фрол. Покуда не видно. А надоть быть тесть смилостивится, даст.

Лычиков-отец. Ну, подавай бог! — А я-то, признаться, на тебя в сердцах был. Попадись ты мне раньше: ругательски бы изругал.

Фрол. За что так? В чем вина моя перед тобою, государь?

Лычиков-отец. Возника эк накачал! Сами лошади в ворота стукнулись. А он, на-поди, в каптане сидит. Мы его спрашивать, а он мычит — вот и все. Дня два, как очумелый, ходил. Где был, куда ездил — не помнит.

Фрол. Выпил грешным делом, государь, на свадьбе.

Лычиков-отец. Через край хватил. А все ты, — ну, уж бог с тобою. С Саввы-дурака что спрашивать — еле жив сам притащился. И то подумал: слава те, что каптану-то назад доставил; а то от Фрола, что взял, назад не жди.

Фрол. Что ты, государь! Да когда же!..

Лычиков-отец. Прощай одначе. В собор пора. И то — по-ди — к шапочному разбору поспею. К достойне звонили?

Фрол. Давно отзвонили.

Лычиков-отец. Ой! (*Идет.*)

Фрол. Постой на малость, Алексей Степаныч, словечко сказать твоей чести надо...

Лычиков-отец. Ну, говори скорей...

Фрол. Объявка сделана — слышал ли? — пропала-де стольничья, Нардын-Нашокина, дочка Аннушка...

Лычиков-отец. Эку новость сказал! Давно вся Москва протрещала и трещать перестала; опять: у ворот всех кремлевских объявка прибита висит, и бирюч в рядах не раз кликал.

Фрол. Что ж, не нашли?

Лычиков-отец. Как в воду канула. — А тебе что?

Фрол. Так думаю: не помогу ли найти.

Лычиков-отец. Не вспомнил я про тебя раньше — старико-т

Нашокин спрашивал: «Не знаешь ли где человека, что отыскать мог? Никаких-де денег не пожалею».

Фрол. Я недорого и взял бы. Потому — отыскать ее мне не трудно.

Лычиков-отец. Ой ли? Так я сейчас ему и объявлю. Он в собор — не видал — проходил?

Фрол. Прошел.

Лычиков-отец. Так ты здесь подожди.— Как из собора выйдет, подведу тебя. Для-ча старику не удружить? Рад-то, поди, будет! — Где ж она, дочка-то?

Фрол. Замужем. Обвенчана живет.

Лычиков-отец. Э! вот оно что! А мужо-т кто?

Фрол. Мужо-т пред тобой стоит.

Лычиков-отец (*отступив от изумления*). Что-то? Ты?.. Да как же ты посмел? Эко дерево срубить задумал? Под силу ли, подумал?

Фрол. Не подумавши этакого дела, государь, делать нельзя. Я перекрестясь, как перед Истинным.— Ты только помоги теперь, из беды меня вызволь...

Лычиков-отец. Я?.. Да от таких делов люди бегут.

Фрол. Бежать-то тебе, господин стольник, не приходится.

Лычиков-отец. Меня припутать не хочешь ли?

Фрол. И путать нечего, так не убежишь. Мне теперь что? Пойду да повинюсь. А в чьей-де каптане? — В Лычиковой, мол, государь, в Алексей Степановичевой.— А в возниках кто-де ехал? А его ж, мол, Лычикова, стольничий сын, Савва.

Лычиков-отец. Ка-ак? Савка в возниках ехал?

Фрол. Точно, государь. Вознико-т без задних ног лежал, пьян,— он и поехал...

Лычиков-отец. Я их обоих выезжу! Будут знать.

Фрол. Что, государь, сердисься? Ты лучше бедному человеку помоги.

Лычиков-отец. Помогать тебе? Чем я тебе помогу?

Фрол. А тем: к тестю подведешь, якобы виниться хочу перед ним — раз; а там, чтоб к царю прямо не задумал ехать сгоряча-то жалиться — удержи. Вот и вторая помощь. Чтоб домой ехал, со старухой подумал — вот и третья. А дома со старухой поплачут, авось смилостивятся.

Лычиков-отец. Ну, Фрол, знал я, что ты плут, а этого не думал... (*Сжимая кулаки.*) То есть взял бы, кажется, теперь тебя за вихры, да по всей-то площадке оттаскал... Да что!.. Проку-то не будет; опять, обедни еще не отошли... И бей тебя не бей, все из-за тебя отвечать придется... да перед кем еще!.. Нашокины — думаешь — шутка люди?.. Ох, Фрол, плут ты, да еще с опаской плутуешь...

Фрол. Нельзя без опаски, государь. У всякого, господин стольник, плута свой расчет.

Лычиков-отец. Не теперь, после жди от меня поминанья себе... А теперь стань тут, отойди к сторонке, пойду я в собор, потом

кивну, подходи... Ох, и досадно ж, что оттрепать тебя нельзя... Ну, стой... черт с тобой!.. Тьфу!.. (Плюнул со злости.)

Фрол (один). Ну, не дорого обошлось.— Я думал, придется по площадке на четвереньках поездить: пришлось бы стерпеть ведь... Э, обедня-то отошла. Стольники выходить стали. Отойдем в сторону.

Отходит в сторону. Стольники кучками становятся на площадке. Первый, второй и третий стольники идут, разговаривая, на авансцену.

Первый стольник. А что, господа, как слышать: государь скоро на Москву будет?

Второй стольник. Не слышал.

Третий стольник. Я вечер к Матюшкину, к Афанасий Ивановичу, заходил, так он грамотку от государя-то из Покровского получил...

Первый стольник. Что ж государь, Алексей свет Михайлович, пишет?

Третий стольник. А пишет: сокольей охотой все утешается; а еще пишет про нашу братью, про стольников молодых.

Второй стольник. Что такое?

Третий стольник. А пишет: тем еще, мол, утешаюсь, что стольников ежеутр купаю. Иорданка на пруду сделана* в ней и купает. Кто по утру к смотру опоздает — полезай в воду.

Второй стольник. Ой ли! (Смеются.)

Третий стольник. А после купанья-де, пишет, жалую: купальщики те едят-де у меня, ежедён обедают, а иные говорят: «Мы нарокон не поспеем, так нас-де и выкупают, да и за стол посадят».

Второй стольник. Уж наш брат, стольник, лицом в грязь не ударит. Выгадают везде. (Смеются.)

Третий стольник. Многие, пишет, нарокон не попевают. (Смех.)

Первый стольник. А на Москву когда будет?

Третий стольник. В воскресенье, пишет, а кончае-де в понедельник.

Второй стольник (указывая на первого). Он для того спрашивает «когда будет» — нельзя ли здесь в Москве выкупаться, да пообедать даром. (Смех.)

Подходит четвертый стольник.

Четвертый стольник. А что, господа стольники,— речь вашу перебею, не обессудьте — не случилось ли чего?

Второй стольник. А что?

Четвертый стольник. А видели: Лычиков-то, ровно половный, в собор вбежал?

Третий стольник. Ловко поспел. Го есть к самому шапочному разбору.— А что?

Четвертый стольник. Подбежал к Нашокину, с ним шептаться стал.

Второй стольник. Може, о своих о делах.

Первый стольник. А что, Нащокиной дочки не сыскали?

Третий стольник. Сыщи ее! Нет, брат, не сыщешь — законопачена где сидит, не выскочит: колом прибита.

Входят: Нащокин, Лычиков, Савельич. Нащокин, с горя по дочке, очень постарел, одряхлел. Савельич его под руку поддерживает. Лычиков идет по другую.

Второй стольник (*тихо третьему*). Нащокин-то постарел как.

Третий стольник. Еще бы не постареть! Экое горе — а ему не постареть!

Нащокин. Где ж он?

Лычиков - отец. Тута дожидается; велишь подвести?

Нащокин. Ну, подведи его, вора.

Савельич. Посторонитесь, господа. Нардын-Нащокину дорогу уступите.

Стольники дают дорогу. Савельич ведет Нащокина на авансцену. Тем временем Лычиков идет за Фролом и подводит его к Нащокину. Стольники понемногу начинают прислушиваться и потом становятся в полукруг около действующих.

Лычиков - отец (*подводя Фрولا*). Вот, господин, перед тобой стоит.

Нащокин. Это ты-то — Фрол Скабеев, ведомый плут и вор?

Фрол (*в ноги*). Я, государь, я, великого прощения прошу.

Нащокин. Немало мне на тебя сват мой, Велик-боярин, жалился; как ты его надул, сказывал. Изловить даже просил.— Ну, чего тебе? Вставай да сказывай. Знать, наябедничал что несносно?

Фрол (*на коленях*). Не встану, государь. На коленях умру, не встану; пока не смилюешься, государь, не встану.

Нащокин. Полно. Не люблю я вою этого вашего слезливого. Вставай; дело говори.

Фрол (*вставая*). Великое дело, государь...

Нащокин (*шутливо*). Не велико, да с Велик-боярином? Так ли?

Фрол. Нет, государь, дело-т о дочке твоей, об Аннушке.

Нащокин (*вздвргнув*). Об Аннушке? О дочке? Аль ведаешь, где она?

Фрол. Ведаю, государь, ведаю.

Нащокин. Где ж она? Где?

Фрол. Замужем, государь, замужем.

Нащокин (*его шатнуло от этих слов*). Замужем? Кто ж он, ворог-то мой кто, говори!

Фрол. Прости, государь (*пал в ноги*). Я, государь, твой зять, я сам...

Нащокин. Ты? Ох! (*Шатается; Лычиков и Савельич держат его*). Ты? — Лжешь, лжешь! Скажи, что лжешь, — озолочу тебя, пожалую.

Фрол (*вставая*). Рад бы, государь, не могу. Повенчаны мы.

Нащокин. Повенчаны? — Охо-хо-хо! (*Горько плачет*.)

Савельич. Полно, государь, не убивай себя.

Лычиков - отец. Ох, да полно же! Индо меня слеза прошибла.

Н а щ о к и н. Ох, оставьте вы меня! Уйдите вы все! Дайте мне горе-т свое выплакать! Пять у меня сынов было, всех-то добрых молодцов схоронил! Одна радость осталась — одна дочка, свет-Аннушка! И она-то; она! погубила меня, осрамила! обездолила! Охо-хо-хо! *(Плачет.)*

Ф р о л. Воля божья, государь! Прости ты нас, помилуй. Заслужим перед тобой, государь.

Н а щ о к и н. Кого... тебя... тебя-то простить? Чести-то моей порушителя? Славы дому моего погубителя? Ворога-то лютого простить? Змею-то подколодную, что меня крадучись насмерть укусила, — ее простить? Задушу тебя, своими старыми руками задушу. *(Кидается вперед, но стариковское бессилье одолевает. Его поддерживают.)*

Лычиков - отец. Полно же, полно! Господа! за скамеечкой кто сбежал бы! Пожалейте старичка. На ногах не стоит.

В толпе движение

Н а щ о к и н *(Фролу)*. Что ж стоишь? Смейся надо мной, смейся! Ишь, старик задумал за честь свою стать, а сила есть ли, не спросил. Нету силы, нет! Смейся над старым, бессильным! Все смейтесь! Все, кого я обидел когда, — идите сюда! Мстите свои обиды. Бейте меня, плюйте в лицо, ругайтесь надо мной! Не в позор мне будет бесчестье, не в позор! Не так дочка родная опозорила; пуще всех. Обесчестила седую бороду! *(Плачет.)*

Сзади передают скамейку; третий стольник принимает ее и передает Лычикову.

Т р е т и й с т о л ь н и к. Скамеечка — вот она!

Лычиков - отец. Да сядь ты, присядь. Скамеечку принесли.

Н а щ о к и н *(Фролу)*. Ты что ж молчишь?

Ф р о л. Что, государь, сказать? Нет у меня иного слова, как: «прости, государь!» Божья воля, знать, твоей дочке за мной быть.

Н а щ о к и н *(горько)*. Божья воля! Ин, так тому и быть! Против воли божьей ничего не поделаешь. Нет! Поглядите-ка, люди добрые, зять у меня какой — вор да плут! А я, дурак старый, чаял дочку за князя какого вельможного отдать! Дочка-т лучше рассудила: с ведомым плутом, с ябедой породнила! Эка честь старику! Ха, ха! *(Горько смеется.)*

Лычиков - отец. Да полно тебе! Сядь!

Н а щ о к и н. Нет, не полно еще: дочку еще поблагодарить надо, на житье благословить...

Лычиков - отец. Так-то лучше! Что клянeshь!

Н а щ о к и н. Ты, зятек милый! ступай ты домой, и скажи ты жене своей, а моей бывшей дочери, Анне, — мол, послал государь-батюшка такое благословение: ты, мол, дочь, не дочь мне теперь, а хуже гадюки. Жить-де тебе с мужем желает весело, как он же теперь на

тебя утешается, стоячи-де на площади, на зятя, мужа твоего, перед добрыми людьми не нарадуется, таково-то весело усмехается. (*Горько усмехается; с порывом.*). Да скажи еще: проклиная-де тебя, проклиная! Будь ты богом, как отцом, про...! (*Шатается, еле не падает. Его подхватывают и усаживают.*)

Лычиков-отец. Ох, полно же, полно! Сядь, сядь. Дворецкий, сажай его, насильно сажай. А вы, господа, сжальтесь... корчик водицы старичку... у сторожа.

Голоса. Сейчас, сейчас! Эй, воды! сторож!

В толпе суматоха. Приносят воду. Лычиков поит старика и мочит ему голову водой.

Лычиков-отец. Попей воды, попей! Что? голову помочить? Легче ли? Эх, слезы как льются!

Третий стольник. Слезы, это хорошо. Сердцу легче.

Нащокин (*сильясь привстать*): Ну, Савельнич, ступай! сажай меня в каптану! — Едем (*встал*).

Лычиков-отец. Куда ехать хочешь?

Нащокин. К царю, к царю!..

Лычиков-отец. Куда поедешь? Опомнись! На ногах насилу стоишь!

Нащокин (*стучит клюшкой*). Нет, нет, развести их, развести! Ее в монастырь какой дальний — на хлеб да на воду. (*Фролу.*) А тебя — слышал про Даурскую землю? Куда Аввакума протопопы ссылали? и тебя туда ж!.. (*Делает несколько шагов.*)

Лычиков-отец. Постой! Куда бежишь? (*Сажает его.*) Опомнись: царя-т и на Москве нет, в Покровском. Поезжай лучше домой, к жене, с ней посоветуйся. Эдакое дело не подумавши делать хочешь!

Нащокин. Нет, еду, еду... (*Торопливо встает.*) Ох, под сердцем тяжело что-то... Ох, ох! (*Садится.*)

Лычиков-отец. Что? тяжело? А еще ехать хотел! Выпей воды еще, выпей. Да домой поезжай. Домой. К жене.

Хлопочет около него. В это время входит Велик-боярин и обращается к второму стольнику.

Велик-боярин. Что тут за крик был? Ажно в воротах слышно было. Э, да это сват, кажись! (*Указывая.*) Нащокин? что с ним? Второй стольник. Он и есть. Тут...

Велик-боярин, не дождавшись ответа, подходит к Нащокину и, дотронувшись до плеча, говорит.

Велик-боярин. Сват! сватушка! Что с тобой?

Лычиков-отец. Ох, Велик-боярин, вовремя пришел — хоть ты разговори его.

Велик-боярин. Сват! а, сват!

Нащокин (*подняв голову, смотрит на Велик-боярина*). Ты это, сват? а? (*С горькой усмешкой.*) Что тебе? Аль опять за тем же? Что, Фрола-плута сыскал ли?

В е л и к - б о я р и н (*изумлен*). Ты с чего же про Фрола? С тобой-то что? (*Лычикову.*) Аль он ума решился?

Н а щ о к и н. Не решился, сват, нет! (*Горько.*) А вот ты Фрола ищешь, найти не можешь, — а я не искал, да с ним, с плутом, породнился! (*Указывая.*) Вот он живой перед тобой стоит: любуйся.

В е л и к - б о я р и н. Этот-то! Эй, дворецкий! Люди, вяжи его!

Дворецкий и люди бросаются на Фрола.

Д в о р е ц к и й. У меня и веревка на него припасена. (*Вытаскивает веревку из кармана.*)

Ф р о л (*рванулся и пал Нащокину в ноги*). Государь-батюшка, заступись! Какой ни на есть, все ж зять я тебе.

В е л и к - б о я р и н. Сват, выдай мне, выдай. (*Пристывает.*)

Н а щ о к и н. Сват! не дури! Аль не слышишь: ведь какой ни на есть, все ж зять он мне. Ишь, государем-батюшкой зовет! (*Фролу.*) Ступай... ступай ты домой! Жди — какое тебе от меня решенье выйдет. (*Фрол встает и уходит; Нащокин сидит, повеся голову.*)

В е л и к - б о я р и н. Сват, упустил его плута зачем же? Какой он тебе зять! Аль...

Лычиков дергает его за рукав, отводит немножко и шепотом объясняет, в чем дело.

Н а щ о к и н (*силясь подняться*). Сват, Алексей Степаныч, ведите меня! (*Его поднимают и ведут.*) Ох, обессилел совсем! Обессилел и ополоумел.

Л ы ч и к о в - о т е ц. К жене едешь?

Н а щ о к и н. К жене, к жене, доеду ль только?

В е л и к - б о я р и н. Ты мне протори за зятя-то заплати...

Н а щ о к и н (*усмехаясь*). Я тебе — протори, а мне-то бесчестье кто заплатит! (*Уходит.*)

Все, кроме первого и третьего стольников, уходят.

П е р в ы й с т о л ь н и к. Как думаешь, простит старик Фрола?

Т р е т ь и й с т о л ь н и к. Как, чай, не простить! Тоже сердце родительское тронется! Эх плакал — жалко на старичка глядеть было.

П е р в ы й с т о л ь н и к. А ведь Фроло-т не глуп! С кем породнился — подумай! А мы вот холостыми дураками бродим.

Т р е т ь и й с т о л ь н и к. Смелость тоже на эти дела нужна. Кому, брат, талант, а кому — два, а кому и кукиш с маслом. И с тем живешь. (*Уходят.*)

Перемена.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Действующие лица

ФРОЛ СКАБЕЕВ.

САВЕЛЬИЧ.

ЛЫЧИКОВ САВВА.

ЛАВРУША.

АННУШКА

Скабеева жена.

ВАРЮША

У Фрола. Та же горенка. Направо кровать с пологом.

Фрол (*за сценой поет*).

Что ни сто рублей пропало
И не тысяча его;
Пропадала, запропала
Дочь любимая его!

Варюша и Аннушка выбегают из чулана ему навстречу и сталкиваются с ним в дверях.

Варюша и Аннушка (*вместе*). Фролушка идет! Братец!

Фрол. Я и есть.

Варюша и Аннушка (*вместе*). Ну, что? Сказывай: простил? простил?

Фрол. Стойте, дайте дух перевести. Первое: Анна, послушная ты мне жена?

Аннушка. Сам знаешь.

Варюша. Послушней ее не найдешь!

Фрол. А послушная: ложись на кровать, под одеяло, охай и стони, и кто бы о чем бы ни спрашивал — не откликайся.

Аннушка. Да ты что?

Варюша. Аль с ума сошел?

Фрол. Послушайся ты меня хоть раз в жизни: ложись ты под одеяло, да стони.

Аннушка. Да полно!

Фрол. Ложись. Лежучи все услышишь. Говорю, ложись.

Аннушка. Что ж, сестрица?

Варюша. Ложись: ведь он без причуд не живет.

Аннушка (*ложится*). Ну, легла.

Фрол. Сестра, полотенце давай. (*Варя подает*.) Голову ей обмотаем. (*Исполняет*.) Ну, так ладно.

Аннушка. Рассказывай же. Батюшку видел?

Фрол. Видел.

Аннушка. Просил?

Фрол. Просил.

Аннушка. Простил?

Фрол. Не простил.

А н н у ш к а. Ох, что ж с нами, Фролушка, будет!
Ф р о л. Ничего не будет. Сразу за экую вину кто простит!
О б е. Рассказывай, все рассказывай!

Ф р о л. Не перебивать, чур. Сначала и кричал, и стонал, и проклинал, и к царю ехать хотел — чтоб развели нас...

А н н у ш к а (*вскрикивает*). Ой!

Ф р о л. Не полошайся! — Уговорил его потом Савушкин отец домой ехать, со старухой посоветоваться. Тут много еще разного было, да рассказывать теперь некогда.

А н н у ш к а. Слава богу, что домой поехал.

Ф р о л. Еще бы не слава! — Ну, слушай дальше: как домой ему ехать — я за углом припрятался — а он дворецкому своему Савельичу наказ дал: «Нагони-де ты его, плута; где живет, узнай, да житья его пригляди — каково живет. И домой живо! А то старуха расплачется — где, мол, Аннушка живет, а я и не знаю. — Хорош, скажет, отец!»

А н н у ш к а. Значит, хоть малость да сжалился.

В а р ю ш а. Похоже на то.

Ф р о л. Ну, я из-за угла вышел, да иду: сам голову повесил, вздыхаю таково-то тяжко, ровно невесть как горюю. А сам дорогой уложить тебя в постель придумал. Ну, иду себе, да нет-нет и оглянусь: Савельич следом идет ли? Вижу: идет поотдаль. Я в ворота, а он мимо — точно по своему делу идет. Ну, да скоро вернется. Для того и ложиться тебе поскорее велел.

А н н у ш к а. Для чего же?

Лавруша вбегает.

Л а в р у ш а (*испуганно*). Братец! Ой!..

Ф р о л. Чего струсил?

Л а в р у ш а. Неведомый человек там тебя у ворот спрашивает.

Ф р о л. Веди сюда. Ведомым станет. Не бойся, этот ушей рвать не будет. (*Лавруша идет; Фрол ему вслед.*) Только тише иди. Не спеши.

Ф р о л (*жене*). Ну, гляди ж: кликать тебя начну — только стони, да охай; голосу отнюдь не подавай. Сестра, полог опусти. (*Варя исполняет.*) Так. Пирога-т кусок остался? Вино есть?

В а р ю ш а. Есть, братец.

Ф р о л. Ставь на стол. Живее. (*Варя хлопочет; он подходит опять к жене.*) А ты лежи да знай себе постанывай, да поохивай. Эдак вот: ох, ох! (*Показывает; отходит.*) Что ж Варюха с пирогом? А, вот и она. Теперь все готово. Милости просим.

Входит Савельич.

Ф р о л. А, Петру Савельичу! Сколько лет, сколько зим!

С а в е л ь и ч. Ты, господин, меня почему ж признал?

Ф р о л. А ветчинкой угостить меня хотел — помнишь ли?

С а в е л ь и ч. Как не помнить! Вот она где ветчинка у меня сидит. (*Указывает на шею.*) Так это твоя, Фрол Скабеич, милость тогда стариком переряжен был?

Фрол. Отгадал, Савельич, отгадал.— Видишь: люди-то стареют, а я молодею — молодой теперь.— Ну, Петр Савельич, садись, закуси,— винца. *(Наливает.)* Я дорожку укажу. *(Пьет.)* Сестра, Петра Савельича проси! угошай! *(Варя угощает.)*

Савельич. Ой, честь-то не по мне, господин... Дай, ручку, боярышня, поцеловать.

Варюша. Пожалуй, и так целуй.

Савельич. Ох, так-то не смею... *(Целует ручку и делает глоток.)* За здоровье молодых — ох, горько сказал бы, да лих боярышни нашей не видно.

Фрол. Не видно, ох! не видно. *(Тихо, сестре.)* Скажи Анне громче стонала бы: не слышно-де. *(Варя исполняет.)* Зачем, Петр Савельич, пришел?

Савельич. А приказал боярин — житья вашего посмотреть... Ой, ровно застонал тут кто-то...

Фрол. Так оно и есть: стонет, стонет. Вот боярышню поглядеть хотел, смотри. *(Отдергивая полог.)* Так родителю и сдоложи: вы, мол, дочку кланете, а она тут лежит да стонет.

Савельич. И давно это с ней стало?

Фрол. А пришел с площадки — сестренка в слезах выбегла, «так и так, говорит, с полчаса как пала да стонет; раскликать никак не могли». — Надо быть, как он ее на площадке проклинать стал, в эту самую минуту над ней эта притча стряслась.— Подойди-ка погляди... *(Савельич подходит; Фрол начинает раскликать жену.)* Анна, а Анна! — Ишь, стонет, да и полно! — Охо-хо-хо! Анна! *(Та постоянно стонет. Савельичу.)* Поговори-ка с ней — тебе не откликнется ли...

Савельич. Боярышня наша милая, проведать тебя пришел, от бабушки... *(Стон.)*

Фрол. Ишь, как про бабушку вспомнил, пуще стонать стала. Лучше закроем ее — не заснет ли?.. *(Дворецкий отходит; Фрол, задергивает полог; тихо жене.)* Ты стони, не переставай.

Савельич. Чем ее, господин Фрол Скабенч, пользуешь?

Фрол. Чем пользоваться — охо-хо-хо! Видишь, болезнь какая: от родительского от проклятия. Кроме, как родительским благословением, вылечить ее ничем нельзя.

Савельич *(рассудительно)*. Правда, истинная твоя правда. Так я пойду, родителю про все сдоложу. *(Стон.)* Ишь, стонет как: вчуже жалко. Так я пойду; что ее беспокоить-то!

Фрол. Ступай, Петр Савельич; провожу тебя. *(Наливает.)* А на дорожку посошок?

Савельич. Ох, разве посошок. *(Выпил и идет.)* Жалко боярышню-то. Рассказать — сердце родительское тронется. Охо-хо-хо! прощенья просим! *(Уходит.)*

Фрол *(провожая)*. Охо-хо-хо, прощай, Петр Савельич, прощай. *(Уходит.)*

Аннушка *(выглядывает из-за полога)*. Ушли?

Варюша. Ушли.

Аннушка *(вскакивает)*. Ох, Варя, чуть я чуть в лицо им не рассмеялась! Фролушка-т лицо какое плачевное соорил. Ха-ха-ха!

В а р ю ш а. Ха, ха, ха! А тот думает: вправду.
А н н у ш к а. Ох, за Фролом, живучи, чему не научишься!

*Смеются обе.
Возвращается Фрол.*

Ф р о л. Ну, жена, целуй меня! (*Целует.*) Какова штука-то?
А н н у ш к а. Ох, Фролушка! уж немало мы с Варюшей хохотали.
Ф р о л. Ишь, «вчуже», говорит, «жалко». То-то. «Родительское, говорит, сердце тронется». А я ему у ворот рублик в руку: так-то за рублишко растрогает — чудо!
А н н у ш к а. Ох уж, Фролушка, чего только не придумаешь.
Ф р о л. А еще кобились — тогда в терему-то, помнишь?
А н н у ш к а. Ну, что вспомнил! Дура тогда была.
В а р ю ш а. Стойте! Это что за шум?

Слышны шаги, топот и крики.

Ф р о л (*схватив жену за руку*). Стой! Не опять ли ложиться тебе?
Л ы ч и к о в - с ы н (*за сценой*). Беги за мной, Лавруша!
Л а в р у ш а (*за сценой*). Пряник-то, петушка-т отдай!

Вбегают опрометью: Лычиков Савва и за ним Лавруша.

Л ы ч и к о в (*бросается целовать всех поочередно*). Ой, Фролушка!
ка! — Варюша! — Аннушка, ну и с тобой по-родственному!

Ф р о л (*шутливо гонит его*). Ты что? с ума сошел — чужую жену при муже целовать! хоть бы крадучись.

Л ы ч и к о в (*к Варюше*). Ох, Варюша!

В а р ю ш а (*толкает его*). Опять! пошел!

Л ы ч и к о в. Да ты послушай, радость-то какая! (*Целует и при-топтывая.*) Ой-жги-говори-приговаривай!

Л а в р у ш а (*цепляясь сзади*). А мне-то пряник?

Ф р о л. Постой, Лаврушка. Дай рассказать.

Л ы ч и к о в. Пряник? (*Достает и дает.*) На! Вишь — петушок, золотой гребешок, масляна головка! — Целуй меня!

Л а в р у ш а (*бросаясь Савве на шею*). Ой, Савушка, спасибо!

Л ы ч и к о в. Ну, теперь слушать: приехал это отец с площадки, сейчас за палку — толстая такая у него есть — «жезл правления» зовется...

Ф р о л. И давай тебе тем жезлом спину править?

Л ы ч и к о в. То-то, что нет! Я в ноги. Покаялся, что Варюшу люблю, Фролову, мол, сестру. Он и рот разинул, и жезл выронил...

В а р ю ш а. А ты что?

Л ы ч и к о в. Я-то? Я — ничего. И не помню ничего, что дальше было.

Ф р о л. Что ж нам расскажешь, коль сам ничего не помнишь?

Л ы ч и к о в. Кончилось чем, скажу. Разжалобил старика. Завтра к Нащокину. Коли он, говорит, простит, и ты, говорит, венчайся. Тогда, говорит, Фролова сестра тебе под пару будет. Родня, мол, богатая у нее!

А н н у ш к а (*мужу*). Вот нам опять подмога приспела.
Ф р о л (*Лычикову*). А как нашо-т не простит?
Л ы ч и к о в. Он простит — покоен будь!
Ф р о л. И вышло: наш он покой.
Л ы ч и к о в. Верно говорю, простит. Сердце чует. А теперь —
Варюша, что радости-то! Фролка, плясать давай!— Все пляши!—
Лаврушка, и ты!
Л а в р у ш а. Я сейчас. Только петуху голову порешу (*откусы-
вает голову*).

*Запевают любую песню и поднимают пляс.
Занавес опускается.*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Действующие лица

НАЩОКИН.
ЛЫЧИКОВ АЛЕКСЕЙ.
ЛЫЧИКОВ САВВА.
ФРОЛ СКАБЕЕВ.
ЛАВРУША.
САВЕЛЬИЧ.
НАЩОКИНА СТАРУХА.
СКАБЕЕВА АННА.
ВАРЮША.
МАМКА.
МАВРУША.

У Нардын-Нащокина.

На щ о к и н ы, старик со старухой, пригорюнившись, у стола сидят

С т а р и к. Охо-хо-хо!
С т а р у х а. О чем, старик, захоал, а?
С т а р и к. Так, старуха, так; ничего.
С т а р у х а (*помолчав*). Охо-хо-хо!
С т а р и к. Ты чего, старуха, охаешь? а-а?
С т а р у х а. Ох, отец, дочку повидеть хочется. Ох!
С т а р и к. Нельзя. Сказал: на глаза не пущу, и не пущу.
С т а р у х а. Ох, полно-ка! Одна ведь дочка, старый, одна.
С т а р и к. Была, старуха, была. Теперь нету.
С т а р у х а. Как нету! Что говоришь! Грех. Жива ведь, жива.
С т а р и к. Жива, нет ли — все едино.
С т а р у х а. Грех, отец, грех... А я было...
С т а р и к. Что было-то?
С т а р у х а. Ох! уж что ни было!.. сказать боюсь... осердишься...
ишь, ты грозный какой стал...

Старик. Где уж грозный! Ветер валит, на ногах не стою — где грозным быть! Грозён да не силен — сама знаешь, кому брат... Сказывай уж... (*Нахмурясь.*) Ну?

Старуха. То-то, силы нет, а все грозишься!..

Старик. Ну, уж сказывай... ну!

Старуха. Клянешь все дочку-то; да. А она лежит от клятвы-то, от твоей... стонет... раскликать не могут... То-то!..

Старик (*мягче и тревожно*). Ну?

Старуха. Вечор, в вечерни, посылала проведать — сердись не сердись, послала — не в тебя, не каменное сердце в груди-то, материнское, отец; материнское, несердитое, отходчивое.

Старик (*все мягче и тревожнее*). Ну? ну?

Старуха. Сказывают, лежит все. Нынче по утру посылала — все лежит же.

Старик (*задержал носом*). Ну? ну?

Старуха. И пожалела. Да. Образ, благословенье-то наше, чем благословить ее на свадьбе думали, послала,— сердись не сердись, послала...

Старик (*почти всхлипывая*). Ну? ну?

Старуха. Что нукаешь-то все? Не лошадь я тебе, прости господи! — жена.— Сказывают, вскочила, эдак-то весело; здорова теперь...

Старик (*плачет*). Что ж... что ж мне не сказала?

Старуха. Боялась. Ишь, ты грозы напустил на себя!..

Старик. Ох, уж где гроза! Плачу, старуха, аль не видишь? — плачу... Вечор грозился — нынче где!.. Только слезы и остались...

Старуха. Ты скажи: хорошо ль сделала? а? На меня не сердись?

Старик. Аль по твоему зверь я, а? И жалости во мне нет, а? Я ей зла не желаю, нет, пусть... пусть здорова живет... А что отца с матерью забыла — бог ей судья!.. как знает! а я зла ей не желаю, нет.

Старуха. Коль бого-т судья, ты что же судишь? Прощенья за чем не скажешь?

Старик. Прощаю ее, и благословенье ты ей послала — не сержусь, хвалю... Чего ж еще?

Старуха. Повидел бы ее...

Старик. И заикаться не смей! не моги!

Старуха. Ох, уж и не заикнись! Как же!

Старик. Не надо мне ее, не надо. Ей меня не надо стало, ну и мне ее не надо же. Захотела по воле жить — живи. Сердца у меня на нее нет, да и к ней не лежит сердце. Нету дочери у меня, нету. Отрезана: от дому отрезана, и от сердца отрезана тож...

Старуха. Ох, старик, старик! Грех! И помочь ничем не хочешь?

Старик. Помочь, помогу; сколько хочешь помогай, запрету от меня нет. Только чтоб я, государев свет-Алексей-Михайловичев стольник, Нардын-Нашокин --- да его плута и ведомого вора Фролку зятем назвал — никогда того не будет, никогда! И тебе не позволю! нет! А помочь, помогай. И сам чего надо пошлю. Савельич, эй Савельич!..

Савельич (входя). Что, государь, прикажешь?

Нащочкин. Ты мне правду говори. Посеребрил вчера зятек мой любезный тебе уста-те, а ты милости мои прежние вспомни — правду говори. Лежала дочь вечер больна?

Савельич. Лежала, государь, — сам видел.

Нащочкин. А нынче встала?

Савельич. Встала, государь.

Нащочиха. Ишь, родительское-то благословение чего стоит.

Нащочкин. Дорого, мать, стоит, дорого. Только для нас дорого оно по душе. А ему, плуту, чем оно дорого? Денег больших стоит, в золотом окладе, да в камнях дорогих, — тем оно ему дорого. Тем. Заложит его, аль продаст...

Нащочиха. Ох, полно-ка!

Нащочкин. Верно говорю, заложит. Ведь дорого, старуха, наше благословенье — денег больших под него дадут. И как не заложить! Кормить жену ему, чай, нечем. (Савельичу.) Бедно живет?

Савельич. Эдак-то бедно: горенка махонькая эдакая...

Нащочкин. Ну да, да! Кормить, говорю, нечем. С того и больна стала. Ну да. (Савельичу.) Ты слушай: навали ему семь подвод, всего положи: и хлеба, и муки, и живности всякой, и рыбы. Свези, пусть кормит жену-то, — не попрекает, что приданого не принесла.

Нащочиха. Ну, старик, за это спасибо тебе!

Нащочкин. Не для ради их делаю, старуха. Нет. А для того: не быть бы благословенью нашему поругану. Они нешто подорожат им? С молоду-то не очень родительским благословеньем дорожат. Не то дорожить — дорожиться не станут, за бесценок спустят. Да, да. (Савельичу.) Далеко ль плут живет?

Савельич. Кто, государь?

Нащочкин. Кто плут-то? Зятек мой любезный, он плут. Про него спрашиваю.

Савельич. Недалече; если теперича от наших задворков через соседский огород перебежать — пустырек тут будет, а за тем пустырьком и домишка, хижка, так сказать надо, стоит; там он и живет.

Нащочкин (жене). Ишь, недалече дочку-то, старуха, схоронил. Знает плут, что все-то мы вдаль глядеть норовим, да под носом ничего не видим. Умён, плут, умён. Хвалю. (Савельичу.) Так ступай, подводы-то отправь, да список сделай; чтоб по списку он, плут, все принял. Скажи: тещь, мол, по списку принять велел. Не то людишки изворуют. Ступай же... Аль подбехал кто? Погляди-ка. Бездокладочно не принимай, доложи сперва.

Савельич уходит.

Нащочиха. Кого еще бог даёт?

Возвращается Савельич.

Савельич Лычиков Алексей Степаныч, и с сыном.
Нащочкин. Зови! зови! Добрый он человек. Зови!

Савельич уходит; немного спустя входит Лычиков-отец.

Нащочкин. Здравствуй, Алексей Степаныч, здравствуй! Как живешь, можешь? Сказали: с сыном,— где ж он, сыно-т?

Лычиков-отец. Здравствуй, государь, здравствуй. И тебе, государыня, низкий поклон. А сынишко пусть в сенях подождет — мне с тобой наперво о деле поговорить надо. И ты, государыня, посоветуй: дело-т общее, семейное...

Нащочкин. Говори, Алексей Степаныч, говори. За доброту твою за вчерашнюю — ходил около меня, старого, успокоил, домой отправил — спасибо тебе.— Вот, жена: дочь отступилась, нашелся добрый человек, даром — не родной, чужой... Что ж, Алексей Степаныч, скажешь?

Лычиков-отец. О дочке твоей речь пойдет.— Дочку-т простил ли?

Нащочкин. Простил. Бог с ней. Простил.

Лычиков-отец (*весело*). Ой ли?

Нащочиха. Ох, Алексей Степаныч, ты спроси: как простил?

Лычиков-отец. А что ж?

Нащочиха. Простить, говорит, прощаю, а на глаза не пушу. Вот оно каково его прощенье.

Нащочкин. Чего ж им еще?

Лычиков-отец. И по-моему, государь, эдакое прощенье — как бы и не прощенье вовсе.

Нащочкин. Ну, ладно, ладно! — Твое-т дело какое, Алексей Степаныч, сказывай.

Лычиков-отец. Дело, государь, такое. У зятя твоего, у Фрола Скабенча, сестренка есть, Варюшкой звать, а мой болван сынишко — что в сенях-то сидит,— ишь, просит: «благослови, родитель!» Жить без нее, говорит, без Фроловой сестренки не может. Я так положил: простишь ты, государь, зятя твоего, и я болвана моего сынишку по тому ж прощу и благословлю. А не простишь, и я не прощу.— А теперь: и думать как, не знаю; есть твое прощенье дочке, аль нет — сказать не умею. По-твоему, ты простил. А по-нашему, вот, с государыней твоей, какое же это прощенье! Как бы и нет его совсем, прощенья-то.

Нащочиха. Вишь, старик, и Алексей Степаныч по-моему ж говорит: какое это прощенье! — А ты то подумай: родня у него, у Фролки, теперь хорошая будет. Алексей Степаныч,— такой же стольник, как и ты,— сына, чу, на сестре его женит. Скажут: хоть он, плут, и за худалого рода, да дворянин же, и родня у него хорошая.

Нащочкин. Ох, жена, и ты туда ж за зятком, кажись, плутовать пустилась! Ишь, разводы развела! Ан Алексее-т Степаныч поумней тебя будет: тогда сына оженит, как я прощу. Не с ним, плутом, со мной породниться хочет.

Нащочиха. А ты с Алексей Степанычем — нешто не хочешь? Он с тобой — рад, а ты с ним — нет?

Н а щ о к и н. Ох, плутовато, старая, говоришь. Сбить хочешь. Алексее-т Степаныч — аль не слыхала? — тогда сына окрутит, как я прошу.

Н а щ о ч и х а. Да ты ж простил! Сам сказал. Алексей Степаныч, на тебя сошлюсь.

Л ы ч и к о в - о т е ц. Точно, государь, было сказано.

Н а щ о к и н. Я и то прощаю.

Н а щ о ч и х а. Ты не так, ты по-настоящему прости.

Н а щ о к и н. Как еще по-настоящему?

Н а щ о ч и х а. А так же: сюда их позови. Матери дочку-то дай повидеть. И то дочка без языка из-за тебя — слышь, Алексей Степаныч, из-за отца-то без языка лежала...

Л ы ч и к о в - о т е ц (*качая головой*). Что ты!

Н а щ о ч и х а (*мужу*). Да. Прости по-настоящему. Хоть раз дай повидеть. Проси и ты, Алексей Степаныч.

Л ы ч и к о в - о т е ц. Что ж, государь, материнскому сердцу-то уважь; дай дочку-то государыне повидеть...

Н а щ о ч и х а. Разик всего. Я тебе, старому, за это в ноги поклонюсь. Не дай, государь, с тоски помереть. Всего-то разик. (*Хочет поклониться в ноги.*)

Н а щ о к и н (*удерживая ее*). Полно-ка, полно!

Л ы ч и к о в - о т е ц. Уважь государыню-то.

Н а щ о к и н. Ох, Алексей Степаныч! Жена! Да нешто я!.. Ну, разик пусть! Позови. Только больше — отнюдь, ни-ни-ни!

Н а щ о ч и х а. Ладно-ка. (*Бежит к дверям.*) Савельич, Савельич! (*Входит Савельич.*) Савельич, сбегай скорей, зови зятя с дочкой, не мешкая, скажи, шли бы: мать-де велела. А то старый еще раздумается, заупрямится. Иди, иди же. Скорей.

Н а щ о к и н. Чтоб со всей семьей своей плут шел; тесть, мол, так велел.

Л ы ч и к о в - о т е ц. Моего сынишку кликни сюда; в сенях сидит.

Савельич уходит; следом Лычиков Савва входит.

Л ы ч и к о в - о т е ц. Вот он, государь, сынишко мой; Савкой звать. (*Сыну строго.*) Стань к сторонке, жди: сейчас тебе решенье выйдет. А теперь молчи.

Н а щ о к и н. Подь-ка, Савушка, ко мне, старику. Скажи-ка мне про зятя моего: каков он плут есть?

Л ы ч и к о в С а в в а. Что ж, государь, это ему прозвание только такое: плут, а сам он, по-моему, душа он человек. Вот что. Я его до-вольно знаю.

Н а щ о ч и х а. Вот видишь, старый, что говорят!

Н а щ о к и н. А ты верь. Против приятеля говорить станет ли?

Л ы ч и к о в С а в в а. Нет, государь, право.

Н а щ о к и н (*Савве*). А сестренка-то у него хороша, а? Звать-то как? Варей? (*Савва смутился.*)

Л ы ч и к о в - о т е ц (*смеясь*). Что, брат Савва, попался? Язык-то к гортани прилип,— а?

Лычиков Савва (*оправляясь*). Что ж, батюшка, точно Ваюша — что говорить! — хороша. Конечно, не в холе выросла она, на воле, а хороша!

Нащокин. То-то беднота должна быть! И теремка-то не на что выстроить было!

Лычиков Савва. Бедность, государь, не порок. Сам был бы хорош.

Нащокин. Боек у тебя, Алексей Степаныч, сынокот! За словом в карман не полезет. (*Отцу же.*) А ты само-т что мне про зятя скажешь?

Лычиков-отец. Что сказать? Делец он, делец. Так чаю: посадить его в любой приказ — лучше нашего брата стольника, аль хоть бы и боярина справится: уж у него подьячий не сворует. Нет. Делец, делец.

Нащокин. Ой?

Нащочиха. Вот видишь, старый!

Лычиков-отец. Да вот тебе: меня как ловко к делу припутал — в моей каптане твою дочку украл, а этот висельник, Савка, в возниках ехал.

Нащокин. Ой?

Лычиков-отец. Пришлось за ним перед тобой заступаться, молить — чтоб к царю не ехал...

Нащокин. Так ты вечер поэтому... А я думал: разжалобил-де...

Лычиков-отец. Нет, государь, не так. Расчет — расчетом, а жалость — жалостью. А чтоб ты меня вечер не разжалобил — этого не думай: еще как! Я домой, а этот болван Савка — в ноги; я было поучить его думал, палку взял — да как вспомню про слезы про твои и не могу. Жалость меня возьмет, думаю: как эдак же и мне плакать придется? — Нет, уж лучше прошу.

Входит Савельич.

Нащокин. Что, привел?

Савельич. Привел, государь.

Нащочиха (*встрепенулась*). Ох, пришла, пришла!

Нащокин (*удерживая ее*). Постой, старуха, не торопись. (*Савельичу.*) Всей семьей привел?

Савельич. Всею, государь, и с сестрой, и братишком.

Нащокин. Ну, их позовешь сюда. А ворота — на запор. Человека приставь и накажи: кто бы ни приехал, всем отказ — господин-де стольник нынче зятя своего, вора и плута, Фрола Скабеева с женой его, а своей дочкой, обедом кормит. — Ну, ступай, зови! Да тех-то, мамку с Маврушкой, покличь сюда. Ступай.

Савельич уходит. Дверь отворяется, вбегают Аннушка, за ней Фрол; Аннушка бросается к матери на шею. Фрол в ноги тестю; Варя и Лавруша входят следом, но становятся поодаль. В продолжение следующего разговора Лычиков Савва, увидев минуту, дает знаками Варе понять, что дело их идет на лад; та, знаками же, отвечает, что рада, но чтоб он до поры помалчивал. К концу разговора тихо входят мамка и Мавруша и молча становятся у дверей. Савельич наведывается часто: уйдет и опять придет.

Н а щ о ч и х а и А н н у ш к а (*вместе, бросаясь друг к другу*).
Мамушка! — Доченька!

Ф р о л (*в ноги тестю*). Государь-батюшка!

Н а щ о к и н. Ну, ну, вставай. Целуй руку, целуй. А ты, дочка, что ж?

Аннушка бежит к отцу, целуется с ним; Фрол подходит к теще, целует ей руку; она его — в губы

Ф р о л. Маменька!

Н а щ о ч и х а (*одновременно с ним*). Зятюшка! Дай-ка погляжу — какой ты.

Н а щ о к и н. Ну, все ли, дочка, здорова?

А н н у ш к а. Слава богу, тятенька, здорова.

Н а щ о к и н. Хворь-то прошла?

А н н у ш к а (*забываясь*). Какая хворь, тятенька? (*Муж, услышав это, дергает ее за рукав.*)

Н а щ о к и н (*Фролу*). Что дергаешь? (*Анне.*) Вчерась, знать, и больна не была?

А н н у ш к а (*смутясь окончательно*). Вчерась?..

Н а щ о к и н (*жене*). Слышь, жена, хворь-то вчерашняя! Вот она — наружу высыпала.

Ф р о л (*становясь на колени и дергая жену за руку, чтоб встала — что она и исполняет*). Прости, государь. Виноват. Уложил жену вчор, чтоб тебя разжалобить...

А н н у ш к а. Прости, батюшка.

Н а щ о к и н. Что, дочка, знать пословица-то правду говорит: «Как придет на Фрола нес юриха, дойдет и Фролиха до лиха»?

Н а щ о ч и х а. А ведь его, отец, зятева правда. Не уложи он ее, тебя не уломать бы.

Н а щ о к и н (*жене*). Уж ты! плутням потворщица! плутам заступница! (*Зятю с дочерью.*) Ну, что ж с вами делать? Вставайте уж. Бог с вами. (*Они встают.*) Не звать было, а позвал — не гнать же! Я-то и не звал! все старуха... Ну, да целуйте руки, довольно: простил.

Ф р о л и А н н у ш к а (*вместе, целуя ему руки*). Тятенька! — Батюшка-государь!

Н а щ о к и н. Ну, зятек, теперь с тобой о деле. Что ж, теперь плутовать будешь ли, за ябедой ходить?

Ф р о л. Доходишков, государь, нету, а ябедой не кормиться, — чем же стану?

Н а щ о к и н. Ладно. Знать, ябеда-т вкусна. (*Оглядываясь.*) Эй, вы! пришли ли?

М а м к а и М а в р у ш а (*падая в ноги*). Здесь, государь...

Н а щ о к и н. Ну, вставайте. Прощены. (*Они встают и отходят в сторону; Фролу.*) Эти за дочкой пойдут: мамка ее, да сенная Маврушка — вор-девка, по господину. В затрепез сосланы были за вас — да вас простил, и им прощенье.

А н н у ш к а. Да Маврушка, тятенька, ничем не виновата...

Н а щ о к и н. Молчи, дочка. Отца не переучишь. Кто старое помянет — глаз вон. Я вот не вспоминаю же... хоть бы про хворь про вчерашнюю. (*Аннушка опустила глаза. Нащочкин Фролу.*) Что ж за приданое не благодаришь, зятек?

Ф р о л (*целуя тестеву руку*). Спасибо, тещушка.

Н а щ о к и н (*усмехаясь*). Сам — спасибо, а сам думаешь: этим приданым не то кормиться, а еще его кормить надо. Так ли, зятек?

Ф р о л. Так, государь.

Н а щ о к и н. Ну, плут, жаловать тебя, так жаловать.— Именьишко у меня есть, Тамбовское, душонок три, аль четыре их ста, за был,— так за себя справь. Справишь ли?

Ф р о л. Для-ча, государь, не справить?

Н а щ о к и н. А деньги, чем справить, есть ли?

Ф р о л. Денег нету. Разве кого из людишек из подаренных продать, да на те деньги достальных справить?

Н а щ о к и н. Ой, плут! Хитер, плут! Ты вот что: мамку продай. А то дочку вырастишь — она эдак же, как мою, и твою плуту какому продаст. (*Мамке.*) Так ли?

М а м к а. Да я когда же, государь? я — николи!

Н а щ о к и н. Что кричишь не коли! никто тебя и не колет. А тебя колом в бок, аль и на кол — не худо бы!

М а м к а. Ой, государь!

Н а щ о к и н. Молчи. Ох, расшутился стар, о деле забыл. (*Отцу Лычикову.*) Что ж, Алексей Степанович, аль о давешнем забыл?

Л ы ч и к о в - о т е ц. Где забыть! На тебя глядя, утешался. Таков-то ты весел стал! — Савва, подь сюда! (*Тот подходит.*) — К тебе, Фрол Скабеич, слово...

Н а щ о к и н. Что его, плута, спрашиваешь: еще обманет. Ты со мной говори. Ну, девица пригожая... (*Аннушке.*) Варей звать?

А н н у ш к а. Варюшей.

Н а щ о к и н. Ну, Варюша, подь сюда, красавица.— Тебе (*указывая на Савву*) этот молодец знаком ли?

В а р ю ш а. Мельком, кажись, государь, где-то видала.

Л ы ч и к о в - о т е ц (*сыну*). А ты девицу эту видывал ли?

Л ы ч и к о в С а в в а. От роду, батюшка, не видал.

Л ы ч и к о в - о т е ц. А замуж за себя возьмешь ли?

Л ы ч и к о в С а в в а. Из воли из твоей не выйду: повелишь, вольму.

Н а щ о к и н (*Варюше*). А ты охотой ли за него пойдешь?

В а р ю ш а. Тебе, государь, чтоб угодить — пойду; а самой не в охоту. (*Все смеются.*)

Л ы ч и к о в - о т е ц (*Варюше*). Ну, богом данная, подойди! Любить меня, старого, будешь ли?

В а р ю ш а. Я тебя давно люблю. Сыноко-т твой давно меня подговаривал, чтоб обвенчаться потайно; а я не хотела: тебя не огорчить бы!

Л ы ч и к о в - о т е ц. Ой ли?

Ф р о л. Правда, Алексей Степаныч, правда. Я и сам уговаривал, да не сдавалась.

А н н у ш к а. Я сама слышала.

Л ы ч и к о в - о т е ц. А почитать будешь?

В а р ю ш а. Буду. Ты, сказывают, шаньги со сметаной любишь?

Л ы ч и к о в - о т е ц. Люблю грешным делом. А что?

В а р ю ш а. Так я ежедён тебе готовить стану — я мастерица.

Л ы ч и к о в - о т е ц. Ой ли? Целуй меня. (*Целуются.*) А то нам с Савкой плохо — чем повар покормит, тем и сыты.

Н а щ о к и н. Ишь, шаньгой как старика поддела. — Что ж мальчугана никто не приласкает. Подь сюда. (*Лавруша подходит.*) Как тебя звать-то?

Л а в р у ш а. Лаврушой, дедушка.

Н а щ о к и н. Какой я тебе дедушка, пострел?

Л а в р у ш а. Ты старенький, я — маленький. Потому ты мне дедушка, а я тебе внучек.

Н а щ о к и н. Ишь, ласковый какой, плутишка! — А вырастешь, — эх же, как брат, девок воровать станешь?

Л а в р у ш а. Ни. Мне братец сказывал: «Тебе-де, Лаврушка, житье будет. Брат на стольничей дочери женат, сестра за стольничья сына выйдет. — да за тебя-де сам Велик-боярин — что за уши тебя трепал — дочку с охотой выдаст».

Все смеются.

Ф р о л. Ой, врешь, Лаврушка! В жисть этого не говорил, хоть побожиться!

Входит Савельич; в руках у него на подносе мед.

С а в е л ь и ч. Я, государь, медку принес: молодых поздравить бы.

Н а щ о к и н. Ой, ладно. Сдогадался, молодец. — Берите все. (*На мамку и Маврушу указывает.*) И им давай. — И себе бери.

Н а щ о к и н и Н а щ о ч и х а (*вместе*). Ну, дай вам бог, детки, совет да любовь.

Л ы ч и к о в - о т е ц (*своим*). И вам, дети, того же.

Пьют. Общее целованье. В это время мамка, отведав меду, бежит вперед и кричит точно ее режут

М а м к а. Ой-ой-ой!

Н а щ о к и н. Что ты? Аль поперхнулась?

М а м к а. Мед, государь, горек. Ох, горько!

Н а щ о к и н. Ох, чертовка старая, догадалась. (*Детям.*) Целуйтесь. (*Те исполняют; Мавруше.*) А что, Маврушка, у тебя мед не горек ли?

М а в р у ш а. Дай, государь, отведаю. Сразу-то не разобрала (*пригубила*). Ох, горек. (*Молодые целуются.*)

Н а щ о к и н. Теперь послаже ли стал?

М а в р у ш а. С этой стороны (*указывая на молодых*), государь, сладок, а вот с той (*указывая на Савву с Варей*) горек.

Л ы ч и к о в - о т е ц (*ударив рукой по голове*). Ох, я, дурак старый, и забыл! — Ну, и вы целуйтесь.

В а р ю ш а (*закрылась рукавом*). Ой, стыдно. (*Целуется с женихом.*)

Л ы ч и к о в - о т е ц. Аль впервой? Не целовались еще?

Н а щ о к и н. Не то, сват, говоришь: ты прикажи, чтоб сына Николая народили. Он — Савва, она — Варвара, а как будет Николай еще, — уж три дни кряду пировать станем.* (*Зятю.*) Ну, Фрол, доволен ли?

Ф р о л. Как, тестюшка, не довольным быть? Эко счастье! Так чаю: на предбудущие времена — пословка пойдет: коли кому удача — эк, скажут, Фролово счастье привалило.

Н а щ о ч и х а. Ох, дочушка, слава те господи! — все благополучно кончилось.

А н н у ш к а. Конец, мамушка, делу венец.

Ф р о л (*жене, тихо*). Вот и сказке конец, (*тестю*) а мне от тестюшки с золотом ларец.

Л а в р у ш а (*зрителям*). А мне, дедушка, пряничка — петушка...

Занавес.

КАШИРСКАЯ СТАРИНА

Драма в пяти действиях

Действующие лица

КОРКИН ПАРФЕН СЕМЕНЫЧ

богатый вотчинник.*

ВАСИЛИЙ

сын его, молодой царский сокольник.

БОРОДАВКА ИВАН СИЛЫЧ

помещик небогатый, Коркину ближний сосед.

САВУШКА

однодворец сын названного брата Ивана Силыча.*

АБРАМ

Савушкин брат двоюродный.

ЖИВУЛЯ

подьячий.

ПЕТРУНЬКА

Пелепёлихин сынишка.

ДВОРЕЦКИЙ

Коркина.

СЛУГИ, ГОСТИ, МУЖИКИ, ПАРНИ

Коркина.

ДАРЬИЦА

Ивана Силыча жена.

МАРЬИЦА

дочка Иванова.

ГЛАША

сирота, с Марьицей выросла.

ПЕЛЕПЁЛИХА

у Коркина ключница.

ДУНЬКА

его же сенная.

ГОСТЫИ, ДЕВУШКИ, БАБЫ, СЕННЫЕ.

Между третьим и четвертым действиями больше полугода. Время — вторая четверть XVII века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Иванов огород. Слева, на первом плане, изба видна, тесом крыта; пред сенями рундучок невелик, без крыльца. Налево же, глубже, гряды, подсолнухи, мак, рожки-мальвы; еще подальше ветла стоит. Направо, на втором плане, рябина старая; под ней скамейка. Весь огород позади обнесен плетнем, местами раздерганым; на плетне горшки, тряпки и пр.*

Немного отступя, за плетнем, высится дубовый тын коркинских хором. В середине ледник с земляною кровлей; его чуть за тыном видно; по бокам на него всходят и смотрят в Иванов огород, как указано ниже, некоторые из действующих лиц. Направо, из-за рябины и правее ее, видна часть высоких коркинских хором. Середина задней декорации: даль, село, церковь и т. д. Село в полуверсте кажет.

ЯВЛЕНИЕ I

Г л а ш а выходит из Ивановых сеней; за тыном, на леднике, показывается Д у н ь к а.

Г л а ш а (*приставляя руку к глазам, как от солнца закрываются, смотрит вверх*). А солнышко-т на закат пошло. На игрище сбираться пора.

Д у н ь к а (*показываясь из-за тына*). Глаша, чтой-то засмотрелась? Ай на село собрались?

Г л а ш а. Зевать нечего: окрутились* и пошли.

Д у н ь к а. Тебе раньше надо: без тебя не начнут.

Г л а ш а. Где начать! Игры, песни кто ж заводить станет? Я везде первая поспела. Без меня вода не святится.

Д у н ь к а. А наша-то жизнь анафемская: погулять некогда. Вы, чай, и отобедали давно?

Г л а ш а. Выспаться старики успели.

Д у н ь к а. То-то ж. Гостей много у вас было?

Г л а ш а. Много: Савушка сам-один.

Д у н ь к а. То-то ж. А у нас!..

Г л а ш а. Труба нетолченая?

Д у н ь к а. То-то ж.

Г л а ш а. Аль еще кто есть?

Д у н ь к а. Труба трубой, а еще утроба ненасытная. Господи, который час за столом сидят!

Г л а ш а. Аль не вставали?

Д у н ь к а. Где! Кушаньев сколько, во что умещается! А медов, пива, таскали, таскали, и-ах господи! Ноги все отбегали.

Г л а ш а. А все сидят?

Д у н ь к а. Сидят. Старико-т наш разошелся: «Две, говорит, у меня нынче радости. Первая радость — праздник господен, у людей разговены, Петров день*, апостола; а вторая, говорит, радость — сын с Москвы на побывку приехал». Сама рассуди: с двух радостей не пьян из-за стола уж встанет ли?

Г л а ш а. А молодое-т что же?

Д у н ь к а. Ты нешто не видала?

Г л а ш а. Где видеть! Давно ль приехал?

Д у н ь к а. Недавно, точно, недавно; три дни всего.

Г л а ш а. Вечор на него было взглянуть вздумала. На коне, сказали, едет. Не успела на крыльцо выскочить, ан за ним курево только в поле стоит.

Д у н ь к а. То-то ж. Видишь каков! А уж молодец собой — ни пером описать.

Г л а ш а. Московской!

Д у н ь к а. Не здешний, знамо. Здешние что — вот хоть бы Савушку вашего взять, али Абрама, как есть деревенщина. Все-то у него иное: на коне посадка, с людьми повадка, ну и разговор, опять особый.

Г л а ш а. Повидать бы. На игрище, чай, выйдет?

Д у н ь к а. Уж не знаю; не умею сказать. С чего бы не пойти? Все хоть наших девок посмотрит — хоть Марьицу вашу. На Москве, чай, таких не много. *(За сценой, вдали, слышен Пелепёлихин голос: «Дунька!»)* Ой! Ай панья зовет?

Г л а ш а. Какая еще панья?

Д у н ь к а. Да наша, Пелепёлиха-то. Паньей ведь ее прозвали! Намедни до чего напилась: я-де с Литвы, отец мой у короля в чашника служил. Мы ее паньей и прозвали. Что смеху-то было!

Г л а ш а. Вот черт-то! *(Обе смеются.)*

Д у н ь к а. Прощай, иначе; на игрище, может, и свидимся. Авось урвуся.

Г л а ш а. И ты прощай. Я звать на село пойду. Пора ведь. *(Идет в избу.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Дунька обернулась, хотела вниз сбегать, как к ней навстречу Пелепёлиха из-за тына видна стала. Одета пестро; нарумянена.

П е л е п ё л и х а. У, черт, чуть не сорвалась было! Ты тут с кем, bestия, зубы скалила, лясы точила?

Д у н ь к а. Глашка в сад выбегала.

П е л е п ё л и х а. В сад? Тоже сад называется! И лесу всего: ветла да рябина. Последнюю срубить надоть, на наш двор не тянулась бы... А Дарьица, сама-т, не выходила?

Д у н ь к а. Спала, вишь; теперь наряжается. На игрище тоже идут.

П е л е п ё л и х а. Наряжаются тоже, голь перекатная! Одна телогрея, зиму-лето носит, тафта-де рудо-желта! Фря! Эх, ждать-то не время, уж я ее вышутила бы. Пойдем-ка. Нашо-т пил, пил, анисовой водки запросил. *(Обе уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Сцена малое время пуста. Из избы выходят: Марьяца, за нею следом Савушка.

Савушка. Ты, Марьяца, не сердись на меня. Я, право...

Марьяца. Чудной ты! С чего ж мне на тебя сердиться? Не королевна какая, не за замками живу, на людях. За себя свататься кому запретить разве можно? И опять: не моя вина,— матушке не угоден.

Савушка. Матушка что! Был бы тебе люб, на матушку не поглядела бы: батюшку уговорила, матушку переломила.

Марьяца. Против матушки не идти же? Кабы еще своим домом жить стали, иное дело. Матушка посердилась бы и смилостивилась. А то отец зятя в дом взять хочет. Сам посуди, какое тебе житье будет: чуть что, и попрёки.

Савушка. Дом что — наживное дело. Только захоти — новый поставлю. Знамо, батюшке тебя отпускать неохота, и по мне, вместе ладнее. Да что! Не люб я тебе и не люб.

Марьяца. За что ж мне, Савушка, не любить тебя?

Савушка. Не любить не за что, и любить тоже не за что. Сам знаю: не по девке парень.

Марьяца. Полно тебе!

Савушка. Полно и есть. Эх, думалось-гадалось: отцы-де братья названные были, с тобой опять, как брат с сестрой, выросли. Вот она, под рябиной скамеечка, мной же слажена. Отец-то, бывало, тут сидит, а мы с тобой под ветлой играемся, на огороде ли в грядках копаемся. В раю жилось. Знамо, малолетки были. Ну да прощай. Пойду.

Марьяца. Прощай, Савушка. Ты не кручинься.

Савушка. Где уж!

Марьяца. Не говорю: совсем не кручинься. Не покручиниться нельзя; ты и покручинься, да не очень. Не на век ведь уходишь, опять завернешь. Почем знать: матушка, может, смилостивится, и ты-то мне полюбишься. Понял: по-твоему полюбишься. А по-моему: и теперь тебя люблю, за что не любить?

Савушка. Уж не сомушай меня лучше! *(Помолчав.)* Еще сказать хотел: беда ль какая, храни господь, случится, аль нужда тебе, али батюшке будет, — ты Абраму весть дай, он мне перешлет. Для того «Абраму» говорю, — меня прямо просить, еще, поди, посоветишься. Гляди же, в те поры ты мной, Марьяца, не побрезгуй. Усердно прошу. Затем, прощай. *(Кланяется и идет.)*

Марьяца. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ IV

Савушка, Марьяца; из избы выходят: Иван и Дарьяца.

Иван. Ты, Савушка, что ж пошел? Аль совсем уж?

Савушка. Совсем.

Иван. И на село не пойдешь?

С а в у ш к а. Нету. С тобой, батюшка, да с матушкой проститься, и пойду.

И в а н. Слышишь, старуха, батюшкой с матушкой нас зовет, а какие мы ему отец с матерью?

Д а р ь и ц а. Сызмальства тут; привык. *(Отвернулась.)*

И в а н *(подмигнув на старуху)*. Выразумела старая, что сказать хотел... Ты, Савва, слышь, не горюй. Пожди осени-то: Покров придет, девок венцом покрывать станет*, а и молодцы, князья молодые*, не без венцов же вокруг налоя ходят.

Д а р ь и ц а. Пошел прибираться!

И в а н *(целуется с Савушкой)*. Ладно, прощай! *(Опять на старуху подмигнул.)* А слово-т все сказано; этак-то вернее.

С а в у ш к а. Прощай, матушка.

Д а р ь и ц а *(обнимает его)*. Прощай, голубчик. Помогай тебе господь. *(Савушка идет.)*

И в а н *(ему вслед)*. А с Марьицей что же?

С а в у ш к а. Прощались уж! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме С а в у ш к и; потом из-за тына показывается П е л е н ё л и х а и разговор мужа с женой слушает. В конце явления П е т р у н ь к а с топором.

И в а н. Что ж, на праздник пора. Мне в гостях сидеть, брагу пить, девкам — в хороводе играть норовится.

Д а р ь и ц а. Тебе только бы, прости господи, в гостях где сидеть! Успеешь еще. Потолковать с тобой надо.

И в а н *(с добродушною улыбкой)*. Пилить меня будешь, поедом есть? Ладно. Я тут на скамеечке посижу, послушаю. *(Сел. Дочке.)* Ты, Марьица, куда же?

М а р ь и ц а. По огороду поброжу; далече, батюшка, не уйду. *(Идет налево, за ветлу, заходит за кулисы, порой опять возвращается.)*

И в а н. Что ж, бери пилу-то!* Брани старика.

Д а р ь и ц а *(подле него садится)*. Слова подбирать нечего. Я сказала, и еще повторю: не жених он и не жених; не хочу я его в зятья.

И в а н. Чем не жених? Еще какой работник! Нам за ним, старикам, покойно жить будет.

Д а р ь и ц а. Работник, работник! Что у тебя дочь девка мужицкая что ли? Сам-то ты кто, скажи. А?

И в а н. Не велик боярин — нет. Вотчины у нас где? В нетовом царстве. И помещного у нас много ли? Чем государь великий — дай ему, господи, здоровья — пожаловал, тем и сыты.

Д а р ь и ц а. Все ж за службу свою от государя пожалованы. А он кто?

И в а н. Он-то? Однодворец ведь.

Д а р ь и ц а. Велика птица: однодворец!

И в а н. А мы с тобой летать станем, — выше курицы взлетим ли?

Д а р ь и ц а. Пошел прибраться!

И в а н (*с жаром*). Да, пошел. Еще приберу. Оздворец что — велик человек. Им за что земля дадена, а? Не знаешь? Еще когда!.. от татар неверных матушку нашу Русь крещеную боронили: на то им на Кашире земля дадена, чтобы погань всякую от святой земли отгоняли. Да. (*В жару разговора костьюем стучит.*)

Д а р ь и ц а. Ты что костьюем стучишь? Не застращаешь. Ты лучше про Савушку скажи: он чем хорошо?

И в а н. Работник...

Д а р ь и ц а. Слышала уж. Еще чем же?

И в а н. А еще: сызмала его знаю, парень добр. Мы, слышь, с отцом его братья названные...

Д а р ь и ц а. Разве я у тебя про отца спрашиваю? Ты вот что ответь: к чему ты о Покрове толковал? Какой еще ему Покров.будет?

И в а н (*с улыбкой*). Покров что — далече Покрово-т. А мысль такая была: жена-де, праздника ради, бражки малость хлебнет, добрей станет. Тут мы к ней приступим. Авось смилостивится.

Д а р ь и ц а. И не думай того! На чем стала, век стоять буду. А он не жених ей, не жених. Тебе дочку пропить бы только. Спишь, во сне то же видишь.

И в а н (*смеется*). А мы, слышь, дочку с ним у тебя увозом. Сговоримся и увезем. Право.

Д а р ь и ц а (*затыкает уши*). Не отдам, не отдам! Не жених он!

И в а н. Аль у тебя другой какой на примете есть?

Д а р ь и ц а (*на минуту уши открыла, прислушалась и опять заткнула*). Другого нету. А с места не сойду; вовек не отдам. Не жених он. В зятья его не хочу.

П е л е п ё л и х а (*из-за тына*). Ой-ой-ой! Ох, ох, ох! Кто бежит? с чего пыль стоит?

И в а н и Д а р ь и ц а (*оба от крику вскочили*). Что там еще?

П е л е п ё л и х а (*тянется, точно вдаль, за Иванову избу смотрит*). Куда это едут, куда спешат? К Иванову двору повернули.

Д а р ь и ц а. Кого там бог дает? (*Поспешно идет к избе, Иван за ней, не спеша.*)

П е л е п ё л и х а. Сам царь ли с ордой? Аль король то с Литвой? Со царем сорок царевичей, с королем сорок королевичей. Все-то за дочку твою, Несмеяну царевну, сватовщики! Ха, ха, ха!

Д а р ь и ц а (*остановилась и плюнула*). Ах ты, проклятая! (*Иван подходит к жене; оба, до конца явления, остаются на левой стороне сцены, ближе к авансцене.*)

П е л е п ё л и х а (*продолжает*). А матушка Дарья Карповна снаряжалась: в телогрею, рудо-желта тафта, одевалась.— Уж простите-де вы, гости дорогие, иного платьишка нету. Ха, ха, ха!

Д а р ь и ц а (*мужу*). Ты что ж стоишь? Жену бранят, не заступись? Пугни ее.

И в а н. Чем пугать-то? Правду ведь говорит: другой телогрени нету. Ты о телогрех не спорь с ней: переспорит.

П е л е ё л и х а. Ты поспорь,— я послушаю. Много ль еще нарядов насчитаешь?

И в а н (*жене; с виду так же спокоен, но голос дрогнул*). Не спорь, говорю. Ты лучше спроси: стыда и совести у нее хоть на алтын наберется ли? Да. А о телогреях не спорь, всегда переспорит. Да.

П е л е ё л и х а. Ах ты, базага* старая! Волчья ты съедь! Костыль в руке,— туда же в разговор пустился. Мало, знать, Парфен Семеныч разорал тебя. Богат еще: целая рябина осталась! Винца купит, рябинкой настоит,— выпьет, тепло старику. А я возьму, вконец старика разорю, рябину срублю. Выпить старичку захочется, ан выпить-то нечего. (*Всполошившись*.) Эй, Фомка, Сенька, Петрунька! Кто тут? Кто там? (*Смотрит во двор*.) Топор бери, сюда беги! В калитку скорей, через плетень скачи; рябину руби.

Справа, в проулок между тыном и плетнем, выбегает Петрунька, топор в руках; прыгает через плетень, подбегает к рябине; положил топор, в руки поплевал, опять топор взял, и готовится рубить. Марьяца тем временем выбегает слева и бежит к отцу.

М а р ь и ц а. Батюшка, родненький, что тут? (*Прижимается к нему*.)

И в а н (*гладит ее по голове*). Ничего, Марьяца, ничего, полно.

Д а р ь и ц а (*толкая мужа*). Срубит ведь! Что ж стоишь? Костылем его!

И в а н. Я с костылем, он с топором. Топоро-т крепче,— сунусь, ан костыль мой перерублен лежит. С чем тогда на село, к куму в гости, побреду?

Д а р ь и ц а. Ой, срубит!

И в а н. А я с ним построже поговорю. (*Стучит костыльком*.) Слышь, Петрунька, не смей! Я к боярину твоему пойду; к старому не пустят, молодому челом добью. Дерево срубишь, батогов на спину добудешь. (*Петрунька в недоумении то подымает, то опустит топор; так до конца явления*.)

П е л е ё л и х а. Что стал? Руби, говорю.

И в а н. Не смей!.. Вот оно, жена, старым без зятя какво жить!

М а р ь и ц а. Господи, да долго ль они насильничать будут?

П е л е ё л и х а. Руби, руби, говорят. (*Несколько раз то же кричит*.)

И в а н (*в промежутке между ее криком приговаривает*). Не смей! — Ох, Петрунька, не смей!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Глаша; опрометью вбегает из сеней.

Г л а ш а (*вбегая*). Молодое-т, сам Василий Парфеныч, пожаловал. Уж я с перепуга сюда его позвала.

И в а н. Слышь, жена: голеный «ох», а за голеный бог.

Из сеней выходит Василий; Пелеёлиха его увидала, крикнула: «Ох беда!» и мигом как сквозь землю провалилась. Петрунька до поры под рябиной стоит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Иван, Дарьца, Марьца, Глаша, Василий и Петрунька.

В а с и л и й (*останавливается и кланяется*). Господину Иван Силычу много лет здравствовать. Каков, господин, в своем здоровье?

И в а н. Постой-погоди. Прежде чем на здоровье отвечу,— озорников своих уйми. (*Оглядывается на тын.*) Где ж она? аль «давай бог ноги»? (*Василью.*) Мужика вот прогони; чужих рябин не рубил бы, прикажи.

В а с и л и й (*мужику, строго, но сдержанно*). Ты с чего на чужом огороде озорничать задумал?

П е т р у н ь к а. Нешто я стал бы? Известно, она все, панья...

В а с и л и й (*нахмурясь*). Какая панья?

П е т р у н ь к а. А ваша все ж, ключница господарская.

В а с и л и й. Не ее тебе, господ слушать надо. Пошел!

П е т р у н ь к а. Я что ж... (*Чешет затылок, Василий на него взглядывает; он мигом, бочком, убирается.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Иван, Василий, Дарьца, Марьца, Глаша.

И в а н. Теперь, Василий Парфеныч, здравствуй. (*Подает ему руку.*) Садись: гость будешь.

Оба садятся под рябиной; женщины остаются на левой стороне сцены; Дарьца на втором плане, ближе к авансцене; девушки почти на авансцене, ближе к кулисам. Во время следующего разговора Глаша по временам наклоняется к Марьце, что-то ей на ухо шепчет и глазами указывает на Василия.

И в а н. Что, Василий-господин Парфеныч прикажешь?

В а с и л и й (*встает, кланяется, говорит стоя*). Родитель мой, Парфен Семеныч, приказал тебя, господин, весьма к себе в гости звать. Сказывать велел: пусть-де вражду нашу нонешнюю забудет, старую дружбу вспомянет, сердце на любовь переложит. Еще велел сказывать: сын-де ко мне с Москвы приехал, царскою милостию взыскан, и в том-де великая мне радость. А не придет сосед, гнева своего не отложит, и та-де радость не в радость мне будет. И еще прибавить изволил: дважды-де ныне его к себе звать посыльвал, да позыватые мои его чести, знать, угодить не могли, авось для ради сына моего смилостивится. (*Кланяется и садится.*)

И в а н. Постой, Василий Парфеныч: наперво, слышь, от вас ко мне никого, и зова никакого я не слышал же.— Аль ты, жена?

Д а р ь ц а. Никого не видала. Разве как отдыхали мы. Глаша, ты не видала ли?

Г л а ш а. Никто не бывал. Не Пелепёлихе ли приказо-т даден был? Коли ей, скрыла, с нее станется. Ты батюшке казала бы: пусть Василий Парфеныча о том поспрошает.

В а с и л и й (*с желаньем предупредить вопрос*). Не взыщи, гос-

подин Иван Силыч, не всяк господарский приказ, сам ведаешь, исполнен бывает. Со слуг взыщется. *(Опять встал.)* А коль слово мое перед тобой, господин, хоть малость значит: нашу с батюшкой хлеб-солью, будь добр, не побрезгай. *(Поклонился и сел.)*

И в а н. На слове спасибо. Только с отцом мне с твоим, слышь, как мириться?.. Что он со мной делал, ты знаешь ли? Просто сказать: в разор разорал. Вот плетень взяты, пустое ведь дело, а ты на него погляди: цел ли стоит. А виной кто? Мужик ваш последний с возом едет, о плетень задеть норовит: боярин-де не взыщет, похвалит еще. Подтопок ли бабе дворовой надо, сынишке кричит: «Беги-де на соседский огород, разорай плетень, боярин приказал». Плетень что! Всех обид высчитывать, слушать устанешь: там луга часть запахали, здесь рощу дубовую, женино приданое, всю, слышь, до пня, повыврубили. Опять... сам сейчас, чай, видел, каково ваши те озорничают. Теперь рассуди: каково легко мне с родителем твоим мириться? Рассуди, да.

В а с и л и й. Отца мне судить, господин, не приходится, а судить начну, ты же не похвалишь. Ты слово молвить прикажи.

И в а н. Говори, Василий Парфеныч! Говори. *(В сторону.)* И умен же парень.

В а с и л и й. Одно только скажу. Не все по господарскому указу делается, не все господарь и ведает. А тут: против тебя сплутуют, да батюшке на тебя ж наговорят. «То-то-де про тебя, государь, сказывал; тем-то-де похваляется». Батюшка — человек ведь — на тебя пуще разгневается, думает, правду доложили. А наушники-те рады: пуще на гнев его разжигают. Кабы вы сошлись когда, друг другу обиды выговорили, может, господин, поспорили бы, да потом рассудили: чего-де нам ссориться, только воров кормить, давай лучше ладком жить станем. *(Встал.)* Теперь, господин, советишка моего коли послушаешь, божескую милость сделаешь, к батюшке гостем званным со мной пойдешь, — старого, гляди, как не бывало, в мире, ладненько заживете. *(Кланяется.)* Усердно тебя, господин, прошу. *(Садится.)*

И в а н *(точно сам в своих словах сомневается)*. А ведь уговорил меня! И впрямь уговорил! Жена, аль пойти?.. *(Точно опомнившись.)* Что, стар, задумал: в таком деле у бабы совета спрашивать! *(Василью.)* Ну, Василий Парфеныч, руку давай, по рукам ударим. *(Оба встают и бьют по рукам.)* Для тебя, молодец, делаю, полюбился ты мне. Так ты и знай. *(Жене.)* Жена, что ж ты на месте стоишь, дела своего бабьего не знаешь: угостить, чем бог послал, гостя дорогого надо.

Д а р ь и ц а. Сейчас, батюшка. *(Спешит к дому и уходит.)*

В а с и л и й. Не лишнее ли, господин...

И в а н. А ты со мной не спорь. *(Идет к дому; Василий за ним, немного позади.)* Я ведь куда норовист. Упрям, слышь, старик; меня уговорить — ох, трудно! Норов у меня велик. Ты думаешь, сегодня скоро меня уговорил, и всегда я таков же. Не-ет. В другой раз часа три поклоняться заставлю. Да. *(Они подошли к сенам.)* Ну, милости просим.

В а с и л и й. Хозяину вперед бы.

И в а н. А ты не спорь. Гостю честь — свят обычай. Милости прошу. (*Василий входит; Иван за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Марьяца и Глаша, обе переходят на середину сцены.

Г л а ш а. Каков, а? Нет, скажи: ведь молодец, а? И речь, и все. Ведь молодец — говори же.

М а р ь и ц а. Парень — ничего.

Г л а ш а. Ничего? Нет, молодец. Говори: молодец. Не похвалить нельзя. И умен. Что ж не хвалишь?

М а р ь и ц а (*смеясь*). Ты уж всего его расхвалила; мне за что хвалить не оставила.

Г л а ш а. А хвалить не хочешь,— говори: не хорош. Говори же. (*Схватывает ее и кружится, припевая.*) Дурен, дурен мой кисель! Дурен, дурен, не хорош!

М а р ь и ц а. Ох, Глашка, полно! Оглашенная, право.

Г л а ш а (*бросая ее*). А мне весело. Я всегда, как этакого молодца увижу,— беситься мне хочется.

М а р ь и ц а. Уж не приглянулся ли тебе?

Г л а ш а. Мне этакой не приглянется! С чего приглянуться? Не жених мне, и не приглянется. А знаешь кому он жених, сказать?

М а р ь и ц а. Ты почему знаешь?

Г л а ш а. Я знаю. Тебе он жених, вот кому.

М а р ь и ц а. Чего еще не выдумает?

Г л а ш а. Стой, молчи. Не перебивай ты меня! Все расскажу, как по пальцам разочту. Старики теперь помирятся, ровно ведь меж ними ссоры не было. Да не мешай же мне! А помирятся, Парфен Семеныч что взял отдавать не захочет,— что тут делать? «Пусть-де за дочкой будто в приданое пошло, скажет, а ты ее за Василья выдай и вместе жить станем». Верно так будет.— Ты молчи только. И вот поедешь ты на Москву, а я за вами увяжусь.

М а р ь и ц а. Не далече ль, Глаша, захала?

Г л а ш а. Ты молчи. Ты думаешь: о тебе я хлопочу? О себе думаю. Тут жить, какая мне корысть? Замуж кто возьмет? Разве подычай какой вдовый сильно разворуется, денег много наградит, да хмелем крепко зашибаться станет,— тот меня за себя возьмет. «Бойка-де девка, бить меня станет, чтоб не пил, учить, ан добро-то в сундуках целей лежит». А на Москве-то!..

Д а р ь и ц а (*выглядывая из сеней*). Девки, идите! Госте-т ушел, на село пора. Отецо-т за нами ужотко придет. (*Скрывается.*)

Г л а ш а. Сейчас!.. А на игрище я его в хоровод уж заманю, пусть нашу Маню поглядит.

М а р ь и ц а. Да полно ж тебе, полно! (*Обе, повторяя последние речи, бегут в дом, обнявшись.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Коркинская повалуша, высокая. Потолка не видно. Рухлядь на веревках всякая повешена. Стол. Лавки Стены брусняные. Одни двери сбоку.*

ЯВЛЕНИЕ X

Входят: Парфен (на нем, поверх рубахи, кафтанец суконный короткий); следом, Живуля, Абрам, и еще человек пять-шесть гостей. Слуги.

Парфен (в дверях). Эй, вы! Кто на ногах еще стоит, иди сюда. Тута пить станем, тут прохладней.

Входят гости, слуги вносят питья. Парфен за стол садится; подле него кто постарше; Абрам на боковой у стола лавке: Живуля присаживается у дверей.

Парфен (наливая и потчуя). Не много целых-те осталось: скольких хмель уложил. А сколько вас ни есть — всех уложу, всех я вас перепью. (Соседу.) Начинай!

Абрам. Как еще уложишь, Парфен Семеныч, поглядим.

Парфен. Уж ты мне, Абрамка! Нет чтоб смолчать. (Живуле.) Ты, чертов кум, что даве рассказывать начал? Перебил я тебя.

Живуля (встал и подошел). А про чудо, государь. На Иванов день на самый, чудо какое в Лежайке было. Как только с образами по полям пошли, сейчас и дождь.

Парфен. Чего не знаешь, дурак, не ври. Разве лежайские умолили-те? Давно тому дождю итти бы, кабы они тучу не задерживали.

Абрам. Как так задерживали?

Парфен. А так же. Я к ним дуракам раз с пять посылавал: мы-де давно отмолебствовали, вы чего ж, дураки, молебна не поете? А они: собираемся-де. И собирались же. Мы еще когда, до Иванова дни недели за две, на Елисея на пророка* молебствовали. Вот еще когда дождю итти бы. И выходит, они тучу задерживали.

Живуля. Чего, государь, не знаю, о том молчу. А уж это своими глазами видел...

Парфен. Мне кому ж верить: глазам ли твоим, аль уму своему прикажешь? И глаза-те у тебя обманные.

Живуля. Где ж у меня глаза обманные?

Парфен. А во лбу — вот где! Аль не обманные, скажешь? Да ты какого роду — ответь: подьячего ведь?

Живуля. Нечего греха, государь, таить: подьячего.

Парфен. Как же глаза у тебя не обманные? Вы на что, подьячие, созданы? На обман. И глаза, и язык, и все у вас обманное.

Живуля. Порочишь, государь...

Парфен. Ты теперь сюда зачем пришел? С праздником меня поздравить? Аль я тебя в гости звал? Нету. Для обмана же пришел. Ты стоишь теперь и думаешь: с кем бы еще мне Парфена Семеныча поссорить? Потому — корысть тебе. Станешь таскать от меня мучицы-крупницы, овсеца ли. И алтын перепадет.

Ж и в у л я. Эх, Парфен Семеныч, государь мой милостивый! Эдак ты подьячих честишь, а напрасно бы, государь, право напрасно. Свет без подьячих когда стоять будет ли? Николи. Нужен он человек, подьячий-то, и всегда таков будет.

П а р ф е н. На что нужен? На обман же.

Ж и в у л я. А тем нужен — без него обойтись невозможно. Люди-те,— ответь, государь,— людьми ж будут?

П а р ф е н. А то чем же? Не все к черту в кумовья пойдут, как ты же.

Ж и в у л я (с жаром). Нет, государь, ты выговорить мне дай. Вот что скажу: Гог и Магог придут*, и в те поры без подьячих не обойдется. Только, может, под конец мира нам почет иной будет.

П а р ф е н. Тебе честь делают, с тобой разговор ведут,— ты с чего же отвечать вздумал? Твое дело — молчок. Разве спросят, тогда ответь. Кто тут всех выше? Я всех выше. Значит, я разговор вести стану, а вы все молчи.

Ж и в у л я (себе под нос). Воткни метлу средь пустого поля, и метла велика стоит.

П а р ф е н. Ты что сквозь зубы цедишь?

Ж и в у л я. Раздумался, государь: что сынок твой позамешкался? бородавку что не ведет? А и трудно ее, бородавку-т, с места сдвинуть: где сядет, ничем не сведешь.

П а р ф е н. Ты про кого толкуешь?

Ж и в у л я. А про Василия Парфеныча, про твоего, государь, про сынка.

П а р ф е н. Какого еще сынка нашел? Я, родитель, сыном его величаю, ты как же сынком назвать посмел?

Ж и в у л я. Прости, государь, обмолвился.

П а р ф е н. Ты еще сынишком его назвал бы.

Ж и в у л я. В чем виноват, государь, каюсь.

П а р ф е н. Ты о том, чертов кум, кто мой сын, подумал ли? Царский сокольник ведь. Ему на побывку ко мне ехать, царь его конем жаловал. Слышь ты, конем. Да и все-то вы, сколько вас тут ни есть, Васильева мизинного перста не стоите. (Грозясь.) Вот подождите у меня: придет он, всех вас челом ему бить заставлю.

А б р а м. Всех-то не много ли будет? Не обочтись, Парфен Семеныч.

П а р ф е н. Уж ты мне, Абрамка! Опять заговорил. Гляди: первый у него в ногах ползать будешь.

А б р а м. Ох, не обочтись, говорю.

П а р ф е н. Ему не хочешь,— коню кланяться заставлю. Велю сюда Васильева коня привести, а ты ему в ноги.

А б р а м. Себе еще кланяться не заставишь ли?

П а р ф е н. Ты споришь еще? Люди, эй!

А б р а м (встал с места, стал насупротив Парфена и сильно кулаком по столу стукнул). Эй, Парфен Семеныч, не дури! Ты меня знаешь: ни пред кем еще я по таким делам без сдачи не оставался.

П а р ф е н (точно опьянел, падает головой на стол и пьяным

голосом). Ох, разбойник, разбойник! (*Абрам отходит от стола; Живуля к нему сзади подбегает.*)

Ж и в у л я. Всегда вот этак же. Надо мной уродует, а увидит: не под силу ему человек, будто пьяный делается. Эх ты, притворник старый! (*Украдкой грозит Парфену; Абрам отворачивается от него; за сценой шаги; подъячий испуганно.*) Ай, не Бородавку ль ведет?

А б р а м. А тебе не по вкусу?

Ж и в у л я. Я ж тебя хвалил, а ты!.. (*Прислушивается.*) Ай, ведут!

А б р а м. Иван Силыч не шел долго,— уж не твои ль тут зацепки были?

Ж и в у л я (*с неудовольствием отходя от него*). Чтой-то ты уж больно догадлив!

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же; Василий, Иван; в конце, на минуту, Пелепёлиха.

В а с и л и й (*в дверях пропускает Ивана вперед себя, и затем спешит к отцу; наклонившись над отцом*). Батюшка, Иван Силыч пожаловать изволил.

П а р ф е н (*подымая голову*). Ай да Василий, на все молодец! (*Спешно встает из-за стола, гостью навстречу.*) Милости, Иван Силыч, прошу. Пожаловал,— спасибо тебе великое.

И в а н. Не велика, слышь, милость. А паренек твой ладен — в нем сила: уговорил ведь.

П а р ф е н. А все ж спасибо, и меня во всем прошлом прости. (*Низко кланяется, дотрагиваясь пальцем до земли.*) Теперь, как след, по-христиански, три раза поцелуемся.

И в а н. И меня, в чем грешен, прости. (*Кланяется; потом трижды целуются.*)

Ж и в у л я (*во время целованья, про себя, со вздохом*). Охо-хо-хо! На мир пошло. Глядеть-то тошнёхонько.

П а р ф е н (*немного отступя, смотрит на Ивана*). Давно, Иван, с тобой не виделись.

И в а н. Года с три, Парфен, будет.

П а р ф е н. И постарел же ты, Иван.

И в а н. И ты, Парфен, не помолодел же.

П а р ф е н. То-то! А из-за чего дело все вышло!..

И в а н. Из-за кобылы сивой. Кобылы моей, слышь, тебе захотелось.

П а р ф е н. Дело-т теперь прошлое, признайся, Иван, ты всему виной: горд очень, уважить меня не захотел.

И в а н. Я виноват, я. Тем виноват, пословки старой не помнил. Давно сказано: не сели села близ князя села. А еще и так молвить можно: не ставь двора близ двора насильникова. Не он, приспешники разорят. Запамятовал. И в том, Парфен, вина моя; виноват я.

П а р ф е н. Ишь, гордость, Иван, в тебе какая! Я к тебе с поклоном, а ты меня ж насильником назвал.

Ж и в у л я (*про себя, руки потирает*). Старый сор перетряхивать стали,— нам чего не перепадет ли? (*Оживляется.*)

В а с и л и й (*Ивану*). Позволь, Иван Силыч, слово тебе молвить: старое вспоминать пословица, господин, не велит. Ты и батюшке о том доложил бы.

И в а н. А уговорил ведь; опять уговорил. Каков у тебя, Парфен, паренек-т разумен, а?

П а р ф е н. Василья, Иван, хвалишь, слушай же: он мне дорог, и тебе ладен же. Давай, Иван, на сыне помиримся; поцелуемся опять.

И в а н. И то. Худой мир лучше доброй брани.

П а р ф е н. Только стой: с чего ты до третьего зова не шел? Я ль тебе не угоден был, аль слуги мои тебя разобидели чем?

И в а н. Чем разобидеть,— нечем было. Первого зова не было, и второго не слышал. Третий Василий сам Парфеныч пришел. Его спроси.

П а р ф е н. Э! (*Быстро идет к дверям, отворяет их: Пелепёлиха за дверью присела, подслушивает; Парфен схватывает ее за руку и тащит; она почти ползком за ним.*) Да ты еще подслушивать! Чья, бестия, вина, говори?

П е л е п ё л и х а (*с воем*). Он, он же, Живуля, подучил. Не зови-де: хмелен старик, запомятует... А я... (*Припадает к Парфеновой ноге.*)

И в а н. А рябину кто подучал рубить — спроси.

П е л е п ё л и х а. Сама, ох, сама!

П а р ф е н (*прикрикнул на нее*). Не выть! И чтобы звания твоего тут не было! Духом твоим чтобы не пахло! Вон! (*Пелепёлиха живо спохватилась и почти ползком в двери юркнула. Парфен обращается к Живуле.*) Ты, сюда!

Ж и в у л я (*бежит к нему, шагах в двух от него на колени бухается, и полушутовски, полупросительно*). Виноват, и как же виноват еще: места праведного во мне на эстолько вот нету. А казнить не вели. Убьешь меня,— велика ль корысть тебе будет. А я тебе, как щука в сказке, испровешу голосом человеческим: не в которое время пригожусь, государь, тебе.

П а р ф е н. Вон, пес! (*Живуля быстро вскакивает и согнувшись убегает, точно выпрямиться не успел. Парфен ему вслед.*) И людишки же! (*Ивану.*) Поцелуемся теперь. (*Целуются.*) В комнату в мою, в собиную, друже, пойдем. А здесь нам с тобой сидеть не гоже: людишки не под стать; мелкота-народ. (*Уводит Ивана.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Василий, Абрам, гости.

А б р а м. Мы что ж делать учнем?

В а с и л и й. Что тебе, Абрам, любо.

А б р а м. А мне любо на игрище идти. Пойдем-ка, Василий Парфеныч! У нас весело ведь живут. Девок по теремам не прячут, все на игрище ходят. Красавиц наших погляди.

В а с и л и й. Рад, Абрам, идти.

А б р а м. Тебе и внове: поглядишь. У вас на Москве-т обычай туг: девок, которые побогаче, под замком держат. А у нас обычай вольный; и богатых, правда, у нас мало. Девкам у нас воля: с парнем при народе ли, с глазу на глаз ли, говори-любися сколько хошь, не осудят: себя только блюди. Одно слово: вольная сторонка. Идем, что ль?

В а с и л и й. Идем. *(Оба уходят; за ними следом и гости.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Настоящая перемена непременно должна быть живая. Стол выносят и убирают во время разговора Абрама с Васильем. Как только они и гости выйдут, задняя стена подымается. Открывается поле близ села. Задняя декорация может остаться та же, что и в первой картине. Только теперь освещение не столь яркое. С боков деревья, кусты; пожалуй, изба другая. Действующие лица, по возможности, выходят в разные кулисы.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Г л а ш а, впереди, М а р ь и ц а и д е в у ш к и гурьбой выбегают; следом парни выходят; потом Ж и в у л я.

Г л а ш а *(за сценой, голосисто)*. Сюда, за мной! Шибче бегите. *(Вбегают.)*

М а р ь и ц а. И впрямь, умно Глаша придумала: тут-то и ровней, и просторней.

Д е в у ш к и. Правда, правда. Умница Глаша.

Г л а ш а. Уж худо придумаю ли?

М а р ь и ц а. Что ж, Глаша, «утушку» мы там проплавали, тут бы «царевну» завести.

Г л а ш а. Ишь, разыгралась как! Сейчас тебе и «царевну»! Отдохнуть дай.

М а р ь и ц а. Девушки, просите.

Д е в у ш к и *(обступили Глашу)*. Глашенька, голубка! «Царевну»! Глаша! *(В это время Живуля, девушками не замечен, подходит.)*

Г л а ш а. Ладно уж. Кому ж царевной быть?

Д е в у ш к и. Кому укажешь.

Г л а ш а. Марьице царевной быть,— вот кому. Только царевичем у нас кто будет?

Ж и в у л я. А меня возьмите: чем не царевич?

Г л а ш а. Ох, спужал даже! Откуда выскочил?

Ж и в у л я. Что ж возьмете? Я гостинец принес: орехов да жамок.

Г л а ш а. Ишь ты, вдов-селезень, за утушками туда же увиивается. Давай гостинцы. *(Берет у него.)* Девушки, берите. *(Делят гостинцы.)*

Ж и в у л я. А мне за гостинцы величання не будет?

Г л а ш а. А прочь поди,— вот тебе и величанье.

Ж и в у л я (*отойдя немного*). Глафира Юрьевна, а Глафира Юрьевна!

Г л а ш а (*повернула голову*). Чего еще?

Ж и в у л я (*манит ее*). А поманись сюда маленечко.

Г л а ш а (*подходя*). Ну?

Ж и в у л я. Ужотко, улучи часок,— я тебя здесь погожу.

М а р ь и ц а. Девушки, гляньте-ка, парни какие идут.

Г л а ш а (*подбегая к девушкам*). Где, где?

М а р ь и ц а. А вот недалече, Абрам, да еще...

Г л а ш а. Марьица, и Василий Парфеныч ведь вышел. Говорила. (*Живуля, услышав это, быстро скрывается.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же, без Живули; Абрам, Василий, с ними еще человек пять.

А б р а м. Вот и мы успели. Смотрите-козь, какого молодца к вам привел.

Г л а ш а. Уж получше тебя. Что ж, Василий Парфеныч, спесив не будешь?

В а с и л и й. Спесивому, красавица, дома сидеть, а я на игрище вышел.

Г л а ш а. А не спесив, с нами «царевну» играй. Царевна-т у нас есть, вот она, а царевича найти не могли. Становись-ка.

В а с и л и й. На чести — спасибо.

Г л а ш а. Начинай.

Парни и девки становятся в круг, попарно; затем царевна, Марьица, становится в середине круга; царевич же, Василий, остается вне круга и ходит вокруг него. Место, где они стояли, остается не занятым: это ворота города. Василий и Марьица делают то, что в песне поется.

Во-в городе царевна, царевна,
Как за городом царев-сын, царев-сын.
Как по городу щеголяет, щеголяет,
Шелковым платком махает, махает,
Золотым перстнем сияет, сияет.

Василий обошел круг, стал в воротах.

Отворяйтесь-ко ворота, ворота!
Как царев сын во-в город, во-в город.

Далее: Марьица кланяется ему, и он, войдя в город, постепенно подвигается к ней.

Поклонитесь-ко пониже, пониже,
Как еще того пониже, пониже!
Поцелуйтесь помилее, помилее.
И еще того милее, милее!

При следующих словах Василий берет Марьицу за руку и обходит вокруг внутри города; всем ее показывает.

Ты возьми-ка, свет, за ручку, за ручку!
Обведи круг городочка, городочка!
Посмотрите-ка миряна, миряна,
Какова я молодая, молодая:
Из станка девка высока, высока,
Из белил девка беленька, беленька,
Из румян — румянька, румянька.

Г л а ш а (*как кончилась песня*). Теперь кому, мне что ли, царевой?

Д е в у ш к и. Тебе, тебе!

Г л а ш а. А я не хочу. Слышь, девки, что этак-то, сподряд всем — скучно! Мы лучше бросим теперь, после доиграем. А теперь — кому с кем любо. Ну-тка в рассыпную! (*Бежит первая; все разбегаются в разные стороны.*)

ЯВЛЕНИЕ XV

Живуля, один; потом Глаша и Абрам.

Ж и в у л я. Нет, Глашка-т моя какова? Бой-девка. Для меня ведь разбежаться велела. Ко мне сейчас прибежит. А мне ведь такую, бойца, и надобно; чтоб я ей слово. она мне десять. А смирная попадетса,— беда, в год истираню. (*Входит Глаша; Живуля, подходя.*) Что ж, Глаша, поцелуешь?

Г л а ш а. Что вздумал! Даром целовать охота ли. Ты мне сережки припаси: изумруд да яхонт, тогда поцелую.

Ж и в у л я. А без них?

Г л а ш а. А без них — Абрам идет. (*Абрам входит.*)

А б р а м. Ты чего тут?

Ж и в у л я (*пятась*). Уж не смей на игрище прийти? Не ты ль запрет положил? (*Все пятится.*)

А б р а м. Поговори еще!

Ж и в у л я (*еще пятится*). Я не с тобой, с ветром.

Г л а ш а. Брось его, пойдем. (*Уходят.*)

Ж и в у л я. Эх, эх, девка, эхма! Света старика с ума! Постой: своим подьячим умом подумаю, моя будешь! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XVI

Иван и Дарьяца. Они выходят из глубины сцены и до конца явления доходят почти до авансцены, где и скрываются за кулисы.

Д а р ь я ц а. Ты что ж мало с ним сидел?

И в а н. А слышь, захмелел он... С хмельным что сидеть; я и говорю: не сходить ли, говорю, на село: каков Василий твой в хороводе? Во всем-де хорош; а в хороводе каков?

Д а р ь и ц а. А он что?
И в а н. Сходи, говорит, а я сосну. После расскажешь.
Д а р ь и ц а. А больше ты ему сына никак не хвалил?
И в а н. Как еще хвалить. Слышь, «ладен-де во всем», сказал.
Д а р ь и ц а. Ох ты простота, простота! Счастье мимо рук плыло, ты и не заметил!
И в а н. Что за счастье?
Д а р ь и ц а. А тебе старому примолвить бы: такого-де парня всякий в зятя пожелает. Разговор и пошел бы.
И в а н. Ох, много, видно, старая, бражки хлебнула. Признавайся.
Д а р ь и ц а. А там прибавил бы: роща-де, что ты сронить велел, в Марьицино приданое зачтем...
И в а н. Ой, винись! Ой, слышь, хлебнула! Хе, хе, хе!..
Д а р ь и ц а. А там и за свадебку бы...
И в а н. Экого парня в зятя норовить. Хе, хе, хе! Ой, хлебнула! Хе, хе, хе!..
Д а р ь и ц а. А ты слушай... (*Проходят.*)

ЯВЛЕНИЕ XVII

Марьяца и Василий выходят с другой стороны.

В а с и л и й. Оттого, знать, у вас весело...
М а р ь и ц а. Воля у нас.
В а с и л и й. И дивно мне. Маленьким ведь отсюда увезен, ничего не помнил.
М а р ь и ц а. А по нашему лучше ведь?
В а с и л и й. Как еще лучше-то!
М а р ь и ц а. И всегда так-то. Год и два девка с парнем любят-ся, а там женятся. Разойдутся ли, никому не обидно.
В а с и л и й. И с кем хочешь ходишь-гуляешь?
М а р ь и ц а. А то как же?
В а с и л и й. И все с одним больше?
М а р ь и ц а (*с хитрою улыбкой*). Ишь ты, Василий Парфеныч, скорый какой: так тебе сразу и Расскажи все.
В а с и л и й. Я, Марья Ивановна, не про тебя, про всех вобще.
М а р ь и ц а. Уж знаю я.
В а с и л и й. Ты не подумай...
М а р ь и ц а. Пора бы и песень играть. Скучно так-то. Глашу, пойты, покликать. (*Идет.*)
В а с и л и й (*идет за ней*). Прости, коль не ладно молвилось.
М а р ь и ц а (*пошла и остановилась*). Нет, ты не ходи. У нас так-то: пока девке охота, и парень с нею. Девкам ведь воля, не парням. (*Идет.*) Ау, Глаша! Пора! (*Еще останавливается.*) Не ходи же: еще осудят. В первый раз, скажут, парень на игрище вышел, а она все с ним, да с ним. Будет еще время.— Ау, Глаша! (*Уходит.*)

Василий отходит в глубину сцены; Глаша, Абрам; потом девки и парни, все собираются постепенно; в конце Марьяца.

Глаша. Ау, кто кличет? Все сюда.— А ты отстань. Ишь какой выискался: замуж за него иди!

Абрам. Обещалась ведь.

Глаша. Ау, сюда! *(Ей откликаются; так же и дальше; собираться начинают.)* Я тебе как обещалась?— Ау!— Коли Марьяца за Савушку, я за тебя, а у них взрыз.— Сюда!

Абрам. Что ж, что взрыз?

Глаша. А то: с Савушкой на одном дворе живете, и я с Марьяцей век прожила бы.— Ау!— А одного тебя мне на что? Лучше тебя, что ль, нет?— Ау!

Марьяца *(входя)*. Вот она, где ты.

Абрам. Кто ж лучше?

Глаша. А Живуля; он хоть богатый. *(Марьяца, которая пошла теперь к ней.)* Ты, что ж, одна гуляла? *(Василью.)* Тебе, знать, после московских, наши не показались. Один бродишь.

Василий. Может и ходил с кем, да один остался.

Глаша. Разве...

Марьяца. Полно тебе. Уж в круг встали.

Глаша. А в круг, давай «царевну» доигрывать. Я теперь царевна. *(Девушкам.)* Начинай. *(Абраму.)* А ты круг города бодрей ходи.

Начинается игра; под звуки песни занавес опускается

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Роца

ЯВЛЕНИЕ I

Пелепёлиха, бедно одета, на пне сидит; сынишка ее грибы собирает; подле нее кузов стоит.

Пелепёлиха. Ты собирай, гляди, которые поменьше. На большие не зарься.

Сынишка *(подбегая)*. Этот хорош ли будет?

Пелепёлиха. Покажь-ка! *(Он показывает.)* Ох, дурак, дурак! Бить тебя! Болван какой вырос,— поганки от гриба отличить не умеет.

Сынишка *(с жаром)*. Он же большой.

Пелепёлиха. Пошел, болван. Брось его! *(Мальчик уходит, она вслед.)* Да хороших, болван, набирай, не то драть буду.

Пелепёлиха и Живуля.

Живуля (*входя*). То-то слушаю: чей голос такой приятный да ласковый будет? Боярской ключнице челом бью.

Пелепёлиха. Ты хоть не смейся! Прогнал ведь. Прогнал, не вспомнил. С неделю его не видала. Иссохла вся.

Живуля. Сердцем сохнешь?

Пелепёлиха. Им, сердцем,— еще чем же?

Живуля. Храни бог, телом начнешь. А сердцем,— оно не видно.

Пелепёлиха. Не видно, а в щепку сердце иссушилося. Не поверишь ведь: не ем ничего, на еду вовсе не зовет.

Живуля. И сердце в щепку, и не ешь ничего,— а не видно. Аль присесть мне, побеседовать? (*Садится на другой пень.*)

Пелепёлиха. Присядь уж, побеседуй. Все-то от меня отступилися. Кого прежде била, рыло от меня воротят. Каково мне теперь терпеть-то!

Живуля. В морду била, а они рыло воротят. И-ах! Ты что же теперь думаешь?

Пелепёлиха. О чем думать? Не о чем мне теперь. Прежде бывало встану только, с утра думы в голове: в которое платье одеться, серьги какие нацепить, за обедом что есть будем? А теперь как ничего-то нету, и думы нету.

Живуля. Без думы, чай, легче?

Пелепёлиха. Где легче-то? А сердце?

Живуля. Про сердце забыл. Что ж, на судьбу теперь плачешься?

Пелепёлиха. Еще как плачусь-то. Не на одну нынешнюю, на все судьбы плачусь.

Живуля. После такого житья — диво ли?

Пелепёлиха. Житье что! А вся-то судьба моя какова? Родилась я девка дородная, из себя красивая! А что из того? Мне бы по красоте и дородству в боярынях быть.

Живуля. Ну, и по уму.

Пелепёлиха. Ум что,— ум дело наживное. Ведь смолоду куда я девка глупа была, а Парфено-т Семеньчу показалася. И в руки его забрать сумела же. И в каких еще рукавицах лет десять держала, в ежовых! Так вот он, твой ум что— плевое он дело.

Живуля. Плюнь, да ножкой разотри — вот он ум.

Пелепёлиха. Коль красота моя на него, злодея-варвара, не действует,— ум что!

Живуля. Разотри, говорю.

Пелепёлиха. А еще думаю: под Москвой жить, этак не тосковала бы.

Живуля. Меньше?

Пелепёлиха. Вот, как теперь же, грибков набрала бы, и пошла, поспросала бы: царь, аль царица на богомолье куда не

едут ли? Потом на дороге стала бы; как царица подъехала, челом ударила, грибок поднесла: она меня пожаловала бы, рублем отдала. А здесь гриб, на что он?

Ж и в у л я. Бросить. А на Москве бы: боярин какой богатый, царицу провожал, тебя увидел. Тут ему и смерть пришла бы. Взял бы тебя, и ты, глядь, в терему сидишь: не то за семью замками, семью печатями запечатана.

П е л е п ё л и х а. И верно: замуж за себя взял бы.

Ж и в у л я. Как не взять-то! особенно узнай какого ты роду. Панья ведь, сказывают.

П е л е п ё л и х а. Панья и есть, только подменная.

Ж и в у л я. То-то толкуют: батька-де у нее велик человек был— у короля Литовского на поварне посуду мыл.

П е л е п ё л и х а. Это здешний отец у Парфен Семеныча посуду мыл, а тот, настоящий-то, в чашниках служил.

Ж и в у л я. Вот поди ж ты, а я перепутал. Ты к этому, к поваренному-то мужику, как же попала?

П е л е п ё л и х а. А подменена, говорю.

Ж и в у л я. И ловко ж подменили, узнать нельзя.

П е л е п ё л и х а. Ловко; потому плуты.

Ж и в у л я. Как же ты узнала, что подменная?

П е л е п ё л и х а. Не узнавала; вот Христос, не узнавала.

Ж и в у л я. Аль виденье было?

П е л е п ё л и х а. И виденья не было, а сидела я, сидела, и о роде своем думала: «Неужто, думаю, мужичьего я рода? Быть того не может». И вдруг осенило.

Ж и в у л я. Откуда ж осеняло: спереди, сзади ли, аль с боков?

П е л е п ё л и х а. Всю осенило, и все поняла.

Ж и в у л я. Наскрозь, значит?

П е л е п ё л и х а (*подозрительно*). Да ты меня уж не вышучивать ли вздумал?

Ж и в у л я. Где вышучивать! Дивлюсь только. Господи, господи!

П е л е п ё л и х а. То-то.

Ж и в у л я. Ну, а насчет того, как Семеныча к рукам прибрать, осенения тебе не было?

П е л е п ё л и х а. Ох, не вспоминай! Уж не навек ли покинул меня, боюсь. Ты послушай-ка, что скажу. Третьего дни пирожков с маком запросил. Повар в ноги мне пал: «Матушка, выручи, окромя тебя никто на него теми пирожками угодить не может». Спекла я. Что ж? все ведь сжевал, ни одного не оставил, а про меня не вспомнил. Теперь одна надежда: на грибы. Коли грибы в сметане съест, не вспомнит,— в гроб живая ложись. Николи уж тогда не вспомнит.

Ж и в у л я. Боюсь, самой тебе гриба не съесть бы.

П е л е п ё л и х а. Так-то ты доброту мою помнишь! Уж и смеяться надо мной вздумал! Словам моим не веруешь.

Ж и в у л я. Матушка ты моя! Чашница ты моя подменная! Я ль твоим словам не верую? Что хошь скажи, поверю. Про себя скажи: «дуря мол я», и тому поверю. Я зачем же к тебе присел-то?

Горе твое разговорить хотел. Беде твоей помочь думал. Как Семеныча вновь приручить, научить тебя мыслил. А коль не хочешь, ин бог с тобой! Пойду, да где в уголке о судьбе твоей горькой поплачу. (Встал.)

П е л е п ё л и х а. Живулюшка, голубчик, да никак ты на меня озлобился? Да постой же. Слышь, ничего не пожалею, только научи ты меня, бабу глупую.

Ж и в у л я. Аль присесть?

П е л е п ё л и х а. Присядь, золотой, присядь.

Ж и в у л я. Ин присяду (сел). Чтоб тебе любовь мою доказать, даром учить начну.

П е л е п ё л и х а. Вот уж спасибо.

Ж и в у л я. Слушай: кто твой ворог главный, кого нам с тобой с пути сбить надо, не мешал бы, старика от нас не заслонял? Ответь: кто?

П е л е п ё л и х а. Ворого-т кто главный? А Дарьца ведь; с неспеи посбить надо.

Ж и в у л я. Ну, панья, дура ты, я вижу, рассудку вовсе мало имеешь, и разговаривать с тобой человеку, который со смыслом, вовсе невозможно.

П е л е п ё л и х а. Уж и рассердился! Аль не так ответила? Ворого-т кто главный? (Задумалась.)

Ж и в у л я. Ты уж умных людей лучше слушай, меня, сиречь. Василий главный ворог, в нем вся сила. Не будь его, разве они помирились бы? Или тебя этак сам пугнул бы?

П е л е п ё л и х а. Теперь точно вижу: Василий главный ворог; его нам спихнуть надо.

Ж и в у л я. Ладно. Как спихнуть? На Москву чтоб уехал?

П е л е п ё л и х а. Так, голубчик, так.

Ж и в у л я. А коли он прав пред отцом уедет, наше дело поди не выгорит?

П е л е п ё л и х а. Так, голубчик, так.

Ж и в у л я. Значит, надо, чтоб он виноватым пред отцом оказался?

П е л е п ё л и х а. Так, голубчик, так.

Ж и в у л я. Как же нам его в виноватые поставить?

П е л е п ё л и х а. Так, голубчик, так.

Ж и в у л я. Чего затакала? Так да так. Не так, а как? Ответь.

П е л е п ё л и х а. В виноватые как его пред отцом поставить? А не знаю. Ты научи.

Ж и в у л я. Я научу, только не дорога ль тебе наука покажется.

П е л е п ё л и х а. Ты даром же, касатик, обещал.

Ж и в у л я. Начать науку даром обещал, да начало-т теперь кончено; конец пойдет: о нем поторгуюсь.

П е л е п ё л и х а. И дорого с меня возьмешь?

Ж и в у л я. Зачем тебя, вдовицу, обижать? И взять с тебя, поди, нечего.

П е л е п ё л и х а. Нечего, голубчик. Добра ведь я, что от Парфен Семеныча ни получила, все то раздарила.

Ж и в у л я. Все раздарила, ничего ни на ком не видно. А мне так уж подари, чтоб видно было. Пустяков прошу. Сережченки у тебя самые пустые есть, их подари.

П е л е п ё л и х а. Которые ж похуже, не припомню. *(На уши показала.)* Эти что ль?

Ж и в у л я. Эти зачем же? А есть у тебя: яхонт с изумрудом, те подари.

П е л е п ё л и х а. Что ты! что ты! Да тем серьгам цены нет!

Ж и в у л я. Знаю.

П е л е п ё л и х а. Ведь она покойницыны, женины; ведь я из-за тех серег три недели, ночь-день невступно, перед ним на коленях елозила!

Ж и в у л я. Знаю.

П е л е п ё л и х а. Ведь те серьги продать, век сыт будешь.

Ж и в у л я. И мне на век же.

П е л е п ё л и х а. И зачем оне тебе занадобились? Ужли сам носить станешь?

Ж и в у л я. Девку, слышь, облюбовал. «Добудь, говорит, серьги мне: яхонт да изумруд». Мне не добыть, девки решиться. Что ж, по рукам?

П е л е п ё л и х а. И в жизнь не отдам! Провалиться на месте, коли отдам.

Ж и в у л я *(встал)*. Прощай. Коли тебе охота весь век в обтерганом платьишке тута на пне сидеть — сиди, мешать не стану. *(Пошел.)*

П е л е п ё л и х а. Ты куда ж пошел?

Ж и в у л я. А с Василий Парфеньчем мириться, подучу его, что бы все стариковы подарки у тебя обобрали, и сережки тут же.

П е л е п ё л и х а. А я как же?

Ж и в у л я. На пне посидишь. *(Пошел.)*

П е л е п ё л и х а. Да стой, постой ты! Вправду ль меня на прежнее место поставишь?

Ж и в у л я. Еще как поставлю-то: новые серьги подарит.

П е л е п ё л и х а. Меньше не возьмешь? *(Он идет.)* Ну, ну, ну... ох, подавись ты!

Ж и в у л я *(подходя)*. По рукам? *(Дает ей руку, она бьет.)* Теперь присядем. *(Сел.)*

П е л е п ё л и х а. Что ж наука-то?

Ж и в у л я *(смотрит вверх и по сторонам)*. Старик, думать надо, завалился теперь спать. Обеды прошли уж. Так; скоро и наука придет. Кажинный день в это время здесь бывает. *(Осматривается.)* Место — ничего, прохладное.

П е л е п ё л и х а. Где ж наука-то?

Ж и в у л я. Близко. Схорониться нам надо. Ты тут *(показывает)*, я там. *(Отходит.)* Ну-тка, приляг там. Только гляди: что ни услышишь не шелохнись, пока я на средину не выбегу. *(Та прилегла.)* Помолчи маленько. *(По молчанию.)* Идут, идут!..

П е л е п ё л и х а *(вскочила)*. Где, где?

Живуля. Ты зачем же вскочила? Все дело мне испортишь. Ложись опять.

Пелепёлиха (*присела*). Как копна лежу.

Живуля (*шепотом*). Тише ты! В самом деле идут.

ЯВЛЕНИЕ III

Живуля, Пелепёлиха в кустах; входит Глаша; следом Василий и Марьца.

Глаша (*входя*). Какие тут вам голоса почудились? Никого нету. Тихо все. (*Идет опять за кулисы.*) Идите!

Живуля (*сам с собой*). На перепелов я хаживал: точь-в-точь. Что самец, что парень — дураки оба.

Входят Глаша, Василий и Марьца.

Глаша. Ну, пощечите тут. Я мешать не стану. Грибов поищу. (*Уходит в глубину рощи.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Василий и Марьца; Живуля и Пелепёлиха в кустах, зрителю не видны.

Василий. Что ж, Марьца, как я сказал, согласна?

Марьца. Не знаю, что сказать... уж больно скоро...

Василий. Откладывать зачем же? И нельзя:

Не надолго отпущен государем,

Недели через две в Москву собираться.

Теперь не хлопотать, когда ж успеем?

А дела-т нам осталось немало.

И наперво, как только согласишься:

Отцу сказать, уговорить его.

Там сватанье, а там начнутся сборы,—

Немало времени уйдет. И дело,—

Не таково оно, чтоб в долгий ящик

Откладывать. Что скажешь? Как рассудишь?

Марьца. А то же повторю: ох, больно скоро!..

И дивно мне: когда ты полюбить

Меня успел? Мое иное дело.

Не говорю: тебя я полюбила,

Скажу: будь у меня охота только,

Уж полюбить успела бы. Есть мне,

За что любить. Как к нам вошел

Впервой, да с батюшкой умильно речь

Повел, и вижу: добр он парень, ласков,

Умен и из себя пригож. Такого —

Хорошей девушке любить не стыдно.

Не полюбить-то было как? Отец
С утра до ночи про тебя твердит,
Все хвалит. Матушке ты люб же, право.
Мне, девке, и господь велел.— Как Глаша
Звать стала в рощу по грибы, не нынче...
Тогда... назавтра Петрова-дни...
Уговорились вы! не отпирайся!
Я вижу по глазам, да бог простит!..
Как позвала тогда меня Глашутка,
Вся вспыхнула, прикинулася только:
Вишь ты,— идти мне будто неохота,
И ноженьки болят: хитры ведь девки!
А у самой затрепескалось сердце,
И все твердит: «Пойдешь, увидишь парня».
Я и пошла: «Грех не велик, сказала,
На парня поглядеть разок; не грех же
С ним покалякать...» Ох прости! не то...
Куда свернула!.. Ведь спросить хотела:
С чего тебе бы полюбить меня?
Всего неделя, как меня узнал-то,
Раз пять со мной, не боле, говорил,—
Ужли так скоро мог меня ты вызнать?
Я не такая, может, как кажуся...
И дома про меня не мог ты слышать;
Твой батюшка хвалить меня не станет.
С чего ж тебе могла я полюбиться?

В а с и л и й. Чем полюбилася — скажу по правде.
Не поскучай, начну я издалече.
У деда на Москве живу с измальства,
Отцу он дядя, мне второй отец,
И он же научил невесту выбрать...
Зовет меня и говорит: «Васюта...»
Кабы ты знала старика! Таких
На свете много ль есть — разумен, книжен,
А доброта,— дай бог ему здоровья!..
Так подозвал и говорит: «Васюта,
В такие-де теперь тыходишь лета,
Отец замыслит оженить тебя.
Ты к этому готовым будь заране,
Обдумай не спеша,— жена на век-де.
Наметит где отец невесту, скажет
Тебе о том: ты погляди ее.
Уж расстарайся, чтоб ее повидеть.
И главное: взглядишь ей зорко в очи.
В очах — душа. Коль очи будут светлы,
Душа светла же. Нету светлоты,—
Темна душа. Такою не прельщайся,
Не зарься ни на что, отцу противься.
В монахах лучше жить, чем с злой женою.—

Есть у апостола святое слово:
Оставь отца и мать, и прилепись
К жене своей!»— Вот стариковы речи.
Теперь, «чем ты любя мне», поняла ли?
Чего ж ты плачешь?

М а р ь и ц а. Не гляди, что плачу.
Ты в очи мне взглядишь,— смеются очи;
Все улыбаюся, а только слезы льются...

В а с и л и й. Ужли теперь по-прежнему ответишь?

М а р ь и ц а. А как сказать... Пусть согласилась я
Не говорю: «согласна», а поверь
Ты мне, на малое поверь на время,
Что будто я с тобою согласилась:
Твой батюшка благословит ли нас?
Не о такой он, чай, невесте мыслит?
У нас ни роду, ни богатства нету...

В а с и л и й. Ты батюшку не знаешь; не таков,
Каким он кажет: ни суров, ни грозен.
Меня он любит, для меня отказа
Не знает. С батюшкой твоим
Не ради ли меня мириться вздумал?
Приспешников всех прежних разогнал,—
Все для меня же.— Я пойду к нему.
По истине, как было, доложу.

Суди, скажу, не сам ли бог устроил?
Как мне приехать,— сватали ее,
И свадьба та недаром разошлася!
Знать, не тому, мне богом суждена.
Меж вас, отцов, не он ли мир уладил?
А до меня в несносной ссоре жили...

М а р ь и ц а. Еще скажу... ужли ж в нем сердца нету?
Ох, верится, что так оно и будет!
Желанный мой, сердечный да хороший! (*Бросается к нему.*)

В а с и л и й (*целует ее*). И будет так. Ты богом мне дана.
Я верю, верю... Ты ли не согласна?

М а р ь и ц а (*прижимаясь к нему*).

Как весело, как радостно-то стало!

В а с и л и й (*обнимает ее*). Желанная, хорошая моя!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же; Пелепёлихин сынишка вбегает.

С ы н и ш к а. Мамонька, глянь, сколько грибов набрал!

Василий и Марьяца, испуганные неожиданным криком, отошли друг от друга.

Пел е п ё л и х а (*выскакивая из кустов*). Стой, стой, держи их!
Ж и в у л я (*также*). Держи-подерживай!
С ы н и ш к а. Ай, леший! леший. (*С криком убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Василий, Марьица, Живуля, Пелепёлиха.

В а с и л и й (*пошел Живуле навстречу*). Вы что за люди? Чего вам надо?

Ж и в у л я. Грибки, государь, собирали. Вон он, кузовик стоит. (*Кланяется.*) Приказу от тебя какого не будет ли?

П е л е п ё л и х а (*тем временем подбежала к Марьице*). Ишь ты, тихоней прикидывается! Уж не у матушки ли парней выуживать научилась?

В а с и л и й. Чего вам надобно? Ступайте прочь.

Ж и в у л я. Истинно, государь, приказу жду. Повелишь: ничего-то я не знаю, не ведаю. А не то и батюшке сдоложить можем.

В а с и л и й. Ах ты, плут подлый!

П е л е п ё л и х а (*в смелости дошла до того, что за руку Марьицу схватила*). Нет, скажи: под пятницу в ночь баню зачем топили? Не без ведовства тут.

В а с и л и й (*бросив Живулю на Пелепёлиху*). Прочь ты, ведьма!

П е л е п ё л и х а. Ты не кричи: не испугаюсь!

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Глаша.

Г л а ш а (*вбегает, схватывает Василия за руку*). Василий Парфеныч, что ты? брось их! Гляди, Марьица еле жива стоит. Уведи ты ее! Веди же. (*Василий исполняет.*) Одна я с ними отругаюсь. С них и меня довольно! (*Василий уводит Марьицу.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Живуля, Пелепёлиха, Глаша.

П е л е п ё л и х а (*на Глашу*). Ты отколь выскочила? Светла их, теперь струсила? Погоди ты уж! Живуля, идем, что ль, скорей. (*Дергает его за рукав, тот двигается.*)

Г л а ш а (*Живуле*). Ты куда? Аль Петров день забыл?

Ж и в у л я. Где забыть! Про сережки помню.

Г л а ш а. Помни еще: только ты Парфен Семенычу слово, не видать тебе Глашки, как ушей своих.

Ж и в у л я. А не скажу — моя будешь?

Г л а ш а. Увидишь! А теперь уста у тебя чтоб запечатаны были; не то завтра ж с Абрамом в церковь пойду. (*Пелепёлихе.*) Ты доноси. Так-то тебя протурят — пух полетит!

П е л е п ё л и х а. Ты чего расхрабрилась? Ты знаешь ли, что мне теперь делать надо? Стать вот так (*исполняет; то же и далее*), в боки вот этак руками взяться, да павой пройтись, да на тебя нешто через плечо вот этак глянуть, да в глаза над тобой надсмеяться! Ха, ха, ха!

Г л а ш а (*ей*). Мне с тобой теперь доругиваться нечего. Пень вот стоит, с ним за меня доругайся. (*Живуле.*) А ты помни — молчок, обо всем молчок, — не то! (*Грозит и убегает.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Пелепёлиха. Живуля.

П е л е п ё л и х а. Что ж, идем что ль? Ворошись!

Ж и в у л я. Чего толкаешь? Нужда мне за тобой идти!

П е л е п ё л и х а. Аль девчонки послушался?

Ж и в у л я. Ты о ней пикнуть не мог. Уговор раньше исполни. Сережки — изумруд да яхонт — где оне? (*Подставил горсть.*)

П е л е п ё л и х а. Аль с ума спятил? Дела никакого не сделал, — серьги ему подай!

Ж и в у л я. Без серег — ни с места. Еще против тебя пойду. И тебе одной веру дадут ли? И в суде двух послухов надо.

П е л е п ё л и х а. Я серьги отдам, а ты надуешь?

Ж и в у л я. С роду никого не обманывал. И с чего ты взяла, что тебе, бабе, поверовать можно? Я тебя опять в ближние ключницы поставлю, — а ты, на-кошь, не то серег не отдашь, еще Парфен Семеныча гнать меня научишь.

П е л е п ё л и х а. И зачем тебе серьги занадобились? Неужто на этакой девчонке паскудной жениться задумал? У нее, в ушах ее подлых, да мои серьги висеть будут! Век не отдам!

Ж и в у л я. Девки не порочь: бить стану.

П е л е п ё л и х а. Она ж тебе молчать велела. Слово скажешь — девки решишься. К чему ж тебе серьги в те поры?

Ж и в у л я. Аль я у тебя совета просил? Аль ума у тебя занимать приходил? У меня ума, слава те, своего довольно! С серьгами все сделаю, все оборудую.

П е л е п ё л и х а. А без серег?

Ж и в у л я. Проваливай.

П е л е п ё л и х а (*с сердцем*). Ин отдам! Утроба твоя ненасытная! (*Дергая за рукав.*) Идем.

Ж и в у л я. Малость погоди. — Ты слов, что Василий Парфеныч говорил, не запомнила?

П е л е п ё л и х а. Стану я такие срамные слова помнить! Не беспутная еще!

Ж и в у л я. Напрасно. Знатные слова, улещливые, всякую девку

ими улещить можно. Беги вперед, серьги доставай; я сейчас. (*Она идет; он, по малом молчании.*) Как это бишь? Постой. (*Вспоминает.*) Коль очи светлы... Эх, дьявол, дальше-то забыл. Да и черт в ней в светлоте-то: кабы в них приданое увидеть можно, или опять что у судьбы в мыслях. Коль оне светлы... Ну, значит рада, что жених богат. Вспомнил. (*Идет.*)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

У Коркина. Богатая горница. Двое дверей: боковые и средние.

ЯВЛЕНИЕ I

Парфен и дворецкий; из боковых дверей выходят.

Парфен. Да как они прийти посмели? Ты чего же смотрел? На двор зачем пускал?

Дворецкий. Неотступно, государь, просят. Дело-т великое, сказывают. Не доложить не посмел.

Парфен (*помолчав*). О чем дело?

Дворецкий. Сына твоего, государь, касающее.

Парфен. Василья?

Дворецкий. Василий Парфеныча, государь.

Парфен (*подумал*). Ин-впусти. (*Сел у стола.*) А Василий дома?

Дворецкий. Не так давно приходил. «Батюшка встал ли?»—спрашивал. Отдыхать еще в те поры, государь, ты изволил,— опять куда-то пошел.

Парфен. Ладно. Зови. (*Дворецкий в средние двери уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Парфен (*один*). Что еще про Василья такое? Не с ветра ж говорить пришли. Аль в сыне я ошибся? Аль вороги мои на него что замыслили? Узнать, накрепко разведать.

ЯВЛЕНИЕ III

Парфен, Живуля и Пелепёлиха из средних дверей входят.

Парфен (*по их челобитьи*). Зачем пришли?

Живуля (*тихо Пелепёлихе*). Говори же.

Пелепёлиха. Ох, государь, не вели казнить. Великое дело объявить пришли. На пытку поставишь,— все то ж сказывать будем. Потому — слово наше праведное.

Живуля. Истинно, государь.

Парфен. О Василье что?

Пелепёлиха. Его, государь, околдовали ведь; зельем приворотным опоили.

Парфен (*весь выпрямился*). Что? Когда?

Пелепёлиха. А Дарьница с дочкой. Еще под пятницу в ночь баня у них топлена была. Тогда еще я на них подумала. И в самую, государь, во полночь, как, государь, петухам петь, взяла она, змея, дочку свою, и вместе с дочкой своей,— Глашутка еще девка есть, на дворе у них, государь, живет,— что ни на есть первая в свете еретица. И все втроем, государь, в бане ведовство творили и след вырезали же. И потом зельем тем сына твоего поили, и с того зелья, как очумелый стал.

Парфен. Как же в бане следо-т очутился?.. ты толком сказывай.

Пелепёлиха. А было еще, государь, таковое дело. Нынче, государь, с Живулей вот, да с сынишком, государь, моим, про твое здоровье в роще грибов, государь, собирали. И чтобы мне живой не быть, и сынишке моему, что грибы для твоего здоровья собирал, чтоб его волки заели!

Парфен. В роще что?

Пелепёлиха. А в роще, государь, у нас про великую твою государскую милость разговор был, и таково-то, государь, тебя мы хвалили, и вдруг...

Парфен. Что?

Пелепёлиха. И вдруг, государь, слышим мы, государь, слова срамные. И таковы-то те слова срамны были, на ногах мы, государь, устоять не могли, в траву оба пали. И слышим мы, государь...

Парфен. Что такое?

Пелепёлиха. А Машка-т бесстыжая тебя бранит. Такой-сякой, сказывала. И стала она сынка твоего многими прелестными словами улещивать, и прельстился он, государь, ею. И тут у них дела такие-то, и-ах, царь небесный! пошли. Не то сказать, подумать — грех велик. Два языка у меня во рту будь привешено, ни один про те дела слова выговорить не повернулся бы.

Парфен (*вскочил*). Врешь ты!

Пелепёлиха. Мне не веруешь — Живулю спроси. При том, государь, был, все своими глазами видел.

Парфен. Правда? (*Живуля молчит.*) Правда ль, спрашиваю. Что ж молчишь?

Живуля. Зарок у меня, государь, даден: ни слова тебе про то дело не сказывать. А доложу тебе: слова, что Пелепёлиха тебе, государь, сейчас сказывала,— я же, государь, ее складно сказывать учил. С час времени помучался, пока затвердила. Окромя что про баню и Глашутку от себя прибавила. А самому мне про дело слова сказать нельзя: велик зарок, государь, даден.

П а р ф е н (*строго*). А сейчас вот у меня заговоришь.

Ж и в у л я (*на колени пал*). Не пытай, государь! Без слов, государь, отвечу. Изволь только, государь, очами своими светлыми на мое лицо холопье воззреться! Все, государь, на нем обозначится, все выразумеешь. А словом: ни-ни-ни, не могу.

П а р ф е н. В роще был? (*Живуля выражает, что был.*) Все, как она сказывает, видел? (*Живуля опять выражает на лице утверждение.*)

П е л е п ё л и х а. И еще, государь, послушай. Не про все твоей чести доложить успела. И начала она, государь, еще улещать его: женись-де на мне. И уговорилися: нынче в ночь сынку твоему, государь, потайно уйти, и венчаться им нынче же. А там на Москву ему ехать; и ей с отцом своим беспутным на Москву ехать же, там жить. И еще, государь: Глашка-де об отце твоём промыслит, не долго жив будет.

П а р ф е н (*Живуле*). О венчаньи уговор был? (*Живуля опять лицом отвечает; Парфен, отходя, горько.*) Был же, был.

Ж и в у л я (*подымаясь с колен*). Только, государь, про Глашку опять от себя она пригала. И то ее, государь, отсебятина. А я, государь, о деле слова тебе не сказал.

П а р ф е н. Ладно. Половина правды, и того довольно. Ох! (*Помолчав.*) Эй, кто там? (*Живуля в двери, и тотчас с дворецким возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Парфен, Пелепёлиха, Живуля, дворецкий

П а р ф е н (*дворецкому*). К соседу, к Иван Силычу, сейчас сходи. Проси, чтобы с дочкой пришел. Сейчас же. Слышь, с дочкой беспременно. Вдвоем. Малость погоди. (*Задумывается.*)

Ж и в у л я. А нам, государь, здесь ли своего жалованья подождать велишь, аль после за ним прийти укажешь?

П а р ф е н (*дворецкому*). Вот еще что. Будет, спросит Иван: зачем-де Парфен Семеныч нас звать изволит? Не знаю-де, ответь, а только — и эти слова будто от себя прибавишь — а только-де с сыном у государя сейчас разговор был, и после того разговору государь весел таков стал и вас позвать велел. Будто от себя эти слова скажешь. Понял?

Д в о р е ц к и й. Понял, государь.

П а р ф е н. И еще: подьячего сейчас со двора сбить. Бабе подводу дать: пусть, со всем скарбом, куда похочет, едет. Слышал? (*Отворачивается.*)

Д в о р е ц к и й. Слушаю, государь.

Ж и в у л я (*гладит себя по голове*). Пай, Живулюшка, паинька, что серьги вперед взял!

Немая сцена; Парфен, задумавшись и не глядя на других, у стола сидит. Дворецкий за рукав дергает Живулю; тот ему на Пелепёлиху мигает; оба берут ее под руки и хотя вест.

П е л е п ё л и х а (*рвется от них*). Господи! Государь ты мой, Парфен Семеныч, прогонишь меня,— кто ж в ключах у тебя будет ходить? Кто тебя, государя моего, пирогами с маком кормить станет?

П а р ф е н (*не оборачиваясь*). Аль приказ мне повторять? (*Пелепёлиху силой ведут.*)

П е л е п ё л и х а (*в дверях*). Хоть серьги, аспид, отдай.

Ж и в у л я. Вчера бы пришла.

Уходят: Пелепёлиха, Живуля и дворецкий.

ЯВЛЕНИЕ V

П а р ф е н (*один*). Придет Иван, скажу ему... Полно, правду ль еще про Василья сказали? Врут, все врут: не верь, Парфен. Еще Парфен, хвалился: мол сына люблю! Где ж она, любовь-то твоя? Людишки последние пришли, любимого твоего оболгали,— им поверовал. Лгут ведь все; лгут, лгут. Твой Василий таков ли? Против отца пойдешь ли? — О-ох! Одна тут, чую, правда есть. Одна. И той одной довольно, чтоб отца убить. Женить ведь его хотят, на доброту изловить, у отца отнять! Вот она, правда, в чем. И за нее, Иван, ты мне ответчик! Я сына на гибель не отдам. Умру,— на твоей дочери женат не будет. Что на нее налыгали, Иван,— тому не верую. И пусть она добра будет и из себя пригожа, и умом сверстна, и все в ней, и краше ее на свете нет! А невесткой моей ввек ей не быть. Сына своего, Иван, от умысла твоего спасу! Так ты за этим мириться шел, чтоб сына у меня отнять? — Ох, и людишки же на свете живут.— Стой! идут, кажись.— Встряхнись, Парфен, гостей дорогих умеи встретить; свата с невесткой лаской приветить!

ЯВЛЕНИЕ VI

Парфен; входят Иван, Марьица.

П а р ф е н (*пошел навстречу; приветливо*). Уж прости, Иван, послал за тобой,— самому к тебе бежать надо бы. Да недужен. Ох! — Чай, сдогадался, зачем посылал; не сдогадался, дочка шепнула?

И в а н. Шепнула, Парфен, шепнула. Рад я, слышь. И ты добр ведь. И то сказать: сыну как отказать? Да.

П а р ф е н. Что ж не садишься, Иван? Сядь.

И в а н. Присяду, Парфен, присяду. (*Сел.*)

П а р ф е н. А дочка? (*Сел.*)

И в а н. В страхе у меня, слышь, воспитана: перед нами, Парфен, постоит. А Василий где же?

П а р ф е н. За делом, Иван, у меня послан. За каким, сам, чай, догадаешься.

И в а н. Ужли за попом? Сейчас благословить хочешь?

П а р ф е н. Откладывать зачем же?

И в а н. Старуху мою что ж обидел? Такое дело великое без матери как делать?

П а р ф е н. Обижать зачем же! Думал, Иван, невестку сперва поглядеть. Надо ж свекру знать, какова богоданная. А старуха твоя с нами тут будь,— говорить дочке не дала бы, сама беседовать захотела.

И в а н. Правда твоя. И ловко ж ты бабью повадку, Парфен, приметил. Хе, хе, хе!..

П а р ф е н. Хе, хе, хе! А дочку как звать?

И в а н. А Марьяца ведь у меня.

П а р ф е н. Ну-ка, Марья Ивановна, покажись. Давно тебя не видел. Невелика тогда была. *(Марьяца ближе подходит.)*

И в а н. Невеличка, Парфен, невеличка. А теперь какова выросла?

П а р ф е н *(смотрит на Марьяцу)*. Красавица. По красоте, говорить нечего, всякому в пору. И ум есть. Не умна была бы, Василья моего не приручила. Давно ль, Марьяца, с сынком моим сошлася, а?

М а р ь и ц а. Прости, государь, как звать тебя, не знаю: Парфен ли Семенычем прикажешь, батюшкой ли велишь?

П а р ф е н. Батюшкой? Ин батюшкой зови. От слова не станется.

М а р ь и ц а. Где ж давно было, батюшка, узнать? Давно ль он у тебя гостит, сам ведаешь.

П а р ф е н. Скоренько ж у вас дело сладилось.

М а р ь и ц а. Скоро, батюшка. И я то ж ему говорила, да он свое, спешить-де надо.

П а р ф е н. Как не спешить: такого жениха поскорей окрутить надо. Другой такой богатый да простой скоро ль подвернется!

И в а н. Чтой ты, Парфен, будто не ладно говорить стал. То «от слова не станется», молвил, как она батюшкой назвать тебя хотела, а теперь...

П а р ф е н. Молчи: Иван, налажу сейчас. *(Марьяце.)* Поди так заспешила бы, не дай я благословенья своего, все ж обвенчались бы.

И в а н. Ты меня, Парфен, спроси: я без благословенья твоего отдам ли?

П а р ф е н. Ах ты, плут старый! Дрянь ты подорожная! По дорогам тебе, дрянь, в грязи лежать, чтоб кони тебя топтали, а ты ко мне в родню лезешь!

И в а н. Аль ты, Парфен, нездоров стал? Что говоришь — сам, поди, не знаешь.

М а р ь и ц а. Батюшка! пойдём отсель; аль не видишь: обманом сюда завели! Надругаться над нами хотят.

П а р ф е н. Дурак старый! Ужели у тебя рассудить умишка не хватило: каков ты мне сват, сыну моему тесть будешь? Хоть то вспомни: отцу твоему в поход идти, подняться с места нечем было. И в те поры дед твой к моему в выжлятники, щенков чесать, пошел,— только сынишке своему конька добыть бы!

М а р ь и ц а. Батюшка, пойдём.

И в а н *(встал неторопливо, при последних Парфеновых словах)*. Стой, дочка, стой. Ответ еще сказать ему сумею. Да. Мой дед зачем себя продал, а? Слышь, сына своего за матушку Русь святую на

войну снаряжал. Да. Твои деды такое делали ли? Да. Пойдем, дочка, пойдем. Ответ даден. Да. *(Делает несколько шагов.)*

П а р ф е н. Стой. Ты род свой вспомнил бы. Наш род всегда велик был. Коркины не то в стольниках, в окольных бывали.* А твои деды — хоть один — при царевом дворе, на царских очах служили ль? Голь вы кабацкая!

И в а н. Не то при царском дворе, при царике*, слышь, ни один не служил. В те поры, как ты, государь, у вора в Тушине в ногах валялся, да от него к Шуйскому* царю перелетывал. Да. У того и другого вотчин выпрашивал, богат да воровством знатен стал,— мы, голь, за веру Христову, слышь, стояли; с Прокопом, слышь, Петровичем, с Лягуновым* ведь, а там с Кузьмой Миничем* кровь свою проливали. Да. Вот мы, голь, каковы! А ты, вором в бояре жалованный, против голи слова сказать не можешь. Стыдно, ведь. Да. Стыдно. Пойдем, дочка, пойдем.

П а р ф е н. Да я тебя!.. *(Делает несколько шагов.)*

М а р ь и ц а. Батюшка, родной мой!

И в а н *(загораживая ее)*. Пройди, дочка, в дверь. Не тронет ведь. Не посмеет. А я в дверях еще ему слово скажу. Ты теперь мне поклоняйся, чтоб сынка твоего в зятя себе взял. Да. Не воры, слышь, мы, нет,— голь ведь. И честь у нас не купленная же, не у воров вымоленная, а своя, природенная. Да. *(Грозится в дверях и уходит, пропуская Марьичу вперед.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

П а р ф е н *(один)*. Обруган, оплеван стою, а на душе весело; как смерд последний, за себя не вступился, на обиду смолчал,— а на сердце легко. И как тебе, Парфен, веселому не быть? Сыно-т твой спасен ведь, спасен! Горд ведь Иван, сильна твоя обида, ввек ее не забудет: дочка своей не отдаст теперь. Не отдаст. «Поклоняйся», сказал. Не поклонюсь. Не надобен ты мне, и дочка твоя не надобна же. Вижу, Парфен, любишь ты сына: обиду за него перенес. А он, Василий, любовь твою оценит ли? Не теперь, нет; горевать теперь станет. А там... мой опять. И никто у меня его не отымет. Велико ль у парня молодого по невесте гореванье! До новой невесты; с утра и до утра. А как на Москву уедет, да высоко в царевом дворце станет, что сокол над всеми взлетит,— в те поры девчонку вовсе забудет, над глупостью своей сам же посмеется, спасибо отцу скажет. Как же тебе, Парфен, веселому не быть? Веселись, старик: умно поступил. *(В средние двери стремительно вбегает Василий.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

П а р ф е н , В а с и л и й .

В а с и л и й *(вбегая)*. Батюшка, что ты сделал? Что ты сделал, батюшка?

П а р ф е н. Аль отца к ответу звать пришел? Ты как же, у отца не спросяся, невесту выбрать смел? С ней да с вором, с отцом ее, сговор держал? Скоро ль, сынок, свадьбка? Отца-дурака на свадьбу хоть позовешь ли? Аль порог ему укажешь: пошел-де, старый пес, не твое дело.

В а с и л и й. Что говоришь-то, батюшка! Да без твоего благословенья под венец пойду ли? Аль ты меня, батюшка, не знаешь? Ты то спроси: где был я? Приходил ведь сюда, говорить с тобой хотел. Отдыхать изволил. Думаю: «Господь все устроает, невесту тебе послал, а ты с отцом говорить задумал — перед таким великим, на всю жизнь, делом богу молился ли? чтобы господь благословил тебя?» Пойду, сказал, в церковь, помолюся. «Господи, молился, дай нам совет да любовь! Умягчи сердце родительское! Ни славы, ни богатства не прошу: в одном в этом счастье пошли мне, все отними,— и прославлю имя Твое святое». Домой пошел, на сердце легко. «Добр батюшка, позволит», думаю. А дома-т: только в ворота... Иван Силыч в слезах навстречу... и Марьица...

П а р ф е н (*видимо тронут*). Вижу: добрый ты мне сын, Василий. Добрый.

В а с и л и й. С чего ж ты, батюшка, против меня стал? Приходу моего зачем не дождался? Меня вперед зачем не спросил? Ничего того не было бы!..

П а р ф е н. Добр ты, Василий, и до конца таковым останься. Глупый! аль отец тебя не любит? добра тебе не желает?

В а с и л и й. Верю. Как этак-то любовно глядишь, говоришь ласково, что любишь — верю. Батюшка, родименький! Коль люб я тебе,— сделай ты мое счастье, прикажи на Марьице жениться.

П а р ф е н. Василий! Люблю я тебя, а ты судить меня не смей. Нет тебе моего благословенья. Воля моя такова, и ты ее слушай, своевольником не будь.

В а с и л и й. Батюшка, слова тебе супротивного не вымолвлю, только скажи ты мне: чем она тебе не по нраву пришла? Сейчас ли тебе согрубила? Не показалась ли чем?

П а р ф е н. Разве я тебе слово против нее сказал? Не судья я ей: всем хороша. Только тебе не пара.

В а с и л и й. Ужли что не богата, не родовита,— тем тебе не полюбилась?

П а р ф е н. Не пару возьмешь — погибель свою устроишь. А я погибели твоей не желаю. Затем жениться не велю. Выбери ты невесту себе под пару, слова не сказал бы.

В а с и л и й. Сам ты, батюшка, как на матушке на моей, покойнице, женился — безродная ведь была, бедная — под пару себе невесты что ж не искал? Что сам делал, сыну то делать зачем же претишь?

П а р ф е н (*в сильном волнении*). Что вспомнил ты? На покойнице женитьбой корить меня вздумал? Про родительницу слово сказать мне велишь? Гляди ж, сынок, на меня не пеняй! Все ведь скажу. Душу ведь мою всю попреком своим ты ранил! Прошлое вспомнить, плакать старика заставил. Гляди, те слезы не отлились бы тебе!

В а с и л и й. Батюшка, голубчик мой! Что с тобою? Обидеть тебя в мысли не имел.

П а р ф е н. Теперь меня уж послушай! Слово сказано, не воротишь. Слушай же! Смолоду я честь и славу любил, из первых быть бы, о том только дума моя была. Смута на Руси стала — я все о своем же думал, своего добивался. И добился. Новых царей народ поставил, добытого я не потерял же. При покойном царе в начале в какой чести был. Недругов-завистников у меня немало было; вспоминали про старое, бывалое мое; перелетом и изменником величали; да шепотком, вслух не смели. Каков я смолоду был — сказывать не буду; не только ты, никто на земле мне в том не судья. Богу одному ответ дам. Не я один, вся земля в те поры замутилася. И не молод уж был я, от двух жен вдовец, как в третьи на матушке пожениться захотел. Других невест мне сватали, от матушки твоей все отговаривали. Да не послушал я. Все-де для чести жил, дай на старости для себя поживу, сказал. По воле своей сделал. И все от меня отшатнулись, все по двум женам прежним сваты от меня отвернулись. Думал: на время-де, обойдутся. Так оно и было бы. Да на время-то, на малое время, один, как перст, остался! Слышишь: на малое только время!

В а с и л и й. Слышу, батюшка.

П а р ф е н. В эту-то пору вороги одолели меня! Как еще одолели, подо что подвели! Где я живу теперь? В какой чести? Ох, горька, сынок, опала была, и посейчас горька же! Что горя вытерпел! Что слез пролил! Каждый-то день, как спать ложиться, каждый час судьбу свою проклинал и сейчас клянусь! На жену, на мать твою, без думы горькой, без попреку глядеть не мог! Какова ей, какова мне жизнь была? И вот что ты сказать меня заставил; словом своим до слезы душу мне пробил. Что ж, весело тебе про мать свою речи такие слышать? Плачешь? Горько тебе? А я прямо скажу: не женись я на ней, не бывай бы тому! Не в опале, всеми поругану, жить бы мне! Сына на дядины руки не отдавал бы! Сам ему пестуном был бы. И ты все это слушай — плачь и сокрушайся.

В а с и л и й (*растроган*). Батюшка, перестань!

П а р ф е н. Не перестану, сынок. Отцовскую душу возмутить сумел — рыдания ее теперь послушай! Что мне, такую ж, как моя, тебе судьбу сготовить велишь? Чтоб и ты весь век тут прожил, в болоте смрадном задыхался, образ божий потерял, с подьячими возился, на соседях гнев срывал, с подлой бабой, как с женой, жил, жену свою любимую попреками в гроб свел, на людей, как на скотов, глядеть стал. Видишь, сынок, во всем, во всей жизни своей перед тобой каюсь! Вот до чего ты отца родного довел! Радуйся теперь! А я скажу: жизни такой сыну своему не хочу. Плачь ты передо мной, сокрушайся, ноги целуй, — воли моей не изменишь. Слез твоих видеть не буду; на мольбы твои глух. Сердце ожесточу. Доволен ли, сынок? Женитьбой меня еще попрекать станешь ли? А я слово свое сказал.

В а с и л и й. Батюшка, уж прости ты меня, что ненароком тебя растревожил.

П а р ф е н. Бог уж простит! Что ж, и теперь против отца пойдешь?

В а с и л и й (*мягко*). Эх, батюшка, не погневись, дай мне слово

молвить. Человек ведь на человека не приходится. Тебе слава да почести любви, а мне-ка оне ненадобны! Век бы здесь с женой прожил!..

П а р ф е н. Ладно. Дело кончено, и говорить о нем нечего. Что себя тревожить!

В а с и л и й (также). Против воли твоей, батюшка, не пойду. Теперь тебя просить, не умолишь. Я ждать буду. Бога молить стану, чтоб он сердце твое умягчил. Молод еще, отчего тебе в угоду год, другой женитьбой не погодить?

П а р ф е н. Ты что замыслил, подумай: против отца бога молить хочешь. Нет моей воли, и век ее не будет. И еще знай: коли на то надеешься, что через год-де — другой отец одряхлеет, умолю его тогда. И умолишь, может; на одно только неумолим останусь: у Ивана прощенья просить не пойду, и век потому за тобой Марьице не быть.

В а с и л и й (вспыхнул). Ты к чему ж, батюшка, мне про это сказал? Мало тебе, что сын воле твоей покорен? Надругаться над ним надо! За что? Что отец ты!..

П а р ф е н. Твои ли, Василий, речи слышу?

В а с и л и й. Мои, государь. С чем вошел сюда, что тебе выговорить хотел, забыл было. «К ответу меня, что ль, звать пришел?» спросил ты, и смолчал я, отца в тебе уважил. Затем ли, чтобы ты надо мной ругаться стал?

П а р ф е н. Таков-то ты, сынок, покорен: пока отца умастить думал, дотоль к нему подлаживался, лебезил пред ним. А как «тверд отец» увидел, грубить ему?

В а с и л и й. Не грубить, правду сказать хочу. И скажу, даром отец мне! Сам вызвал, сам понудил.

П а р ф е н. Что скажешь-то? Что? Говори, коль смеешь!

В а с и л и й. Все скажу. Кому ты против меня поверовал? спросу. Зачем, на меня в злобе, других обижал?

П а р ф е н. В злобе ль на тебя Ивана обидел? Спасал тебя; от гибели тебя, пойми, спасал,— затем обидел. Обидеть его хотел ли? Не меня, любовь мою к тебе вини.

В а с и л и й. Не она ль, не твоя ли ко мне любовь, и над любой моей надругалась? Ты то попомнил бы: дорога-де она сыну, жизни дороже. Отниму ее, жизнь у него отниму. К чему ж ты ругался еще над ней, сыновнюю душу в грязь зачем топтал?

П а р ф е н. Аль она тебе отца дороже?

В а с и л и й. Дороже, нет ли, что тебе в том? И мне теперь что? Полно, я тебе дорог ли? Не душа моя дорога тебе, то дорого, чтоб в чести да в славе на Москве я был, а тебе мной хвалиться да хвастать!

П а р ф е н. Василий! Ты помнишь ли, что с отцом говоришь?

В а с и л и й. Уж помню ли я? Где помнить! Одно помню: отнял ты ее у меня, еще помню: над душой моей надругался. Что ж, еще до сыти ругайся! Жив еще перед тобой стою. Убей меня, убей, и над мертвым, что похочешь, твори! Что мне жить? Нет ее у меня! Любы моей нету! Отнял у меня. Еще отцом называется. Зачем мне жить?

Для кого? Тебе на потеху? И над мертвым натешиться успеешь!
П а р ф е н (*грозно*). Аль ты забыл: отец я тебе еще. Коль отца на девчонку променял, то вспомни: проклясть тебя могу!
В а с и л и й. Что ж? Кляни. Кляни. Заодно уж!

Оба некоторое время вызывающим образом друг на друга смотрят.

П а р ф е н (*первый понурил голову, негромко*). Что ж? еще на отца покричи. Вдосталь накричись.

В а с и л и й (*точно сам с собой*). Что ж теперь? На нее каждый день глядеть, да мучиться? С отцом каждый час ссориться? Нет; все с глаз долой! (*Помолчав, отцу.*) Прости, батюшка! На Москву еду. Прощенья у тебя просить надо бы, не могу теперь. После, авось умолю. (*Быстро уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

П а р ф е н (*один*). Ва-силий! Аль вовсе уехал? Аль сына я потерял? Господи! Господи! (*По молчанин.*) Нет, нет, Парфен, добр ведь у тебя сын: так не уедет, проститься придет. А ты его не ворочай. Вернешь, простить надо. Простить — женить. Женить — погубить. Как горе ни тяжко, Парфен, пусть к земле пригнет, все крепись, старик, не губи сына. Не то любовь, коль послушного сына любишь, а то любовь, коль непокорного не клянeshь: о том только, как спасти его, думаешь. В гроб тебя горе вгонять станет, и тут крепись. Не скоро, как умрешь, тогда, а все ж сын спасибо тебе скажет. А горько, не в силу горько тебе, поплачь, старик. Ох и тяжко ж мне, тяжко! Слезы мои, горячие слезы, что ж непрошенные с глаз бежали, теперь вас нету! Лейтесь, горячие, жгите лицо старое; только горе мое выжгите, сердце разбитое облегчите!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Поле близ дороги. Пред рассветом.

ЯВЛЕНИЕ X

М а р ь и ц а и Г л а ш а, под соснами, на песчаном бугре сидят.

Г л а ш а. Марьяца, дрожишь вся, аль зазябла?
М а р ь и ц а. Знобко мне. Давно ждем. А на дворе, Глаша, тепло ведь?

Г л а ш а. Тепло, роса студена только. Ты на колени ко мне прилегла бы, я прикрою тебя: погрейся.

М а р ь и ц а (*прижалась к ней плечом к плечу*). Я вот так-то к тебе прижмусь. (*Помолчав.*) Глаша, а ведь рассвет скоро; звезды мигают; холодком, чу, потянуло.

Г л а ш а. Сейчас и рассветет. Звезды — ангельские очи ведь, за ночь-то устали, оттого и мигают.

М а р ь и ц а. Глаша, а ведь он не придет?

Г л а ш а. Как не прийти? Сам сказывал.

М а р ь и ц а. Ты его ль видела? Его самого?

Г л а ш а. Кого ж еще?

М а р ь и ц а. Глашенька, Расскажи ж ты мне, еще раз повтори, что он тебе сказывал. Неверье одолевает меня, боюсь: уж придет ли?

Г л а ш а. Придет. Слушай, как было. Смеркалось уж, на крыльцо я вышла, работницу кликнуть. Вижу: мимо дома ходит, на меня глянул. «Марьяца», потихоньку этак окликнул. Сейчас я голос его признала, сбежала к нему. Я говорю, это Глаша; что, Василий Парфеныч, скажешь? — «Так, говорит, и так: молил отца, слушать не хочет. Опять: пока старики в ссоре, о свадьбе думать нечего. И мне, говорит, жить тут, терзаться только. Нынче ж уеду. Вышел, говорит, Марьяцу, думал, не повижу ли, проститься бы с ней. Да ты, говорит, вышла, оно и лучше, скажешь ей»... Чем же, говорю, лучше-то? тут перебила я его. «Каково нам с ней прощаться горько, о том подумай. А ты, говорит, все ей от меня скажешь. Скажи: на Москву-де твой Василий поехал, поклон тебе прислал. Одно только слово молвить велел: не кручинься, не забудет он тебя; подожди его только». Ладно, говорю. Только ей, не простившись с тобой, каково жить будет, подумай. И тут велела ему, сюда чтоб приходил.

М а р ь и ц а. И «приду» сказал?

Г л а ш а. Придет, уж верно.

М а р ь и ц а. Глаша, что попрошу тебя: встань, погляди, не идет ли? Светать стало: видно теперь.

Г л а ш а (*вставая*). И вот помяни мое слово: близко он. (*Отходит направо и смотрит.*)

М а р ь и ц а (*сама с собой*). Говорят: ухом к земле прилечь, далече слышно. Послушаю-ка... (*Наклоняется к бугру.*) Нет, не слышать. Не придет он, не придет. Нарочно себе твердить стану, что не придет. Коль и вправду не придет, не таково горько будёт. (*Приподымаясь.*) Что, Глаша, ничего не видно?

Г л а ш а. Нету. Погоди ты; потерпи.

М а р ь и ц а. Я терплю. (*Шепотком.*) Не придет, не придет, не придет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Марьяца, Глаша, Василий.

В а с и л и й (*слева входит*). Марьяца, ты?

Г л а ш а. Вон она сидит. Ну, я пойду. (*Уходит направо.*)

ЯВЛЕНИЕ XII ,
Василий, Марьяца.

- Марьяца (*вскочила и бросилась ему навстречу*).
Василий! Васенька! Голубчик мой!
Желанный мой! Пришел? Не обманул?
А я думала, ждала тебя, боялась...
Все думала: обманет!
- Василий.
Грех тебе.
Коль обещал,— к тебе ли не приду?
Тебя обманывать! мою-то люблю?!..
- Марьяца.
Что ж, едешь? Нынче же? Сейчас?
- Василий.
Сейчас,
И кони на дороге ждут. С отцом
Простился, и с тобой пришел...
- Марьяца.
Со мною.
Пришел проститься? Ведь не долго, Вася,
Тебя мне видеть, ох! всего минуту!
Одну минутку, и прости навек!
- Василий.
Не обижай меня. Навек тебя
Любить клянусь и обещаюсь, Маша!
И заклинаюсь в том великой клятвой!..
- Марьяца.
Нет, не клянись. Ой, не губи себя!
Век обо мне не станешь помнить, нет!
Забудешь. Скоро. Не клянись же, милый:
Как клятва на тебя падет, я буду
Винить себя, что клятву приняла.
- Василий.
Не бойся, любя. Я клянуся богом,
Чтоб мне не знать опричь тебя жены.
С тобой я в сердце обручен, и с сердцем
К тебе моя любовь замрет навеки.
- Марьяца.
Нет, Вася, нет! К чему про счастье думать?
Нам горе впереди, одно лишь горе;
Тяжелое, злосчастное, лихое!
О светлых днях забудь; забудь, не помни.
О Марьяце своей не думать научись.
Раздумай обо мне, и легче станет;
Как не бывало... Дума искрушит,
Иссушит... Лучше обо мне раздумай!..
А я-то, я до смерти помнить буду,
И так-то жизнь моя пройдет девичья.
И рада буду, что господь послал
Тоску мне,— есть о чем тужить и плакать.
- Василий.
Да мне-то как же разлюбить велишь?
Ужли навек с тобою расстаемся?
- Марьяца.
Навек, навек...
- Василий.
Того не может быть;
Ну, год пройдет, другой и третий.
А там и солнышко на нас проглянет.

М а р ь и ц а. Не говори; себя, меня не мучь.
 То грезы лживые, обманный сон.
 Я ничего не жду,— ох, ничего-то!..
 И лучше так-то. И зачем мне счастье?
 Я ль не счастливая была? Довольно
 С меня, что хоть на время ты любил!
 Былое стану вспоминать. Как мы с тобою
 Встречались в роще, что мы говорили,
 И эту вот сегодняшнюю ночь,
 Как зябла я, как от росы дрожала.
 Как думала: придешь ли, не придешь?
 Как к мать-земле я ухом припадала,
 И слушала: нейдет ли милый; сердце
 Как замирало; как пришел ты. Как
 С тобой прощалась, навек расставалась;
 Как плакала, все это счастье, Вася,
 Не горе. Нет еще. Как горе-то придет,
 Уж ничего ровнешенько не будет.
 Тебя не станет, и нельзя мне будет
 Ни ждать тебя, на холоде дрожать,
 Ни за руку тебя держать и плакать!
 В а с и л и й. Послушай, Марьяца, меня хоть малость.
 М а р ь и ц а. Готова слушать.
 В а с и л и й. Не горюй, надейся!
 Ненадолго уеду. И еще ты слушай:
 Как мне совсем уж ехать, я к отцу
 Пошел проститься, помириться с ним.
 М а р ь и ц а. И он тебе примолвил обещанье?
 Сказал: «Не торопися, обожди,
 Дай сердцу моему уgomониться!»
 Ведь отгадала? Так ведь, Вася? так?
 В а с и л и й. Наполовину только отгадала.
 Про свадьбу не было меж нами речи,
 А только ласково со мной простился.
 И долго в очи мне глядел, потом
 Махнул рукой и отвернулся... Слова
 Не молвил, только видел я, что в сердце
 Ему сыновнее впилося горе:
 И в те поры блеснула мне надежда.
 Потом опять ко мне он повернулся,
 Взял за руку, заговорил,
 И голос дрогнул у него: «Прости,
 Прости», сказал, «я давеча обидел
 Ивана с Марьяцей,— не след бы. Знаю:
 Горька не только им, тебе обида:
 Любовь к тебе мой разум помрачила.
 Как ты уедешь, уж схожу я к ним,
 Прощенья попрошу, чтоб о тебе
 Не поминали лихом: «Он-де виноват,

Из-за него-де нас старик обидел.

Марьяца. Неужто правда? Это ли не счастье?
 Коли на мир у них... Ах, Вася, Вася!
 Опомниться от вести не могу!..
 Постой: придет он к нам, уж расстараясь,
 Чтоб полюбил меня!.. Уж будь покоен...

Василий. Спасибо, Марьяца. Побереги его.
 Уговори Ивано-т Силыча...

Марьяца. Постой.
 С чего мы веселы-то стали? Что нам!
 Пусть помирятся, нам-то легче ль будет?
 От мира далеко еще до свадьбы!
 А мне-то, Вася, мне-то горше станет.
 Как на него взгляну, сейчас припомню:
 «За Васей век мне, девке, не бывать»,
 Забыться мне, на миг поверить счастью
 Нельзя уж будет. Все ж поберегу:
 Не для себя хоть, для другой невестки.
 Скажу себе: «Люби его, люби,
 Он Васи твоего отец любимый».

Василий. И ничему-то ты не веришь, любя!
 Ну, коль не веришь батюшкину сердцу,
 Коль в сердце у тебя и малой веры нету,
 И коль душа твоя повита горем,
 Хоть мне-то, Васе своему, поверь!
 Уж для тебя на что он не решится?
 Ты слушай: на Москву теперь приеду,
 И деду объявлю тоску свою — любовь, —
 Пусть грамотку о том отцу напишет.
 А не преклонит он отца на милость,
 Уж улучу часок, уж выберу я время,
 Как будет государь со мною ласков.
 И в ноги упаду царю-владыке:
 «Не погуби, скажу. Будь сватом!»

Марьяца. Полно,
 И полно, Вася! Грeziшь по пустому.
 Коль ты слезами умолишь не мог,
 Уж грамотке бумажной умолишь ли?
 А государь... ему ты все ль откроешь,
 Расскажешь ли, как любы мы друг другу?
 Нет, не посмеешь. И он грозно скажет:
 «Как смеешь ты отцу не покоряться?»

Василий. Поверишь, как тебя приедут сватать.

Марьяца. Поверю ли?.. Постой, постой вот этак:
 Светло вокруг; лицо твое — светло же,
 Надеждой светел ты! Таким хочу я
 Чтоб вспоминался мне! Постой же,
 Не шелохнися, Вася. Дай тобою
 Налюбоваться мне, в лицо твое

Вглядеться дай, пока оно светло,
Пока печаль его не одолела! (*Смотрит.*)
Видала я, как делают печати:
На воск надавят, и на нем печать
Вся обозначится,— так четко, ясно...
Так пусть же светлое твое лицо
Мне в душу вдавится и станет в ней
На век светло, и дорого, и мило!

Быстро целует его и отворачивается.

Теперь прощай! Уйди скорее, Вася!

- В а с и л и й. Нет, Марьяца, с тобой так не прощуся.
Вот перстенок, возьми, надень на ручку,
И мне дай свой... с тобой мы обручимся.
- М а р ь и ц а. Ведь у меня один всего, Васюта,
Другого нету: матушкин подарок.
Она дарила, дочку заклинала:
«Как с женихом пойдешь ты под венец,
На этот перстень перстнем обменяйся,
А раньше не дари: заветный перстень».
- В а с и л и й. Ты мне поверь: со мною обменяйся,
И твой завет я свято сберегу.
- М а р ь и ц а. Ты мне подаришь перстенок; разлюбишь,—
Другой у Васи моего найдется.
Иным с иною Вася обручится,
А у меня один, и тем мне дорог!
- В а с и л и й. Коль дорог Вася, обручись же с ним.
- М а р ь и ц а. Я обручусь, я обручусь с тобою,
Но страшным заклянью тебя заклятьем!
Тебе не страшно?
- В а с и л и й. Ничего не страшно.
- М а р ь и ц а. Так знай же: коль меня разлюбишь ты,
Коли с иной пойдешь венчаться в церковь,
Ненадолго ты Марьяцу забудешь,
Опять по ней тоскою затоскуешь.
И снимешь перстенок, его забросишь,
Лишь на мизинец взглянешь, затоскуешь,
Опять по мне, по мне же сохнуть станешь,
И той тоски до смерти не избыть.
Коль не страшишься, обручись со мною!

Протягивает руку; он меняет перстни.

М а р ь и ц а (*во время обмена*). Эй, Глаша, Глаша! где ты?
Г л а ш а (*вбегает*). Здесь; бегу.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Василий, Марьяца, Глаша.

Марьяца. Иди скорей; сюда. Стань подле. Так вот. (*Глаша становится подле.*)

Марьяца (целует Василья). Теперь прощай! прощай, мой милый! Заклятье помни! (*Отворачивается.*) Уходи скорей!

Василий. Еще простишь.

Марьяца (прижавшись к Глаше). Нет, уходи. Не обернись. Тоски твоей глядеть не стану, нет.

Ты, Глашенька, скажи мне, как уйдет.

(*Василий отходит.*)

Марьяца. Ушел ли?

Глаша. Нет еще. Остановился.

Глядит сюда. Пошел. Ушел совсем.

(*Василий уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Марьяца, Глаша.

Марьяца. Совсем ушел? Не стало видно?

Глаша. Да.

Марьяца. Нет, погожу еще. Не то услышит. Не воротился? погляди: ушел ли?

Глаша (идет, глядит и возвращается). Не видно, Марьяца.

Марьяца (с рыданьем бросается к ней). Ах, Глаша, Глаша! Никогда-то мне его не видеть! Никогда, никогда-то!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дарьщина изба.

ЯВЛЕНИЕ I

Савушка за столом сидит; Дарьца его угощает.

Дарьца. Еще, Савушка, покушай. Кушай, голубчик.

Савушка. Спасибо, матушка. Сыт уж.

Дарьца. А пирожка?

Савушка. Спасибо.

Дарьца. Ин бражки бы выпил.

Савушка. Спасибо же.

Дарьца. Ой, съешь,— прибираться стану.

Савушка. И то: приберись-ка, да про житье свое мне расскажи, как без меня жили.

Д а р ь и ц а. Ладно. *(Начинает со стола прибираться.)*

С а в у ш к а. Давно ведь у вас не был.

Д а р ь и ц а *(окончила приборку)*. Про что ж тебе наперво рассказать? С чего начать?

С а в у ш к а. А как батюшка покойник заболел.

Д а р ь и ц а. Слушай же. Уж с самого начала начну. Как Василий-т Парфеныч уехал, через неделю этак, сидим мы со стариком дома — Марьицы в те поры не случилось — и видим: Парфен Семеныч идет, и прямо к нам. Иван так и затрясся весь. «Не пушу», кричит, «злодея к себе в дом!» Я уговаривать: не за худом же, говорю, идет. А он свое: «не пушу». И в это самое время Парфен Семеныч в дверь. В ноги ведь Ивану пал, прошенья просит. Долго нашо-т упрямылся: глядеть не хочет, меня не слушает. Наконец: «Бог», говорит, «простит, только коли хочешь, Парфен, совсем со мной помириться, — повенчай Василья на Марьице».

С а в у ш к а. Что ж Парфен озлобился, чай?

Д а р ь и ц а. В душе как, чай, не обозлится! Только не высказал... «Спасибо», сказал, «Иван, тебе, что в обиде меня простил, — камнем она на мне лежала, потому — за Василья обидел — а миру, какого просишь, век меж нами не бывать-де». И с тем словом вышел.

С а в у ш к а. И батюшка в скорости захворал?

Д а р ь и ц а. Постой, не сбивай уж меня. По порядку расскажу. Что бишь? Да. Как потом Марьица домой пришла, я ей про все и скажи. Она к отцу. «Горден-де ты, батюшка; из-за своей гордости счастье мое порушишь». Вишь, по ее выходило: сперва-де помириться надо бы, там о свадьбе речь вести. Долго отец противился. Сам знаешь, упрямы покойник был. И Оспожинки* прошли и Вздвигенье*, а так пред Покровом за неделю выходит, надо быть, надоумился. «Пойду», говорит, «к Парфену».

С а в у ш к а. По Марьицыну прошенью выходит?

Д а р ь и ц а. Ну да. Покою ведь ему не давала: что день, одна все песня. Так собрался, и шапку в руки взял. Совсем ему идти, как слышим, Глашутка в сенях с кем-то стрекочет. А это Дунька, сенная, от Парфена прибегла. Уж не знаю: своей ли волей, аль подослана была. Только громко таково прокричала: «У нас-де пир, нарочный пригонил: Василий наш Парфеныч жениться изволит, на ростовской на княжне на Буйносовой; скоро и свадьба-де. Сам царь высватал». Старик наш как стоял, шапку оземь бросил. «Во-время», сказал, «дочку пропить собрался».

С а в у ш к а. А Марьица что?

Д а р ь и ц а. Как полотно стала. Мы раскликать ее. «Неправда, неправда», — одно твердит — «нарочно», говорит, «выдумывают: меня-де с Васильем расстроить хотят». Так и не поверила.

С а в у ш к а. Не поверила?

Д а р ь и ц а. Нету. Уж сам наш старик к Парфену ходил. «Точно-де, царь ему княжну высватал». А она все свое: «налыгают на него», твердит.

С а в у ш к а. Когда ж поверила?

Д а р ь и ц а. А как тебе сказать, с месяц ли, поболее прошло, толь-

ко раз в воскресенье собрался покойник в церковь, с дочкой. Глаша с ними же. Я одна дома осталась: недужилось мне что-то. Ну и денек же для праздника господня выдался. Вспоминать о нем без слез не могу! *(Плачет.)*

С а в у ш к а. Уж приневолюсь, матушка, расскажи.

Д а р ь и ц а. Для тебя только, Савушка. Глаша после рассказывала. «Отпели», говорит, «обедню, и домой мы идти думали. Только говорят: молебен-де еще пять будут. Молодые-де вклад сделали, так о их здоровьи молебен. Мы, говорит, с Иван Сильчем, домой бы скорей, а Марьяца: «Я», говорит, «останусь». Нечего делать, все остались. И только поп возгласил: «Еще помолимся о здравии боярина Василья и супруги его Параскевы», она как крикнет, и наземь пала. Умерла, думали. *(Плачет.)*

С а в у ш к а. Погоди маленько, после, матушка, доскажешь.

Д а р ь и ц а. Ох, уж лучше сразу! Принесли ее, голубушку, домой. Глянула я: в гроб краше кладут. А Ивано-т, как несли ее, до дому без шапки шел; в церкви обронил, не спохватился. А на дворе вьюга, леденец. Надуло, знать, в голову ему,— к вечеру слег. А уж жизнь нам с Глашей пошла! Один на одной лавке лежит, стонет; на другой — другая, ничего не слышит.

С а в у ш к а. И долго батюшка пролежал?

Д а р ь и ц а. Нет, недели с две. Пред концом ему полегчало будто. Позвал меня. «Отхожу», говорит, «за попом сбегай». Исповедался. «А Марьяца где?» спрашивает. «Благословить-де ее хочу». Что сказать, Савушка, не знаем, что ответить! «Аль умерла» опять, по времени, спрашивает. Нету, говорим. Ведь вспомнил, как она в церкви пала. «Подведите», говорит, «меня к ней». Уж через великую силу подвели: благословил. В вечеру его, голубчика, отсоробовали, а в ночь тишать стал, и к утру совсем затих.

С а в у ш к а. Царство небесное! — И Марьяца долго еще лежала?

Д а р ь и ц а. Довольно еще. Шесть недель всего вылежала. Нет, Савушка, каково мне в те поры было! Муж на столе лежит; дочку, думаю, не нынче, завтра на стол же положу.

С а в у ш к а. Как же она очнулась?

Д а р ь и ц а. А сидим мы с Глашей, сумерничаем, лампадка у нас засвечена горит; она слово скажет, я другое, и заплачем обе. Вдруг слышим: позвал кто-то, тихо таково, и опять позвал. Она очнулась, значит. Уж и возрадовались мы! И плачем, и смеемся. И с того вечера все ей лучше и лучше. На девятый день встала. Тут Парфен Семенычу спасибо: помог мне, старой. После лежання, скажу тебе, Савушка, таково много есть она стала,— не напасешься. Что ж? со своего ведь стола каждый день ей кушанье посылывал. Дай бог ему здоровья! Добр ведь, только гордей.

С а в у ш к а. А с Иван Сильчем после того раза не виделись они?

Д а р ь и ц а. Как же! забыла сказать тебе. Приходил все о здоровьи навещать. И как ему кончаться, тож пришел, всю ночь с нами просидел. И хоронить помогал.

С а в у ш к а. А теперь к вам каков?

Д а р ь и ц а. Добр же. Заходит, хотя и не часто; сам заходит. «Не

надо ль, чего старуха?» спрашивает. И помогает. Только время такое больше выбирает, как Марьицы нету. Известно, что там не говори, а виноват пред нею: чувствует. (*Отирая слезы.*) Вот и все тебе, Савушка, рассказала.— Ты каково без нас жил?

С а в у ш к а. Ничего, помаленьку.

Д а р ь и ц а. К нам надолго ли завернул?

С а в у ш к а. А не знаю. Марьичу вот повижу.

Д а р ь и ц а. Аль дело какое?

С а в у ш к а. От тебя что таиться, матушка. Дело-т старое, прежнее.— Только скажи ты мне наперед, истинную правду скажи: о Василье Марьича когда вспоминает ли?

Д а р ь и ц а. А вот хоть побожиться, как встала, хоть бы раз лоянула. Раз как-то Глашутка про него обмолвилась. «Ты про кого это?» Марьича, значит, спрашивает. Глаша видит: сдуровала, а нечего делать, отвечай. «Про Василья», говорит. «Никакого я Василья не знаю», ответила. «Как не знаешь?» у Глашутки, знаешь, сорвалось этак. «Может-де и знала, да забыла, и ты не вспоминай!» И замолчала. С той поры и мы вспоминать остерегаемся.

С а в у ш к а. Спасибо, матушка; теперь еще ответь: тогда противилась, теперь благословишь ли?

Д а р ь и ц а. И, что ты, Савушка. Где же противилась! Так это, сдуру говорила. Тещи ведь ломливые, и я поломалась бы, да благословила.

С а в у ш к а. А противности твоей теперь ко мне нету,— и на том тебе, матушка, благодарствую.

Д а р ь и ц а. Что ты, Савушка! Уж не стыди меня! (*Целует его.*) Ах ты, голубчик мой! Вот уж правда: коли добр человек, до конца добр останется. И ты таков же.— Стой, ай Марьича пришла? Вот и поговорим. Сам что ль скажешь?

С а в у ш к а. Как встретит,— погляжу.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Парфен.

Д а р ь и ц а. Вот дочку ждала, ан ты это, Парфен Семеныч. Каков, государь, в своем здоровьи?

П а р ф е н. Спасибо А ведь я, старуха, браниться с тобой пришел.

Д а р ь и ц а. Чем, государь, прогневила?

П а р ф е н. А тем: крыша у тебя на черной избе худая, ведь телят поморозишь. Что ж мне не сказала?

Д а р ь и ц а. А не смела, государь.

П а р ф е н. За несмелость и браню тебя. Опять: дров у меня зачем не берешь? На исходе ведь дрова у тебя, скупиться уж начала, а у меня край непочатой. Как же не бранить тебя?

Д а р ь и ц а. И кто тебе про нужды мои, государь, сказывает?

П а р ф е н. Ты спроси: кто о нуждах чужих спрашивать научил—

отвечу: горе меня научило. Поколь горя не знал, о себе только думал. И за горе иное считал, ан выходит не горе — гордость меня одолевала. А как настоящее-то горе сердце пробило, не гордыми, горькими слезами плакать заставило,— тут о чужих нуждах думать научился.— Да что!.. Ты работника за дровами прислать не забудь.

Д а р ь и ц а. Уж забуду ли, государь!

П а р ф е н. А тебя, паренек, прости, не заметил. *(Дарьице.)*
Савушка ведь. Абрамов брат двоюродный?

Д а р ь и ц а. Он, государь.

П а р ф е н. Ты, что ль, на Марьице летось жениться хотел?

С а в у ш к а. Я, государь.

Д а р ь и ц а. В те поры я, дура, заупрямилась. А ведь не попомнил, государь — добр парень,— опять сватается.

П а р ф е н. В добрый час начать, в добрый час. Марьица всякому под пару будет. Всякому. *(Задумывается.)*

Д а р ь и ц а *(о чем-то с Савушкой пошепталась, потом вслух)*. Да нет же, попрошу.

С а в у ш к а. Погоди хоть Марьицына прихода.

П а р ф е н. О чем заспорили?

Д а р ь и ц а. О тебе, государь, спор. О доброте твоей. Корил ты меня, государь, сейчас; не смела-де старуха, просить не смеет. А я вот смелость свою докажу, просить тебя, государь, буду. Поглядим, откажешь ли?

П а р ф е н. О чем просьба?

Д а р ь и ц а. А дочку у меня снарядить хоть есть кому, благословить некому,— уж будь, государь, милостив: сядь ей в отцово место, будь отцом посаженным, благослови ее.

П а р ф е н. Ты, молодец, что скажешь?

С а в у ш к а. И я, Парфен Семеныч, просил бы тебя, государь,— да ведь заспешилась матушка: Марьица у нас не спрошена еще.

П а р ф е н. Ладно. Коль согласна Марьица будет,— приходите, не откажу.— А я, старуха, спросить тебя забыл: приданое дочке сготовила ли?

Д а р ь и ц а. Какое у нас, государь, приданое?

П а р ф е н. Забывчива, старуха, стала. Должен ведь я тебе: роща дубовая приданое твое, я ведь на сруб ее у тебя купил, деньги досель не заплачены. Вот на приданое и пригодятся.

Д а р ь и ц а. Отец ты наш! Уж как благодарить тебя!

П а р ф е н. Не за что, старуха: твое же тебе отдаю. А уж свадьбу, не погневишь, у себя, старуха справлю: просторнее. Такой-то пир заварим, на весь мир.

Д а р ь и ц а. У сына своего не удалось тебе, государь, на свадьбе, попить,— что ж, у дочки моей попируешь.

П а р ф е н *(смутился)*. У сына? у сына... Ну, ладно: домой мне пора; ужо, с Марьицей как сладитесь, ко мне приходите. Столкнемся. Ну, прощайте затем. *(Уходит; его провожают.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Савушка, Дарьица.

Савушка. И-й, матушка! для чего ж ты про сына ему напомнила?.. Окручинила старика.

Дарьица. Уж спохватилась, голубчик, да поздно. Да что ж, большой беды нету: сказалось, так сказалось.

Савушка. А бают: не ладно Василий с женой живет. Мне Парфен Семенычев приказчик сказывал.

Дарьица. Ну, мне про это где ж знать было.

Савушка. Уж еще позволь, матушка, выговорить: без Марьицына согласия зачем его в посаженные звала?

Дарьица. А что ж из того будет?

Савушка. Сама же сказывала: Парфен Семеныч больше заходит, как Марьицы дома нету. Может, и Марьице на него невестело глядеть.

Дарьица. Уж в чем недогадлива, недогадлива: винюсь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Савушка, Дарьица, Глаша, Марьица

Глаша. Вот и мы.— Марьица, глянь-кось, какой гость сидит. *(Идет сама к Дарьице. Марьица идет к Савушке, он к ней, и они становятся по другую от Дарьицы с Глашей сторону сцены.)*

Марьица. Савушка, ты! Уж как рада я тебе. Не забыл? Давно, надолго ли?

Савушка. Уж забуду ли тебя! Что тогда-то говорил,— вспомни. Обещал не забыть и не забыл. *(Говорит тихо с Марьицей.)*

Глаша *(Дарьице; до того они тихо говорили)*. И слава богу.

Дарьица. Где ж вы до сей поры были?

Глаша. А от обедни дьячиха зазвала. Уж так-то умоляла. Приходим, а у нее кто же, отгадай.

Дарьица. Уж не знаю.

Глаша. А сам Живуля. У них подстроено было, верно. Ведь свататься на мне хочет. Уж я ж его!

Дарьица. Что ты! *(Продолжают говорить тихо; потом слушают разговор Савушки с Марьицей.)*

Савушка. Я-то все помню; ты, Марьица, не забыла ли?

Марьица. Забудь я тебя, разве, как увидала, обрадовалась бы? А уж рада ли, сам видишь, Савушка.

Савушка. А у нас, Марьица, про тебя с матушкой сейчас разговор был.

Марьица. Что же разговаривали?

Савушка. А я ведь про свое, все про старое. Помнишь, сказала мне: «Я бы с радостью, да матушке ты не угоден». А теперь,— теперь матушка, дал бог, благословить согласна. Ты что скажешь?

Марьяца. Савушка! Да нешто?

Савушка. Я что сказал, от слова своего не отпираюсь.

Марьяца. Да нешто, что без тебя было, про то не слыхал? Поди, на меня тебе невесть что наговорили.

Савушка. Ничего не слыхал, не знаю. И ты мне не сказывай. А как батюшка покойник к Покрову приходит велел, а я не пришел,— и в том виноват. Не погневись, что оплошал, теперь дай согласье.

Марьяца. Уж как же ты добр-то, Савушка. Добрей тебя человек есть ли?

Савушка. И доброты моей никакой нету. А отложили мы за матушкиным несогласьем. А теперь ты не упрямясь, не печаль меня.

Марьяца. Уж что мне сказать, не знаю.

Дарьяца (*подходя*). Согласись, Марьяца. Меня, горькую, порадуй.

Савушка. Ты, матушка, не мешайся. Не твое дело, наше. Что ж, Марьяца?

Марьяца. Ох, Савушка, боюсь: тебя не стою.

Савушка. О том, стоишь ли, нет, не тебе, мне судить. А ты только согласье скажи.

Марьяца. Согласна уж.

Савушка. Матушка, теперь твое дело. Благославляй дочку-то.

Дарьяца. Господь вас благословит.

Марьяца (*по благословении, отводит Савушку в сторону*). Савушка, поди сюда, еще что скажу. Помнишь, тогда-то, в Петров день, корил меня, будто не так, не по-твоему тебя люблю я. А теперь, какись, за доброту за твою, по-твоему любить стану.

Савушка. Вот уж обрадовала меня!

Дарьяца. А мы, Марьяца, без тебя и в отцы посаженные выбрали.

Марьяца. Кого, матушка?

Савушка (*поспешно*). Не решенное дело еще; тебе как покажется.

Дарьяца. А Парфен Семеныча.

Марьяца. Парфен Семеныча? Что ж, ладно. К батюшке он добр был, и к тебе добр же. Я согласна.

Савушка. Гляди, Марьяца, тебе не тяжело ли будет?

Марьяца. А что ж он мне? Чем страшен? Я ведь теперь прежняя Марьяца; какой до Петрова дни была, такой стала.

Дарьяца. И откладывать нечего: сейчас к нему пойдем. Приходить, коли согласна, приказал.

Марьяца (*собирается*). Пойдем, пойдем.

Глаша (*подошла к ней*). Постой, чтой-то и поцеловать себя мне не велишь! Что замуж идешь, заспесивилась. Ну, Савушка, совет вам да любовь... (*Целует Марьяцу*.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же; Живуля, в шубе, из двери выглядывает, и как Глаше Марьцу целовать, он заговорил.

Живуля (*из-за дверей выглядывает*). Глафира Юрьевна.

Дарьца. Глаша, слышь, тебя кличет кто-то.

Глаша (*оглянулась*). Кто там?

Живуля (*так же*). Аль не время?

Дарьца (*увидала его*). Да это ты, проклятый. Вон пошел.

Живуля. Не к тебе, Дарья Карповна.
Глаша. Вы идите; я его, проклятого, сама погоню. Еще веселей ждать вас будет. (*Голова Живули скрывается.*)

Савушка. И то, матушка, пойдем. А потом мы с тобой в церковь: молебен отслужим.

Уходят: Дарьца, Марьца, Савушка; тотчас после их ухода Живуля входит. Он теперь без шубы.

ЯВЛЕНИЕ VI

Живуля, Глаша.

Глаша. Ты по какой же это дорожке пришел? У дьячихи сказано — не смел бы.

Живуля. Слышал, да не смог. Полюбил, — от того. Духом не смел, сами ноги сюда приволокли.

Глаша. Уж и полюбил?

Живуля. Как же нет. Хоть сейчас возьми: дьячихе, чтоб тебя на пир позвала, рубль дал, поклоны не в счет. Целый ведь рубль взяла — загребущие ее руки! Опять: пирог из моей же муки печен; начинка моя же. Не любил, не стал бы. И для чего все? Чтоб повидать тебя. А знал ведь: ругать меня будешь. Это ль не любовь есть? Какой же тебе еще надобно?

Глаша. На целый рубль полюбил! Ай, девка! разорила подьячего. Сюда зачем же пришел?

Живуля. Как у дьячихи ругала ты меня, — подумал, и сюда пошел. Чтоб сразу уж. Судьбу, значит, решить: пан или пропал?

Глаша. Ты, что ж, сватаешься?

Живуля. Точно.

Глаша. Что ж сватов не присылал, сам пришел?

Живуля. Сватов прогонишь...

Глаша. И тебя погоню.

Живуля. Самому все лучше: виднее. Реши ты меня!

Глаша. Изволь: вот бог, вот порог.

Живуля. За что же?

Глаша. За то: зарока моего не сдержал, Парфен Семенычу наябедничал.

Живуля. Как бог свят, сдержал. Ни слова не промолвил: самого спроси. Еще тебя выгораживал. А только в том моя вина:

при том был. Хоть и молчал, лицом своим окаянным поддакивал.

Г л а ш а. Все одно.

Ж и в у л я. Ты зарекала: слова не молвить бы, про лицо ничего не заказывала. Я и разрешил, лицу то есть.

Г л а ш а. Вдругорядь меня спрашивайся.

Ж и в у л я. И буду. Весь век буду, только теперь согласись. А там вольна со мной что хочешь делать: под башмак меня кинь, век пролежу. Бей-топчи, не шелохнись.

Г л а ш а. Под башмаком лежать будешь, за пятку, боюсь, уку-
сишь.

Ж и в у л я. И, что ты!

Г л а ш а. Тебе этого не скажи, опять божиться станешь, на счет де кусанья уговора не было.

Ж и в у л я. И ни в жисть! И ту-то поруху, прежнюю, выкуп иль малость пред тобой согрешил, с Пелепёлихи выкуп взял.

Г л а ш а. За свой же грех, да с других выкуп!

Ж и в у л я. Для тебя же. Ты добыть велела.

Г л а ш а. Ничего не приказывала.

Ж и в у л я. А в Петров день. Поцеловать просил. Сережки — изумруд да яхонт — добыть велела, за них поцеловать хотела. Вот они. *(Показывает.)*

Г л а ш а. Покажи-ка. В руки дай.

Ж и в у л я. Не отымешь?

Г л а ш а. Ишь, подъячая душа! Жениться хочешь, а боишься, что украду.

Ж и в у л я. Даром давать зачем же. Ну, да тебе верю: возьми, полюбуйся.

Г л а ш а *(взяла)*. Хороши. Уж как хороши-то! Жаль, Марьицы нету, а то на нее надеть бы, полюбоваться.

Ж и в у л я. А ты мне дай. Я окол ухов подержу, а ты посмотришь.

Г л а ш а. Ну! *(Отдала ему серьги.)*

Ж и в у л я *(держит серьги у ушей)*. Гляди, а я помотаю. Шибче горели бы. *(Исполняет.)* Что ж, хороши?

Г л а ш а *(любуется)*. Уж как хороши-то! За поцелуй подаришь?

Ж и в у л я. Накинь маленько.

Г л а ш а. Ну, за три.

Ж и в у л я. Чтоб моей, на всю жизнь, стала.

Г л а ш а. Много хочешь. За три — изволь.

Ж и в у л я *(играет серьгами)*. А погляди, как горят-то. Что, хороши? Твои ведь будут. Навек.

Г л а ш а. Хороши-то, хороши. Только все ж за тебя не пойду.

Ж и в у л я. Ты взглядишь в них хорошенько.

Г л а ш а. Слушай, не выйду я за тебя, — на что тебе серьги? что делать с ними станешь?

Ж и в у л я. Ты спроси, с собой что сотворю, коль за меня не пойдешь.

Г л а ш а. Что же?

Ж и в у л я. Утоплюсь.

Г л а ш а. А утопишься, — на что тебе серьги? Лучше мне оставь.

По крайности, утопать будешь, вспомнишь, каково сладко тебя целовала... Веселей тонуть будет. Ты подумай. Я погожу. Слышь еще: не три, десять раз поцелую. Целых десять. Думай же. *(Небольшое молчание, в течение которого входит Марьяца.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Живуля, Марьяца, Глаша.

Глаша. Вернулась уж? Что скоро? Аль в церковь не пошла?
Марьяца. Притомилась что-то. И опомниться. Глаша, не могу: скоро все так сделалось. Садись-ка, поговорим еще.

Глаша. Сейчас. Что ж, Живуля, надумался?

Живуля. Надумался. В последний раз спрашиваю: идешь ли за меня?

Глаша. Нету. Давно, слышь, уговор у нас был: коль Марьяца за Савушку, я за Абрама. Теперь за Абрама, выходит. Прощай.

Живуля. Прощай. Лихом не поминай.

Глаша. Аль утопишься?

Живуля. В прорубь головой.

Глаша. А серьги? Что ж, за десяток идет?

Живуля. Серьги? Так на же, вот они, подавись! *(Кидает ей к ногам и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Марьяца, Глаша.

Глаша *(ему вслед)*. Ишь шустрый какой!

Марьяца. И какая ж ты, Глаша, бесстрашная! Сохрани бог, руки на себя наложит,— ведь на тебе грех.

Глаша. Думаешь вправду топиться пошел? Полно! В сенях стоит, шубу надевает, сам подслушивает: не про него ль говорят? Не вернуть ли его? Вот хоть посмотреть,— правда. *(Идет к дверям; из дверей Живуля выглядывает в шубе.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Марьяца, Глаша, Живуля.

Глаша. Вот и он!— Аль забыл что?

Живуля. Сережки не тут ли обронил?

Глаша. Где пали, лежат.

Живуля *(поднимая серьги)*. Так не хочешь?

Глаша. Пошел.

Живуля. А ладно бы. Шубу еще лисью тебе сшил бы. Право. *(Поднял.)*

Г л а ш а. Говорят: проваливай.

Ж и в у л я (в дверях). О-ох! И поцеловал бы, да серьги больно дороги.— Ну, черт с тобой покуда! Я погожу: авось у вас дело опять врозь, тогда приду. Не уйти уж тебе от меня! (Уходит.)

Г л а ш а (вслед ему). Типун тебе на язык, проклятый!

ЯВЛЕНИЕ X

М а р ь и ц а, Г л а ш а.

Г л а ш а. Рассердил даже.

М а р ь и ц а. Брось его. Сядь, потолкуем. Ишь и смеркается уж. Не велики дни еще.

Г л а ш а (села). Ладно, Что ж, Марьяца, рада ты, что за Савушку идешь?

М а р ь и ц а. Как тебе сказать? Чтоб веселье мне было большое,— этого нет. А тихо во мне стало; затишала я вся. Добр ведь Савушка, любить меня будет. Смирно жить станем.

Г л а ш а. А скучать я не дам. Вместе жить станем?

М а р ь и ц а. Вместе. И матушка чтоб с нами же. И венчаться вместе.

Г л а ш а. Ну, это шалишь. Мы с Абрамом сперва у вас повеселимся, а там наше веселье придет. И пир же у нас будет,— вплоть до масленицы. А на масленой — опять беситься, пока пост великий с клюкой не придет, в церковь, богу молиться, не погонит.

М а р ь и ц а. А я думаю, замужем лучше. Что так-то жить? Тоска одна. Ну, и он узнает,— пусть ему! А то, чай, думает: досель девка по мне сохнет. А тут увидит: совсем забыла.

Г л а ш а. Ох, Марьяца, боюсь, не забывала ты его, всегда помнишь, только нам молчать велишь. (Маленькое молчанье, затем стук в окно.) Аль под окном кто колотится? (Подымая окно.) Кто там?

Г о л о с (под окном). Странный. Пустите ночевать.

Г л а ш а. Пустить что ли?

М а р ь и ц а. Чего же не пустить? Савушка придет, не одни мы.

Г л а ш а (в окно). Ты один?

Г о л о с. Один.

Г л а ш а. Старый?

Г о л о с. Древний.

Г л а ш а. Что ж, старика пустим. Иди на крыльцо, а там в сени.

ЯВЛЕНИЕ XI

М а р ь и ц а; Г л а ш а, вскоре В а с и л и й.

Г л а ш а. Кого бог дает? (Входит Василий.)

В а с и л и й. Здорово, Марьяца. Ждала ли видеть?

М а р ь и ц а. Василий! Васенька!... Ох, что я! что я!

Никак ополумела совсем...

Прости уж, государь! Как звать забыла,
Как величать по отчеству не помню.
Негаданно, нечаянно вошел...
Воротами, должно быть, обознался:
К жене хотел, к нам ноги занесли.
В а с и л и й. С тобою говорить пришел. Скажи,
Чтоб Глаша вышла.
М а р ь и ц а. Что ж, Глаша, выйди.
Я не боюсь его, не испугалась;
Одной не страшно.— Глашенька, поди.
(Глаша уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XII

Марьяца, Василий.

М а р ь и ц а. Зачем пришел?
В а с и л и й. Пришел я за тобою. Иди за мной.
М а р ь и ц а. Перекрестись, опомнись.
К кому зашел? Кого вести задумал?
Ведь не с женою в тереме бранишься.
В а с и л и й. Что о жене толкуешь? Нет жены,
И не бывало у меня.
М а р ь и ц а. Венчался с кем же?
В а с и л и й. Эх, Марьяца, дай слово мне сказать:
Обвенчан я,— да тем лишь и женат.
Как заклала меня ты, чтоб любил,—
Люблю тебя,— тоскую, сохну.
Жену посылую навеки бросил,
Сам крадучись приехал. Станом
В лесу стою,— не у отца в хоромах.
М а р ь и ц а. Что ты толкуешь мне? Аль дело
Какое есть мне до тебя? Женат ли?
Холост, вдов ли,— все-то мне равно.
Не знаю я тебя, поди ты прочь!
Как на глаза посмел мне показаться?
Иль мало вынесла из-за тебя?
Чего ж еще? Чего еще ты хочешь?
В а с и л и й. Мне без тебя не жить. Уж коль я бросил
Жену, себя под царский гнев подвел,
Сюда приехал, чтоб решила ты:
Быть живу мне, аль нет,— ужли не веришь,
Что я тебя люблю? И ты ль забыла!
Не верю я. Того не может быть!
М а р ь и ц а. Ты горем одарил меня, слезами
Пожаловал, отца убил печалью —
Так уж забуду ли тебя, злодея?
Нет, помнить буду. Только что досель

Тебя не вспоминала, не кляла;
С сего дня клясть начну, начну молиться,
Чтоб всякой карой покарал господь
Тебя, злодея!

В а с и л и й. Выслушай сперва,

А там кляни, убей, что хочешь делай!

М а р ь и ц а. Послушаю, как станешь ты хвалиться:

Мол хороша жена и крепко любит!

Не знает, лих, со мной как целовался,

Как ты на мне жениться обещал,

Уж полюбила б, ночью задушила!

В а с и л и й. Ты все женой коришь! Сказал, какая

Она жена мне,— по названью только.

Я на нее глядеть-то не глядел,

С ней слова, почитай, не молвил,

Она же — в голос говорят — собою

И пригожа, и косы до земли, и очи!..

М а р ь и ц а. Ты, что ж, и впрямь задумал хвастать?

В а с и л и й. Не хвастаю; затем я говорю,

Чтоб знала, как тебя люблю,— ведь ею,

Красавицей такую, не прельстился.

Заговорить хочу — твой голос слышу.

Поцеловать,— на перстенок взгляну,

Твое заклетье душу одолеет.

М а р ь и ц а. Зачем женился ты? Ужли затем,

Чтобы меня тоскою dokonать?

Как потоскует-де, сильней полюбит,

А без тоски, того гляди, забудет?

В а с и л и й. Зачем женился? Ты спросила б лучше,

Как обвенчали-то! Приехал

Я на Москву, живу себе, тоскую.

Раз говорят: чтоб шел к царю, зовет-де.

Пошел. Сам думаю: коль ласков будет

Со мною государь — во всем откроюсь.

И точно, ласков был со мной! Сам сватал.

И не простую — княжеского рода —

Князей старинных, именитых внуку:

Буйносовых-Ростовских Параскеву.

Я было слово,— на меня как крикнет,

Ногами топает, бранит, страшает:

«На Соловки, на всю-де жизнь упрячу.

Уж знаю-де: против отцовской воли

Идти ты хочешь! «Чти отца» забыл!»—

Уж знамо, батюшка со старым князем,

С моим-то тестем, дорогим, любезным,

Списались: царю натолковали.

Что было делать? Вышел, как убитый!

А тут меня гурьбою поздравляют:

«И-ах какую-де невесту сватал!

Знать любит государь тебя, Василий». —
Куда пошел я, с кем, сам шел ли,
Аль повели, не помню ничего.
Так думаю, что тесть ко мне приставил,
Заместо рындов, родичей своих.
Они меня, слышь, как царя хранили,
За мной ходили, допьяна поили,
Должно, недели с две, до помраченья...
Ох, батюшка! спасибо уж тебе:
Сумел сынка женить!

Марьяца. Что ж дальше было?

Василий. А дальше уж не помню. Думно:
Не забудущим ли поили зельем?
Со страху ли перед царевым словом,
С похмелья ли, аль разума в ту пору
Решился я, аль связанным венчали, —
Не спрашивай, не помню ничего.
Опомнился — обвенчан. Ну, и жизнь же
Пошла! Жена-то плачет: мне ее
И жалко-то — она чем виновата? —
И видеть не могу ее, разлуку,
И тесть-то с тещей надоели мне:
Сперва грозили, там пошли просить,
Чтоб с дочкой, как с женою жил. Не смог,
Не вынес их печали и доуки,
Бежал. Сперва — куда глаза глядят,
А там раздумался: одна мила на свете
Мне Марьяца. Поеду к ней, скажу:
«Пришел тобой владеть, — иди за мною».

Марьяца. Вот уж спасибо: вспомнил обо мне,
Такое-то спасибо — до земли!

Василий. Уж ведал я: простит меня голубка,
Уж знал: пойдет со мной; мне рада будет!

Марьяца. Ну, как не рада! — Одурел боярин,
Жену покинул, ищет: нет ли дуры,
Чтоб в полюбовницы к нему пошла.
Как не пойти! Как радой мне не быть!
Честь велика, и отказаться грех.

Василий. Что ж, издевайся, смейся надо мною!
Того достоин, виноват кругом!
Мне от жены бежать бы до венчанья,
И убежал бы, — не пустили лих.
За то, что мучали из-за тебя,
За то, что силой обвенчали, — смейся!
Посмейся надо мной, да хорошенько!
Другой бы позабыл тебя, с женою
Стал жить, — а ты тут пропадай! — Небось,
Над тем смеяться бы не стала, нет!

- По нем бы плакала, по нем бы горевала!
А надо мною, дураком, посмейся!
- М а р ь и ц а. И посмеюсь. Уж вдоволь насмеюся,
Все слезы высмею, над горем стану
С издевкой да попрехом хохотать!
Теперь не веселиться мне, когда же?
Теперь ты мой, в моих теперь руках!
А раньше что! — жениться поманил,
Чуть отвернулась, и от рук отбился.
Коль не теперь, когда ж повеселиться?
Когда мне отсмеять твою насмешку?
Разжалобил меня своей ты речью,
Ох, до смеху разжалобил! Ха, ха!
И удержаться не могу. Ха, ха!
Пожаловал: мол в жены не годна,
За полюбовницу сойдет. Ха, ха!
- В а с и л и й. Опомнись, Марьяца! Господь с тобою!
Смотреть-то страшно на тебя!
- М а р ь и ц а. Ха, ха!
Теперь страшна, а прежде любой звал?
Теперь страшна, а прежде целовал?
Теперь я полюбовница. Ха, ха!
- В а с и л и й. Не подрывай мне сердца. Слушай:
Уйдем отсель, навеки, навсегда!
Уедем на Литву — там обвенчаюсь,
Там на тебе, на любушке, женюсь.
- М а р ь и ц а. Уморушка! Как, от живой жены-то?
- В а с и л и й. Оттоль я к тестю грамоту пошлю:
«Уехал, государь, — навек, не жди!»
А князю-тестю не житье без зятя,
Меня он взял на то, что государь
В любви держал — такого же найдет,
Еще получше и доволен будет.
Со мной Прасковью живо развенчают,
С другим таким же повенчают живо.
Опять я вольный сокол.
- М а р ь и ц а. И тогда
Со мною повенчаешься?
- В а с и л и й. С тобою;
С тобою. Что ж, любушка, бежим?
Сейчас бежим?
- М а р ь и ц а. Бежим, бежим. Сейчас же.
С тобой ли я не побегу?
- В а с и л и й. Голубка!
Желанная моя!
- М а р ь и ц а. Не подходи.
Поди ты прочь! Не смей! Не подступайся.
Нет, Васенька! Нет, мил-сердечный друг!

Нет, мой желанный, дорогой, пригожий!
Будь на твоём я месте,— не сказала б,
Таких речей и самой подлой девке!
Как мне тебе поверовать, скажи ты!
А на Литве опять кого увидишь,
Король ли, князь какой, аль пан вельможный
Тебе на дочке повелит жениться,—
Тогда опять ко мне бежать, да сказки
Рассказывать мне станешь, как тебя
Поили допьяна, сладьми кормили,
И как ребенка малого учили:
«Будь, Вася, пай! Женися на княжне!»—
Нет, выбери себе иную дуру,
Уж я над ней нахожусь довольно,
А над собою мне смеяться полно!

В а с и л и й. Так не идешь?

М а р ь и ц а. Перекрестись, опомнись!

Будь, Вася, пай: ступай к жене, в Москву.

В а с и л и й. В последний раз я спрашиваю, Марья.

Со мной идешь ли?

М а р ь и ц а. Силой, что ль, возьмешь?

Так не боюсь. Каков ты силен,

Уж видела, как ты с княжной венчался.

В а с и л и й. Иляди же, на меня ты не пеняй!

Твою издевку я тебе припомню!

Прощай покуда... До твоей до свадьбы!.. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

М а р ь и ц а (*одна*).

Ушел! Ушел? Ох, господи-владыко!

Что с ним-то, с сердцем-то моим,

Что случилось?

Ох, ох! Люблю его, люблю, люблю!

Проклятая! зачем его ты любишь?

Хоть и браню себя, а все ж люблю.

Скорей с другим, скорее повенчайте!

Скорей над ним мне дайте посмеяться!

Пусть под венцом меня посмотрит Вася!

Ха, ха! Как весело смотреть-то будет! Ха, ха!

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

У Коркина. Вечер. Все приготовлено к девишнику. Накрыто несколько столов. Трое дверей.

ЯВЛЕНИЕ I

Дунька, девушки.

Дунька. Каков девишник Парфен Семеныч затеял, хоть бы дочь родную выдавать!

Первая девушка. Ну, она ему дочь не дочь, а по сыну все сродни, бают, приходится.

Дунька. Ври еще тута.

Первая девушка. Не я, люди говорят. Поспросай-ка, как по ночам к нему в рощу бегала? Счастье ее, что Савушка выискался!

Вторая девушка. Прост очень — оттого берет.

Дунька (*на вторую девушку*). И врете вы обе! Ничего того не было.

Вторая девушка. Я разве спорю?

Первая девушка. И как это, девушки, богатым хорошо быть! Вздумал свадьбу играть, хоть дочери нет, в отцы посаженные к кому пошел, и мигом все готово, по щучьему веленью. Веселись себе и других весели.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Глаша входит слева

Глаша. Все ль готово?

Дунька. Все, Глаша, готово. Что ж невесту не ведут?

Глаша. Сейчас с матерью выйдет. Парфен Семеныч не выходил еще?

Дунька. Нету. Да поди сюда, Глашица, к сторонке, что скажу.

Глаша. Что такое? (*Отходит к стороне.*)

Дунька. Дворецкий сказывал: нынче ночью с Москвы гонец пригонил,— ведь Василий Парфеныч пропал у нас.

Глаша. Как пропал?

Дунька. Все с женой неладно жил, и пропал. Бросил ее, куда неизвестно скрылся. Думают: руку на себя не наложил ли.

Глаша. Найдется.

Дунька. Парфено-т Семеныч всю ночь, говорят, простонал; не спал, до свету богу молился. Только горя показать не хочет, а то девишнику сегодня не быть бы.

Первая девушка. Невесту ведут.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, слева: Марьяца, Дарьяца.

Г л а ш а (*указывая места*). Сюда, Марьяца, садись. А ты, матушка, здесь. Где ж отец посаженный? Ну, придет еще. Давайте, девушки, покуда песен поиграем, а матушка поголосит, по дочке поплочет.

Д е в у ш к и. Ладно. (*За сценой колокольцы.*)

Д у н ь к а. Глаша, колокольцы, слышь. Ведь жених это. И песен поиграть не успеем!

Г л а ш а. А все Абрамка треклятый! Хвалился: соколом-де, внезапно налечу,— так и есть. Ишь, без выкупа войти хочет!

В т о р а я д е в у ш к а. У вас ворота заперты ли?

Д у н ь к а. Где! Думали: рано еще. Глашица, побежим.

Г л а ш а. Чего бежать! Пусть думает: зева дали, а мы дверь эту запрем,— все равно выкуп возьмем.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Парфен справа.

Д а р ь и ц а. Вот и Парфен Семеныч пожаловал. Милости просим.

П а р ф е н. Вы смотрите, у вас сват без выкупа в двери не вломился бы.

Г л а ш а. Не пустим, государь.

Г л а ш а. Не пустим, государь.

Д у н ь к а (*выглянула в дверь*). Ой, по лестнице бегут, ой!

Г л а ш а (*бежит к дверям*). Живей, девушки, живей. Навались всей гурьбой на дверь. Ну, на запор! живей! (*Общая суматоха; двери заперли.*)

В т о р а я д е в у ш к а. Ай, Глаша, успела-таки!

Г л а ш а. Что, проклятый, вошел? Теперь я с тобой поторгуюсь еще. По местам, девушки. (*Девушки садятся за стол.*) Тихо!.. Подходят. Подошли. (*В дверь кто-то ткнулся.*) Что, обжегся? Думал: не успели-де!

Д а р ь и ц а. Ох, доченька! и поплакать-то не успела над тобою! Ох!..

П а р ф е н. Поздно уж теперь, Дарья Карповна, плакать: не мешай. Послушаем, каково торг пойдет. (*Стук в двери.*)

А б р а м (*за дверьми*). Эй, отвори, хозяин!

Г л а ш а. Что больно стучите! Батюшка у меня глух,— услышит еще, осердится. Кто там колотится?

А б р а м. Отворяй. Мороз на дворе, зазябли.

Г л а ш а. Так мы всякого и пустили! Дорога у нас битая, всякого народу пропасть шляется. Вы кто же будете?

А б р а м. Охотнички. Ездили ловить лисиц, куниц, перепёлушек, красных девушек.

Г л а ш а. Здесь вам кого ж надобно?

А б р а м. Показалось нам, повиделось: что ни есть лучшая лиси-

ца, красная-девица, в ваши ворота юркнула, на двор стрекнула, в нов высок терём вбежала, там застряла.

Г л а ш а. Хорошо ль глядели? Точно, видели и мы, бежала-то такая, да не к нам, на соседский двор: туда подите, пустого в пороженем поищите.

А б р а м. Не проглядим мы — глаза у нас зорки, глядели же с горки, — видно далече: точно сюда пробежала.

Г л а ш а. А у нас найдете, много ль выкупа дадите?

А б р а м. Дадим сорок кунц, два сорока чернобурых лисиц.

Г л а ш а. Ох, купец, на словах тароват, на карман пустоват. Отсель в шелку вижу: шуба у тебя плохая, того хуже сшита, ветром подбита, под шубой кафтан, весь по ниточке сбиран.

А б р а м. На меня не гляди, князь стоит позади, деньгой гремит, дорогой шубой шумит; ворота золотым ключом отпирает, калитки серебряным отмыкает.

Г л а ш а. Разве на князя вашего надёжа. Только избу не даром же студить, просишься на постой, за рублем не стой.

А б р а м. Просунь ручку: позолочу.

Г л а ш а. Да еще забыла: изба да тепло наши, еда да питье — ваши.

А б р а м. Есть у нас поваров со сто молодцов. Еды и питья довольно.

Г л а ш а (*притворяя дверь*). Давай за постой. (*Протягивает руку, получает и смотрит.*) Ай да князь молодой! Ин, милости просим. (*Отворяет двери.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, А б р а м, с ним человека два-три.

А б р а м (*осматриваясь*). А кто тут хозяин?

П а р ф е н (*встает и кланяется*). Я, государь, хозяин. Чего изволишь?

А б р а м. Что ж на постой пустил, стать-сесть некуда.

П а р ф е н. С кем, государь, торговался, с того и спрашивай.

А б р а м. Что за народ за столом сидит? Ступайте вон. Ну, вам говорят!

Г л а ш а. Не больно шуми, такие ж, как ты, заезжие.

Д у н ь к а. Хочешь за стол сесть, место откупи.

А б р а м. И в самом деле, лучше миром покончим. Кому деньги получить прикажете?

Д е в у ш к и. Дунька, получай. Дуньке отдай.

Д у н ь к а (*выходя из-за стола*). Посмотрим, не хвастал ли богатством?

А б р а м. На тебе, довольно ли будет?

Д у н ь к а. Что ж это, девушки, битыми черепками платить!

Г л а ш а. Ох, горе мое! Голь перекадную заместо бояр пустила!

А б р а м. Уж простите, красные, не в тот карман залез, не ту мошну вынул. Эта по нраву ль пришла? (*Даёт.*)

Дунька (приняла). А чтоб красных девушек вперед обманывать тебе не повадно было, еще надбавь.

Глаша. Ай да Дунька! Люблю девку за обычай.

Абрам. Не довольно ли будет?

Глаша. Что торгуешься, князя молодого на морозе знобишь!

Абрам. И то правда. (Вынимает еще деньги.) Подкузьмили, красные, свата! (Девушки вскакивают из-за стола, делят деньги. Абрам идет к дверям и настежь растворяет.) Милости просим, князь-государь. Милости просим, бояре.

Глаша. Марьица, выходи князя встречать.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же. Входят: Савушка и женихов поезд. Глаша ведет Марьицу навстречу жениху. Савушку ведет Абрам.

Парфен. Милости просим, князь молодой, пожаловать. Не обидел нас господь: есть кому гостя дорогого встретить. (Жених и невеста сошлись посередь избы; поклонились друг другу в пояс; поцеловались. Он ведет ее за стол. Девушки после Парфеновых слов начинают песню. Слуги во время песни вносят кушанья, между ними два круглых пирога и питья.)

Русые кудри за стол пошли,
Черную косу с собой повели.
Ты скажи, скажи, черная коса,
Кто тебе отроду мил?
Мила мне милешенька, родна матушка.
Это, коса, не правда твоя,
Не правда твоя, не истинная.

Русые кудри за стол пошли,
Черную косу с собой повели.
Ты скажи, скажи, черная коса,
Кто тебе отроду мил?
Мил мне милешенек
Савва, свет Алексеевич.
Это, коса, правда твоя,
Правда твоя, истинная.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, Живуля.

Глаша. Ты откуда проявился?

Живуля. Ветер силен на дворе, шапку сорвало, будто сюда понесло. Хлеб вам да соль.

П а р ф е н. Хоть и незванный гость, а хлеба кушать, белого лебедя рушать, милости просим.

Г л а ш а (*Абраму*). Ох, не к добру он пришел!

Ж и в у л я (*услыхав*). Зачем не к добру, Глафира Юрьевна? Я, слышь, с доброю вестью.— Тебе, государь, Парфен Семеныч, радость объявляю.

П а р ф е н. Какую радость?

Ж и в у л я. Сынок твой, Василий Парфеныч, с Москвы пожаловать изволил.

П а р ф е н. Василий?

Ж и в у л я. Как же. Меня вперед гонцом послал доложить тебе.

Г л а ш а (*Абраму*). Говорила, не к добру.

Ж и в у л я. Ты, красавица, не шепчи про меня: еще завтра свижусь с тобой.

Г л а ш а (*тише, Абраму же*). Будь настороже.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же; В а с и л и й, с ним человек пять слуг вооруженных.

В а с и л и й. Здорово, батюшка.

П а р ф е н. Василий, ты?

В а с и л и й. Аль не узнал? Аль сыну ты не рад?

П а р ф е н. Ты наперво ответ держи: как смел
С Москвы без царского указа съехать?
Повсюду за тобой разосланы гонцы...

В а с и л и й. Пусть их гоняют, коли есть охота!..

П а р ф е н. Как ты посмел, ослушник царской воли,
Передо мной, слугой царевым, стать...
Аль думаешь: мне сын — царя дороже?

В а с и л и й. Что больно грозно, батюшка, встречаешь?
К тебе ж спешил. Сказать отцу спасибо,
Что счастливо сынишку оженил:
Двух месяцев не смог прожить с женою,
Сбежал. Спасибо за жену, спасибо!

П а р ф е н. Еще отцу грубить? Гляди, Василий,
Сейчас свяжу и на Москву отправлю.

В а с и л и й. Ужли с дороги отдохнуть не дашь?
Уж что-то больно ласков нынче с сыном.
Хоть при гостях-то сына не срами,—
Гостей для сына со двора не гнать же! —
Ты погоди, дай сыну дело сделать,
Вдвоем останемся,— тогда и свяжешь.

П а р ф е н. Какое дело?

В а с и л и й. А возьми терпенье,
Пожалуй, государь,— не задержу.
Здорово, мир-народ, все господа
Честные! Что у вас за пир затеян?
Девишник, свадьба ли...

П а р ф е н. Девишник, видишь!

В а с и л и й. Уж не мешай мне, батюшка, на время.
Прошу усердно, чтоб меня уважил.
Дай поглядеть на жениха с невестой,
Согласье да любовь им пожелать.
Знакомы оба. Савушка, здорово!
На Марьице жениться похотел?
Чужих невест зачем же отбиваешь?

С а в у ш к а. Какой ты ей жених! Обидел только,
Худую славу про нее пустил,
Еще над ней же надсмеяться вздумал...

В а с и л и й. И что ты, господин! Уж где обидеть,
Не только про нее дурного слова
Не вымолвлю,— тебе, слышь, не велю!

С а в у ш к а (*вскочил на ноги*). Мне не велишь!..

А б р а м (*сажает его*). Постой, братан, пожди.
Не затевай ты ссоры по пустому:
Послушаем, что скажет господин.

В а с и л и й. Невеста — Марьица. Не ждал я,
Чтоб крадучись от милого дружка,
Себе инога парня залучила. (*Марьице.*)
Что ж ты о свадьбе мне не объявила,
Как за неделю приходил к тебе,
В сумеричках, чтоб людям не зазорно!

С а в у ш к а (*вскочил*).

Я покажу тебе, московский слёток!
Ты будешь облыгать у нас невест!
Я проучу. (*Хочет броситься на него с ножом.*)

А б р а м (*схватил его за руку*). Стой, Савва, брось! (*Нож па-
дает на стол.*) Успеем еще расчесться с ним!

Общее движение. Все встают из-за столов и выходят вперед.

М у ж ч и н ы (*обступая Савушку*). Стыдися, Савва. '

В а с и л и й (*Абраму*).

Спасибо, молодец. (*Савве.*) Пришел я с миром,
И с вежеством с тобою говорю.
За что ж убить меня хотел? Пришел я
Не обижать тебя — поостеречь.
Поберегись, купец! Товаро-т плох,
Потерто золото,— в обман не дайся!
Ты прежде допроси ее построже:
Тому с неделю, в сумерках, ждала ли
Она меня, и каково встречала,
И сладко ли Василья целовала.
А у меня и послухи найдутся.
Живуля, где ты? — Расскажи, что знаешь.

Ж и в у л я. Послушайте, господа честные. Прошное воскресе-
нье, под вечер, иду я мимо Дарьицына двора, от дьячихи домой.

Только вижу: кто-то через плетень прыгнул. Не вор ли, что девичьей честью промышляет? подумал, и за плетнем присел. Долгонько-таки ждать пришлось. Через час эдак слышу: крадется кто-то. Как он через плетень,— ухватил злодея. Возмолился: «Мол от жены сбежал; девка, слышь, приворожила, и с неделю-де тут скрываюся, ни батюшка, никто не знает, почитай каждый день к ней хожу». Думаю: кого ж я это изловил? Воззрился: господи! Василий сам Парфеныч! На Москве, чай, где встретиться довелось! И одет-то не по-боярски, зипунишка на нем плохонький. Как стал он каяться, ну и челом добил,— добр ведь я, отпустил парня.— А теперь я все, господа честные, сказал. *(Кланяется; в народе движение; Живуля отходит и потом незаметно для зрителей вовсе уходит.)*

В а с и л и й. Чай, Глашица видала тож. *(Ей.)* Скажи же,

Не утай. Чего ж молчишь? Аль совесть зазрит?

Г л а ш а. Ох, у тебя, бессовестный, где совесть?

Что обманул девчонку, не женился,—

Так небылицы на нее взводить!

Д а р ь и ц а. Отцы мои! Парфен Семеныч,

Хоть ты за сироту, меня, вступишь!

В твоём дому ведь, твой же сын облыжно

Порочит Марьицу.

П а р ф е н. Василий!

Брось шутки те негожие! Оставь.

В а с и л и й. Ты, батюшка, не знаешь, не вступишься!

Коль послуху не верите, так есть

У нас поличное.— Вдова честная,

Послушай, Дарья Карповна, меня:

Ужли ж напраслину взводить я стану?

Дарила дочке перстенок? — скажи.

Д а р ь и ц а. Дарила: золот-перстень с жемчугом,

Всего одна жемчужина большая.

В а с и л и й. Коль покажу, признаешь перстенок?

Д а р ь и ц а. Как не признать?

В а с и л и й. Вгляни-ка на мизинце.

Д а р ь и ц а. Он, он! Отцы мои! За что, за что же?

Ты что ж стоишь, Машутка, отвечай!

А б р а м. Так, так, приструнь ее, да хорошенько.

В а с и л и й *(Дарьице).*

Коль перстенечку, госпожа, не веришь,

Так я скажу, какой завет давала

В ту пору, как дарила дочке перстень.

А б р а м. Какой завет еще! Что ж, Савва,

Стоишь,— путем невесты не допросишь.

Спроси ее: должна тебе ответить.

Коль оболгал, расчесться помогу,—

Отсюда жив не выйдет.

М у ж ч и н ы. Не уйдет.—

И мы поможем.— Спрашивай же, Савва.

А б р а м. А коль невеста обманула,— плюнь ей
В лицо, при всем честном народе плюнь!

С а в у ш к а. Что ж, Марьяца, давай ответ.

А б р а м. Слыхала?

Г л а ш а (*Савушке*).

Какой ответ! Ума решился!

Коль ты ее, злодей, пытать задумал,

Так разбожись она, ведь не поверишь.

В а с и л и й. Ты, девица, с чего ж заговорила?

Аль помогала, а теперь боишься?

М а р ь и ц а. Не тронь их, Глаша! Погоди: сама

Отвечу.— Савушка, и ты!

С а в у ш к а. Я что же...

А б р а м. Не слушай ты ее! Пусть прямо скажет:

Жила с Васильем, нет ли.

С а в у ш к а. Говори.

М а р ь и ц а (*Савушке*).

И ты! Коль ты теперь в меня не веришь,

Зачем же сватался? Ведь слухи были,

Ведь говорила я, да ты ж молчать

Велел: «И знать-де не хочу». Коль мне

Тогда ты верил, что ж теперь не веришь?

Вот мой ответ: тебе я не невеста,

И отвечать на спрос тебе не стану.

Сегодня выйди за тебя, назавтра

Придут да скажут: у твоей жены

Есть любовник,— ты опять с допросом!

Пошел ты прочь,— не то что отвечать,

Глядеть-то на тебя теперь не стану.

С а в у ш к а. Я, Марьяца...

А б р а м. Молчи. Не видишь разве:

Змея от вопроса увернуться хочет.

Прикинулась! Не поддавайся, Савва.

Пусть отвечает — строже допроси.

М а р ь и ц а (*Абраму*). Ты кто таков, чтоб сметь

Ко мне с допросом приступить? Тебе

Я ни невеста, ни жена, родней

Не довожусь тебе. Ты как же смеешь

При людях девицу меня бранить?

Аль нынче правда в людях умерла,

И всякий волен девушек порочить?

Никто не вступится? Никто нахалу

Проклятой глотки не заткнет?

П а р ф е н. Абрам!

И все вы тут! Забыли разве: нынче

Я ей в отцово место.— Подходи,

Кто смел на ложь, неправду и насильство,

Я за нее ответчик перед богом!
И пред собою всякого сумею
Заставить отвечать. Как! у меня,
В моем доме бесчинство заводить?
Что я, как сына увидал, смутился,
Так вы насильничать. Ступайте вон!
Кто слово пикнет, уложу на месте.

Минутное молчание.

В а с и л и й. Начни с меня. Что ты в отцово место —

Так и чиста она пред женихом,
Вольна обманывать честных людей,
Венец церковный попирать ногами,
Над божиим судом вольна смеяться?
Опомнись, батюшка! Я не хвалю
Абрама, и ему скажу в глаза:
Нечестно поступил, ему вязаться
Не след. А что ж она молчит,
Что жениху в ответ не скажет слова?
За честь девичью ты горяч вступаться,
Что ж за мою не вступишься? Коли
Она чиста, коль смеет прямо в очи
Честным людям глядеть и не краснеть.
Так значит я ее безвинно,
Бесчестно, подло, как последний вор,
Пред вами обличал. Коль так,
Вступитесь за нее, всем миром встаньте:
Такому подлецу, как я, не след
Господен мир грязнить своей душою,
На божий суд мою пошлите душу,
Из тела выведите ее ножами!

М а р ь и ц а Чего тебе, Василий, надо, из чего

Хлопочешь ты, уж я и не пойму!
Аль хочешь, чтоб ты чист, злодей, явился,
А я со сраму умерла безвинно?
Ин, государь, изволь: во всем покаюсь,
Был у меня ты в сумерки, с неделю
Тому, и улещал меня:
«Поди, мол, в полюбовницы ко мне!»
Должно пошла, коль грозно таково
Меня зовешь к ответу. Верно,
Что стыд девичий вовсе позабыла,
Коль перстнем обменялася с тобой.
Ведь будь крупца у меня стыда,
Уж стала б ли с тобой, злодеем, знаться!
Нет, виновата я! Слышь, виновата!

С а в у ш к а *(выходит вперед)*.

Постой, Василий. Марьяца, скажи.
Тебя Христом и богом заклинаю!

Одно скажи лишь слово, за тебя
Я голову сложу.

Марьяца. Кто ты таков?

Тебя не знаю; не жених ты мне.

Поди ты с глаз моих.

Абрам (*увлекая Савушку*). Пойдем, братан.

Что слушать-то! Сказать не скажет прямо,

Все путает. Знать, стыд берет. Пойдем!

Не то я, Савва, не сдержу себя

И натворю беды.

(*Уводит Савушку; за ними женихов поезд.*)

Глаша. Абрам, стой!

Куда пошел! Аль слов ее не слышал?

Не бойся, Марьяца, я ворочу его.

Тебя Парфен Семеныч здесь не выдаст. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

*Василий, Марьяца, Дарьяца, Парфен, Дунька, девушки,
Васильевы слуги.*

Марьяца. Ты этого хотел: чтоб он ушел?

Чтоб бросил, осрамил меня жених?

Что ж, веселился, своего добился:

Тебе поверил, осрамил, ушел!

Василий. Того я добивался, чтоб он бросил.

Ты видишь, какова его любовь!

Ведь знал, что бросил я тебя, ведь знал,

Что на другой женился, и поверил!

Вот какова его любовь! Того

И добивался только я,

Мне больше ничего теперь не надо.

Марьяца. Что ж, осрамил, во всем я повинилась,

Во всем-то, и теперь могу в глаза

Тебе сказать: подлец, подлец!

Из зависти, из-за того, что я

С тобой бежать в Литву не согласилась,

Что честь во мне осталась, что с тобой

Еще не вовсе я стыда лишилась,

Задумал погубить! А хвастал тоже,

Что крепко любишь. Любишь ты себя,

Себе утеху сделать, вот что любишь.

А я хоть пропади! Подлец, подлец!

Василий. Ругай меня, терзай, да только помни —

Не гибели твоей искал, хотел

Я доказать тебе, как много

Люблю тебя, люблю, люблю. Не жить мне,

Коль ты разлюбишь, и никто,

Никто тебя любить, как я, не сможет.

Прости меня, хоть и нельзя простить.
Хоть я прощенья твоего не стою!
Тебя люблю, и бросил я жену,
Тебя люблю, и на тебя налгал,
Чтоб никому ты, Марья, не досталась;
Люблю тебя,— пред всеми опозорил,
Люблю тебя, и все переступил:
Царя, отца, забыл и правду божью...
Одно лишь помнил, как тебя добыть!
Теперь один стою перед тобою,—
Всех отогнал. Теперь моя ты будешь,
Никто тебя не вырвет от меня,
Пойдем, пойдем! Зачем тебе здесь жить?
Чтоб о тебе судачили людишки,
Чтоб плакать день и ночь и вспоминать,
Одно и то же вспоминать всечасно,
Как я люблю тебя?

Марьяца. Не все еще,
Не все ты высчитал, что из любви
Ко мне ты сделал. Душу,
Живую душу погубил во мне,
Живого места не оставил в ней!
Ужли за то тебе не поклонюся,
Не стану земно бить челом и плакать:
«Возьми меня, позора мало мне,
Уж вдосталь опозорь и брось!»

Василий. Коль волей не пойдешь, возьму я силой!
Эй, люди!

Парфен. Стой, ни с места. Дьявол!
Не сын ты мне, не я тебя родил,
Дотронься только до нее, убью.

Василий. Не суйся, батюшка. Ты слышишь:
Еще я помню, что отец ты мне,
Но коль ее отнимешь от меня,
Как раз уж отнял,— что родил меня,
Про то забуду, руку подыму. (Марьяце.)
Идешь, иль нет?

Марьяца. Насильничать задумал? (Бежит к столу и схватывает Савушкин нож.) А вот он, вот! Ну, подходи теперь!

Василий. Опомнись, Марьяца, опомнись! Я
Твой Вася, твой желанный, милый друг!
Ведь это я стою перед тобою.

Марьяца. Не подходи.

Василий. Оставь ты нож. Убьешься.
Да помогите ж, за руки схватите.
(Схватывает ее.)
Теперь моя! моя!

Парфен (бросился между ними). Василий! Сын мой!

М а р ь и ц а (*вырвалась*).

Что, взял ли? Не возьмешь ты силой.
И так пойду, люблю тебя, люблю. (*Режется.*)
Теперь бери. Твоя теперь, твоя! (*Падает.*)

Д а р ь и ц а (*бросилась на труп*).

Убилась! Доченька моя убилась!
Ох, горько мне!

В а с и л и й (*бросился к трупу и оттолкнул Дарьицу*).

Пошла, старуха!
Мне, не тебе, стонать над ней и плакать!
Моя теперь, моя! Не бьется сердце,
Что за меня и билось и терзалось;
Не смотрят очи, что смеялись мне,
Не взглянут на меня теперь с укором!
Уста, что целовал, навек сомкнулись,
Не вылетит теперь из них ни слова,
Не разомкнутся, чтоб проклясть меня!
Тут сяду, век я над тобою,
Над любовью моею, просижу!..
И все-то в бледное твое лицо
Глядеть я буду, целовать в уста. (*Целует.*)
Прощай, прощай, прощай, еще прощай!
Ох, не могу очей твоих я видеть.
Закрытые глядят и плачут кровью. (*Вскакивает.*)
Спасите, люди! Страшно, страшно мне!
Сокройте от очей ее кровавых! О! (*Бежит.*)

П а р ф е н (*схватил его за руку*). Куда, безумный? Стой!

В а с и л и й (*рвется*). Пусти, старик!

Глядит,— не видишь? разве ты не видишь —
Кровь, кровь стоит в очах! Пусти, пусти же! (*Убегает.*).

П а р ф е н (*с плачем*). О, горе, горе мне! Ох, горе!

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

*Парфен, Дарьица, Марьица, гости; убегают Глаша; в дверях Савушка
с Абрамом.*

Г л а ш а. Вернула! Воротила! Идут!

П а р ф е н. Не опоздали. Вовремя пришли.

Любуйтесь. Видите: мертва лежит..
И всех-то я убил: убил я сына,
Своею гордостью убил, да чванством,
Убил невестку, что в Москве живет.
Еще вот богом данная лежит,
Как голубь белый.

Г л а ш а. Где ж матушка?

П а р ф е н. Ей горше всех.

Г л а ш а. Гляди,

Вот, вот она! (*Бросается к ней.*)

П а р ф е н (*удерживает*). Стой, Глаша, погляди!
Сидит старуха над своей над дочкой,
Окаменелая, недвигою сидит,
Окаменелыми очами смотрит.
На дочку смотрит и ее не видит.
И я пред ней, пред сирью вдовой,
Пред матерью посмел рыдать и плакать!
Жива ли? Глаша, подойди! покличь.
Г л а ш а (*берет Дарьицу за руку*). Матушка! Матушка! По-
гляди, очнися!
Д а р ь и ц а (*выходя из столбняка*). Где дочка, где? (*На Гла-
шу.*) Нет, не ты, не ты! Откликнись, Марьица! А, вижу, вижу! Ох, ох!
Проснися, пробудися!

*С воплем падает на труп дочери.
Занавес.*

НА ПОРОГЕ К ДЕЛУ

Деревенские сцены в трех действиях

Лица

ВЕРА НИКОЛАЕВНА ЛОНИНА
молоденькая деревенская учительница.

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ДУБКОВ
мировой судья, человек средних лет.

КАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА
его сестра, немолодая девушка.

АКИМЫЧ
старик, отставной солдат, сторож при школе.

БУРОВИН
отставной волостной старшина.

ТЕСОВ
волостной писарь.

ШАЛЕЕВ
член училищного совета от земства, отставной пехотный офицер, средних лет.

ЛИЗАБЕТА ПАВЛОВНА
его жена, значительно старше его.

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА
почтенная дама.

ЖЕНИ
ее дочь, девушка.

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА
вдовушка лет 30-ти, из петербургских.

1-Й ШКОЛЬНИК.
2-Й ШКОЛЬНИК.
3-Й ШКОЛЬНИК.

СЛУГА
Дубковых.

Первые два действия происходят в деревенской школе, последнее — в доме Дубкова.

Сцена — бедная комната при школе; мебель — старый стол, два-три поломанных стула и голая кровать; двери — входная и налево боковая в классную комнату; на правой стороне окно; в одном углу печка; в течение действия за сценой слышится завывание ветра, а слева шум школьников.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Акимыч и школьники.

Акимыч — лицо суровое, в старой солдатской шинели и в валенках; при поднятии занавеса он метлой метет комнату; за сценой шумят школьники.

А к и м ы ч (один). Загалдели!.. Полоумное стадо!.. Пороть бы вас хорошенько!.. (Слышно подражание различным животным и птицам.) Ишь ты, по-собачьи, по-кошачьи!.. Ах, вы — мразь! И чего несет их сюда: учителя нет, а все в сборе!.. Баловаться им тут на свободе, а из дома-то гонят! Вона — как ворона кричит!.. Я б вас перебрал, кабы моя воля!

Школьники приотворяют дверь и дразнят его.

1-й школьник. Пушка!

2-й школьник (строит рожи). Пушка, пушка!..

3-й школьник. Инвалидная крыса!

А к и м ы ч (бросаясь на них с метлой). Ах вы, погань этакая! Шелудивые поросята!.. (Школьники скрываются.)

А к и м ы ч (один). И когда это новый учитель приедет?.. Ажно стрельба в голове от них. Хуже всякой туретчины, паршивцы!.. (Метет.) Эх, житье!..

Школьники опять появляются.

1-й школьник. Пушка!

2-й школьник. Пушка!

3-й школьник. Крыса!

А к и м ы ч (бросаясь). Пстой же, погоди! Ах, вы!.. (Одного ловит за волосы; тот взвизгивает и вырывается; скрываются.)

А к и м ы ч (один). Ах вы, щенята негодные! Всех тотчас на улицу выгоню! Мразь, дурья порода, сиволапы!.. (Шум увеличивается; он приотворяет дверь.) Вы, лапотное царство... слышь... всех передеру до одного да на улицу! Ах, вы, оголтелые, аль крышу снять хотите! Да я вас... с первого до последнего!.. (За сценой слышен приближающийся колокольчик.) Вот пстой, левизор едет, али бы учитель новый, тотчас розог навяжу! Он вам пропишет! (Идет к входной двери; несколько голов высовывается из-за двери.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лонина, Дубков и Акимыч.

Лонина и Дубков одеты по-дорожному; у Лонины в руках узел.

Л о н и н а (входя со смехом). Однако, хорошо: я и не знаю, кого я должна благодарить... Кто вы? (Кладет узел на кровать.)

Д у б к о в. Я — мировой судья здешнего уезда, Дубков!

Л о н и н а (протягивая руку). Вы меня просто спасли: я не знаю, как бы я нашла лошадь там, на железной дороге, и добралась сюда; эти пять верст ужасны!.. (Отряхивает одежду.)

Д у б к о в (отряхивая фуражку). Да, погодка!.. И дороги здесь

почти нет. Я очень жалею, что мы познакомились уже в конце путешествия... я ведь тоже из Москвы, ездил по делу.

Л о н и н а. И интересно: мы почти промолчали все пять верст.

Д у б к о в. Помилуйте, какой тут разговор, когда тебе так и хлещет в лицо! Разгулялась осень!

Л о н и н а *(смеется)*. Я вся-то мокрая! *(Сбрасывает платок с головы; к Акимычу)*. Здравствуйте! Я назначена учительницей сюда.

А к и м ы ч *(вытягиваясь)*. Слушаю-с!

Дубков молча осматривает комнату.

Л о н и н а. А вы сторож здесь?

А к и м ы ч. Так точно.

Л о н и н а *(снимает пальто)*. Голубчик, пожалуйста, стряхните пальто,— оно мокро: на дворе и снег, и дождь... да повесьте его там где-нибудь.

А к и м ы ч *(берет пальто)*. Слушаю! *(Уходит.)*

Л о н и н а *(остается с большим платком на плечах; с улыбкой)*. Какой суровый страж!

Д у б к о в. Как видно, из военных.

Л о н и н а. Мой сослуживец и собеседник! *(Садится на кровать и кутается в платок.)* Садитесь же, прошу без церемонии!

Д у б к о в *(садится на стул)*. Разве на минуту — и в путь. Мне еще до дома верст десять, а там ждут дела. Вы, кажется, озябли?

Л о н и н а *(вздрагивает)*. Немножко!

Д у б к о в *(оглядываясь)*. Да и здесь в комнате холодно, и как мрачно, какое разрушение вокруг.

Л о н и н а. А знаете, я ничего не вижу и не замечаю; я помню только, что я, наконец, в моей любезной школе, и как я рада! Меня ждет дело, дело великое! Ах, сумею ли?

Д у б к о в. Скажите лучше: сможете ли, достанет ли сил на борьбу!

Л о н и н а. С чем борьба?

Д у б к о в. С окружающим невежеством, с нищетой этой обстановки, с лишениями этой жизни.

Л о н и н а. О, этого я не боюсь! Перенесу все тягости, забуду все за делом, лишь бы мне им овладеть и увидеть результат. Вспомните, Майкова* *(декламирует)*:

По печатному читает
Мужикам дитя.
Мужички в глубокой думе
Слушают, молчат.
Даже с печки не слезавший
Много-много лет,
Свесил голову и смотрит,
Хоть не слышит, дед.
И пришлось ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть!

Вот он, результат! Есть ли дело, есть ли труд, скажите мне, выше, лучше этого, благодатней! Для него все можно перенести и претерпеть! Э, мелочи, пустяки жизни — это...

Дубков. Какая вы идеалистка!

Лонина. Почему?

Дубков. Так горячо верите, так искренно любите! И ни страха, ни сомнения!

Лонина. Верю, люблю и всю отдаю себя!

Дубков. Вы мне очень нравитесь: что-то молодое, светлое, смелое вижу я в вас! Но все-таки боюсь я за вас!

Лонина. А что?

Дубков. Не сломали бы вас эти мелочи-то, как вы их называете, и пустяки жизни!

Лонина. Нет, нет! Я ведь неизбалованная и готовилась к этому, думала давно.

Дубков. Желаю вам успеха от души, искренно, дружески! Да, дело большое, труд великий! Вы в Москве учились?

Лонина. Да, я там готовилась на педагогических курсах.

Дубков. Есть у вас там родные?

Лонина. Старушка-мать есть, сестра меньшая, она еще учится в гимназии. Как они, бедные мои, плакали, провожая меня сюда, как на тот свет!.. Ха-ха-ха! Особенно мать: «Куда ты, Верочка, говорит, — едешь в такую глушь, там кроме волков да медведей никого нет!..» А что же, в городе, в столице, что ли, толкаться да прозябать? Нет, вот здесь-то, в глуши, и нужны люди; здесь-то и можно принести действительную пользу!

Дубков. Идеалистка, идеалистка!

Лонина. Ну, а вы, что вы? Вы, верно, человек такой положительный: мечтать, увлекаться, любить горячо вы не можете?

Дубков. Не совсем так: когда-то и я был — о, о! — горячая голова: верил слепо, любил беззаветно, отдавался весь!.. А теперь-с, — да, уgomонился несколько, стал тише и подчас больше слушаюсь голоса рассудка, чем отдаюсь горячим мечтам.

Лонина. Нет, не желаю я сделаться какой-то другой когда-нибудь и потерять веру! Не хочу и мириться с этой вашей обыденщиной противной! *(Встает.)*

Дубков *(встает)*. Желаю, желаю всего лучшего! *(Протягивая руку.)* А пока до свиданья! Если позволите, я буду вас иногда навещать...

Лонина. Я буду рада! Поговорим, поспорим...

Дубков. Надеюсь даже, что когда-нибудь и вы у меня в деревне побываете; я живу не один, а с сестрой; оба мы с ней холостяки и бобыли!

Лонина. Хорошо, когда-нибудь.

Дубков. А еще вот что: если так случится, что вам станет очень тяжело здесь, то, пожалуйста, скажите мне, без гордыни, откровенно! *(Слышен шум школьников.)*

Лонина. Нет, нет; этого не случится! Если бы вы знали, как я

люблю их (*указывая налево*). Слышите, они уже собрались и шумят, мои друзья! С ними всегда мне будет хорошо и легко!..

Д у б к о в (*уходя*). Прощайте, хорошая идеалистка!

Л о н и н а. Прощайте, положительный человек!

Л о н и н а (*одна; ходит, вздрагивает и кугается в платок*). А как в самом деле холодно здесь!.. Хо-о-о!.. (*Пробует печку*.) Как лед! Отчего они не топят?.. (*За сценой слышно завыванье ветра*.) А ветер как воет! (*Поднимает руку*.) И здесь он так и ходит: гденибудь здесь худо... (*Смеется*.) Даже смешно: я как в лагере военные! Холодно и смешно! (*Слышен шум и голоса школьников*.) Собрались, шумят, какие звонкие голоса!.. Они ждут меня, я должна сказать им первое слово!.. Голова горит, сердце бьется, робость и радость! (*Простирая руки вверх*.) Господи, помоги мне! Иду!.. (*Идет; в дверях*.) Здравствуйте, мои друзья! (*Уходит; голоса разом затихают*.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Акимыч с вязанкой хворосту и несколькими лучинками в руках.

А к и м ы ч (*бросает вязанку около печки; один*). Идолы, право, идолы!.. Дров не добьешься! (*Кладет хворост в печку*.) Хворостинной топи, да еще сырье!.. Как же, натопишь ею! А щелей так и счету нет: ветер словно в поле! Э-эх, житье!.. (*Засовывая большую хворостину*.) Ну, полезай, что ль! Ишь тебя расперло!.. (*Зажигает лучину и подтапливает*.) На, вон, не берется, не горит, чад один! (*Плюнувши, встает*.) Не буду топить, ну ее!.. Замерзать, так замерзать! Пусть как знает тепереча сама учительница! (*Отворив дверь в класс*.) Ваше благородие, а ваше благородие!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Акимыч и Локина.

Л о н и н а (*со смехом*). Это вы меня зовете?

А к и м ы ч. Так точно.

Л о н и н а. Да какое ж я «благородие»?

А к и м ы ч. А как же вас звать? Известно,— барышня вы там, аль что, а только мы должны сказать: ваше благородие!

Л о н и н а. Ха-ха-ха... я не «благородие» и не барышня, а просто зовут меня Верой Николаевной.

А к и м ы ч. Этого мы не можем знать, хучь и барышня, а на офицерском положении, и выходит значит: «ваше благородие!..» Мы должны...

Л о н и н а. Ну, хорошо, хорошо, буду «ваше благородие», положим, так! Что вы меня звали?

А к и м ы ч. А вот, ваше благородие, насчет, то есть, топки!

Л о н и н а. Ах, топите, пожалуйста, я замерзаю!

А к и м ы ч. Чем же приказание будет топить, то есть теперьча?

Л о н и н а. Дровами, конечно! Что вы!

А к и м ы ч. Гм! знаем это; что дровами, а коли их нет, какой тогда приказ будет?

Л о н и н а. Ах, ну взять, привезти, как там... откуда, я не знаю!

А к и м ы ч. И мы не можем знать, на то есть начальство!

Л о н и н а. Какое начальство?

А к и м ы ч. Обчество, значит, староста есть тоже, а то старшина, а то члены разные!

Л о н и н а. Ну, вот им и скажите, возьмите...

А к и м ы ч. Не наше это дело, ваше благородие, а начальство должно...

Л о н и н а. Какое еще начальство?

А к и м ы ч. А на это, смеем так доложить вашему благородию, что это должны, значит, вы сказать им и распоряжение сделать...

Л о н и н а. Ах, скажите вы сами, ну, от меня скажите... распорядитесь там, только, ради бога, топите скорей,— холод страшный! *(Слышен шум школьников; убегая.)* Мне некогда!

А к и м ы ч. *(Один; со вздохом)*. Эх, ваше благородие, мелко, видно, вы еще плаваете, на свете мало пожили и народа еще тутошнего не знаете! Ишь ты, прытко как: скажи, распорядись! Нет, еще не так померзнешь!.. Эхе-хе! А пойду, завернусь в свой кожух, да и буду целый день лежать!.. *(Идет, махнувши рукой.)* Как знают. *(В дверях сталкивается с Буровиным.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А к и м ы ч и Б у р о в и н.

Буровин в синем кафтане, слегка выпивши.

Б у р о в и н. Что выпучил глаз, аль не видишь, кто?

А к и м ы ч *(грубо)*. Знаем, видали.

Б у р о в и н *(передразнивая)*. «Знаем, видали!» Дурак!.. Других слов-то нет у тебя? Как должен начальство встречать?

А к и м ы ч. У нас было начальство, а теперьчи мы в отставке, из-за хлеба проживаем!

Б у р о в и н. Осина! Мало тебя учили там!

А к и м ы ч. Ничего, слава богу, ученья довольно, других бы еще поучили теперьча!

Б у р о в и н. Ах ты, инвалидная крыса!

А к и м ы ч. Еще в инвалиде-то никогда не состояли, а по антиле-рии*, не бойсь,— вот что!..

Б у р о в и н. Пушку тобой затыкали там!

А к и м ы ч. Ну, да «затыкали»! *(Идет к двери.)* Знаешь ты много, что из лаптей-то только в сапоги влез!

Б у р о в и н. Стой, погоди!

А к и м ы ч *(останавливаясь)*. Что стоять-то, ругательство слушать!..

Б у р о в и н. Пошел — позови учительшу новую... Где она? Должен я ее видеть...

А к и м ы ч. Это зачем еще?

Б у р о в и н. Не твоего это разума дело, зачем... Позвать!..

А к и м ы ч (*уходя налево*). Левизор тоже явился!..

Б у р о в и н (*один*). Ах, ты гниль!.. (*Садится, пыхтит и икает, поглаживая бороду и оглядывая все кругом.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Буровин и Лонина.

Л о н и н а. Что вам угодно?

Б у р о в и н. Не знаете, кто я?

Л о н и н а. Не знаю.

Б у р о в и н (*встает*). Волостной старшина, значит, начальник всей волости буду!.. То есть оно хотя мы в настоящее время и в увольнении находимся, но, однако, сила и власть при нас состоит и всегда мы — первые люди в волости!..

Л о н и н а. Вам что же от меня нужно?

Б у р о в и н (*садится*). А желательно нам экзамен этот вам сделать!

Л о н и н а (*удивленно*). Какой экзамен?..

Б у р о в и н. А вот будет по пунктам произведено.

Л о н и н а. Пункты! Какие пункты?

Б у р о в и н. Спервоначала, из каких вы будете?

Л о н и н а. Как из каких?

Б у р о в и н. Ну, то есть из духовных или разночинцев происходите?

Л о н и н а. Я дочь отставного офицера морской службы.

Б у р о в и н. Ага, стало быть, из военных, что по морю!.. Так. Ну во-вторых: какой веры?

Л о н и н а. Гм! такой же, как и вы, как и все.

Б у р о в и н. Тверды ли в уповании?

Л о н и н а. Гм!.. Как это?

Б у р о в и н. Есть ли, то есть надежда, что все мы помереть должны?

Л о н и н а. Ха-ха-ха! Конечно: я знаю, что умрем все когда-нибудь.

Б у р о в и н. Смеяться тут нечего, не шутка это!.. И не «когда-нибудь», а должны памятовать ежечасно это! Теперь в-третьих будет: заблуждений нет ли каких?

Л о н и н а. Какие заблуждения? Я вас не понимаю.

Б у р о в и н. Неуважение к начальству там, али фордыбачить как-нибудь!..

Л о н и н а. Ничего я не знаю; знаю я только, что вот дана мне школа, я должна трудиться и приносить пользу!..

Б у р о в и н. А как будете учить, то есть внушение это, к примеру, делать?

Л о н и н а. По звуковому методу!

Б у р о в и н. Какой там... метод... А с голоса зачинать прямо?

Л о н и н а (с улыбкой). Так и будет.

Б у р о в и н. Нет, не так, а вот я поучу как: прямо петь хором, сперва духовное, а там и песни разные, а дальше уж разборка азам пойдет по разрядам!..

Л о н и н а. Ха-ха-ха!.. Простите, но я удержаться не могу, вы так смешно говорите!..

Б у р о в и н. А-а-а... смешно!.. Вот оно что!.. Вот как вы перед начальством-то отвечаете!.. (Встает.) Как же это вы смеете так?

Л о н и н а. Ха-ха-ха!.. Извините, на вас просто мертвый расхо-
чется!..

Б у р о в и н. Ловко! Вот так ответ! Гм... видим мы теперь, что вы за птица! Н-да! Нет, мы вас живо выведем на чистую воду, нас, брат, не проведешь, сразу можем видеть человека и постигать, потому произительность имеем! Н-да!.. А ты бы вот как по-настоящему встречу сделала: ответ должна давать с почтением, а не «хи-хи», акромья того, коли к тебе такие люди зашли, окажи всякое уважение, на стол что-нибудь поставь, чтоб не пустой он был!

Л о н и н а. Это еще что на стол?

Б у р о в и н. Не знаешь? В графине что ставят? И закуску при этом! Если б ты путная-то была! Нам угощенья твоего не нужно, а, значит, честь отдай!

Л о н и н а. Ха-ха-ха!.. Ну, этого у меня не будет!

Б у р о в и н. Не будет! Так и мы с тобой будем!

Л о н и н а. Послушайте, а вот нет ли у вас дров? Не можете ли вы распорядиться, чтобы было чем топить школу, я замерзаю и дети зябнут.

Б у р о в и н. Дров? Это не наша часть: мы свыше наблюдаем и смотрим за всем, и судим! А дрова... на то есть сельское общество!

Л о н и н а. Так прощайте! Я занята, у меня класс! (Идет.)

Б у р о в и н (за ней). Глянем и мы, да поучим вас!

Л о н и н а (останавливаясь). Нет, я вас в класс хозяйничать не пушу!

Б у р о в и н (подпирая бока). Как? Меня? Начальство? Почему и отчего? Какая причина?

Л о н и н а. Вы не педагог!

Б у р о в и н. Ого, какое слово! Слово довольно подозрительное! И ежели это слово, я так думаю, под суд отдать,— о-о-о! — тут твоего и запаха не останется. А знаешь куда? Туда, в даль...

Л о н и н а (уходя). Ну, уходите, вы мне надоели!

Б у р о в и н (один). Нет, не уйду, брат, а дознаюсь, доподлинно дознаюсь, какое-такое поучение от тебя будет! (Идет вслед; отворяя двери.) Ребята! Знаете, кто я? (Уходит; раздается гвалт школьников.)

Л о н и н а (пробегая через сцену). Сторож, сторож!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Акимыч появляется в дверях.

Лонина. Слушайте, уведите его, пожалуйста! Безобразничает там!

Акимыч. Да как его уведешь?

Лонина. Возьмите просто под руки!

Акимыч. Ишь, буйвол какой! С ним не сладишь! *(Выходя.)*
Постой, я его по-военному!

Лонина *(одна)*. Что ж это такое? Это ужасно, здесь убьют!

Акимыч тащит под руку Буровина.

Буровин *(упираясь)*. Как? Меня? Начальство? Заговор! Мятеж!

Акимыч *(подталкивая)*. Ступай, ступай! Сидел бы уж там, в своем месте, под вывеской, а то лезет! *(Выталкивает за дверь.)*

Буровин *(за дверями)*. Караул, караул! Грабят!

Акимыч. Ори там, разевай глотку!

Лонина. Зачем вы его пустили?

Акимыч. Кто его пускал! Сам ворвался!

Лонина *(закутываясь)*. Ах, как холодно!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лонина, Акимыч и Шалеев.

Шалеев одет франтом, в теплом пальто; он беспрестанно шаркает и крутит усы.

Шалеев *(влетая)*. Pardonnez, pardonnez, mademoiselle! Я, как медведь, вломился!.. *(Снимает пальто; к Акимычу.)* Возьмите... *(Акимыч берет и уносит.)* Имею честь кланяться!.. Земский член училищного совета, Шалеев!.. Мне вверено охранять, заботиться о вас!.. Прошу быть знакомой, и без церемоний!..

Лонина. Я очень рада.

Шалеев. Ах, вас, кажется, сейчас обеспокоил этот... негодяй, этот пьяница?.. Как он смел войти сюда?

Лонина. Да, он начал шуметь здесь.

Шалеев. Ах, pardonnez, я приму меры, приму меры, я его арестую, и впредь чтобы его нога здесь не была!.. Pardonnez!.. Моя усадьба ведь всего в полверсте отсюда, пройти лишь рощу,— мы будем запросто, надеюсь: я, моя жена, наш дом — все к вашим услугам!.. У нас есть рояль, книги, бывают соседи, я прошу вас войти в наш кружок!..

Лонина *(садится)*. Благодарю вас! Садитесь.

Шалеев. Mercі, mercі! *(Садится, оглядываясь кругом.)* Фи, как здесь мрачно!

Лонина. А, главное, смертельно холодно, и дров нет, топить нечем, а ветер так и ходит; дом, вероятно, худ!

Шалеев. Ах, pardonnez, pardonnez, все это мы сделаем, все

устроим!.. Я приму меры!.. Это невообразимо; вы... вы mademoiselle — и посреди такой обстановки! Бог мой! До сих пор здесь был учителем какой-то индивид: немыт, нечесан, чем-то скверно пахнет от него, я его избегал, признаюсь, боялся... Мрачность страшная!.. Но вы... вы... я готов все сделать, я буду писать, буду хлопотать,— наше земство так сочувствует! И я-с, имею честь заявить, я — прогрессист в душе, я так принимаю близко к сердцу дело народного просвещения, это одна из дорогих мне идей нашего времени! Приказы-вайте, требуйте,— я весь к вашим услугам.

Л о н и н а. Вот дров бы скорей. *(Встает.)*

Ш а л а е в *(вскакивая)*. Ах, дрова, дрова!.. Pardonnez!.. Дрова сегодня же будут, я немедля сделаю распоряжение!..

Л о н и н а. Не хотите ли взглянуть на класс?

Ш а л а е в. Ах, если позволите, очень, очень приятно!

Лонина идет.

Ш а л а е в *(следуя за ней)*. Вхожу с благоговением в вашу аудиторию... *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лизавета Павловна, Акимычи потом Шалеев.

Лизавета Павловна — некрасивая дама, с злым выражением лица, одета пестро и безвкусно; прическа какая-то странная, волосы всклокочены; постоянно жестикулирует.

Л и з а в е т а П а в л о в н а *(влетая)*. Где мой муж?.. Он здесь?

А к и м ы ч *(входя за ней)*. Оны издесь... *(Указывая.)* Там, у кла-
си.

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Зачем он явился сюда?

А к и м ы ч. Не можем знать.

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Позови его скорей.

Акимычи уходит

Л и з а в е т а П а в л о в н а *(одна)*. Что-то новое, любовь к просвещению!.. До сих пор он и не заглядывал сюда!

Ш а л а е в *(несколько смущенный)*. Что тебе угодно, душка? Ах, какая дурная погода, а ты выходишь из дому: можно простудиться!..

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Зачем это вы явились сюда? Интересно!..

Ш а л а е в. Помилуй, как же, я... член, член училищного совета, я должен наблюдать, заботиться!.. На мне лежит важная обязанность — школа, просвещение!..

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Первый раз слышу, что вы какой-то там член!..

Ш а л а е в. Я недавно выбран, милка! Это так важно — народное просвещение!..

Лизавета Павловна. А сколько жалованья вы будете за это получать?

Шалеев. Жалованье? Жалованья никакого; это почетная, почетная должность; служить делу просвещения — такое высокое назначение!..

Лизавета Павловна. Хороша должность — без жалованья!.. Уж верно вы на хорошем счету: хуже ничего для вас не нашли; это просто на смех вас назначили каким-то там членом!

Шалеев. Ах, душка, помилуй!

Лизавета Павловна. Или вы просто врете, — я узнаю-с, я все узнаю, я нарочно съезжу к предводителю!*

Шалеев. Милка, что ты!..

Лизавета Павловна. Да-с, да! И откуда взялось у вас это просвещение? До сих пор лошади, собаки — вот было ваше дело, а теперь вдруг просвещение это... Какой просветитель!

Шалеев. Нет, душка, я всегда, всегда сочувствовал, но ты пойми...

Лизавета Павловна. Я знаю только, что вы и носа сюда никогда не показывали!

Шалеев. Пойми, здесь был такой учитель, так было не представительно, а теперь... теперь новая учительница, она очень образованная!

Лизавета Павловна (*идет к двери*). Позвольте-ка взглянуть, что это такое новое! (*Заглядывает в дверь; Шалеев ходит в смущении.*)

Лизавета Павловна (*отходя*). Ах, теперь поняла, очень хорошо поняла, почему вы вдруг заговорили о просвещении и явились сюда!

Шалеев. Нет, милка!

Лизавета Павловна. Да, она очень представительна!

Шалеев. Душка, ты думаешь что-то другое!

Лизавета Павловна. Я думаю то, что есть на деле, что я вижу! Как же, вы сейчас готовы увлечься: какая-нибудь девчонка, с румянцем, с талией, одним словом — восемнадцать лет, и вы готовы на все, вы приходите в безумие! Уж растаял, — вижу!

Шалеев. Совсем не то, душка, здесь просвещение, а ты...

Лизавета Павловна. Знайте, что вам не позволят увлекаться этим вашим просвещением; вы должны помнить, что вы муж и отец! Слышите!

Шалеев. Милка, но ведь невозможно, согласись: я избран, я должен, я обязан перед земством! И такое высокое назначение!

Лизавета Павловна. Я ничего не хочу знать!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Лони́на.

Лони́на молча кланяется; Лизавета Павловна едва отвечает; Шалеев ходит.

Лизавета Павловна. Вы назначены сюда учительницей? Лони́на. Да.

Лизавета Павловна. Где вы сами-то учились?

Лони́на. В Москве была на педагогических курсах.

Лизавета Павловна. Удивляюсь! Кто это там назначает таких учителями!.. Я думаю, у вас в голове-то еще романы, а вовсе не занятие с мальчишками.

Лони́на. Вы ошибаетесь.

Шалеев. Душка!.. Что ты, помилуй!.. Мы так довольны, так ждали!..

Лизавета Павловна. Молчите! С вами не говорят... Я знаю, знаю, что вы-то ждали таких и очень довольны!

Шалеев. Я... я, милка... ты...

Лизавета Павловна (*не слушая его, к Лониной*). Лучше бы вы сделали, если бы вместо вашего просвещения женишка искали себе; вы такая интересная: вы можете быть бесприданницей.

Лони́на (*с улыбкой*). Благодарю вас за совет.

Шалеев. Душка, душка!

Лизавета Павловна. А еще посоветую вам поменьше слушать (*указывает на мужа*) этого господина: он вам распишет... язык без костей; но ему вовсе не до вас и не до вашего просвещения: он должен помнить, что он — муж и отец. Пойдемте-с!

Шалеев. Но мне нужно, душка...

Лизавета Павловна. Ничего вам не нужно. Ваше место не здесь. Идите, говорю вам. (*К Лониной.*) Прощайте-с! (*Уходит.*)

Шалеев (*расшаркиваясь*). Pardonnez, pardonnez, mademoiselle... Моя жена — нервная очень женщина, она такая раздражительная... она, знаете, бывает странна. Но мы скоро увидимся... я все устрою, я распоряджусь...

Лизавета Павловна (*за дверь*). Иван Антоныч, я вас жду-с!

Шалеев (*жмет руку Лониной*). Au revoir, au revoir, mademoiselle. Мы скоро увидимся. (*Уходит.*)

Лони́на (*одна смеется*). Вот чета! Что за странные люди! Она, кажется, его ревнует.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лони́на и Акимыч.

Акимыч держит в одной руке большой белый чайник и чашку, в другой — медный чайник.

Акимыч (*ставя все на стол*). Приказывали, ваше благородие, насчет чаю; самовара у нас не заводилось, а в чайник вот достал кипятку у соседа.

Л о н и н а. Благодарю вас, голубчик! (*Развязывает узел, вынимает и всыпает чай.*) Напьемся мы с вами чаю, авось согреемся; вы хотите чаю?

А к и м ы ч. Нет-с, не потребляем, ваше благородие, отродясь.

Л о н и н а. Может быть, вам на что-нибудь деньги нужны? Я дам, немощко-то у меня есть. (*Вынимает кошелек.*)

А к и м ы ч. Благодарим покорно, ваше благородие!

Л о н и н а (*даёт несколько мелочи*). Возьмите, пожалуйста, это вам для моего приезда.

А к и м ы ч (*берет*). Много лет здравствовать, ваше благородие!

Л о н и н а. Благодарю вас. Ах, какая досада! Эти разные посетители не дали мне хорошенько познакомиться с учениками; отпустила я их так. (*Садится и пьет чай.*) А славные есть детки.

А к и м ы ч. Больно озорны, ваше благородие, прут нужен. Прикажете, я заготовлю.

Л о н и н а (*смеется*). Нет, уж мы обойдемся без этого. Они, должно быть, без дела вас тревожили здесь?

А к и м ы ч. Да хуже, ваше благородие, всякой туретчины, вот чистые тебе оголтелые. Нет, без прута никак невозможно.

Л о н и н а. Вот возмутся за дело — посмотрите, какие станут. А с вами мы будем жить в ладу, будем друзьями. Вот холодно-то у нас очень, голубчик!

А к и м ы ч. Да второй день, мол, не топлено, ваше благородие. Хворостина не горит. А коли что, сегодня уж так посидим, а на завтра я за забор возьмусь; пусть тогда судят, — не замерзать стать!

Л о н и н а. Ха-ха-ха! Берите там, что попадется, и топите, авось тогда скорей дров нам дадут.

А к и м ы ч. Да вот пойду тотчас, попробую тронуть забор.

Л о н и н а. Отлично.

А к и м ы ч (*уходя*). Истуканы! Вот народ-то, совсем Азия! Дров не допросишься!

Л о н и н а (*одна, встает; за сценой ветер*). Первый раз в жизни я так — одна. Жутко. (*Ходит, смотрит в окно.*) Какая тьма! Тучи, буря, ничего живого не видно... А в Москве светло теперь, фонари везде, люди ходят, ездят... И у нас дома тепло, светло в нашей маленькой комнатке, уютно так... Мать, верно, гадает сидит, что ее Верочка теперь? Оля, сестра, около нее сидит за уроком; Акулина чулок вяжет и дремлет, — смешная! Милые мои, как я люблю вас и как хорошо у вас! А я одна, одна... и холодно мне, и скучно мне... (*Слезы; быстро огирает.*) Ну, вот и дрянь, барышня, кислятина! Нюни распустила! Слышите — чтоб этого не было! (*Берет из узла несколько книг, бумагу и карандаш.*) Забуду все, стану думать о завтрашнем уроке. (*Садится к столу.*) Составлю план. (*Задумывается.*) Какой рассказ им взять лучше?

За сценой под окном слышны звуки гитары и мужской голос напевает: «Под вечер осенью ненастной в пустынных дева шла местах и тайный плод любви несчастной держала в трепетных руках».

Л о н и н а (*прислушивается и встает*). Что за серенада? Кто это?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лонина и Тесов.

Он в пестром потертом пиджаке и в цветном галстуке, с гитарой в руках.

Тесов (*приотворяя дверь*). Дозвольте войти-с... на минутку!

Лонина. Входите!

Тесов (*шаркая*). Извините-с, может быть, беспокойство сделал-с.

Лонина. Да что вам нужно и кто вы?

Тесов. А я-с... мы... я письмоводитель здешней волости... и единственно только потому, чтобы засвидетельствовать вам свое наиглубочайшее-с. Будьте знакомы-с, барышня... Мы тоже из ученых-с и здесь погибаем во мраке...

Лонина (*садится*). Вы слишком поздно пришли: я устала.

Тесов. Нет-с, будьте покойны. Я даже утром намерение имел-с, но занятие, знаете. И только вот теперь-с мог, в прохладе вечерней, на свободе-с. (*Садится*.) Вы, верно, барышня, скучаете-с?

Лонина. Нисколько.

Тесов. Это не может быть-с. При вашей образованности — и в такой стране: цивилизации здесь никакой-с, одни звери вокруг, даже никакой имансипации не знают. Вы, сделайте одолжение, не стесняйтесь-с, поговорите с нами-с. Мы можем об чем угодно даже продолжать, потому понятие у нас есть-с. И можем всякое развлечение доставить.

Лонина. Говорю вам, что я устала и ничего не хочу теперь, кроме отдыха.

Тесов. Ах, в таком случае, извините-с! (*Встает*.) Дозвольте ваши книжечки посмотреть?

Лонина (*зевает*). Смотрите

Тесов (*рассматривает*). «Арифметика» — во-первых! «Грамматика» — во-вторых! «Руководство для ведения сельской школы» — в-третьих!.. Скучные все книги-с!.. Нет, вот у меня есть, так уж можно сказать, наслаждение: «Черная женщина», а то — «Алексис, или домик в лесу», а то-с — «Молодой дикой, или пагубное стремление первых страстей!» Такие книги — как взялся, целую ночь не оторвешься!.. Не угодно ли будет вам почитать-с, я принесу? (*Садится*.)

Лонина. Не трудитесь; я терпеть не могу таких глупых книг!

Тесов. Ах, как вы это жестоко-с! Следственно, вы даже уничтожаете всякие любовные чувства и не верите в пламя сердец!..

Лонина. Не верю.

Тесов. Первый раз слышу-с!.. Не могу верить, чтобы при такой красоте и молодости...

Лонина. Остановитесь! Остановитесь!..

Тесов. Ха-ха-ха... Как вы очень сердиты-с! Не прикажете ли спеть что-нибудь, я много романсов самых чувствительных знаю!

Лонина. Пойте, если хотите...

Тесов (*наигрывает и поет*): «Черный цвет, мрачный цвет, ты мне мил будешь век!»

Лонина. Довольно, довольно!..

Тесов. Вам это не нравится... я другой-с... я много знаю!..

Лонина (*встает*). Нет, пожалуйста, уходите, я хочу спать!..

Тесов (*вскакивая*). Очень это даже для нас странно, так рано изволите почивать!..

Лонина. Вы мне страшно надоели!.. Уходите!..

Тесов. Первый раз встречаю таких сердитых барышень!.. Адье-с! Позвольте в другой раз зайти!

Лонина. Только без гитары и днем, а еще лучше, если никогда не придете!..

Тесов. Ха-ха-ха... Нет-с, это как можно!.. Вы только извольте нас хорошенько разучить: мы даже очень, очень можем развлечение доставить!.. Прощайте-с!..

Лонина. Прощайте.

Он уходит, напевая и наигрывая.

Лонина (*одна*). Боже!.. Как я устала... Ничего не сделала, а устала... И страх какой-то за будущее!.. (*Ложится на голую кровать; ветер за сценой отчаянно завывает.*) А ветер-то, а буря-то надрывается: плачет, стонет, рвется!.. Словно хоронит кого!.. Не меня ли?

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Лонина и Акимыч.

У него в одной руке зажженная сальная свеча; в другой — старая солдатская шинель.

Акимыч (*входя*). Забор пощупал: топка у нас на завтра будет знатная!.. (*Ставит свечу на стол и подходит с шинелью к Лониной.*) Вот, ваше благородие, прикройтесь-ка, оно будет лучше!..

Лонина. Какой вы добрый!.. Что это?.. Шинель?..

Акимыч. Служилая-с, из амуниции!.. Она толста, а ничего, согреет; жару в ней много, потому жару много видела, в двух местах пулей укушена!.. Прикройтесь!..

Лонина. Пожалуй, давайте!.. (*Прикрывается.*) Ха-ха-ха... Я — под солдатской шинелью!..

Акимыч. Она... ничего, верно служит!..

Лонина. Еще бы!.. Отлично, очень тепло!..

Акимыч. Горячая-с, на морозе не остынет!.. Желаем вашему благородию покойной ночи, приятных снов!..

Лонина. Благодарю вас!.. Добрый вы.. вы добрый и лучше всех здесь!..

Акимыч. Счастливо оставаться, ваше благородие!.. (*Идет.*)

Лонина. Спите и вы с богом!.. А замерзнем, тогда схоронят!..

Акимыч (*уходя*). Ничего-с, на казенный счет!

Лонина. Ха-ха-ха... Да, да! (*Одна, помолчав.*) Нет, страшен только первый шаг, а там будет легко! (*За сценой гитара и пение.*)

А писарь не унимается! Попробую задремать под эти звуки! Прощайте, мои милые московские друзья! Что-то увидит во сне ваша Верочка под солдатской шинелью?

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1-го действия

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лонина и потом Акимыч.

Лонина (*лицо у нее грустное и болезненное; она — в одном платье, ходит*). Батюшки, как натопил! Я задыхаюсь, я места не нахожу! И, кажется, угар: сердце бьется (*прикладывая руку к голове*), в виски стучит! (*Пробует печку.*) Дотронуться нельзя — огонь! Удружил!

Акимыч (*входя*). Что, ваше благородие, тепленько?

Лонина. Да уж так тепло, что и жить нельзя! То от холода погибала, а теперь от жару не знаю куда деваться!

Акимыч. Оно ничего, ваше благородие: «пар костей не ломит!» Да и выдует живо, — хоромы-то наши, что решето!

Лонина. И угарно: у меня так голова разболелась, что я не могла заниматься и распустила на сегодня учеников... Нет, вы, пожалуйста, откройте трубу.

Акимыч. Слушаю-с! Трубу можно открыть: а знатно натопил; целых десятков досок из забора спалил!

Лонина. А дров у нас еще нет?

Акимыч. Никак нет, не привезено еще, ваше благородие. А забора я уж порядком разобрал; я все из середины, чтоб не больно в глаза лезло; а теперь поглядываю к соседу: нет ли чего подходящего там.

Лонина. Целый месяц я уже здесь, целый месяц прошу, и все нет дров!

Акимыч. От того от самого, ваше благородие, что члены, много членов разных, всякого начальства, и идет это у них разное на бумаге промеж себя, пока там до настоящего положения дойдет, а ты тут вот сиди да шелкай зубами! Ну, а народ здесь — азиат, чистый черкес! Э! Вот и запомнил, ваше благородие: цыдулка к вам есть, давеча мальчишка принес... (*Вынимает из кармана записочку и подает.*)

Лонина. От кого это!

Акимыч. Не можем знать! Там, говорит, они узнают, от кого. (*Уходя.*) А трубу можно открыть...

Лонина (*одна, читает*). «Увидя вас, очаровательная, сердце мое вспыхнуло, и я вяну, как цветок, сломанный бурей!.. Не будьте так жестоки, как вы были: в противном случае я умереть должен

от вашей холодности во младости лет моих и во цвете сил! Богиня моя! Миллион двести пятьдесят пять тысяч раз припадаю к ножке вашей милой и целую следы ее даже в скверной грязи!.. По гроб жизни страдалец неизменный и вам небезызвестный!.. Лети, лети, зефир, носи мой стон!» *(Рвет и бросает.)* Что за галиматья!.. Кто это? Да, должно быть, этот писарь!.. Фу, какая жара!.. Голова все больше разбалывается!.. А как я мало сделала за этот месяц с моими учениками,— я ужасаюсь!.. То замерзаешь, то угар; едва ноги таскаю!.. Изнемогаю я, изнемогаю и духом, и телом!.. Боже, подкрепи меня, подкрепи бедную, бессильную Верочку!.. Ах, как голова болит! *(Накидывает на голову платок и надевает пальто.)* Пойду на воздух... лучше будет... *(Уходя налево.)* Здесь умереть можно...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Буровин и Тесов.

У Буровина из карманов торчат бутылки; Тесов одет особенно щеголевато, весь — пестрота; в движениях какая-то решимость, в руке узелок из красного платка.

Буровин. Инвалидная крыса провалилась и самой учительницы нет — пустой дом!

Тесов *(заглянув в дверь налево)*. И здесь — никого!.. Должно, отлучились куда. *(Кладет узелок на стол и уходит.)*

Буровин *(опускаясь с трудом на стул)*. Можно присесть да обождать... будем покаместь за хозяев и за гостей. *(Пыхтит и икает.)* Ох, грехи наши!.. Тяжело что-то!.. Аль я уж больно переложил позавчерась на крестинах у Карпухи... Ох!.. Так душу и тянет вон, а в голове ровно кузня! *(Тесов молча садится, крепко ударяет кулаком по столу и опускает голову на руки.)*

Буровин. Что голову-то повесил, а?

Тесов *(подняв голову)*. Будет ли так, Степан Иванович?.. Жисти своей не пощажу!

Страдать иль умереть,
Иль счастьем наслаждаться!

Один конец! *(Опять ударяет кулаком.)*

Буровин. Девица она из себя... ничего... телосложения надежного... и с румянцем!..

Тесов. Красоты неописанной, Степан Иваныч,— ну, равнодушность чувств при этом жестокая!

Буровин. Хм... вляпался ты в нее!..

Тесов. Так я врезался, так врезался,— свет мне божий не мил!.. И с первого взгляда на нее случилось со мной!.. Меланхолия, Степан Иваныч! *(Снова удар по столу.)* Сегодня уж амурное послание ей написал...

Буровин. Ты часто захаживал-то к ней?

Тесов. Редкий день был без этого, да что толку-то; то в классе учит, то сидит запершись, книжку читает, стукнешь: «занята, не могу

принять!» И пойдешь оплеванный... Вечеру уж сорвешь горе: пошел ныть взад-вперед под окнами с гитарой, а в карман бутылку рябиновой, да и то уж не берет!.. Так до полночи каждый раз, а собаки на деревне надрываются: тут брехт, тут лай!.. Эх!

Отгадай, моя родная,
Что случилось со мной!

Б у р о в и н. Дело поправим, не робей, Пантелей!.. А я, признаться, с того самого раза, как приехала, и не был здесь: толкнулся как-то на заговенье, да поздно — заперлись: хотел было глянуть, что тут делается... Антиресно главное мне было дознаться, какой она веры и какое-такое внушение от нее есть!.. Подозрительна она мне вот!

Т е с о в. Пропадай, моя голова, а не жить мне без нее!.. В океан-море кинусь!..

Б у р о в и н. Ничего! Говорю, не робей! Постой — погоди, мы ее возьмем, расшевелим! Будет она наша, — ну, вот будет!.. Уж сосватаю!..

Т е с о в (*хватая Буровина за руку*). Степан Иваныч, вторым отцом будешь мне! (*Объятие.*)

Б у р о в и н. Говорю, сосватаю! Ах, какой!.. Не будь я Степан Буровин, коли вывернется из наших рук! А только, чтоб уж свадьбу на отличку!

Т е с о в. Разговаривать там еще!.. В одном красном тебя выкупаю... без подмеси!..

Б у р о в и н. Чтоб двадцать троек с бубенчиками, с колокольчиками!.. Эх, вы, фююю!.. Растворяй шире ворота, свадьба едет, Буровин сватом!..

Т е с о в (*ударя Буровина по плечу*). Тридцать будет! Хо!.. С градом!.. Тесов венчается!..

Б у р о в и н. Музыку из города, чтоб барабанов побольше, труб!..

Т е с о в. Невидаль!.. Одни тромбоны будут!.. Гуди!..

Б у р о в и н. А после того кататься по деревне!..

Т е с о в. До города домчим, а там бал с приказными сделаем!

Б у р о в и н. Что ж, теперь давай запой начинать... (*Вынимает одну бутылку.*) Запас есть у нас... романея!.. (*Вынимает другую и ставит на стол.*) А ей вот медку... не бойсь нашего не кушает!.. (*Откупоривает свою бутылку и прикладывает прямо ко рту.*) Ну-ка, не прокис ли... а душа меру знает!..

Т е с о в. Ах, Степан Иваныч, оживил ты меня!

Б у р о в и н (*принимая бутылку*). Уф! Кажется, ничего! (*Обтирает губы и подает Тесову.*) Валяй-ка?

Т е с о в (*пьет и закашливается*). Нет... дух захватило... крепко!..

Б у р о в и н. То и хорошо, геройства больше явится!.. Дай-ка еще, не раскушал я!.. (*Выпивши еще.*) Важно!.. (*Закупоривает и прячет в карман.*) Теперь наше дело в шляпе!

Т е с о в (*обнимает Буровина*). Душа, Степан Иваныч, то есть по гроб жизни моей первый тебе почет от меня и первое место, коли если обстряпаешь эту самую историю!.. Осчастливишь ты меня!..

Б у р о в и н. У меня сказано,— все одно, что сделано! Не таков есть человек на свете Буровин, другого не найдешь подобного! Помнишь, как в волости повертывал: не могли пикнуть мне. Нда!.. А что меня скопали мошенники, это для меня ничего не значит, плюю я: был первым человеком и остался первым!.. Кто богаче меня? Кто сильней?.. Ну, говори!

Т е с о в. Никого нет, Степан Иванович!..

Б у р о в и н. Вот то-то и есть! Кто пьет-ест слаще меня, живет веселей?

Т е с о в. Да, один ты у нас беспечальный!.. *(Встает.)* Озолочу я тебя, Степан Иванович, коли ежели так совершится и мечты мои сбудутся!..

Б у р о в и н. Действуй прямо с натиска, а я поддержу!.. я поддержу!.. я вот как поддержу, что чувства сразу лишится она, и бери ее тогда, прямо и бери, куда хочешь, без владения!

Т е с о в *(ходит)*. Теперь я хоть в огонь и льва не испугаюсь!

Б у р о в и н. И вали напролом, прямо, героем!.. Не забудь,— двадцать троек штоб!..

Т е с о в. Тридцать!

Б у р о в и н. Музыка!

Т е с о в. Одни тромбоны... что тут!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Л о н и н а.

Она появляется слева и останавливается в дверях, пораженная.

Б у р о в и н *(встает)*. Вот и сам тот, кто нам нужен! Ну, здравствуй, барышня!

Т е с о в *(расшаркиваясь)*. Почтение-с, барышня, наше наиглубочайшее-с!.. Извините-с, что осмелились!

Л о н и н а *(не может еще прийти в себя)*. Что вам нужно?

Б у р о в и н. Что нужно, скажем! А вы принимайте нас ласковой, глядите веселей! Мы будем гости не пустые и с большим даже антересом к вам. *(Садится.)*

Т е с о в *(поднося узелок)*. Дозвольте-с сей предмет вам!

Л о н и н а *(не берет)*. Что такое?

Т е с о в. Насчет некоторых сладостей тут-с, примите-с!

Л о н и н а. Что вы выдумали! Я не возьму!

Т е с о в. Ах, что же вы так-с! Это очень даже большой конфуз для нас!.. Мы от одной нежности чувств, со всей горячностью сердца! *(Кладет узелок.)*

Б у р о в и н. Не щетинься, не щетинься! Сказываю тебе,— гости мы к тебе неспроста, и будет у нас большая до тебя причина.

Т е с о в *(вынимает пачку папирос из кармана, закуривает и подносит пачку Лониной)*. Не угодно ли-с? Турецкий султан-с!

Л о н и н а. Я не курю.

Т е с о в. В таком случае как угодно, извините-с! *(Далее он*

ходит, лихо затягиваясь папироской; изредка останавливаясь, чтобы закурить новую папироску. Лонину пожирает глазами.)

Б у р о в и н. А что касательно того, что страха я на тебя напустил тогда, помнишь, как первый раз, так нельзя мне,— начальство я,— поняла это? А теперь я буду с тобой по-другому, теперь и по головке поглажу! Я человек обходительный со всяким, ты меня только пойми, какой я!.. О-о-о, затруднительный я человек, меня не скоро раскусишь!

Л о н и н а. Зачем вы пришли?

Б у р о в и н *(встает)*. Постой, постой, речь будет впереди! Нагнал я на тебя тогда холода! ну, нагнал — уж знаю! А теперь хочу приголубить! Вот какой я! Видишь *(ударя себя по карману с бутылкой)*, это у нас тут по нашей части, от этого у тебя душа выскочит! *(Поднимая бутылку на стол.)* А тебе вот что захватил, без гротуса!..

Л о н и н а *(в голосе слезы)*. Как вы смели... Что это такое! *(Бессильно опускается на стул.)*

Б у р о в и н *(ставит бутылку и садится)*. Ах, ты какая! Она все свое! Ты говори с нами помягче, да поласковой!.. Принимай нас князьями, а мы тебе такое скажем...

Л о н и н а *(закрывая лицо руками)*. Господи! Что мне делать?

Б у р о в и н. Ты что сегодня во сне видела, а?

Л о н и н а *(вскакивая)*. Подите вон! Убирайтесь сейчас,— здесь школа, а не трактир! Слышите!

Б у р о в и н. Вона, что выдумала! Нет, ты погоди! Что ты во сне видела в сию ночь? Можешь ли ты понять, что я скажу тебе сейчас, и какое тут твоё счастье заключено...

Л о н и н а. Если вы не уйдете, я...

Б у р о в и н. Постой, погоди, матушка, не горячись! Еще глупа ты!

Л о н и н а *(кричит)*. Сторож, сторож!

Б у р о в и н *(встает)*. Ну, еще что?

Т е с о в *(хватает узелок и собирается наутек; заметно струсил)*. Нет, пойдёмте, Степан Иванович, что ж коли им неприятно!

Б у р о в и н. Аль ты трусу праздновать? Мы не токмо, мы какую хочешь канонаду выдержим! *(К Лониной)*. Ах ты, недоумок! Ничего-то еще не смыслишь, а еще ученая. Ну-ка, глянь на этого молодца: каков на твои глаза?

Тесов ободряется и щеголевато повертывается на каблучках.

Б у р о в и н. Это что? Не человек, а чистая кукла! Небойсь в столице такого еще поискать!

Л о н и н а. Что вам нужно, что вам нужно от меня, наконец?

Б у р о в и н. Что нужно? Хочу я счастье тебе предоставить и к месту настоящему тебя определить!.. Хочу участь твою решить. *(Указывая на Тесова)*. Вот тебе жених!..

Т е с о в *(бросаясь и простирая руки)*. Богиня моя!

Л о н и н а *(опускается со стоном и закрывает лицо)*. Господи, господи!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Шалеев.

Шалеев (*влетает и останавливается пораженный*). Это что здесь,— что это значит?

Лонина (*встает, задыхаясь от слез*). Не знаю, я не знаю!.. Меня... меня оскорбляют!

Шалеев (*угрожающе*). Вон, вон, негодяи!

Тесов бросается к двери; Буровин берет бутылку и делает шаг за ним.

Шалеев (*толкнув Буровина*). Пошел вон, скотина!

Буровин (*в дверях*). Полегче, барин! Видали мы и пострашней! А ты, барышня, пожалей, помяни мое слово! (*Скрывается.*)

Шалеев. Вон!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шалеев и Лонина

Шалеев. Pardonnez, pardonnez! Это ужасно, это невообразимо!..

Лонина. Не знаю, где я, что со мной!

Шалеев. Успокойтесь, успокойтесь, я приму меры, я их сегодня же засажу, и больше они здесь не будут! Я отдам их под суд!.. (*Рукопожатие.*) Ваше здоровье, mademoiselle?

Лонина. То замерзаю, то от угара не знаю куда деваться!

Шалеев. Ай, ай! Какие условия! И вы, вы посредине всего этого!.. Вы, mademoiselle, которая так молода, так прекрасна, душистый, чудный цветок в этом болоте!.. Нега, комфорт должны вас окружать, все должно быть к вашим услугам, у ваших ног!.. (*Садятся.*)

Лонина. Комфорта и неги я не желаю, а, по крайней мере, чтобы жить было можно и дело делать, а ведь это я не знаю что.

Шалеев. Pardonnez!.. Я устрою, я все устрою! Я буду писать, буду хлопотать!

Лонина. Наконец, эти пришли сегодня уж с бутылками, и писарь делает мне предложение!

Шалеев. Ах, канальи! Под суд, под суд их! Упеку непременно! Все это время я не мог быть у вас: жена была больна, а сегодня она уехала в город на несколько дней, и я теперь более свободен; она, знаете, нервная очень женщина и болезненная; она бывает странна, но не нужно обращать внимания,— она все-таки добрая женщина! И вот-с, теперь на свободе мы займемся, мы подумаем, mademoiselle, как все это устроить! Ах, мне бы хотелось, чтобы ни одна забота, ни одна тревога не касалась вас, mademoiselle! Без комплиментов, вы—прелестное создание! Нет, не здесь; в этой грязи, в этом чаде, мраке, в возне с этими дикими мальчишками,— не здесь

ваше место и назначение! Для блеска, для света вы созданы: вихрь вальса, упоение музыкой, бальный воздух, — вот что ваше! Ах, я сам здесь умираю! А как я любил вальсировать, ах, как я любил! И могу сказать, недурно у меня выходило, — когда-то-с я считался первым танцором в полку!

Л о н и н а. О вальсах я никогда не мечтала и не готовилась к ним, а дело учительницы, мне кажется, люблю искренно и для этих, как вы их называли, диких, я готова отдать мои лучшие силы!

Ш а л е е в (*встает и прохаживается*). Ах, pardonnez! Я преклоняюсь перед вашим подвигом! Высокое назначение, конечно, но... что же делать, если вы так чудно созданы, так хороши... не может быть, чтобы та... иная жизнь не манила, не звала вас иногда! Ведь это преподавание — довольно сухая материя, хотя... хотя, конечно, очень важно!... (*Вдруг взглянув в окно, испуганно.*) Моя жена... жена моя!.. Она вернулась! Как это случилось? Ах, прошу вас, она, кажется, сюда... скажите, что меня здесь нет!... Знаете, она такая нервная!.. (*Быстро уходит налево.*)

Л о н и н а (*одна*). Вот еще положение!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лонина и Лизавета Павловна.

Л и з а в е т а П а в л о в н а (*влетая*). Где мой муж? Он, вероятно, здесь... у вас?

Л о н и н а. Хм... не знаю!

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Как вы не знаете, сударыня! Очаровали, успели очаровать!.. Поздравляю! И еще прячете!

Л о н и н а. Я никого не прячу! Ха-ха-ха!

Л и з а в е т а П а в л о в н а. Стыдитесь! Молодая девушка... и так лжет! Какая безнравственность! Он здесь, — я знаю, мне сказали... я только что за ворота, а он — сюда, к вам! Он не ожидал, я нарочно вернулась, чтобы... чтобы убедиться...

Л о н и н а. В таком случае, ищите его и берите, только отстаньте, пожалуйста, от меня!..

Л и з а в е т а П а в л о в н а. И найду-с, и найду-с! Он должен помнить, что он — муж и отец!.. (*Слезы.*) Я — несчастная женщина, я должна вечно страдать! (*Бросаясь налево.*) О, я найду его... я его!.. (*Отворяет дверь.*) Так и есть: он — за шкапом... (*Уходит, слышен шум борьбы и падение чего-то из мебели.*)

Л о н и н а (*одна*). Батюшки! Они, кажется, подрались... Какие сцены! Этого еще не доставало!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Шалеев.

Ш а л е е в (*вылетая со спутанной прической*). Душка, милка, успокойся!

Лизавета Павловна. Нет-с, нет, я этого не оставлю... я донесу... я в газетах напечатаю... Скажите, пожалуйста, какая безнравственность! Хороша учительница,— мужчин прячет у себя!

Лонина. Вы клевете... Ваш муж сам спрятался! Впрочем, не стоит говорить, слишком унинительно оправдываться!

Шалеев. Душка, ты очень разгорячилась!

Лизавета Павловна. Нет, еще вам не то будет! Член какой, попечитель, просветитель... Они вот что здесь затеяли: амуры, таинственные свидания!.. Вот их просвещение!..

Шалеев. Милка, приди в себя!

Лизавета Павловна. Хорошо-с, хорошо, сударыня, мы с вами сочтемся! Не на такую налетели! Какая низость,— разрушать семейство, пользоваться слабостью этого безмозглого господина... О, я несчастная!.. *(Слезы.)*

Лонина быстро уходит налево.

Лизавета Павловна. Бессовестный, неблагодарный человек! Вспомните, из какого ничтожества вы взяты,— вы сапог не имели. На вас обратили внимание, вас призрели, экипировали, дали вам положение!.. Сердце, жизнь вам отдали! И вот он!.. Несчастливая, несчастная я!..

Шалеев. Тебе, душка, представилось, ты вообразила... ничего этого нет!

Лизавета Павловна. Не смейте оправдываться,— я знаю вас, не первый год мучаюсь! Вы не пропустите ни одной горничной, ни одной деревенской бабы!..

Шалеев. Милка... успокойся! *(Подходя.)* Позволь поцеловать твою ручку!

Лизавета Павловна. Отойдите прочь!.. Ничтожество!.. Идите сию минуту домой, идите... там я с вами поговорю!

Шалеев. Но... но пойми,— на мне обязанность... я должен...

Лизавета Павловна *(хватая его за руку)*. Вам говорят, вам приказывают! *(Тащит.)* Идите!

Шалеев. Душка, милка!

Лизавета Павловна *(в дверях)*. А вас, сударыня, я отделаю как нельзя лучше! *(Уходит.)*

Лонина *(входит; одна)*. О, как они мне противны все! Ушли, наконец-то ушли. И что же? Терпеть, переносить дольше? Да можно ли сделать-то что-нибудь здесь? Ведь нельзя, нет! Здесь можно только мерзнуть, угорать, задыхаться, болеть и душою, и телом! *(Проходит и останавливается.)* Нет, не смей... ты бессильная... Все можно перенести и сделать дело!.. *(Садится на кровать и опускает голову на руки.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лонина и Акимыч.

А к и м ы ч (*с большой деревянной чашкой в руках*). Ваше благородие, покушайте-ка, похлебку сварил: кажись, ничего, есть можно!.. (*Ставит на стол.*)

Л о н и н а. Я не хочу, голубчик,— голова у меня болит, и скучно мне...

А к и м ы ч. Что ж бы это, ваше благородие, такое, скука эта?

Л о н и н а. Так, скучно! Присядьте-ка...

А к и м ы ч. Как можно, ваше благородие, и постоим!

Л о н и н а. Нет, я вас прошу, пожалуйста!

А к и м ы ч. Коли приказание есть, и присядем... (*Садится на конец стула.*) Скука! Хм... Поди ты, что такое это!

Л о н и н а. А вам никогда не бывает скучно?

А к и м ы ч. Хм... так это быдто что-то, ваше благородие, часом ночью придет в голову!

Л о н и н а. Что же придет?

А к и м ы ч. Ну, будто человек ты тоже есть, ваше благородие, на свете, и един, как перст, и похоронить тебя некому.

Л о н и н а. Э, схоронить-то схоронят; а вот как прожить-то на свете?

А к и м ы ч. А наше житье, ваше благородие, за пушкой прошло, как один день, без печали, без воздыхания, а знай пали, как скомандуют! Вот наше житье!

Л о н и н а. Но были же вы молоды когда-то, любили кого-нибудь, жена у вас была... семья?

А к и м ы ч. Все померли, ваше благородие! Из службы вернулся,— ни кола, ни двора... один, как есть, весь тут!

Л о н и н а. А вспомнится все-таки иногда молодость-то?

А к и м ы ч. Ха-ха-ха... вот будто все это уж во сне я вижу: ничего и не было, и нет, не мое!.. Все одно, ваше благородие, как солдатик у нас один на перевязке: ногу у него отняли,— смеху что было,— ухватил он это... эту самую ногу свою, да и разглядывает: «Нет, говорит, не моя это нога!» Не узнает!.. Ха-ха-ха! А там как заплачет да заорет: «Отдайте мне мою ногу!» Смеялись долго...

Л о н и н а. Сравнение очень удачно!

А к и м ы ч (*со вздохом*). Было, было,— все было, а тепереча, ваше благородие, ничего не стало, отрубок отрубком! Была и жинка: хорошая баба, как помнится, а там бог ее знает!

Л о н и н а. Плакала, я думаю, как вас в солдаты взяли?

А к и м ы ч. Ха-ха-ха, тут реву было! Об poste об великом сдача была, помню: запрягли это лошадь в город меня везти, я это ничком в сани упал, а мать с женой на меня повалились, да в два голоса как взялись до самого до города, а я на гармонике играю! Музыка— первый сорт! Ажно, навстречу нам горшечник ехал, лошадь у него испугали, так все горшки и выкатила, в черепки до единого... Уж он ругался!

Лонина. Ах-ха-ха... и все горе, все горе! Сквозь смех слезы!

Акимыч. Да не по полю оно, ваше благородие, ходит, а по людям! Да что наше горе: и горе у нас глупое, и радость тоже... Вот вашей милости, ваше благородие, так в другой раз, небойсь, подумаешь над задачей, поломаешь голову!

Лонина. У всякого есть свое, голубчик, и дорогое, и больное!

Акимыч. Это так точно-с! А только сдается мне так,— дико вам в здешнем месте, ваше благородие, и приятности мало!

Лонина. Дико, дико!

Акимыч. Черкес, черкес — народ! Край совсем сибирный! А защиты и утехи — никакой, хучь бы тебе один человек надежный! Аль вы, ваше благородие, в сиротстве уж так, что вас закинуло сюда, нужда лихая загнала?

Лонина. Нет, я хотела служить, думала принести пользу.

Акимыч. Хм... только себя измучаете, ваше благородие, а сделать тут что — никак невозможно, потому — Азия!

Лонина (*опускает голову на руки; слышны слезы*). Тяжело мне, очень тяжело!..

Акимыч. Спаси и сохрани тут только, абы не погубить душу свою с ними! Глядеть на вас жалко, ваше благородие, что птичка вы в клетке!

Лонина (*вдруг вскакивая в слезах*). Пустяки все это! Но вот что,— веру, веру я в себя потеряла! (*Опускаясь на стул.*) Я готова отступить, готова бежать! (*Закрывает лицо.*)

Акимыч (*разводя руками*). Да и мы в другой раз, солдаты, ваше благородие, отступали, когда видишь, что нет силы-возможности твоей! (*Прислушиваясь.*) Никак кто-то к нам! (*Быстро выходит.*)

Лонина (*одна; встает и отирает глаза*). Бессильная, бессильная, смешная, жалкая ты, Верочка!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лонина и Дубков.

Дубков (*входя*). Здравствуйте.

Лонина (*в смущении; старается казаться веселой*). Здравствуйте! (*Рукопожатие.*)

Дубков. По первому снегу к вам... славно ехать!

Лонина. Я рада, что вы приехали; садитесь... (*Садятся.*)

Дубков. И не грешно вам: на прошлой неделе присылали мы лошадей за вами; сестра так просила меня познакомить ее с вами; и вы не поехали.

Лонина. Простите! Знаете,— хотелось высидеть, выдержать себя здесь...

Дубков. Сам я давно собирался к вам, да то занят, то непогодь поднимется... Как поживаете, как дела ваши идут?

Л о н и н а (*нерешительно*). Поживаю... ничего, дела идут не совсем так, как думала, а все-таки подвигаются!

Д у б к о в. У вас больное лицо, вы очень изменились!

Л о н и н а. Немножко угорела сегодня, а то я здорова, и бодрa, и весела.

Д у б к о в (*встает и проходит; останавливаясь*). Позвольте не верить вам, что вы здоровы, бодры и веселы!

Л о н и н а. Как хотите,— не верьте, а только это так!

Д у б к о в (*ходит*). Я много думал о вас, часто вспоминал, и почему-то мне кажется, что встреча наша не случайная, у нас что-то завяжется!

Л о н и н а. Что же? И я думала о вас, вспоминала! Что же завяжется-то?

Д у б к о в. Ну, я — старый, уходившийся идеалист, вы — молодая, ретивая идеалистка; но в чем-нибудь мы, может быть, и сойдемся, и поладим? Только гордыни у вас — о-о-о, сколько. Но мне это нравится,— нравится все в вас!

Л о н и н а. Никакой у меня нет гордыни!

Д у б к о в (*останавливаясь*). Например: вы говорите, что вы здоровы и веселы.

Л о н и н а. Да, здорова и весела!

Д у б к о в. Нет, нет и нет! Это — неправда! Вы — больны, вы страдаете, вам тяжело здесь, я вижу на ваших глазах еще недавние слезы!

Л о н и н а (*опускает голову; голос ее дрожит*). Только голова сегодня немножко болит, и больше ничего.

Д у б к о в. Видите, какая вы! А все это из гордости: «Не выдам себя я, не скажу, что мне тяжело!»

Л о н и н а (*вдруг встает; вырываются слезы; она закрывает лицо*). Ну, тяжело мне, тяжело! Что же, вы довольны, вы рады, что сбылись ваши предсказания? Так нет же, нет, я не пример; есть сильнее меня, лучше, есть и такие, которые могут бороться, и не сломит их ничто! (*Опускаясь на стул.*) Не все такие слабые, жалкие!

Д у б к о в. Вы хороши, вы хороши и в своем бессилии!

Л о н и н а. Нет, я не уважаю себя!

Д у б к о в (*берет ее за руку*). Полноте, успокойтесь! И вот что: я ведь приехал с тем, чтобы увезти вас к себе, и теперь уже сестра велела просто взять вас силой... никаких отговорок! Завтра день ее рождения, она так просит вас, и мы отлично прокатимся! Метелица... славно.

Л о н и н а (*встает*). Нет, не поеду. Я такая растерзанная, что я буду...

Д у б к о в. Говорю серьезно, вы меня и сестру обидите!

Л о н и н а. Ну, право же! И я хочу наказать себя: я должна быть одна, бичевать себя внутренне и снова овладеть собой! Нет, я не должна отступать,— иначе я презираю себя!..

Д у б к о в. Отлично! Но все это вы успеете, и все это так будет, я не сомневаюсь! (*С улыбкой.*) Вы — силач, вы — несокрушимая!

Л о н и н а. Вы смеетесь! Да и что же, кроме смеха, могу я возбудить теперь?

Д у б к о в. Если бы вы знали, какое искреннее дружество у меня к вам, и если я улыбнулся, так это улыбка — такой братской любви! Едем? Я не отступлю от вас!

Л о н и н а. Не знаю, не хочется! А как же школа-то, класс?

Д у б к о в. Завтра ведь праздник, а вечером завтра я вас доставлю назад... *(Хватая ее за руки.)* Едем, едем!

Л о н и н а. Как же так? Нужно переодеться, я думаю!

Д у б к о в. Ничего не нужно! Сестра дала свою шубу, я вас укутаю, и отлично!

Л о н и н а. Ха-ха-ха!.. вы не даете мне опомниться! И что-то мне страшно и скучно, как будто я не вернусь сюда!

Д у б к о в. И хорошо, если бы случилось это!

Л о н и н а. Что вы, что вы! Так я не поеду.

Д у б к о в. Вы хотите умереть от угара? Вот уже я чувствую, что у меня шумит в ушах! Завтра, я обещаю вам, вы будете назад! *(Ведет ее.)* Идем, идем!

В дверях появляется Акимыч.

Л о н и н а. Прощайте, голубчик, еду!

А к и м ы ч. Надолго отъезжать изволите?

Л о н и н а. Завтра вернусь.

А к и м ы ч *(провожая)*. Счастливо оставаться, ваше благородие!..

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

А к и м ы ч один.

А к и м ы ч *(через минуту возвращаясь)*. «Вернусь!» А бог весть, вернется ли! Не сладко здесь. *(Махнувши рукой.)* Осиротел ты тогда опять, Акимыч! Э! Заколочу окна, буду лежать да смерти ждать! Эхе-хе-хе... *(Взглянув в окно.)* И ночь на дворе, кажись, и вьюга поглащается! Как-то доедут! *(Слышен вой ветра; на сцене все темнеет.)* Не буду и огня вздувать, не для чего! *(Садится на кровать, опускает голову на руки и кашляет.)* Так все и заложило в нутре! А кости-то ноют, ноют!.. Ох!.. Смерть!.. Где же она, моя смерть?.. В каком угле прячется, аль на большой дороге где поджидает?.. *(За сценой слышна гитара и пение; поднимая голову и прислушиваясь.)* Это так, это уж он — писарь мотыга, свой час знает, ночь на дворе, и он — здесь! И чего таскается, собак всех... смаял. *(Зевает и дремлет; сквозь сон.)* Родится человек, зачем родится? И смерть, смерть!.. Ад, геена огненная, змеи, скорпионы, души грешные!.. Косточки ноют, батюшки, ноют!.. *(Засыпает; гитара все тише, наконец замолкает.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Акимыч и Тесов.

Тесов с гитарой отворяет дверь, озирается и крадется.

Тесов (*тихо*). Темно, тихо!.. Почила ты, заснула, богиня моя!.. (*Простирая руки к кровати.*)

Ты звезда ль моя ненаглядная,
Ты услышь меня, полюби меня,
Радость дней моих, раскрасавица!

Пропадать, так пропадать, а уж возьму тебя!.. (*Подходя.*) Не хочешь волей, возьму силой!.. Нет моей моченьки, умираю!.. Сорву сладкий поцелуй один в жизни, а там хоть на плаху! (*Наклоняется и лбом сталкивается с Акимычем.*)

Акимыч (*во сне*). С нами крестная сила, с нами крестная сила!

Тесов в ужасе отступает, при этом валит стул, и гитара издает отрывистый звук.

Акимыч (*вскакивая*). Кой черт здесь? (*Тесов бросается к двери.*)

Акимыч (*бросается за ним*). Нет, стой, не уйдешь!

Хватает за шиворот; Тесов молча вырывается и исчезает.

Акимыч (*шаркает спичкой по стене*). Что за оказия! (*Освещает.*) Это так: али бы домовой, али писарь!.. Тыфу ты, пропади ты!..

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Действие в доме Дубкова.

Сцена — зал: большая комната; двери боковые и входные; мебель старинная; на одном из столов среди сцены газеты и книги; все просто, но порядочно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дубков и Лони́на выходят из противоположных дверей.

Дубков (*протягивая руки*). Живы, здоровы?

Лони́на. Совершенно. Весь угар мой прошел!

Дубков. Хорошо заснули?

Лони́на. Отлично спала.

Дубков. А я ведь струсил вчера, не за себя, а за вас!

Лони́на. За меня? Отчего?

Дубков. А замерзли бы,— вьюга — не свой брат!

Л о н и н а. Что же... Судьба, значит!

Д у б к о в. И погибли бы в снегах великие стремления и горячие мечты!

Л о н и н а. Да вы смеетесь...

Д у б к о в. Нисколько! Нет, не шутя,— выюга была отчаянная: как вы думаете,— мы верст тридцать проплутали!

Л о н и н а. А хорошо!.. Как она свистит, мчитя, крутится!.. Я первый раз в жизни видела выюгу,— у нее свои песни!

Д у б к о в. О, целые оперы!

Л о н и н а. В котором часу мы приехали?

Д у б к о в. Было два часа ночи, сестра уже заснула. Ну, а Домна Ивановна все там нам устроила.

Л о н и н а. Ах, какая она добрая! Напоила меня чаем, уложила...

Д у б к о в. Наш старый слуга,— еще меня нянчила! Сестра сейчас встает, и вы познакомитесь... К нам уже приехал кой-кто из соседей...

Л о н и н а. Ай, гости! Если бы знала, ни за что бы не поехала.

Д у б к о в. Ничего-с, изредка не мешает взглянуть на людей: увидите одну почтенную маменьку с воплощенной невинностью — ее дочкой, одну вдовушку из Петербурга,— приезжала сюда сбыть все наследственное для дальнейших своих вояжей, остальные — карты, одни карты: их присутствия вы и не заметите! Да, еще увидите знакомую уже вам чету Шалеевых.

Л о н и н а. И они здесь?

Д у б к о в. Здесь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Катерина Владимировна.

Д у б к о в. Вот и моя сестрица!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Да как вас бог донес вчера?

Д у б к о в. Всеми правдами-неправдами, матушка! *(На Лоницу.)* Насилу вытащил!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Здравствуйте, здравствуйте, гордая!

Л о н и н а. Совсем не гордая!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Ждала я, ждала... *(Объятия.)* Давно бы сама к вам прикатила, да немочи мои, все болею, простите! *(Садятся; Дубков ходит.)* Я вас уже отчасти знаю...

Л о н и н а. Каким образом?

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Из рассказов моего братца.

Л о н и н а. Он смеялся, вероятно, надо мной?

Д у б к о в. Смею ли я, могу ли я?

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Нет, он говорил, что вы — энергичная, горячая, смелая... одним словом, — девушка нового времени!

Л о н и н а. Ну, смеялся! Перед вами — слабая, смешная, разочарованная в своих силах Верочка!

Д у б к о в. Не верь, не верь! Это — та же гордыня, только прикрытая смирением! (*Уходя.*) Я иду к гостям.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лонина и Катерина Владимировна.

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Нет, право, он меня страшно заинтересовал вами...

Л о н и н а. Что во мне? Самая обыкновенная, дюжинная я!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Вы можете представить, что мой дорогой байбак, как я его зову, до сих пор был просто ненавистником женщин: одна — пуста, другая — глупа, третья — зла, или все это вместе заключено, — вот его обыкновенный отзыв о женщинах! Он вечно бегал от них, а они его преследовали, влюблялись в него, в невесты набивалось ему — и счету нет сколько! И теперь даже вот вы увидите здесь: одна барышня и одна вдовушка, они млеют, тают, а он — все в лес! И после этого-то вдруг о вас слышу, говорит так горячо, так искренно! Не интересно ли?

Л о н и н а (*потупясь*). Не знаю, не понимаю; ничего — во мне!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. А я ему чуть не каждый день твержу: «Женись ты, наконец, байбак!» Злитя: «Отвяжись с глупостями!» А уж как бы я была рада! Мы ведь с ним чистые бобыли, у нас совершенная пустыня... иногда как расхандримся оба! О себе я вам только скажу, что была я когда-то молода и, говорят, хороша, да вышла бездельным человеком! Теперь мне уже роковой-сороковой, значит, старая дева я, застрахована от всяких глупостей! Ха-ха-ха... И люблю я на свете только, только моего байбака теперь! А вы что, — вы ни словечка не сказали мне о себе?

Л о н и н а. Вот что: зовите меня просто Верочкой и «ты» говорите мне, как дома со мной!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Хорошо! Так скажи же мне что-нибудь о себе.

Л о н и н а. Что сказать? Я еще и не знаю хорошенько, что я такое. Вот избрала дорогу себе по душе, да уж и озадачилась! Ха-ха-ха... Ах, какие здесь приключения со мной, если б вы знали! И горько, и смешно вспомнить!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Не робей!

Л о н и н а. Я и не робею — была миноута, струсил я, а теперь оправились и буду бороться до последней капли!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. А если вздумаешь полюбить человека, Верочка, полюби, пожалуйста, вот такого, как байбак мой: этот не изменит, не обманет и сумеет любить! Золотое сердце... (*Встает.*) Мы еще наговоримся с тобой досыта сегодня, я только на минутку взгляну, что там делается, а ты пока посмотри (*указывая на стол*), здесь новые книги есть... (*Уходит.*)

Лонина (*одна*). Вспомнился мне мой родной уголок, Москва моя милая! Здесь я сразу, как дома! Славные они люди! (*Смотрит книги.*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лонина и Шалеев.

Шалеев (*влетая*). Mademoiselle! Вы здесь, я только что узнал! Pardonnez! (*Рукопожатие.*) Ваше здоровье?

Лонина. Благодарю, здорова.

Шалеев (*садится*). Pardonnez! Я вчера так недолго был у вас, мы не успели поговорить: жена, знает, она такая нервная, раздражительная, бывает странна, но не нужно обращать внимания; на днях она опять собирается по делам в город, и тогда я сейчас же явлюсь к вам...

Лонина. Да особой-то надобности нет, вот только дров до сих пор не дают...

Шалеев. Ах, дрова, дрова! Pardonnez! Каковы каналы! Я давно сделал распоряжение... сегодня же это строжайше подтвержу! Но вы, mademoiselle, вы... я не нахожу слов... Вы сегодня очаровательны! О, если бы я был совершенно свободен в настоящую минуту, я упал бы к вашим ногам, и — ваш раб до гроба!

Лонина. Что вы говорите вздор!

Шалеев (*вскакивая*). Parole d'honneur! Вы прелестны! Здесь сегодня, вероятно, состоится небольшое soirée², у них хорошенький рояль, Катерина Владимировна ведь виртуозка, надеюсь, мы потанцуем сегодня, mademoiselle, — я давно не танцевал!

Лонина. Я не люблю и почти не умею танцевать.

Шалеев. Помилуйте, это ужасно, что вы говорите, mademoiselle! Нет, я вас просто возьму в плен и увлеку, увлеку! Вихрь вальса! Что может быть лучше на свете? Вспомнишь старину!.. Или... или... мазурка! (*Напевает и подплясывает.*) Тра-та-та...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Лизавета Павловна.

Лизавета Павловна (*без поклона покосившись на Лонину; к мужу*). Вы уже здесь, — так я и знала!

Шалеев (*смущен*). Душка, что тебе угодно, душка?

Лизавета Павловна. Какую это репетицию вы проделываете?

Шалеев. Нет, это я, милка... мы говорили о делах!

¹ Честное слово (*фр.*).

² Вечеринка (*фр.*).

Лизавета Павловна. Оно и видно! Деловой человек! Вы, кажется, намерены пуститься в пляс, но вам это не удастся! Понимаете?

Шалеев. Душка!

Лизавета Павловна. Да-с! А извольте, сейчас составится карточная партия, извольте садиться, я вам дам денег, только уж, пожалуйста, играйте без вашего дурацкого риска, больше рубля я вам не дам.

Шалеев. Душка, но... но... пойми, мне нужно поговорить... школа, просвещение!

Лизавета Павловна. Вам, кажется, еще было мало от меня за это ваше просвещение! Вы уже забыли? (*Берет его за руку и ведет.*) Пойдемте-с!

Шалеев. Милка! (*К Лониной.*) Pardonnez, pardonnez! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лонина, Дубков, Софья Васильевна, Лидия Петровна и Жени.

Дубков входит вперед с Софьей Васильевной, которая что-то горячо ему говорит; за ними Лидия Петровна и Жени. Софья Васильевна щурит и закатывает глаза, кокетничает самым отчаянным образом и то и дело прикладывает лорнетку к глазам; Лидия Петровна — дама с тоном; Жени — воплощенная невинность, одета мотыльком; всё это бросает вопросительный взгляд на Лонину.

Дубков (*резко оставляет Софью Васильевну и подходит к Лониной*). Пойдемте, Вера Николаевна, я покажу вам наш дом, библиотеку мою.

Лонина. Пойдемте.

Дубков (*берет ее под руку; идут*). Есть у нас и картины; вы любите живопись?

Лонина. Очень. (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, кроме Дубкова и Лониной.

Софья Васильевна (*с улыбкой презрения лорнируя им вслед*) Qui est donc cela?¹ (*К Лидии Петровне.*) Вы не знаете, Лидия Петровна?

Лидия Петровна. Не знаю, я не знаю... Первый раз вижу.

Софья Васильевна. Какое внимание, какая любезность! Он бросает всех.

Лидия Петровна. Да, да. Что-то особенное.

Софья Васильевна. Я его первый раз вижу таким дамским кавалером. Обыкновенно он — волк, бижук. Какая это счастливица!

¹ Кто бы это мог быть? (*фр.*).

Лидия Петровна. Глядит она очень дерзко. Прямо заметно, что дурного тона. (*Садятся.*)

Софья Васильевна. Да, как видно; это... это из тех... ну, как их кличут? — знаете, ходят почти по-мужски и ухватки такие... Чему-то они там учатся, что-то проповедуют... волосы стригут. У этой еще целы, — ну, да все равно. Нигилистки, одним словом.

Лидия Петровна. Бог мой! И здесь они, неужели?

Софья Васильевна. Я вас уверяю, — это одна из них. Я ведь насмотрелась на них довольно в Петербурге; я их сейчас узнаю.

Лидия Петровна. Скажите, я слышала, у них и этот гражданский... (*Говорит на ухо.*)

Софья Васильевна. Ха-ха-ха, еще лучше! Просто натуральный, naturel... Встретились, ну и... без всяких там церомоний, ха-ха-ха! У них это делается очень просто и коротко; близость к природе, они говорят.

Лидия Петровна. Ах, ах! Жени, я тебе приказываю, слышишь: не подходи к этой и... ни слова с ней.

Жени. Хорошо, мама. Она, мама, страшная, злая, да?

Лидия Петровна. Ты, мой друг, ничего не должна еще знать. Видите, моя Жени — какой ребенок: она еще ничего не понимает. Это моя гордость. Но я удивляюсь Михаилу Владимировичу.

Софья Васильевна. Не понимаю и я; впрочем, догадываюсь, отчасти догадываюсь: не намерен ли он пригласить ее pour la compagnie de sa sœur¹, имея здесь свои цели?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Лизавета Павловна.

Софья Васильевна (*встает навстречу*). Мы в недоумении, мы поражены, Лизавета Павловна.

Лидия Петровна (*за нею*). Да, да, не можем понять.

Лизавета Павловна. Что такое?

Софья Васильевна. Кто это такой, эта... это новое лицо здесь?

Лизавета Павловна. Ах, я вам сейчас скажу: это просветительница!.. как же, наша новая учительница...

Софья Васильевна. Вот кто!

Лидия Петровна. Не важная птица! А как он к ней внимателен — удивительно!

Лизавета Павловна. Еще не то будет, погодите! Уж моего супруга она отуманила; у него и так-то здесь (*показывая на голову*) небогато, а то и совсем было рехнулся: видите — в члены его там какие-то насмех выбрали, без жалованья, — просвещение это... И что же? Гляжу — уж он в одно прекрасное время у нее в училище в шкафе спрятан, — вот как у нас просвещают! Ну, да я повернула по-

¹ В компаньонки к своей сестре (*фр.*)

своему; я сразу осадила моего. Ну, вот теперь она за другого взялась, и увидите — приворожит. Это — яд, чума, зараза. И все под видом просвещения!

Софья Васильевна. Понимаю теперь, понимаю. Я не ошиблась в моей догадке...

Лидия Петровна. Жени, еще повторяю: избави боже тебя, хотя одно слово с ней... хотя одно. Презрения, одного презрения она достойна.

Жени. Я не буду с ней, мама, и не подойду.

Лидия Петровна. Михаил Владимирович... кто ему пара, на того не обращает внимания, а с такой...

Лизавета Павловна. Да-с, вот у нас какие проявились. Я так и слежу теперь за моим, с глаз не спускаю мое сокровище: ведь так его и тянет, — околдовала-с!

Софья Васильевна. Ничего нет странного: она представляет для мужчин такую легкую добычу, а они на это падки! Ах, мужчины! решительно они не умеют ценить женщин и не видят их, не хотят их понять. Как они пусты!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Дубков, Лониная и Шалеев.

Дубков говорит неслышно с Лониной; Шалеев их преследует; Лидия Петровна и Жени отходят в сторону, садятся и шепчутся, косясь на Лонику с Дубковым;

Софья Васильевна тоже садится, презрительно лорнируя их.

Лизавета Павловна (*подлетая к мужу*). Вы опять! Вам указано было место!

Шалеев. Душка, милка...

Лизавета Павловна отводит его вдаль, сажает около себя, придерживая за руку; он покручивает усы, то и дело порывается к Лониной, но Лизавета Павловна убивает его взглядом.

Дубков (*подходя к столу, громко Лониной*). Вот здесь есть очень интересные иллюстрации.

Лониная. Покажите.

Он развертывает книгу; Лониная садится и смотрит.

Софья Васильевна. Михаил Владимирович, уделите минуточку забвенным; мне хочется поговорить с вами.

Дубков (*подходя*). К вашим услугам.

Софья Васильевна. Садитесь, прошу вас. (*Указывает место около себя. Дубков садится; она отчаянно кокетничает; пауза; Жени бросается к столу, чтобы посмотреть иллюстрации.*)

Лидия Петровна. Жени, Жени, ты забыла?

Жени. Ах! (*Возвращается и заметно получает выговор от матери.*)

Софья Васильевна (*с глубоким вздохом*). Итак, Михаил Владимирович, прощайте, я завтра еду.

Дубков. Счастливой дороги.

Софья Васильевна. Когда-то увидимся опять, Михаил Владимирович? Ах!

Дубков. Бог знает!

Софья Васильевна. И увидимся ли?

Дубков. Говорят: гора с горой только не сходится. Впрочем, дороги-то наши разные: вы — женщина света, столиц; может быть, теперь укатите еще за границу; а я — человек глубокой провинции, — пожалуй, никогда и не увидимся, не встретимся больше. Да и незачем, право: интересы наши совершенно различны.

Софья Васильевна. Ах, как это холодно, как это жестко: «никогда... незачем!» Понятно, если не хотят встретиться; а бывает, что люди ищут друг друга, стремятся, ждут встречи, и нет для них ни расстояний, ни времени. Ах! Я, конечно, не так счастлива, чтобы рассчитывать на это. Теперь ясно. Да, все зависит от людей, от их желаний, чувств.

Шалеев (*привскакивая*). Совершенно верно-с. Я, будучи переведен по полку в 1865 году, в марте месяце, из Казани в Астрахань, летел-с на почтовых в самую распутицу, и ничего-с, прелестно! (*Лизавета Павловна сажает его.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и слуга.

Слуга. Михаил Владимирович, старый старшина там, Буровин, и писарь Тесов к вам-с.

Дубков. Что им нужно? Пусть после придут.

Слуга. Очень нужное, говорят; с какой-то бумагой... важная, говорят.

Дубков (*уходя*). Какая там такая важность? (*Слуга уходит за ним.*)

Шалеев (*как бы про себя*). Канальи! Еще нужно их под суд упечь. Непременно.

Лизавета Павловна (*встает*). Вам бы самим-то следовало баню хорошую задать, и с вашим просвещением. Вероятно, скоро сядут за карты, — пойдемте.

Шалеев. Душка... но... мне...

Лизавета Павловна (*уводя его*). Идите, вам говорят, и чтоб больше вы не шатались.

Шалеев. Милка... душка... (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лидия Петровна, Жени, Софья Васильевна и Лоница.

Софья Васильевна (*к Лониной иронически*). Mademoiselle, извините... Позвольте к вам обратиться и спросить; вы профессорствуете, кажется?

Л о н и н а (*отрываясь от книги*). Нет, я просто сельская учительница.

С о ф ь я В а с и л ь е в н а. Ах, что вы! Вы слишком скромны: я столько слышала о ваших лекциях... даже есть у вас лекции чисто для взрослых людей, такие интересные, увлекательные...

Л о н и н а. О каких лекциях вы говорите?

С о ф ь я В а с и л ь е в н а (*встает*). Ха-ха-ха! А ваши лекции о нежных чувствах... ваше применение их на практике, я слышала, имеет особенно громадный успех; я сама даже воочию имела случай в этом убедиться сейчас: в вас все влюблены здесь без ума...

Л о н и н а (*встает*). Как вы дерзки!

С о ф ь я В а с и л ь е в н а. Ха-ха-ха! Гиена! (*Уходя.*) Она — гиена... Я боюсь ее!

Л о н и н а (*про себя*). Боже мой! и здесь... (*Садится и опускает голову на руки.*)

Л и д и я П е т р о в н а (*встает*). Хороша и Софья Васильевна: эта барыня на глазах у всех вешается ему на шею! Какое бесстыдство! Ах, Михаил Владимирович, Михаил Владимирович, не видит, не видит, кто ему пара! Жени, уйдем отсюда, а то дождемся и мы какой-нибудь дерзости!

Ж е н и (*прижимаясь к матери и косясь на Лоницу*). Я боюсь, мама, я боюсь ее!

Л и д и я П е т р о в н а (*уходя с дочерью*). Первый раз в жизни я в таком обществе! Это ужасно!

Л о н и н а (*встает в слезах*). И здесь оскорбляют меня! Зачем я ехала сюда, зачем? Уйду пешком, убегу отсюда! Нет, там в школе одна я, в холоде, в угаре, а все — лучше!

Быстро уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дубков (один).

Д у б к о в (*входя с бумагой в руке*). Ничего не пойму, какое дело у них? (*Читает бумагу.*) «Имеем честь донести высшему начальству необычайный случай и событие весьма важное, угрожающее даже тишине и благоденствию нашего уезда». Эка чушь. (*Прячет в карман.*) Какие-нибудь кляузы! Лезут ведь! (*Проходит.*) Мысли путаются! (*Садится на стул и опускает голову на руки.*) Что с моей головой, с моим сердцем?

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Дубков и Катерина Владимировна.

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а (*подходя*). О чем задумался? (*Садится около и кладет руку на его плечо.*)

Дубков. Так что-то, не знаю!

Катерина Владимировна. Хандра опять, и для моего дня рождения! Нет, байбак, развеселись, уж кутнем на пороге моего рокового-сорокового.

Дубков. Да я ничего.

Катерина Владимировна. А премиленькая эта Верочка,— я полюбила ее!

Дубков. При условиях из нее может выйти хорошая женщина,— есть серьезные задатки!

Катерина Владимировна. Брат, вот бы тебе такую женку!

Дубков. Что ты болтаешь, Катя! Сватает меня чуть не каждый день, одно только и есть на языке: «Женись, женись!»

Катерина Владимировна. А что же, засветило бы у нас тогда красное солнышко, перестали бы мы хандрить с тобой!

Дубков. Полно тебе врать!

Катерина Владимировна (*заглядывая ему в лицо*). Да ведь она тебе нравится... очень?

Дубков. Мало ли, что нравится, так и жениться непременно! У нее совсем другие цели и стремления!

Катерина Владимировна. Э, школу-то она и здесь может завести, да еще лучше; а там свои дети будут, делай тогда из них людей, клади на них свое призвание!

Дубков (*встает*). Катя, я думал, ты шутишь, а ты уж серьезно!

Катерина Владимировна. Ха, ха, ха, испугался!

Дубков (*ходит*). Нет, а о таких вещах как можно... так легко и скоро... такие вещи... их долго обдумывают, соображают, такой шаг...

Катерина Владимировна. Пошел, пошел свое: обдумывать да соображать! Нет, вас так и нужно, таких закоренелых холостяков, с вами так только и можно что-нибудь сделать: взять вас, схватить, да и женить! Ха-ха-ха!.. А то вы так и останетесь на мели!

Дубков. Гм, что правда, то правда! Но только в настоящем-то случае, конечно, ничего не может быть!

Катерина Владимировна (*уходя*). Ха-ха-ха, постой-ка я ее поищу, куда она скрылась!

Дубков. Катя, ты ей еще не вздумай что-нибудь говорить!

Катерина Владимировна. Слушаю-с!

Дубков (*один*). Гм, что выдумает! Даже глупо, что со мной делается! Ну, люблю, очень люблю! Так что же? Все-таки ничего не будет, не может быть!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Лонина.

Катерина Владимировна (*держит Лонину за руку*). Можешь представить,— она собралась в бегство, скучно ей у нас! (*Садится.*)

Дубков. Что вы это, Вера Николаевна?

Лонина. Нет, мне нездоровится, я домой хочу!

Катерина Владимировна. Не пушу я тебя, вот и все!

Лонина. Мне, право, тяжело, хочется одной быть!

Дубков. Оставайтесь хотя до обеда!

Катерина Владимировна. Да я ее совсем не пушу!

Лонина (*вскакивая с испугом*). Это как?

Катерина Владимировна. А так! Ты более не вернешься в свою холодную, угарную, мрачную школу!

Лонина. Что вы... что вы? Избави боже! Бросить, оставить дело,— да я презирать себя буду!

Катерина Владимировна. Постой, у нас есть свободный, отдельный флигель, мы устроим свою школу, я буду помогать тебе; дело у нас пойдет отлично! (*Сажает ее и обнимает.*) Верочка, голубчик, решайся!

Дубков. А ведь чудесная мысль. Я был бы искренне вам благодарен: я давно подумывал о школе, да учителя по душе не было.

Катерина Владимировна. А теперь он у вас есть, вот он!

Лонина. Нет, это невозможно! Лучше и не говорите! Я должна быть там!

Катерина Владимировна. Э, ничего нет невозможного! Особенно теперь я в этом убедилась! (*К Лониной.*) И знаешь, что меня убедило?

Лонина. Что?

Катерина Владимировна. Да вот что... я уж начала, и теперь окончу: мой братец, которого ты видишь... я было так уж и решила, что нет и не будет на свете женщины, которую бы он полюбил! А она явилась, она есть... и он полюбил, крепко полюбил! Уж я вижу,— от меня не скроется!

Дубков (*смущен*). Катя, Катя, замолчи, пожалуйста!

Катерина Владимировна. Не умолкну! Да, он полюбил! Он тебя полюбил, Верочка!

Лонина (*вспыхнув и опуская голову, тихо*). Что вы говорите, вы шутите!

Дубков не знает куда деваться, за что взяться.

Катерина Владимировна. Без шуток! Полюби и ты его, и вы будете счастливы! А уж как я рада буду.

Дубков. Катя!

Катерина Владимировна (*жмет ее руку*). Протяните ему эту ручку, с верой, с упованием!

Дубков (*вдруг подходя*). Она сказала правду, Вера Николаевна, я люблю вас!

Лонина встает в сильном смущении, Дубков берет ее за руку.

Дубков. Вера Николаевна, скажите что-нибудь!

Л о н и н а. Я... вы... я не знаю... вы мне тоже нравитесь! Но школа... не могу я, я хочу... я должна служить!

Д у б к о в. Школу я устрою, она будет у нас!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а (*хватая Лонину за руку*). А я твою помощницей!

Л о н и н а. Что я скажу? Не знаю, что сказать!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Только скажи, что ты наша, моя, его, наша!

Л о н и н а (*быстро убегая*). Дайте мне помолиться!

Д у б к о в. Катя, что ты делаешь, Катя?

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Я делаю, чего бы ты никогда не собрался сделать! (*Обнимает его.*) И оживут эти стены, зазвенит, зазвучит здесь у нас новая молодая жизнь. И шумите, шумите больше: ваш говор и смех будет разгонять хандру старой девы!

Д у б к о в. Катя, ах, Катя! Большой это вопрос!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Посмотрите, как вы будете счастливы, и ты не раскаешься. А теперь пойдем к гостям, и — как ничего не бывало, а после уж поразим их! (*Идут рука за руку.*)

Д у б к о в. Удивительно! Я ничего не могу еще сообразить, что это, как, что ты делаешь!

К а т е р и н а В л а д и м и р о в н а. Крепость, вашу крепость беру. (*Уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Слуга, Буровин и Тесов.

С л у г а (*в дверях*). Ах, народ! Вам говорят, гости, занял! Ну, принял бумагу и ждите!

Б у р о в и н. А коли важное, можешь ты это постигать, такое важное, что...

Т е с о в. Нужно доложить еще, он забыл, может быть.

Б у р о в и н. Тут прямо на почту сейчас отсылаем, экстренно, к губернатору! Ты это понял?

Т е с о в. К начальнику губернии прямо!

С л у г а. Я пойду — доложу; только смотрите, как бы вам не было от него, да и мне с вами достанется! (*Уходя.*) Неотесы, право!

Б у р о в и н (*вслед*). Ах ты, лакейская харя!

Т е с о в. При милости на кухне, на заднем столе с музыкантами...

Б у р о в и н. А ловко мы ее отбрили!

Т е с о в. Ничего, будет довольна барышня!

Б у р о в и н. И мастер ты, шельма, строчить: к месту все это у тебя приклеено; ну, и насчет грамматики, бестия, ловкач!

Т е с о в (*самодовольно ерошит волосы*). Можем отшлифовать в лучшем виде, что угодно.

Б у р о в и н. А как думаешь, что ей будет? Ведь не помилуют!

Т е с о в. Ха-ха-ха! да, не погладят по головке!

Б у р о в и н. Я думаю так: конец ей здесь, вон ее откомандируют.

Т е с о в. Не иначе, что так!

Б у р о в и н. А то, пожалуй, и в ссылку,— Макара искать с телятами!

Т е с о в. Очень возможно, что такая случайность произойдет! Нас же задевай!

Б у р о в и н. Н-да, не фордыбачь, не дери нос! А то, ишь ты, милктриса какая.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Буровин, Тесов и Дубков

Д у б к о в (*с бумагой в руке*). Да что вам нужно, наконец, от меня? Я начал читать вашу бумагу, ничего не понимаю, и не ко мне, кажется, это относится.

Б у р о в и н. Это так точно, к губернатору это!

Т е с о в. К начальнику губернии-с!

Д у б к о в. Так зачем же вы ко мне-то обращаетесь?

Б у р о в и н. А, значит, всепокорнейше просим прочитать это самое от начала до конца, и какое ваше мнение будет, так как начальство вы тоже у нас по уезду.

Д у б к о в (*быстро пробегая*). А-а-а, вот оно что! (*С улыбкой идет к двери и зовет.*) Господа! Все, все сюда! А вы, Вера Николаевна, особенно, дело о вас идет. (*Все входят.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Лонина, Катерина Владимировна, Шалеев, Лизавета Павловна, Софья Николаевна, Лидия Петровна, Жени и Дубков.

Д у б к о в (*к Лониной*). Вы — подсудимая. Прошу вас принять подобающее положение: сейчас будут читать обвинение! (*Лонина вопросительно смотрит на Буровина и Тесова; те заметно не ожидали ее появления, перешептываются между собою.*)

Д у б к о в. А кстати здесь и Иван Антонович. (*К Шалееву, подавая бумагу.*) Потрудитесь прочитать вслух, это вам и приличествует, как члену училищного совета.

Ш а л е е в (*берет бумагу*). Avec plaisir¹.

Когда он читает, Лизавета Павловна стоит с ним рядом и кивает головой, как бы говоря: «так, так, отлично!» и торжествующе-злобно глядит на Лонину; Шалеев между чтением изредка вставляет: «канальи!» Тогда она его злобно одергивает; Софья Васильевна всех лорнирует; Лидия Петровна нашептывает что-то Жени; Дубков подходит к Лониной и Катерине Владимировне, что-то им говорит; они улыбаются; Буровин перемигивается с Тесовым, который стоит с авторской гордостью, ероша волосы и переставляя ноги.

¹ С удовольствием (*фр.*).

Ш а л е е в (*читает*). «Имеем честь донести высшему начальству необычайный случай и событие весьма важное, угрожающее даже тишине и благоденствию нашего уезда. Хотя мы живем в глухой стране, но чувства отечественной любви в нас очень сильны, и мы даже можем проникнуть всякую опасность. А в чем она оказалась в течение настоящего времени, ниже следует: месяца сентября текущего года назначено, — кем — нам неизвестно, — в наше училище учительшей какое-то неизвестное нам лицо: полом — девица, а может быть и дама, только женского рода, а по имени Вера, по отчеству — Николаевна, по фамилии — Лониная. И сия она женского пола учительша видом — дерзка, одяние ее — странное, прическа по моде! На вопрос: какой веры, ответа не дала. Упования и надежды никакой не имеет, и так нужно полагать, в великом заблуждении находится и самых опасных свойств, что даже угрожает нашей отечественности и всему уезду, потому — зараза проникнуть может всюду. В класс никого не допускает, — по сей причине неизвестно, какое учение от нее истекает, а только ребята делают остры не по годам и дают ответ старшим на все быстро, чего даже на земле нет, а насчет звезд и подземного царства... Житие же домашнее сей девицы подозрительное: людей не принимает и сама никуда не ходит, всегда назаперти, или пишет что-то, или читает, и никому не показывает онаго, а даже прячет при входе всякого постороннего человека. Вследствие всего вышеизложенного, мы имеем честь всепокорнейше просить ваше превосходительство вникнуть в сей случившийся случай и сделать должное распоряжение относительно вышереченной девицы. За сим, мы уповаем и смиряемся в ожидании. Бывший старшина закутинской волости Степан Иванов Буровин. Волостной писарь Тесов».

Д у б к о в (*ко всем*). И вообразите, господа: эта-то «опасных свойств девица» — моя невеста! (*Берет Лонину за руку; Катерина Владимировна обнимает ее; все поражены, каждый по-своему; Софья Васильевна, вспыхнувши, прикладывает лорнетку и ядовито улыбается; Лидия Петровна всплескивает руками и качает головой; Жени, испуганно озираясь на всех, жметя к матери; Лизавета Павловна подносит с улыбкой палец к носу мужа; он целует ее руку, и они представляют счастливую чету, Буровин, разводя руками, кланяется; Тесов боязливо прячется за него*).

Б у р о в и н (*к Дубкову*). Следственно, ваше высокоблагородие, как же нам теперьча в этаким оном случае неожиданном поступить?

Д у б к о в (*с улыбкой*). А уж это как знаете!

Б у р о в и н (*к Тесову*). По сей причине, братец, что ж нам теперьча, — отступление значит. (*С поклоном к Дубкову.*) Просим уж вас, по оному, это оное к уничтожению, и то есть предать дело забвению! А вас имеем честь поздравить!.. (*Все подходят с поздравлением.*)

За сценой шум и голоса.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Те же и слуга с Акимычем.

С л у г а (*удерживая Акимыча*). Постой... погоди... говорят!
А к и м ы ч (*рванувшись*). Пусти... Некогда! (*К Лониной.*) Ваше благородие! Приемку надо делать... дрова привезли... Ну и полено... отборное!.. (*Общий смех.*)

Занавес.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Драма в 4-х действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лица

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ ГОТОВЦЕВ

директор частного учреждения, средних лет, представитель.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА

жена его.

ВИТАЛИЙ

АНЮТА

ЛИДОЧКА

} *дети их.*

ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАРУСОВ

брат Готовцевой.

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА СЕТКИНА

вдова, подруга Готовцевой.

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ТЕЛЕГИНА

молодая девушка, учительница музыки.

МИНОДОРА

няня Готовцевых.

Действие происходит в доме Готовцевых. Гостиная. Богатая резная мебель, камин, деревья в кадках, вьющиеся растения, большие картины, ковры; во всей обстановке изящество.

ЯВЛЕНИЕ I

В и т а л и й и А н ю т а (сидят у окна и разговаривают); П а р у с о в и М и н о д о р а (входят).

М и н о д о р а (в дверях). Пожалуйте, батюшка, пожалуйста; барыня заждалась Вас. Теперь они счета сводят, так в эту пору их никто не беспокоит, а вот сейчас кончат и выйдут. Уж как будет рада Вам — страсть!

П а р у с о в (отстраняя ее). Отойди ты от меня! Ну, старуха! Поздороваться не даст.

В и т а л и й (*пожимая руку*). Что это вы, дядя, не даете нашей старушке рассыпаться в чувствах?

П а р у с о в. Помилуй, проходу нет; еще на лестнице подхватила меня, да так и вцепилась: «ду-ду-ду, ду-ду-ду...», одолела.

А н ю т а (*подходя*). А нам и не так от нее достается. (*Целует Парусова*.)

М и н о д о р а. Батюшка, хочется хоть с вами отвести душу. А то, что у нас делается, и-и! От мала до велика все носы повесили.

В и т а л и й (*с неудовольствием*). Няня!

М и н о д о р а Эж напужал! (*Передразнивая*.) «Няня!» Сама знаю, что нянчила тебя.

А н ю т а. Дядя, не слушайте ее болтовню. Особенного ничего нет.

М и н о д о р а. Уж подобного теперешнему отродясь не случилось.

П а р у с о в. Э-э! Да у вас тут что-то вышло! Один грозно возглашает: «Няня!», другая говорит; «Не слушайте». (*Минодоре*.) Жарь, старуха, все начистоту, без всяких опасений.

М и н о д о р а. А кого мне бояться? Барина дома нет. Все расскажу. Такая на ихнего папашу хмурь да ненавистность нашли — никто не мил стал. Сами знаете, как он прежде по барыне и детям сох. Насчет ласки, забот и прочего ублажения — редкостный был, а теперь молчит, губы кусает, косоурится... и что дальше, то хуже... жутко, ежели в комнату войдет.

П а р у с о в. Вот так история! С чего же он? В уме не повредился ли?

А н ю т а. Что вы только не выдумаете.

П а р у с о в. Не удивляйся, мой друг. Нынче это просто. Ходит человек — ничего не заметно, а там послушаешь — отвезли.

В и т а л и й. У него взгляд яснее, чем у нас с вами. Тут другое... он или тяготеется чем-то, или сердится на кого-то.

М и н о д о р а. На кого же? Барыня — кроткий ангел, тебя, вон, тихтехтором сделали, дома будешь строить, Анюте хоть бог красоты большой не дал, зато насчет музыки мастерица; Лидушку взять, так и та при новой учительше не в пример лучше стала — и за книжкой больше сидит и форсу поспало. Одно сказать: все как следует, а барин не в себе.

П а р у с о в. Не по службе ли что? Управляет большим делом... завистников, верно, немало... не подкапываются ли?

А н ю т а. Узнавали, ничего не слышно.

П а р у с о в (*рассердясь*). Ну, так тут ничего не поймешь.

М и н о д о р а. Вот так-то и мы. Дивимся, разводим руками, а догадки нет. Пришла беда, а неизвестно откуда.

П а р у с о в. Давно ли это с ним случилось?

А н ю т а. Месяца три.

П а р у с о в (*в раздумьи*). Так... так... в последний мой приход было уже кое-что заметно, но я думал, что это пустяки. Отчего же никто из вас не заглянул ко мне поговорить по душе?

В и т а л и й. Мама упросила молчать. Ей стыдно за наши несогласия. Она хотела скрыть их даже от таких близких людей, как вы.

П а р у с о в. Так вам бы отца вызвать на объяснение.

А н ю т а. Пробовали, не отвечает. Хлопнет дверью и уйдет.

П а р у с о в. Видно, надо мне поговорить с ним.

М и н о д о р а. Вступитесь, батюшка, а то что у нас теперь за жизнь! Сам редко дома бывает, детки фыркают, норовят как бы с папенькой схватиться... а барыня сама не своя... Смотреть — слеза прошибает.

П а р у с о в. Ладно, ладно. Не оставим так. Потихоньку, приятельски задену его за живое — разговорится. А пока что, давайте же сюда сестру. Будет ей там счеты сводить. *(Входит Готовцев.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Готовцев.

Г о т о в ц е в *(входя)*. А, ты пришел? Здравствуй.

П а р у с о в. Я пришел. Здравствуй. Или не рад мне?

Г о т о в ц е в. Почему же? Как всегда.

П а р у с о в. А сам смотришь бирюком. Видно, для развлечения надо тебя по-прежнему пожать, чтоб заголосил, да обозвал меня медведем... *(Подходя и расставляя руки.)* Пожалуйста.

Г о т о в ц е в. Оставь шалости! Не всегда они к месту.

П а р у с о в. Хе-хе! Строгости пошли. Извини, не коснусь.

Г о т о в ц е в. *(Минодоре)*. Ты чего уставилась?

М и н о д о р а. Я-то... Да ничего... при господах.

Г о т о в ц е в. *(резко)*. Уходи!

М и н о д о р а. Коли такая барская воля — уйду, уйду. *(Уходит.)*

А н ю т а. Папа, ты так раздражен, не уйти ли нам?

Г о т о в ц е в. Что за нелепые вопросы? Оставьте меня.

П а р у с о в. Угомонись, зятек. Мне передали, что ты чем-то расстроен, так зачем же на домашних срывать зло.

Г о т о в ц е в. Не Минодора ли сообщает обо мне такие интересные новости?

П а р у с о в. И она говорила. Да как не сказать? Живет столько лет, предана, как собака... не умолчишь, если барин освирепел.

Г о т о в ц е в. Я не желаю, чтоб ты повторял разные глупости.

П а р у с о в. Гм! Не повторял бы, если б не видел, что это правда. Дружище, нехорошо! Ты истомил всех.

Г о т о в ц е в. Ты, кажется, хочешь вмешиваться в мои семейные дела?

П а р у с о в. И не подумаю. Становиться между мужем и женой все равно, что между дверью и притолокой палец совать. А дети сами не маленькие, не дадутся в обиду...

Г о т о в ц е в. Стало быть, приличнее всего тебе молчать.

П а р у с о в. Не совсем. Часто кому-нибудь из домашних неловко сказать, а со стороны словечком как ожгешь — и польза.

Г о т о в ц е в. Господи! Недаром родство считается карой божьей. Каждый из вас рано или поздно взгромоздится на шею.

П а р у с о в. Во-первых, для моей комплекции у тебя шея мала, а во-вторых, я говорю по другому праву. Я был столько лет с тобой в тесной дружбе, ты позволял мне высказывать и не такие вещи. А если тебя шальная муха укусила за ухо, так... где моя шапка?

Г о т о в ц е в. Я вправе желать и даже требовать, чтоб никто не являлся ко мне с неуместными вопросами и порицаниями. Кому угодно — может порицать меня заочно, а в глаза не говорить того, что взбрдет в голову. Держи себя с тактом, и я буду встречать тебя с удовольствием.

П а р у с о в. Но этого удовольствия не получишь. Меня, любезный друг, не во всякую дверь проведешь. Хожу туда, к кому душа лежит, а здесь... начинается вытеснение родных. Для чего тебе это понадобилось — не знаю... Набрался ли ты важности, или по другой какой причине, но только выгалкиваешь меня исправно. Жалею! Ты не думай, тебя — сестру и ребят твоих. Ну, да с ними мы никогда не разладим. Прощайте, обиженный хозяин и родственник. Больше я для вас карой божьей не буду. *(Уходит.)*

А н ю т а. Папа, за что ты оскорбил дядю! Он был самым преданным нам родным.

В и т а л и й. Что мы должны были чувствовать, когда видели, как ты неправ.

Г о т о в ц е в. Как вам нравится? «Неправ!» Жаль, что вы не сказали этого мне при дяде. Я указал бы вам ваше место.

А н ю т а. До сих пор оно было подле тебя, а теперь неужели нет? Право, можно подумать, что с нами говорит человек, которому мы в тягость.

Г о т о в ц е в. А вам хочется, чтоб я смотрел вам в глаза, нянчился и восхищался бы даже нелепостями, которые вы говорите. Не слышком ли велико это требование. До сих пор я заботился, не зная покоя, думал: «Вот поставлю их на ноги, вздохну свободно». Оказывается, что вы по-прежнему живете у меня как несовершеннолетние и в довершение всего надо мной же устраиваете опеку. *(Улыбаясь.)* Учите, учитесь, как я должен вести себя.

А н ю т а. Как же нам не говорить! Посмотри на маму. Что стало с ее милым лицом? Если она молчит, это не значит, что не страдает. Мы должны высказывать свои мнения, иначе ты перестал бы смотреть на нас прежними глазами и назвал бы бессердечными и пустыми.

Г о т о в ц е в. Бойко и смело. *(Виталию.)* Прибавь и ты что-нибудь. Что за церемонии? Громи, и я первый скажу: поделом!

В и т а л и й. Сказать, папа, есть что, но я не признаю полуслов, а говорить открыто не могу. Я помню, что ты мой отец.

Г о т о в ц е в. И желаешь, чтобы я оставался вьючной лошастью, с которой никогда не снимают груза? Нет, довольно. Мне ненавистна стала вечная зависимость от семьи... Я жить хочу! Дайте мне возможность хоть в эти годы не знать, что все от меня чего-то хотят и я не могу никуда скрыться, чтоб на меня не смотрели во все глаза.

А н ю т а. Папа, какие ужасные слова ты говоришь! После этого разве можно оставаться здесь?

В и т а л и й. Так вот что тебя раздражало! Отчего же ты просто не сказал: «Уйдите из моего дома». Тарелка супа и стакан чая дороги мне не оттого, что я имею их даром, а потому, что они налиты рукой матери и я сижу подле тебя. А роскошь... не нужна она мне... Я буду лучше голодать, чем жить у тебя из милости. Об одном грущу, что мы расходимся, не обнявшись сердечно. Прощай, благодарю за все. *(Уходит.)*

А н ю т а. Папа, и я уйду. Я сумею работать и постараюсь обойтись без твоей помощи. *(Уходит.)*

Г о т о в ц е в *(один)*. Я не помню, что говорю, что делаю... бешенство душит меня. Глупцы, они хотят откровенности! Я с собой боюсь быть откровенным... *(Смотря на часы.)* Сейчас она должна быть здесь... Дождусь ее. Для чего? Взглянуть, потерзаться и уйти, чтоб еще сильнее мучиться. *(Входит Телегина.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Готовцев и Телегина

Т е л е г и н а *(входя)*. Здравствуйте. Извините, я кажется немного опоздала. *(Взглянув на часы.)* Нет, как раз вовремя. Скорее к Лидочке и примемся за дело. *(Идет.)*

Г о т о в ц е в. А меня не утомляет даже пожатием руки? Очень любезно.

Т е л е г и н а. Ах, я так заторопилась... Но если вы привыкли к почтению и... послушанию, я проявляю и то и другое разом. *(Протягивает руку.)*

Г о т о в ц е в. Вот и хорошо. *(Пожимает руку.)* А то вы словно боитесь меня. Что бы я ни сказал, на вашем личике или пробегает тень или нахмуриваются брови... Я хочу всегда от вас видеть ласковый взгляд.

Т е л е г и н а. Ласковый. Это не по нашей части. Мы ведь не женщины, а учительницы. Терпение, покорность, послушание — наша вывеска, а желчь и недовольство — сила. Откуда же явиться ласке?

Г о т о в ц е в. Вы способны на нее более чем кто-нибудь.

Т е л е г и н а *(кокетливо)*. Да? О-о! А вы, кажется... зорко наблюдаете за мной.

Г о т о в ц е в. Будто это для вас новость? Вам хорошо известно, что я интересуюсь вами.

Т е л е г и н а. За такое внимание я не знаю, как выразить свою благодарность.

Г о т о в ц е в. Чтоб казаться непонимающей, вы отыгрываетесь словами. В таком случае я должен быть осторожен.

Т е л е г и н а. А я нахожу, что вы давно уж слишком смелы. Высказывать то, что я слышу от вас уже не в первый раз... впрочем, что же тут удивительного? Кто церемонится с учительницей или гувернанткой! Чего не решаются выразить какой-нибудь барышне, то без особого стеснения говорят нам.

Готовцев. Неужели вы так дурно думаете обо мне?

Телегина (*улыбаясь*). О вас, дурно? Помилуйте! Вы идеал честности, готовности сделать все хорошее, покровительствовать слабому... вы божок, которому молятся, перед которым благоговейт, и вдруг я осмелюсь не заметить всех высоких качеств вашей души, и дурно думать о вас!

Готовцев. Что это — шутка или насмешка?

Телегина (*вздыхнув*). Правда.

Готовцев. Каким тоном это говорится!.. Вы играете со мной, как кошка с мышкой.

Телегина. Вы это видите и позволяете? Редкий пример великодушия.

Готовцев. Вы терзаете меня... издеваетесь... и за что же? За то... за то...

Телегина. Не принести ли вам лексикон? Вы, кажется, забыли какое-то слово?

Готовцев. Того не забудешь, что жжет огнем. Как мальчик, я всегда подкарауливаю вас, чтобы взглянуть на вас... пожать вам руку. Но мне страшно было высказаться вполне — я мог потерять вас навсегда. Однако пора кончать недостойную роль обожателя... (*Тихо.*) Я люблю вас.

Телегина. Какую новость вы сказали мне. Я давно, давно это знаю.

Готовцев. И у вас хватает духу смеяться?

Телегина (*с раздражением*). А неужели об этом можно говорить серьезно?

Готовцев. Но нельзя глумиться над самым святым чувством человека.

Телегина. Какое кощунство называть ваше чувство святым!

Готовцев. Зачем же вы сразу не оттолкнули меня? Зачем томили намеками, которые давали право на что-то надеяться?..

Телегина. Да, я не суровая педантка. Было время, когда я возмущалась, плакала, выслушивая уверения и признания, а теперь поумнела. Я знаю, что у всех на уме одурачить бедную девушку, воспользоваться ее неопытностью, добиться легкого успеха. Сколько мне пришлось переиспытывать горя, потерять мест за то, что не верила ласковым людям! Теперь я закалена, могу с улыбкой смотреть на то, что прежде огорчало, и смеяться над искусно-пламенными речами, какими удастаивают меня такие почтенные господа, как Константин Сергеевич Готовцев. А затем, кажется, я могу пойти в последний раз в классную, поцеловать Лидочку и, не дождавшись, пока мне откажут, проститься с ней.

Готовцев. Вам никто не может отказать, пока вы сами не пожелаете уйти. Я не из тех низких людей, которые легко смотрят на вещи и за неуспех мстят. Мое чувство глубоко, я люблю вас всеми силами души.

Телегина. Зачем вы говорите это? Я не хочу знать ваших чувств. Вы семейный человек, у вас такая прекрасная, всеми уважаемая, красивая жена, взрослые дети, — и вы объясняетесь мне

в любви! Не скрою — вы нравитесь мне, я чувствую гордость, что интересую вас, но пора кончить. Ваши искательства обижают меня, а я стою уважения и требую его. После этого, надеюсь, вы не решитесь играть мной. Карты открыты, мы видим, что у каждого на руках. Разойдемся же и останемся каждый при своем. Этот урок вам будет не лишним. *(Уходит.)*

Готовцев *(один, молча смотрит ей вслед)*. Вот и ответ. Да и чего я мог ждать? Она права... семейный человек... это безумие... я не должен поддаваться... и справлюсь с собою. Нужно только время. Она будет ходить к нам... я освоюсь с мыслью, что мечтать о ней нелепо и потихоньку остыну. *(Иронически улыбаясь.)* Ну, конечно, конечно, как все гладко выходит на словах. Буду стыдить себя: «При моих ли летах, при моем ли положении?» Ах, если бы эти фразы дали мне хоть немного силы, а то нет ее!.. *(Опускается на стул и опирается головой на руку.)* Тяжело, невыносимо тяжело.

Готовцева выходит и останавливается у дверей. Затем медленно подходит к Готовцеву.

ЯВЛЕНИЕ 4

Готовцев и Готовцева.

Готовцева *(положив руку на плечо мужу)*. Константин Сергеевич!

Готовцев *(взглянув)*. Валентина!

Готовцева. Что с тобой делается? Ты вздрагиваешь от неожиданного слова... бледнеешь... твой взгляд беспокоен... Ты, верно, болен и скрываешь от меня свою болезнь.

Готовцев *(раздражительно)*. Да... да... вы все так думаете, но я совершенно здоров. Не надоедай мне нелепыми предположениями.

Готовцева *(нежно)*. Милый мой, я не тревожила тебя вопросами, старалась быть реже подле тебя, думала, что ты сам придешь ко мне и выскажешь все. Но ты молчишь и молчишь. Неужели я потеряла твое доверие, перестала быть тем, чем была всю жизнь — любимой женой, другом, матерью твоих детей? Скажи мне все. Если на твоей душе лежит какой-то гнет, вдвоем мы скорее обсудим. Не скрывай ничего, как бы горько и прискорбно это ни было...

Готовцев. Какая трогательная речь и из-за чего же? Я знаю тебя; ты способна поднять бурю без всякой причины.

Готовцева. Ты отшатнулся от меня, перестал говорить, тяготишься моим присутствием, почти не бываешь дома... Можно ли без причины так жестоко поступать с женщиной, которая любит тебя с шестнадцати лет? Я была всегда твоей советницей, помогала в трудах, и ты не раз говорил, что обязан мне своим возвышением. Неужели все это забыто? Костя, милый мой, скажи мне искренно, отчего ты изменился, и я с твердостью встречу несчастье, как бы велико оно ни было.

Готовцев *(охватив себя за голову и отходя)*. Оставь меня, мне нечего тебе сказать.

Готовцева а. Ты оскорбил брата, наговорил детям того, чего они никогда не ожидали слышать. Неужели и это без всякой причины? Нет, она есть. Я чувствую это в глубине моего сердца и боюсь за каждый день, за каждый час.

Готовцев (в сильном волнении взяв ее за руку, негромко). Да, ты права, перед нами пропасть. Хочу обойти, миновать ее, но она тянет, тянет меня. Я чувствую, как теряю рассудок. Не подходи же ко мне, избегай, безумные не отвечают за свои поступки! (*Быстро уходит.*)

Готовцева а. (*одна*). Он скрывает что-то, у него не хватает духу высказаться. Одни намеки, от которых еще больнее на сердце. Что случилось? Может быть, растрата? Нынче это так часто бывает. (*В раздумьи.*) Но как же это... В его годы... при общем уважении и потерять честь, которой он всегда так дорожил. Нет, нет, я не хочу дурно думать о нем! (*С силой.*) Так что же, наконец? Он сказал: «Перед нами пропасть!» (*В раздумьи.*) Неужели увлечение?

Входит Сеткина.

ЯВЛЕНИЕ 5

Готовцева и Сеткина.

Сеткина (*входя*). Фу, батюшки, когда же это я перестану шибко ходить по лестнице? Задыхаюсь! Слова не могу сказать! Смотри, как сердце бьется. (*Берет ее руку и прикладывает к сердцу.*) Шибко? Когда-нибудь в прихожей у вас грохнусь и получите в презент мертвое тело.

Готовцева а. Зачем же ты стоишь и разговариваешь? Садись.

Сеткина а. А ты зачем лепечешь чуть слышно, словно встала со смертного одра? Фу-у! (*Опускается в кресло.*)

Готовцева а. Неприятности у нас.

Сеткина (*быстро встает*). Какие? Когда? С кем? Изволь сейчас рассказывать.

Готовцева а. Константин Сергеевич стал неузнаваем.

Сеткина а. Что ж, кричит, шумит, бранится?

Готовцева а. Напротив, молчит и тоскует.

Сеткина а. А-а-а! Ну, ну? Что же случилось?

Готовцева а. Не знаю.

Сеткина а. И не спрашивала?

Готовцева а. Не могу добиться ответа, ажитируется* и уходит.

Сеткина а. Знаешь, что, Валя! Тут нет ли интриги? Не замешана ли женщина?

Готовцева а. Едва ли... Он не такой человек.

Сеткина а. Ты только скажи мне, с кем он чаще видится, о ком говорит.

Готовцева а. Никого не могу назвать.

Сеткина. Отчего же не выведишь?

Готовцева. Я не унижусь до этого.

Сеткина. И глупо. За мужчинами смотри в оба. Они противные, ходят по пятам за нами и чуть какой-нибудь пикантный разговор, лишняя улыбка, или... ну, какая-нибудь шалость вроде поцелуя ручки — буря! Как он держит себя с Телегиной?

Готовцева. Неужели ты можешь подозревать ее? Она так скромна, порядочна.

Сеткина. Ха-ха-ха... скромна, порядочна. О, жены! Всегда вы узнаете про своих мужей после всех.

Готовцева. Разве тебе что-нибудь известно?

Сеткина (*таинственно*). Своими глазами видела их несколько раз на улице вместе и в очень горячей беседе. Я не говорила тебе, потому что думала: «Маленькая шалость... нынче ведь все шалят!» А теперь ты говоришь: «Изменился!» Медлить нечего: меры! меры!

Готовцева. Какие меры?

Сеткина. Нужно немедленно отказать ей от уроков.

Готовцева. Что ж из этого будет?

Сеткина. По крайней мере узнаешь истину. Если Константин Сергеич примет это горячо к сердцу, значит, я права.

Готовцева. Ты всегда скоро на выводы.

Сеткина. Помилуй!.. Я рекомендовала тебе Телегину... Что ты скажешь мне, если они зайдут далеко? Отказать, отказать!

Готовцева. У меня нет повода. Притом я не привыкла так обращаться с людьми.

Сеткина. А сами-то что они делают? Эти учительницы — ужасный народ. По урокам ходить тяжело и неинтересно, а соблазн горой лезет в глаза. На пальцы посмотрит — нет колечка; на башмаки — на сторону покосились, шляпка плохая, а фантазия-то, фантазия, так и играет. Вот и начинается поход за колясками да обстановкой. И что же ты думаешь? Многие добиваются. Оно и понятно. Я по себе сужу. Стоит мне чего-нибудь захотеть, ничто не удержит. Сердце начинает стучать, глаза сделаются большими, пальцы так и расправляются, как у коршуна. Вообрази в таком положении женщину. Может она удержаться? Никогда. Только станет этак на носочки, по-кошачьи, потихоньку подкрадется и цап. А такие, как ты — блаженные — мучайся. Она, верно, на уроке? Сейчас пойду выпровожу, а тебе завтра же привезу другую. Увидишь, что я буду твоей спасительницей. (*Уходит.*)

Готовцева (*одна*). Боже мой, неужели она права? Если эта трудолюбивая девушка с таким открытым лицом способна лукавить... кому же верить? Но как совестно. Пусть без меня все сделается. Уйду, чтоб не встретиться с ней.

Вбегает Л и д о ч к а

ЯВЛЕНИЕ 6

Готовцева, Лидочка, потом Сеткина и Телегина.

Лидочка (вбегая). Мама, милая мама, как я благодарна. Телегиной отказано, ко мне будет ходить новая учительница. Вот я рада, вот я рада! Совсем меня измучила уроками.

Готовцева. Ты и с другой, конечно, будешь хорошо учиться?

Лидочка. Еще бы, мамочка. Из всех сил буду стараться.

Готовцева. Вижу, вижу, что ты стала умница. Пойдем отсюда, моя крошка.

Обе уходят. Входят Сеткина и Телегина.

Телегина (входя). Я не гонюсь за уроками, но меня возмущает бесцеремонность. Не дождавшись даже окончания класса, вы приходите и в присутствии девочки отказываете мне.

Сеткина. Ах, мой дружок, это очень обыкновенная вещь. Всякий поступает как ему удобно.

Телегина. Может быть. Но в этом доме я ожидала найти другое отношение к себе. Я думала, здесь оценят мой труд. Э, да бог с ними! Видно, люди везде одинаковы. Передайте Валентине Александровне, что я глубоко оскорблена и не хочу получать даже деньги, которые заработала. А вас... благодарю за рекомендацию. Вы научили меня быть еще осторожнее. Прощайте!

Входит Готовцев.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Готовцев.

Готовцев (входя). Мне сказали, что вы уже уходите. Почему так скоро?

Сеткина. Лидочка очень изнурена. Валентина, кажется, желает учительницу с более мягким характером. *(Про себя.)* Вот когда нужно позвать Валу. Пусть увидит, какое впечатление произведет на него этот отказ. Как интересно! Ах, как интересно! *(Уходит.)*

Готовцев (некоторое время смотрит молча; с удивлением). Что случилось? Разве вышло какое-нибудь неудовольствие?

Телегина. Никакого. Ко мне ни с того ни с сего прислали сказать, что я не нужна, и я ухожу.

Готовцев. Она поняла, кого ей надо бояться. Но вы не уйдете от нас. Я хочу видеть вас всегда, и пусть кто-нибудь осмелится настаивать на отказе вам!

Телегина (с достоинством). Чтобы я осталась здесь! Ха-ха-ха! Как вы все жалки! Вы с вашей неотвязной любовью, жена ваша со своим напускным благородством. Она не стояла того, чтобы ее щадить. Оставайтесь же под надзором строгой супруги и исполняйте свои обязанности. Прощайте!

Готовцев. Я не могу расставаться с вами. Отдайте мне ваше сердце, и я все принесу в жертву, что связывает меня с прошлым.

Телегина *(после небольшого молчания, тихо)*. Вы понимаете, на что решаетесь?

Готовцев. Я не вопроса от вас жду, а ответа: да или нет?

Телегина *(растерянно)*. Вы застаете меня врасплох. Надо освоиться с этой мыслью... сообразить... я боюсь.

Готовцев. Я считал вас храброй не только на словах.

Телегина. Я не робкая. Жизнь рано научила меня быть смелой. Я боюсь не за себя. Вы хотите разрушить семью, отчуждаетесь от того, с чем связаны были так долго... Заменяю ли я вам то, чем вы жили, и не раскаетесь ли вы скоро... может быть, очень скоро? Что тогда?

Готовцев. Мое увлечение не ребячество. Я знаю, на что иду. Во всей вашей обаятельной личности много противоречий; вы, как сфинкс, перед которым стоишь в недоумении, но за один ваш взгляд можно забыть себя и все дорогое.

Телегина. Забыть? А если за этими словами ложь и обман?

Готовцев. Скажите «да», и вы увидите, на что я способен.

Телегина. Константин Сергеевич, не шутите со мной. Я не плакса, как большинство женщин, у которых слезы единственное оружие. За обман я сумею жестоко отомстить.

Готовцев. Я ничего не боюсь.

Телегина. Если вы так смело смотрите на наше будущее... я готова связать свою жизнь с вашей — я согласна.

Готовцев *(беря за руку)*. Вот что мне дорого, а остального не бойтесь!

Готовцева появляется в дверях, Телегина медленно, с достоинством уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Готовцев и Готовцева.

Готовцева *(после маленькой паузы)*. Что это значит?

Готовцев. Я... люблю эту девушку... я без нее жить не могу.

Готовцева. Ты? Любишь ее? Без нее жить не можешь? Вот она, разгадка. *(Растерянно.)* Но как же это... ты забыл... прошлое... ты разбиваешь мою жизнь, семью... это жестоко... бесчеловечно... *(Закрывает лицо руками.)*

Готовцев. Не вини меня, а прости.

Готовцева. Довольно. Ты все сказал. Я ждала невзгоды — она пришла... *(Сдерживая слезы, вполголоса.)* Идите ж к ней, ищите счастья, которого вы не нашли со мной! *(Идет к двери, Готовцев стоит, опустив голову.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Л и ц а

ГОТОВЦЕВ.

ГОТОВЦЕВА.

ВИТАЛИЙ.

АНЮТА.

ЛИДОЧКА.

ПАРУСОВ.

СЕТКИНА.

ЧЕМБАРЦЕВ

приятель Виталия.

МИНОДОРА.

Комната. Обстановка средней руки. Диван, кресла с ручками, мелкие стулья, пианино, швейная машина, цветы, олеография. Между первым и вторым действием проходит около четырех месяцев. Действие происходит в квартире Парусова.

ЯВЛЕНИЕ I

Парусов (держит моток шерсти), Лидочка (мотает на клубок), Анюта (играет на пианино, но при поднятии занавеса перестает и опускает голову на пюпитр); Виталий (сидит за столом и работает); Минодора (стоит возле Лидочки).

Лидочка. Дядя, мне надоело мотать.

Парусов. Ну, ну, без разговоров.

Минодора. Ишь, непоседа! Дяденька усердствует, а ей, вишь, надоело.

Лидочка. Подумаешь, какое удовольствие; сиди и мотай. Сонечка звала меня.

Парусов. После сходишь, сам провожу тебя.

Лидочка. Оставьте, пожалуйста. Когда мы жили с отцом, меня никуда не пускали без горничной, а теперь мама смотрит на это иначе. В настоящее время самостоятельность в моде.

Минодора. Каково стала поговаривать! Все от баловства. Папаша нет при вас, а от мамыши одно послабление. Так набаловала, так набаловала,— глаза бы не глядели. Но только тебя укротят— начальство дойдет.

Лидочка. Ах, старушка, как ты недалека! *(С достоинством.)* Нас никто не может укротить. Я умею держать себя.

Парусов. Ха-ха-ха... Ишь, ты, мелюзга, туда же: «держаться». Держи-ка лучше клубок ровней, а то выйдет криво, и твоя мамашенька рассердится.

Лидочка. Она? Никогда. Я обожаю ее, боготворю ... это ангел. Мы навсегда останемся с ней друзьями.

Минодора. Батюшки, светы! Ну, дожили. С маменькой в дру-

жбе! Меня скоро Минодоркой будет звать, а там и до дяденьки доберется — наставление начнет читать.

П а р у с о в. Хе-хе... Заноза.

М и н о д о р а. Есть чему смеяться. Фанаберка и больше ничего.

Входит Готовцева.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Готовцева.

Г о т о в ц е в а. Ах, неугомонная старуха! На кого она напала?

Л и д о ч к а. На меня, мамуся, на меня. На кого же больше? Ужасно надоела! *(Бросает клубок на стул.)*

П а р у с о в. Погоди, погоди!

Л и д о ч к а. Так и буду ждать. Теперь дело есть поважнее вашего — маму хочу поцеловать. *(Целует.)* Вот, вот, вот! А затем adieu! Держите сами, а я... *(с важностью идя)* не стану заниматься такими пустяками, а сейчас к Сонечке. Смотрите, как пойду: поступь важная, взгляд значительный и так рукой, рукой... *(Показывает.)* Все сворачивай с дороги. Ха-ха-ха... *(Убегает.)*

Г о т о в ц е в а. Еще бы тебе не ссориться с ней, когда вы ровесницы.

М и н о д о р а *(глупо ухмыляясь)*. Куда ровесницы! Разница есть! *(Все смеются.)* Ведь что придумают — Лидушка и я ровесницы. Фу!.. *(Фыркает в руку и уходит.)*

В и т а л и й. Мамочка, мы с нетерпением ждали, когда ты выйдешь из своей комнаты. Ах, твои глаза опять красны. Ну, что ты сделаешь слезами? Только окончательно расстроишь свое здоровье.

Г о т о в ц е в а *(улыбаясь)*. Жури, жури свою старуху.

А н ю т а. Мы знаем, родная, что тебя угнетает одна дума, а все остальное... мало приносит утешения.

П а р у с о в. Так, так, добирайте ее. Может быть, такие слова тронут ее.

Г о т о в ц е в а. Этим вы будете только мучить меня. Я прошу вас об одном — обращайтесь меньше внимания на свою мать.

В и т а л и й. И спокойно смотреть, как ты отсылаешь назад нераспечатанными отцовские письма, волнуешься и сидишь в четырех стенах, словно боишься людей и света божьего! Нет, мама, это надо кончить. Так жить нельзя.

Г о т о в ц е в а. Друзья мои, не судите о том, чего еще не можете понимать. Как это просто сказать: «Мама, иди гулять», «будь весела», «забудь все неприятное!» Ах, если бы люди так легко справлялись с собой! Будь же, Витя, доволен тем, что есть.

В и т а л и й. Я не верю такому спокойствию.

Г о т о в ц е в а. Разве я жалуясь? Кто слышал от меня хоть одно слово недовольства? На лице моем никто из вас не видел уныния. Да мне и некогда поддаваться ему; у меня все время занято. Вот и теперь иду на кухню произвести строгую инспекцию, как-то ведет себя

тесто к сегодняшнему пирогу, потом усядусь за швейную машину кончить работу, потом напою вас чаем — день и пройдет незаметно.

А н ю т а. Ты искусно маскируешься, но нас трудно обмануть. Мы хорошо понимаем, каково у тебя на сердце.

П а р у с о в. А вот погодите — я пойду к ней в помощники: колпак надену на голову, фартук подвяжу и начну кастрюли таскать. Примешь?

Г о т о в ц е в а. Такого Геркулеса? Ни за что. В твоих руках ни одной кастрюли не останется целой.

П а р у с о в. Фю, фю, забраковали!

В и т а л и й. Поделом. У кого душа крепкая и кто любит без фальши, тому нет цены.

Г о т о в ц е в а. Долго ты, несносный, будешь язвить меня? *(Треплет по щеке и целует в лоб.)*

В и т а л и й. Пока ты не изменишься.

Г о т о в ц е в а. И что же я должна делать? Сидеть сложа руки и смотреть, как люди работают, и от безделья, под видом пользы для здоровья, совершать продолжительные прогулки? Как мало вы знаете свою мать! Вам думается, она была томной барыней, принимала визиты, возилась с поварами — и вдруг перемена. Мелкие счета, рынок, не диковина самой подмести комнату. *(С поддельным ужасом.)* Как это можно! Как долго мы остаемся наивными. Мне казалось, что мое личное счастье вечно и что никто не оторвет от сердца того, чем я жила. Но вы видите, как судьба жестоко поступила со мной, и я поняла, что для матери должно быть дороже всего на свете — вы, кому я дала жизнь. Да, дорогие мои, теперь я буду жить только для вас. Долг, который я исполняю, осмыслил мою жизнь. Не будь этого, конечно, я не выдержала бы удара, разразившегося надо мной. А теперь мне ничто не страшно, я живу, радуюсь и счастлива, что полезна вам. Разве не приятно видеть, с каким аппетитом вы уписываете лакомые блюда, приготовленные моими руками, или сознавать, что все пружины нашего небольшого хозяйства держатся в крепких руках? Иду же сооружать для вас такой пирог, какого вы еще никогда не едали, и явлюсь перед вами во всеоружии. Смотрите! *(Засучивает рукава.)*

П а р у с о в. Вот так Фламандия! Для полноты картины нагнать бы сюда кур, петухов, собак, а самим взять кому лопату, кому грабли — умирительно!

Г о т о в ц е в а. Упрекайте, смейтесь, что я работаю сама. Все будет напрасно. Труд для меня блаженство: он дает мне забвение и покой... которого меня лишили. Но... *(тихо)*... об этом ни слова, ни слова. *(Уходит.)*

П а р у с о в. Начала за здоровье, а свела за упокой.

А н ю т а. Это ни на что не похоже! Я только не хотела вмешиваться, но вы оба невозможно вели себя с мамой. Положим, дядя старый холостяк — нелюдим... к его манере все привыкли, но ты, Витя... тебе непростительно. Мать убита горем... с ней нужно говорить осторожно, а ты был так резок...

В и т а л и й *(перебивая)*. Не могу сдержат себя. Я понимаю,

что ей трудно примириться со своим положением... и она, чтоб заглушить неотступно преследующую ее мысль, работает до утомления. Так и говори, а то, видите ли, труд для нее блаженство.

П а р у с о в. И я этому верю. Она видит, что нам необходимо экономить, и хлопочет, а идея и красивые слова... надо же хоть этим подкрасить кухонные препараты. Нынче такая мода.

В и т а л и й. Вы намекаете на то, что я мало добываю. Молодому архитектору, конечно, трудно добиться крупного дела. Им завладели старики и нашего брата держат в загоне. Так я до пяти часов утра просиживаю за чертежами.

П а р у с о в. Не в тебе совсем тут дело. Ваш отец должен помогать своей семье.

А н ю т а. Мама и слышать не хочет о помощи от него.

П а р у с о в. А вы делайте, что нужно, и пока можно, обеспечьте свою мать. У Константина Сергеевича завелась новая семья, могут пойти дети, что тогда? Барышня все прикарманит себе. Нужно идти к отцу, оформить деловые отношения, и не говоря, откуда берет-ся, отдавать их сестре.

В и т а л и й. Идти к отцу? Увидеть подле него ее! Ха-ха! Нет, дядя! Мысль, что эта женщина надругалась над нами, разбила семью и безнаказанно блаженствует, приводит меня в содрогание... Я боюсь этой встречи, а вы говорите «иди».

П а р у с о в. Ишь, беснуется! Смотри, губу себе не отъешь. Друг, привяжи покрепче свое сердце, а то выпорхнет, как воробей, и останется пустое место. Не к чему будет и руку приложить, как предстанет перед тобой какое-нибудь неземное создание.

А н ю т а. Вам, дядя, грешно шутить.

П а р у с о в. Как же с вами говорить серьезно? Один клокочет, как Везувий, у другой сироп в речах, а толкового отношения к интересам матери ни на булавочную головку.

В и т а л и й. Не потому ли, дядя, вы опять начали этот разговор, что мы отчасти попали к вам на хлеба?

П а р у с о в (*перебивая*). Как? На хлеба! (*Подходит и кладет руку на плечо.*) Вот что, племянничек! Очень мне нравится, когда я замечаю в тебе нашу парусовскую гордость, но если ты хоть раз еще отольешь мне такую пулю, как теперь — уеду с Валентиной и твоими сестрами на богомолье, да там и проживем месяц. Вот ты и будешь ходить из угла в угол по этой комнате, как гиена в клетке — тогда... хе-хе... попричихнешь! Нехорошо, Виталий, и не только не хорошо, а даже весьма дурно. Ты уж на своих стал бросаться; но я прощаю тебе, потому... себя не помнишь. Уймись, слышишь, уймись! (*Уходит.*)

А н ю т а. За что мы все мучаемся? Милый мой, мы должны уехать куда-нибудь далеко, а пока мы живем здесь, мама будет вечной страдальцей. Она не может забыть отца.)

В и т а л и й. Это слово стало для меня каким-то страшилищем. Ах, Анюта, что может быть ужаснее, когда дети стыдятся поступков своего отца. Я всегда гордился им, а теперь краснею, когда при мне говорят о нем. И я спрашиваю: как жить... как жить?

А н ю т а (с волнением). Что же нам делать? Что делать?

В и т а л и й. Сейчас придет Володя... он должен явиться с вестями. Смотря по тому, что он сообщит, мы решим, как нам лучше поступать.

В дверях показывается Готовцев. Небольшое молчание.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Готовцев.

Г о т о в ц е в. Я пришел браниться с вами. Прошло столько времени, и вы не вспомнили про меня. Или вам хотелось, чтоб я первый явился сюда? Видите, я доставил вам это удовольствие, после чего, надеюсь, мы по-прежнему станем друзьями.

А н ю т а. Напрасно ты обвиняешь нас. Мы не забыли тебя.

Г о т о в ц е в. А я... я скучал, каждый день ждал, что увижу вас... *(вздохнув)* и не дождался.

В и т а л и й. Ты сам закрыл для нас свои двери.

Г о т о в ц е в. Перед вами я действительно виноват. Но кто безгрешен? Когда-нибудь вы поймете то, чего теперь не в состоянии понять. Если мой душевный разлад довел меня до того, что я разошелся с той, кому предан был всю жизнь, то с вами моя кровная связь навсегда должна остаться неразрывной. Кончим же размолвку и обнимемся как близкие люди.

А н ю т а *(обнимая)*. Папа, от твоих слов так хорошо стало на сердце и у меня мелькнула какая то неясная надежда.

В и т а л и й. Да; да, папа, ты пришел мириться с ней?

Г о т о в ц е в *(смутившись)*. Прошу тебя, не касайся этого вопроса. О нем я буду говорить с вашей матерью.

В и т а л и й. Ее нужно предупредить.

Г о т о в ц е в. Но ей, верно, сказали уж, что я пришел.

А н ю т а. Этого мало. Она так дурно чувствует себя, что доктор запретил ей всякое волнение, а встреча с тобой может губительно отозваться на ее здоровье.

Г о т о в ц е в. Я буду осторожен и спокойно выскажу то, что мне нужно. *(Готовцева входит и приостанавливается.)* Валентина! *(Готовцева быстро уходит.)*

А н ю т а. Папа, видишь. Она пошатнулась, побледнела. Господи, как я боюсь за нее! *(Убегает.)*

В и т а л и й. Папа, о вашем свидании сегодня нечего и думать. Скажи, что тебе нужно, я передам ей, а она напишет тебе.

Г о т о в ц е в *(ударя себя в грудь)*. Не напишет. Я не раз обращался к ней и хоть бы строчку получил в ответ. Виталий, я не могу далее выносить такого неопределенного положения и должен объясниться с ней. Если я виноват, так ведь и врагам прощают, а я всегда был для нее добрым и любящим мужем. К чему эта вражда, отчуждение? Люди и после разрыва часто остаются друзьями. Почему нам

не видется? Почему ей не выслушать меня? Неужели мне дойти до того, чтобы подкарауливать ее у подъезда или когда она будет идти в церковь? Она доводит меня до отчаяния! *(Входит Анюта.)*

В и т а л и й. Анюта, что ответила мать?

А н ю т а. Она затворилась в своей комнате и сказала, что не выйдет, несмотря ни на какие просьбы.

Г о т о в ц е в. Не выйдет?.. Какое ужасное упорство! Дети, просите, убеждайте ее! Я всегда был для вас хорошим отцом, делал все, что только был в силах, лелеял, заботился, ласкал. Ради этого будьте энергичны, исполните мою просьбу. Вы видите, я растерялся. Этот разрыв сделал мне жизнь невозможной! Клянусь, ваша мать ничего не услышит, кроме ласкового слова. Вы не должны опасаться за ее здоровье. *(Пожимая им руки.)* Идите и просите. Я скоро вернусь... и надеюсь, она не откажется видеть меня. *(Быстро уходит; Виталий и Анюта долго и молча стоят в недоумении.)*

В и т а л и й *(взявшись за голову)*. Ничего не могу сообразить. Какие-то намеки... ничего не высказывает прямо.

А н ю т а. Ему стыдно говорить о своей ошибке. Но я чувствую, что он хочет возвратиться к маме, чтоб никогда больше не расставаться.

Входит Чембарцев.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Чембарцев.

Ч е м б а р ц е в. Победа, наша взяла!

В и т а л и й. Что такое?

Ч е м б а р ц е в *(улыбаясь)*. Великое смятение! Телегина объята гневом, а ваш папенька преисполнился равнодушия. Словом, моя механика попала в самый такт.

В и т а л и й. Какая механика?

Ч е м б а р ц е в. При успехе все прощается. Теперь и я могу не скрываться. Сначала туда летели анонимные письма. Понимаете, какие? С прославлением. А сегодня сделано еще лучше. Препровожден туда номерок газеты, где пропечатана вся их история и фамилии выставлены начальными буквами. Как увидел я сейчас, что от вас выходит Константин Сергеевич, даже подпрыгнул от радости. Думаю, костыми легла Телегина в сегодняшней битве с ним.

В и т а л и й. Ты говоришь очень утешительные вещи. Но откуда ты это знаешь?

Ч е м б а р ц е в. Лакей Иван обязательный мужчина, притом зеленый цвет обожает. Как трешничек окунешь ему в карман, так он сейчас все и опишет.

А н ю т а. Что вы делаете! Как вам не стыдно! Вошли с лакеем в сделку... анонимные письма посылаете... Ведь это шантаж... на нас могут подумать.

В и т а л и й. Не про тебя ли это написана басня об услужливости? Однако ты оставь свои заботы и благодеяния, а то мы с тобой

так поссоримся, как ты и не ожидаешь. Что за проделки? Но, после того, что ты сказал, мне стал понятен приход отца, и я пойду настоять, чтобы мать приняла его. (*Уходит.*)

Чембарцев. Вы рассердились? Грешно. Уж я ли для вас не стараюсь. Еще урок достал.

Анюта. Напрасно беспокоились, мне и прежние едва ли под силу. Конечно, необходимость заставляет работать, а то, верите ли, отвлечение получила к музыке. Бывало, играешь, блаженствуешь, улетаешь в иной мир, а теперь, как набарабанят тебе уши гаммами да экзерсисами... к пианино подойти не хочется.

Чембарцев. А кто всему причиной? Телегина. А вы не одобряете моих поступков. Что я для Валентины Александровны? Учился с Виталием, а она меня пригрела, обласкала, на службу определила... как же мне сердцем не мучиться за нее? И если теперь Константин Сергеевич не выдаст Телегиной билет на весь свет — я ей устрою не такой камуфлетец.

Входит Сеткина.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Сеткина.

Сеткина. Не ждали? А я тут как тут. Здравствуйте, душечка. Хотела пораньше приехать, да задержали. Меня всегда задерживают. С тем два слова, с тем три слова, — слов-то и много наберется. Своих дел у меня нет, а чужих много. Хлопочу, хлопочу! Вот и сегодня...

Чембарцев. Марья Степановна, дайте хоть слово сказать.

Сеткина. А вы не перебивайте, не то я никогда не кончу.

Чембарцев. У нас есть новость поинтереснее ваших хлопот.

Анюта. Отец был сейчас здесь и хотел опять прийти.

Сеткина (*вскрикнув*). Был?.. Придет?.. Ах, душечка, меня даже в жар бросило! Вот интересно! Не знаете, зачем?

Анюта. Не сказал, но очень хотел видиться с мамой.

Чембарцев. Простая штука. С Телегиной... (*Делает жест.*) Понимаете? Ну, и потянуло к своим.

Анюта. А мама не желает видеть его.

Сеткина. И это понятно. Женщина — существо постоянное, она не может прощать ран сердца. Наша гордость, самолюбие... (*Быстро переходя.*) А с той он положительно разругался?

Чембарцев. Надо полагать. Девица оказалась с темпераментом.

Сеткина. Что ж такое с темпераментом? И я с темпераментом!.. Но мое сердце... это такое сердце... (*Быстро переходя.*) Впрочем, это всегда так. Сначала воздыхание, потом воркование, а затем и кораблекрушение! (*Меняя тон.*) Неужели Валентина отказывается окончательно принять его?

Анюта. Не знаю, что будет. Виталий пошел к ней.

С е т к и н а. Тогда я примусь за нее. Соединить сердца, восстановить согласие... это такое почтенное дело. (*Вскочив и снова меняя тон.*) Давайте мне ее, или я сгорю от нетерпения.

Ч е м б а р ц е в (*подскакивая*). Марья Степановна, ручку... Позвольте... на память откусить кусочек пальчика.

С е т к и н а. Целуйте. (*Чембарцев целует.*) О, шалун! Подает большие надежды. Однако ступайте, скажите Валентине, что я здесь, и узнайте, как идут дела. Если плохо, подмигните мне, я буду знать, как вести себя.

Ч е м б а р ц е в. Очищаю поле для вашей деятельности. (*Раскладывается и уходит.*)

А н ю т а. Завидую вам, Марья Степановна! С таким характером можно без горя жизнь прожить. (*Уходит.*)

С е т к и н а (*одна*). Ха-ха-ха! А неужели киснуть, как все вы? Ну, люди стали! С мужьями разойдутся, хнычут, голову теряют. А нужно вот как: чтобы с мужем было хорошо, а без мужа еще лучше... Кто сумеет так устроиться, значит ум есть.

Входят Готовцева и Анюта.

ЯВЛЕНИЕ 6

Сеткина, Готовцева, Анюта.

Г о т о в ц е в а. Только для тебя и выхожу. Здравствуй! (*Обнимаются.*)

А н ю т а (*тихо Сеткиной*). И слышать не хочет. (*Уходит.*)

С е т к и н а (*с пафосом*). Валя, какие вести! Какие удивительные и поразительные вести!.. Между ею и твоим мужем ссора... Полная и решительная.

Г о т о в ц е в а. Это мне несколько не интересно. Будем говорить о чем-нибудь другом.

С е т к и н а. Слышите, о другом! Но ведь здесь был он.

Г о т о в ц е в а. Что ж такое? Между нами все кончено. Я не могу забыть его вины.

С е т к и н а. Ха-ха-ха! Как это грозно. Но это еще вопрос: кто больше виноват — ты или он?

Г о т о в ц е в а. Ты не понимаешь, что говоришь.

С е т к и н а. Докажу. Такая ли должна быть настоящая жена, такая жена, которой можно интересоваться? Нет. Бывало, смешно смотреть на тебя. Прилижешь гладко волосы, наденешь простенькое платье и усядешься в гостиной перебирать таланты и качества своих детей. Как трогательно!

Г о т о в ц е в а. Для матери это выше всего.

С е т к и н а. Разговаривать о детях? Вот тоска-то.

Г о т о в ц е в а. Мы всегда с тобой различно смотрим на вещи.

С е т к и н а. Оттого ты и пострадала. Разве можно так обращаться с мужем? Он был для тебя кумиром, которому ты весь век поклонялась. Ни протеста, ни возражения, будто господь бог наградил тебя одной способностью повиноваться и угождать.

Готовцева а. Зато у меня совесть покойна. От моего легкомыслия он не умер раньше времени.

Сеткина *(ехидно улыбаясь)*. Это посылается по моему адресу? Я не виновата, что мой муж был глуп. Но пусть лучше каждый из них умрет, чем изменит. Не думай, пожалуйста, что я бестактна, что буду твердить: примиришь, примиришь. Зачем? Что должно случиться, то случится, а чего нет — нет. Но прятаться, словно виноватая — это недостойно тебя.

Готовцева а. Я ношу его образ в своем сердце чистым, каким он был когда-то, и не хочу видеть его таким. каким он стал теперь.

Сеткина а. Валя, ты все еще любишь его? *(Готовцева не отвечает и опускает голову.)* Конечно, может ли быть иначе? Но тебе трудно простить и сойтись опять... Ты боишься за будущее? Все это пустое! Нужно только быть не такой, какой ты была. Надо сделать так, чтоб муж всегда интересовался тобой и видел то гнев, то ласку, то неудержимое веселье, а иногда грусть и, как бриллиант, слезу. И чтоб все это делалось без причины. Супруг-то будет ломать голову, почему и отчего, и ты для него останешься загадкой. Ты загадаешь, он разгадывает, и между вами идет маленькая игра. Быть интересной — вот обязанность и заслуга женщины. Ты же считала это ни во что? И Константин Сергеевич прав, что не мог довольствоваться тобой. Он — натура широкая, не ему мириться с твоей невозмутимостью. А теперь кровь перекипела — его потянуло домой. Сделай же над собой усилие — не будь педанткой и ради семьи повайдайся с ним.

Готовцева *(задумчиво)*. Ради семьи! Ты знаешь, каким словом можно подвинуть меня на все. Да, Мари, ради семьи можно забыть многое. Хорошо, я подумаю. Но прежде, чем решиться на это свидание, я должна знать, справедливы ли слухи, которые ты передала мне. Поезжай и узнай все.

Сеткина а. И ты примешь его?

Готовцева а. Да, приму.

Сеткина а. Сейчас же лечу. Посмотрим, миленькая, как вы меня встретите. Обращаюсь в змею. Буду извиваться и жалить не разом, а потихоньку. И когда узнаю правду — с торжеством нанесу последний удар. *(Лукаво подмигивая.)* По-женски, понимаешь, по-женски. *(Уходит.)*

Готовцева *(одна)*. Он возвратится ко мне... Сколько в этом тоски и радости. *(Горько улыбнувшись.)* Радости! Да, все мы живем надеждой!

Входят Парусов и Виталий.

ЯВЛЕНИЕ 7

Готовцева, Виталий, Парусов, потом Готовцева.

Виталий. Мама, отец пришел. Что сказать ему?

Готовцева а. После... после... когда-нибудь в другой раз...

В и т а л и й. Если ты решила видаться с ним, то к чему откладывать? Овладей собой.

П а р у с о в. Это сказать легко. Она и теперь побледнела. Сестра, послушай меня, не принимай его.

Г о т о в ц е в а. О нет, мы должны, видаться. Я пойду оправлюсь и смело выйду к нему. (*Уходит; Виталий поддерживает ее под руку.*)

П а р у с о в (*один; махнув рукой*). Сбили. Встретим, а между прочим сделаем асаже, чтоб говорил, да не заговаривался. (*Подойдя к двери.*) Пожалуйста!

Г о т о в ц е в входит.

Г о т о в ц е в (*войдя*). Вы так неприветливо смотрите на меня, что я боюсь сказать вам «здравствуйте».

П а р у с о в (*не трогаясь с места*). А с какой стати я стану смотреть на вас приветливо? Не вижу повода.

Г о т о в ц е в. Может быть, вам Валентина поручила передать что-нибудь мне?

П а р у с о в. Ничего-с. А если бы поручила, я отказался бы. У нее для вас одни слова, у меня другие.

Г о т о в ц е в. Вы недовольны моим приходом, но мне это совсем не интересно, я поступаю, как хочу.

П а р у с о в. Вот это хорошо: «хочу»! Я, мол, особа, стало быть, могу творить свою волю. Нет, позвольте! Есть поступки, которые... кто их ни сделай, марают человека.

Г о т о в ц е в. Вы позволяете себе говорить грубости в полной уверенности, что я не уйду отсюда и буду слушать.

П а р у с о в. Нет-с, потому что вы растревожили мое сердце. Разве не гложет стыд, когда долго любишь человека, называешь другом, братом и вдруг узнаешь, что он не стоит того? Милостивый государь, взгляните на себя! Сколько времени вы были образцом порядочности; на вас указывали как на человека, у которого можно учиться жить. И это в самом лучшем значении этого слова. А вы ничем не подорожили и надругались над семьей! Что же останется нам святого, если мы очаг семьи — этот алтарь для всех — отталкиваем от себя ногой?

Г о т о в ц е в. Не произносите этих трескучих фраз — их можно прочесть в очень дешевой прописи.

П а р у с о в. Жаль, что вы не помните их. Не оттого ли такие поступки, как ваш, стали обычным делом? Куда ни оглянись: то жена побросала ребят и убежала с любовником, то муж гарцует под ручку с милой и не стыдится взглядов, которыми окидывают его честные люди. Все забыли обязанности и на уме у каждого только наслаждения. Словно в воздухе носится отрава, которую все незаметно втягивают в себя.

Г о т о в ц е в. Если так, за что же винить нас? Общество живет не так, как угодно господам Парусовым, а по тем веяниям, которые нарождаются, а не сочиняются кем-либо.

П а р у с о в. Чепуха, самооправдание.

Г о т о в ц е в. Вы всегда были резки, махайте же и теперь топором.

П а р у с о в. Перочинным ножом дерева не срубишь. И почему же мне быть мягким? Сестра воображает, что вы пришли мириться с ней, и пусть же за это выпьет чашу до дна, а я вижу по вашим глазам, что вы не за добром явились, и не жду ничего хорошего от вашего визита. Но, может быть, ты в самом деле раскаялся и возвращаешься к сестре? Скажи, что это так, и я обниму тебя по-братски, как прежде.

Г о т о в ц е в. Все, что я должен высказать, услышит Валентина.

П а р у с о в. Ну так знайте, что подле нее стою я, и за каждое неосторожное слово вы будете считаться со мной. *(Полушепотом.)* А затем... извольте говорить с ней. *(С ударением.)* Извольте говорить. *(Уходит; входит Готовцева.)*

ЯВЛЕНИЕ 8

Готовцев и Готовцева.

Г о т о в ц е в. Валентина, не удивляйся моей настойчивости. Нам необходимо объясниться.

Г о т о в ц е в а. О чем?

Г о т о в ц е в. Прежде всего я должен сказать — прости за то, что много принес тебе горя... и искалечил твою жизнь. Я виноват тем, что у меня недостало характера справиться со своим увлечением. Перестань же смотреть на меня как на врага, и мы выйдем из фальшивого положения, в котором находимся.

Г о т о в ц е в а *(мягко и нежно)*. Константин Сергеевич, я не могу думать, что чувства так быстро могут меняться. Я понимаю тебя. Ты не забыл тех, с кем порвал кровную связь, ты вспоминал часто наших детей. Тебе ненавистна стала женщина, оторвавшая тебя от родной семьи, и ты бежал от нее. Ради твоего раскаяния и горячего чувства отца я готова простить тебя, забыть все муки, которые ты доставил мне. Я прощаю тебя... возвращайся к нам. *(Подходит к нему близко.)*

Г о т о в ц е в *(отступая)*. Валентина... ты не так поняла меня. Возвращение для меня невозможно. Я ищу не соединения с тобой, а мы должны расторгнуть последнюю связь... нам нужно добиться развода.

Г о т о в ц е в а *(после маленькой паузы)*. А-а... развода?.. да... да... *(Горько и иронически.)* Ха-ха-ха! О, дети! Как вы наивны! На что вы надеялись? О чем мечтали? *(Хватаясь за грудь и перестав смеяться.)* Я не согласна! Я отошла, перестала быть вам помехой... больше вы не смеете ничего требовать от меня.

Г о т о в ц е в. Я не требую... а прошу.

Г о т о в ц е в а. Не повторяйте вашей просьбы, я никогда не исполню ее.

Г о т о в ц е в. Валентина, умоляю тебя... ради долгих лет соглашения... Ты должна сделать это для меня.

Г о т о в ц е в а (*возвышая голос*). Для тебя осталось в моем сердце одно глубокое негодование. Разве ты не был счастлив? Не был у ног моих? Не клялся в вечной любви? И все это забыто! Припомни прошлое. Мы жили бедно, ютились в маленькой квартире, но я не тяготилась ничем. Целые дни я возилась с семейными дрягями, а вечера просиживала в твоём кабинете, помогая тебе в трудах. Я жила с тобой одной умственной жизнью, считала, что моя душа слилась с твоей навеки и ничто нас не разлучит. Мой ум, также и советы помогли тебе пробыться... Ты достиг видного положения и нажил средства; дети стали подниматься на ноги... Я отдохнула за пережитое и с гордостью смотрела на окружающих, которые завидовали счастливой матери и жене. И в эти-то минуты радужных грез я оскорблена, унижена, отдана на людское посмеяние. И для кого же? Для женщины, овладевшей вами из расчетов! Она будет пользоваться тем, что добыто мною годами трудов, бессонных ночей, болезней... а я должна смириться и добровольно отдать то, что мне принадлежит по праву... Подумайте, сколько желчи и злобы должно накопиться в моей груди! Если у ней хватило стыда ворваться в мою жизнь, то я не сниму своими руками позора, который она будет носить весь век. А что вам наносу удар — чувствую невыразимое удовольствие и наслаждение, и чем больше вы будете страдать, тем полнее будет моя радость. Вот до чего вы довели женщину, бесконечно преданную и горячо любившую вас.

Г о т о в ц е в. Валентина, ты хочешь бороться со мной? Подумай, на что ты идешь! Я заставлю тебя смириться и быть сговорчивее.

Г о т о в ц е в а. Не боюсь, я не беззащитна.

Г о т о в ц е в. Ты рассчитываешь на детей, хочешь их поставить между собой и мной? (*С сильным волнением.*) Твоя надежда напрасна. Никто не укроет тебя от меня... никто не защитит.

Из дверей выходит В и т а л и й и становится между отцом и матерью. Немая сцена.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же, В и т а л и й, потом А н ю т а.

Г о т о в ц е в. Ты?! Я отшвырну тебя, как щепку, чтоб ты помнил, кто я и кто ты. (*Готовцевой.*) Валентина, ты должна будешь согласиться, или мы добром не кончим. (*Уходит.*)

В и т а л и й (*опускаясь в кресло; упавшим голосом*). Что это делается? Куда ведут нас? На что толкают? Страшно, страшно.

Г о т о в ц е в а. Не вам вступаться за меня. Я одна все снесу.

В и т а л и й (*вскочив; громко*). Как одна? А мы будем безучастно смотреть на это? Нет, мама, ты не знаешь меня. Я не такой дурной сын, как ты думаешь обо мне. (*Убегает в соседнюю комнату.*)

Г о т о в ц е в а. Брат, Анюта, идите сюда!

А н ю т а. Мама, что с тобой?

Г о т о в ц е в а. Виталий... там... я боюсь...

В и т а л и й (*входя*). Мама, дорогая, до сих пор я недостойно вел себя. Но теперь... я знаю, что должен делать и куда идти.

Г о т о в ц е в а. Не смей! Не ходи! Я запрещаю тебе!

А н ю т а. Витя, пожалей маму!

В и т а л и й. Прости, родная, я не послушаю тебя. А иду туда, где должен быть. (*Быстро уходит.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Л и ц а

ГОТОВЦЕВ.

ГОТОВЦЕВА.

ВИТАЛИЙ.

АНЮТА.

ТЕЛЕГИНА.

КУНАВИН НИКОЛАЙ ЕВГРАФОВИЧ
родственник Готовцева.

СЕТКИНА.

ШУВАЕВА МАРЬЯ ПЕТРОВНА
тетка Телегиной.

КУСТАРЕВА ВЕРА ИВАНОВНА
подруга Телегиной.

ПОЛИКАРП
лакей Готовцева.

Уединенная дача на крутом берегу. Направо изящный дом с террасой; по бокам клумбы. В глубине решетчатые ворота и калитка. За ними на противоположном берегу реки поляна с перелесками. На авансцене дачная мебель.

ЯВЛЕНИЕ I

Телегина, Шuvaева и Кустарева (входят).

Ш у в а е в а (*входя*). Кто же этому поверит? Вдруг денег нет! Жен усчитывают в каждой копейке да на базар шлют за покупками, а тебе Константин Сергеевич в глаза смотрит. Сколько захотела, столько и взяла.

Т е л е г и н а. Тетушка, если вы не прекратите этого разговора — я и отсюда уйду. Верить ли, Вера, с тех пор, как я сошлась с Готовцевым, дня не проходит, чтоб кто-нибудь из родственников не являлся с просьбой. Денег, денег — только и слышу.

К у с т а р е в а. Песня хорошая — хором и поют.

Шуваева. По-родственному просят! В богатстве живешь...

Телегина (*перебивая*). Ничего у меня нет. Два раза уделила вам, а больше не получите.

Шуваева. Пожалуй, скоро и вон будешь гнать? Это не то, что бывало, на урок тащившись, забежать с мороза к тетке да чашку-другую кофеинка выпить. Я тебя, матушка, ласкала, когда ты еще пешком под стол ходила. Глядя на вашу бедность, матери твоей помогала, а как ты осиротела да кончила курс — уроки доставала. Теперь, видно, все это из памяти вон?

Телегина. Поймите, у меня нет.

Шуваева. Быть не может.

Кустарева. Послушайте, однако вы ужасно пристаете.

Шуваева. А вам какое дело?

Телегина. Тетушка, вы невозможно ведете себя.

Шуваева. Что я учиться у тебя буду? Ты бы лучше, чем наставления читать, родных не меняла на каждую чужую.

Телегина. Чужие лучше. Им я нужна, а для своих мой карман. Только и вижу вокруг себя попрошаек.

Шуваева. Что ты сказала? Ах, батюшки, каково нос подняла! Да мы ходим к тебе по добrote и снисходительности. Ну, кто ты? Сказать стыдно? Овца без имени. Думаешь, женатым человеком овладела, жену и детей его из дому выгнала, имущество прикарманила, так и невесть кем стала? Другая бы искала у родных опоры, чтоб иметь защиту от людского осуждения, а у тебя, видно, от жадности душа сморщилась. Загребай, загребай, пока можно. Веку твоего тут немного. Со срамом пришла, со срамом и уйдешь. Мы бедны, да голову высоко несем, а ты нос опусти да нюхай пыль. Не нужно мне твоих денег! Пешком уйду отсюда, а даже на извозчика не попрошу. (*Уходит.*)

Телегина. Вот, Вера, какова моя жизнь! Являются чуть не милостыни просить, а говорят, что делают честь своим посещением... оттого, что я не жена Готовцева.

Кустарева. Не принимай.

Телегина. Невозможно. Швейцар не в состоянии удержать их. Они не считают нужным церемониться со мной. Ах, Вера, порой мне так тяжело... не раз вздохнула, что очутилась в таком положении.

Кустарева. Вздыхай, пожалуй, пока самой не станет смешно на такое невинное занятие.

Телегина. Что же делать?

Кустарева. Настаивай, сумей довести его до брака.

Телегина. Будто я молчу? Он истерзался от моих слез, капризов и упреков. Но если не в его власти быть свободным? Я сблизилась с ним по расчету, хотела отделаться от поденщины, называемой уроками, искала довольства, но теперь этих соображений и в помине нет. (*С волнением.*) Вера, я люблю его... всей душой привязалась к нему.

Кустарева. Плохое дело... можешь проиграть партию. Тебе нужно, как ястребу, вцепиться в него, а ты обратилась в горлицу.

Захотела опять сесть на свои хлеба да слоняться в непогодь по урокам. Эх, милая, некстати в тебе заиграла нежность! Забудь свое сердце, заставь его добиться развода во что бы то ни стало. Употреби кокетство, опутай его сетями, обратись или в фурию, или обдай такими ласками, каких он никогда не знал; закуси удила и мчись, как бешеная лошадь. Приз, который ты можешь взять, стоит того. Ты сначала была умна и поведла атаку ловко. Почему теперь ослабела? Вспоминай почаще горькую долю учительницы, со всеми ее мытарствами — это вылечит тебя от сентиментальностей.

Телегина. Нет, я не могу так поступать.

Кустарева. Почему?

Телегина. А если он испугается такой женщины? Если мои приемы покажутся ему недостойными, и Валентина со своей всегдашней кротостью снова затронет его сердце? Что тогда?

Кустарева. Так веди себя тактично. У всякого человека есть больное место. Будь внимательна, рассмотри, придумай какой-нибудь фортель, на который все женщины мастерицы, и ему не устоять. Повторяй себе каждый день: я или она. Одним словом, закрепи свое положение во что бы то ни стало, иначе ты никогда не будешь знать покоя.

Телегина. Сегодня многое объяснится. Он поехал непременно видеться с женой, и, если вернется ни с чем, я пойду дальше, чем делала это до сих пор. *(Входит Сеткина.)*

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Сеткина

Сеткина *(выходя из ворот)*. Убедена, что никак не ожидали сегодня меня к себе.

Телегина. О, мы всегда должны быть готовы к сюрпризам.

Сеткина *(улыбаясь)*. Недовольна... дуется! Я никогда не делала вам дурного — почему же вы меня так холодно встречаете?

Телегина. Нетрудно догадаться. Ваша дружба с Валентиной Александровной...

Сеткина *(перебивая)*. Что ж из этого?

Телегина. Я уверена, что вас прислали сюда, иначе вы не пожаловали бы.

Сеткина. Ах, душечка, я сама давно, давно собиралась к вам... в этот приют любви.

Телегина. Марья Степановна!

Сеткина *(перебивая)*. Уж не обижаться ли она вздумала? Вот одолжит! *(С укоризной.)* Знаете, голубчик... вокруг нас все пошлые, обыкновенные люди... все, что они говорят, так скучно, неинтересно... и вдруг вы, без всяких предрассудков, смелая, отважная! Разве не захочется вспомнить такого человека? Вас бранят, но я... я всегда ваша защита.

Телегина. Вы ничего не имеете сказать мне, кроме этих любезностей?

Сеткина (*переминаясь*). Видите... конечно... я могла бы, но... (*Озирается на Кустареву.*)

Кустарева (*вставая*). Какой красноречивый взгляд! Извольте, сделаю вам удовольствие — уйду. (*Уходит.*)

Сеткина. Вы ничего не знаете особенного про Константина Сергеевича?

Телегина. И знать не хочу... от вас.

Сеткина. Точь-в-точь, как маленькая птичка, которая только что вылетела из гнезда — шороха боится.

Телегина. С меня довольно анонимных писем, газетных заметок и тому подобных удовольствий, летевших к нам, конечно, не без ведома Валентины Александровны.

Сеткина. Ах, какой вздор! Разве она способна на это?

Телегина (*с силой*). На все! Только жаль, что все эти недостойные поступки не приведут ни к чему — ей не вернуть к себе мужа... она навсегда потеряла его.

Сеткина. Кто знает? Мы все стоим на колеблющейся дощечке, балансируем, балансируем и не всегда удерживаемся. Небольшой толчок и ушиб, хорошо еще, легкий. Берегитесь и вы. (*Лукаво.*) Ведь уж черная кошечка забегала между вами?

Телегина (*вскакивая*). Боже мой, когда же кончатся эти мученья?

Сеткина. Вы, как барышня, перетянувшая себя чересчур корсетом, охает от боли и не хочет распустить шнуровку.

Телегина. Вы очень фигурально выражаетесь. Видно, что усердно готовились к объяснению со мной. Одного не достаёт, чтоб вы начали читать мне мораль, тут уж я наверно умру со смеху.

Сеткина. О-о, какая вы стали проницательная! (*Вкрадчиво.*) Знаете, голубчик, вы не ошиблись. Я подготовила удивительную речь и хотела ее произнести с важностью, подняв так руки и откинув голову. Теперь же ничего этого не увидите. Шутки в сторону. Мне жаль вас. Хотя тут и обыкновенная история, но ее переносить нелегко. (*Наклонившись.*) Будьте готовы.

Телегина (*приподнявшись*). К чему?

Сеткина. Константин Сергеевич пережил вторую молодость и... возвращается к своему очагу.

Телегина (*громко*). Вы лжете.

Сеткина. Ах, как испугала!

Телегина. Так вот зачем вы приехали! Вас прислали клеветать на человека, которого я люблю, смутить мой покой и бросить между нами разлад. Все, что проделывалось до сих пор, не привело ни к чему, так вы идете на последнее средство. Это низко и недостойно порядочной женщины.

Сеткина. Почему? Я говорю правду. За участие нельзя сердиться.

Телегина. Разве я могу верить в ваше участие? Какое вам до меня дело? Как вы смеете вмешиваться в мою жизнь?

Сеткина. Я делаю это для вашей пользы. Константин Сергеевич ищет примирения с женой — это и понятно. Но ему совестно

перед вами — разумеется! Вот он и стоит между двух огней, а разве это хорошо? Что должно случиться, то случится. И напрасно вы будете удерживать его. Соблюдайте же ваши интересы, понимаете... *(жест рукой)* интересы! и уйдите с достоинством. Это будет и удобнее, и приятнее.

Телегина. Уйти! Послушаться вас! *(Дико смеясь.)* Ха-ха-ха! Я понимаю вашу адскую интригу. Вам нужно, чтоб я поверила слухам? Я не так проста. Идите отсюда, или я не отвечаю за себя... я наговорю вам таких оскорблений, каких вы никогда не слышали. Уходите, ради бога, уходите!

В воротах показывается Готовцев.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Готовцев.

Готовцев. Что такое? Здесь какие-то неприятности?

Телегина. Повторите, что вы говорили! Вы обязаны это сделать.

Сеткина. Я обязана сказать вам... прощайте... *(Готовцеву.)* Ах, как она горяча, просто пылает. Берегитесь, Константин Сергеевич, она сожжет вас. Вдруг мужчина и горит! Какой ужас! Бежать надо от такого невероятного происшествия. Ха-ха-ха! *(Уходит.)*

Телегина. Останови ее! Или ты не оскорбляешься, что при тебе смеются и издеваются надо мной!

Готовцев. Стоит ли слушать пустейшую женщину.

Телегина. Но ты не смотришь на меня, отворачиваешься, будто подавлен чем-то. Неужели то, что я слышала сейчас — правда? Не скрывай, говори, что расстроило тебя?

Готовцев *(глухо)*. Я был у Валентины... она отказала. Я не мог убедить ее.

Телегина *(пристально смотря ему в глаза, пылко)*. Отказала... отказала... А ты... *(дрожащим голосом)* не ищешь примирения с ней? Не хочешь расстаться со мной?

Готовцев. Откуда это подозрение? Разве ты не видишь, как глубока моя привязанность? Нет, дорогая, я не могу... я никогда не расстанусь с тобой.

Телегина. Милый мой, ты успокоил меня, я опять ожила и забыла все неприятности, которых у нас с тобой так много. *(Берет его лицо и несколько раз целует.)*

Готовцев. Ах, Таня! Ты даришь мне минуты таких радостей, что я думаю не о разлуке с тобой, а о том, чтоб остаться вечно твоим рабом. Пусть меня осуждают, клеймят, что я забыл семью, обязанности, долг и ищу только наслаждений. Я виноват одним, что не мог победить своей природы. Женщина, удрученная заботами и физическими муками, рано теряет молодость, в каждом же из нас жизнь долго бьет ключом и огонек, таящийся в сердце, рано или поздно вспыхивает таким пламенем, который мы не в силах погасить. Это было,

есть и будет. В моих жилах как будто пробежала другая кровь, и все то, что недавно казалось нерушимым, осталось далеко, далеко позади. Я не хочу опять этих скучных забот, которых было так много. Мы раз живем, и я хочу взять от жизни все, что она только может дать. Твоя ласка, поцелуй — и я не узнаю себя. С плеч сваливаются десятки лет и я опять молод, молод. Укроемся же от людей, забудем весь мир с его предрассудками и найдем покой и тихое счастье.

Телегина. Да, да, ты найдешь его. Я все сделаю для этого. Обезличусь, буду сторониться от всех, кто может взглядом бросить мне укор... я буду помнить одно — твое тихое счастье и постараюсь забыть... (отходя) даже о своем человеческом достоинстве.

Готовцев. Таня! Что ты говоришь? В твоих словах столько желчи... ты не жалеешь меня... ты беспощадна!

Телегина. А каково мне? Все видят, что ты сконфужен моим присутствием... как же им не бросать в меня грязью? Ты даешь право считать меня дурной, которую терпишь подле себя скрепя сердце.

Готовцев. Ты раздражена и не сознаешь, что говоришь.

Телегина. Рассуди сам. Я живу с тобой в роскошных хоромах, пользуясь всеми удобствами, могу сорить, если захочу, деньгами, а семья твоя ютится в небольшой квартирке и работой добывает себе средства к жизни... Кто поверит, что они добровольно отказываются от того, что ты предлагаешь? Все винят меня, что я опутала тебя, обобрала их, завладела всем твоим имуществом. Подумай, сколько обиды в этих обвинениях! Какою болью отзываются они в сердце! Обобрала! Ты сердисься, что я почти ничего не беру, а люди называют меня интриганкой и корыстной женщиной. Говоришь о тихом счастье, которое мы можем найти, и не видишь, как мне тяжело жить. Я хочу тебя любить, а на сердце накапливает злоба. Избавь меня от этого разлада! Я должна иметь твое имя. Только тогда кончатся все недоразумения и на меня будут смотреть с уважением.

Готовцев. Всей душой желаю успокоить тебя, но у меня нет власти принудить Валентину уступить.

Телегина. Потому что жалеешь ее, не хочешь употребить резких мер. Ты не смеешь говорить «не могу». Ты должен помнить, что жены вызывают участие, им сочувствуют... их считают мученицами, а таких, как я, презирают. Каково мне сознавать это? От всех отчужденная, какие радости я могу принести тебе? Уйти? Не могу. Я сходилась с тобой на всю жизнь. Если не можешь убрать мой жизненный путь цветами, то уберешь ими мою могилу. Подумай от этом, или ты можешь скоро, скоро потерять меня.

Готовцев. Что она говорит? Таня, ты терзаешь меня. Если бы ты слышала то, что ответила мне жена, если бы видела ненависть, с которой она отказывала, ты поняла бы, что не мое ничтожество останавливает меня, а есть нечто важнее, с чем бороться у нас нет власти.

Телегина. Все можно побороть, все!

Готовцев. Научи, и я клянусь, исполню, как бы это для меня тяжело ни было.

Телегина (*ласкаясь, нежно*). Ты обещаешь? Милый, дорогой мой, благодарю. Они истерзали меня, но я не буду похожа на них. Ты не услышишь от меня упрека. Я всегда помню твое положение, достоинство, доброе сердце и только, как обороняющаяся, ищу спасения. Я придумую, придумую... а когда достигну того, без чего далее жить не могу — я залечу твои сердечные раны, буду понимать твои мысли и наполню жизнь радостью и блаженством. (*Тихо.*) Только люби, люби меня! (*Убегает налево; входит лакей.*)

Лакей. Господин Кунавин.

Готовцев (*с неудовольствием*). Хорошо, сейчас приду в дом.

Входит Кунавин. Лакей уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Готовцев и Кунавин.

Кунавин (*сходя с лестницы*). Неволя мне сидеть в доме. В комнатах-то я и в городе насиделся. Мое нижайшее и глубочайшее!

Готовцев (*пожимая руку*). Ты выбрался ко мне? А говорят, чудес не стало. Вот тебе удобное кресло, садись в тени.

Кунавин. Сяду, сяду изображать лермонтовского героя, мечтающего о темном дубе. (*Садится.*)

Готовцев. Какие силы подняли тебя в такой жар? Вероятно, вулканические?

Кунавин. Да, мою корпуленцию поднять нелегко, особенно если кондрашка (*делает из пространства угрожающий жест, показывая перстом на лоб*). Однако, видишь, я здесь. Ехал и говорил: зачем меня еще принимают за живого человека? И в голову не приходило, чтоб кто-нибудь пришел и извлек из берлоги. Только для сына твоего и совершил этот изумительный подвиг.

Готовцев. А-а, это интересно! Значит, ты некоторым образом посол?

Кунавин. Гни выше — скучный спутник невеселого путешествия и парламентар... (*С ударением.*) Со мной приехал!

Готовцев. С тобой? Где же он?

Кунавин. А вон там, около мостика остался.

Готовцев. Почему же он сюда не пошел? Что за мистификация?

Кунавин. Просил даже не говорить тебе, что он здесь. А мне как молчать? Я в эту глупую историю и попал только потому, что невозможно было отделаться. Слушай. Сегодня, плотно пообедав, я развалился на софе и уже мечтал отделиться от земли, как вдруг неистовый звонок и на пороге фигура. Волосы, как у дикобраза, глаза — электрические свечи, ноздри и рот, словно жерло пушки, — это Виталий. Я, по правде сказать, думал, не спятил ли он? Боюсь

приподняться. Однако ничего, только он так дернул меня за руку, что в суставе хрустнуло.

Г о т о в ц е в. Оставь, пожалуйста, эти подробности. Зачем ты ему понадобился?..

К у н а в и н. Хочет видаться с твоей барынькой, да так, чтобы ты не знал об этом. Понимаешь, я должен объясниться с ней и вывести ее куда-нибудь поблизости, чтоб они встретились.

Г о т о в ц е в. Этого никогда не будет.

К у н а в и н. Напрасно. Получивши отказ, он и станет изображать неистового гишпанца с закинутым вот эдак плащом (*показывает*) и, нахлобучив шляпу, будет подстерегать свою жертву. То ли дело попросту. Вам, сударь, с барынькой поговорить захотелось? Пожалуйста, пожалуйста, вот она! Тут сейчас весь динамит из глаз выскочит, они поговорят и разойдутся, как ни в чем не бывало. Это мой совет, а там, хоть каменной стеной с пушками окружи свою дачу, хоть четыре года в светелке держи свою Прекрасную Елену!

Г о т о в ц е в. О чем ему с ней говорить? Если жена прислала его, то почему мне не быть при их объяснении?

К у н а в и н. Стало быть, не нужен. Ну, так как же решаешь?

Г о т о в ц е в. В себя прийти не могу.

К у н а в и н. Что-нибудь говори, а то сил моих нет сидеть больше. Пойми, не спал после обеда. Пойду сейчас и лягу на диван.

Г о т о в ц е в. Об этом свидании и думать нечего. Предупрежу ее, а ты скажи ему, что если он близко подойдет к моему дому, пусть не прогневадается — я проучу его. С нахалом не стану церемониться. (*Уходит.*)

К у н а в и н (*вставая, один*). Спать бы да спать теперь — так нет. Нужно было тащиться. В виски стучит, в груди словно гиря. Фу, батюшки, ведь не дойдешь до гишпанца. (*Подходит к воротам.*) Кабальеро! Скачите сюда на своих на двоих. Ишь как ногами стреляет — нетерпение одолело! Легче, легче! Запыхаетесь — голос пропадет.

В и т а л и й подходит к воротам.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кунавин и Виталий.

В и т а л и й (*у ворот*). Говорили? Согласилась?

К у н а в и н. Так сейчас фрр, и готово! Знаете что... поедем-ка обратно в город.

В и т а л и й (*подходя*). А, понимаю! Она отказывается? Тем хуже для нее.

К у н а в и н. Что вы хотите делать?

В и т а л и й (*с раздражением*). Я остаюсь и буду говорить с ней при отце.

К у н а в и н. Вы не делайте этого, а ступайте лучше вон в ту

рощу и ждите. Там, знаете, река, вид прекрасный, воздух свежий — авось пыли поубавится. А я повлияю,— может быть и придет.

В и т а л и й. Да, да, убедите ее! Нам нужно объясниться. Мы должны договориться до чего-нибудь... дальше идти некуда. Я избегал этой женщины, а теперь попробую пробудить в ней сердце... Она умна... она поймет, в какое положение поставила нашу мать, и ужаснется перед пропастью, над которой стоит. *(Изменив тон.)* Но вы скажите, чтоб она не боялась. Я далек от мысли оскорбить ее. Пусть только вдумается поглубже, и нам легко будет найти исход. Просите, умоляйте ее прийти. Скажите, что я спокоен и жду ее в той роще. *(Уходит.)*

К у н а в и н *(один, вслед)*. Хорошо спокойствие — дрожит весь! Ну, попал я в историю! Пойду еще поговорю, а там уж как хотят. Господи, вынеси меня отсюда благополучно! *(Уходит. Пауза. Готовцева и Анюта входят.)*

ЯВЛЕНИЕ 6

Готовцева и Анюта.

А н ю т а. Мама, ты ошиблась. Виталий не поехал сюда. Дверь дома открыта... там тихо.

Г о т о в ц е в а *(прислушиваясь)*. Постой, я слышу голоса... чей-то крик.

А н ю т а. Тебе представляется... твое воображение расстроено.

Г о т о в ц е в а. Может быть. Но мне все-таки нужно видиться с ней... мы должны объясниться.

А н ю т а. В таком положении? Посмотри, как ты взволнована.

Г о т о в ц е в а. Медлить нельзя, гроза приближается. Я посижу, успокоюсь и смело встречу с ней.

А н ю т а. Мама, ты не можешь здесь успокоиться. Уйдем отсюда, где все нам чуждо, не дорожи именем, которого тебя хотят лишить, порви все, что связывает тебя с прошлым, и дай отцу свободу.

Г о т о в ц е в а *(нервно схватив за руку Анюту)*. Молчи... и никогда не повторяй мне этой просьбы. Твоя мать горда... и не потерпит незаслуженного унижения. Я живу для вас... Мое счастье... рассеявшийся мираж... но осталась честь и достоинство семьи. За них я буду бороться до последнего вздоха.

За сценой слышен голос Телегиной: «Ни за что, ни за что...»

А н ю т а *(громко)*. Она!

*Т е л е г и н а вбегает и, увидя Готовцеву, останавливается
Молчание.*

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Телегина.

Готовцева. Вы поражены, смотрите на меня со страхом... (В сильном волнении.) Где сын мой? Что случилось с ним?

Телегина. Его не пустили сюда. Но не прикрывайтесь тем, что вы приехали сюда отыскивать вашего сына, у вас другая цель.

Готовцева. Да, другая — я должна говорить с вами.

Телегина. О чем же?

Готовцева. Вы прислали ко мне мужа с позорным требованием и думали, что я, угнетенная несчастием, оробею и соглашусь на все. Но вы ошиблись. Я не буду более прятаться, смело выдержу всякий удар, и вы не добьетесь того, чего так страстно жаждете.

Телегина. Добьюсь, и вы скоро увидите это.

Готовцева. Кто смеет со мной так говорить? Я жена Константина Сергеевича, мать детей его... у меня взяли его сердце, но прав никто не может отнять. Вам нужно стыдиться, что я застаю вас здесь.

Телегина (*перебивая*). Почему? Моя совесть покойна. Я не низкая интриганка. Меня звали соединить жизнь, ввели сюда как будущую жену, и я буду ею.

Готовцева. Никогда! Если же вас отуманили и смутили ложными обещаниями — очнитесь! Пока я жива, вы никогда не будете иметь его имя. Несите же терпеливо крест, как я его несу, и будем довольствоваться тем, что имеем. Тогда я поверю, что вы обмануты, и в моем сердце будет жить к вам сострадание, а не ненависть.

Телегина. Я не нуждаюсь в вашем добром чувстве. Вы хотите, чтоб мы обе остались тем, что есть, но я не желаю этого. Ваше положение неприятно, а мое постыдно. Не скрываю, я послала к вам вашего мужа, и он будет преследовать вас, пока не добьется согласия на развод.

Готовцева. Вы не понимаете, на что идете... Мой сын... он увидится с вами. Что будет тогда? Вы доведете его до преступления!

Телегина. Он вам может казаться страшным, а не мне.

Готовцева. Если бы вы видели его в ту минуту, когда он бежал сюда, вы не были бы так смелы. Не желайте же своей гибели, откажитесь от прав, которых ищете. Он не допустит издеваться над своей матерью... вы не знаете его характера... он погибнет, но не уступит. Подумайте же, каково должно быть у меня на сердце, и у вас не поднимется рука на несчастную мать!

Телегина. А, вы переменяли тон! Хотите разжалобить меня. К чему это делать? На вашей стороне сила. (*Насмешливо.*) Я, бедная, должна страдать от страха, ожидая грозного судью в лице вашего сына. Полноте! Оставьте уловки! Не мне бояться мальчика. Все, что вы сказали, не устроит меня, и я никогда, слышите, никогда не откажусь от того, без чего не могу жить.

Анюта. Мама, кого ты слушаешь? Она правду сказала — нам не место здесь.

Готовцева. Да, Анюта, словом нельзя тронуть души этой женщины.

Входит Готовцев, за ними Кунавин.

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же, Готовцев и Кунавин.

Готовцев. Валентина?! Ты, верно, одумалась и явилась сюда с добрым ответом?

Готовцева. Вы знаете мой ответ и другого не услышите никогда. *(Идет.)*

Готовцев. Если так — остановись и слушай. До сих пор я жалел тебя и избегал крупных мер. Теперь я буду поступать иначе и завтра же... Лидочку возьму к себе.

Анюта. Папа, ты не решишься на это! Твое намерение бесчеловечно.

Готовцева *(растерянно)*. Лидочку? *(Молча смотрит на Готовцева.)*

Кунавин *(про себя, мрачно)*. Дело серьезное, пойду скажу обо всем Виталию. *(Незаметно уходит.)*

Готовцева. Моя малютка... подле такой госпожи — этого не допустят.

Готовцев. Если будет нужно, я на время останусь один.

Готовцева. Вы говорите это при вашей дочери.

Готовцев. Анюта не ребенок, ей пора понимать вещи, как они есть. Не упорствуй же и не заставляй меня быть жестоким, иначе Лида будет у меня.

Готовцева *(с блуждающим взглядом)*. Вы хотите взять ее? Мою Лидочку? *(С криком.)* Не отдам! Не отдам! Только с жизнью ее оторвут от моего сердца.

Готовцев *(возвысив голос)*. Она будет у меня, слышишь ли, будет, что бы мне это ни стоило.

Готовцева. Отнимают... моего ребенка... отрывать его от моего сердца... *(Оправясь.)* Боже мой! Страсть совсем ослепила вас... Как вы низко, бесконечно низко пали! *(Вне себя.)* Чтоб спастись от вас, я жертвую собой. Мне не страшны ни клевета, ни осуждения, которыми будут осыпать меня. Пользуйтесь вашей позорной свободой, я на все согласна.

Анюта. Папа, в эту минуту ты теряешь не одну маму, но и нас.

Готовцев. Она заменит ему всех. *(Тележной.)* Но знайте, что ваше торжество не будет долгим. Судьба справедлива, кара грянет над вами. Позор и несчастье нашей семьи отзовется на всей вашей жизни. Вашу совесть не заглушит шум общества, в котором вы будете искать забвения. Моя тень, как призрак, будет следовать за вами и лишит вас покоя. Ваши дети будут стыдиться говорить о прошлом своей матери. Мысль, что вашей рукой разбита семья и порваны наши кровные связи, будет преследовать так же, как и

мое проклятие. Берите его, берите. Он ваш, он ваш! *(Опускается на плечо Анюты и обе уходят.)*

Телегина *(как бы очнувшись)*. Скажи мне, скажи, что это неправда! Она не будет, как призрак, стоять между нами. Успокой, ласкай меня!

Готовцев. Я сам не могу прийти в себя. Ее слова, слезы, глаза, которыми она смотрела на меня — ужасно! Оставь меня! В эти минуты какие могут быть ласки? Дай мне очнуться, успокоиться! *(Уходит в дом.)*

Телегина *(одна, после маленькой паузы, взявшись за голову)*. Всему конец... он мой! Хорошо это, радостно, а у самой... на сердце щемит. *(Садится.)* Первые минуты трудно пережить... а потом ничего, освоюсь. *(Подумав.)* А если нет? *(Принужденно смеясь.)* Ха-ха-ха! Откуда эта сентиментальность? Смелей! *(С силой.)* Возвращаться поздно! Что взято, тем нужно владеть.

Входит Виталий.

ЯВЛЕНИЕ 9

Телегина, Виталий, потом Готовцев, Кустарева и прислуга.

Виталий. Вы переступили границы... отец требует Лидочку... Я издали видел, в каком ужасном положении мать дошла до экипажа. Вы не знаете жалости! Довольно! Сносить я этого далее не могу. Обещайте, что отец не потревожит мать ни одним словом, ни одним посещением, или я не остановлюсь ни перед чем.

Телегина *(несколько улыбаясь)*. Вы напрасно беспокоите меня такими сценами. Обратитесь к вашему отцу.

Виталий. Не он, а вы забыли совесть. Вы всему причина.

Телегина. Неправда. Отец ваш не ребенок и за свои поступки отвечает сам. *(Идет.)*

Виталий. Не увертывайтесь... обещайте... или вы жестоко поплатитесь, слышите, жестоко!

Телегина *(остановясь)*. Ха-ха-ха! Как грозно! Не беспокойтесь — не струшу! Прошу вас выйти, или я позову людей.

Виталий. Соглашайтесь, слышите, соглашайтесь, или не уйдете отсюда. *(Выхватывает револьвер.)*

Телегина *(испуганно)*. Что такое? У вас оружие? Ай!.. Ай!.. Ай!.. *(Кричит.)* Константин Сергеевич! Люди! *(Вбегает Поликарп.)* Спасите меня!

Виталий. Никто спасти не может. Вот тебе. *(Стреляет.)*

Телегина *(хватаясь за грудь)*. Ой! *(Падает; Виталий стоит растерянный; вбегает Готовцев и Кустарева.)*

Готовцев. Кто стрелял? Боже мой, она в крови!

Кустарева. Таня, Таня! *(Бросается к ней.)*

Готовцев *(с отчаянием)*. Виталий! Что ты сделал? Что ты сделал?

В и т а л и й (*голосом, упавшим до шепота*). За мать... за всех нас! (*Стоит отвернувшись; Готовцев бросается к Телегиной.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л и ц а

ГОТОВЦЕВ.

ГОТОВЦЕВА.

ВИТАЛИЙ.

АНЮТА.

ЛИДОЧКА.

ПАРУСОВ.

СЕТКИНА.

ЧЕМБАРЦЕВ.

МИНОДОРА

ШУСТОВ

смотритель тюрьмы

СТОРОЖА.

Большая комната. Стол покрыт зеленым сукном; два шкафа для бумаг; по стенам киты бумаг, висящих на медных крючках. Портьеры. Мебель: диван, кресла и стулья обиты клеенкой.

Действие происходит в конторе тюрьмы. Между третьим и четвертым действием проходит около года.

ЯВЛЕНИЕ I

Шустов и сторожа, потом Сеткина, Чембарцев и Минодора

Ш у с т о в (*у дверей*). Пожалуйте!

Сеткина, Чембарцев и Минодора входят

С е т к и н а. Очень вам благодарна, господин смотритель. Вы всегда так внимательны.

Ш у с т о в. Помилуйте... очень рад... Его сиятельство князь вас так уважает, а они такое лицо... разве можно вам в чем-нибудь отказать? За честь считаю угодить.

С е т к и н а. Скажите, пожалуйста, скоро его отправят?

Ш у с т о в. Очень скоро... все готово... полчаса не пройдет. Прикажете позвать Готовцева?

С е т к и н а. Да, пожалуйста, его родные должны приехать через несколько минут.

Ш у с т о в. Мигом пришлю. (*Идет.*)

С е т к и н а. У меня к вам еще маленькая просьба. (*Улыбаясь.*) Вы должны исполнить ее...

Шустов (*расшаркиваясь и почтительно прикладывая руку к сердцу*). Приказывайте.

Сеткина. Когда приедут родные Готовцева... нельзя ли, чтоб тут никого не было посторонних... а то, вы понимаете... прощание...

Шустов (*вздыхнув*). Очень хорошо могу это понимать, потому имею сердце... Будьте уверены, все сделаю... Даже сам выйду. (*Сторожем.*) Ступайте отсюда! (*Шустов и сторожа уходят.*)

Сеткина. Его ушли... это ужасно! (*Утирая слезу.*) Так молод... красив и такая печальная участь... арестант... я за него страдаю!

Чембарцев. Что ваши страдания! Ко мне бы заглянуть в душу. Может быть, не лезь я со своим участием, все бы и уладилось. Так нет, анонимные письма понадобились, газетные заметки... верите ли, покоя не знаю... хочется мало того что отравиться, а досыта наглотаться серных спичек, чтобы знать, как люди мучаются. Ведь вот придет Валентина Александровна... Лидочка... как мне смотреть на них! (*Минодора тихо плачет.*)

Сеткина. Не говорите... Вы еще больше расстраиваете мои нервы... Валентина так ужасно изменилась... она не слушает утешений. Уж, кажется, я мастерица на них, и бесполезно. Молчит, как будто ничего не слышит.

Чембарцев (*прислушиваясь*). Его голос... он идет сюда...

Виталий входит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Виталий.

Минодора (*бросается к нему на шею*). Батюшка, милый, горький ты мой, что с тобой люди сделали? Для того я тебя на руках нянчила, чтоб в таком несчастье видеть? Лучше бы мои старые глаза закрылись, чем дожить до этого часа.

Виталий (*в сильном волнении*). Полно, няня... оставь... не говори...

Минодора. Как не говорить? Как молчать, когда душа изныла? Не камень у меня вместо сердца! Ждала видеть тебя в почете, думалось, вот какого молодца рашу, а тут за нестоящее дело участи своей решился! Птенчик ты мой!.. Болезный ты мой!.. От тоски помрет без тебя твоя старая няня! (*Плачет.*)

Чембарцев. Няня, перестань... и без тебя тяжело.

Минодора. Тяжко, вот как тяжело... глаза выплещешь, а горя не уймешь... (*Отходит в глубину, садится и плачет.*)

Сеткина. Противные присяжные! Сколько из них знакомых... всех просила... будто не могли оправдать? Так нет, видите ли, Телегина существо слабое — жертва. И сыну надо было считаться не с нею, а с отцом. Вот как нужно что-нибудь — другое дело: сейчас ручки целовать и... (*передразнивая*) «Марья Степановна! Марья Степановна!»

Виталий. Я не могу ни на кого роптать. Других за мою вину

шлют в каторгу, а я отделался ссылкой. Спасибо вам, Марья Степановна, за участие, никогда не забуду его. *(Целует руки.)*

Сеткина *(целуя в лоб)*. Добрый, благородный... жалею... видите, плачу!.. А вместе с тем мне хочется браниться... Горячее сердце... ах, это очень хорошо... но только зачем же не быть философом? Надо рассуждать.

Чембарцев. Виталий, ты будешь далеко, может понадобится то, другое... Обещай, что за всем, что только в моих силах, ты обратишься ко мне. От сердца, по дружбе прошу тебя.

Виталий. Хорошо... хорошо... обещаю... *(Обнимаются.)*

Сеткина. Они идут! Минодора, перестань плакать... не расстраивай еще больше свою барыню.

Минодора. Это справедливо... надо уняться. *(Оттирает глаза и прячет платок.)*

Виталий *(голос дрожит)*. Боже мой... дай мне силы... не изменить себе и выдержать эти страшные минуты.

Входят Готовцева, Анята и Лидочка.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, Готовцева, Анята и Лидочка.

Готовцева *(подходит к Виталию, обнимает и долго молча держит его в своих объятиях)*. Здоров ли? *(Берет за лицо и смотрит ему в глаза.)*

Виталий. Как нельзя лучше... Садись, родная, я поцелую сестренку.

Анята. Милый мой. *(Целует.)*

Лидочка. Ты запретил мне плакать — видишь, я молодцом. *(Целует.)*

Виталий. Умница! Садись подле мамы в кружок. *(Опускается на колени и берет руку Готовцевой.)*

Готовцева. Уходишь... сегодня... может быть, еще хоть день?

Виталий. Мама, нам нужно расстаться, и чем скорее, тем лучше... Наши свидания не доведут тебя до добра... ты совсем разобьешь и без того расстроенное здоровье.

Готовцева. На что мне жизнь, когда ты уносишь с собой все наши радости!

Виталий. Будем жить надеждой... Смотри на нашу разлуку, как на мою дальнюю поездку... Годы пройдут незаметно... меня помилуют... я вернусь... С какой радостью тогда прижму тебя, мою дорогую, к моему сердцу!

Готовцева. Утешай, утешай меня, но я не дождусь твоего возвращения и хоть на время мы сами приедем к тебе.

Лидочка. Вот хорошо-то будет!.. И Минодора с нами.

Минодора. Нешто я отстану!

Анята. А я теперь пошла бы за тобой... была б хозяйкой...

стряпала... выучилась бы пахать... сено грести... а уж насчет шитья... всего бы обшивала тебя.

С е т к и н а. Вы старшая сестра... ваша обязанность заботиться о матери. Разве это можно забывать?

Ч е м б а р ц е в (*негромко*). Марья Степановна, ну время ли теперь читать наставления... никак не можете удержаться.

С е т к и н а. Вы правы... надо молчать...

Г о т о в ц е в а (*Виталию*). Смотри же, пиши, как можно чаще... все описывай — с кем поселишься... какие люди будут вокруг тебя... я все хочу знать. Нарисуй план своего жилья... обозначь, где стоит твоя кровать, столик... расскажи, как ты начинаешь день, кто к тебе приходит или куда сам отправляешься. Каждая дорожка... Соседняя роща, куда ты будешь уходить и думать о своей далекой родине... сделаются моими родными местами... Твои письма будут единственной моей отрадой... я буду ждать их, как праздника... они станут для меня такой же потребностью, как воздух... А чтоб ты помнил это, я привезла тебе мой заветный портрет... Вот он. (*Отдает.*) Когда придешь туда... повесь его над своей кроватью... так, чтобы утром и вечером ты чувствовал на себе взгляд своей матери. Твой портрет также будет неразлучен со мной. Я поставлю его на столике возле моего любимого кресла. Каждый день я буду подходить и целовать его. Будем хоть так близки, если судьба уносит тебя вдаль от материнского сердца. Ах, если бы были силы! Нет их!.. Смотри, помни все, что я тебе говорила... может быть, мы видимся с тобой в последний раз.

А н ю т а. Мама, а кто говорил про спокойствие? Ты дала слово. Г о т о в ц е в а. Не буду, не буду.

Входит Парусов.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Парусов.

П а р у с о в. Вот и я со всем багажом.

В и т а л и й. Благодарю, дядя.

П а р у с о в. Давайте же, я усядусь к вам в круг. (*Садится.*)

Г о т о в ц е в а. Ничего не забыл? Все купил, что я записала?

П а р у с о в. Само собой все. Даже зеркальце маленькое вспомнил. Видишь, какое внимание с моей стороны? Пусть нет-нет да и посмотрится!

А н ю т а. Дядя, зачем вы говорите таким шутливым тоном?

П а р у с о в. А что ж ныть. Я рад, что вы, женская армия, не задали концерта, а ведете себя степенно. Да и чего изводиться? Дела не поправишь. Молодец, Виталий! Смотришь bravo! Впрочем, ты всегда был у меня на хорошем замечании. Когда придешь на место, не занимайся одними воздыханиями, а сейчас же принимайся за дело. Умственного труда не будет — не брезгуй физическим. Работа в горе чудесная вещь! Как устанешь хорошенько, нервы

меньше куралесят, а сердце... от работы оно крепче станет... У неженки все нежно, а у настоящего рабочего человека — увесисто. Колебаний не явится, а от этих колебаний жутко приходится... на себя почувствовал эту добродетель. (*Готовцева закрывает лицо.*)

А н ю т а. Дядя! Боже мой! Это невозможно!

П а р у с о в. Кончил, кончил, больше ничего не скажу. Скоро отправляешься?

В и т а л и й. Когда будет готово — позовут.

Л и д о ч к а. Мы будем у ворот дожидаться... Какие страшные ворота... солдаты стоят...

П а р у с о в. К чему эти проводы? Вам нужно как можно скорей ехать домой.

М и н о д о р а. Я хоть перекрещу его на дорогу.

Г о т о в ц е в а. Образок надел, который я привезла тебе?

В и т а л и й. Надел, родная!

Г о т о в ц е в а. Не снимай его, никогда не снимай! Я носила его на своей груди... он возвратит тебе счастье.

Входит Готовцев.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Готовцев.

А н ю т а (*вполголоса*). Отец! (*Все встают. Виталий, Аня и Лидочка подходят и молча здороваются.*)

Г о т о в ц е в. Виталий... я пришел проститься с тобой! (*Идет с Виталием на авансцену. Аня и Лидочка отходят к Готовцевой.*)

В и т а л и й. Благодарю, отец... я ждал тебя.

Г о т о в ц е в. Ты ждал, а я стою и не могу поднять на тебя глаз.

В и т а л и й. Что сделано, то сделано. Не будем касаться того, о чем нам обоим тяжело говорить.

Г о т о в ц е в. Могу ли я забыть, до чего довел тебя?

В и т а л и й. Тяжело, отец, отрываться от всего, что было сердцу мило... вас всех жалею, по вас душа болит, а о себе... мало думаю. Страданиями, какие буду испытывать, я искуплю то, что сделал... омою кровь, которая лежит на моей совести. Я испортил свою жизнь, но меня поддерживает мысль, что не низкие страсти толкали мою руку. Я потерял волю над собой... но обрекал себя на гибель, спасая твою честь. За такой порыв — не больно и мучиться. Я несчастен, но душа моя теперь так же чиста, как была всегда. С этим сознанием не страшна никакая ссылка. Отец, в моем сердце нет злобы... я примирился и расстанусь с тобой, не чувствуя вражды. Верь, я говорю искренне. Одно меня терзает... мать... сестры... они отчуждены от тебя.

Г о т о в ц е в (*с волнением*). Я хочу воспользоваться этими минутами, когда душа переполнена такими чувствами, и сделать еще

попытку. *(Тихо.)* Иди... и проси мать уделить мне одну минуту... пусть выслушает несколько слов... она не откажет тебе.

В и т а л и й. Хорошо... я буду просить ее. *(Отходя к Готовцевой.)* Мать, исполни последнюю... *(с ударением)* слышишь, мою последнюю просьбу.

Г о т о в ц е в а *(после колебания, вздрогнув)*. Ты просишь... я все исполню. *(Встает.)*

А н ю т а *(с энергией)*. Папа, ты не вправе желать объяснений с мамой. Посмотри на нее, она едва жива, едва держится на ногах. Ты безжалостен к ней. Если я до сих пор не позволяла себе возвысить голоса, то теперь не буду молчать. Я протестую против этого объяснения, протестую.

Г о т о в ц е в а *(подходя, спокойно)*. Анюта... не бойся за меня. *(Готовцеву.)* Что вам угодно?

Г о т о в ц е в. Валентина, возвращайся в свой дом.

Г о т о в ц е в а. Быть подле вас? Нет, между нами лежит пропасть, которую нельзя перешагнуть.

Г о т о в ц е в. Да, мы не можем сойтись... я стал для тебя чужим, но наши дети... они живут у родственников... из милости... Мне больно и грешно оставлять их в таком положении.

Г о т о в ц е в а. Отчего вы не думали об этом раньше? Отчего так поздно пришло к вам сострадание?

Г о т о в ц е в. Прощения, Валентина, прощения! Посмотри, как изменило меня это время... я поседел, одряхлел... дом стал для меня тюрьмой. Я слышу какой-то зловеший шепот, крики... свои шаги пугают меня... я с ума сойду! Разве мы не можем жить с тобой, как посторонние люди, которых связывают обязанности? Не лишай меня детей, без которых жизнь для меня теперь невозможна! Пожалей мою истерзанную совесть и возвращайся.

Г о т о в ц е в а. Никогда! Ваше присутствие будет для меня вечным гнетом... каждое слово станет напоминать унижение и горе... подле вас мне будет грезиться *(показав рукой)* в этом виде мой несчастный сын, которого вы оторвали от материнского сердца! С какими мыслями я буду жить в вашем доме? Какие чувства испытывать? Я буду гаснуть, а моя жизнь нужна моей малютке... я не знаю нужды, но готова скорей терпеть нищету, чем поселиться в доме, где я потеряла счастье. Не зовите меня, мы расстались с вами навсегда.

Входит Шустов.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те же и Шустов.

Ш у с т о в. Все готово... прошу к своему месту.

Г о т о в ц е в а. Ах! *(Хватается за голову; Виталий быстро подходит к ней; она бросается к нему на шею и рыдает)*. Милый мой, дитя дорогое! Берут, берут его!

В и т а л и й (*осыпая поцелуями*). Мама, мама!

П а р у с о в (*Готовцеву*). Жестокий и слабый человек! Как должно быть в эти минуты хорошо у вас на сердце!

Ш у с т о в. Время.. прошу идти...

В и т а л и й (*с отчаянием*). Возьмите, возьмите ее!.. (*Передает бесчувственную Готовцеву на руки Сеткиной и Чембарцеву.*)

А н ю т а (*обнимая*). Прощай, милый, прощай!

Л и д о ч к а (*рыдая*). Витя, Витя. (*Бросается на шею.*)

Г о т о в ц е в (*задыхаясь*). Прости, прости!

М и н о д о р а. Страдалец ты наш! Поминай ты свою няньку старую, и денно и ночью буду молиться за тебя!

П а р у с о в (*обнимая*). Не унывай, друг, и в путь!

Г о т о в ц е в а (*поднимаясь*). Где он? Не отдам, не отдам! (*Бросается Виталию на шею.*)

В и т а л и й (*вырываясь из объятий*). Прощайте, прощайте! (*Закрывает лицо и выбегает; Валентина бросается за ним и падает без чувств на пол.*)

Занавес

СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ¹

В. А. Соллогуб
(1813—1882)

Граф Владимир Александрович Соллогуб по рождению и воспитанию принадлежал к высшему аристократическому обществу. Образование Соллогуб получил в Дерптском университете, здесь он познакомился с А. Н. Карамзиным; дружба с которым сделала его своим человеком в петербургском салоне Е. А. Карамзиной — вдовы известного писателя и историографа. Окончив в 1832 году университет, Соллогуб ведет светскую жизнь. Общается с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским, В. А. Жуковским. Писать он начинает рано, но долго ничего не печатает. Первые публикации Соллогуба — рассказы «Два студента», «Три жениха» — появились в «Современнике» (1837, т. V; 1838, т. IX) уже после смерти Пушкина. Успех Соллогубу приносит повесть «История двух калаш» (Отечественные записки, 1839, № 1). Большой популярностью пользовались его повести «Большой свет» (1840), «Аптекарьша» (1841), «Медведь» (1842) и др. О них неоднократно одобительно отзывался В. Г. Белинский. Сборник повестей писателя «На сон грядущий» вышел двумя изданиями (1841—1843; 1845), что было для середины XIX века редким явлением. Высшим достижением Соллогуба-прозаика стала повесть «Тарантас. Путевые впечатления» (1845; семь глав были опубликованы в № 10 «Отечественных записок» за 1840 год). Книга вызвала бурную полемику, в которой, в той или иной мере, приняли участие Белинский, Н. А. Некрасов, П. А. Плетнев, Вяземский, Ю. Ф. Самарин, Н. В. Гоголь, Жуковский. Книга Соллогуба, вышедшая с талантливыми иллюстрациями Г. Г. Гагарина, пользовалась успехом, подобным успеху «Мертвых душ» и «Петербургского сборника». После «Тарантаса» Соллогуб-повествователь отходит от основной линии развития русской литературы. Последующие повести и рассказы не пользуются вниманием критики, хотя среди них — одно из лучших произведений писателя — «Метель» (1849).

В первый период творчества Соллогуб почти не обращается к драматургии; исключение составляет «драматическая картина» «Ямщик, или шалость гусарского офицера» (Отечественные записки, 1842, № 5), вызвавшая резкое недовольство Белинского. Начиная же с 1845 года, Соллогуб обращается к жанру водевиля, причем оказывается на редкость плодовитым автором. В повестях Соллогуба обыденная жизнь с безысходной окончательностью подавляет все благие порывы героев, мечты никогда не воплощаются в яви, а жизненный удел человека в основном раз и навсегда определен его местом в обществе. В водевилях же Соллогуба (по закону жанра) царит легкий тон, конфликты разрешаются мгновенно и благополучно, добродетельные герои получают то, к чему они стремились, а лжецы и интриганы терпят поражение. Самая легкость разрешения конфликтов на сцене ставит под сомнение их разрешимость в реальности — Соллогуб это прекрасно понимал. Водевиль обернулся средством «игрушечного» решения тех проблем, которые волновали писателя. К лучшим образцам жанра можно отнести пьесы «Букеты, или петербургское цветобесие» (1845), «Модные петербургские леченья» (1847), «Беда от нежного сердца» (1850), «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (1851), «Мастерская русского живописца» (1854).

В 1855—1856 годах выходят «Сочинения» Соллогуба в пяти томах (драматургические произведения помещены в т. 3—4). Это издание вызвало резкую статью Н. А. Добролюбова, характеризующую писателя как поверхностного светского беллетриста. В дальнейшем Соллогуб возвращается к творчеству лишь эпизодически. Наибольший интерес из его позднего наследия представляют мемуары, выразительно передающие атмосферу эпохи 1830—1850-х годов.

Сочинения В. А. Соллогуба:

Сочинения графа В. А. Соллогуба, т. 1—5. Спб., 1855—1856; Воспоминания. М.—Л., 1931.

¹Автор комментария к творчеству В. А. Соллогуба — А. С. Немзер; комментарии к остальным разделам книги составил В. Н. Некрасов.

Белкина М. Водевиль Соллогуба.— В кн.: Соллогуб В. А. Водевили. М.—Л., 1937; Кийко Е. И. В. А. Соллогуб.— В кн.: Соллогуб В. А. Повести и рассказы. М.—Л., 1962; Немзер А. С. Проза Владимира Соллогуба.— В кн.: Соллогуб В. А. Избранная проза. М., 1983.

СОТРУДНИКИ, ИЛИ ЧУЖИМ ДОБРОМ НЕ НАЖИВЕШЬСЯ

Пьеса была написана для благотворительного спектакля на домашнем театре мецената А. К. Галлера; она предназначалась и была посвящена его племянницам — исполнительницам женских ролей Н. П. Компанейщиковой и З. П. Башиловой. Первая публикация — «С.-Петербургские ведомости», 1851, № 13—16. Премьера на сцене Александринского театра состоялась 25 ноября 1852 года. В главных ролях: А. Л. Каратыгин — Грознов; В. В. Самойлов — Ухарев; А. М. Максимов — Олегович.

В драматической послесловие иронический тон по отношению к спору «западников» и «славянофилов» (подробнее см. вступительную статью), что характерно для дворянских литераторов, чье мировоззрение сформировалось в 30-е годы. (Ср. трактовку этого вопроса в комедии Е. П. Ростопчиной «Возврат Чацкого в Москву. Продолжение комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова» — написана в 1856 году, опубликована в 1865). Маски славянофила и западника были ориентированы на конкретных лиц, и современники, естественно, пытались разгадать их. Так, Гоголь увидел в Олеговиче К. С. Аксакова и задавался вопросом: «Кого бы он (Соллогуб.— А. Н.) хотел представить в Ухаре? Краевского? или лучше Некрасова?» (см.: Дневник Е. А. Хитрово.— Русский архив, 1902, кн. 1, с. 553). На самом деле, в лице Ухарева был выведен создатель Некрасова по «Современнику» И. И. Панаев (заметим, что автор постоянно подчеркивает щегольские манеры и легкомыслие героя, черты ни Некрасову, ни Краевскому не свойственные). Вспоминая о выходе в свет «Сотрудников...», Соллогуб писал: «Панаев и К. Аксаков обиделись. С первым мы рассорились. Второй хотел вызвать меня на дуэль, но Хомяков успокоил его тем, что шутка — свойство народное и что русский человек за шутку сердиться не должен» (Соллогуб В. А. Воспоминания, с. 649—650). Примечательно, что младший брат К. С. Аксакова — Иван Аксаков — одобительно отозвался о комедии в письмах к отцу от 1 и 5 февраля 1851 года и даже полагал, что пьеса может способствовать популярности брата (см.: И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. II, М., 1888, с. 376—377). С. Т. Аксаков не согласился, однако, с мнением младшего сына и в ответном письме назвал пьесу пасквилом, отказав ей даже в комизме (см.: Русская мысль, 1915, № 8, с. 130).

Негативную позицию занял рецензент «Москвитинина» Ап. Григорьев (1851, № 7, с. 130, за подписью: Г.). Он расценил пьесу как неудачу талантливого некогда писателя, необоснованно упрекнул Соллогуба в доброжелательной обрисовке западника (если и отмечать авторские симпатии, то они скорее принадлежат Олеговичу), отрицательно отозвался о самом жанре.

Дважды обращался к пьесе журнал «Современник». А. В. Дружинин в «Письмах иногороднего подписчика к редакции «Современника» о русской журналистике» (1851, г. XXV, № 2, отд. VII, письмо XXIII, с. 248—253) высоко оценил комедию, выделив как наибольшую удачу характер Олеговича. В заключение он все же подчеркнул камерность жанра, его «домашний» характер. Иную позицию занял анонимный рецензент, выступивший в следующем номере (1851, т. XXVI, № 3, отд. V, с. 18—25). Расценив пьесу как произведение не стоящее разговора, он воспользовался случаем для характеристики творчества Соллогуба в целом. Рецензент благожелательно отозвался о старых повестях, явно ориентируясь на оценки Белинского, не случайно центральное место в статье занимает обширная цитата из статьи Белинского о «Тарантасе». Имя великого критика ни разу не названо (на него, как известно, был наложен цензурный запрет), но практически статья строилась как напоминание о нем. Видимо, поэтому и цитируется именно статья о «Тарантасе», чуть было не поспорившая в 1845 году Белинского с Соллогубом. Рецензент явно осведомлен об этой истории; эта анонимная статья, намекающая на кризис в творчестве писателя, — одновременно и предупреждение Соллогубу и важная веха на пути его расхождения с демократической литературой.

Отчет о спектакле Александринского театра дал журнал «Отечественные записки» (1853 т. LXXXVI, № 1, отд. VII, с. 59).

Текст пьесы печатается по изданию: Соллогуб В. А. Водевиль. М.—Л., 1937.

... не прикажете ли выдать ее по страсти?— Аналогичный каламбур дважды встречается у Пушкина: в оставшемся в рукописи примечании к XVIII строфе 5 главы «Евгения Онегина» (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. 5. Л., 1978, с. 438) и в не опубликованной при жизни Пушкина статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (см.: там же, т. 7, с. 197—198). Скорее всего, каламбур был услышан Соллогубом от Пушкина осенью 1836 года (об их отношениях см.: Соллогуб В. А. Воспоминания, с. 274—279).

... о земле Тьмутараканской.— Тьмутараканское княжество (X—XI вв.) находилось на Таманском полуострове. В X веке присоединено к Византии. Соллогуб фиксирует интерес славянофилов к древнерусской истории.

... об Западе да об Востоке.— Запад и Восток — важные категории славянофильской идеологии и философии. Под «Западом» понимается европейская цивилизация, связываемая с католицизмом. Под «Востоком» — православие и славянство.

... по железной дороге легче съездить в Петербург, чем верст за десять к соседу, проселком.— Здесь иронически переосмысливаются многочисленные восторженные суждения о строящейся Николаевской железной дороге (открыта в ноябре 1851 года, т. е. позже, чем была написана комедия).

У него работают за него сотрудники.— Именно эти слова натолкнули Гоголя на мысль о Краевском как прототипе Ухарева. А. А. Краевский, редактор «Отечественных записок», пользовался репутацией типичного «литературного промышленника».

... мы живем так смирно, так тихо, точно немцы в Парголово.— Парголово — дачное место под Петербургом на берегу Финского залива.

Альфред де Мюссе (1810—1857) — французский писатель.

... на водах у Излера.— И. И. Излер — владелец ряда увеселительных заведений, в том числе сада под Петербургом, где устраивались гуляния и представления.

Мы ее сразу навалаем втроем [...] А мы чем хуже французов?— Явление соавторства в драматургии имело две традиции. Первая связана с «дворянским» этапом развития русского театра (например, в соавторстве с Н. И. Хмельницким, П. А. Катениным, А. А. Шаховским писаны ранние комедии А. С. Грибоедова). На этом этапе пьеса и спектакль часто мыслились как дело «домашнее». Подобное отношение к театру было иронически отражено Грибоедовым в словах Репетилова:

...И как-то невзначай вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И шестером, глядь, водевильчик сплетят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

(Горе от ума, IV, явл. 4)

С другой стороны, соавторство как явление имело место в тех случаях, когда литература превращалась в производство. Это характерно, прежде всего, для французской культурной ситуации середины XIX века, причем не только для театра (ср. хотя бы знаменитую «фабрику романов» А. Дюма-отца). В намерениях Грознова объединяются обе традиции, он собирается сделать «домашний» спектакль «промышленным» методом (см. характерную ссылку на парижский опыт).

... в красной рубашке, в старинном полукафтани и мурмолке.— Славянофилы считали необходимым носить традиционную русскую одежду, эта деталь их поведения служила поводом для постоянных насмешек западников. «Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок. А К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина, как рассказывал, шутя, Чаадаев» (Герцен А. И. Собр. соч. в 9-ти т., т. 5. М., 1956, с. 148). Ср. также в рассказе И. С. Тургенева «Одноворец Овсянников»: «... ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил, а на голове така шапонька мудреная, и лицо такое мудренное,— пьян не пьян, а и не в своем уме» (Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти т., т. 1. М., 1975, с. 64). О знаковом характере поведения и одежды славянофилов см. Егоров в Б. Ф. Славянофильство, западничество и культурология.— Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 308. Труды по знаковым системам, VI. Тарту, 1973, с. 265—276

... *потомок славянских варягов*...— Варяги — скандинавы; по преданию, были призваны на Русь княжить в Новгороде.

Чудь, весь, меря — финно-угорские племена, упомянутые в «Повести временных лет».

Печенеги — тюркское кочевое племя, постоянно угрожавшее славянским землям в X веке.

Кривичи — славянское племя, жившее в верховьях Волги, Двины и Днепра. ... в древнем *Ганзейском Новгороде!*— Новгородская республика поддерживала активные торговые и политические связи с Ганзой — союзом немецких торговых городов.

За чиновника! [...] *я этого не допущу*...— Соллогуб иронизирует над дворянским презрением к чиновничеству, которому сам отдал щедрую дань в «Тарантасе».

... *три диссертации* [...] *об чешском корнесловии*.— Соллогуб намекает на основные интересы К. С. Аксакова: историческая грамматика, допетровская история, славянское языкознание. Заметим, что прототип Олеговича — К. С. Аксаков — был талантливым лингвистом.

... *сроду не писал литературной строчки. Ведь я пишу только ученые статьи*.— Соллогуб полемически смещает ситуацию. Большинство славянофилов (и К. Аксаков в том числе) создавали художественные произведения. Славянофилы не противопоставляли искусство и науку. Реплика Олеговича могла быть воспринята как намек на художественную слабость произведений славянофилов. О литературном творчестве славянофилов см.: Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976, с. 78—197; Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978, с. 290—489.

Я русский человек, а не мужик. Тут большая разница.— Подобного рода высказывание не соответствует идейной позиции реальных славянофилов и К. Аксакова в особенности. Именно в крестьянстве («мужиках») славянофилы видели подлинных хранителей народности, резко противопоставляли народу «европеевшееся» образованное общество.

Черная речка — пригород Пётербурга.

Фрыштук — от Frühstück (нем.) — завтрак

... *Ярило и Припекало*...— Ярило — солнечное божество древних славян, второе имя образовано по пародийной аналогии.

Я давеча прочитал в Снегиреве...— Имеются в виду труды И. М. Снегирева, этнографа и фольклориста, «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках» или «Русские народные пословицы и притчи».

... *Юрьев день* [...] *до царя Федора Иоанновича*...— Неделю до Юрьева дня (26 ноября ст. ст.) и неделю после крестьяне могли переходить от одного помещика к другому. Юрьев день был отменен в царствование Федора Иоанновича, тогда и возникла пословица, означающая неожиданную неприятность.

... *уж нет ли у него несчастной привычки?*— т. е. не пьяница ли он.

Поединки ведь происходили феодального времени и совершенно чужды нашим народным обычаям.— Славянофилы, развивая идею о самобытности русской истории, утверждали, что в России не было феодализма, понимаемого ими как система, складывающаяся в результате завоеваний.

ЧИНОВНИК

Комедия написана в начале 1856 года. В феврале была представлена на домашней сцене у великой княгини Марии Николаевны в присутствии императора Александра II. В разговоре с П. А. Плетневым Александр одобрил пьесу (см.: Никитенко А. В. Дневник в трех томах. т. 1. М., 1955, с. 430—431). 22 февраля состоялась премьера на сцене Александринского театра, роли исполняли: Е. В. Владимирова — графиня; В. В. Самойлов — Надимов; И. И. Сосницкий — Стрельский; А. Е. Мартынов — Дробинкин; Л. Л. Леонидов — Мисхорин.

Текст комедии был опубликован в мартовской книжке «Библиотеки для чтения» и вскоре вышел отдельным изданием (цензурное разрешение — 22 марта 1856 года). Таким образом, комедия очень быстро стала известна не только петербургскому зрителю, но и широкому кругу провинциальных читателей — подписчиков «Библиотеки для чтения». Пьеса Соллогуба, положившая начало «обличительной литературе», вызвала многочисленные отклики. «Отечественные записки» (1856, № 4, отд. Смесь,

с. 74—77; без подписи) отметили общественное значение пьесы, восторженный прием публики, однако не согласились с авторским решением основной проблемы: «Людей обеспеченных немного [...] и число их кажется еще меньшим, если припомнить, что служба [...] требует и известного таланта» (там же, с. 77). Рецензент отметил удачную обрисовку характеров Дробинкина и графини, счел странным и непонятным лицо Мисхорина, отметил неестественность главного героя. По словам рецензента, он «был бы похож на Чацкого (в нападении на других), если бы не впадал в привычки Хлестакова (хваля себя больше других)» (там же, с. 77).

В. В. Самойлов

И. И. Сосницкий

Дважды обращался к «Чиновнику» «Музыкальный и театральный вестник». В десятом номере за 1856 год (с. 190—192, подпись: В. С.) был кратко разобран спектакль Александринского театра; рецензент напомнил о слухах вокруг пьесы, подчеркнул значимость вопросов, затронутых в комедии, высоко оценил игру Самойлова, Мартынова, Владимировой. Намеченная в рецензии мысль о гоголевском влиянии была подробно развита в следующем выступлении журнала, посвященном пьесе (№ 14, с. 265—271). Автором рецензии был В. Я. Стоюнин (скорее всего, ему же принадлежал и первый отклик). Стоюнин связал представления Соллогуба о добродетельном чиновнике с образом «очень скромно одетого человека» из «Театрального разъезда» Гоголя, с монологом князя («Мертвые души», т. II). Отметив мастерство диалога, критик неодобрительно отозвался о «французской манере» автора и, так же, как в первом случае, осудил элементы водевиля. Вновь было подчеркнуто благожелательное отношение публики к пьесе (с. 270). Одобрительно отозвались о спектакле журналы «Пантеон» (1856, т. XXV, кн. 2, рубрика «Петербургский вестник», без подписи) и «Сын отечества» (1856, № 1, с. 13, без подписи). В последнем, впрочем, указывалось на избыток дидактики, искупаемой лишь только блестящей игрой актеров. Высоко оценила пьесу и опубликовавшая ее «Библиотека для чтения» (1856, № 3, с. 122—123).

Резко отрицательно оценил пьесу «Современник» (1856, № 6, отд. III, с. 235—244); здесь в традиционной рубрике «Заметки о журналах» появилась статья за подписью «Чиновник». Автор упрекал Соллогуба в легковесности, а его героя Надимова во фразе. Надимов, иронично замечает рецензент, не чиновник, а «чиновник особых поручений» при губернаторе (с. 238); рецензент не без сарказма рекомендует Надимову послужить «по выборам», начиная с заседателя (с. 243), тогда, по его мнению,

герой Соллогуба, может быть, излечится от аристократических претензий и сможет принести посильную пользу. Автором рецензии был чиновник Н. М. Львов (см. об этом в сноске от редакции в кн.: Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949, с. 298; ранее статья ошибочно приписывалась Некрасову). Полемику с Соллогубом Львов продолжил уже художественными средствами, в пьесе «Свет не без добрых людей» (Отечественные записки, 1857, № 3; премьера на Александринской сцене — 13 ноября 1857 года). В этой пьесе богатою чиновнику Лисицкому (карикатура на соллогубовского Надимова) противостоит бедный чиновник Волков; высокие слова Лисицкого дискредитируются его поведением. Лисицкий в итоге оказывается даже взяточником. Комедия Львова была двойственно оценена критикой «Современника» (Чернышевский, Добролюбов, Панаев); с одной стороны, критические моменты в полемике Львова с Соллогубом вызвали сочувствие и поддержку, с другой — собственные идеалы Львова были чужды критикам революционно-демократического направления.

В «Русском вестнике» (1856, т. III, № 6, кн. 1, с. 494—511; т. IV, № 7, кн. 2, с. 385—418) появился обстоятельная статья Н. Ф. Павлова, вышедшая вскоре отдельным изданием (см.: Павлов в Н. Ф. Разбор комедии графа Соллогуба «Чиновник». М., 1857; далее цит. по этому изданию). Павлов подверг комедию разбору как с эстетической, так и с «социологической» точек зрения. Он подчеркнул неестественность сюжета, отметил наличие водеvilных мотивов, упрекнул автора в плохом знании светских нравов — последнее было явной придиркой, следует помнить, что у Павлова с Соллогубом были старые счеты: именно Соллогуб стал в 40-е годы самым популярным автором «светских повестей», прежде эта роль отводилась Павлову. Основная критика Павлова направлена на идеологию автора пьесы, все его «эстетические» замечания делаются с идеологическим прицелом. Так, критикуя неестественное поведение Надимова, его говорливость, Павлов логически подходит к эгоизму героя (с. 18—19); указывая на ошибки Соллогуба в описании делопроизводства (ср. упрек Львова), Павлов далее говорит о несостоятельности Надимова как деятеля, практика (с. 46—52) Павлов сознательно игнорирует специфику жанра легкой комедии и по сути отвергает жанр в целом. Из критического разбора естественно следует вывод о том, что именно в Надимове заключено главное социальное зло (с. 103—104). По мысли Павлова, взяточничество есть порождение общего произвола и беззакония, символом которых и становится для него Надимов. Статья Павлова вызвала большой резонанс: ее положительно оценили И. С. Тургенев (см. письмо Н. А. Мельгунова Павлову. — Русское обозрение, 1895, № 3, с. 397); Н. П. Огарев (см. совместное письмо А. И. Герцена и Огарева Н. М. Сатину. — Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26. М., 1962, с. 43); Н. Г. Чернышевский («Заметки о журналах». — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3. М., 1947, с. 661—663). Ряд тезисов Павлова был развит и углублен в статье Добролюбова «Сочинения графа Соллогуба» применительно к творчеству писателя в целом (см.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 1. М.—Л., 1961, с. 520—543). Подробнее о статье Павлова и ее воздействии на публику см.: Вильчинский В. П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество. Л., 1970, с. 118—122.

Текст пьесы печатается по изданию: Библиотека для чтения, 1856, № 3.

шевროнов своих [...] не перечтете. — Шеврон — галунная нашивка на рукаве у военных; *зд* эмблема любовной победы.

от этого я и определился на службу, что я в ней не нуждаюсь [...] но что она во мне нуждается. — Близкий тезис прозвучал еще в повести «Тарантас». Ср. слова князя в главе «Сон»: «Во-первых, как гражданин я обязан отдать часть своего времени для общей пользы, во-вторых, выгоды мои, как значительного владельца, тесно связаны с выгодами моего края. Наконец, находясь сам на службе, я не отвлекаю от выгодного занятия или ремесла бедного человека, который бы должен был занимать мою должность» (Соллогуб В. А. Три повести. М., 1978, с. 265).

... любовь к России. — Патриотизм Надимова был оценен Павловым как ложный; критик подчеркнул: «Любовь к отечеству не заслуга».

Из института? — *Зд.* институт — закрытое учебное заведение для девиц.

... из Египта. — Мотив долгих странствий героя, возможно, восходит к ситуации «Горя от ума».

Вы при самом губернаторе состоите?— Надимов, как верно отметил Львов, действительно выполняет функции «чиновника особых поручений». Показательно, однако, что Соллогуб, сам прежде служивший в провинции, ничего не говорит о ранге героя. Писателю было нужно создать модель чиновника «вообще», отсюда и путаница в поручениях, даваемых Надимову, отмеченная и Павловым, и Львовым

... *за галстук...*— Эд. эвфемистическое определение пьянства.

... *надо крикнуть на всю Россию...*— Эти слова Надимова были высмеяны как образец либеральной болтовни Павловым и Добролюбовым.

Я сам был кандидатом в предводители.— Предводитель — глава уездного или губернского дворянства, ведал как внутрисословными, так и некоторыми административными вопросами. Раз в три года дворянство выбирало двух кандидатов, один из которых утверждался императором.

Чиновник-то, кажется, читал Цицерона... просто римлянин...— Мисхорин иронизирует над неподкупностью и гражданским пафосом, так называемыми «римскими» добродетелями Надимова.

А. А. Потехин (1829—1908)

Алексей Антипович Потехин родился в Кинешме в бедной дворянской семье. Отец его был уездным чиновником. А. А. Потехин учился в костромской гимназии и в Демидовском лицее в Ярославле. Был офицером, потом чиновником в Костроме, где служил одно время вместе с А. Ф. Писемским. Литературную известность Потехин приобрел как автор этнографических очерков, повестей и рассказов из крестьянской жизни. В 50-е годы он сблизился с молодой редакцией журнала «Москвитянин», возглавлявшейся А. Н. Островским и Ап. Григорьевым. В этом журнале Потехин, будучи уже беллетристом со сложившейся репутацией знатока народной жизни, дебютировал как драматург пьесой «Суд людской — не божий». В критике 50-х годов его имя нередко включалось в ряд писателей «реального направления» вместе с именами Островского, Писемского и др. По поводу первой драмы Потехина журнал «Пантеон», рецензировавший номер «Москвитянина», в котором она появилась, писал: «Эта драма из «народного быта» вместе с другими повестями и романами подобного же содержания, вошедшими в моду в последнее время, будила много толков об идеализации и о том, в какой степени верны действительности крестьяне и лица низших сословий, выводимые на сцену г. г. Потехиным, Островским, Григоровичем и их подражателями. Если г. Григоровича упрекали, и отчасти справедливо, в том, что его крестьяне и рыбаки похожи на пастушков XVIII столетия [...], то г. Потехина можно с большею основательностью упрекнуть в совершенной противоположном направлении, данном литературе этого рода г. Островским, а именно — в излишней даггеротипности портретов» (Пантеон, 1855, кн. 2, разд. IV, с. 2).

Считая пьесы А. Потехина «грубо даровитыми», Ап. Григорьев указывал на явственно сказавшиеся в них натуралистические тенденции.

О драме «Суд людской — не божий» в 1864 году Ап. Григорьев писал, что ей недостает «сознания, оразумления жизни с ее типами и явлениями в художественных образах» (Григорьев в Аполлон. Эстетика и критика. М., 1980, с. 416).

Пьесы Потехина вскоре сделались весьма репертуарными. Среди них — «Вакантное место», «Новейший оракул», «В мутной воде», «Выгодное предприятие» и др.

В эпоху театральных реформ Потехин как один из наиболее авторитетных писателей, регулярно работавших для русского театра, вместе с А. Н. Островским и Д. В. Аверкиевым был включен в правительственную Комиссию по составлению проекта Положения об управлении императорскими театрами. Островский, долгое время считавший Потехина своим единомышленником в борьбе за театральные реформы, резко разошелся с ним в 80-е годы. Причиной расхождения была та политика, которую проводил Потехин как начальник репертуарной части императорских театров (с 1881 года) и заведующий труппой Александринского театра (с 1882 года), а также разница во взглядах драматургов на актерское искусство. Потехин был противником профессиональной подготовки актеров и отдавал предпочтение любителям (полная ими труппы императорских театров). Как и Островский, Потехин участвовал в постановке своих пьес, но при этом он стремился сам «сыграть» актерам все роли и добиться от них повторения своего рисунка. Интересные сведения об этом содержит

дневник Е. А. Штакеншнейдер, записавшей свои впечатления от первого исполнения в Александринском театре 2/16 декабря 1855 года драмы Потехина «Чужое добро впрок не идет»: «Я знаю, отчего Самойлов дурно играл; ему, во-первых, было досадно на автора, который сам учил всех актеров и так вдолбил в них роли, что Меи, которые сидели в ложе возле нас, все ахали о том, что каждый актер говорил даже голосом Потехина. Потехин читает превосходно и обладает даром менять голос даже на женский» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 100—101). В предпочтении любительского исполнения профессиональному и в понимании актерской игры как подражания, а не творчества, как и в драматургии Потехина, сказались натуралистические тенденции. Интересно, что позднее создатели Художественного театра также писали о преимуществах одаренных любителей перед профессиональными актерами, зараженными рутинной. Но не забудем, что они как раз и имели своими противниками то поколение «профессионалов», которое сформировалось из потехинских любителей, быстро усвоивших именно внешние стороны профессионализма и утративших суть мастерства актеров школы Островского, славившейся ансамблем.

По вопросам управления труппой и обучения актеров Островский написал Потехину очень резкое письмо (см. X, 346).

Некоторые мемуаристы отмечают достоинства Потехина как руководителя Александринского театра. Так, П. П. Гнедич в своих мемуарах «Последние орлы», повторив, в сущности, те обвинения, которые предъявлял Потехину как организатору труппы Островский, вместе с тем одобрительно пишет о некоторых сторонах деятельности Потехина: «Он изгнал со сцены Оффенбаха, провел в репертуар пьесу Сухово-Кобылина «Дело», поставил заново все пьесы Гоголя и «Горе от ума» (Исторический вестник, 1911, № 1, с. 55).

В 1900 году Потехин был избран почетным членом Академии наук по разряду изящной словесности.

Сочинения А. А. Потехина:

Сочинения в 12-ти т. Спб., 1903—1905 (драматические сочинения — т. 9—11); Из театральных воспоминаний.— Русская мысль, 1894, № 2.

Литература о нем:

Добролюбов Н. А. Мишура. Комедия в 4-х действиях А. Потехина.— Собр. соч. в 9-ти т., т. 3. М.—Л., 1962; Григорьев А. А. Длинные, но печальные рассуждения о нашей драматургии и о наших драматургах с воздаянием чести и хвалы каждому по заслугам.— Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. М., 1980; Карнеев М. В. А. А. Потехин.— Ежегодник императорских театров, 1901—1902, прилож., кн. 1; Боборыкин П. Д. Потехин. Пб., 1902; Касторский С. В. Писатель-драматург А. А. Потехин.— В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959.

СУД ЛЮДСКОЙ — НЕ БОЖИЙ

Впервые пьеса опубликована в журнале «Москвитянин», 1854, № 23.

Премьера состоялась в Александринском театре 29 апреля 1854 года. Роли исполняли: Николай Спиридонич — В. В. Самойлов, Матрена — А. М. Читау, Скрипунов — А. Е. Мартынов и др.

В первой публикации и на сцене финал отличался от окончательной редакции, которую мы печатаем. Приведем наиболее существенное разночтение по редакции «Москвитянина». После заключительного монолога Ивана («Стой, не говори... Прощай, Матрешенька! Прощай, Николай Спиридонич!») следовало:

Матрена. Иванушка, голубчик, стой... коли батюшка родимой... на его волю отдала я свой зарок...

Иван. Так моя ты будешь, а я все царев слуга... Хоть ли идти за солдата?.. Матрена. Все едино, сердечный мой...

Иван. Так поди ко мне, моя лебедь белая, моя солдатка ненаглядная... Батюшка, благослови... (Обнимает Матрену.)

Николай Спиридоныч. Буди над вами святая воля господня! (*Благословляет их.*)

Далее текст не имеет изменений.

Вспоминая об истории постановки пьесы, Потехин сообщает в своих мемуарах: «Несмотря на то, что по рекомендации М. П. Погодина (тогда издателя «Москвитянина». — В. Н.), я читал мою первую пьесу «Суд людской — не божий» великому князю Константину Николаевичу, что пьеса ему очень понравилась и он писал о ней шефу жандармов (тогда драматическая цензура велась Третьим отделением) и министру двора, прося их о скорейшем пропуске и постановке пьесы, она появилась только весною, незадолго до конца сезона» (Театр и искусство, 1901, № 40, с. 703).

И в положительных и в отрицательных отзывах сохранялся благожелательный по отношению к автору тон. Так, И. И. Панаев в фельетоне «Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики» писал: «Народная драма из современного быта едва ли еще не более трудная задача, чем историческая драма. Можно ли, увлекаясь своей фантазией, браться за такой предмет?.. Мы говорим об этом так горяча г. Потехину именно потому, что признаем в нем талант и боимся, чтобы он не злоупотребил этим талантом». Панаев считал, что Потехин написал «французскую мелодраму из крестьянского быта» (Современник, 1855, № 2, с. 225).

Элементы мелодраматичности отмечали и критики других журналов (Отечественные записки, т. 44, № 6, Смесь, с. 126; Библиотека для чтения, 1855, т. 30, март—апрель, Литерат. летопись, с. 9).

Текст пьесы печатается по изданию: Потехин А. А. Сочинения в 12-ти т., т. 9. Спб., 1903—1905.

До филипповок-то много ли осталось?— т. е. до Филиппова поста; так называли в народе рождественский пост, начинавшийся после Филиппова заговенья, 14 ноября ст. ст.

Заугар — угорелый.

Ноги — даже.

Поседки — осенью и зимой молодежь собиралась в избе; во время поседок занимались рукоделием, пели, рассказывали сказки и т. п.

Одиново — однажды.

Теплинка — маленький костер.

Стень — т. е. тень.

Озёпом только и берет...— т. е. берет только сглазом, напущенной порчей.

МИШУРА

Пьеса опубликована в журнале «Русский вестник», 1858, № 1. Как литературное явление пьеса «Мишура» сразу же привлекла внимание. Обстоятельную рецензию посвятил ей Добролюбов (Современник, 1858, № 2), выделивший ее из потока «обличительной» литературы. Добролюбов писал: «Г. Потехин представляет нам комедию, имеющую серьезное значение». Рецензия строится на подробном анализе образа Пустозерова. Основной слабостью пьесы Добролюбов посчитал недостаток комизма, что объяснялось, по его мнению, непоследовательностью критицизма Потехина: «Ведь Пустозеров нам страшен; ведь мы не можем презирать его, как Молчалина, Хлестакова и прочих... И вот отчего мы не умеем смеяться над ним... Он возмущает самые святые ваши чувства, самые чистые убеждения, и на самом деле он опасен для них. Можно ли смеяться над ним после этого? Можно; но для этого надо найти в себе столько героизма, чтобы презирать и смеяться все общество, которое его принимает и одобряет». Через год в одной из своих рецензий Добролюбов отозвался о «Мишуре» как о пьесе «не художественной, но умной и резкой».

П. И. Вейнберг в «Отечественных записках» (1858, т. 20, № 9—10) противопоставил «Мишуре» потоку «чиновничьей» литературы, создававшейся в подражание Щедрина и Печерскому. Как и многие другие современные сатирики, Потехин, по мнению критика, не добрался до основания зла, но «взглянул на свой предмет метко, умно, даже отчасти глубоко, он захотел сказать, что чиновничье бескорыстие еще не делает человека человеком, что оно не есть еще идеал совершенства». Подробно

П. М. Садовский

М. С. Щепкин

В. И. Живокини

Е. Н. Васильева

пересказывая далее комедию, критик, однако, не замечает, что герой пьесы отнюдь не бескорыстен, что именно за отказ вести дело откупщика он получает место в Петербурге.

Отрицательно отозвался о «Мишуре» критик либерально-западнического журнала «Атеней» (1858, ч. IV, № 35).

Из-за своей остроты пьеса была допущена на сцену только в марте 1862 года (см.: Д р и з е н Н. В. Драматическая цензура двух эпох, 1825—1881. Пг., 1917).

Премьера состоялась в Петербурге 12 октября 1862 года в бенефис П. В. Васильева. Роли исполняли: Пустозеров — А. А. Яблочкин, Побединский — П. В. Васильев, Зайчиков старший — И. И. Сосницкий, Дашенька — Спорова, Зайчиков младший — П. И. Малышев и др.

13 ноября 1862 года пьеса была впервые сыграна в Москве в бенефис Е. Н. Васильевой. Сравнению этих спектаклей была посвящена большая статья «Как даются пьесы в Петербурге и Москве» (Библиотека для чтения, 1863, № 2, с.17), где говорилось о преимуществе московской труппы, особо отмечались ее сыгранность, серьезное отношение к русскому репертуару.

Интересно, что много лет спустя, когда в ознаменование юбилея Потехина «Мишура» была возобновлена в Александринском театре, М. В. Карнеев в статье «Первое представление комедии «Мишура» в Москве и Петербурге» воспользовался материалом этой рецензии. «В Москве, наоборот, «Мишура» шла так полно и отчетливо, что не было ни одной вялой и бледной минуты. Не только главные роли, но и второстепенные лица исполнялись с истинным пониманием и тем ансамблем, который может существовать только в хорошо сыграншей и дисциплинированной труппе. Три главные роли были разыграны безукоризненно. Шумский умно и тонко понял характер Пустозерова... Нечего и говорить, что Пров Садовский был в роли Побединского выше П. Васильева. Нужно было видеть, с каким художественным спокойствием и глубиной играл он эту роль, как тонко воспроизводил он смесь чиновничьего формализма, подобострастия, самодурства и любви к дочери. [...] И Г. Н. Федотова (тогда еще Позднякова) и Н. А. Никулина, только что вступившие со школьной скамьи на сцену Малого театра, чередовавшиеся в роли Дашеньки, неизмеримо были выше петербургской исполнительницы героини комедии. Все, что было нужно для этой роли — молодость, честный порыв и нежная страсть — были в их исполнении. Незабвенный Щепкин, исполнявший роль старика Зайчикова, вложил в свой длинный монолог, несмотря на преклонные лета, необыкновенную теплоту и тонкий комизм уже угасшего таланта. Особенно хороши были в комедии Таланова и Живокини в ролях стариков Губанчиковых, П. Степанов и Никифоров в ролях частного пристава и станового, и Самарин в роли откупщика, В. Ленский (сын известного водевилиста) в роли молодого Зайчикова. Монолог свой произнесил он горячо, но без драматизма и выбегания на авансцену, к чему прибегал в Петербурге Малышев. А результатом этого всего было то, что комедия Потехина в Москве имела положительный успех и была оценена по достоинству и долгое время не сходила с репертуара» (Театр и искусство, 1901, № 43).

В юбилейном спектакле «Мишуры» (1901) были заняты виднейшие артисты Александринской труппы: В. Н. Давыдов (Зайчиков старший), В. Ф. Комиссаржевская (Дашенька), В. П. Далматов (Пустозеров). Высокую оценку спектаклю в целом дал А. Кугель, отметивший, правда, что роль Дашеньки мало соответствовала дарованию Комиссаржевской. Особенно высоко оценил он работу Далматова и общий тон исполнения (см.: Театр и искусство, 1901, № 43).

Текст пьесы печатается по изданию: Потехин А. А. Сочинения в 12-ти т., т. 9. Спб., 1903—1905.

Об Иванове дни...— Имеется в виду Иванов день (24 июня ст. ст.); издревле отмечался как народный праздник.

...человек случайный...— зд. в значении «в фаворе». Ср. в «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «Вельможа в случае тем паче...»

И. Е. ЧЕРНЫШЕВ (1834—1863)

Иван Егорович Чернышев воспитывался в Петербургском театральном училище, окончив которое стал актером в провинции, а затем в Александринском театре.

В своих мемуарах «За полвека» П. Д. Боборыкин писал о Чернышеве: «С ним мы познакомились по «Библиотеке для чтения», куда он что-то приносил и, сколько помню, печатался там. Он мне понравился как очень приятный собеседник, с юмором, с любовью к литературе, с искренними протестами против тогдашних «порядков». [...] Таким драматургам, как Чернышев, было еще удобнее ставить, чем нам. Они были у себя дома, писали для таких-то первых сюжетов (актеров на главные роли.— В. Н.), имели всегда самый легкий сбыт при тогдашней системе бенефисов. Первая большая пьеса Чернышева «Не в деньгах счастье» выдвинула его как писателя благодаря игре Мартынова. А «Испорченная жизнь» разыграна была ансамблем из Самойлова, Снетковой, П. Васильева и Владимировой. Этот тип актера-писателя [...] уже не повторится» (Боборыкин П. Д. Воспоминания в 2-х т., т. 1. М., 1965, с. 223—224). Это взгляд со стороны, более того, взгляд «конкурента», и, по-видимому, верно в нем только то, что было доступно внешнему наблюдению: принадлежность Чернышева к разряду драматургов-актеров, умение писать сценично и к тому же в расчете на состав труппы, зависимость его успеха как драматурга от исполнителей. Все так, и вместе с тем все понято очень поверхностно и в судьбе Чернышева-человека и в существе Чернышева-писателя.

И положение Чернышева в труппе, и отношения его с «первыми сюжетами» (за исключением не любимого театральным начальством Мартынова) — все было не так идиллично, как рисуется Боборыкину.

Чернышев не оставил заметного следа в истории русского актерского искусства, и современники по-разному объясняют причины его неуспеха. Преобладает мнение, что он был малоодаренным актером. Некоторые же театральные критики и мемуаристы признают за Чернышевым определенное актерское дарование и объясняют его неудачи житейскими причинами: его неуживчивость, неумение вовремя удержат острое слово и ладить с нужными людьми. Так, например, М. Рапопорт, рецензируя спектакль, где Чернышев заменял заболевшего Самойлова, сетует, что публика «совершенно равнодушна к подвигу молодого артиста, заслуживающего, однако, не только одобрения, но и благодарности: мы говорим о Чернышеве, артисте с талантом и горячей любовью занимающемся искусством. Уже не в первый раз случается г. Чернышеву являться в ролях известных артистов, и каждый раз он играет если не с совершенством, то весьма добросовестно» (Театральный и музыкальный вестник, 1858, № 35, с. 411).

Ап. Григорьев также считал Чернышева одаренным человеком, не реализовавшим своих возможностей (см.: Григорьев Аполлон. Эстетика и критика. М., 1980, с. 435).

Как драматический писатель Чернышев, безусловно, отличался от типичных поставщиков репертуара из числа предпримчивых актеров и театральных чиновников, которых Григорьев иронически называл «александринскими драматургами». Для Чернышева характерно серьезное отношение к литературному труду. По своим эстетическим установкам он явно принадлежит к «реальному направлению», к «школе Гоголя и Островского», как выражалась критика того времени. Успех его пьес несправедливо приписывать исключительно актерам, игравшим в них. Чернышев давал материал для актерского творчества реалистического плана. Как справедливо писалось в очерке о Чернышеве, «имя Ивана Егоровича Чернышева тесно и неразрывно связано с именем гениальнейшего из русских драматических артистов, с именем Александра Евстафьевича Мартынова. Связалось это имя тем, что Чернышев своими тремя драматическими произведениями дал возможность Мартынову выказать всю силу своего трагического дарования. Эти произведения: «Жених из долгового отделения», «Не в деньгах счастье» и «Отец семейства» (Суфлер, 1884, № 6, с. 5).

Мартынов любил Чернышева и ценил его пьесы. Сообщая о своем успехе в пьесах Чернышева на гастролях в Москве, он заканчивает письмо к нему: «Теперь позвольте пожелать здоровья, любящий автор мой...» (Театральное наследство. М., 1956, с. 288). И эта любовь замечательного актера, всеми силами отстаивавшего новое реалистическое направление русской драматургии на петербургской сцене, стоит много критичес-

кого отзыва, она дает нам представление о месте Чернышева в литературно-театральном движении его времени. Он затрагивал в пьесах живые проблемы, волновавшие общество, и именно поэтому его произведения, особенно «Жених из долгового отделения», «Не в деньгах счастье» (1858), «Отец семейства» (1860) и «Испорченная жизнь» (1861), имели успех и долго удерживались в репертуаре.

Чернышев является также автором романа «Уголки театрального мира» (1875). Вместе со своим другом, поэтом Г. Н. Жулевым (1836—1878), также актером Александринского театра, выступал в сатирическом журнале «Искра»; там печатались его очерки.

Сочинения Чернышева не собраны.

Л и т е р а т у р а о н е м :

Нильский А. А. Воспоминания.— Исторический вестник, 1894, № 9, с. 683—688; Россиев П. Иван Егорович Чернышев.— Ежегодник императорских театров, 1913, № 7, с. 145—156; Альтшуллер А. Александр Евстафьевич Мартынов. Л.—М., 1959, с. 163—179; Золотницкая Т. Д. Чернышев актер и драматург. Автореф. канд. дис. Л., 1976.

ЖЕНИХ ИЗ ДОЛГОВОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Впервые пьеса опубликована в «Драматическом сборнике», т. 4. Спб., 1858. Премьера в Александринском театре состоялась 25 сентября 1858 года. Роли исполняли: Грязовская — Ю. Н. Линская, Чежин — П. И. Григорьев 1, Счастнев — А. М. Максимов 1, Ладыжкин — А. Е. Мартынов. «Пьеса имела успех, театр был полон», — пишет обозреватель «Театрального и музыкального вестника» (1858, № 39, с. 462).

Рецензент «Отечественных записок» также отмечает успех пьесы, хотя отзывается о ней с некоторой снисходительностью. При этом, пересказывая ее содержание, он обнаруживает искаженное понимание самого существа роли Ладыжкина, называя его «прогулявшимся» человеком. Эта ошибка рецензента тем удивительнее, что он особо выделяет исполнение роли Мартыновым. «[...] Вот все содержание комедии. В основе ее не положено особой мысли, но подробности пьесы, а особенно при том исполнении, какое мы видели на петербургской сцене, придает пьесе г. Чернышева интерес. Г. Мартынов в роли Ладыжкина превосходен. Надобно видеть этого прогулявшегося человека, лишившегося собственной воли, человека без силы, без энергии, объясняющегося по приказанию в любви, начинающего надеяться, кажется, на счастье и опять теряющего всякую надежду и стоящего снова у дверей долгового отделения. Это одна из лучших ролей г. Мартынова» (Отечественные записки, 1858, т. 21, № 11, Современная хроника России, с. 35).

А. Е. Мартынов

Пьеса Чернышева прочно вошла в репертуар. В 1859 году театральный критик Гиероглифов, рецензируя спектакль 6 ноября в театре-цирке, состоявший из «Игроков» Гоголя и «Жениха из долгового отделения», замечает: «В театре-цирке по пятницам даются спектакли, которые по выбору пьес доставляют истинное наслаждение настоящим ценителям и любителям искусства [...] А г. Мартынов в пьесе «Жених из долгового отделения» является каким-то волшебником комизма. Кроме того, что роль передается с полным выражением всех психических оттенков и с неподражаемой художественностью в создании ее — комизм доходит до какой-то чудесной, обаятельной

силы, зрители находятся под влиянием неудержимого смеха, доходящего до слез, до истерики» (Театральный и музыкальный вестник, 1859, № 45, с. 440).

В 1913 году в статье П. Россиева о Чернышеве мартыновское исполнение роли Ладыжкина вспоминается как театральная легенда: «В 1858 году «Жених из долгового отделения» поставлен на александринской сцене, и Мартынов-Ладыжкин гармонически сочетал и ярко выказал обе стороны своего обширного таланта. Несмотря на, весь комизм обстановки и самой личности Ладыжкина, он заставил зрителя невольно сострадать ему, и нужно было видеть, как, ожидая заключительных слов безвестного жениха, весь театр притаил дыхание. И действительно, в этих словах вылилась вся душа забытого судьбою человека и глубокую непередаваемую грусть унес он с собой за сцену. Одноактная сатира-элегия Чернышева слишком известна, чтобы здесь пересказывать ее. Уже с лишком пятьдесят лет она странствует по русским сценам, не увядая и не утрачивая красок старого быта, и в каждом, даже очень талантливом изобразителе Ладыжкина все же чувствуется мартыновская традиция» (Ежегодник императорских театров, 1913, № 7, с. 151).

Текст пьесы печатается по изданию: Репертуар. Художественный сборник под ред. Корещкого. Спб., б. г., т. 6.

Вдруг как с черной печатью...— Письма, извещавшие о смерти, посылались в особых траурных конвертах.

...на казенной квартире...— т. е. в тюрьме.

«*Письмовник*» Курганова — своеобразная энциклопедия для самообразования и одновременно сборник для развлекательного чтения русского просветителя XVIII века Н. Г. Курганова. Книга имела чрезвычайно широкое распространение в демократической части общества.

... как Юлия Пастрана...— В дневнике известной мемуаристки Е. А. Штакеншнейдер под датой 26 мая 1858 г. читаем: «Теперь показывают в Петербурге женщину-обезьяну, зовут ее Юлия Пастрана. Она вся покрыта шерстью, и у нее борода. Она говорит по-английски, танцует и поет» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М.—Л., 1934, с. 213).

... а я отменился в Москву.— При поездках на почтовых оформляли подорожную с указанием маршрута; сведения о приезде в столицы публиковались в газетах.

... в совестный суд...— Совестный суд был особым учреждением, предназначенным для разбора гражданских дел с целью достичь примирения сторон, а также для разбора уголовных дел, требовавших снисхождения со стороны судей (например, преступления, совершенные малолетними или душевнобольными); по замыслу создателей он был меньше связан формальностями, к середине XIX века это учреждение уже отмирало. Разорванный вексель в обычном суде безусловно уже не мог считаться дежным документом, поэтому Чежин и вспоминает совестный суд.

Д. В. Аверкиев (1836—1905)

Дмитрий Васильевич Аверкиев родился в Екатеринодаре в купеческой семье. Учился в Петербурге, сначала в коммерческом училище, затем на естественном факультете университета. Большую роль в его судьбе как литератора сыграла близость с Ап. Григорьевым. Важным этапом его творческой жизни стала работа в журнале Достоевских «Эпоха», где он был одним из деятельнейших сотрудников (см.: Нечаев в А. В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» 1864—1865 гг. М., 1975). Впоследствии, начав по примеру Ф. М. Достоевского издавать свой «Дневник писателя» (1885—1886), Аверкиев так вспоминал о своей работе в «Эпохе»: «Покойный Федор Михайлович был первым из писателей предшествовавшего поколения, признавшим во мне не только литературные способности, но — horrible dictu (страшно сказать. — В. Н.) — художественный талант. Далее я имел честь принадлежать к кружку «Эпохи», издававшей Достоевским. То был кружок людей разного возраста и воспитания; кружок, сплотившийся вокруг Федора Михайловича в силу общности умственных и нравственных запросов и стремлений и любви к искусству... Многие из мнений и взглядов, которые впоследствии с таким блеском и проповедническим жаром развивал

Достоевский, как и в «Дневнике», так и в других своих сочинениях, были общим убеждением кружка, и в первичном своем, конечно, еще далеко не совершенном виде вырабатывались дружными усилиями всех его членов» (А в е р к и е в Д. В. Дневник писателя, 1885, № 1, с. 2).

В «Эпохе» (1864, № 10) была опубликована первая драма Аверкиева «Мамаево побоище». Достоевский, действительно, возлагал надежды на его литературное дарование и особенно высоко оценил комедию о Фроле Скабееве. Из отзыва Достоевского видно (см. ниже), что Аверкиев был ему в это время идеологически близок. Однако даже в период сотрудничества в «Эпохе» консерватизм Аверкиева был более «ортодоксальным», чем позиции Ап. Григорьева и Достоевского-идеолога. У Аверкиева не было того, в сущности, бунтарского начала, которое нередко прорывалось в утопических построениях Достоевского и делало его, как и Григорьева, весьма далеким от официальной идеологии. Эти ортодоксальные тенденции в мировоззрении Аверкиева постепенно усиливались, особенно в его публицистике. В драматургии, однако, они были значительно нейтрализованы общей реалистической позицией писателя.

Утверждаясь в своих эстетических взглядах под влиянием Ап. Григорьева, первой задачей искусства Аверкиев считал правдивое и полное, многостороннее отражение жизни, и в своей писательской практике стремился к такой многосторонности. Нездаром в его исторических драмах нет идеализации старины в смысле сокрытия темных и трагических сторон патриархальной жизни — подобный тенденциозный отбор фактов противоречил бы его теоретической позиции, в проведении которой он был весьма последователен. И вообще драматургия, в которой прямое, непосредственное авторское суждение о жизни не находит места именно в силу особенностей самого этого литературного рода, оказалась более свободной от консервативных социально-политических идей, развивавшихся Аверкиевым в его публицистических и отчасти — в беллетристических произведениях.

В 1877—1878 годах Аверкиев опубликовал в «Русском вестнике» серию статей по теории драмы, изданных позднее в виде отдельного теоретического трактата.

В 1881—1882 годах вместе с Островским и Потехиным он работает в Комиссии по составлению проекта Положения об управлении императорскими театрами.

На протяжении всей жизни Аверкиев активно выступал как театральный критик-рецензент, и в этой области нашей культуры ему принадлежит заметное место. В этой роли Аверкиев последовательно отстаивал реалистическое направление на сцене и отличался повышенной требовательностью. Отчасти поэтому отношения его как драматурга с театрами складывались не слишком благополучно. Несмотря на зрительский успех его лучших драм, он был не любим театральным начальством и значительной частью актеров.

Сочинения Д. В. Аверкиева:

Драмы, т. 1—3. Спб., 1887—1896; Дневник писателя, 1885—1886. Спб.; О драме, Спб., 1893.

Литература о нем:

Данилов С. С. Современники Островского. — В кн.: Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра. М.—Л., 1948; Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.—Л., 1961; Аникст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972; Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX в. Л., 1976.

КОМЕДИЯ О РОССИЙСКОМ ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКАБЕЕВЕ И СТОЛЬНИЧЕЙ НАРДЫН-НАШОКИНА ДОЧЕРИ АННУШКЕ

Пьеса впервые опубликована в журнале «Заря», 1869, № 3. По поводу этой публикации Достоевский писал Н. Н. Страхову 6 апреля 1869 года: «Про Фрола же Скабеева хотел было написать к вам письмо, с тем, чтобы напечатать в «Заре». [...] Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после «Капитанской дочки» я ничего не читал подобного. Островский шеголь и смотрит безмерно выше своих купцов. Если же и выставит купца в человеческом виде, то чуть-чуть не говоря читателю или зрителю: «Ну что ж, ведь и он человек»... У Аверкиева не знаю, найдется ли столько блеску в таланте и в фантазии, как у Островского, но изображение и дух этого изображения —

безмерно выше. Никакого намерения. Предвзятого» (Достоевский Ф. М. Письма, т. 2. М., 1930, с. 187—188).

С. В. Шумский

Н. А. Никулина

30 декабря 1868 года комедия была впервые исполнена в Александринском театре в бенефис В. В. Самойлова, игравшего Фрола. В этом спектакле участвовали П. И. Григорьев I (Нащокин), Ю. Н. Линская (Нащокина).

В статье «Д. В. Аверкиев и его отношение к театру» (по предположению Б. В. Варнеке, ее автором был известный актер М. И. Писарев — см.: Стрелова П. А. Воспоминания и письма. М.—Л., 1934, с. 481) содержится интересный рассказ Аверкиева о работе корифея Александринского театра В. В. Самойлова над ролью Фрола и его советах по доработке текста, принятых автором:

«Фрол» [...] полюбился Василию Васильевичу Самойлову. После первого же акта он решил взять пьесу себе на бенефис. После второго он усомнился, достаточно ли он молод для Фрола. Надо сказать, что в первоначальной редакции Фрол являлся к Нащокиным, согласно повести, в виде девушки. Обстоятельство это для повести существенное; но проистекающее из него последствие по своей более чем нескромности немисливо в драме». Самойлов предложил автору сделать «небольшую уступку»: «Пусть Фрол явится старухой, ворожейей. И покажется барышне в зеркало. Подобная сцена есть, правда, в аблессимовском «Мельнике». Да ничего: хорошее и украсть не грех. — Совет Василия Васильевича показался мне дельным. Он делал роль Фрола доступно для большего числа артистов; он устранял неудобство для Фрола вести всю сцену в женском платье и самый приступ к сцене делался более свободным. Что было хорошо для повести, то и мне самому являлось не совсем удобным для драмы, но я недоумевал, как это устранить: Василий Васильевич просто открыл ларчик». Самойлов пригласил автора «пройти с ним роль». «Конечно, не я с ним, а он со мной проходил ее. В это утро я многому научился. Василий Васильевич обратил особое внимание на второй акт: «кто его одолеет, тому остальное не может представить особых затруднений». Он целых семь раз прочел вслух сцену с Аннушкой, с каждым разом все более и более входя в роль. Между прочим, стих:

А пожалела, значит полюбила,
он разгорячась прочел:

А! пожалела, значит полюбила.

— А что скажете? Ведь этак, пожалуй, лучше?

Мне оставалось взять карандаш и поставить восклицательный знак» (Ежегодник императорских театров. Сезон 1904—1905, прилож. 2. Спб., 1906, с. 276—277).

В Малом театре премьера состоялась 10 октября 1869 года в бенефис Живокини-сына. В спектакле играли: С. В. Шумский (Фрол), С. П. Акимова (мамка), Н. А. Никулина (Варвара) и др.

Комедия до сих пор удерживается в репертуаре советских театров. Так, заметным явлением в сценической истории «Фрола» был спектакль в Московском драматическом театре (постановка Б. Гончарова и М. Буткевича, художник Т. Маврина). В 1970-х годах комедия с успехом шла в Красноярском театре им. Ленинского комсомола (постановка Ю. Молчанова). В 1950 году Т. Н. Хренников написал комическую оперу «Фрол Скабеев».

Текст пьесы печатается по изданию: Аверкиев Д. В. Драммы в 3-х т., т. 1. Изд. 2-е. Спб., 1906.

Евгений Николаевич Эдельсон (1824—1868) — театральный и литературный критик, член «молодой редакции» «Москвитянина».

Тишайший — прозвище царя Алексея Михайловича (1645—1676).

... на святках... — период между церковными праздниками: Рождеством Христовым (25 дек. ст. ст.) и Крещением (6 янв. ст. ст.). В это время устраивались гулянья с ряжением, гадания и т. п.

... стольничий сын... — Стольник — старинный дворцовый чин; при Алексее Михайловиче стольники часто назначались на воеводство или несли службу в гусдаревом полку. Обычно в стольниках служили люди наиболее именитых фамилий, но изредка и незнатного происхождения.

Кружало — кабак.

... кому кабалу... — Кабала — зд. долговая расписка; речь идет о так называемой «кабале служилой», когда проценты за долг уплачивались службой заимодавцу, а должник становился «кабальным холопом». Освободиться от такой кабалы было почти невозможно,

А к воеводе? — Воевода — в описываемое время — местный правитель, назначавшийся из Москвы, власть его простиралась на все социальные слои общества.

Вершник — верховой.

... поставлю послухов... — Послух — зд. свидетель.

... только в авсень величают... — Авсень — первый день весны, марта, с которого прежде начинался новый год. Смысл выражения: величают очень редко, по праздникам.
Я зимняя, морозная Варюха. — Именины Варвары приходятся на 4 декабря ст. ст.

... хоть тебе [...] так в версту... — т. е. под пару.

... к Троице собрались... — т. е. в Троице-Сергиевскую лавру.

А мне до Фрола с Лавром что ... не лошадыми, прости господи, барышничать! — Святые Фрол (правильно — Флор) и Лавр считались покровителями скотоводства. В день Флора и Лавра крестьяне приводили к церкви освящать скот, к этому дню (18 августа ст. ст.) часто приурочивались конские ярмарки.

... звон к достойной. — Достойная — церковная служба.

Иорданка на пруду сделана... — Иордань (от реки Иордан, в которой по Евангелию происходило крещение) — прорубь; во время церковного праздника Крещения, приходившегося на 6 января ст. ст., на реке или пруду делали прорубь, к ней шли крестным ходом и совершали обряд освящения воды.

... три дни кряду пировать станем. — Герой пьесы имеет в виду, что — 4 декабря именины Варвары, 5 декабря — Саввы, 6 декабря — Николая (все даты по ст. ст.).

КАШИРСКАЯ СТАРИНА

Пьеса впервые напечатана в журнале «Русский вестник» (1872, № 1) уже после шумного успеха драмы в московском Малом театре, где премьера состоялась 9 декабря 1871 года.

И. Н. Захарьин-Якунин, театральный критик и автор интересных мемуаров, вспоминает об этом спектакле: «В [...] сезон 1871—1872 года на сцене Малого театра Москвы, в бенефис Г. Н. Федотовой, была поставлена пьеса, колоссальный успех которой был равен успеху самых выдающихся пьес, шедших в этом театре раньше, в его лучшие времена — «Горя от ума», «Ревизора», «Свадьбы Кречинского» и др.: это была народная трагедия «Каширская старина» [...] Пьесу эту пересмотрела «вся Москва», она шла до самого конца сезона, билетов в кассе «обыкновенным смертным»

не выдавали, и театральные барышники наживали тысячи, продавая места по двойной и тройной цене...

Никогда, ни раньше, ни позже, я не видал таких шумных и необычайных оваций, которых удостоились в этот спектакль бенефициантка, автор, а также и все остальные исполнители. Зато ведь и какой же был состав артистов в этот вечер! — по всей вероятности, пьесе г. Аверкиева никогда уже не суждено иметь подобных исполнителей в будущем. Вот эти достославные в истории русского театра имена: Марьицу играла Федотова, Глашу — Никулина, Живулю — Садовский (отец), Бородавку — Шумский, его жену, Дарьицу, — Васильева (Е. Н.), Пелепёлиху — Акимова, Коркина — Сама-

Г. Н. Федотова

*Г. Н. Федотова в роли Марьицы
и Н. А. Никулина в роли Глаши*

рин, Савушку — Решимов, его брата, Абрама, — Живокини-сын, Василия Коркина — Вильде... О силе и таланте этого даровитейшего персонала можно сказать лишь следующее: самыми слабыми из исполнителей считались тогда Вильде и Решимов; теперь же оба эти артиста были бы на сцене, например, Александринского театра звездами первой величины — после гг. Варламова и Давыдова» (З а х а р ь и н-Я к у н и н И. Н. Русский театр прежде и теперь. Спб., 1903, с. 303—304).

В Александринском театре премьера «Каширской старины» состоялась 27 сентября 1872 года. В Петербурге пьеса была принята хуже, чем в Москве. А. С. Суворин писал об авторе пьесы: «... Он написал нечто весьма посредственное, не лишённое сценичности, впрочем, и рассчитанное на балаганную публику и на верхи (т. е. галерку. — В. Н.), Верхи точно блаженствовали» (Новое время, 1872, 29 октября).

По-настоящему открыла эту пьесу для петербургской публики П. А. Стрепетова, сыгравшая Марьицу на сцене Александринского театра в 1882 году. Она выступила в этой роли 23 января, а на следующий день «Новое время» опубликовало письмо Аверкиева к редактору газеты, где автор пьесы благодарит Стрепетову и даёт выразительнейшее описание её игры: «Она владеет качеством, самым редким в искусстве, трагической задушевностью; она вполне трагическая актриса, вот отчего в голосе её слышны ноты, которые вам кажутся с первого раза странными, потому что вы не привыкли слышать их со сцены, но которые поражают вас своей глубокой правдивостью. Вот отчего у нее так ясен и отчетлив трагический перелом роли. Перед вами милая и добрая девушка, как бы примирившаяся со своим страданием, в самом горе последних мгновений разлуки видящая своего рода счастье. Но, глядите, ее обуяло предчувствие самого великого горя, возможности измены любимого человека, и де-

вushка мгновенно вырастает, она становится могучей женщиной. Что-то трагически роковое звучит в голосе г-жи Стрепетовой, когда она заклинает Василия вечно любить ее; такие-то мгновения в артистической игре и именуются трагическим пафосом. Оттого что исполнение г-жи Стрепетовой дышит трагической задумчивостью, вы не часто замечаете ее жеста; она не красуется им, не преподносит его публике для вящего любования. Но когда, например, в четвертом акте при словах

А над собою мне смеяться полно!

артистка, ударяя себя в грудь, вдруг выпрямляется и вырастает в глазах зрителя, то вся зала восторгалась, как один человек. И этого движения, этого жеста не забудет никто из зрителей: он навсегда запечатлется в его душе» (Новое время, 1882, 24 января).

На следующий день Суворин в своей рецензии присоединяется к мнению Аверкиева об игре Стрепетовой. «Это что-то захватывающее, глубоко правдивое и вместе с тем сдержанное, указывающее ту меру в изображении страсти, которая заставляет забывать, что перед вами сцена. В этом акте (имеется в виду IV действие. — В. Н.) дело идет не о любви, но о выражении презрения, насмешки, гордости, о выражении того чувства оскорбленного самолюбия женщины, когда она забывает любовь, которую наполнено ее сердце, чтобы излить над своим возлюбленным весь свой гнев, чтобы силою ядовитой насмешки и своей непреклонной силой характера заставить его почувствовать свою вину. В исполнении других артисток эта сцена обращается во что-то истерическое и жалобное и потому не объясняет гнев Василия: г-жа Стрепетова, напротив, показывает сильную девушку, которую нельзя оскорблять безнаказанно и которая умеет мстить и умеет умереть, когда не остается для жизни ничего. Не возвышая голоса, но меняя его постоянно, с тем внутренним жаром, который владеет в это время Марьей, г-жа Стрепетова придает этой сцене удивительное разнообразие и рельефность» (Новое время, 1882, 25 января).

Советский театр включил в репертуар эту драму Аверкиева. Большой и прочный зрительский успех имел, например, спектакль Московского театра драмы и комедии (постановка Н. Волконского, 1946 г.), продержавшийся в репертуаре около десяти лет.

Текст пьесы печатается по изданию: А в е р к и е в Д. В. Драммы в 3-х т., т. I. Изд. 2-е. Спб., 1906.

Вотчинник — владелец вотчины, земельного имущества, с правами полной частной собственности, передаваемой по наследству. В допетровской Руси вотчина отличалась от поместья — земельного имения, назначавшегося в личную, условную собственность за определенную службу. При Петре это различие исчезло.

Однодворец — однодворцы, или четвертные крестьяне — особое военно-земледельческое сословие, образовавшееся из служилых людей низших разрядов. Служилым людям давали земельный надел для ведения хозяйства «одним двором» в тех местах, которые они должны были защищать от набегов ногайцев, крымских татар и др. Впоследствии, когда границы отодвинулись, однодворцы в отношении податей и несения военной службы были приравнены к государственным крестьянам.

П. А. Стрепетова

Рундучок — эд. мощное возвышение с приступками.

...окрутились... — эд. оделись, нарядились.

...разговены, Петров день... — 29 июня ст. ст., конец многодневного Петрова поста (начинавшегося с 24 мая ст. ст.).

... Покров придет, девок венцом покрывать станет... — Покров — церковный праздник, приходившийся на 1 октября ст. ст., когда заканчивались сельскохозяйственные работы. В крестьянском быту это время свадеб.

... князь молодые... — В народном свадебном обряде невесту называли княгиней, жениха — князем.

... бери пилу-то! — анахронизм, в допетровской Руси пилы не знали.

Базга — бранное обращение к старику, то же, что «старый хрыч».

Повалуша — летняя холодная общая спальня в избе.

... на Елисея на пророка... — Имеется в виду день памяти пророка Елисея 14 июня ст. ст.

... Гог и Магог придут... — По эсхатологическим представлениям юдаистской, христианской и исламской религии названия народов-антагонистов «народа божьего», которые придут в последние времена мира (см.: Бытие, X, 2; Парамепоменон I, 5; Иезекииль, 38, 39; Апокалипсис, XX, 7—9).

... в окольных бывали. — Окольный — второй после боярина чин в Московской Руси, окольными поручались те же дела, что и боярам.

... при царике... — т. е. при Лжедмитрии I (был царем с 1605 года по 1606 год).

Василий Иванович *Шуйский* (1552—1612) — с 1606 по 1610 год был русским царем.

Прокопий Петрович *Ляпунов* (ум. в 1611 г.) — рязанский дворянин, один из деятелей Смутного времени, возглавлял так называемое первое ополчение.

Козьма Захарыч *Мишин-Сухорук* (ум. в 1616 г.) — нижегородский купец, глава народного ополчения, освободившего в 1612 году Москву от польских интервентов.

Остожники — народное название церковного праздника Успения божьей матери (15 августа ст. ст.).

Вздвижение (правильно: воздвижение креста) — церковный праздник (14 сентября ст. ст.).

Н. Я. Соловьев (1845—1898)

Николай Яковлевич Соловьев родился в Рязани в семье архитектора. Окончил Калужскую гимназию; учительствовал, затем был вольнослушателем Московского университета, но по бедности ушел из него и стал уездным учителем; начал писать пьесы, которые не были приняты на сцену. В 1874 году Соловьев поступил послушником в Николо-Угрешский монастырь, где продолжал писать пьесы. Здесь на него обратил внимание известный консервативный публицист и писатель К. Н. Леонтьев, который, заметив одаренность Соловьева, познакомил его с Островским.

В соавторстве с великим драматургом Соловьев написал четыре пьесы: «Счастливый день», «Женитьба Белугина», «Дикарка», «Светит да не греет». В этот же период Соловьев самостоятельно пишет «На пороге к делу».

Взаимоотношения Соловьева с Островским были непростыми, они осложнились и нелегким характером Соловьева и вмешательством Леонтьева, которому не нравилось идеологическое влияние Островского на молодого драматурга. Леонтьев хотел сделать из Соловьева защитника консервативных идей (см. об этом: Данилов А. Л. С. В «академии» Островского. — В кн.: А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л., 1974; Дунаева Е. Н. Островский в переписке Н. Я. Соловьева и К. Н. Леонтьева. — В кн.: Литературное наследство, т. 88, кн. I. М., 1974). Но разночинцу Соловьеву демократизм Островского был ближе, чем монархический консерватизм Леонтьева.

После того как творческий союз драматургов распался, Соловьеву не удалось создать ничего равного пьесам, написанным в соавторстве с Островским.

Сочинения Н. Я. Соловьева:

Собрание драматических сочинений в двух томах. Спб., 1910; Островский А. Н. и Соловьев Н. Драматические сочинения. Спб., 1881; Островский А. Н.

Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. 8. М., 1977 (пьесы, написанные в соавторстве); Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева.— В кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 42. Литературный сборник 1, Кострома, 1928.

Л и т е р а т у р а о н е м :

Данилова Л. С. Из истории творческих взаимоотношений Островского и Соловьева.— Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 219. Л., 1961.

НА ПОРОГЕ К ДЕЛУ

Впервые пьеса опубликована в журнале «Дело», 1879, № 10. Первые постановки состоялись в Петербурге 26 января 1879 года в бенефис А. А. Нильского и в Москве 2 февраля 1879 года в бенефис Н. А. Никулиной.

Пьеса была написана во время пребывания Соловьева в имени Островского Щельково. Островский принимал большое участие в судьбе этой комедии, сам следил за ее постановкой в Малом театре. Когда Островскому сообщили, что в Петербурге распространялся слух, будто пьеса «На пороге к делу» написана Соловьевым в соавторстве с Н. И. Куликовым (псевдоним — Н. Крестовский; актер и драматург, 1812—1891.— В.Н.), Островский ответил: «Пьесу «На пороге к делу» Соловьев написал всю сам и писал ее у меня в деревне, история о сотрудничестве есть выдумка, даже неправдоподобная» (XI, 63).

Позднее соавтором Соловьева нередко называли самого Островского. Это недоразумение было вызвано, кроме различных слухов, еще, вероятно, тем, что комедия была напечатана в издании: Остр ов с к и й А. и С о л о в ь е в Н. Драматические сочинения. Спб., 1881.

То, что Островский не принимал участия в непосредственной работе над текстом, подтверждается его письмом Соловьеву, в котором он, радуясь успеху пьесы, пишет: «Жаль, что Вы со мной не посоветовались; чтобы придать Вашему произведению вполне законченную литературную форму, более двух часов работы не потребовалось бы, и я сделал бы это для вас с большим удовольствием» (XI, 634).

О петербургской постановке Соловьев сообщил Островскому: «... несмотря на дурную репетовку и плохое знание ролей, пьеса имела успех. Хорош был Варламов — Акимыч, недурен Нильский — Шалеев, но Горбунов — Буровин очень слаб и вдобавок выдумывал много своего». О Савиной в роли Лониной Соловьев писал после премьеры: «Савина не совсем на месте в этой учительнице», а спустя некоторое время: «Савиной, я вижу, решительно не по характеру роль Лониной» (Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева.— В кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 42. Литературный сборник 1. Кострома, 1928, с. 51—53).

О характере игры Савиной дает представление рецензия «Голоса». «При своей чисто пассивной роли г-жа Савина (учительница) не могла, как во многих других пьесах, роскошествовать обилием молодой жизни, полудетской веселостью и шаловливостью, тонким кокетством и неподражаемой грацией. Для всего этого роль не представляла ни малейших данных, даже тех задушевных нот, которые так поразительно удаются нашей даровитой ingenue, в роли учительницы нет. Но г-жа Савина нашлась и тут: не пересаливая тона оскорбленного достоинства, [...] оттенив добродушие, терпение, кротость молодой девушки, борьбу природной веселости характера с ужасающим положением, в которое она попала, несравненная артистка сумела из неблагоприятного материала создать симпатичную и привлекательную фигуру» (Голос, 1879, 28 января).

О премьеры в Малом театре Островский сообщал Соловьеву: «Многоуважаемый Николай Яковлевич, поздравляю Вас с огромным успехом. [...] Играли все хорошо; Ермолова провела роль прекрасно и была вызываема по несколько раз всем театром после каждого акта; Музиль (Тесов) и Макшеев (Акимыч) играли превосходно, их тоже вызывали по несколько раз; роль Буровина была исполнена Садовским с такой энергией и с таким блеском, что, по отзывам самых компетентных людей, подобного исполнения крестьянина давно не запоминают на нашем театре» (XI, 636).

Об исполнении Ермоловой роли Лониной П. Д. Боборыкин писал: «Ермолова создана природой для таких учительниц, и лицо, и голос, и тон, и манеры — все подхо-

К. А. Варламов

М. П. Садовский

М. Г. Савина

М. Н. Ермолова

дальше. Она оставалась всю пьесу простой и правдивой и внушала к себе сочувствие в зрителях» (Русские ведомости, 1879, 6 февраля). Ермоловская трактовка роли Лониной сделала спектакль общественным событием, так как она усиливала демократическое звучание роли, особо подчеркивались слова героини («Есть сильней меня, лучше, есть и такие, которые могут бороться и не сломит их ничто!» Эта реплика вызывала рукоплескания молодежи).

Ортодоксальная народническая критика отнеслась к пьесе резко отрицательно. Так, рецензия П. В. Засодимского называлась «Современный пустоцвет» (Русское богатство, 1880, ноябрь, с. 28—48).

Текст пьесы печатается по изданию: Островский А. и Соловьев Н. *Драматические сочинения*. Спб., 1881.

А. Н. Майков (1821—1897) — русский поэт.

Еще в инвалиде-то никогда не состояли, а по антидерию...— Имеются в виду инвалидные команды, создававшиеся из старых, пострадавших от ран или болезней солдат, для несения вспомогательной военной службы.

...к предводителю!— Имеется в виду предводитель дворянства.

П. М. Невежин
(1841—1919)

Петр Михайлович Невежин учился в Московском кадетском корпусе, участвовал в русско-турецкой войне, был ранен. Первые написанные Невежиным пьесы не пропустила цензура. Невежин обратился к Островскому, который предложил ему сотрудничество, и в 1880 году совместно ими была написана комедия «Блажь». Следующую пьесу «Старое по-новому» Невежин написал один и передал для постановки в Александринский театр. А. А. Потехин отверг ее, найдя «очень слабою и по замыслу, и по исполнению, сделанною притом грубо, аляповато и, главное, скучно», о чем он писал Островскому (Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.—Л., 1932, с. 465—466). По просьбе Невежина, пьеса была переработана Островским, который затем всячески хлопотал о постановке ее в императорских театрах, где она пошла под фамилией одного Невежина. Впоследствии Невежин изменил текст, доработанный Островским, в значительной мере вернувшись к своему раннему варианту, и включил пьесу в собрание своих сочинений без имени соавтора. Текст в редакции Островского включается обычно в собрания его сочинений как написанный в соавторстве с Невежиным.

Войдя в литературу с помощью Островского, Невежин сделался одним из популярных авторов тенденциозных драм. Такие его пьесы, как «Сестра Нина» и особенно «Вторая молодость», были чрезвычайно репертуарны. Однако и тогда наиболее серьезные театральные деятели понимали ограниченность Невежина-драматурга. Так, А. И. Южин иронически писал о нем: «Ему здорово то, что другому смерть. Нет языка — на пользу: язык, мол, не книжный; нет характеров — на пользу: все, мол, у него удивительно жизненно — даже характеров нет; положение заимствовано — на пользу: никто, кроме г-на Невежина, не умеет брать так много из окружающей его действительности...» (Южин А. И. Воспоминания. Записи. Статьи. Письма. М., 1951, с. 72).

Сохраняют свое значение воспоминания Невежина об Островском (см.: А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966); исследователи отмечают, однако, что данные в них сведения о характере сотрудничества Островского и Соловьева искажают реальную картину взаимоотношений соавторов.

Сочинения П. М. Невежина:

Драматические сочинения, т. 1—2. М., 1898—1901; *Собрание сочинений*, т. 1—12. Пб., 1909—1911; Островский А. Н. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. 8. М., 1977 (пьесы, написанные в соавторстве).

Литература о нем:

Зюгаф Н. Г. *Малый театр второй половины XIX в.* М., 1960; Зюгаф Н. Г. *Малый театр конца XIX — начала XX века.* М., 1966; Осипова Л. Ф. *Чехов и драматургия 80-х годов.*— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 163. М., 1960.

ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

Впервые пьеса напечатана в литографированном издании в 1887 году.

«Вторая молодость» — самая известная пьеса Невежина. Когда в 1913 году отмечалось тридцатипятилетие его литературной деятельности, «Ежегодник императорских театров» писал: «27 июня исполнилось 35-летие литературной деятельности маститого драматурга, впервые выступившего в сотрудничестве с Островским (пьеса «Блажь»), а затем давшего сцене пьесу «Вторая молодость», которая имела выдающийся успех в столичных императорских, частных и провинциальных театрах; пьеса эта написана ярко, сценично, дает ряд благодарнейших ролей для артистов и будит чувство доброе [...] В исполнении Стрепетовой и Федотовой пьеса производила потрясающее впечатление» (Ежегодник императорских театров, 1913, № 7, с. 125).

Впервые пьеса появилась на сцене в Малом и в Александринском театрах осенью 1887 года. Все рецензенты отмечали прежде всего актуальность темы, объясняя именно этим выдающийся успех спектакля.

А. И. Южин

М. И. Писарев

В «Московском фельетоне» рецензент «Нового времени» писал: «Теперь, после длинного ряда неудачных новинок, поставлена в Малом театре «Вторая молодость» г. Невежина. В одну неделю пьеса эта успела выдержать пять представлений с полным сбором. Дело давно неслыханное, успех вполне заслуженный [...] Наша публицистика, наши юристы давно говорят о необходимости изменения разводных законов; г. Невежин доказывает нам ту же тему в конкретных образах, полных жизни и правды. Есть в его пьесе грехи, есть резкие переходы, но все эти мелочи ступшевываются перед цельностью и силой общей картины» (Новое время, 1887, 24 октября).

Известный театралый критик М. Н. Ремезов так оценивал постановку Малого театра: «Чуткий к «злобам дня», автор положил в основу своей драмы очень современный и очень серьезный вопрос о разводе. [...] Жена и дети Готовцева примирились с разлукой, они приняли совершившийся факт и уже без больших страданий приняли бы и предложение о разводе, если бы для развода не потребовалось позора высоко нравственной женщины, матери достойной семьи. (По существовавшему тогда законодательству Готовцев мог получить развод с правом заключить новый брак, только мотивируя разрыв прелюбодением жены.—*В. Н.*) В этом, по нашему мнению, заключается все значение пьесы Невежина, в этом живая драма, разыгрывающаяся не на сцене только, а в действительной жизни [...] Лучше всех и безукоризненно ис-

полнена роль вдовы Сеткиной г-жой Никулиной, вызвавшей свою игрою единодушные аплодисменты и вызовы. Г-жа Уманец-Райская и г. Ожин очень хорошо сыграли свои роли (Телегина и Виталий.— *В.Н.*), тем более ответственные, что они недостаточно рельефны и страдают некоторой неопределенностью. Что же касается г-жи Федотовой, то, при всем нашем уважении к высокому таланту и заслугам нашей первой артистки, мы вынуждены сказать, что исполнение ею роли Готовцевой далеко не привело нас в восторг. Г-жа Федотова с первого выхода на сцену повела игру в столь плачевном тоне, что удивляться надо, как это Готовцев мог счастливо прожить много лет с такой несносной супругой и давно не сбежал от этой дамы печального образа» (Русская мысль, 1887, № 11, с. 208).

Горячо приняла пьесу и петербургская публика. «Пьеса имела решительный успех и, несмотря на ее крупные недостатки, заключает в себе действительные элементы драмы. [...] Исполняется пьеса ровно. У г-жи Стрепетовой есть два прекрасные места — объяснение героини с своим мужем и с его любовницей. Вся душа говорила в артистке. Г. Аполлонский хорошо исполнил роль молодого человека, просто и с чувством. Мичурин очень выразительно читает одну сцену в первом акте [...] г. Писарев поднял роль мужа до трагизма. Может быть этого и не надо было, но это смягчило авторское довольно неуклюжее создание» (Новое время, 1887, 18 ноября).

Пьеса долго не сходила со сцены. Интересное свидетельство об исполнении и восприятии пьесы в Театре Петроградской коммуны оставил А. А. Блок, анализирувавший прежде всего реакцию зрительного зала на старую пьесу.

«Второй акт «Второй молодости» Нежевина. Зал почти полный. Слушают внимательно. С актерами есть связь. Актеры знают, что нравится залу. Крик под занавес вызывает восторг. Актеров несколько раз вызывают. Нравится не только мелодраматический оттенок пьесы, который есть у автора и который подчеркивается актерами, но и психологические черточки, условности, разнообразие душевных движений, ношение платьев, повадка, все те неисчислимые мелочи, которые актеры плохо ли хорошо ли подчеркивают. [...] аплодисменты бурные, и, после спуска занавеса, видишь среди публики лица задумчивые, напряженные, полные тем, что происходило на сцене. [...] Вывод мой таков: если Нежевин влечет публику, но не влечет нас, это не значит, что мы должны изгонять Нежевина, а значит, что мы должны постараться дать ему новое окружение» (Блок А. А. Собр. соч. в 12-ти т., т. 12. М., 1936, с. 104—107).

Текст пьесы печатается по изданию: Нежевин П. М. Драматические сочинения, т. 2. М., 1901.

ажитируется (уст. от *фр.*) — волнуется, возбуждается.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
Русская драма эпохи А. Н. Островского	6
В. А. Соллогуб	
Сотрудники, или Чужим добром не наживешься	43
Чиновник	73
А. А. Потехин	
Суд людской — не божий	101
Мишура	144
И. Е. Чернышев	
Жених из долгового отделения	192
Д. В. Аверкиев	
Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей Нардын-Нащокина дочери Аянушке	217
Каширская старина	283
Н. Я. Соловьев	
На пороге к делу	355
П. М. Невежин	
Вторая молодость	397
Статьи и комментарии	439

РУССКАЯ ДРАМА ЭПОХИ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Заведующая редакцией М. Д. Потапова
Редакторы Т. А. Золотова, М. И. Шлаин
Переплет художника И. С. Клейнарда
Художественный редактор Л. В. Мухина
Технический редактор К. С. Чистякова
Корректоры М. И. Эльмус, Л. А. Костылева, Л. А. Кузнецова

Тематический план 1984 г. № 171

ИБ № 1427

Сдано в набор 09 09 83 Подписано к печати 17 09 84 Л79064. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага тип № 2 Гарнитура литературная Офсетная печать Усл печ л 29,0
Уч.-изд л 33,23 Тираж 100 000 экз Заказ 31850 Цена 2 р 80 к Изд № 2493.

Издательство Московского университета 103009, Москва, ул Герцена, 5/7

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г Кишинев, ул Берзарина, 35

